ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

RUSSIAN EPIC POETRY OF SIBERIA AND THE FAR EAST

NOVOSIBIRSK
NAUKA PUBLISHING HOUSE
SIBERIAN BRANCH

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ УЧАСТВУЮТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

●

ИНСТИТУТЫ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

●

СОВЕТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

●

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РСФСР

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ СССР
ВСЕСОЮЗНАЯ КОМИССИЯ ПО НАРОДНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
ИНСТИТУТ ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ им. Н. К. ЧЕРКАСОВА

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ РСФСР
КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА

ВСЕСОЮЗНОЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ФИРМА МЕЛОДИЯ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н. А. Алексеев, Э. Е. Алексеев, В. М. Гацак (зам. главного редактора), *А. П. Деревянко* (главный редактор), *Н. В. Емельянов, И. И. Земцовский, А. С. Каргин, Х. Г. Короглы, А. И. Крушанов, Е. Н. Кузьмина, Д. С. Лихачев, Ю. С. Мелентьев, Б. Н. Путилов, В. М. Санги, Ю. И. Смирнов, А. Б. Сохтоев* (зам. главного редактора), *М. И. Тулохонов, Е. И. Убрятова, Ю. И. Шейкин*

Художественное оформление серии
А. А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО АН СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМИССИЯ ПО НАРОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ
СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР

КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ РСФСР

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РСФСР

Издание подготовили
Ю. И. Смирнов и *Т. С. Шенталинская*

Фотоиллюстрации
Б. В. Дмитриева

Редакторы музыкальных разделов
И. И. Земцовский, Э. Е. Алексеев

ББК 82.3Р—6
Р89

Рецензенты
кандидат филологических наук *Т. А. Агапкина*
кандидат филологических наук *Н. М. Ведерникова*

Утверждено к печати
Институтом филологии СО АН СССР

Ответственный редактор тома
доктор филологических наук *Б. Н. Путилов*

НАСТОЯЩИЙ ТОМ ИЗДАН НА СРЕДСТВА ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЦЕНТРА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Р89 **Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока** / Сост. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 499 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ISBN 5—02—029729—1.

Книга представляет собой первое в отечественной фольклористике сводное издание русских эпических произведений — былин, баллад, скоморошин, сказок на былинные сюжеты, исторических песен XVI—XVIII вв., записанных в Сибири и на Дальнем Востоке. Среди публикуемых текстов приводятся и образцы записей от представителей автохтонных народов. Научный аппарат книги, уникальный по своей полноте, содержит разнообразный справочный материал, словарь и указатели. Ценность изданию придают нотные записи эпических песен, грампластинка.

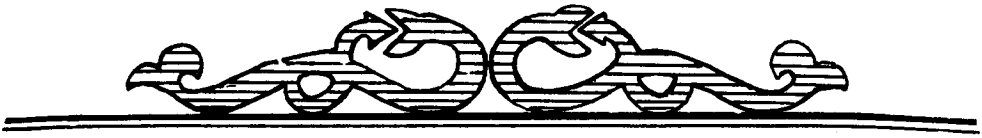
Книга рассчитана на фольклористов, литературоведов, этнографов, ценителей устного народного творчества.

Р $\frac{4702000000-230}{042(02)-91}$ 91 I полугодие

ББК 82.3Р—6

ISBN 5—02—029729—1

© Издательство «Наука», 1991

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка.

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение, или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить, путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому произведению или варианту.

В состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)
«Очы-Бала». Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Бурятский фольклор (в 7 т.)
«Аламжи Мэргэн». Героический эпос
«Осодор Мэргэн». Героический эпос
Волшебные сказки
Новеллистические сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Мифы и предания

*

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Волшебные сказки и о животных
Легендарные и бытовые сказки
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная поэзия

*

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Эвенский фольклор (в 2 т).
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

*

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Якутский фольклор (в 6 т.)
«Кыыс Дэбилийэ» Героический эпос
«Модун Эр Соготох». Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы и предания

*

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Азиатских эскимосов
Юкагирский

Вступительная статья к серии помещена в первом томе — «Эвенкийские героические сказания».

Вышли в свет:

в 1990 г.

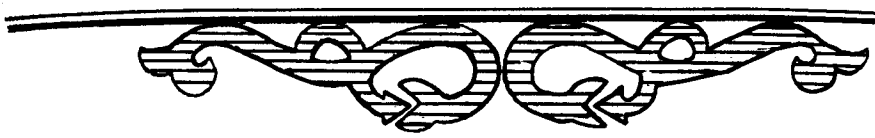
ЭВЕНКИЙСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

в 1991 г.

«АЛАМЖИ МЭРГЭН». Бурятский героический эпос

Готовятся к печати:
1992 г.

«КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ». Якутский героический эпос
БУРЯТСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ
РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
(легендарные и бытовые)

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ВРЕМЯ ОТСЧЕТА БЫТОВАНИЯ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

По известным сведениям из исторических источников, русское население тех мест Сибири, где обнаружены эпические произведения (былины, сказки на былинные сюжеты, баллады и исторические песни), было непременно смешанным по происхождению. В одних пунктах состав его менялся неоднократно, в других — какая-то часть первоначального населения постоянно пополнялась выходцами из других мест. Такой состав жителей подтверждается повсеместным смешанным или многослойным характером зафиксированного эпического репертуара в русских поселениях Сибири.

За Уралом русская эпическая традиция начинала бытовать каждый раз с того момента, как только туда приходили ее носители. Однако этот момент не следует отождествлять с точкой отсчета времени бытования русской эпической традиции, как это представлялось некоторым фольклористам (И. Г. Парилову, А. И. Лазареву и др.). Именно из-за смены состава населения дату основания какого-либо поселения (поначалу обычно — укрепленного пункта, острога) в большинстве случаев нельзя принимать за точку отсчета бытования эпических произведений, записанных там в XIX—XX вв. Надлежащим ориентиром для определения точки отсчета времени бытования эпических произведений служат не даты основания населенных пунктов, а родословные людей, от которых эти произведения записаны: чем старше местная родословная современного исполнителя, тем вероятнее, что его текст восходит к репертуару его же предка, некогда тут поселившегося. В пределах короткой, не более 300- и редко 350-летней истории русского устойчивого населения Сибири и благодаря значительному числу сохранившихся документов проследить родословную конкретных носителей эпических произведений оказывается вполне возможным. Наши пробные разыскания в этом плане, кратко описанные в этой статье и в примечаниях к некоторым текстам, надеемся, должны убедить сомневающихся в необходимости последующих поисков, углубленных и охватывающих архивы.

До сих пор историков, насколько известно, почти не занимали родословные русских старожилов Сибири, а фольклористам просто не под силу соответствующие разыскания. Между тем именно выявление родословных у носителей эпических произведений позволило бы сопоставить и сблизить этносоциальные результаты исследований историков и фольклористов.

По имеющимся сведениям, которые, наверное, еще будут уточняться, время отсчета бытования русских эпических произведений в кругу тех старожилов, чьи потомки встретились собирателям в XIX—XX вв., и для поселений на среднем Енисее, на Ангаре, Илиме, верхней Лене, Нижней Тунгуске, нижней Индигирке и Колыме начинается с XVII в. (не ранее 40-х гг., а чаще со второй половины столетия), для поселений на Иртыше, Алтае, в Забайкалье, на средней Лене — с XVIII в., для поселений на Анадыре, в Туве, на Амуре и в других местах Дальнего Востока — с XIX в. В отношении ряда мест, в особенности Притоболья, откуда имеются спорадические записи, пока нельзя сказать ничего определенного.

Локальные эпические репертуары в Сибири, как, впрочем, и в европейской части страны, отнюдь не оставались неизменными на протяжении всего времени. Что-то из них навсегда исчезало вместе со смертью носителей: эпидемии часто выкашивали целые поселения; адаптация к местным условиям и к местным видам пищи также требовала своих жертв. Что-то, напротив, прибавлялось благодаря приходу новых поселенцев или в ходе контактов старожилов с соседями, с квартирующей воинской (казачьей) командой и пр. Как менялся во времени состав локальных эпических репертуаров, навсегда останется неизвестным. Вплоть до последнего времени собиратели даже не ставили своей целью полностью исчерпать репертуар встреченных исполнителей и тем более предельно зафиксировать эпический репертуар посещенного ими поселения. Можно с уверенностью утверждать, что в Сибири бытовало значительно больше русских эпических произведений, нежели их записано, и отчасти это подтверждается вкраплениями незафиксированных произведений в составе записанных текстов (см. примеч.).

С учетом своеобразия истории заселения и нынешних знаний о локальных эпических репертуарах, а также в надежде на уточнения и добавления в ходе будущих полевых поисков русскую эпическую традицию за Уральским хребтом можно рассматривать по следующим районам ее бытования: 1) бассейн Оби и Иртыша; 2) Алтай и Тува; 3) бассейн Енисея и Ангары; 4) бассейн Лены и верховье Нижней Тунгуски; 5) нижняя Индигирка; 6) бассейн Колымы и Анадыря; 7) Забайкалье и Приамурье; 8) прочие места — Приморье, Сахалин, Камчатка. В последующем, если где-то число записей окажется внушительным настолько, что благодаря этому обрисуются контуры локального репертуара, станет возможным и выделение каких-то иных районов.

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В БАССЕЙНЕ ОБИ И ИРТЫША

В этом самом обширном за Уралом районе бытования русских эпических произведений, где русские стали поселяться раньше, чем в других местах Сибири, и где их численность была значительной уже в XVII в., целенаправленный

поиск эпических текстов не проводился. Совершенно не записывали русские эпические песни на самой Оби. Несколько повышенное внимание собиратели уделяли казакам Сибирского казачьего войска. Почин сделал Г. Н. Потанин. В пору, когда о русском эпосе судили главным образом по сборнику КД и небольшим публикациям (например, в ПОНЯС), еще до массовых записей П. Н. Рыбникова в Олонецкой губ., молодой казачий офицер Г. Н. Потанин в пылу своего увлечения «естественной историей» не преминул все же заметить, что́ пели казаки Иртышской военной линии [1], и даже записал несколько текстов во второй половине 50-х гг. XIX в. Лишь на рубеже XIX—XX вв. к собиранию фольклора среди казаков Сибирского казачьего войска обратились другие собиратели — В. Плотников, П. Петров, А. А. Шренк. С изданием официозного сборника ПСК, опубликованного без надлежащей паспортизации текстов, интерес к казакам прекратился, а последующие бурные события вовсе прервали какие-либо фольклористические обследования казачьих поселений.

Иначе складывалось собирание эпических текстов в крестьянских поселениях в бассейне Оби и Иртыша. Хотя крестьяне там составляли большую часть русских поселенцев уже со второй половины XVII в., на них собиратели почти не обращали внимания вплоть до середины XX в. Известны лишь единичные фиксации текстов, содержащие эпические сюжеты и мотивы, на протяжении доброго столетия, от А. Н. Зырянова, записывавшего в районе Шадринска в середине XIX в., П. А. Городцова (начало XX в.) и Н. Е. Ончукова (1926 г.), работавших в районе Тобольска, и других до И. Г. Парилова (1942—1943 гг.) [2] и И. С. Купалова-Коровина (1955 г.). Положение стало меняться к лучшему в послевоенное время, когда среди преподавателей западно-сибирских пединститутов появились фольклористы, положившие начало регулярным студенческим экспедициям. Первым из них был В. А. Василенко, проведший из Омска несколько экспедиций в 1950-х гг. Его работу в Прииртышье с большим размахом продолжила Т. Г. Леонова, к которой позже присоединились Л. В. Новоселова, Н. К. Козлова и др. Судя по результатам, омские собиратели не ставили перед собой задачу выявить бытование эпических текстов, но и не отказывались от их записи в тех случаях, когда исполнители сами предлагали такие тексты. Помимо нескольких сказок об Илье Муромце им удалось записать несколько десятков баллад и отдельные исторические песни. В последние два десятилетия собирательскую работу в Притоболье стала вести В. П. Федорова из Курганского пединститута, с нею иногда сотрудничал М. Г. Екимов, работник местного ОНМЦ. Им случилось обнаружить бытование нескольких старинных баллад и даже былины «Илья и татарин» (см. № 237), что является добрым предзнаменованием возможных будущих находок русских эпических текстов в бассейне Тобола.

Итоги собирания эпических произведений в бассейне Оби и Иртыша пока выглядят скромно. Всего зафиксировано 39 сюжетов, представленных

---

[1] Крепости по Иртышу от Омска до Усть-Каменогорска строились в течение 1715—1720 гг.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. — М., 1955. — Т. III, ч. 1. — С. 147, 159. Устойчивые казачьи поселения сложились там, разумеется, позже.

[2] Он, правда, только объявил о своих записях сказок на былинные сюжеты на р. Кеть, правом притоке Оби (Парилов, с. 9, 13, 30, 51), но почему-то не нашел им места в своем сборнике, в отличие от сказок лубочного и книжного происхождения. Местонахождение его записей с былинными сюжетами нам неизвестно.

162 записями, причем две трети из этих записей приходится на варианты нескольких баллад типа «Муж жену губил», «Молодец манит девушку в Казань» и др.:

Репертуар жителей бассейна Оби и Иртыша

Название сюжета	Кол-во записей
1. Илья Муромец и Святогор	3
2. Скимен-зверь	1
3. Исцеление Ильи Муромца	5
4. Алеша Попович и Змей Тугарин	1
5. Илья Муромец и Соловей-разбойник	3
6. Князь Владимир и Илюшка сын Матросов	1
7. Михайло Потык	1
8. Царь Соломан	(1)
9. Сухман (?)	1
10. Илья Муромец и Калин-царь	1
11. Илья Муромец и татарин (сын)	1
12. Илья Муромец и турок	1
13. Теща в плену у зятя	6
14. Девушка бежит из плена	1
15. Братья-разбойники и сестра	6
16. Угрозы девушки молодцу	1
17. Муж-разбойник	4
18. Отъезд Добрыни	1
19. Добрыня и Алеша	1
20. Муж губит жену по клевете матери (Донец)	5
21. Муж жену губил	41
22. Князь Волконский и ключник	1
23. Небылица	1
24. Молодец манит девушку в Казань	23
Молодец манит девушку в Нарым	1
Соловей кукушку уговаривал	24
Соловей манит кукушку в Казань	1
25. Кострюк	4
26. Ермак в казачьем кругу	1
27. Ермак у Ивана Грозного	1
28. Усы	2
29. Разин уплывает из острога	1
30. Солдаты просят ночлега у гор (Засада на Разина)	1
31. Генерал запродал Москву	1
32. Атаман Рыжков на корабле	1
33. Граф Чернышев в темнице	1
34. Перебежчик немчинушка сообщает русскому царю о подкопе	1
Ямщинушка приезжает к русскому царю	1
35. Часовой у гроба царя	1
Три полка солдат у могилы царя	1
36. Шведский король пишет Петру Великому	1
37. Смерть Суворова	3
38. Казаки и нерусский султан	1
39. Нападение киргизов на спящих казаков	2
Всего . . .	162

Большинство произведений, в особенности ранних, здесь записывалось, как правило, по одному разу в том или ином населенном пункте, и это обстоятельство практически исключает всякую возможность проследить историю бытования этих произведений на местной почве.

Вместе с тем сравнение записанных в бассейне Оби и Иртыша эпических текстов с их аналогами, найденными в европейской части страны, позволяет в ряде случаев говорить о происхождении этих произведений: если к записанному в Сибири тексту обнаруживается параллель из европейской части страны, обычно представленная некоторым числом вариантов, имеющих определенный ареал бытования, то возникают основания считать, что текст сибирской записи был перенесен туда из соответствующего ареала бытования в европейской части страны. Исходя из этого, можно утверждать, что такие произведения, как былина «Илья и татарин» (№ 237), конкретные версии баллад «Теща в плену у зятя» (№ 238) и «Братья-разбойники и сестра» (№ 240), историческая песня «Генерал запродал Москву» (№ 210), были занесены в Западную Сибирь из восточной части Русского Севера, района от бассейна р. Онеги до Предуралья. Былина «Илья Муромец и турок» (№ 81), одна из форм баллады «Муж жену губил» (№ 138) и баллада «Князь Волконский и ключник» (№ 143) попали

в эти места Сибири, по всей вероятности, из средней полосы России. Баллада «Девушка бежит из плена» (№ 98), одна из версий баллады «Братья-разбойники и сестра» (№ 105), баллада «Угрозы девушки молодцу» (№ 114), исторические песни «Разин уплывает из острога» (№ 199) и «Нападение киргизов на спящих казаков» (№ 235) принесены переселенцами из Среднего и Нижнего Поволжья или людьми из казачьей среды юга и юго-востока европейской части России.

В некоторых случаях к западно-сибирским текстам не обнаруживается прямых аналогов из европейской части страны. Это означает, что текст сибирской записи либо законсервировался, сохранив ранние эволюционные признаки, либо, напротив, подвергся уже в Сибири изменениям, т. е. стал местной эволюционной производной формы, занесенной из Европейской России. Как исключительный пример более ранней эволюционной формы, нежели найденные в европейской части страны, предстает записанная среди казаков на Иртыше былина «Илья Муромец и Калин-Царь» (№ 68). К местным производным формам относится былина «Отъезд Добрыни» (№ 122). Особая, «киргизская» версия баллады «Теща в плену у зятя» (№ 94) сложилась в Прииртышье. Местными производными формами, хотя их происхождение и известно, являются также «Братья-разбойники и сестра» (№ 240) и «Нападение киргизов на спящих казаков» (№ 235). Несомненно местную форму, созданную, однако, на основе старых эпических стереотипов, нужно видеть в песне «Казаки и нерусский салтан» (№ 234).

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА АЛТАЕ И В ТУВЕ

Бытование русской эпической традиции на Алтае самым непосредственным образом и по преимуществу связано с горно-заводской промышленностью, зародившейся там в конце 20-х гг. XVIII в.[3] Субъективно эта связь обусловлена тем, что большинство записанных на Алтае эпических текстов собрано по инициативе или собственными стараниями С. И. Гуляева, одного из крупных чиновников Колывано-Воскресенского горного округа, охватывавшего в XIX в. весь Алтай с предгорьями. Объективно же это предопределялось составом русского населения.

Среди него четко выделяются работные люди, профессионально подготовленные горно-заводские рабочие. Были и рабочие, посланные еще А. Н. Демидовым с Урала[4], что подтверждается фиксацией некоторых эпических текстов (например, № 160). Все же профессиональных рабочих было значительно

---

[3] *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: Общий очерк за XVII и XVIII столетия. С приложением списка населенных мест Колыванской обл. за 1782 г. — Томск, 1898. — С. 32 (с указанием источника — рукописи С. И. Гуляева). Статистику социального состава на Колывано-Воскресенских заводах см.: *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. — Новосибирск, 1965. — С. 107, 109, 111—115 и др. Сузунский завод, откуда С. И. Гуляеву прислана едва ли не половина всех алтайских записей русских эпических песен, основан в 1764 г.: *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. — Спб., 1886. — С. 252, 311.

[4] *Беликов Д. Н.* Указ. соч. — С. 33.

меньше по сравнению с тысячами приписных крестьян, нередко уже живших где-то в Сибири, принудительно переселенных и назначенных на горные работы и перевозки грузов. Со временем кто-то из крестьян превращался в профессиональных рабочих, но таких людей всегда было меньше, чем тех, кто неизменно оставался на положении приписных крестьян. К числу последних относится и самый известный алтайский сказитель Л. Г. Тупицын, от которого записана едва ли не шестая часть всех русских эпических текстов, зафиксированных на Алтае.

Единичные тексты С. И. Гуляев записал от мещан Барнаула Калистратова и Тырышкиной, хотя тогда среди горожан было нетрудно отыскать немало людей, знающих эпические произведения.

Заметное место в социальной жизни Алтая изначально занимали казаки, а позже и солдаты. Из них формировались гарнизоны крепостей, защищавших рудники и заводы от набегов кочевников. Казаки составляли непосредственную охрану горно-заводских поселений и казенных обозов, перевозивших соль, прочие припасы, снаряжение, оборудование, слитки меди, серебра и золота. Их силами власти держали в повиновении и усмиряли работных людей и приписных крестьян. И не случайно в зафиксированном репертуаре Алтая немало текстов казачьего происхождения. Одни из них перекликаются с казачьими традициями Дона, Терека и иных мест юга и юго-востока европейской части России, другие указывают на прямую связь с репертуаром казаков соседней Иртышской военной линии.

Какие-то эпические произведения приносили с собой старообрядцы — «кержаки» (переселенцы с Нижегородчины) и «каменщики» (поселенцы «за Камнем», на р. Бухтарме), втайне от властей расселявшиеся в речных долинах Южного Алтая [5]. В 60-е гг. XVIII в. власти принудительно отправили на Алтай партию раскольников из Восточной Белоруссии, прозванных на новом месте «поляками» [6]. Их эпический репертуар, насколько известно, остался не выявленным. Лишь один собственно староверческий текст — «Осада Соловецкого монастыря» (№ 206) — имеется в записях С. И. Гуляева. В последние годы отдельные баллады записаны М. П. Татаринцевой и С. Е. Никитиной среди староверов Восточной Тувы, куда те переселялись с Алтая, чем и объясняется подключение здесь к алтайскому репертуару нескольких записей, сделанных от старообрядцев Тувы.

Что касается поздних русских переселенцев на Алтай, то о бытовании среди них эпических произведений пока ничего не известно.

В последние десятилетия несколько раз предпринимались попытки пройти по местам записи текстов из коллекции С. И. Гуляева и отыскать знатоков русских эпических произведений. Они были неудачными. К причинам этих полных неудач, видимо, нужно отнести как слабую профессиональную подготовку собирателей, так и действительно необратимое отмирание эпической традиции в тех или иных местах.

Следует подчеркнуть, что число мест, где делались записи русских эпиче-

---

[5] Там же. — С. 40—43; *Громыко М. М.* Указ соч. — С. 125—126; *Мамсик Т. С.* Новые материалы об алтайских «каменщиках» // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. — Новосибирск, 1982.

[6] *Ядринцев Н. М.* Поездка по Западной Сибири в Горный Алтайский округ // Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО. — Омск, 1888. — Кн. 2. — С. 98—100; *Беликов Д. Н.* Указ. соч. — С. 39.

ских произведений на Алтае и в Туве, крайне ограничено. На Алтае это в основном Барнаул с подгородными деревнями, с. Ординское и Сузунский завод (ныне соответственно райцентры Ордынск и Сузун на крайнем юге Новосибирской обл.); всего по одной записи сделано в Локтевском заводе и в Усть-Калманском р-не на юго-западе Алтайского края. Поэтому о характере эпического репертуара в других русских поселениях Алтая и Тувы можно лишь догадываться, когда становится известным состав населения по его происхождению из тех или иных районов европейской части России.

Всего на Алтае и в Туве зафиксировано бытование 63 сюжетов былин, баллад и исторических песен, представленных 80 записями:

Репертуар жителей Алтая и Тувы

Название сюжета	Кол-во записей
1. Илья Муромец и Святогор	1
2. Рождение змеевича	1
3. Алеша Попович собирается погулять по белу свету	1
4. Скимен-зверь заслышал рождение богатыря	1
Скимен-зверь	1
5. Исцеление Ильи Муромца	1
6. Отец Добрыни и князь Владимир	1
7. Добрыня и змей	1
8. Алеша Попович и Тугарин Змеевич	1
9. Илья Муромец и Соловей-разбойник	1
10. Илья Муромец на Соколе-корабле	1
11. Иван Годенович	1
12. Суханьша Замантьев	1
13. Туры	1
14. Василий Пьяница	1
15. Илья Муромец и Калин-царь	2
16. Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром	1
17. Илья Муромец и его сын Бориско	1
Илья Муровец и его сын	1
18. Илья и турок	1
19. Три поездки Ильи Муромца	(1)
20. Про Василия Казимерского	1
21. Царь Соломан	(1)
22. Дунай и его жена	1
23. Иван Гостиный сын	1
24. Полонянин	1
25. Девушка с дувана досталась молодцу	1
26. Михайло Казарятин	1
27. Алеша Попович освобождает свою сестру	1
28. Братья-разбойники и сестра	2
29. Алеша Попович хвастает на пиру	1
30. Девушка запускает молодца в город	1
31. Муж-разбойник	2
32. Девушка приходит на свадьбу милого	1
33. Ставер Годенович	1
34. На пиру Добрыня хвастает своей женой	1
35. Князь Михайло	1
36. Сон о рождении сына и смерти жены	1
37. Муж губит жену по клевете матери (змеи)	2
38. Молодец и худая жена	2
39. Чурила и Василиса	1
Чурила и Перемитьиха	1
40. Князь Волконский и ключник	1
Князь Владимир и Гришутка-ключник	1
41. Муж жену губил	2
42. Девушка выиграла три корабля	1
43. Насильственное пострижение	1
44. Сокол подпалил крылья	1
45. Сокол улетел из неволи	1
46. Про кулика-травника	1
47. Соловей кукушку уговаривал	1
48. Кострюк	1
49. Иван Грозный и сын	2
50. Неудавшееся покушение на Ивана Грозного	1
51. Молодец и казна монастырская	1
52. Правеж	1
53. Ермак в казачьем кругу	1
54. Князь Михайло Скопин (Отравление Скопина)	1
55. Сынок Стеньки Разина	1
56. Осада Соловецкого монастыря	2
57. Князь Голицын возвращается в Москву	1
58. Князь Шереметев и турецкий Влас-мурза	1

59. Корабли на море (Атаман Рыжков на корабле)	1	62. Казаки и нерусский салтан в азиатской степи	1
60. Граф Чернышев в темнице у прусского короля	3	63. Нападение киргизов на спящих казаков	1
61. Генерал хмелен от ран	2		
Суворов хмелен от ран (Смерть Суворова)	2		
		Всего. . .	80

Поскольку большинство записей сделано стараниями или по инициативе С. И. Гуляева, то очевидно, что он сам или его корреспонденты записывали лишь образцы текстов. Судя по преимущественно единичным фиксациям почти любой эпической песни, С. И. Гуляева совершенно не занимала проблема вариантов и версий. Скорее всего он просто не понимал их значения и потому никогда не стремился к их записи. Отсутствие местных записей вариантов и версий не позволяет судить об истории бытования русских эпических произведений на Алтае и в Туве.

Очень ограниченное число записанных вариантов резко контрастирует с исключительным разнообразием и богатством зафиксированных сюжетов: нигде в Сибири нет иного района, где было бы отмечено бытование такого же числа русских эпических сюжетов. Это богатство сюжетов побуждает с уверенностью утверждать, что на Алтае бытовало еще больше сюжетов и притом в разных версиях, что обусловливалось происхождением русских людей из разных мест европейской части страны.

Только на Алтае оказались записанными такие русские эпические песни, как «Рождение змеевича» (№ 1), «Полонянин» (№ 99), «Князь Владимир и Гришутка-ключник» (№ 147), «Неудавшееся покушение на Ивана Грозного» (№ 183), «Князь Шереметев и турецкий Влас-мурза» (№ 211), «Смерть генерала» (№ 231).

Примечательно, что почти каждая из записанных на Алтае эпических песен содержит свою версию, так или иначе отличающуюся от сходных форм, найденных в европейской части страны. Тем не менее в ряде случаев удается определить исходные районы их бытования, откуда их приносили в Сибирь. Больше всего зафиксировано таких текстов, которые перекликаются с эпическими формами восточной части Русского Севера: «Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича» (№ 9), «Алеша Попович и Змей Тугарин» (№ 21), «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» (№ 27), «Василий Пьяница» (№ 67), «Илья Муромец и Калин-царь» (№ 70), «Илья Муромец и его сын Бориско» (№ 77), «Илья Муровец и его сын» (№ 78), «Михайло Казарятин» (№ 101), «Князь Михайло» (№ 132), «Чурила и Василиса» (№ 141), «Про кулика-травника» (№ 160), «Правеж» (№ 186), «Отравление Скопина» (№ 196), «Осада Соловецкого монастыря» (№ 206).

Значительно меньше отмечено форм, сходных с бытовавшими в бассейне р. Онеги, т. е. на обширном пограничье между западной и восточной частями Русского Севера: «Сдунай и его жена» (№ 89), «Чурила и Перемитьиха» (№ 142), «Князь Волконский и Ваня-ключник» (№ 144). Так же мало записано текстов, имеющих близкие соответствия в западной части Русского Севера, на территории между Онежским озером (Обонежьем) и бассейном р. Онеги: «Иван Годенович» (№ 48), «Иван Гостиный сын» (№ 91), «Молодец и худая

жена» (№ 140), одна из версий исторической песни «Иван Грозный и сын» (№ 181).

Немногие тексты были занесены на Алтай из средней полосы России: «Илья Муромец и турок» (№ 82), «Девушка запускает молодца в город» (№ 112), «Сокол улетел из неволи» (№ 157), «Князь Голицын возвращается в Москву» (№ 209), одна из версий баллады «Муж жену губил» (№ 243).

Гораздо чаще в алтайских записях встречаются тексты, родственные формы которых бытовали на юге и юго-востоке европейской части России, особенно в Поволжье, чаще Среднем и Нижнем: «Рождение змеевича» (№ 1), «Илья Муромец на Соколе-корабле» (№ 43), «Алеша Попович освобождает свою сестру» (№ 104), «Ставер Годенович» (№ 130), «Муж губит жену по клевете матери» (№ 136), одна из версий исторической песни «Иван Грозный и сын» (№ 182), «Генерал хмелен от ран» (№ 232), одна из версий баллады «Муж жену губил» (№ 242) и, вероятно, баллада «Насильственное пострижение» (№ 244). Некоторые из этих алтайских форм имеют параллели и в репертуаре казаков Дона, Терека и других мест. Наряду с ними на Алтае отмечено бытование и собственно казачьих форм эпических песен: «Девушка с дувана досталась молодцу» (№ 100), «Сынок Стеньки Разина» (№ 200), одна из версий исторической песни «Князь Шереметев и турецкий Влас-мурза» (№ 211).

Непреходящая ценность алтайских записей русских эпических песен состоит также в том, что многие из них (№ 1, 27, 48, 63, 69, 83, 101, 130, 132, 140, 141, 181, 196, 219 и примеч. к ним) — более ранние по эволюционным качествам формы, нежели те, что были зафиксированы в европейской части страны. По-видимому, такие формы принадлежали репертуару давних, еще с XVII в., переселенцев в Сибирь. Канонично относясь к текстам, эти люди оберегали их от изменений и тем самым консервировали их.

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В БАССЕЙНЕ ЕНИСЕЯ И АНГАРЫ

Бытование русской эпической традиции в этой части Сибири отмечено главным образом среди крестьян и изредка в бывших казачьих поселениях. Устойчивое русское население складывалось здесь уже на протяжении XVII в., особенно второй его половины, — поначалу на Енисее, в районе Енисейска и Красноярска, а затем русские оседали южнее, до Саян и Минусинской котловины, и осваивали поречья правых притоков Енисея, преимущественно бассейна Ангары, где крестьяне прочно обосновались еще с 60—80-х гг. XVII в.[7]

Как и в других местах Сибири (на Иртыше, на Алтае), первые записи русских эпических произведений были сделаны здесь раньше массовых записей

[7] *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 105, 115, 116 и др.: *Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск, 1981. — С. 173 и след. В 1667 г. Кежемская слобода насчитывала 10 дворов: *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 96. В 20-е гг. XVIII в. Витус Беринг насчитал на Ангаре всего 30 деревенек от ее устья до устья Илима: *Экспедиция* Беринга: Сб. док. / Подгот. к печати А. Покровский. — М., 1941. — С. 67. В это время в Кежемской вол. насчитывалось 183 жителя (Там же. — С. 244).

П. Н. Рыбникова в западной части Русского Севера и раньше выхода в свет «Песен, собранных П. В. Киреевским», однако и тут не нашлось человека масштаба П. Н. Рыбникова, который занялся бы последовательным и настойчивым собиранием по возможности более широкого круга бытующих текстов. В бассейне самого Енисея (без Ангары) находки русских эпических текстов были редкими, случайными и любительскими. Несколько записей в 1857 г. от минусинских казаков сделал Г. Пейзен. В Минусинском же округе, вероятно, Н. А. Костровым найдена былина «Суровец» (№ 60). По соседству, на р. Усе среди староверов несколько баллад и исторических песен уже в начале XX в. записал ссыльный Ф. Кон [8]. Также в начале XX в. сказку про Илью Муромца и Святогора (№ 161) нашел в одном из бывших казачьих поселений И. А. Чеканинский. В конце XIX в. в Ужуре ссыльный А. А. Макаренко заметил бытование странной песни «Товарищи пытались отравить Здуная» (№ 151). Начиная с 60-х гг. XIX в. (М. Ф. Кривошапкиным и др.) и по 1977 г. в Енисейске несколько раз записывалась былина «Илья Муромец на Соколе-корабле», исполнявшаяся там как святочное виноградье (№ 38 и след). Этим и исчерпываются записи русских эпических произведений на Енисее. Совершенно очевидно, что столь ограниченное их число не позволяет даже видеть репертуар какого-либо поселения. И только по былине «Илья Муромец на Соколе-корабле», фиксировавшейся несколько раз на протяжении более века, можно проследить, как в одном поселении изменялся с течением времени сам текст и отношение к нему исполнителей.

Иная картина в Приангарье. Бытование русских эпических песен на нижней Ангаре первым, насколько известно, обнаружил А. Александров в 1893 г. Вслед за ним на рубеже веков и особенно в начале XX в. там среди прочих фольклорных произведений стали записывать разные эпические тексты политические ссыльные В. С. Арефьев, А. А. Макаренко, А. А. Савельев. Заслугой А. А. Макаренко можно считать то, что он, проплыв по средней и нижней Ангаре, почти в каждом из посещенных им пунктов получил образцы былин, баллад и исторических песен. В отличие от А. А. Макаренко, А. А. Савельев работал лишь в нескольких соседних деревнях на нижней Ангаре и сосредоточился на записи широкого круга фольклорных произведений, включая и эпические тексты, что позволяет судить о масштабе местной фольклорной традиции и о месте в ней собственно эпических произведений. В 1908 г. супруги-учителя Некошновы обнаружили бытование эпических текстов в д. Выдрино на р. Чуне, левом притоке Ангары, а в 1913 г. И. А. Чеканинский подтвердил это своими повторными записями от тех же исполнителей: то был первый в Сибири случай сознательной повторной записи русских эпических текстов. В 1914 г. А. В. Пруссак нашла несколько эпических произведений в д. Суховское на верхней Ангаре, близ современного Ангарска. Затем стихийный ход собирательства был прерван на многие десятилетия, вплоть до 1970-х гг. Лишь однажды на протяжении этих десятилетий, в 1943 г., К. А. Копержинский по письму восьмиклассника И. Прокопьева, содержавшему две записи былины «Добрыня и змей», совершил поездку на Илим, правый приток Ангары, и повторил эти записи, присовокупив к ним сказку об Илье Му-

[8] *Вайнштейн* С. М. Феликс Яковлевич Кон как этнограф // Очерки истории рус. этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1965. — Вып. 3. — С. 207, 211.

ромце. Но ни сам К. А. Копержинский, ни какой-либо иной собиратель не продолжил поисков русских эпических произведений на Илиме.

Новый этап собирания эпических текстов на Ангаре начался едва ли не десять лет тому назад, когда почти одновременно Н. А. Новоселова со студентами пединститута из Красноярска и музыковед Л. А. Мухомедшина из Иркутска принялись довольно последовательно собирать фольклор, преимущественно песенный, в ангарских поселениях. С 1986 г. туда же, по следам А. А. Савельева, устремилась группа фольклористов из Улан-Удэ во главе с Р. П. Матвеевой. Никто из них не ставил своей основной задачей поиск эпических произведений, но и, насколько можно судить по добытым материалам, не уклонялся от записи таких текстов, если исполнители сами их предлагали. Эти собиратели прибегали уже не к записи отдельных образцов, а к фиксации вариантов от разных лиц в пределах одного пункта и в одной деревне за другой, а также к повторению записей наиболее примечательных текстов. Они, похоже, слабо знали сюжеты былин, неумело вели опрос по ним и потому, вероятно, за редкими, впрочем, очень интересными исключениями, не могли получить тексты с былинными сюжетами. Более последовательно велся опрос по сюжетам некоторых баллад и исторических песен, что позволило собирателям находить их варианты почти в каждой обследуемой деревне. Благодаря поездкам собирателей 1970—80-х гг. представления о русской эпической традиции Приангарья заметно расширились и углубились. Начали вырисовываться контуры местных репертуаров, более приметными стали локальные различия в текстах.

Всего к настоящему времени в бассейне Енисея и Ангары отмечено бытование 48 русских эпических сюжетов, представленных 172 записями:

Репертуар жителей бассейна Енисея и Ангары

Название сюжета	Кол-во записей
1. Илья Муромец и Святогор	5
2. Исцеление Ильи Муромца	8
Илья запрудил Иртыш	1
3. Добрыня и змей	7
4. Бой Добрыни с бабой Горынищем	1
5. Алеша Попович и Тугарин	1
6. Илья Муромец и Соловей-разбойник	6
7. Илья Муромец и Идолище	2
8. Илья Муромец и разбойники	1
9. Илья Муромец на Соколе-корабле	8
10. Калинин-царь увозит девушку	2
11. Суровец	1
12. Суханко сын Туманович	1
13. Ссора Ильи с князем Владимиром	3
14. Илья Муромец и Калин-царь	2
Илья Муромец и татарское нашествие	3
15. Илья Муромец и Збут Борискоролевич	3
Илья Муромец и его сын Удача	1
16. Теща в плену у зятя	1
17. Братья-разбойники и сестра	1
18. Угрозы девушки молодцу	3
19. Муж-разбойник	6
20. Сестры ищут и хоронят брата	2
21. С благословения князя Владимира Добрыня женится на Настасье Микуличне	2
22. Добрыня и Алеша (Муж на свадьбе своей жены)	15
23. Муж уходит на службу+Муж губит жену по клевете матери	1
24. Муж жену губил	7
25. Добрыня и Маринка	1
26. Товарищи пытались отравить Здуная	2
27. Девушка выиграла три корабля	1
Девушка ходила на корабль играть в карты	1
28. Сокол улетел из неволи	3
29. Небылица	1
30. Взятие Казани (Грозный и пушкарь)	6

31. Молодец манит девушку в Казань	11
Соловей кукушку уговаривал	7
32. Не шуми, мати зеленая дубровушка	2
33. Ермак в казачьем кругу	1
34. Сынок Стеньки Разина	6
35. Сынок Разина едет за табуном коней	1
36. Солдаты просят ночлега у гор (Засада на Разина)	2
37. Помутился Дон — не стало в полку Разина	1
38. Племянник Разина и татары-поединщики	1
39. Мать приводит сына на казнь	2
40. Сизенький голубчик, ясненький соколик (Князь Голицын возвращается в Москву)	15
Девушка думает, как ей пробраться в каменну Москву	1
41. Вещий сон шведского короля	1
42. Шереметев и пленный шведский майор	2
43. Голь кабацкая и солдаты	1
Курьер и целовальники	1
44. Солдаты жалуются на Долгорукова	1
45. Граф Чернышев в темнице	3
46. Прусский король просит слуг снести ему голову	1
47. Смерть Лопухина	1
48. Шведский король требует возвращения городов	2
Всего. . .	172

Здесь, как видим, записано больше русских эпических текстов, чем еще где-либо в Сибири, а по числу сюжетов этот район уступает лишь Алтаю с Тувой. И здесь многие произведения отличаются своеобразием версий.

Только в бассейне Енисея и Ангары были найдены такие русские эпические произведения, как «Калинин-царь увозит девушку» (№ 47), «Товарищи пытались отравить Здуная» (№ 151), «Племянник Разина и татары-поединщики» (№ 204), «Мать приводит сына на казнь» (№ 207, 208), «Голь кабацкая и солдаты» (№ 214), «Прусский король просит слуг снести ему голову» (№ 226).

Сравнение других текстов енисейско-ангарской записи с их аналогами или эволюционно соотносимыми формами из европейской части страны показывает, что в местном репертуаре чаще встречаются формы, восходящие к локальным традициям восточной части Русского Севера. К ним относятся «Добрыня и змей» (№ 10, 11), «Илья Муромец на Соколе-корабле» (№ 38 и след.), «Суханко сын Туманович» (№ 64), «Илья Муровец и его сын Удача» (№ 79), одна из версий баллады «Муж-разбойник» (№ 118), сказка «Илья Муромец и Святогор» (№ 161). Особенно характерны в этом плане разные версии былины «Добрыня и Алеша», зафиксированные на нижней Ангаре и на Чуне (№ 123—127, 241; см. также ДН и АП, № 79, 80). Они все родственны локальным формам былины из восточной части Русского Севера и вместе с тем различаются между собою: бытование разных версий одного произведения в очень ограниченном районе со всей определенностью свидетельствует о смешанном составе населения этого района. Самой интересной из ангарских версий былины «Добрыня и Алеша» представляется богучанская (№ 123, 241), в эволюционном отношении более ранняя, чем все локальные формы этой былины в восточной части Русского Севера.

Формы из других мест Русского Севера (№ 148, 236) единичны и незаметны в местном репертуаре, в отличие от форм казачьего и поволжского происхождения, например, былины «Илья Муромец и разбойники» (№ 35), конкретных версий баллад «Братья-разбойники и сестра» (№ 107) и «Муж-

разбойник» (№ 119), исторической песни «Взятие Казани» (№ 179, 180). Экспедиции 1970—80-х гг. позволили выявить на Ангаре бытование целого ряда баллад среднерусского происхождения, тогда как ранее оттуда была известна лишь одна среднерусская форма — «Сокол улетел из неволи» (№ 158).

И здесь обнаружен ряд текстов, более ранних в эволюционном плане, чем родственные им формы, зафиксированные в европейской части страны. Помимо упомянутой богучанской версии былины «Добрыня и Алеша», это былины «Добрыня и Маринка» (№ 148) и «Калин-царь» (№ 236), историческая песня «Шведский король требует возвращения городов» (№ 227, 228).

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В БАССЕЙНЕ ЛЕНЫ И В ВЕРХОВЬЯХ НИЖНЕЙ ТУНГУСКИ

Русские прочно осели в этих краях уже во второй половине XVII в. Многочисленными были деревни по верхней Лене и ее притокам, административно входившие в состав обширного Илимского воеводства, которое на протяжении почти целого столетия снабжало хлебом, полотном и другими припасами весь северо-восток Азии, прежде всего гарнизоны острогов и крепостей Якутии, Чукотки, Охотского побережья и Камчатки, а также многолетние правительственные экспедиции XVIII в.[9] Среди оседавших здесь людей были и потомки служилых людей, или казаков. Сюда постоянно доставляли партии ссыльных, и одной из первых групп в 40-е гг. XVII в. были «пленные черкасы» (см. примеч. к № 102). По указу Екатерины II по всей Лене с 70—80-х гг. XVIII в. стала создаваться линия почтовых станций, и в тех местах, где уже стояли деревни,

Вид города Илимска

Резцовая гравюра Е. А. Федосеева с рисунка И. В. Люрсениуса. Из серии «Собрание Российских и Сибирских городов». Фрагмент. 1770

[9] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. — Иркутск, 1949—1957. — Т. I—II.

их жители обязывались заниматься ямщицкой гоньбой на лошадях или на лодках, а на средней Лене, от современной юго-западной границы Иркутской обл. и Якутии до Якутска, где русские тогда жили лишь в нескольких местах, состав ямщицких поселений формировался из принудительно переселенных людей, присланных как с Верхоленья, так и из других мест (см. примеч. к № 7, 167).

Первые тексты на верхней Лене, с указанием на Илгинский винокуренный завод [10], записаны, кажется, не ранее 60-х гг. XIX в., — то были две песни, связанные с именем Степана Разина [11]. Много позже М. К. Азадовский записал в тех же местах третью песню — «Сынок Стеньки Разина». Благодаря этим записям можно предполагать бытование в прошлом на верхней Лене целого цикла песен, посвященных восстанию Разина; наиболее вероятными носителями такого цикла могли быть выходцы из Поволжья, скорее всего сюда сосланные. Кроме этих песен, на верхней Лене дважды записывались сказки об Илье Муромце — М. Г. Воскобойниковым среди эвенков в 1960 г. и Е. И. Шастиной в 1973 г., — впрочем, по-видимому, книжного происхождения.

Ниже по течению Лены, в районе Чечуйского волока, соединявшего верховье Нижней Тунгуски с Леной [12], в поселениях по обе стороны волока несколько записей эпических песен в 1911 г. сделал В. Я. Шишков, будущий известный писатель. Собиранием фольклора он увлекся под влиянием Г. Н. Потанина [13]. В этих местах В. Я. Шишков натолкнулся на бытование былин, однако слабая подготовленность к роли собирателя позволила ему получить только три начальных фрагмента былин. Все они имеют определенную научную значимость. Фрагмент былины «Молодость Василия Буслаевича» (№ 5) — единственный след бытования этого новгородского по происхождению текста во всей Сибири. Фрагмент былины «Добрыня и змей» (№ 12) при сравнении с аналогами указывает на свое происхождение из восточной части Русского Севера, — таким образом, помимо Ангары и Илима, обозначается еще один пункт на пути миграции этой былины из восточной части Русского Севера на северо-восток Азии. Третий фрагмент (№ 22) — из былины «Алеша Попович и Тугарин» — нигде не имеет прямых аналогов, он слегка перекликается только с вариантом из сборника КД, что существенно для оценки обоих текстов: эта перекличка взаимно подтверждает их достоверность в той части, где они сходны, и вместе с тем означает, что у былины «Алеша Попович и Тугарин» некогда имелась еще одна оригинальная версия.

Далее, уже на средней Лене, в пределах Якутии, где ранее русские жили преимущественно мелкими группами на почтовых станциях, поиск среди них эпических произведений, по-видимому, никем не проводился. Лишь в 1982 г. автору этих строк удалось убедиться в том, что и здесь в фольклорном репертуаре русских имелись ритмизованные пересказы или сказы, а затем и соб-

---

[10] Казенный завод возник в 1724 г., крестьяне же заселялись на Илге, притоке Лены, с 1665 г.; Там же. — Т. I. — С. 67, 32.

[11] Опубликовавший их П. В. Шейн отметил, что они записаны И. П. Корниловым: *Русские* народные песни, собранные П. В. Шейном: Песни былевые. — М., 1877. — С. 64. Между тем И. П. Корнилов, попечитель Виленского учебного округа, в 1865 г. принимал П. В. Шейна на работу учителем. Каким образом И. П. Корнилов оказался на верхней Лене, да и был ли он там, остается загадкой.

[12] О волоке: *Бахрушин С. В.* Указ. соч. — С. 125.

[13] Шишков. Письма; *Кочетов В. Н.* В. Я. Шишков и устное народное поэтическое творчество. — М., 1981. — С. 13.

ственно сказки об Илье Муромце (см. № 7, 167). К настоящему времени мелкие группы русских на средней Лене, по нашим, впрочем, беглым впечатлениям, совершенно объякутились и образовали оригинальную этнографическую группу (по-местному «сахаля́ры»), обособленно держащуюся как от русских, так и от собственно якутов. По рассказам, они — по крайней мере кое-где — охотно поют унаследованные русские песни, хотя зачастую не понимают их слов. Серьезная собирательская работа в их среде пока не проводилась.

На верхней и средней Лене и в верховье Нижней Тунгуски отмечено бытование всего 15 русских эпических произведений, представленных 23 записями:

Репертуар жителей Лены и верховьев Нижней Тунгуски

Название сюжета	Кол-во записей	Название сюжета	Кол-во записей
1. Молодость Василия Буслаева	1	9. Илья Муромец и голи кабацкие	1
2. Илья Муромец и Святогор	3	10. Илья Муромец и его сын	1
3. Исцеление Ильи Муромца	5	11. Девушка сидит среди татар	1
4. Добрыня и змей	1	Девушка сидит среди разбойников	1
5. Алеша Попович и Тугарин Змеевич	1	12. Молодец манит девушку в Казань	1
6. Илья Муромец и Соловей-свистун	2	13. Сынок Стеньки Разина	1
7. Илья Муромец и татарин (Идолище)	1	14. Солдаты просят ночлега у гор (Засада на Разина)	1
8. Илья Муромец и татары (Калин-царь)	1	15. Разин остается один	1
		Всего. . .	23

Поскольку записи делались эпизодически и без цели выявить предельно больший круг текстов, надо полагать, что местный репертуар остался нераскрытым.

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА НИЖНЕЙ ИНДИГИРКЕ

Русские служилые и промышленные люди осваивали Индигирку с 30-х гг. XVII в.[14] Описывая их действия, историки, как правило, упоминают одних предводителей, между тем списки участников походов, «сидений» в острожках и вступавших в контакты с местными юкагирами (причем списки с фамилиями, а не с прозвищами) обычно не публиковались, поэтому, даже просмотрев сотни опубликованных документов XVII в., не так просто отыскать в них фамилии тех обосновавшихся на Индигирке и Колыме русских, чьи потомки спустя столетия передавали собирателям свои знания о русских эпических текстах. По документам XVII в. нам удалось отыскать пока только две фамилии, которые сами старожилы устья Индигирки считают «корневыми».

Наиболее примечательны упоминания о Ярофейке Киселеве, служилом человеке, присланном в составе группы казаков из Енисейска в Якутский

[14] *Оглоблин Н. Н.* Восточносибирские полярные мореходы XVII в. // ЖМНП. — 1903, май. — С. 44—46, 52—57; *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 1725—1742. — М.; Л.,

острог не позже конца 30-х гг. XVII в.[15] Ярофейко Дмитриевич Киселев был грамотным человеком, о чем свидетельствуют его росписи от имени неграмотных товарищей под различными документами. В 1647 г. он участвовал в побеге группы казаков во главе с Василием Бугром, тоже, кстати сказать, присланным из Енисейска [16], — они бежали на Колыму с целью упредить официальную экспедицию Михаила Стадухина, направленную в районы к востоку от нижней Колымы. Тогда в Нижнеколымском зимовье скопилось несколько конкурирующих групп, мечтавших пройти морем вдоль северного побережья Чукотки в манящие баснословной добычей края. Раньше других успела подготовиться и выйти на семи кочах группа промышленных и торговых людей купца Федота Попова, в ней был всего лишь один служилый человек — Семен Дежнев, много позже объявленный главным и даже чуть ли не единственным героем этого драматического похода. Ватага Василия Бугра припозднилась. Льды — тот самый Айонский ледяной массив, в котором в 1983 г. безнадежно застревали и даже гибли современные корабли, — уже придвинулись к побережью Чукотки, и ватаге пришлось возвращаться в Нижнеколымск. Там участники неудачного похода, видимо, перессорились. Часть из них повинилась: кто-то перешел служить под начало колымского приказного В. Власьева, кто-то — к М. Стадухину. Но несколько человек осталось с В. Бугром и, конкурируя с отрядом Стадухина, отправилось сухим путем на Анадырь. Неизвестно, чью сторону выбрал (и выбрал ли) Ярофейко Киселев. Последнее упоминание о нем очень кратко: в конце 1650 г. на Колыме он был взят под стражу, под стражей его собирались отправить и в Якутск, но Ярофейко бежал. . .[17] Просмотрев все опубликованные со времен Г.-Ф. Миллера документы XVII в. по Якутскому воеводству, мы не нашли в них упоминаний о других лицах с такой простой фамилией. Это и дает основание допускать, что Ярофейко Киселев, бежав из-под стражи, оказался на нижней Индигирке, где и поселился, опасаясь наказания в Якутске.

В 1660 г. промышленные и торговые люди, собравшиеся отплывать с Колымы в Якутский острог, обратились к колымскому приказному И. Ерастову с челобитной, в которой они просили не грузить на их коч моржовую кость, добытую Семеном Дежневым: «их кочишко худо и гнило», достаточно и того, что они погрузили государеву соболиную казну [18]. Одним из челобитчиков, за которого расписался другой человек, значился устюжанин Васька Михайлов Гулызинский. В сходной форме — Голызинские — она приведена среди «корневых» фамилий жителей нижней Индигирки астрономом Е. Ф. Скворцовым, пробыв-

---

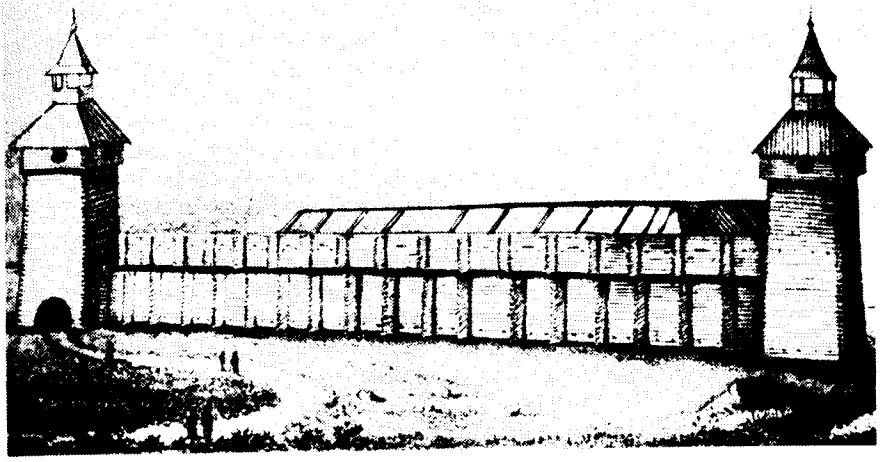
1946. — С. 303; *Открытия* русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии: Сб. док. / Сост. Н. С. Орловой; Под ред. А. В. Ефимова. — М., 1951, № 31—32; *Бахрушин С. В.* Указ соч. — С. 152.

[15] *Дополнения* к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. — Спб., 1848. — Т. 3, № 56; *Оглоблин Н. Н.* Указ. соч. — С. 48—49; *Колониальная* политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. архивных док. / Под общ. ред. Я. П. Алькора и Б. Д. Грекова. — Л., 1936, № 1, см. также № 17, с. 28; *Открытия* русских землепроходцев. . ., № 77, 87, 188, 189.

[16] Десятник Василий Бугор с горстью казаков был первым из русских, кто прошел из Енисейска через р. Куту на верхнюю Лену в 1628 г.: *Берг Л. С.* Указ. соч. — С. 312.

[17] Очевидно, с фамилией Ярофейки связано название протоки Киселева, — одним из западных рукавов обширной дельты Яны.

[18] *Открытия* русских землепроходцев. . ., № 115.

Остатки Якутского острога, построенного в 1632 году
Литография Воскресенского. Середина XIX в.

шим в Русском Устье месяц в 1909 г.[19] Обе эти формы, — несомненно, фонетические варианты фамилии Голыженский: в говоре индигирцев и ныне безударные *у* и *о* часто взаимозаменяемы, а мягкое *з* там неизменно звучит как мягкое *ж*. Устюжанин В. М. Гулызинский в силу каких-то причин обосновался на Индигирке, женился и имел детей. Доказательством этому служит упоминание о промышленном человеке Семене Васильеве Голыженском, который платил десятинную подать в 1701 г. в Уяндинском зимовье, а в 1703 г. — в Зашиверском остроге [20].

Тогда же, в 1704 г., и там же уплатил подать промышленный человек Иван Федорович Стрюков [21]. Поскольку промышленники обычно проводили на северных реках по многу лет, то более чем вероятно, что И. Ф. Стрюков, родоначальник Струковых, одной из фамилий русских поселенцев в районе оз. Ожогино, попал на Индигирку не позже конца XVII в.

Следующие сведения о русских на нижней Индигирке относятся к 1740 г., когда там зимовал лейтенант Д. Лаптев с командой бота «Иркутск». В рапорте от 2 апреля 1740 г. он мельком упомянул о том, что от устья Колымской протоки Индигирки «вверх по оной реке в полуторах стах верст есть жила́, пять

---

[19] [*Скворцов Е. Ф.*] Русские на Индигирке // Топогр. и геодез. журн. — 1910. — № 11. — С. 167. Эту статью автор дословно воспроизвел в качестве главы в кн.: *В прибрежных* тундрах Якутии. — Л., 1930. — С. 72. Е. Ф. Скворцов первым привел перечни «корневых» и иных фамилий жителей дельты Индигирки и упомянул о предании, утверждающем, что заселение низовий Индигирки шло с моря.

[20] *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. — М., 1966. — С. 117—118. Напомним, что одна из средних проток Индигирки до 1930-х гг. называлась Голыженской.

[21] Там же. — С. 118.

зимовей, русских и разных родов новокрещеные и якуты» [22]. Ясно, что Д. Лаптев подразумевал район, где в Индигирку слева впадает р. Елон [23]. Это подтверждается следующим его рапортом от 1 мая 1740 г., отправленным с Индигирки «при устье реки Елон» [24]. Между тем все русские старожилы нижней Индигирки, которых опрашивали уже в XX в. посещавшие их лица, единодушно указывали именно на Елон, как на место, где впервые сложилось устойчивое русское население.

В отличие от других руководителей отрядов и вообще многих участников экспедиции Беринга, Д. Лаптев был совершенно равнодушен и глух к истории заселения, быту и народной культуре населения тех мест, где ему пришлось побывать вопреки собственному желанию. Во всяком случае в его опубликованных рапортах сведений этого рода нет. Помимо приведенного упоминания о зимовьях, Д. Лаптев ограничился замечанием о том, что в начале лета 1740 г. он привлек 85 «туземцев» пробить во льду километровый канал и вывести бот на чистую воду [25]. Если исходить из того, что эти 85 человек были мужчинами, то общую численность жителей нижней Индигирки в 1740 г. можно оценить примерно в 300 чел. Однако пока остается неизвестным, сколько же русских было среди них.

Примерно 20 лет спустя после зимовки Д. Лаптева в дельте Индигирки туда попал при драматических обстоятельствах уроженец района Киренска на Лене. Его подлинное имя не записано, а фамилию Кочевщиков он получил на Индигирке в память о плавании на коче и таким образом стал родоначальником еще одной индигирской фамилии [26]. Из его рассказа, записанного штурманом П. Т. Козьминым в начале 20-х гг. XIX в., явствует, что не позже 1760 г. пос. Русское Устье уже существовал, в нем проживало 15 русских в шести домах [27]. Описанный Кочевщиковым быт русскоустьинцев не оставляет никаких сомнений в том, что они уже вполне приспособились к местным условиям, а это свидетельствует о длительном их проживании в дельте Индигирки. Очень вероятно при этом, что кто-то из них принадлежал далеко не к первому поколению русских, родившихся на Индигирке.

---

[22] *Экспедиция* Беринга. — С. 161.

[23] Много позже на картах появилось и якутское название — Берелях.

[24] *Экспедиция* Беринга. — С. 233—234.

[25] *Берг Л. С.* Указ соч. — С. 340.

[26] «Кочевщиками» называли тогда людей, выходивших в плавание на коче, небольшом судне, приспособленном для движения в плавучих льдах Арктики.

[27] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. — М., 1948. — С. 237—239. Тогда Русское Устье не было единственным поселением в дельте Индигирки.

Насколько известно, эпитет «русская» по отношению к западной, т. е. самой близкой к России протоке Индигирки, впервые применен в отписке 1651 г. казачьего десятника Пантелея Мокрошубова: в ней сообщалось о том, как он с товарищами по суху вышел на Индигирку «на устье первое с русского конца» (*Дополнения* к актам. . ., № 78). По Русскому устью, т. е. по Русской протоке Индигирки, и получил свое название поселок. В современных работах фольклористов и в газетных статьях пос. Русское Устье нередко отождествляется с пос. Полярным. В действительности же это два разных населенных пункта. Полярный расположен примерно в 30 км к северу от Русского Устья, на левом берегу той же Русской протоки Индигирки. Он был основан в 1946 г. по решению властей, желавших, чтобы жители множества мелких местечек в несколько «дымов» на разных протоках проживали только в одном крупном населенном пункте. В 1982 г. в Русском Устье жил всего один человек.

Спустя несколько лет после того как Кочевщиков попал в Русское Устье, священник Михаил Слепцов, едва приняв Зашиверский приход, куда входили русские поселения на Индигирке и Колыме, составил в 1769 г. исповедную роспись, иными словами — перечень причащенных им русских и новокрещеных. Исповедной росписью учтены не все прихожане — частью «за отдаленностью от церкви», частью потому, что они не причащались «по совету духовника». К тому же сведения этой росписи известны не полностью, ибо они выборочно приведены неким верхоянцем, укрывшимся за инициалами В. Г. (Горохов?), в статье, датированной маем 1916 г. и опубликованной в 1922 г.[28] В исповедной росписи 1769 г. русские разделены на четыре группы: казаков, разночинцев, посадских и присыльных. При перечислении посадских приводятся фамилии, которые с начала XX в. постоянно фиксировались как фамилии старожилов нижней Индигирки: Голыжинский, Киселев, Струков, Чухачев[29], Шелоховский, Щелканов. Среди казаков назван Шкулев[30]. В. Г. не связывал те или иные фамилии с конкретными поселениями; возможно, что эта связь не указывалась и в самой исповедной росписи. Но сам факт существования Русского Устья в первой половине XVIII в., судя по его многим, впрочем, беглым замечаниям, был для В. Г. непреложным.

Русские первопоселенцы, как видно, обосновывались в устье Индигирки поодиночке или мелкими группами. Общий фольклорный репертуар у них поэтому формировался постепенно, по мере установления тесных, зачастую родственных связей друг с другом. Их репертуар несомненно пополнялся и за счет кратковременных контактов с посещавшими их лицами. Так, пребывание команды бота «Иркутск» с сентября 1739 по июнь 1740 г. безусловно оставило свой след в фольклорной традиции индигирцев, хотя теперь и невозможно в точности определить масштабы влияния нескольких десятков человек, вдруг появившихся из самой России. Другим вероятным источником пополнения местного фольклорного репертуара были небольшие купеческие караваны, с XIX в. довольно регулярно, но не чаще одного раза в год приходившие туда от нижней Яны, чтобы обменять на свои товары мамонтову кость и песцовые шкурки[31]. Кое-кто из индигирцев сам пускался в путь за 900 верст на Анюйскую ярмарку, которую с начала XIX в. стали ежегодно проводить на правом притоке нижней Колымы. Там индигирцы также обменивались фольклорными текстами

---

[28] *В. Г.* Город Зашиверск (Материалы по истории севера Якутского края) // Сб. материалов к изучению Якутии. — Якутск, 1922. — Вып. 1. — С. 3—7. В. Г. использовал хранившиеся у другого верхоянца Н. Н. Березкина бумаги из архива Зашиверской Спасской церкви. С тех пор об этих бумагах ничего не известно. Скорее всего они пропали.

[29] Вероятно, описка или опечатка. Позже фамилия произносилась как Чихачев (Чикачев). Отождествление предка Чихачевых со служилым человеком Федором Чюкичевым (*Фольклор* Русского Устья. — Л., 1986. — С. 366) ошибочно, поскольку Ф. Чюкичев со спутниками погиб в 1661 г. в стычке с ходынцами, одним из юкагирских родов, в районе Чендонского зимовья на Верхнем Омолоне, правом притоке Колымы: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 413.

[30] В 1763 г. казак Шкулев сопровождал известного сержанта Андреева в походе с Колымы на Индигирку, а потом по морскому льду на север: *Врангель Ф. П.* Указ. соч. — С. 79.

[31] «Мамонтовой костью» называли бивни мамонтов, которые отыскивали по весне, когда талые воды обрушивали берега тундровых рек и обнажали покоящиеся в вечной мерзлоте тела мамонтов. Сбор мамонтовой кости был активным промыслом у индигирцев вплоть до 40-х гг. XX в. Индигирский же песец, крупный и обычно голубой, на Якутской ярмарке XIX в. всегда ценился дороже шкурок своих сородичей, добытых в других местах Арктики.

с русскими жителями других мест, что выразилось в общих текстах и даже общих версиях некоторых произведений, бытовавших от Индигирки до Анадыря. Временная многослойность фольклорной традиции индигирцев, от былин до солдатских песен, песен литературного происхождения и «жестоких» романсов XIX в., достаточно заметна.

Для фольклорного репертуара индигирцев характерно преобладание текстов, обычно исполняемых мужчинами, — к ним прежде всего относятся былины и исторические песни. Это обстоятельство вполне объясняется тем, что в низовье Индигирки поселялись мужчины: по рассказам нынешних жителей, их прадеды и деды брали в жены женщин сначала у юкагиров, затем у прикочевавших эвенов. Смешанные браки сильно изменили внешний облик русских жителей Индигирки. Метисы или монголоиды среди них обычны. Однако самосознание их всегда было и остается русским, что отмечали все путешественники и участники разных экспедиций. Численность индигирцев, очевидно, всегда превышала тот уровень, с которого смешанные браки приводят к ассимиляции пришельцев. На всем арктическом пространстве, от низовья Печоры до устья Индигирки, в особенности на Пясине, Хатанге, Оленеке и Яне, мелкие группы русских почти бесследно растворились в среде аборигенов. И на этом фоне русский анклав на Индигирке резко выделяется своим самосознанием, языком и культурой.

История собирания фольклора среди индигирцев писалась не раз [32], что избавляет нас от необходимости повторять ее подробно. Честь открытия бытования русского фольклора в дельте Индигирки принадлежит известному фольклористу и революционеру И. А. Худякову, который, будучи в ссылке в Верхоянске, в конце 60-х гг. XIX в. записал там [33] от уроженца Русского Устья несколько текстов, преимущественно эпических. Встреча И. А. Худякова с уроженцем Русского Устья примечательна еще и тем, что она свидетельствует о поездках индигирцев по меньшей мере до Верхоянска и, следовательно, о возможном пополнении ими своего фольклорного репертуара при общении с казаками и другими встреченными русскими людьми.

Первым, кто непосредственно в Русском Устье записал две эпические песни, был политический ссыльный [34] В. М. Зензинов (1912 г.); эти записи сделаны скорей ради курьеза или любопытства, нежели из желания обогатить науку.

Советская власть установилась на Индигирке в 1926 г., а уже через год в Русское Устье приехал этнограф Д. Д. Травин и записал несколько образцов эпических песен и сказок. Имея опыт работы в Архангельской губ., Д. Д. Травин без труда заметил сходство элементов материальной и духовной культуры индигирцев и жителей восточной части Русского Севера и попытался его

---

[32] РФ I, с. 209—210; *Кузьмина Л. П.* Фольклор старожилого населения Русского Устья (к истории его собирания и изучения) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1982. — Вып. 9; *Фольклор* Русского Устья. — С. 9—12.

[33] Л. П. Кузьмина ошиблась, утверждая, что И. А. Худяков «побывал в Русском Устье» (Указ. соч. — С. 176). За сосланным революционером велся строжайший надзор. Даже колымский исправник барон Майдель в 1868 г. не получил разрешения взять с собой И. А. Худякова в поездку на северо-восток Азии.

[34] Единственный политический ссыльный на нижней Индигирке, в отличие от множества политических и уголовных ссыльных на Колыме.

объяснить в исследовании, предваряющем беловые списки фольклорных образцов. Факт происхождения русскоустьинцев из восточной части Русского Севера был для Д. Д. Травина само собой разумеющимся, хотя и нераскрытым им в своей конкретности. Плодотворный характер направления, взятого Д. Д. Травиным, очевиден. Он, однако, оставался незамеченным в науке вплоть до последнего времени. Исследование Д. Д. Травина пока еще не опубликовано.

После Д. Д. Травина нижнюю Индигирку посещало множество различных экспедиций. При этом лишь в двух случаях — М. А. Кротовым в 1931 г. и С. И. Боло в 1941 г. — были сделаны отдельные записи русских эпических текстов. Решающий вклад в собирание русских фольклорных произведений на нижней Индигирке принадлежит экспедиции Якутского филиала АН СССР в составе лингвиста Т. А. Шуба (руководитель), этнографа Н. М. Алексеева и Н. А. Габышева, который — явно неожиданно для себя — оказался в роли главного собирателя фольклорных текстов. Судя по сохранившимся документам, экспедиция 1946 г. была хорошо организована и снаряжена. Удачно было выбрано время работы — она велась в весенние месяцы, когда индигирцы возвращаются с песцового промысла и только ожидают массового хода рыбы. Экспедиция располагала бóльшим запасом времени, чем кто-либо другой, приезжавший на нижнюю Индигирку ради собирания фольклора. Фольклорная традиция еще активно бытовала, поддерживаемая сохранявшимся старым бытом и традиционной материальной культурой, отгороженностью мирка индигирцев от большого внешнего мира. Все эти обстоятельства предопределяли известный успех экспедиции 1946 г. Вместе с тем сказалось отсутствие профессиональной подготовки у Н. А. Габышева. Он неважно знал русский язык и тем более с трудом понимал мудреный диалект индигирцев, отсюда ошибки в написании слов или подмены диалектного произношения литературными нормами. Он предпочитал записывать под диктовку, что всегда утомительно для исполнителей и приводит к сбоям в стихах песен, к сбивчивости и к пропускам в прозе. Он не проявлял интереса к историческим, этнографическим и иным реалиям фольклорных текстов и не старался настойчиво расспрашивать о них исполнителей. И, разумеется, Н. А. Габышев просто не знал таких видов собирательской работы, как последовательный опрос по сюжетам, выявление предельного числа вариантов и версий. Тем не менее ему удалось зафиксировать эпический репертуар индигирцев с большей полнотой, нежели другим собирателям. После Н. А. Габышева собиратели — И. С. Гурвич в 1952 г., В. И. Зоркин и В. Д. Осипова в 1973 г., Е. И. Шастина в 1983 г. — лишь подтверждали бытование ранее отмеченных эпических текстов, но не находили иных.

Путем опроса по сюжетам не удалось расширить репертуар индигирцев и автору этих строк летом 1982 г. Жесткое ограничение временем (всего одна неделя!) при том, что индигирцы были заняты ловлей рыбы, для них столь же важной, как уборка урожая где-нибудь в южных краях, конечно, очень сдерживала осуществление тех собирательских опытов, какие мы привыкли проводить во время экспедиций на Русский Север в 50—60-е гг. Здесь вкратце скажем только по поводу бытования эпических произведений. Их знание было для индигирцев совершенно обычным еще 20—30 лет назад. С тех пор естественная передача эпических текстов от поколения к поколению прекратилась. Знание эпических текстов стало уделом немногих стариков,

увы, неизбежно уходящих из жизни и уносящих с собой остатки старого духовного наследия. Своими записями нам удалось подтвердить бытование лишь четверти всего ранее фиксированного эпического репертуара индигирцев. Все опрошенные старики охотно признавали, что они слышали некогда те или иные эпические произведения из числа зафиксированных на Индигирке, но никто из них — в ходе достаточно настойчивых расспросов по широкому кругу сюжетов — не мог добавить к известному репертуару еще какие-то эпические тексты. Из их ответов следовало, что эпический репертуар индигирцев стабилизировался не позже 20-х гг., времен молодости опрошенных стариков, и начал потихоньку отмирать уже в 40-е гг., что подтверждается качеством исполнения текстов, записанных Н. А. Габышевым, а позже процесс отмирания эпических текстов, причем в формах, аналогичных тем, какие наблюдались на Русском Севере, стал необратимым.

Определенной проверкой наших наблюдений и записей явилась поездка на Индигирку музыковеда Т. С. Шенталинской в январе 1985 г. Упорным повторением записей через выбранные интервалы времени она сумела уточнить знание исполнителями некоторых эпических текстов и записала несколько распевов. Но и ей не довелось обнаружить не фиксировавшиеся ранее на Индигирке эпические произведения.

Таким образом к настоящему времени в дельте Индигирки 121 записью отмечено бытование 37 русских эпических сюжетов:

Репертуар жителей нижней Индигирки

Название сюжета	Кол-во записей
1. Исцеление Ильи Муромца	6
2. Илья Муромец и Святогор	6
3. Дурак Сибиряк	3
4. Добрыня и змей	8
Михайлушко и змеядищо	3
5. Алеша Попович и Тугарин Змеевич	3
6. Илья Муромец и Соловей-разбойник	6
7. Илья Муромец и Идолище	5
8. Дюк Степанович	4
9. Племянники короля Ячмана и царь Елизар	3
10. Царь Соломан	(2)
11. Илья Муромец на Соколе-корабле	1
12. Данило Игнатьевич и его сын Михайло	7
13. Суровец	4
14. Калика читает Голубиную книгу	10
Илья Муромец поднимает Голубиную книгу и едет воевать	1
15. Илья Муромец и его сын	1
16. Садко	3
17. Невольники на море	1
18. Федор Колыческой и Софья Волховнична	7
19. Маринка-волшебница (Угрозы девушки молодцу)	1
20. Сестра зарезала брата (Сурарека)	1
21. Добрыня едет искать названного брата Илью Муромца	1
22. Князь Роман жену терял	1
23. Князь Волконский и ключник	3
24. Олеша Попович и Параня	1
25. Разорение гнезда сокола	3
26. Соловей манит кукушку в Казань	5
27. Иван Грозный хитростью берет город	1
28. Ермак	1
29. Скопин просит помощи у шведского короля	4
30. Осада Смоленска	2
31. Сынок Стеньки Разина	3
32. Разин в лодке	2
33. Сын Разина и два елынчата	1
34. Солдаты жалуются на Долгорукого	1
35. Атаман Гришков на корабле	3
36. Граф Черношлев в темнице у прусского короля	1
37. Шведский король требует возвращения городов	2
Всего . . .	121

Учитывая малочисленность индигирцев [35], можно подумать, что они лучше других сибиряков сохранили свой эпический репертуар и вообще являются своего рода рекордсменами по знанию эпических текстов. На самом же деле причины впечатляющих для Сибири результатов кроются в некотором усердии лиц, записывавших на Индигирке, и в частоте их наездов. Если бы собирание русских эпических произведений велось с той же активностью в других старожильческих поселениях Сибири, то наши знания о русской эпической традиции за Уралом были бы качественно иными по сравнению с теми, какие складываются на основе случайных и редких поездок любителей.

Почти каждое записанное на Индигирке эпическое произведение своеобразно. Для создания собственной версии произведения, как известно, требуется время и определенная ограниченность от родственных локальных традиций. То и другое на Индигирке имелось. И — благодаря разновременным записям, чего обычно нет по другим районам Сибири, — можно проследить, как складывалась местная версия и как она менялась с течением времени. Наряду с собственно индигирскими версиями (см. «Михайлушко и змеядищо», «Калика читает Голубиную книгу», «Сказка про Илью Муромца» и др.) в репертуаре индигирцев сохранились и произведения («Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Королевские племянники и царь», «Данила Игнатьевич и его сын Михайло», «Сестра зарезала брата» и др.), версии которых в эволюционном плане представляются более ранними, чем версии тех же произведений, записанные в европейской части страны.

Только на Индигирке были записаны следующие русские эпические тексты: «Калика читает Голубиную книгу» (№ 71—76), «Невольники на море» (№ 88), «Федор Колычевский и Софья Волховнична» (№ 108—111), «Разорение гнезда сокола» (№ 156, 156а), «Дурак Сибиряк» (Три богатыря, № 171; Сказка про мужика, 172), «Иван Грозный хитростью берет город» (№ 184), «Скопин просит помощи у шведского короля» (№ 191, 192), «Осада Смоленска» (№ 197), «Сын Разина и два елынчата» (№ 203). Иными словами, четверть индигирского репертуара представлена не фиксировавшимися в других местах русскими эпическими сюжетами, что нельзя не признать довольно внушительной величиной.

В ряде случаев путем сравнения индигирских текстов с родственными формами, бытовавшими в европейской части страны, удается определить происхождение занесенных на Индигирку или сформировавшихся там версий эпических текстов. Так, к локальным традициям восточной части Русского Севера, очевидно, восходят былины «Добрыня и змей» (№ 13—16), «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» (№ 23, 24), «Дюк Степанович» (№ 31) и «Калика читает Голубиную книгу» (№ 71—76), исторические песни «Сынок Стеньки Разина» (№ 201) и «Солдаты жалуются на Долгорукова» (№ 216). К эпической традиции бассейна р. Онеги, разделяющего западную и восточную части Русского Севера, близка лишь одна баллада — «Князь Волконский и ключник» (№ 145—146). Форм, сходных с текстами локальных традиций западной части Русского Севера, на Индигирке не найдено.

---

[35] По сведениям местного сельсовета, в 1982 г. в Полярном насчитывалось 186 «местных русских». Их численность неуклонно сокращается из-за низкой рождаемости и переселения некоторых жителей в другие места, в частности в райцентр Чокурдах.

Из текстов, очевидно сложившихся в средней полосе России, на Индигирке записали только балладу «Князь Роман жену терял» (№ 137). Если же учесть, что близкие версии этой баллады иногда обнаруживали и в восточной части Русского Севера, куда, как известно, шла широкая миграция населения из средней полосы, то правомерно предположить, что и эта баллада могла попасть на Индигирку через восточную часть Русского Севера.

К эпической традиции Верхнего Поволжья относится довольно редкая историческая песня «Скопин просит помощи у шведского короля» (№ 191, 192). С репертуаром Среднего и Нижнего Поволжья, а точнее, видимо, с репертуаром волжской вольницы XVI—XVII вв., именовавшей себя «казаками», связаны зафиксированные на Индигирке версии былин «Суровец» (№ 61) и «Садко» (№ 86, 87), баллады «Сестра зарезала брата» (№ 120) и «Разорение гнезда сокола» (№ 156, 156а), историческая песня «Иван Грозный хитростью берет город» (№ 184). Непосредственно к казачьему репертуару восходят песни «Невольники на море» (№ 88) и «Ермак» (№ 190).

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В БАССЕЙНЕ КОЛЫМЫ И АНАДЫРЯ

Поречье Колымы заселялось русскими, вероятно, почти одновременно с нижней Индигиркой, хотя состав русского населения на ней менялся чаще, чем на Индигирке. И здесь нас прежде всего интересуют фамилии жителей, от которых на протяжении последнего столетия записывали эпические тексты.

С 50-х гг. и до конца XVII в. среди служилых людей Якутского острога неоднократно называются казаки Дауров, Кривогорницын, Суздал и его сын Суздалев, Тотаринов (Тотарин) [36]. Носители этих фамилий еще не привязаны к Колыме, их посылают из Якутска в разные места воеводства, но они уже не в состоянии покинуть Якутию, а их дети или иные родичи в силу неизвестных обстоятельств оседают на берегах Колымы. В упоминавшейся Зашиверской исповедной росписи 1769 г. значатся казаки Давуров, Котельников, Кривогорницын, Олесов, Попов и др., разночинцы Бережной и Суздалов [37], — все эти фамилии вне всякого сомнения относятся к числу колымских. В другом документе 1771 г. названы Котельников, Налетов, Попов и Соковиков как лица, попавшие в Нижнеколымск после упразднения Анадырской крепости [38]. Таким образом, если ориентироваться на фамилии, то предки многих лиц, от которых на протяжении последнего столетия записывали русский фольклор, жили на Колыме уже в 60—70-е гг. XVIII в.[39]

Иной была ситуация на Анадыре. Там после 1770 г. гарнизон Анадырской крепости, русские промышленники и союзные чуванцы, одно из юкагирских племен, были вынуждены сжечь все постройки и уйти на Колыму. Повторное

---

[36] *Ионин А. А.* Новые данные к истории Восточной Сибири. — Иркутск, 1896. — С. 108, 109, 144; Колониальная политика Московского государства... (см. по Указателю имен); *Открытия* русских землепроходцев..., № 168, 176, 217.

[37] *В. Г.* Указ. соч.

[38] *Гурвич И. С.* Указ. соч. — С. 122.

[39] Перечень приведенных фамилий колымских старожилов со временем, наверное, расширится.

заселение Анадыря началось после Отечественной войны 1812 г., главную роль в нем играли чуванцы, успевшие на Колыме довольно сильно обрусеть. Поселок Марково, центр анадырских поселений в прошлом и место, где отмечено бытование русских эпических сюжетов, основан в 40-е гг. XIX в.[40] выходцами с Колымы[41], чем и объясняется совпадение с колымскими версий большинства эпических текстов, записанных в пос. Марково. «Совершенное обрусение» чуванцев наблюдалось уже в 60-е гг. XIX в.[42], а к концу прошлого века чуванцы Анадыря вместе с подселившимися мелкими группами своих сородичей юкагиров, а также русских, эвенов, коряков и даже чукчей образовали «единую» русскоязычную общину[43].

Хотя Колыму в XVIII—XIX вв. довольно часто посещали разные путешественники и научные экспедиции, неизменно проявлявшие интерес к истории и быту русских старожилов и даже записывавшие образцы фольклорных произведений (чаще преданий и быличек), тем не менее открытие бытования русских эпических песен на Колыме произошло очень поздно и, как это часто бывало, случайно. Для этого требовался человек, который хотя бы немного внимательнее прислушался к местным жителям и чуть-чуть разговорил бы их по поводу эпических песен. Таким человеком оказался политический ссыльный В. Г. Богораз. Едва попав на Колыму, он в 1895—1896 гг. объехал почти все поселения, где, между прочим, занимался собиранием фольклора и лексики колымчан. Отсутствие профессиональной подготовки обусловило невысокое качество записей и равнодушие собирателя к фиксации вариантов и версий. В. Г. Богораз, по существу, стремился представить отдельными образцами возможно более широкий круг фольклорных произведений, бытовавших среди русских старожилов. Однако вскоре внимание В. Г. Богораза переключилось на юкагиров: он увлекся составлением словаря и собиранием образцов юкагирского фольклора и более не возвращался к фольклору русскому.

Отдельные образцы русских эпических песен в Среднеколымске записывали сосланный польский социалист Я. Строжецкий в 1903 г. и Е. П. Попов в 1905 г. С тех пор собирание русского фольклора на Колыме надолго прервалось. Лишь осенью 1940 г. якутский фольклорист С. И. Боло, собиравший сведения о заселении Колымы якутами, попутно записал от жителей нижней Колымы несколько русских текстов, включая былины и баллады.

В послевоенное время к фольклору колымчан некоторый интерес проявляли преимущественно магаданцы. В 1959 г. С. А. Федосеева нашла на нижней Колыме сказителя М. Г. Решетникова и сделала от него неумелые записи. Через год Т. А. Селюкова сделала повторные, чуть лучшие записи от М. Г. Решетникова и отыскала еще несколько исполнителей. В 1965 г. преподаватель Магаданского пединститута Г. В. Зотов, изучая говор колымчан, записал и не-

---

[40] *Анадырский* край. Рукопись жителя села Маркова Дьячкова / Предисл. Ф. Ф. Буссе // Зап. О-ва изучения Амурского края. — Владивосток, 1893. — Т. II. — С. 67, 75; *Гондатти Н.* Сведения о поселениях по Анадырю // Зап. Приамур. отд. РГО. — Хабаровск, 1897. — Т. III, вып. 1. — С. 84.

[41] *Общий* очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения / Сост. А. В. Олсуфьев // Зап. Приамур. отд. РГО. — Спб., 1896. — Т. II, вып. 1. — С. 2, 24.

[42] *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской обл. — Спб., 1894. — С. 63.

[43] *Гурвич И. С.* Указ. соч. — С. 201—203.

сколько фольклорных образцов, включая два эпических текста. Еще одну балладу там же в 1973 г. записал московский музыковед И. А. Бродский-Богданов.

К 1982 г. якутизация мелких групп русских на средней Колыме стала свершившимся фактом. Перестал существовать и Нижнеколымск — его немногие жители почти все переселились в новый поселок Черский, поставленный на месте былых Нижних Крестов. Все заимки опустели. Потомки русских старожилов еще жили в Анюйске и в Походске. Летом 1982 г. автору этих строк случилось попасть на три дня в Походск [44]. Походчане гораздо чаще дивились эпическим сюжетам, о которых их спрашивали, жители признавали, что они когда-нибудь слышали нечто похожее. Наш опрос по эпическим сюжетам оказался безрезультатным, в отличие от опроса по другим сферам русской народной культуры.

Тем же летом музыковед Т. С. Шенталинская записала несколько баллад в Анюйске и других местах нижней Колымы. Ее следующая поездка, в начале 1985 г., оказалась успешнее. Т. С. Шенталинская сосредоточила внимание на русских старожилах в самом Черском, выходцах из Нижнеколымска и Походска. Выяснилось, что кое-кто из них помнит остатки былого эпического репертуара. Собирательница записала с распевами несколько фрагментов разных былин и баллад. Вместе с тем стало ясно, что отмирание русской эпической традиции на нижней Колыме почти завершилось.

О бытовании русских эпических текстов на среднем Анадыре впервые сообщил администратор А. В. Олсуфьев, побывавший на Анадыре в 1892 г. и упомянувший, что у марковцев «в целости сохранились старинные казачьи песни, сказки, былины, всюду давно забытые. . .» [45]. Однако реальные тексты получил все тот же В. Г. Богораз. Летом 1901 г., будучи в известной Джессуповской экспедиции Американского Музея естественной истории на Чукотку и Аляску, он проездом попал в Марково, где, очевидно, попросил некоего жителя записать для него несколько образчиков русских эпических песен, что тот и сделал в той степени, в какой это ему позволяла невысокая грамотность. Имя этого марковца остается безвестным — на тетради его записей имя не написано и В. Г. Богоразом. Сведения о марковском собирателе и беловой копии его записей (а может, и В. Г. Богораз тоже записывал?), возможно, хранятся среди неопубликованных материалов Джессуповской экспедиции, однако эти последние, как сообщили на наш запрос из Американского Музея естественной истории (Нью-Йорк), «еще не компьютеризованы», отчего сотрудники музея не в состоянии дать нужную справку. Сам В. Г. Богораз по неизвестным причинам молчал об открытии бытования русских эпических текстов на Анадыре, и о марковских записях мы узнали только в ходе работы над данным томом. Записи эти не паспортизованы. В двух случаях надписано: «От Алихи», что мы принимали за прозвище, ни о чем не говорящее до тех пор, пока не натолкнулись на скупое сообщение о том, что «в 1833 г. поверенный Чуванского и Ходынского родов бывший староста Алин подал колымскому окружному исправнику жалобу» на работников гижигского купца Петра Баранова [46]. Фамилия старосты позволяет связать марковскую Алиху с семьей его потомков, впрочем, без каких-либо уточнений.

---

[44] По сведениям, полученным в местном сельсовете, в 1982 г. среди походчан насчитывалось около 40 потомков русских старожилов.

[45] *Общий* очерк. . . — С. 73.

[46] *Гурвич И. С.* Указ. соч. — С. 201.

С 1960-х гг. собиранием русского фольклора на Анадыре занимался любитель Э. В. Гунченко, но нам неизвестно о составе и характере его записей, за исключением баллады «Сон о рождении сына и смерти жены» (№ 135).

В 1981 г. Т. С. Шенталинская, собиравшая в Маркове вечорочные и иные песни, нечаянно для себя натолкнулась на бытование двух сказок с былинными сюжетами — «Дюк Степанович» и «Илья Муромец и богатырь-чужеземец». В сказках кое-где встречаются ритмизованные фрагменты и стихи, напоминающие о том, что эти тексты некогда исполнялись в стихотворной форме. Находки Т. С. Шенталинской побуждали выяснить, что же еще из эпических сюжетов знает ее рассказчик И. И. Куркутский, знают ли русские эпические тексты и в какой форме другие марковцы, и, следовательно, требовали новой поездки на Анадырь. Выяснение этих вопросов попутно взяла на себя магаданская фольклористка Л. Е. Большакова. Снабженная нашим вопросником, она выезжала в Марково весной 1985 г. и сделала повторные записи сказок от И. И. Куркутского. К ним прибавились еще две сказки: «Илья Муромец и Идолище» и явно местная версия контаминации «Исцеление Ильи+Илья и Святогор». Поездка Л. Е. Большаковой таким образом подтвердила бытование в Маркове сказок на русские былинные сюжеты, но, к сожалению, не позволила выявить круг их знатоков и другие моменты истории их бытования.

В итоге, по имеющимся сведениям, на Колыме и Анадыре отмечено бытование 34 русских эпических сюжетов, представленных 75 записями:

Репертуар жителей Колымы и Анадыря

Название сюжета	Кол-во записей
1. Исцеление Ильи Муромца	1
2. Илья Муромец и Святогор	(1)+1
3. Добрыня и змей	3
4. Алеша Попович и Тугарин Змеевич	2
5. Илья Муромец и Идолище	2
6. Дюк Степанович	5
7. Илья Муромец на Соколе-корабле	2
8. Потоп Михайлович (Иван Годинович)	1
9. Царь Соломан	(1)
10. Данило Игнатьевич и его сын Михайло	9
11. Сухан сообщает князю Владимиру о нашествии	1
12. Туры	1
13. Калика читает Голубиную книгу	1
14. Илья Муромец и богатырь-чужеземец	2
15. Девушка нашла милого утонувшим	1
16. Садко	1
17. Иван Кулаков (Иван Гостиный сын)	2
18. Теща в плену у зятя	4
19. Федор Колыческой и Софья Волховична	1
20. Угрозы девушки молодцу	1
21. Добрыня и Настасья	1
22. Добрыня и Алеша (Муж на свадьбе своей жены)	1
23. Сон о рождении сына и смерти жены	3
24. Князь Волконский и ключник	3
25. Молодец и королевична	(1)
26. Добрыня и Маринка	2
27. Параня	1
28. Сокол улетел из неволи	1
29. Соловей манит кукушку в Казань	2
30. Отравление Скопина	8
31. Незнамушка	1
32. Граф Чернышев в темнице у прусского короля (в светлице у татар)	5
33. Смерть Лопухина	3
34. Шведский король требует возвращения городов	1
Всего...	75

Из этого числа сюжетов пять — «Калика читает Голубиную книгу», «Федор Колыческой и Софья Волховична», «Добрыня и Настасья», «Добрыня и Алеша», «Соловей манит кукушку в Казань» — записаны от индигирцев, переселившихся на нижнюю Колыму полвека назад. Сами колымчане, судя по опросам 1980-х гг., этих сюжетов не знают и не слыхали. Поэтому реально зафиксированный эпический репертуар Колымы и Анадыря нужно считать меньшим на число этих сюжетов. Разумеется, среди колымчан бытовало значительно больше эпических песен, чем их оказалось записано. Так, в 1900 г. В. Г. Богораз писал: «По рассказам, лет 30 тому назад в памяти посказательных людей сохранялись еще старины о Ермаке Тимофеевиче, Стеньке Разине и какая-то песня о Григории Отрепьеве, но в оспенный 1884/5 год все эти люди вымерли и старины потерялись» (Богораз, с. 170—171).

На Колыме и Анадыре наиболее примечательны былины «Дюк Степанович» (№ 32, 33), «Иван Кулаков» (№ 92, 93) и «Добрыня и Маринка» (№ 149). Их версии содержат элементы, более ранние в эволюционном отношении, чем те, которые имеются в вариантах тех же произведений, записанных в европейской части страны.

Местными версиями выделяется несколько произведений: «Теща в плену у зятя» (№ 95—97), «Угрозы девушки молодцу» (№ 116), «Незнамушка» (№ 215), «Чернецов в светлице» (№ 223—225) и др. В отдельных случаях, благодаря разновременным записям, можно проследить оформление местной версии, а ведь образование версии — верный признак длительного бытования текста на местной почве и немеханического, вдумчивого его исполнения.

Как и в других местах Сибири, эпический репертуар Колымы и Анадыря по происхождению — смешанный. Самой заметной его частью являются былины и исторические песни, также, наверное, занесенные из восточной части Русского Севера: «Добрыня и змей» (№ 19), «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» (№ 25, 26), «Илья Муромец на Соколе-корабле» (№ 45, 46), «Потоп Михайлович» (№ 49), «Данила Игнатьевич и его сын» (№ 56—59), «Отравление Скопина» (№ 193—195), «Незнамушка» (№ 215).

С эпической традицией бассейна р. Онеги, по-видимому, связана былина «Добрыня и Маринка» (№ 149, 150). К традиции западной части Русского Севера восходят обе версии былины «Дюк Степанович» (№ 32—34) и предположительно былина «Илья и Идолище» (№ 29). К среднерусским по происхождению формам относятся баллады «Параня» (№ 152) и «Сокол улетел из неволи» (№ 159), к южно-русским — баллада «Сон о рождении сына и смерти жены» (№ 134, 135).

Примечательно, что по сравнению с репертуаром Индигирки среди эпических текстов Колымы и Анадыря нет собственно казачьих песен, чьи истоки уходят к традициям Дона, Терека и других казачьих мест юга России. Здесь найдены только очень редкие опосредованные формы вроде «Незнамушки», окончательно сложившейся уже в местных условиях. А это означает, что выходцы из Поволжья или с юга России, если и попадали на Колыму и на Анадырь, то почти ничего не добавляли к местному фольклорному репертуару.

Эпические репертуары Индигирки и Колымы сближают главным образом тексты, восходящие к традициям восточной части Русского Севера, в особенности старшие произведения — «Добрыня и змей», «Алеша Попович и

Тугарин Змеевич», «Данила Игнатьевич и его сын» и др. Это совпадение несомненно свидетельствует о том, что в числе первопоселенцев на этих реках были выходцы из восточной части Русского Севера, быть может, из одних и тех же или соседних мест.

Эпический репертуар Анадыря отличается от колымского версиями всего в двух случаях. Иной версией, чем на Колыме, там представлена былина «Илья Муромец на Соколе-корабле» (ср. № 46 и 45). На Анадыре бытовала наряду с колымской еще одна версия былины «Дюк Степанович» (ср. № 34 и 32, 33). Разные версии одного произведения в этих случаях указывают на то, что они были занесены туда уроженцами разных мест Русского Севера. Вместе с тем бытование разных версий служит верным показателем того, что на Анадыре процесс унификации эпического репертуара полностью не завершился даже на этапе отмирания традиции. Вполне возможно, что бытование разных версий на Анадыре отражает и состояние эпической традиции на Колыме в то время, когда оттуда обруселые чуванцы стали возвращаться на Анадырь. Но факт бытования разных версий на Анадыре может иметь и иное объяснение. Известно же, что в XIX в. в Маркове жило несколько семей русских выходцев из Гижиги, небольшого порта на Охотском побережье, поэтому бытование на Анадыре версий, отличающихся от колымских, можно было бы объяснить и влиянием гижигинских выходцев, если бы существовали надлежащие факты, в частности родословные и другие связи марковцев, контрольные записи соответствующих текстов в самой Гижиге.

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ И ПРИАМУРЬЕ

В Забайкалье русские стали утверждаться с 50-х гг. XVII в. Число служилых людей, или казаков, здесь, как и в других районах Сибири, не превышало нескольких сот человек. В их ряды постоянно приверстывались выходцы из разных социальных слоев и, очевидно, уроженцы разных мест. С начала XVIII в. наблюдается процесс растворения этих казаков и их потомков в растущем городском населении Забайкалья. Они, конечно, обладали каким-то эпическим репертуаром. В их среде создавались даже собственные эпические поделки типа песни «Поход селенгинских казаков» (КД, № 35), в которой, наверное, отражено событие конца XVII в.[47] Однако, за исключением этой песни, их репертуар остался неизвестным. Он не оставил после себя никакого иного видимого следа, если судить по сделанным в Забайкалье записям эпических произведений.

Крестьяне прочно осваивали Забайкалье с начала XVIII в. Долгое время они расселялись преимущественно в западной его части (ныне Бурятская АССР), по восточному побережью Байкала, в бассейне Селенги и Баргузина. Ссылаясь на известного краеведа нерчинского купца М. А. Зензинова, П. А. Словцов подчеркивал, что еще в середине XVIII в. на Шилке, т. е. в вос-

[47] *Левашов В. С.* Военно-исторические песни предков забайкальских казаков // Учен. зап. Читинского пед. ин-та. — Чита, 1971. — Вып. 23: Вопросы рус. языка и лит. — С. 26—32.

точной части Забайкалья (ныне Читинская обл.), насчитывалось едва ли 15 русских поселений [48].

С середины же XVIII в. вольное заселение Забайкалья крестьянами постепенно уступает свою первенствующую роль принудительному переселению. С этого времени туда партия за партией направляются старообрядцы из Восточной Белоруссии, составившие на новом месте особую этнографическую группу, которую стали называть «семейскими» [49]. Работящие, хозяйственные, домовитые, они быстро освоились на р. Чикой и ее притоках и превратились в Забайкалье в главных производителей товарного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Им неизменно уделяли внимание, их нахваливали все путешествующие лица (ссыльные, литераторы и др.). И, может быть, оттого у семейских чаще собирали фольклор, чем у других социальных групп Забайкалья, но при этом для поиска эпических произведений собиратели не прилагали усилий. От семейских записывали почти исключительно поздние лирические песни, «жестокие» романсы и песни литературного происхождения, отчего приходится заключить, что в XX в. или даже раньше изначальный песенный репертуар семейских исчез совсем.

В петровские времена за Байкалом начала развиваться горная промышленность. Уже с 1704 г. к Нерчинскому и другим горным заводам царские власти принялись приписывать крестьян [50]. Их нехватка побуждала власти переселять крестьян из Западной Сибири и других мест, а позже, с XIX в., власти предпочитали направлять на горные заводы Забайкалья широкий поток ссыльных и каторжан.

Превращенное в место ссылки и каторги Забайкалье, по мнению властей, нуждалось в постоянных местных военных силах. И в 1822 г. создается Забайкальский казачий полк численностью 1,4 тыс. сабель. Назначение и функции этого полка очень скоро стали расширяться. Поэтому в 1851 г. было образовано Забайкальское казачье войско, куда, между прочим, было включено 29 тыс. мужчин из числа крестьян, приписанных к Нерчинским горным заводам [51]. В 60—70-е гг. XIX в. состав этого войска постоянно пополнялся за счет перевода из европейской части страны штрафных солдат и нескольких партий казаков. С этого времени и до 1917 г. население обоего пола, официально относимое к Забайкальскому казачьему войску, неизменно составляло более четверти всего населения Забайкалья [52].

Забайкалье послужило исходной базой для заселения русскими Амура и Уссури. Почти десять лет семейские бесплатно снабжали первопоселенцев Амура хлебом и другими припасами [53] и таким образом спасали от голодной

---

[48] *Словцов П. А.* Историческое обозрение. . . — С. 148, примеч.

[49] *Геденштром М.* Отрывки о Сибири. — Спб., 1830. — С. 60—62; *Прыжов И. Г.* Очерки, статьи, письма. — М.; Л., 1934. — С. 330—352; *Ровинский П. А.* Этнографические исследования в Забайкальской обл. // Изв. Сиб. отд. РГО. — Иркутск, 1872. — Т. III, № 13. — С. 120—133; *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). — Новосибирск, 1975. — С. 73—74, 123—124; *Болонев Ф. Ф.* Семейские: Историко-этнографические очерки. — Улан-Удэ, 1985; *Шмулевич М. М.* Очерки истории Западного Забайкалья XVII—середины XIX в. — Новосибирск, 1985. — С. 23—27, 57—70.

[50] *Шмулевич М. М.* Указ. соч. — С. 51—52.

[51] *Воробьев В. В.* Указ. соч. — С. 93—94.

[52] Там же. — С. 226.

[53] *Прыжов И. Г.* Указ. соч. — С. 351—352.

смерти множество людей, в тягостях и лишениях осваивавших новые места. Забайкалье дало Амуру и Уссури и людей. Только в 1857—1863 гг. из Забайкальского казачьего войска туда переселили около 12 тыс. «душ обоего пола» [54]. Именно среди выходцев из Забайкальского казачьего войска на среднем Амуре полвека спустя сделает свои записи М. К. Азадовский.

Позднее заселение Забайкалья, а за ним и Амура обусловило эволюционно поздний характер бытовавших там эпических текстов: чем позже там поселялись русские, тем более поздние эпические формы они приносили с собой. Очень смешанный состав русского населения за Байкалом предопределил и смешанный эпический репертуар. Впрочем, о репертуаре говорить по существу невозможно, ибо тут никто не пытался выявить его хотя бы приблизительно в пределах одной семьи или одного населенного пункта. Все записи эпических песен в Забайкалье делались случайно или попутно, постольку, поскольку их тексты по субъективным причинам заинтересовывали записывателей. При этом самые интересные из русских эпических песен Забайкалья (см. ниже, № 2, 7, 10, 11, 13, 17—19) не имеют сведений о месте записи и о конкретной социальной среде бытования, без чего их фиксацию нельзя связать с историей заселения Забайкалья. Чуточку больше внимания, чем песням, собиратели уделяли сказкам об Илье Муромце. Чаще их записывали среди обруселых бурят Тункинской долины, где на их бытование первым натолкнулся в 1927 г. М. К. Азадовский (см. примеч. к № 163—165), и изредка — в районе Баргузина (№ 8), в районе Сретенска (№ 6) и др.

В общей сложности в Забайкалье зафиксировано бытование 19 русских эпических сюжетов, представленных 71 записью, половина из которых приходится на поздние формы баллад «Угрозы девушки молодцу», «Муж-разбойник», «Муж жену губил», «Молодец манит девушку в Казань» («Соловей кукушку уговаривал»):

Репертуар жителей Забайкалья

Название сюжета	Кол-во записей
1. Илья Муромец и Святогор	6
2. Скимен-зверь	1
3. Конь заслышал большую невзгодушку	1
4. Исцеление Ильи Муромца	9
Исцеление Ивана-калеки	1
5. Илья Муромец и Соловей-разбойник	5
6. Илья Муромец и Калин-царь	2
7. Тихий Днепр и Настасья-королевична	1
8. Угрозы девушки молодцу	1
9. Муж-разбойник	4
10. Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца	1
11. Ставер Годинович	1
12. Муж жену губил	7
13. Сокол попал в клетку	1
14. Небылица	3
15. Молодец манит девушку в Казань	13
Соловей кукушку уговаривал	9
16. Сынок Стеньки Разина	2
17. Осада Соловецкого монастыря	1
18. Поход селенгинских казаков	1
19. Казань стрелецкого атамана	1
Всего. . .	71

[54] *Воробьев В. В.* Указ. соч. — С. 168—170. О расселении казаков по станицам и хуторам см.: *Описание* Амурской обл. / Сост. Г. Е. Грум-Гржимайло. — Спб., 1894. — С. 415—531.

По сравнению с аналогами из других мест забайкальским текстам нередко присущи свои версии, а это значит, что там тексты бытовали не одно поколение. Из забайкальских записей наибольший интерес представляет былина «Ставер Годинович» (№ 131), содержащая незавершенную попытку создания оригинальной версии, производной от типа алтайской (№ 130). Примечательна песня «Тихий Днепр и Настасья-королевична» (№ 90), восходящая к редкой версии былины «Непра и Дон», бытовавшей в западной части Русского Севера. Своя версия присуща тексту «Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца» (№ 121) — в Забайкалье он попал, наверное, из средней полосы России, пройдя, однако, через какие-то промежуточные районы, по-видимому, через западную часть Русского Севера. Вероятнее всего из восточной части Русского Севера попал в Забайкалье список песни «Осада Соловецкого монастыря» (№ 205). Уже на этих, сколько-нибудь опознаваемых примерах видна смешанность репертуара Забайкалья. Слишком явного преобладания текстов, по происхождению восходящих только к одному району европейской части страны, здесь нет.

Судя по записям отдельных эпических текстов, сделанным в последнее время В. П. Зиновьевым и другими иркутскими собирателями, Р. П. Матвеевой (Улан-Удэ) и студентами под руководством В. С. Левашова (Чита), еще не исчерпаны возможности обнаружения в Забайкалье сказок на былинные сюжеты, баллад и фрагментов старших исторических песен. Целенаправленный поиск в старожильческих поселениях Забайкалья еще может принести новые записи таких произведений.

Что касается бытования русских эпических произведений на Амуре, то прежде всего следует помнить, что русские пытались освоить Амур еще в XVII в., но к концу века были принуждены уйти. Эти первопроходцы, конечно, обладали запасом эпических песен, о чем свидетельствует построенная на хорошем знании былинных канонов песня «Осада Комарского острога» (№ 198), затем унесенная безвестным человеком на Урал. Кроме этой песни, от репертуара первопроходцев ничего не осталось.

Расселившиеся на среднем Амуре в прошлом веке забайкальские казаки принесли иную фольклорную традицию. Ее обследовал М. К. Азадовский летом 1913 г. и в январе—марте 1914 г. Он побывал в станицах Михайло-Семеновская и Екатерино-Никольская, а также на нескольких хуторах, административно относящихся к этим станицам [55]. Во время второй поездки М. К. Азадовский обнаружил бытование эпических песен и записал, по его словам, былин «только две целиком и несколько былинных отрывков» (Азад. Отчет, с. 41). Сам он не назвал сюжетов, и мы не уверены, что начинающий собиратель, каким тогда был М. К. Азадовский, хорошо разбирался в эпических сюжетах и мог настойчиво расспрашивать о них казаков. Те знали больше эпических текстов, чем они сообщили молодому собирателю, Так, в заговоре «от колотья» имеется нетрадиционное обращение к батюшке (явно князю) Владимиру и Илье Муромцу [56]; пользуясь этими упоминаниями, опытный собиратель не преминул бы расспрашивать местных жителей о соответствующих былинных сюжетах. Помимо былин, собирателю случилось найти

[55] Перечень пунктов см.: Красноштанов, с. 92.

[56] *Азадовский М.* Заговоры амурских казаков // ЖС. — 1914. — Вып. 3—4. — Прил. — С. 8.

две версии («татарскую» и «турецкую») баллады «Теща в плену у зятя», что свидетельствует о занесении их из разных мест европейской части страны, а также исторические песни «Сынок Стеньки Разина» и «Смерть Лопухина» [57]. Вполне вероятно, что среди множества записанных им «лирических» песен имелись еще какие-то баллады, но сам собиратель об этом не догадывался. Главное же, однако, то, что почти все записи М. К. Азадовского погибли самым нелепым образом во время революции [58], отчасти по вине собирателя, не потрудившегося копиями продублировать тексты.

От всех эпических записей М. К. Азадовского на Амуре уцелел один восковой валик, хранящийся в Фонограмархиве Пушкинского дома (Ленинград). Расшифровкой записи на этом валике в свое время занимался Б. М. Добровольский, опубликовавший всего два начальных стиха (БРМЭ, с. 551—552). Поверхность валика оказалась слишком поврежденной — хрупкая поверхность не терпит многократного использования, чем, по-видимому, пренебрег Б. М. Добровольский. Вместе с В. В. Коргузаловым автор этих строк пытался разобрать, что же записано на этом валике. Мучительными были и наши попытки вместе с Т. С. Шенталинской расслышать текст на магнитной копии. Прослушиваются только отдельные слова в некоторых стихах и изредка целые стихи, а современная техника не позволяет снять шумовой фон, перекрывающий пение. Тем не менее общими усилиями удалось разобрать, что на валике записана не одна былина «Иван Гостиный сын», как полагал Б. М. Добровольский, а две — в конце записи звучит былина «Ставер Годинович». Обе они уверенно пропеты одиноким мужским голосом. Былина «Иван Гостиный сын» спета полностью в пределах изложенной версии. Из былины «Ставер Годинович» пропета начальная часть. По характеру версий обе былины восходят к традиции западной части Русского Севера. Это не случайно, если учесть, что и в самом Забайкалье отмечено бытование произведений, версии которых, наверное, тоже перенесены из западной части Русского Севера (см. выше). Поэтому можно полагать, что в эпической традиции Забайкальского казачьего войска ко времени переселения части казаков на Амур тексты, унаследованные из западной части Русского Севера, бытовали несколько активнее, чем иные по происхождению тексты, отчего они и были замечены собирателями. Первенствующей (впрочем, по спорадическим записям!) ролью текстов, происходящих из западной части Русского Севера, Забайкалье отличается от других районов Сибири, где, как мы констатировали, в репертуаре преобладают произведения, унесенные из восточной части Русского Севера, а на втором — тексты из Поволжья или с казачьего юга России.

Точных сведений о собирании эпических текстов среди казаков или других русских жителей Амура не имелось вплоть до 1971 г., когда студенты Хабаровского пединститута записали балладу «Муж-разбойник» в с. Екатерино-Никольском, той самой бывшей уже станице, где некогда записывал М. К. Азадовский. В крестьянской среде поздних переселенцев в Амурской обл. Р. П. Матвеева неожиданно для себя записала в 1968 г. «Повесть про Илью Муромца» (№ 166).

---

[57] Азад. Отчет, с. 41; Красноштанов, с. 95 и 96.
[58] Кратко об этом см.: Красноштанов, с. 90.

Столь же единичными, насколько известно, были записи русских эпических текстов в других местах Дальнего Востока. Они делались, по-видимому, лишь от людей, переселявшихся на новые места уже довольно поздно, непосредственно перед войной или в послевоенное время. Так, в Анучинском и Ольгинском р-нах Приморского края отмечено бытование поздних форм баллады «Молодец манит девушку в Казань» (№ 174—175), на Южном Сахалине — баллады «Теща в плену у зятя» (№ 238). В долине р. Камчатки четверть века назад была найдена баллада «Насильственное пострижение» [59] — явный след северно-русского происхождения ее носителей и всего лишь вторая, после Тувы, фиксация этого текста за Уральским хребтом.

РУССКИЙ ЭПИЧЕСКИЙ РЕПЕРТУАР СИБИРИ И СБОРНИК КИРШИ ДАНИЛОВА

Помимо описанных репертуаров и отдельных фиксаций эпических произведений в районах Сибири и Дальнего Востока, надо хотя бы бегло остановиться на вопросе о сборнике КД или, иначе, на том, относятся ли Урал и зафиксированная там русская эпическая традиция к Сибири и к числу собственно сибирских локальных традиций. Некоторые ученые как в прошлом, так и недавно (В. Ф. Миллер, М. К. Азадовский, Я. Р. Кошелев и др.) отвечали на этот вопрос утвердительно, не приводя, впрочем, сколько-нибудь серьезных доводов, хотя и признавали вместе с тем, что записи текстов КД были сделаны все же где-то в пределах уральских владений Демидовых.

Отнесение этих владений царскими администраторами к Сибири трудно признать убедительным доводом, тем более что при этом уральские горные заводы включались в состав Пермской губ., еще в середине прошлого века охватывавшей и некоторые места Зауралья (например, Курган). Нелепо сетовать на путаницу в головах стародавних и иных чиновников, ретиво и постоянно перекраивавших границы административных единиц, — уместнее ориентироваться на естественные границы географических районов (как это сделано выше), которые редко совпадали с границами административными. Нет нужды подражать чиновникам в их географических «открытиях» и относить Урал к Сибири.

Другой, более существенный для фольклористов вопрос заключается в том, действительно ли тексты КД были собраны на Урале, ибо в сборнике нет сведений о местах их записи. Сибирские реалии, содержащиеся в некоторых текстах, тоже побуждали многих людей, кто к ним обращался говорить о сибирском происхождении всего сборника КД. Не замечая своей элементарной логической ошибки, легко позволяющей отождествить часть и целое, эти люди закрепляли ее тем, что связывали все тексты сборника только с одним исполнителем и даже составителем — с разудалым казаком Киршей Даниловым, о каковом по сей день сочиняются преудивительнейшие истории.

Автору этих строк пришлось предпринять собственное исследование

---

[59] *Бондарева Н. А.* Некоторые особенности русского фольклора в долине р. Камчатки и в Тигиле // Мат-лы межвуз. науч. конф. по проблемам сов. литературы, фольклора и говора Дальнего Востока. — Хабаровск, 1968. — С. 56. О местонахождении записи нам неизвестно.

текстов КД с упором на разыскание сходных с ними произведений, где-либо записывавшихся. Итоги этого исследования частично опубликованы [60], и интересующиеся могут с ними ознакомиться. Здесь же скажем вкратце о следующем. К большей части текстов КД обнаруживаются эволюционно соотносимые формы. Чаще это произведения, бытовавшие в западной части Русского Севера, в Поволжье, включая Верхнее, от Костромы до Твери, и у казаков. По своему происхождению тексты КД, следовательно, нередко отличаются от текстов сибирской записи, среди которых преобладают формы, перенесенные из восточной части Русского Севера, и почти незаметны песни верхневолжского происхождения.

Эволюционная перекличка, а порою и просто тождество текстов КД с произведениями, записанными в разных районах европейской части России (не говоря уже о других доказательствах, приведенных нами в упомянутой работе), исключают какие-либо суждения о том, что сборник КД — плод исполнительского мастерства одного лица. В сборник вошли записи, отчасти или сильно редактированные, от разных лиц, уроженцев разных мест, волею судьбы оказавшихся там, где возникали и расширялись заводы Демидовых.

Что касается текстов сибирского происхождения, то их, в своей основе или частично возникших именно в Сибири, в составе сборника КД мы пока находим только три: «Ермак взял Сибирь» (№ 14), «Поход селенгинских казаков» (№ 35) и «Осада Комарского острога» (№ 44). В каждом из них получили отражение события XVII в., случившиеся в Сибири: в первом из названных текстов — в районе Красноярска на Енисее, во втором — в Забайкалье, в третьем — на верхнем Амуре.

Судя по разновременности событий, с интервалом между крайними датами в добрых шестьдесят лет, и по другим признакам, в них не мог принимать участие только один человек. То были разные люди, скорее всего свидетели этих событий, ибо вряд ли кто-то помимо них мог изначально знать определенные детали сибирских событий да и старался бы запомнить текст об очень конкретном случае. Эти люди почему-то оказались на Урале, поблизости от мест, где с самого начала XVIII в. стала зарождаться горно-заводская промышленность. Они, конечно, не дожили до времени собирания фольклорных текстов, позже частично вошедших в сборник КД. Тексты о сибирских событиях передавали на запись, вероятнее всего, их родичи, быть может, сыновья или внуки, еще сохранившие диковинные истории, возможно, в память о покойных стариках — об этом свидетельствуют кое-какие несуразности, пропуски и облегченные решения столкновений в текстах.

Сибирские тексты из сборника КД примечательны как крупицы творчества русских людей, осваивавших в XVII в. необозримые просторы Сибири, и потому вполне относятся именно к русскому эпическому репертуару Сибири. Они дошли до нас благодаря череде счастливых случайностей. И очень жаль, что судьба не была благосклонной к иным сибирским образцам эпического творчества русских людей, наверное откликавшимся на достаточно громкие для своего времени события.

---

[60] *Смирнов Ю. И.* «Эрлангенская рукопись» и «Древнероссийские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» // Русско-сербские литературные связи XVIII—начала XIX в. — М., 1989. — С. 161—228.

ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ХАРАКТЕР ПРЕДЛАГАЕМОГО ИЗДАНИЯ

Наши, впрочем, отнюдь не всеобъемлющие разыскания текстов сибирской записи в печатных изданиях и в архивах, щедрая помощь многих фольклористов, профессионалов и любителей, и некоторая активизация собирательства на протяжении последних лет привели к тому, что в наши руки попало — в копиях рукописных и печатных воспроизведений и магнитных записей — около 800 вариантов русских эпических текстов сибирской записи [61], содержащих 146 сюжетов былин, баллад, скоморошин и исторических песен XVI—XVIII вв. Эти цифры оказались волнующей неожиданностью для многих. Достаточно напомнить, что в 1939 г. М. К. Азадовский — при довольно избирательном, как теперь выясняется, подходе — насчитывал менее 100 русских эпических текстов сибирской записи (см. его вступительную статью: Гул. 1939), а в 1968 г. В. М. Сидельников в свой свод, совершенно ужасный в текстологическом отношении, включил 119 былин, сказок на былинные сюжеты и отдельных баллад, причем среди них едва ли не половина текстов, по нашим подсчетам, непохожа на подлинные записи. Приступая к учету русских эпических текстов сибирской записи, мы предполагали, что величина текстов преуменьшена В. М. Сидельниковым, по крайней мере в два раза, — и ошиблись в свою очередь. Из этого ряда ошибок нужно, очевидно, сделать вывод и о том, что полученное нами количество текстов и сюжетов не окончательно: в недрах архивов и частных собраний наверное таятся какие-то тексты, а старания собирателей еще могут принести новые записи, новые варианты или даже версии фиксировавшихся в бытовании произведений.

Полученные результаты — около 800 выверенных и проанализированных нами текстов и сюжетов — представляют собой, как это ни странно, первый опыт составления корпуса русских эпических произведений, в данном случае — бытовавших в Сибири и на Дальнем Востоке. По эпическим традициям Русского Севера и других районов европейской части страны подобные корпусы текстов пока что не составлялись. Поэтому сравнение разных крупных районов России по всему сопоставимому кругу эпических произведений остается весьма трудоемким делом будущего. Тем не менее уже теперь можно с уверенностью сказать, что не Поволжье и не казачий юг России, а Сибирь по числу записанных русских эпических произведений и по числу зафиксированных сюжетов уступает только Русскому Северу, где, как известно, собирательская работа велась с гораздо большим размахом вплоть до последнего времени. Весомость русского эпического фонда Сибири обязывает исследователей впредь привлекать сибирские записи для изучения истории (эволюции) тех эпических произведений, чье бытование отмечено и в европейской части России. Таким значением сибирского корпуса можно утешаться, это не может

---

[61] Тут мы вынуждены учитывать и несколько десятков текстов, сомнительных с нашей точки зрения, — от подвергшихся литературной обработке до откровенных фальсификаций. Они до сих пор еще считаются подлинными записями. И с ними пришлось поработать, прежде чем удалось разобраться в их истинной природе.

В других местах нашего сборника сведения о сомнительных текстах не учитываются.

не радовать патриотов Сибири[62], но нельзя удержаться от того, чтобы с горечью не признать, что Сибирь в отношении русских эпических текстов — это скорее край безвозвратно упущенных возможностей, нежели место строгой собирательской работы и ее серьезных результатов.

Опираясь на письменные источники, историки Сибири довольно единодушны в том, что на протяжении XVII в. за Урал направлялись чаще других выходцы из восточной части Русского Севера: они составляли костяк служилых и промышленных людей, из них и их потомков возникало устойчивое население. С этим заключением историков вполне совпадают результаты наших опытов по определению происхождения русских эпических произведений сибирской записи: во всех местах со сколько-нибудь выраженным эпическим репертуаром, кроме Забайкалья и Амура, и часто даже в местах фиксации отдельных текстов, наиболее характерны или опознаваемы как раз произведения, занесенные из восточной части Русского Севера. Совпадение основанных на независимых источниках результатов родственных наук взаимно объективизирует эти результаты и превращает их в надежную истину. Это совпадение, надеемся, приведет к расширению подобных фольклористических опытов путем привлечения произведений других фольклорных жанров, что позволяло бы глубже знать, из каких источников и каким образом формировались в Сибири местные традиции русской народной духовной культуры.

Значительную роль в сохранении эпической традиции и в передаче текстов на запись сыграли старообрядцы европейской части России: именно от них часто записывали эпические песни на Русском Севере, от Заонежья до Печоры, и на казачьем юге, на Дону, Тереке и Урале (Яике). Среди же старообрядцев Сибири, напротив, чересчур редко записывали эпические произведения. Роль старообрядцев в сохранении эпической традиции в Сибири осталась (и, видимо, навсегда!) невыясненной. Единичные фиксации текстов, записанных от старообрядцев в последние годы, не вселяют надежд на обнаружение крупного эпического репертуара в их среде.

Бытование русских эпических произведений в Сибири вплоть до наших дней поддерживали главным образом люди, не имевшие отношения к старообрядческим общинам. Их предки, унесшие эпические песни за Урал, также не были связаны со старообрядчеством, если судить по родословным и другим источникам.

В XVII и даже в XVIII в. переносчиками эпических произведений за Урал были по преимуществу мужчины, в чьем репертуаре, как и подобает, преобладали, былины, сказки на былинные сюжеты и исторические песни. Косвенным подтверждением преимущественной роли мужчин в перенесении эпических текстов и в сложении за Уралом местных репертуаров служит тот факт, что в Сибири почти нигде не находили столь любимые женщинами баллады в подобной былинам классической форме, со сходными распевами и художественными средствами: место баллад здесь обычно занимают песни бал-

[62] Вспомним, что сибирские областники и патриоты второй половины XIX—начала XX в. в своем неведении даже отрицали способность русских переселенцев за Уралом сколько-нибудь знать и сохранять эпическую традицию, чем побуждали любителей и ученых воздерживаться от собирательских поисков.

ладного типа, с более поздними эволюционными качествами и, как представляется, поздно туда занесенные.

Нам заранее было ясно, что все эпические произведения, записанные в Сибири и на Дальнем Востоке, не удастся поместить в один сборник. И вместе с тем был бы нелепым и непонятным отказ от того, чтобы показать собранный корпус текстов. Отсюда пришло решение привести сведения о записанных произведениях предельно сжато, в виде «Указателя сюжетов и мотивов-перенесений». Указатель содержит сведения о количестве всех текстов, известных на время составления этого сборника.

Указатель состоит из двух частей. Первая из них варьирует систему, построенную нами на базе множества сходных эпических произведений славянских народов [63]. Эта система постоянно использовалась нами в работе над массовым материалом [64]. Подобно крупным сериям текстов какого-либо другого региона, сибирский корпус, конечно же, не занимает все позиции системы, однако такое расположение текстов наглядно раскрывает, какие элементы системы покрываются сибирскими записями. И это позволяет наметить пути их системного изучения в разных сравнительно-исторических аспектах, ибо первая часть указателя содержит русские параллели, генетически родственные или типологически сходные не только с русским же материалом европейской части страны, но и с эпическими произведениями других славянских народов.

Вторую часть указателя составили «прочие исторические песни». Они расположены по вполне точному или вероятному времени описываемых в них событий. К ним нет славянских параллелей, с помощью которых раскрывалась бы эволюция соответствующих эпических произведений славянского мира. Почти все они оригинальны, т. е. русские и по происхождению. Оттого они и выделены.

«Указатель сюжетов и мотивов-перенесений» — это и сердцевина предлагаемого сборника, и ключ к возможным исследованиям. Он сразу позволил увидеть все тексты. С его созданием легко пошел отбор текстов, прежде всего тех, кои можно не включать в состав сборника. Сведения о первой группе невключенных текстов уже опубликованы [65], а здесь отсылки на них проходят как указания на «Перечень непубликуемых текстов». Сведения о второй группе невключенных текстов находятся в печати [66], в сборнике же они названы «Дополнениями к Перечню непубликуемых текстов». Таким образом, информация о сибирском корпусе русских эпических произведений дается дважды: в сжатом виде — как «Указатель сюжетов и мотивов-перенесений» и расширенно — в виде публикуемых текстов, «Перечня непубликуемых текстов» и «Дополнений к Перечню».

Основным критерием отбора текстов стала их достоверность, точнее, степень достоверности, поскольку многие записи делались неопытными собира-

---

[63] *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. — М., 1974.

[64] Последний случай ее применения: *Смирнов Ю. И.* Восточно-славянские баллады и близкие им формы: Опыт систематического указателя сюжетов и версий. — М., 1988.

[65] *Смирнов Ю. И.* Русские эпические сюжеты в Сибири и на Дальнем Востоке // Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1987.

[66] *Смирнов Ю. И.* Материалы к изучению русской эпической поэзии Сибири и Дальнего Востока // Рус. фольклор. — Т. XXVI.

телями, а затем подвергались разного рода правке и даже переработке. Поэтому мы сочли необходимым сопроводить публикуемые тексты своими суждениями о качестве исполнения и качестве записи. Наши оценки, наверное, покажутся суровыми в каких-то случаях. Тем не менее полагаем, что оценка степени достоверности текста в академическом издании просто обязательна, иначе серьезное изучение эволюционных качеств текста окажется недостижимым.

Кроме того, отбирая тексты, мы попытались по возможности шире представить произведения и их версии, географию их распространения с учетом миграций носителей, эволюционные качества текстов и их перекличку со сходными произведениями, записанными к западу от Урала. Важно было также показать повторные записи от одного исполнителя или разновременные записи из одного пункта, чтобы со всей очевидностью открывались изменения текста во времени. В нескольких случаях нарочито приведены записи русских эпических произведений, сделанные в смешанной этнической среде, например среди обруселых чуванцев Анадыря.

Названия текстов даны составителем. По большей части они — не что иное как общепринятые в науке названия соответствующих произведений.

В квадратные скобки мы заключили собственные пометы «так!», «!», «?», вставленные от себя повторы или слова, вероятно, опущенные исполнителем или пропущенные собирателем, а также отдельные слова (имена), поясняющие в трудном контексте, кто скрывается за безличным местоимением «он» и т. п. Квадратные скобки в записях В. Г. Богораза принадлежат собирателю.

В круглые скобки помещены почему-либо пропущенные отдельные звуки (буквы), а также ремарки исполнителей и собирателей; для различения ремарки собирателей еще выделены курсивом.

Многоточиями отмечены возможные пропуски целых стихов и пассажей, что опознается при сличении с более цельными вариантами.

Ударения в словах проставлены там, где они поставлены собирателями, особенности произношения не унифицированы. Они сохранены даже в тех случаях, когда в пределах одного текста употреблены разные нормы: вполне возможно, что правильная литературная норма чаще допущена собирателем, нежели исполнителем, но твердой уверенности в этом нет.

Статья «Напевы русских эпических песен Сибири и Дальнего Востока», музыковедческая часть примечаний к текстам и нотации № 51, 62а, 76, 76а, 97, 106, 110а, 134, 135а, 145а, 156а, 178а—180, 192, 194, 205а, 218а, 221, 237, 238а, 240—243, 244а, А, Б, VI, VIII, IX выполнены музыковедом Т. С. Шенталинской.

В учете эпических текстов значительную помощь составителю оказали фольклористы и просто собиратели из разных мест. Записи эпических текстов предоставили Р. Н. Афанасьева (Иркутск), Л. Е. Большакова (Магадан), И. А. Бродский-Богданов (Москва), В. П. Зиновьев (Иркутск), Г. В. Зотов (Магадан), Н. С. Индан (Новосибирск), Н. И. Казакова (Южно-Сахалинск), С. И. Красноштанов (Хабаровск), В. С. Левашов (Чита), Т. Г. Леонова (Омск), Т. Мартынова (Новосибирск), Р. П. Матвеева (Улан-Удэ), М. Н. Мельников (Новосибирск), А. М. Мехнецов (Ленинград), Л. А. Мухомедшина (Иркутск), С. Е. Никитина (Москва), Н. Л. Новикова (Иркутск), Н. А. Новоселова (Красноярск), Л. М. Свиридова (Владивосток), М. П. Тата-

ринцева (Кызыл), Л. В. Устюжанина (Иркутск), В. П. Федорова (Курган), Е. И. Шастина (Иркутск), Т. С. Шенталинская (Москва), В. М. Щуров (Москва). Всем этим друзьям и коллегам, принявшим близко к сердцу идею составления первого корпуса русской эпической поэзии Сибири, составитель выражает искреннюю признательность и глубокую благодарность.

Ю. И. Смирнов

НАПЕВЫ РУССКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСЕН СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Публикация напевов русских эпических песен, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке, предпринимается впервые. В настоящее время приходится констатировать отсутствие каких-либо определенных представлений о русском музыкальном эпосе этой обширной территории нашей страны даже в узком кругу этномузыковедов.

До последних лет эпические песни русских сибиряков не привлекали специального внимания собирателей-музыкантов, тогда как другим песенным жанрам посвящено значительное количество работ. Даже в сводном издании русского музыкального эпоса опубликованы лишь два напева предположительно сибирского происхождения (из сборника КД) и фрагмент (одна строка) нотации фонографической записи былины, сделанной М. К. Азадовским в Амурской области в 1914 г. (в разделе комментариев). Составители тома признаются: «. . .Остается загадкой, что же представлял собой русский эпос в Сибири?» [1].

Действительно, музыкальные записи русского эпоса в прошлом носили здесь случайный и, как правило, любительский характер. Большинство записей не дошло до наших дней, публикации их единичны. В «Трудах музыкально-этнографической комиссии» среди песен, записанных с помощью фонографа ссыльным Я. Строжецким в 1903 г. на Колыме, была опубликована нотация песни исторического содержания об отравлении Скопина-Шуйского [2], которая бытовала там в качестве обрядового рождественского виноградья [3]; в издании «Былины и исторические песни из Южной Сибири» [4] на вкладыше как иллюстрация в виде факсимиле напечатаны две страницы рукописи из собрания С. И. Гуляева с записями напевов (по одной строфе) баллады «Князь Михайло» и исторической песни «Молодец и казна» (последняя была опубликована в ИП XIII—XVI, нотное прил. 56-а).

---

[1] БРМЭ, с. 327.

[2] Анучин—Строжецкий, с. 297.

[3] В исследовании Т. А. Бернштам и В. А. Лапина «Виноградье — песня и обряд» опубликована одна мелодическая строфа без подтекстовки рождественского виноградья, записанного Р. В. Каменецкой в 1971 г. в пос. Походск Нижнеколымского р-на (Берн.—Лап., нотн. прим. 13, б). На этот же напев исполнялась и песня о Скопине (Там же, с. 83; ссылка на запись Р. В. Каменецкой 1971 г. и С. Н. Азбелева 1977 г. — Фонограмархив ИРЛИ).

[4] Гул. 1939.

Из фонографических фиксаций русских эпических песен с напевами, производившихся в Сибири в конце XIX—начале XX в., удалось обнаружить только две и, к сожалению, на сильно поврежденных валиках. Они хранятся в Ленинградском фонограмархиве ИРЛИ. Это уже названная запись М. К. Азадовского (№ 2158) и запись, сделанная на Колыме в 1895 г. В. Г. Богоразом $\left(№ \frac{4958}{р—359}\right)$.

Цель, которую мы могли преследовать сейчас, — обнародовать наибольшее число образцов из того разрозненного материала, что обнаружен нами в рукописных и фонограмархивах, записан в специальной экспедиции, а также любезно предоставлен собирателями. Основу музыкальной публикации настоящего издания составили новые, не печатавшиеся ранее образцы. Лишь четыре представляют собой «исторические записи» — это упомянутые песни из собрания С. И. Гуляева и две из сборника КД.

Несмотря на незначительное количество музыкальных записей, материал демонстрирует жанровое разнообразие сибирского эпического репертуара: это былины, баллады, исторические песни, духовные стихи и небылицы. В музыкально-стилистическом отношении они представляют пеструю картину. Только часть образцов можно отнести к собственно эпическим, прежде всего напевы речитативно-декламационные, характерные для сольного сказительского исполнительства, а также лироэпические, свойственные песням-балладам и так называемым «былинным песням». Значительная часть напевов по стилю и форме близка обрядовым песням, колыбельным, плясовым. Напевы крестьянской традиции соседствуют с напевами городского (посадского) музыкального быта, казачьими и солдатскими.

Публикуемый материал систематизирован в табл. 1 и 2.

Жанровое и стилистическое многообразие эпического репертуара свидетельствует о живучести русской музыкально-эпической традиции в Сибири и

Таблица 1*

Территория записи	Жанровая характеристика словесного текста				
	былины	баллады	духовные стихи	исторические песни	небылицы
Бассейн Оби и Иртыша	237	239, 240, VIII	VII		X
Алтай, Тува		106, 132, 242, 243, 244а, II, IX		185, 205а, 221	
Енисей	42а				245
Ангара с притоками	241			179,180	
Индигирка	51, 62а	110а, 145а, 156а	76а	178а, 192, 218а	
Колыма	А (?)	96, 97, 134, 135а	76	194, V6, в	
Анадырь					
Амур	Б				
Сахалин		238а			
Место неизвестно				189, 198	

* В табл. 1, 2 и далее арабскими цифрами обозначены номера публикуемых в настоящем издании образцов, прописными буквами — нотные примеры в данной статье, римскими цифрами — нотные примеры в примечаниях.

Таблица 2

Территория записи	Жанровая характеристика музыкальных текстов							
	речитативные сказительские напевы		лироэпические напевы			обрядовые виноградья	плясовые или с чертами плясовых	лирические позднего стиля, в т. ч. солдатские, казачьи
			типа приуроченных		типа протяжных			
	однострочные	строфические	однострочные	строфические				
Бассейн Оби и Иртыша			240	239, VII, VIII			237, X	
Алтай, Тува		205а	242	106, 221, II, IX	185		132, 243а, 244а	
Енисей						42а	42а, 245	
Ангара с притоками					179, 180		179, 180, 241	
Индигирка	56а, 76а, 110а	51,62а, 145а, 192						178а, 218а
Колыма		76, 96, 97, А		134		194, V6, в		
Анадырь				135а				
Амур							Б	
Сахалин				238а				
Место неизвестно								189, 198

опровергает суждения о ее ущербности. Негативные высказывания, в которых с очевидностью проявилось не что иное, как эстетическая предвзятость и дилетантская неосведомленность, были собраны М. К. Азадовским в статье «Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае». В них говорится о меньшей склонности сибирского населения, по сравнению с «великороссами», к эпическому творчеству, об искажении сибиряками мотивов песен, о том, что их песни похожи скорее на пение татар или бурят в степи, либо на христарадную песнь арестантской братии, о том, что русский народ в Сибири утратил музыкальность вследствие своего «звероловного быта», что сибиряк и петь-то хорошо не умеет и т. п. Были и такие категорические заявления: «Русские переселенцы не принесли в Сибирь светильника искусства, — огонь его потух от бушующего таежного ветра» [5].

Вместе с тем из прошлого донеслись до нас и другие голоса. Политический ссыльный А. А. Макаренко, записавший в Сибири богатейшее собрание традиционных русских песен, в том числе и эпических, свидетельствует, что «охота к пению» — характерная для сибирского крестьянства особенность [6]. В. Г. Богораз, также отбывавший сибирскую ссылку и много лет посвятивший записи русских песен на Колыме, убежденно заявил, что «колымчане являются очень музыкальным и певучим населением. . .» [7].

Для устойчивой и развитой традиции эпического творчества характерно наличие сказительских династий. Благодаря С. И. Гуляеву стала известна

[5] Там же, с. 8—11.
[6] Мак. ЖС 1907, вып. 1, с. 6.
[7] Богораз 1899, с. 124.

династия живших на Алтае сказителей Тупицыных. На Колыме славились своей «посказательностью» (умением сказывать старины) четыре поколения Соковиковых, о чем сообщил В. Г. Богораз, записавший немало старин от представителя среднего поколения династии — Михайлы Соковикова по прозвищу Кулдарь. О его дочерях В. Г. Богораз пишет, что они обладали «приятными голосами и переняли у отца несколько песен не из обычных известных на Колыме» [8]. Прекрасные образцы индигирской эпической традиции представляют в нашем издании записи, сделанные от отца и сына Рожиных, отца и сына Киселевых.

* * *

Охарактеризовать в целом русское музыкально-эпическое наследие Сибири пока не представляется возможным. Значительные регионы со старожилым русским населением (Забайкалье, бассейн Лены, Камчатка) остаются для фольклористов все еще «белыми пятнами», другие мало обследованы. Некоторое исключение представляют Индигирка и Колыма, куда зимой 1985 г. в процессе подготовки настоящего издания Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству Союза композиторов СССР направила автора этих строк для сбора материала, и где ранее, в 1982 г., Ю. И. Смирновым были записаны на магнитофон несколько эпических образцов с напевами.

Те немногие сведения, которые были получены от разных собирателей, и собственные впечатления авторов данного издания позволяют констатировать отсутствие в наши дни активной певческо-эпической традиции в Сибири. Поэтому запись эпических произведений требует специального поиска и, зачастую, напряженной работы с исполнителем для восстановления полноценного музыкально-поэтического текста. Курьезно и вместе с тем симптоматично заявление, которое не раз приходилось нам слышать от жителей низовья Индигирки: «Часто к нам приезжают, записывают. Все слова спрашивают, вот мы и стараемся, вспоминаем. А петь... никто не просил».

На Индигирке еще заметны следы некогда процветавшей высокохудожественной эпической традиции. Именно здесь были записаны наиболее яркие по мелодической выразительности эпические песни, впервые зафиксирована с напевом баллада «Федор Колыческой и Мельфа-Софья Волховница» (№ 110а). Один из индигирских былинных напевов особенно интересен явным сходством с политекстовым напевом из сборника КД (№ 1, 8, 16—19, 23, 26, 27, 58).

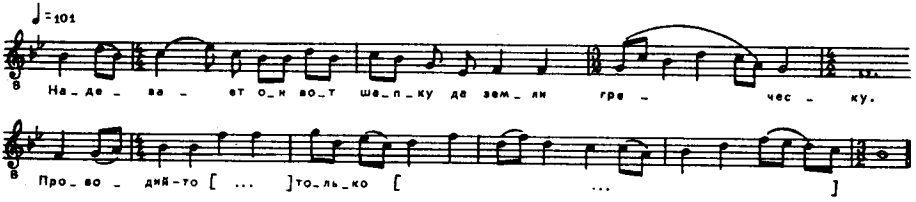
Индигирцы Николай Куприянович Рожин и Егор Семенович Киселев донесли до наших дней напевы и манеру исполнения, присущие именно эпическому песнетворчеству и прежде всего искусству сказителя. Это и специфичные приемы мелодической декламации (от речитации на одном звуке до размашистых возгласов), яркие ораторские зачины и «кружение» в пределах повторяющейся методической ячейки, импровизационная раскрепощенность от ритмической «заданности» стиховой структуры и артистический темперамент певца-рассказчика, проявляющийся в ускорении темпа, интонационных повышениях и крещендо в кульминационных эпизодах драматического повествования (см. № 51, 110а, 192).

[8] Там же. — С. 169.

Селения нижней Колымы — другой очаг русской духовной культуры, где долгие годы хранились в поколениях эпические произведения далекой Родины. Последним свидетельством певшихся здесь былин являются рукописные записи поэтических текстов, сделанные в 1961 г. Т. А. Селюковой. Собирательница описывает своеобразное исполнение былины о «Мишеньке Данильевиче»: это было «...то протяжное пение (очевидно, те отрывки, которые лучше помнились), то скороговоркой рассказ» [9].

Единственное звучащее свидетельство былинного колымского напева — фонографическая запись В. Г. Богораза, едва прослушивающаяся на полуразрушенном валике. В принадлежности этого напева к эпическому жанру не приходится сомневаться. Об этом говорят интонационное сходство, ритмическая и структурная общность с другими местными и индигирскими образцами, а также некоторые типические выражения, вроде «шапка земли греческой». Напев и характер исполнения были мгновенно «узнаваемы» колымчанами при прослушивании записи, вплоть до того, что звали родных «послушать голос дяди Вани» — недавно умершего родственника, слывшего знатоком старинных песен. Однако саму песню вспомнить никто не мог. Та же запись оказалась «узнаваемой» и на Индигирке. «Охто-то наш», — приговаривали там. Е. С. Киселев уверял, что эта песня про Добрыню. Примечательно, что напев, с которым он исполняет песню о Скопине (№ 192), имеет сходство с фонозаписью В. Г. Богораза. Если словесный текст при прослушивании валика почти не различим, то отдельные мелодические строки и даже целая музыкальная строфа слышны отчетливо:

Нотный пример А

Среди колымских образцов наиболее интересны два (№ 96 и 97) мелодических варианта баллады «Теща в плену у зятя», уникальные в кругу известных ее напевов.

В целом записанный материал позволяет сделать вывод о близости эпических традиций в селениях на Индигирке и Колыме, а возможно, и о их единстве. Интонационная и метроритмическая общность индигирских и колымских эпических напевов хорошо заметна не только при их анализе, но и на слух.

В селениях на Колыме и Енисее давно уже привлекает внимание исследователей такое самобытное явление, как исполнение во время рождественского обхода дворов песен эпического содержания в качестве обрядовых с традиционным припевом «Виноградье красно зеленое». На Колыме это песня исторического содержания об отравлении Скопина-Шуйского (№ 194),

[9] Селюкова, с. 59.

в енисейской традиции — песня с былинными мотивами «Илья Муромец на Соколе-корабле» (№ 42, 42а).

Впервые удалось узнать подробность, относящуюся к ситуации исполнения песни об отравлении Скопина. Один из жителей пос. Черский — Мирон Алексеевич Старцев (1921 г. р.), уроженец пос. Керетова (между Нижнеколымском и Походском), сообщил нам, что «Скопину» пели как «домашнее» виноградье, после приглашения хозяина войти, и во время исполнения ходили по кругу, похлопывая в такт вытянутой рукой по плечу впереди идущего, — на наш взгляд, факт поглощения эпической песни сферой ритуального акта.

При интонационном различии напевов основных частей колымского «Скопина» и енисейского «Сокола-корабля», их п р и п е в ы обнаруживают несомненное типологическое родство как между собой, так и с припевом анадырского виноградья, записанного в с. Марково [10], что позволяет задуматься об общности этнокультурных истоков русских первопоселенцев Енисея и северо-востока Сибири. На европейской территории России включение эпических песен в рождественское виноградье — факт локально специфический, зафиксированный только в бывшем Великоустюжском уезде (ныне Вологодская обл.; песня о Скопине, «Сокол-корабль») и на Вятке («Сокол-корабль») [11]. Метроритмическая структура о с н о в н ы х с т р о к эпических виноградий присуща преобладающему большинству известных песен-виноградий, интонационно же они различны.

Мелодические связи п р и п е в а виноградий Анадыря, Колымы и Енисея намечают предельно растянутый географический «пунктир»: бассейн р. Великой на Псковщине, Карельское и Онежское поморье, восточная часть Русского Севера, Центральная Сибирь и ее крайний северо-восток.

Совершенно очевидно, что эпический мелос русских сибиряков — органический компонент национальной духовной культуры, унаследованный от корневых традиций России. Нельзя не согласиться с наблюдениями В. Г. Богораза, который в течение многих лет своей ссылки видел жизнь русских в их далекой полярной оторванности. Отмечая певучесть колымских поречан, он писал, что русский человек «хватается за пение, как за единственный возможный для него способ... вызвать перед собой видение иной, полузабытой, более привольной и счастливой жизни 〈...〉 В этом отношении напев является для него более близким и важным, чем слова песни...» [12].

Известная мысль о том, что сибирская эпическая традиция может получить истолкование лишь в свете северно-русской, оказывается правомерной не только для словесной, но и для музыкальной части эпических произведений. Однако представленный в нашей публикации материал сопоставим и с традициями других очагов русской эпической культуры — Поволжья и Дона, включая традицию казаков-некрасовцев.

Считая преждевременным делать окончательные выводы относительно исторических и генетических связей сибирских и европейских русских

---

[10] Марковские вечорки, с. 20.

[11] См. исследование Т. А. Бернштам и В. А. Лапина «Виноградье — песня и обряд», а также комментарий к № 42а наст. изд.

[12] *Богораз В. Г.* Указ соч. — С. 165—166.

музыкально-эпических традиций, мы ограничиваемся указанием некоторых мелодических аналогов в сравниваемом материале, что изложено в комментариях к публикуемым образцам.

Показательны для сибирского переселенческого фольклора факты сосуществования в напевах одной местности, в репертуаре одного исполнителя и даже в одном напеве черт, присущих эпическим формам различных русско-европейских традиций. Так, в одном из индигирских напевов (№ 192) обнаруживается ритмическая структура, типичная для мезенских эпических напевов, и вместе с тем строфическая организация, являющаяся характерной приметой заонежской традиции (строфы с подвижным количеством строк). Другой индигирский былинный напев (№ 51), в котором тоже заметно родство с мезенским эпическим мелодическим типом, оказывается близок и донской былине. Два варианта стиха о Голубиной книге, один из которых (№ 76а) был записан в пос. Полярном (Индигирка), а другой (№ 76) на Колыме, но также от индигирца, оказались зафиксированными с напевами, принципиально отличающимися мелодико-ритмической организацией: первый родствен онежской, второй тяготеет к пинежской эпической традиции. Напев былины «Суровец» (№ 62а), записанный на Индигирке (от А. Н. Щелкановой, от которой был записан стих о Голубиной книге), сходен с политекстовым напевом из сборника КД, а кроме того, композиционно-ритмически и интонационно близок известной песне волжской вольницы «Что пониже было города Саратова» (см. примеч. к № 62а).

Не менее показательна для русского сибирского фольклора и ситуация, при которой характерные приметы определенной региональной традиции европейской части России обнаруживаются в различных местах Сибири. В публикуемом материале одна группа напевов из разных областей Сибири, связанных с балладными сюжетами и объединенных мелодическим сходством, близка южно-русским и украинским напевам, часто также песен-баллад (см. примеч. к № 106). Это дает основание для вывода о формировании специфического балладного мелодического типа в определенном регионе европейской части страны и его распространении вплоть до таких отдаленных территорий Сибири и Дальнего Востока, как Якутия, Чукотка, Сахалин. Другая группа напевов, в которых метроритмическая организация и мелодика сходны с плясовыми песнями, тяготеет к песням аналогичного музыкального стиля в эпической традиции казаков, и прежде всего донских (см. примеч. к № 241).
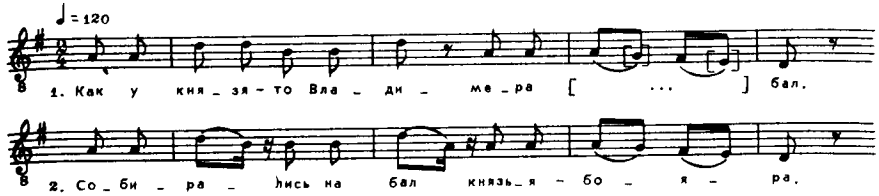
Можно думать, исполнение эпической песни на беседах и вечорках сопровождалось большей проявленностью в ней элементов плясового мелоса. Например, В. Г. Богораз, отмечая широкую известность в нижнеколымских селениях былины «Добрыня и Маринка» в сравнении с другими старинами, сообщает, что она «даже распевается на вечорках, как обыкновенная песня» [13]. Факт включения эпоса в репертуар бесед и вечорок заслуживает специального рассмотрения в будущих исследованиях.

В этой связи обращает на себя внимание тождество мелодико-ритмиче-

[13] Там же. — С. 170. См. также наблюдение о пародийной трактовке содержания былин «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Алеша»: ДН и АП, с. 347—348. Задорное, с плясовым напевом исполнение былины «Добрыня и Алеша», зафиксированное на Ангаре (№ 241), вполне соответствует этому наблюдению.

ского типа былинного напева, записанного на Амуре (нотн. пример Б), с напевом первой (основной) строки беседной песни из Смоленской области [14]:

Нотный пример Б

На Амуре этот напев, очевидно, был традиционно связан с эпическими текстами, так как исполнитель пел с ним две разные былины. Есть свидетельство и о его распространении в солдатском песенном репертуаре [15].

Одна из причин связи эпических текстов с напевами поздних плясовых песен может заключаться в распространении влияния городской (посадской) культуры в XVII—XVIII вв. В Сибири носителями этой культуры были так называемые служилые люди, составлявшие значительную часть русского старожильческого населения.

Особо знаменательна связь напевов русского сибирского эпоса с напевами из сборника КД. Она проявилась прежде всего в прямых мелодических аналогах, в известном распространении среди сибирских эпических песен ритмической структуры, свойственной 23 образцам этого сборника [16], а также в стиле комедийно-веселого исполнения былин, присущего как многим образцам Сборника, так и современным записям.

Наиболее раннее свидетельство связи песен сборника КД с русским эпосом Алтая — замечание С. И. Гуляева о том, что слышанные им в Колывано-Воскресенском горном округе у мещанина старика Ивана Максимовича Калистратова «поэмы» «состояли из белых стихов, совершенно такого же размера, как в поэмах Кирши Данилова. ⟨...⟩ Напевы их сходствовали нескольлко с напевами плясовых песен, мера такта скорая» [17].

В публикуемом материале представлены напевы, которые по стилистическим признакам могут быть отнесены к различным эволюционным стадиям и формам бытования эпоса. Они отражают и воспринимаемые сегодня в качестве исходных формы сказывания «на распев», и растворение эпоса в бытовой песенности, чему немало способствовала дозволенность его исполнения в длительные периоды постов, и «обмирщение» на веселых сборищах бесед и

---

[14] Рубцов, № 33.

[15] Вес. — Альб., № 37—39.

[16] Имеется в виду акцентный восьмидольник, представляющий собой реализацию одного из распространенных видов народного стиха — четырехдольного трактовика, или «былинного трактовика» (см.: Квятковский, с. 70). В публикуемом материале см. № 62а, 76, 145а, 194, 241, первые строки в образцах нотного примера V, а также версии этого ритма в № 110а, 179, 180, 237 (2-я строка).

[17] Гул., 1839, отд. VIII: Смесь. — С. 56. Колывано-Воскресенский горный округ ныне входит в Алтайский край.

вечорок, преломление в среде казаков и солдат и наконец соединение с песенным стилем музыкального быта фабрично-заводских поселков. В целом публикуемый материал отражает относительно поздний пласт русской музыкально-эпической культуры. В представленных здесь сказительских напевах преобладает двухстрочная организация строфы (на основе ладового тяготения, симметрии мелодической волны), метроритмическая урегулированность и тому подобные стилевые черты.

Несмотря на общую тенденцию затухания русской эпической традиции, о русском эпосе в Сибири можно говорить не только в прошедшем времени, — его записи датированы самыми последними годами.

Автор приносит благодарность Б. И. Рабиновичу за большую помощь в работе.

Т. С. Шенталинская

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ, ПРИМЕНЕННЫЕ В НОТАЦИЯХ

 — незначительное повышение или понижение звука;

 — незначительное увеличение или уменьшение длительности звука или паузы;

 — уменьшение длительности, распространяющееся на несколько звуков;

 — глиссандо между звуками;

 — глиссандо после звука на неопределенную высоту или перед звуком, начинающиеся с неопределенной высоты;

 — звук приблизительной высоты;

 — перемена дыхания;

 — продолжительность затянувшегося дыхания;

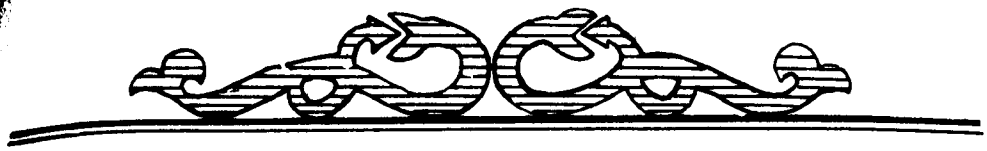
 — звучит октавой ниже;

 — звуки, не входящие в состав слова;

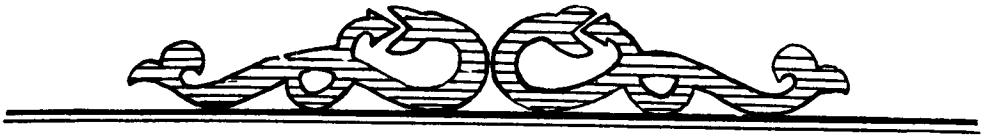
(с) — реконструкция автора нотации;

[ ] — мягкое произношение согласной.

ш' Нотная головка в скобках при ключе обозначает начальную высоту оригинала.

ТЕКСТЫ

I. БЫЛИНЫ И БАЛЛАДЫ

1. РОЖДЕНИЕ ЗМЕЁВИЧА

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея,
На люта змея на горынича.
Вкругом ее ножки змей обвился,
Вкругом ее башмачка черля́нова,
Вкругом ее чулочка скурлят сукна,
Хоботом бьет ее во белы груди,
Во белы груди человечески,
Целует во уста ее сахарные —
От того княгиня понос понесла, очеровател а.
Носила во утробе чадо девять месяцев.
На десятой-то провещился, сам проговорил:
— Уж ты гой еси, матушка родимая,
Когда я буду на возрасте,
На возрасте пятнадцати лет,
Уж ты скуй палицу боевую,
Палицу боевую во сто пуд,
Тогда-то ли мне палица легка покажется.
Уж скуй, матушка, в полтораста пудов,
Вот тогда-то я, матушка,
Буду со змеем воевать.
Я зайду-то к нему в пещерички змеиные,
Сниму ему буйну голову,
Подниму его головушку на вострой штык,
Подниму его головушку к твоему дворцу.

2. ПЕСНЯ О СКИМОНЕ-ЗВЕРЕ

Из далеча, далеча, из чиста поля
Не пыль-то, братцы, во поле белеется —
Бежит-то, выбегает стадо лютое.

Наперед его бежит лютый Скимон-зверь,
На Скимоне шерсточка буланая,
Не буланая его шерсточка — булатная,
На каждой шерстинке по жемчужинке,
Наперед его шерсточка спрокинулась.
Выбегает вор-собака на Днепру́-реку,
Становится вор-собака на крутой берег.
Забродил ли вор-собака по колен в воду,
Становился вор-собака на задни лапы,
Закричал ли вор-собака по-звериному,
Засвистел ли вор-собака по-соловьиному,
Зашипел ли вор-собака по-змеиному —
От крику быстра реченька всколыхалася,
Со желтыми со песками помешалася,
Со крутыми бережками помешалася.

3. СКИМЕН-ЗВЕРЬ ЗАСЛЫШАЛ РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

Из дале-далеча, из чиста поля,
Из того было раздолья широкого
Выбегает оттуда стадо-стадичко.
Не стадо это, стадичко змеиное,
Не змеино это стадичко — звериное.
Наперед бежит собака лютый Скимен-зверь.
На Скимене шерсточка спрокинулась,
На нем она, шерсточка, булатная,
И не булатна на нем шерсточка — серебряная,
А не серебряна шерсточка — золоченая,
На каждой шерсточке по жемчужинке.
У него рыло как востро копье,
Уши — калены стрелы,
Глаза у него как ясны звезды.
Прибегал лютый зверь ко Непру-реке,
Ставал он, лютый зверь, на задни ножки,
Зашипел лютый зверь по-змеиному,
Засвистал он, лютый зверь, по-соловьиному,
Заревел он, лютый зверь, по-звериному,—
От того Непра-река сколыбалася,
Желты мелкие песочки осыпалися,
Зеленые лужочки заливалися.
Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,
На земле-то родился могуч богатырь,
Головой-то он родился
Как силен котел 30 ведер,
Глаза — как пивная чаша.

4. СКИМОН-ЗВЕРЬ

Из далека, далека, из-за чистова-то поля
Выбегает оттуль стадочко звериное,
Не звериное стадочко — змеиное.
Впереди-то бежит Скимон — лютый зверь.
Как на Скимоне шерстка буланая,
Напереди-то шерстка спрокинулась.
Добегал Скимон лют до Днепра-реки,
Становился Скимон лют по колено в воде,
Выходил он, вор-собака, на задни ноги,
Заревел он, Скимон лютый, по-звериному,
Зашипел он, кровожадный, по-змеиному,—
Во Днепре-реке водица всколыхнулася,
Круты красны бережочки зашаталися,
Чистые мелкие песочки покатилися,
Чисты светлы ручеечки помутилися.

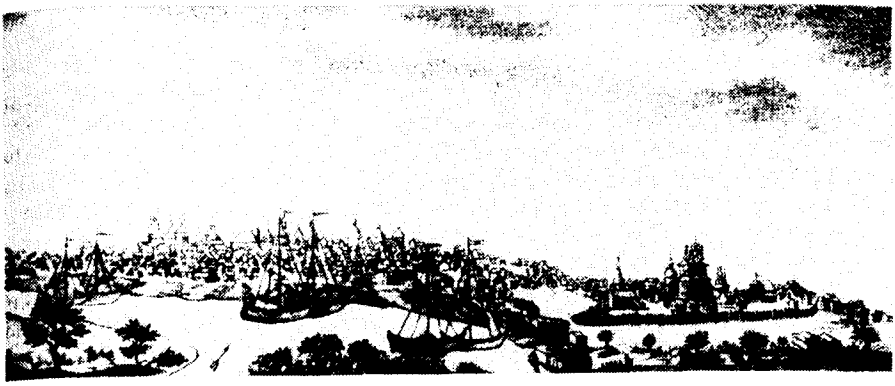
5. МОЛОДОСТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЧА

— Ай ты, Васенька, Василий сын Буслаевич,
Еще будет тебе, Васенька, погуливать,
Молодой булдыл [так!], да Васенька, попорхивать!
Как по городу да Васенька погуливал,
Он да шуточки да шутит все несносные:
Кого за руку-ту хватит — руку вывернет,
Кого за ногу-ту хватит — ногу выставит.
Ище стали тут на Васю жалобу творить:
— Ище Васенька, Василий сын Буслаевич,
Ты-де в городе гуляешь, сам орудуешь,
С молодым ребятам шутки шутишь да несносные:
Кого за руку-ту хватишь — руку вывернешь,
Кого за ногу-ту хватишь — ногу выставишь.

6. ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Жил Илья под городом Муромом. Высокай был, умом хорошай. А ноги не владеют. Лежал только. Лежал и думал: «Господи! Если ты есть на свете, хоть бы мне ноги дал, чтоб я ходил!» (Это, поди, давно, давно.) А им деляночки делили, лес, каждый свой лес сводил — на посев, чтоб можно было сеять. Ну и отец с матерью пошли этот лес сводить.

А Илья лежит на печке. Тут подходят трое прохожих к калитке и говорят: «Илья, встань нам открой калиточку!» Он говорит: «Да вы что, смеетесь? Я уж тридцать лет лежу без ног, у меня ноги не владеют». — «Ну встань, Илюшенька, встань, открой нам калиточку!» Он тронул — у него ноги владеют. Сразу встал на ноги и вышел, открыл им калиточку. Они ему снова говорят: «Вынеси, Илюша, ковшичек водички». Он вынес ковшичек водички, они что-то пошептали. Пошептал старший и говорит: «Выпей!» Он попил. Попил, он

Вид города Иркутска

Резцовая гравюра А. Г. Рудакова с рисунка И. В. Люрсениуса. Из серии «Собрание Российских и Сибирских городов». 1770

у его спрашивает: «Но, как ты в себе чувствуешь?» — «Я, — говорит, — так в себе чувствую, что кабы было в земле кольцо, я бы всю землю перевернул». Он ему еще пошептал. Уменьшил силу маленько. Но, они ушли.

А Илья пошел к родителям на деляночку. Они там поработали и лягли на отдых: отец ляжит спит, мать спит. Он этот лес весь повыдергал, в реку побросал и ушел. А они спали, не слыхали. Проснулись — лесу нет, никого нету. «Че,— думают,— такое?»

И вот стал Илья богатырем.

7. ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Илья Муромец лежал будто с маленьких лет на печке, будто до тридцати лет. А потом отец-мать ушли на поле — жать хлеб, видимо. Пришли тут три странника. А пригласили Илья Муромца — ну он кое-как, ползком, всяко подполз к имя́. Они дали ему воды с ковшика, дали попить ему. А он сразу одыбре́лся и, значит, стал ходить бодро, всё. Эти напоили и ушли. А Муромец уже стал бодрый и чувствует силу в себе.

Он пошел искать отца и мать. Он по разговорам-то слышал, где они жнут. Ну пошел туды. Значит, стоял дуб. Он мешает пахать, вокруг этого дуба ходили с плуго́м. Он взял этот дуб своротил и отташшил от пашни. Отец-мать смотрят: какой-то богатырь пришел, с поля этот дуб убрал. Думают: «Что такое?» Испугались.

Потом этот Илья Муромец ушел так, тихомолком, домой и лег на печку.

Отец-мать отработались, пришли домой и рассказывают сыну: «Вот приходил у нас, мол, один богатырь, дескать, у нас мешал, мол, на поле дуб, этот дуб, мол, своротил и отташшил в сторону». Муромец думает: «Я, мол, скажу, что я это». Он говорит: «Это же был я». — «Ну где ты, пойдешь ту́тыка, когда с печки не можешь слазти!» Он с печки слазит и показывает силу свою, — дескать, я теперь стал силен: «Вот приходили, мол, такие проходяшши трое, меня напоили водой, вот я и одыбри́лся, дескать».

Дальше я не знаю.

8. ПРО ИВАНА-КАЛЕКУ

Был-жил старик в лесу. Двое. У них родился Иван-калека, без ног. Ноги были, но ходить не мог. И вот оставляли его дома, сами уходили на работу, расчищали рощи и домой приходили. Этот Ванюшка двадцать шесть лет на ногах не ходил. Но оне однажды ушли на работу. Приходит какой-то старик, старичок. И заходит в избу. Ваня сидит. «Ты давно без ног?» — «Вот двадцать шестой год». — «Вон как! А где твои родители?» — «Оне рощи чистют». — «А сходи по их». — «Да я бы сходил, дак ноги-то у меня не ходят, дядя». — «Иди, пойдешь!»

Стал Иван, пошел. Радехонек. Приходит туды. Мать закричала: «Егор! Сын пришел!» — «Он как пришел у нас?» Но оне к ему. Обои радехоньки, поймались за его, целуют. «Ты как пришел?» — «Да я так пришел, я бы и не пришел, там старик какой-то пришел, сказал: «Иди», — я пошел по вас, велел вам придти».

Но оне рады не рады. Поймали парня и пошли домой. Вот приходят домой, наварили,— соседей созвали, — бражки, вина. Давай выпивать. «Сына на двадцать шестой год у нас с ногами случился. Какой-то святой был».

Но. Ну гуляли, потом на третий день пошли на работу, и он с имя приходит, пошел Иван. Но оне че там вытащили,— он весь лес в реку сбросал, выдергивал с корнем: как хватит, корень выдергивал совсем с шшетиной. Расчистили рощи, и богатый хлеб родился в этой роще. Ну. Стали жить-поживать. Сын работать — и старуха со стариком. Жили долго ли, коротко, не так сказка скажется, как дело сделатся. Но. Оне умерли, он женился и жил, пользовался этой рощей.

9. ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА И ОТЦА ЕГО НИКИТУ РОМАНОВИЧА

Доселева Рязань селом слыла,
А нынече Рязань слывет городом.
И жил во Рязане богатый гость,
Что по имени Никита сын Романович,
Девяносто лет жил Никита, не старился.
Выводил из стойла добра коня,
Накладывал потнички бумажные,
На потнички — ковры сорочинские,
На коврики — седелочки черкасские,
Подтягивал подпруги шелковые,
Двенадцать подпруг шелковых,
Садился старой на добра коня.
Не ясен сокол в перелет летал,
Не белый кречет перепорхивал —
Тут ехал удалой добрый молодец.
Под ним добрый конь как бы лютой зверь,
На коне-то сбруя под оправою,
Под оправою однозолотною,
Сам на коне, как сокол, сидит.

Сказитель Леонтий Гаврилович Тупицын
Фотография XIX в.
Архив Географического общества СССР при АН СССР,
разряд 62, оп. 1, № 18

Едет он ко городу Киеву,
Едет он ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву,
Едет он ко высокому ко терему,
Выезжает на улицу на широку.
Со добра коня Никитушка соскакивал,
Ни к чему он коня не привязывал,
Никому он коня не приказывал.
Спрашивал он у ворот привратников,
Спрашивал у дверей придверников,
Отворял двери потихошеньку,
Запирал он двери помалехоньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
— Здравствуешь, ласковой Владимир-князь
Со душечкой со княгинею!
— Добро жаловать, удалый добрый молодец,
Ты Никита сын Романович,
За один ты стол хлеба кушати.
Он кладет крепо́к и со панцирем
На дубовый стол.
Отошедши, Никита поклоняется:
— Ой ты гой еси, ласковой Владимир-князь,
Ты давай мне попа, отца духовнова,

Давай ты игумна и пострижника,
Давай монаха и учителя
При старости мне лет душу спасти.
И проговорит ласковой Владимир-князь:
— Гой еси ты, удалой добрый молодец,
Гой еси, Никита сын Романович,
На кого ты оставляешь стольный Киев-град,
На кого оставляешь меня, князя Владимира?
Проговорит Никита сын Романович:
— Я надеюся на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню на Никитича.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Гой еси, Никита сын Романович,
Он малешенек ишшо и глупешенек,
Глупешенек — только трех годов.
Он дает ему попа, отца духовнова,
Дает игумна и пострижника,
Дает монаха и учителя.
Немного Никита пожил — переставился,
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богачество,
Остается у Никиты молодая жена,
Молода Амельфа Тимофеевна,
Остается у Никиты чадо милое —
Молодой Добрыня Никитьевич,
Молодой Добрыня семи годов.
Стал Добрынюшка на возрасте,
На возрасте в пятнадцать лет,
Стал по улице похаживать,
Стал он палицей помахивать,
Зачал сабелькой пофыркивать,
Стал он копьицом подпиратися.
У Добрыни сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися —
Не может уничтожить свое ретиво сердце.
Идет он во светлую во светлицу,
Сам говорит таковы слова:
— Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимофеевна,
Сдавай ты мне коня богатырского,
Сдавай ты всю сбрую богатырскую!
И проговорит ему родима матушка:
— Ах ты, мое дитятко сердечное,
Ты малешенек еще и глупешенек.
Поживи-ко ты ишшо малешенько,
Покопи-ко ты ишшо ума-разума,
Потерять тебе будет буйна голова.
— Ах ты, матушка моя родимая,

Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мне охота съездить далече,
Съездить далече во чисто поле,
Пострелять мне гусей-лебедей
И пушистых перелетных серых уточек.
Не могла мать переставить таковы слова.
И выводит она ему добра коня
Из тоя из конюшни из новыя,
И выносит всю сбрую богатырскую.
И накладывал Добрыня потнички бумажные,
И на потнички — ковры сорочинские,
И на коврички клал седелички черкасские,
Подтягал двенадцать подпруг шелковых,
Надевал на себя платье соотцовое,
Соотцово платье ему узехонько и коротехонько,
И ставал он в стременышко гольяшное,
И садился он в седелышко черкасское.
И стоит его матушка у стремена,
Молода Амельфа Тимофеевна,
И плачет она, как река течет,
И сама говорит таковы слова:
— Ах ты, мое дитятко сердечное,
Поедешь ты далече во чисто поле,
Пострелящь ты сколько гусей-лебедей
И пушистых перистых малых уточек,
И приедешь ты ко батюшку Днепру-реке,
Захотись тебе будет покупатися,
Захотись тебе будет, Добрынюшка, потешиться,
И станешь ты, серый селезень, поплавати
И, ярый гоголь, поныривать.
Через первую ты струечку переплывешь,
Через втору струечку переплывешь,
Через третью струечку не плавай ты:
И тут струи вместе соходятся,
И унесет тебя к горам, горам ко высоким,
Ко тому тебя ко люту змею —
Пожрет тебя злой Змеишшо Горынишшо.
Благословился он у своей родимой матушки
И поехал в далече, в чисто поле.
И стрелял он сколько гусей-лебедей
И пушистых перистых малых уточек.
И приехал он к батюшку Днепру-реке,
И вздумал он покупатися,
И вздумал он, удалой добрый молодец, потешиться.
И стал он, серый селезень, поплавати,
И стал он, ярой гоголь, поныривать.
Через первую струечку он переплыл,
И через втору струечку он переплыл.

У Добрыни сердце возъярилося
И могучи плечи расходилися,
Переставил он матушкино благословеньицо.
И тут струи вместе соходилися,
Унесло его к горам-горам, ко пещерам.
Услышал змеишшо за пятнадцать верст
Поплавку его богатырскую,
Вылетат из пещеры глубокия
И летит на Добрыню Никитича,
И зычит-кричит зычным голосом:
— И святы отцы писали-прописалися,
Сказали: мне от Добрыни смерть будет.
Я теперь Добрынюшку живьем сглону,
Живьем сглону и хоботом убью,
И Добрыню искрой засыплю!
И тут Добрыня приужахнулся:
— Ах ты, Змеишшо, злой Горынишшо,
Не честь твоя, хвала молодецкая —
Наступаешь ты на тело нагое,
Тело нагое — то же мертвое.
Дай ты мне, змей, сроку на три дни,
На три дни и на три часа,
На три часа, на три минуточки.
И дает он ему сроку на три дни,
И дает он ему сроку на три часа,
И дает он ему сроку на три минуты,
Улетат опять змей в пещеры глубокие.
И выходит Добрыне три дни, три часа,
И выходит Добрыне три минуты,
Все он плават на синем море.
И летит опять Змеишшо, злой Горынишшо
Из той пещеры глубокия.
И доплыват Добрыня до желта песка,
И доплыват Добрыня крута бережка,
И выскакивал Добрыня на желты пески.
По желтым пескам Добрыня стал поскакивать,
Зажимал Добрыня ком желта песка,
Бросал в Змеишша, зла Горынишша,
Отшиб змеишшу тридцать хоботов,
И падал змеишшо на сыру землю,
И бил его Добрыня о сыру землю.
И тут змеишшо Добрыне взмолится:
— Я тебе, Добрыня, давал сроку на три дня,
Я давал тебе сроку и на три часа,
Я давал тебе сроку и на три минуты.
Проговорит Добрыня Никитич млад:
— Ты не будешь ли летать ко городу
И не будешь ли ты летать ко Киеву,

И ко ласкову князю Владимиру,
Не будешь ли уносить княгиню Апраксию?
Проговорил Змеишшо Горынишшо:
— Я не буду летать ко городу
И не буду летать ко Киеву,
И к ласкову князю Владимиру,
И не буду уносить княгиню Апраксию.
Проговорит Добрыня Никитич млад:
— Ты врешь, собака, неустойчивой!
Говорит тут Змей Горынишшо:
— Ты будь-ко мне, Добрыня, больший брат,
А я тебе буду, змеишшо, меньший брат.
Я дам тебе добра коня богатырского,
Я дам тебе потнички не почены,
Я дам тебе коврички не держаны,
Я дам тебе седелышко черкасское
И со всею сбруей богатырскою.
Туто молодцы побратался:
Добрыня стал больший брат,
Змеишшо стал меньший брат.
Отпустил змея Добрыня в живности,
И улетел змеишшо в пещеры глубокие.
И подделал себе крылья бумажные,
Полетел он в стольный Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру.
И ходила княгиня в зеленом саду,
И ступала княгиня с камня на камень,
Со бела камня ступала на бела [так!] змея.
Вокруг ног ее змеишшо обвивается,
Садит ее на могучи плечи
И унес ее в пещеры свои глубокие. . .
А там Добрыня приуправился,
И идет он в стольный Киев-град,
Ко своей он матушке родимыя.
И выходит его матушка на красно крыльцо,
И встречает она свое чадо милое,
Молодова Добрыню Никитича
На великих своих радостях.
И проговорит Добрыня Никитич млад:
— Здорово ты, матушка родимая,
Молодая Амельфа Тимофеевна!
И здорово ты живешь, здоровешенько?
— Ах ты, мое дитятко сердечное,
Я здорово живу, здоровешенько,
У нас у ласкова князя Владимира
Солучилося несчастьицо великое:
Вечор было поздым-поздёшенько

И ходила княгиня в зеленом саду,
И ступала княгиня с камня на камень,
Со бела камня ступила на люта змея,
И обвивался Змеишшо Горынишшо,
Обвивался вкруг резвых ног,
И садил ее змеишшо на могучи плечи,
И унес ее в пещеры глубокие.
И тут Добрыне за беду стало,
За великую досаду показалося:
— Ах ты, моя матушка родимая,
Мне змеишшо — меньший брат,
А я змею — больший-де брат.
Я поеду ему скорую смерть предам.
Поворачиват Добрыня добра коня
И свое поворачиват белое лицо.
Мать его стоит у стремена,
Сама говорит таковы слова:
— Ах ты, мое дитятко сердечное,
Он подделал крылья бумажные,
На крыльях змеишшо — сильный воин.
И ты поедешь к Змеишшу Горынишшу,
И станешь подъезжать ко горам ко высоким
И ко тем ко пещерам ко глубоким,
И услышит змеишшо за пятнадцать верст,
И станет надлетать над тебя, удала добра молодца,
И станет кричать зычным голосом,
И тут ты, Добрыня, приужахнешься,
И зними ты свои руки кверху на небеса,
И проси ты: «Спас ты, Спас, боже милостив
И мати пречистая, пресвятая богородица,
За ваш я дом стою, за церковь соборную,
И создай ты, господи, дождичка!»
И неоткуль гроза туча накатится
И скорым-скоро крупен дождь пойдет,
Подмочит его крылья бумажные,
И падет змеишшо на сыру землю.
Станете вы палицами битися,
По насадкам палицы будут разгоратися,—
Вы тот бой бросайте о сыру землю.
Станете вы саблями рубитися,
Сабельки у вас исщербятся,—
И тот бой бросайте о сыру землю.
Станете вы копьями колотися,
По насадкам у вас копья приломаются,—
И тот бой бросайте о сыру землю.
И вы друг друга чунбурами сподергайте,
Сохватаетесь вы, молодцы, ручным боем,
Распахивай ты свою полу правую

И выдергивай ты шелыгу подорожную,
И стегай ты змеишша по могучим плечам,
И стегай ты, приговаривай,
Что от конского поту змея пухла.
Застегашь ты его до смерти
Своей плетью шелковою.
Благословился он у своей матери родимыя
И поехал в далече, в чисто поле.
И едет он к горам-горам ко высоким
И ко тем пещерам ко глубоким.
Услышал Змеишшо Горынишшо,
Услышал за пятнадцать верст —
Едет-де Добрыня Никитич млад,
И летит к нему настречу,
И зычит-кричит зычным голосом:
— Что святы отцы писали-прописалися,
Сказали: мне от Добрыни смерть будет,
Смерть будет — живому не быть, живому не слыть.
Я теперь Добрыню живьем сглону,
Живьем сглону, хоботом убью,
Хоботом убью, искрой засыплю.
Тут Добрыня приужахнулся,
Знимал свои руки на небо,
Сам говорит таковы слова:
— Спас ли, Спас, боже милостивой,
Мати пречистая, пресвятая богородица,
Создай, господи, дождичка!
Неоткуль гроза-туча накатилася,
И скорым-скоро крупен дождь пошел —
Подмочило у змея крылья бумажные,
Падал змеишшо на сыру землю.
Они зачали палицами битися,
По насадкам у них палицы разгоралися,—
Они тот бой бросали о сыру землю.
Зачали саблями рубитися,
Сабельки их расщербилися,—
И тот бой бросали о сыру землю.
Стали они копьями колотися,
Копья у них приломалися,—
И тот бой бросали о сыру землю.
Они друг дружку чунбурами сподергали,
Сохватались молодцы ручным боем.
Распахивал Добрыня полу правую,
Вытягал шелыгу подорожную,
И стегал он змея по могучим плечам,
И стегал, сам приговаривал:
— От конского поту змея пухла!
И застегал Добрыня змеишша до смерти,

Изрубил змеишша в куски во мелкие.
И садился Добрыня на добра коня,
И поехал в пещеры глубокие,
И нашел он княгиню Апраксию.
Лежит княгиня на перине на перовыя,
На подушечках на пуховыих,
На правой руке у ней лежит змеинчишко
И на левой руке змеинчишко.
Так она ему, Добрыне, израдовалась,
Израдовалась, слезно заплакала:
— Ах ты гой еси, удалой доброй молодец,
Прилетит Змеишшо, злой Горынишшо
И пожрет обоих нас, добрый молодец!
И проговорит удалой добрый молодец:
— Великая ты, княгиня Апраксия,
Победил я Змеишша Горынишша,
Изрубил его на мелки куски
Своей сабелькой вострою.
Тут княгиня возрадовалась,
И стает она на резвы ноги.
Одного змеинчишка он взял разорвал,
И другого змеинчишка взял растоптал.
И садился Добрыня на добра коня,
И садил княгиню Апраксию,
И повез ко князю ко Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьичу.
И дорогой говорит таковы слова:
— Гой еси ты, молода княгиня Апраксия,
Покрестоваемся мы крестами однозолотными,
И ты будь мне сестра крестовая,
А я тебе буду крестовой брат.
Тут они крестами покрестовались.
И приехал Добрыня со княгинею
Во стольный Киев-град, на улицу широку,
И едет он на улицу на широку.
И увидел ласковый Владимир-князь
Во то окошечко косящато,
Во ту околенку стекольчату,
И бежит он скоро на красно крыльцо,
И радуется он удалу добру молодцу
И своей княгине Апраксии,
И сам говорит таковы слова:
— Гой еси ты, Добрыня Никитич млад,
Где ты взял княгиню Апраксию?
— Взял я ее у Змея у Горынишша
Во тех во пещерах во глубоких,
И похитил я Змеишша Горынишша,
Застегал его до смерти,

Изрубил змеишша на мелки куски.
И тут ласковый Владимир-князь возрадовался,
И сбирал он беседу-столованье,
Столованье, почестный пир,
И собирал он князьев-бояров,
И веселился он, радовался.
Как возговорит Владимир-князь:
— Гой еси ты, Добрыня Никитич млад,
Доступил ты княгиню Апраксию
От того от Змея Горынишша,
Дак благословляю тебе ее взять в замужество.
— Гой еси, ласковый Владимир-князь,
Мне нельзя ее взять за себя замуж:
Она будет мне, княгиня, сестра крестовая,
Покрестовались мы крестами однозолотными.

10. ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Во Казани было то городе,
Был Микитуша старенёк,
Состарился и переставился.
Оставались дети малые, жена молодая.
Оставался Микитич сын,
Не мог конем владеть и копьем воевать.
Стал Микитич девяти годков,
Стал Добрынушка двенадцати,
Стал шутить шутки немалые,
Немалые и большие-то:
Кого хватит за руку — руку оторвет,
Кого хватит за ногу — ногу выставит.
Мать его Горынище [так!] услыхала то,
Стала детище журить-бранить:
— Гой ести, детище, гой ести, родимое,
Пошто так делаешь:
Шутки шутишь немалые,
Немалые и большие?
Стал Добрынушка просить благословление:
— Взгой ести, матушка, взгой ести, родимая,
Дай мне велико большо благословление
Сковать палицу двоепудную, сторублевую,
Я поеду во чисто поле,
Во широкое во раздольицо.
Стала мать ему наказывати:
— Взгой ести, детище, взгой ести, родимое,
Поедешь ты в чисто поле,
В широкое во раздольицо,
Хватят тебя жары летние и петровские,
И поедешь ты подле синя моря,

Захотись тебе, Микитичу, искупатися,
Привязывай добра коня к ракитову кусточку,
Скидай с себя платье цветное,
Не скидай, говорит, черну шляпу пуховую.
Запловешь во перву струю,
Запловешь во втору струю,
А из третьёй струи назад вернись —
Третья струя невольная.
Ехал Микитич подле синя моря,
Хватили его жары летние и петровские,
Захотись Микитичу искупатися.
Слезовал с добра коня,
Из черкацкого из седёлышка,
Привязывал добра коня ко ракитову кусту,
Скидовал с себя платье цветное.
Заплыл Микитич во перву струю,
Заплыл Добрыня во втору струю,
Заплыл Микитич во третью струю —
Третья струя невольная,
Понесла того Микитича
Во желты пески, мелки пещорочки.
Надлетает над него змей-то лютой и палючей:
— Али тебя, Микитич, живком склону,
Али тебя, Добрыня, огнем сожгу!
Тут Микитич взмолился ему:
— Змей лютой и палючей,
Не ешь ты и не жги меня,
Выпусти меня на прикрут берег,—
Ты будешь большой брат, я тебе меньшой.
Выпускат Добрыню на прикрут берег.
Нагребат он черну шляпу пуховую
Песку белого и мелкого,
Бьет он змея лютого и палючего,
Отшибает у него три хоботы. . .

11. ДОБРЫНЯ МИКИТИЧ И ЗМЕИЩЕ ТУГАРИЩЕ

Стариўся Микита и перестариўся.
Оставляет Микита житье-бытье,
А житье-бытье Никита, все богачество
Что тому Добрыне Микитичу.
Стаў-то Добрынюшка на возрасте,
А й на возрасте Добрыня двенадцать лет.
Стаў он постреливать гусей-лебедей,
Серую утицу пушистую.
— И отпусти меня, мать, в Опочай-реку.
— Нельзя, дитя, Опочай-река — река быстрая,
Быстрая, шивелистая.

А изнимут дни тебя мяжонныя,
А изнимут жары тебя пятроўския,
А захочется Добрыне покупатися
А во славною в Опочай-реке.
Мать-то его — волшебница, не отпускает его, как он не в летах. Она знат, что с ним будет. Когда уж она не могла его удержать — ну ладно!
Даю тебе три слуги верныя, благоверныя:
Первую слугу — пуховой коўпак,
Вторую слугу — саблю вострую,
Третью слугу — жальце булатное.
Доехал Добрыня к Опочай-реке,
Захотелося Добрыне покупатися
Во славною в Опочай-реке.
Первую струю Добрыня переплыл,
Вторую струю Добрыня переплыл,
А третья струя быстрым-быстра,
Быстрым-быстра, крутобережна.
Богатырское сердце рассердилося,
А могучие плечи расходилися,
Белыя ручки размахалися,
Тогда и поплыл Добрынюшка третью струю.
А и надлетает Змеишше Тугарышше,
А несет на себе да загон земли:
— Хошь, ты, Добрыня, я тебя землей задавлю,
Хошь, Добрыня, я тебя огнем сожгу,
А хошь, Добрыня, я тебя водой затоплю?
— А то и ты, Змеишше Тугарышше!
Изняў ты меня на худой путе,
На худой путе, на жидкой воде.
А допусти-ка ты меня до крутого бережка,
До крутого бережка, до серого камешка,—
И там-то я с тобой да разделаюсь.
Сам-то речь договаривает,
А на крутой он бережочек выскакиват.
Набирает коўпак со каменнями,
Завязывает киской шóўковой.
(Ну, стало быть, не простой же коўпак — отбить сразу те головы.)
Размахнуўся и отшиб три головы. Ну опеть размахнуўся он и отшиб три головы. Отмахнуў,
Взяў, грит, жальце булатное,
Заскочиў, грит, на груди змеиныя.
Жальцем-то булатным режет груди змеиныя.
Вот он потом ему, змей, отвечат:
— А не режь ты груди мои, груди змеиныя,
Дам тебе плаття цветное,
Дам тебе драгоценное.
А он отвечат:
— Не надо, грит, мне твое плаття,

А не надо мне плаття цветное, плаття драгоценное.
Святые отцы писали-отписалися:
Не бывать Змеишшу Тугарышшу,
Не бывать Змеишшу Тугарышшу на свете живому быть.

12. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Старился Никита, перестарился,
Он и жил да-то, Никита, девяносто лет,
Оставалась у Никиты молода жена,
Молода жена Омельфа Александровна,
Оставалось у Никиты чадо милое,
Чадо милое Добрынюшка Никитич млад. . .

13. ДОБРЫНЯ И ЗМЕИЩЕ-ЛИХОДЕИЩЕ

Еще в те времена первоначальные
Жил Микита в Новотор-жемле,
Жил Микита девяносто лет,
Состарился Микита — переставился.
Оставалось у Микиты сё житье-бытье, сё богачество,
Оставалась у Микиты молода жена Мельха Тимофеевна,
Во бладых летах Добрыня Микитич.
Отдавала его матушка
Хитрым-мудрым трем учителям.
Хорошо ему грамота давалась.
Приходит Добрыня к родной матушке:
— Ой ты гой еси, родна матушка,
Чесна вдова Мельха Тимофеевна,
Дай мине благословение великое
С буйной главы до сырой жемли
Яхать во чисто поле
Штрелять-убивать гусей-лебедей,
Ту малу птицу шеру утицу.
— Бох с тобой, мое дитятко,
С буйной главы до шырой жемли,
Штреляй-убивай гусей-лебедей,
Ту малу птицу шеру утицу.
Доедешь, мое дитятко, к Опочай-реке,
Изымут тебя жары петровские,
Солнопеки мезенские,
Захочется Добрыне покупатися,
Скидавай со себя сё светно платье,
Клади на луку на седельную,
Не скидавай со себя шляпу черную,
Насыпай ты шляпу черную хрущата песка,
Заплывай, Добрыня, во перву струю,
Не заплывай, Добрыня, во третью струю,

Что третья струя быстрым-быстра,
Понесет тебя (в) пещеры белокаменны
К тому змеищу-лиходеищу,
Той Беломарьи Изыславне.
Ты бери с собой, Добрыня, три паробка:
Первой тебе под тугой лук,
Другой тебе под востро копье,
Третий — под востру саблю.
Пояхал Добрыня во чисто полё,
Штреляет-убивает гусей-лебедей,
Ту малу птицу шеру утицу.
Дояхал Добрыня к Опочай-реке —
Ижняли его петровские жары,
Те солнопеки мезенские.
Захотелось Добрыне покупатися.
Скидавает со себя сё светно платье
И кладет на луку на седельную,
Не скидавает со себя шляпу черную,
Насыпает шляпу черную хрущата песка.
Заплывает Добрыня во перву струю.
Тут спроговорят ему три паробка:
— Где же твоя хвала богатырская,
Выслуга молодецкая?
Заплывай, Добрыня, во третью струю!
И спроговорит Добрыня Микитич блад:
— Где ж моя хвала богатырская,
Выслуга молодецкая?
Заплывает Добрыня во третью струю.
Что третья струя была быстрым-быстра,
Понесла его в пещеры белокаменны
К тому Белозмеищу-лиходеищу,
К той Беломарьи Изыславны.
Надлетывает тут змеище-лиходеище:
— Хочешь, Добрыня, огнем спалю,
Хочешь, Добрыня, жмяям скормлю,
Хочешь, Добрыня, в воде утоплю?
Сымает Добрыня шляпу черную,
Штреляет Добрыня во белозмеищевы белы груди,
Шнимает у жмеинища три чобота [так!].
Падает жмеинище во синё море.
Выходила Марья Изыславна:
— Ждрасвуй, Добрыня Микитич блад,
Еще сам ты есь будь мой суженой!

14. ДОБРЫНЯ И ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Жил Микита девяносто лет,
Состарился, переставился.
Оставалось у Микиты всё живчо-быччо,

Богачество, вшё количество,
Оставалася у него незна вдова Омельфа Тимофеевна,
Оставалось чадо милое спорожденное,
Оставался Добрыня в девятих летах.
Отдавала матушка в грамотей [!] учить
Тем хидрым-мудрым учителям.
Хорошо Добрыне грамота издавалась.
Он приходит к ронной матушке,
Еще кланяется ронной матушке понижечочко:
— Дай мне благословенье яхать во чисто поле,
Как штрэлять-убивать гушей-лебедей,
Еще ту учицу-переучицу.
Отдавала матушка благословенье,
Еще стала к нему наказывать:
— Еще, дитятко мое, доедешь ко Почай-реке,
Изымут тебя жары петровские, сонцепеки меженские,
Скидывай со шебя вше шветно плаччо,
Клади на луку на шедельную,
Не скидывай со шебя пухову шляпу,
Набивай черну шляпу хрущата песка
Полным-полно, девяносто пудов.
Еще стала к нему наказывать:
— Может, захочется тебе покупатися,—
Заплувай, Добрыня, за перву струю,
Не заплувай, Добрыня, за вторую струю,
Вше вторая струя бистрым-бистра.
Давала к нему три парика,
Три слуги верные, неизменные:
Еще перву слугу под востру саблю,
Вторую слугу — под востро копье,
Еще трэччью слугу — под тугой лучок.
Еще кланялся понижечонко.
Давала матушка благословенье
С буйной голове до сирой земли.
Еще ехал да Добрыня во чисто поле,
Как штрэлял-убивал гушей-лебедей,
Еще ту було пчицу шероучицу.
Он дояхал ко Почай-реке.
Изняли жары петровские, сонцепеки меженские.
Скидывает со шебя вшё шветно плаччо,
Кладет на луку на шедельную,
Скидывает со шебя черну шляпу,
Набивает хрущата песка,
Набивал хрущата песка девяносто пудов.
Не скидывал со шебя пухову шляпу.
Захотелося Добрыне покупатися.
Заплувал Добрыня за первую струю,
Не заплувал Добрыня во вторую струю.

Еще спроговорели три слуги верные, неизменные:
— Еще не чеш ты, хозяин наш приласковый,
Не чеш твоя, (не) хвала молодецкая,
Не вислуга богатырская!
Заплувает Добрыня за вторую струю,
Понесло их [!] в пещору белокаменну.
Еще стали налетывать орленочки да воскуркивать,
Еще спроговурели три слуги верные, неизменные:
— Заплувай, Добрыня, за трэччью струю!
Еще заплувал Добрыня за трэччью струю,
Понесло их в пещеру белокаменну.
Еще тут струя бистрым очень бистрая,
Еще понносило их ко Марье ко Елизастовной.
Виходила Марья Елизастовна,
Подаставила свой берчат рукав.
Воскакивал Добрыня во берчат руках,
Еще кланялся понижеченко:
— Еще здравствуй, моя тетушка родимая!
Еще расплакалася Марья Елизастовна:
— Несто прияхал, мое дитятко родимое Добрынюшко?
Чебя змеина живком хватит.
Прилетат змея огненный:
— Виходи, Добрынюшка!
Если хочешь, Добрынюшка, я чебя живком хвачу,
Если хочешь, Добрынюшка, я чебя змеям скормлю,
Еще хочешь, Добрыня, дымом задушу!
Виходил Добрынюшка, еще падал на коленочки,
Ставал Добрыня на резвы ноги,
Еще поскакивать стал Добрыня белым горнаком.
Еще стали налетывать орленочки да воскуркувать.
Он видергиват черну шляпу,
Штрэляет Добрыня змею во белы груди
И пропаривает белу грудь.
Еще стали слуги верные штрэлять из туга лука.
— Виходи, моя тетушка родимая,
Остался от Микиты один отрастель,
Чтобы не прияхать по ронную свою по теточку.
Приезжает ко своей ронной матушке,
Еще кланяется понижечонко:
— Еще здравствуй, моя ронна матушка,
Я привез свою ронну тетушку родимую!

15. ДОБРЫНЯ И ЗМЕЮНИЩЕ-ЛИХОДЕЮЩЕ

Жил-то Микита девяносто лет (в) Новотор-жемле,
Состарился Микита, переставился.
Оставалось у Микиты вше жиччо-быччо и вше богачество,
Оставалась у Микиты молода жена,

Чесна вдова Амелфа Тимофеевна,
Во бладых летах — Добрынюшка Микитов блад.
Отдавала его матушка грамоту учить
Еще тем хидрым мудрецам, мудрым учителям.
Хорошо к нему грамота давалася.
Приходит Добрыня своей матушке:
— Ох ты матушка моя, ти родимая,
Дай мне благословение великое
Яхать-пояхать во чисто поле
Стрэлять-убивать гусей-лебедей,
Еще ту малу пчицу сероучицу,
Искать-поискать братца названого,
Того було Илья Муровца.
— Ох ты гой еси, мое дитятко,
Доедешь, мое дитятко, ко Почай-реке,
Изымут тебя жары петровские,
Как те сонцепеки меженские,
Захочется тебе, Добрыня, покупатися,
Скидывай ти со шибя вше шветно плаччо,
Золот чуден крест со цепочкою,
Клади на лугу [!] на шедельную,
Набивай шляпу хручата песка
Как не мало, не велико — девяносто пуд,
Заплывай ти, Добрыня, за перву струю,
Заплывай ти, Добрыня, за втору струю,
Не заплывай ти, Добрыня, за трэччу струю.
Трэчча струя бистрым-бистра,
Понешет тебя в пещоры в белокаменны
К тому було жмеенищо лиходеюшшо,
К той було Марье Изеславной.
— Вшёгды буду заплывать я за трэччью струю!
— Ох ти бог с тобой, мое дитятко!
Пояхал Добрыня во чисто поле
Стрэлять-убивать гусей-лебедей,
Вшю ту малу пчицу шероучицу.
Дояхал Добрыня ко Почай-реке,
Изняли яво жары петровские,
Еще те сонцепеки меженские,
Захотелося Добрыне покупатись.
Скидыват со шебя вшё шветно плаччо,
Золот чуден крест со цепочкою,
Кладет на лугу на шедельную.
Набиват шляпу хрущата песка
Как не мало, не много — девяносто пуд.
Заплувает Добрыня за перву струю,
Заплувает Добрыня за втору струю.
— Как не честь моя, хвала молодецкая,
Как не вислуга моя богатырская!

Попробую заплувать за трэччью струю.
Заплувает Добрыня за трэччью струю.
Трэчча струя була бистрым-бистра,
Понесла его в пещоры белокаменны
К тому було змеюнищу лиходеюшшу,
К той було Марии Изославной.
Как надлетыват змеюнищо лиходеюшшо:
— Хочешь, Добрыня, огнем тебя спалю,
Хочешь, Добрыня, дымом задушу,
Хочешь, Добрыня, жмеям тебя скормлю?
Скидыват Добрынюшка с головы шляпу,
Стреляет змеюнищо во белы грудьи,
Пропарывает у змеюнищи белы грудьи,
Еще падает змеюнищо во шине моро.
Подплувает Добрыня Марии Изославной.
Виходила Мария Изославна:
— Уж не этот ли мой, этот суженой?

16. ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Давно же в [!] Рязани городом славе,
Еще нынче в Рязани село стоит,
Еще жил-то в Рязани богатый гость Микита, Новотор-земле.
У Микиты було чадо милое спорожденное
Да честна вдова Омельфа Тимофеевна. . .
Не может Добрыня на коне сидеть,
Не может Добрыня копьем шермовать. . .

17. МИХАЙЛУШКО И ЗМЕЯДИЩО

Жил-то Микита девяносто лет,
Состарился Микита, переставился.
Оставалось у Микиты вше жиччо-быччо, все имущество,
Оставалась у Микиты молода жена,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна
Со тем було со чаду со Михайлушком.
Отдавала его матушка в учелищо
Хидрым-мудрым учителям.
Хорошо-то к нему грамота издавалася.
Приходит он к ронной матушке:
— Отпушти меня, матушка, во чисто поле
Штрэлять-убивать гушей-лебедей,
Малую птицу сероутицу.
Дает ему матушка благословенье
С буйной голови до сирой земли:
— Бери, мое дитятко, лошадь добрую, саблю острую,
Бери копье бурзуменское,
Бери, мое дитятко, двои фарточки [?].

Там изнимут тебя жары петровские,
Сонцепеки меженские,
Захочется тебе покупатися,
Скидывай ти, дитятко, вшё шветло плаччо,
Клади на луку пошедельную,
Не скидывай ти, дитятку, черну шляпу.
Заплувай ти, Михайло, во перву струю,
Заплувай ти, Михайло, во хторую струю,
Не заплувай ти, Михайло, во трэччью струю.
Ну как пояхал Михайлушко во чисто поле,
Он брал свою лошадь добрую,
Брал копье бурзуменское,
Брал с собой саблю острую,
Брал с собой двое фарточки.
Вот как изняли его жары, жары петровские,
Сонцепеки изняли меженские,
Захотелось к нему покупатися.
Скидывает Михайлушко вше шветно плаччо,
Кладет на луку на шедельную,
Не скидывал Михайлушко черну шляпу.
Заплувает Михайлушко во перву струю,
Заплувает Михайлушко во хтору струю.
— Ну не чеш твоя, хвала молодецкая,
Не вислуга твоя богатырская,
Заплувай ти, Михайлушко, во трэччью струю!
Богатырско его шерцу разгорелося,
Могучие его плечи рашпилалися —
Заплуват Михайлушко во трэччью струю.
Трэччья струя вшем бистрым-бистра,
Понесло его в пещоры белокаменные.
Разлетелось на него жмеядищо лихорадищо:
— Хочешь ти, Михайлушко, я живком сглочу,
Если [!] ти, Михайлушко, я огнем спалю,
Если ти, Михайлушко, я жмеям скормлю!
Скидыват-то Михайлушко ту черну шляпу,
Насыпает эту шляпу хрущата песка,
Стрэляет жмеядище по белой грудэ,
Расшикает у жмеядища чоботы железные,
Роняет жмеядищо на сиру землю.

18. МИХАЙЛУШКО И ЗМЕИНИЩЕ-ЛИХОДЕИЩЕ

Жил Михайлушко на Почан на реки,
у этого Михайлушки мало было лет, двенадцать лет, говорили. И захотелось к нему по полю погулять. К нему мать клала на коня шё светное платьё и говорила:

— Изымут тебя жары петровския,
Солнопеки меженския,

Тебе захочется покупатиси меж бела дня,
Заплувай за первую струю,
Заплувай за вторую струю,
Не заплувай за третью струю,—
Третья струя бистрым она бистра!
Он клал всё светно платтё,
Шляпа девяносто пудов. . .
Вот он пояхал гулять по полю по чистому. И как раз ударили жары,
Те жары, жары петровския,
Солнопеки меженские.
Он приезжает на Почан-реки,
Всё кладет всё светно платьё коню торока
И золот чуден крест со цепочкой,
Надевает эту шляпу хрущата песка,
Хрущата песка девяносто пуд,
Заплывает он за первую струю,
Заплывает он за вторую струю.
— Ай, говорит, еще третья-то струя бистрым она бистра,
Не честь моя молодецкая,
Не вислуга богатырская!
Заплывает за третью струю.
Понесло его (в) пещеры белы каменны
Тому змеинищу-лиходеющу,
Той Марфе, Марфе Изеславне.
Налетает на него змеинище-лиходеище:
— Еще хочешь ти, Добрыня, я тебя живком хвачу,
Еще хочешь ти, Добрыня, я тебя огнем спалю?
Скидывает со себя шляпу девяносто пуд,
Стреляет этому змеинищу во белы груди,—
Еще падает змеинище на Почан-реки.
Доплывает этой Марфе, Марфе Изеславне.
— Как ты, — говорит, — каким тебя ветром припáило сюда? Еще, — говорит, — ни один человек не подплывал сюда. — Я, — говорит, — захотел к тебе жениться.

19. ДОБРЫНЯ И ЗМЕИНИЩЕ ГОРЫНИЩЕ

Оставалось у Микиты все житье-бытье,
Все житье-бытье, осталося имение,
Все имение осталось малу детищу
Да по имени Добрынюшке Микитовичу.
Да и не белая береза (к) земле клонится,
И не шелковая трава в поле устилается,
Еще клонится родной сын перед матерью:
— Еще дай ты мне, матушка, благословение
Идти мне стрелять гусей-лебедей,
Перелетных серых малых уточек!
Ну хоть дашь, пойду, и не дашь, пойду!

Стала ему матушка наказувати:
— Ах, Добрыня, ты, Добрыня, ты, Микитович,
Ах ты, детишше мое ты любимое,
Ну захватят теба зори петровския,
Еще те же солнцопеки меженные,
Ну захочется помутись, покупатися,
А ты плавай, Добрыня, на перву струю,
А ты плавай, Добрыня, на втору струю,
Не доплавливай, Добрыня, на третью струю!
Еще третьяя струя быстрым-быстра,
[Унесет тебя усть мора, мора синяго] (*греческа*),
Понесет теба ко камушку Алатыру,
Ко тому ли ко Змеинищу Горынищу.—
Захватили его зори петровския,
Еще те же солнцопеки меженные,
Захотелося помутись, покупатися.
Плавал Добрыня на перву струю,
Плавал Добрыня на втору струю,
Со второй-то струе назад ворачиватся,
Приплыват Добрыня ко круту бережку.
Тут спроговорят его слуги верные:
— А не честь твоя, хвала молодецкая,
А не выслуга твоя богатырская,—
Не доплыл ты, Добрыня, на третью струю!
Кидался-бросался во быстру реку,
Доплывал-то Добрыня на третью струю,
А третья та струя быстрым-быстра,
[Унесла его усть мора, мора синяго] (*греческа*)
Унесла его ко камешку Алатыру,
Ко тому ли ко Змеинищу Горынищу.
[Вылетала тут Змеинища Горынища,
Налетала Змеинища на Добрынюшку,
Налетев, она, Змеинища, рассмеялася:]
— Не святы отцы писали-прописалися,
Не волшебницы волшили-проволшилися,
Будто мне от Добрыне-то и смерть принять,
А теперь, ты, Добрыня, во моих руках.
Еще хошь ли, Добрыня, хоботом схвачу?
Еще хошь ли, Добрыня, во огне спалю?
Еще хошь ли, Добрыня, целиком сглочу?
А горазд-то бул Добрыня по воде ходить,
Тут он нырнул, там он вынырнул.
Не случился у Добрыне его добрый конь,
Не случилась у Добрыне сабля вострая,
Случилася только шляпа белоеловка.
Нагребал он в эту шляпу хрущата песка,
Еще той ли земли, земли греческой,
Ну стрелял он во Змеинищу Горынищу,

Отбивал ей хоботы железные,
Обрывал те крылья гумажные.
Падала Змеиница на сыру землю.
Ретив был Добрынюшка Микитович,
[Скочил он Змеинице на белу грудь,
Он выдергувал чингалище булатное,
Еще хочет спороть ей белу грудь.]
Тут взмолилася Змеинища к Добрынюшке:
— Еще станем мы с тобой, Добрыня, брататься!
— Не хочу я со змеиным родом брататься!
Распорол он у Змеинищи ту белу грудь,
[Он палил ту Змеинищу во пламьище. . .]
Поплыл к слугам и убил всех до одного.

20. БОЙ ДОБРЫНИ С БАБОЙ ГОРЫНИЩЕМ

Съехался Добрыня Никитич во чистом поле с бабой Горынищем («богатырщица»). Съезжались друг с дружкой. Бьет она его и вышибла из седла Добрыню Никитича, начала его пришибать, выбила палицу и копье. Он снял уже сапог с ноги и стал отбиваться сапогом. Едет Илья Муровец. Тут взмолился Добрыня Никитич: «Илья Муровец, восстань за меня! Убила баба Горынище девять богатырей, добиват,— говорит,— Добрынюшку десятого». — «Не чесь и не хвала богатырская, чтобы два богатыря на одну бабу шли. А не знашь бабьей ухватки: слевай бабу по щеке, пинай бабу под гузно, будет баба пятитьца!» Стал Добрыня слевать бабу по щеке, пинал бабу под гузно, стала баба пятитьца. . . Убил он ее. Схватил «цинбалище» — вострый нож, взрезал ей груди, а в них два вьюноши — двойниками брюха, два богатыря были. Как Добрыня ушиб ее, они так и окаменели.

21. АЛЕША ПОПОВИЧ И ЗМЕЙ ТУГАРЕТИН

Алеша Попович млад
Со Екимом сыном Ивановичем
Выезжали на росстани на широкие.
На росстанях лежит бел горюч камень,
На камешке подписи подписаны,
Все пути-дорожки рассказаны.
Тут-то Алеша, поучен человек,
Соскакивал со добра коня,
На камешке подписи рассматривал,
Все пути Екиму рассказывал:
— Слушай-ко, Еким сын Иванович,
Первая дорожка — в Чернигов,
Вторая дорожка — ко Путерему,
Третья дорожка — в славен Киев-град.
В Чернигове-городе не бывано,
И пива-вина много не пивано,
Калач бел крупицат не рушиван

И белая лебедка не кушана,
Домы-кабаки были вольные,
Молодушки были приветливы,
Девушки прелестливы,
А мы с тобой, Екимушко, упьянчивы,
Запьемся, Екимушко, загуляемся,—
Потерять-то нам будет слава добрая,
Вся-де выслуга богатырская.
То же-де в (у) Путереме не бывано. . .
(*далее те же самые слова, что и в Чернигове*)
В Киеве-городе было бывано,
Много пива-вина было пивано,
Калач бел крупищат много рушиван,
Белая лебедка много кушана.
Завладел у князя Владимира
Хорошую дочь княжну-королевишну
Змей Тугаретин,
Туда побежим на выручку!
Садился на добра коня.
Они били коней по тушным бедрам,
Тут-де их кони прирассердилися,
С горы на гору кони перескакивают,
Темные лесы промеж ног пущают,
Реки-озера хвостом устилают.
Подбегали ко городу ко Киеву,
Скакали чрез стену белокаменную
К тому столбу ко дубовому,
К тому колечку ко злаченому.
Коней они не привязывают,
Никому держать не приказывают.
Отпирают гридню на пяту,
Запирают гридню наплотно,
Приходят середи полу кирпищата,
Молитву творят сами Сусову,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Кланяются-поклоняются на все четыре стороны,
Князю и княгине на особицу и особь статью.
—Милости просим, люди добрые, храбрые воины,
Садитесь-ко вы в куть по лавицы!
— То-де нам место не по дядине.
— Второе место в дубову скамью.
— И то-де нам место не по вотчине.
— Третье место — куды хочете.
— Неси-ко ты, Алешенька Попович млад,
То ковришко волокитное!
Этому ковришку Владимир-князь удивляется:
— Хорошо-де ваше ковришко волокитное:

Красным золотом было оно вышивано,
В углах-то было вшивано
По дорогому камню самоцветному,
От его-то от панциря
Как луч стоит от солнца.
— Стели-ко его за печной за столб!
И садятся они с Екимом за печной за столб.
Не от ветричку палата зашаталася,
Не от вихорю сколыхалася —
Прилетал Змеишшо Тугаретин.
Отпират он гридню на пяту,
Запират он гридню не наплотно,
Господу богу не молится,
Чудным образам не покланяется.
Садят его за столы за дубовые,
За скатерти браные,
За ествы сахарные.
Калач бел крупищат за праву щёку бросат,
Белу лебедку — за леву щёку.
Говорит Еким таковы слова:
— У попа было ростовского
Было кобелище Цингалище,
Охоче по подстолью ходить —
Костью подавится,
От того и переставится.
А тебе, Змею, не миновать того!
— Что у те, князь, за пешным столбом
За сверчок пишшит?
Отвечат князь Владимир:
— Маленьки ребятки промежу себя говорят,
Сами бабки делят.
Подают Змею чару зелена вина в полтора ведра,
А весом чара полтора пуда.
Принимат он чару единой рукой
И выпивает чару на единой дух.
Говорит Еким сын Иванович таковы слова:
— У попа ростовского
Была бурая корова,
По поварням ходила,
Барды по чану выпивала — треснула,
И тебе, Змею, не миновать того!
Схватил Змеишшо Тугаретин
Ножище-чинжалище
И бросал за печной за столб.
Тут-то Алешенька подхватчив был,
Подхватывал ножище-чинжалище
Правою полою кафтанною,
Тут они возопияли [так!]:

— Сам ли ты, Еким, бросишь
Или мне велишь?
— Сам я не бросаю и тебе не велю,
Нечего кровянить полату белокаменну,
Надо со Змеем переведаться
На поле куликовом
И на том елбане роскатистом!
Покатился Змей Тугаретин
Из полаты белокаменной,
Надел крылья бумажные
И полетел на поле куликово,
На те елбаны роскатисты.
Выходили Еким со Алешою
На улицу широкую,
Еким Алеше наказывает:
— Ежели два часа не буду,
То беги на выручку.
И сам садился на добра коня,
Бежал на поле куликово,
На те елбаны роскатисты,
Втыкал копье мурзомецкое
И вбегал на тупой конец,
И смотрел во чисто поле.
Завидел Змея Тугарина
Выше лесу стоячего,
Ниже облака поплавучего.
Говорит Змей Тугарин:
— Что тебя, Еким, огнем сожечь
Или живьем сглотить,
Или тебя дымом задушить?
Взмолился богу господу
Еким сын Иванович,
Наипаче пресвятой богородице:
— Сошли, господи, крупчата дождя,
Подмочи у Змея крылья бумажные!
Неоткуль туча грозная подымалася,
И дал бог крупчата дождя,
Подмочил крылья бумажные,
И повалился Змей на сыру землю.
Тут подхватывал его Еким
На копье мурзомецкое
И притыкал ко сырой земле,
И отсек буйну голову.
Тут-то миновалось два часа.
Побежал Алеша на выручку,
Не видит он свету белого и солнца красного,
Сбегался со Екимом навстречу
И бил его палицей буевой,

И сшиб со добра коня,
Притыкал его в грудь белую
Копьем мурзомецким
И угодил в крест чувственный [так!].
Соскакивал Алеша со добра коня,
Брал его на руки на белые,
Садил в седло черкасское,
Поехали путем-дорожкою
Ко князю Владимиру
И бросали голову Змея
За стену белокаменную.
Выходил князь Владимир
Сословье [так!] красно солнышко
На улицу широкую
И просил:
— Милости просим, храбры воины,
За единой стол хлеба откушати!
Отвечали они:
— На приезде гостя не учествовал,
А на отъезде не учествовать!

22. АЛЕША ПОПОВИЧ И ЗМЕИЩЕ-ЛИХОРАДИЩЕ

Из тех из ворот из Архангельских
Не два ясные соколы вылётали,
Не два ясные крыльчаты выпорхали,
Выезжали два удалы добры молодцы
По именю Алешенька Попович млад
Со своей ведь со слугой Якимшей-порубком.
Они ехали дороженькой широкою,
Луками об луку об седельную,
Об седельную луку, об переднюю,
Стремяно в стремяно валящато.
Заезжали ведь на горы на высокия,
На те ли на желобы [так!] на окатисты.
Стали на лугах опочек [!] держать,
Своим добрым конюшкам отдох давать.
Раскинули шатры белополотняны,
Спали во шатрах трои суточки,
На четверты сутки пробуждалися.
Пробуждается Алешенька Попович млад
И будит он Якимшу-порубка:
— Сгой еси, Якимша, поруб мой,
Поезжай-ко ты напой добрых коней. . .

Олеша да Ефимша разговаривали:
— Ох ти гой еси, Ефимша, слуга верная,
Ми поедем на Украйну-реку.
Ефимшо-то отвечает:
— Ой ти, ласковый хожяин мой приветливой,
Не поедем, не поедем на Украйну-реку,
На Украйне баби заманчивые,
Нам за бабьими гузнами залежатися будёт,
Пойдет про наш славушка недобрая,
Недобрая слава, нехорошая.
Ми поедем, ми поедем княжу солнышко Владимеру,
Ми посмотрим душечку княгинушку Апраксию,
Ми посмотрим Тугарина Жмеевича!
Как поездочку держали княжю Владимиру,
Как ражъехались они княжю Владимиру.
Принешли тут Тугарина на дубовой на доске,
В головах у него тридцать богатырей,
В ногах-ти у него други тридцать.
Посадили Тугарина на часовую кровать,
Склал тут Тугарин ножку под гузно,
Белы ручки княгине в пазушок.
Шидели на пиру гошти пьяны-вешелы.
Принешли Тугарина пол-треэчча ведра —
Выпивает Тугарин единым духом.
Белую лебедь на закусочку
Брошает Тугарин за онну щёку,
Еще косточки-суставточки виплевыват.
Принешли Олеше пол-трэчча ведра,
Сам он откушал и Ефимше подавал:
— Ох ти гой еси, ти Ефимша, слуга верная,
Сам ти надкушай и (на) сторону подай,
Ти не будь, не будь Тугарина Змеевича,
Ти будь Олешеньки Поповича.
Ох ти вспомнишь ли, Ефимша, вспомятуешь ли,
Как у нашего у швета у бачушка,
У Леонтия попа сына ростовского
Как була, була собака жанная,
По хотонам-чи собака-то шаталася,
По подлавицам собака волочилаша,
Лебедино кошти грызла, подавилася,
Помои-чи хлебала — захлебалася,
От того же собаке шмерть случилася.
А тому же Тугарину то же будёт
От нашего плеча молодецкого,
От нашего колена богатырского!
Тут Тугарин темнеет, ласно чемная ночь,

На буйной главе кудерцы дубровушкой шумит.
Видергиват кинжалищо булатное,
Стреляет Олешу во белы грудьи.
Еще в ту пору Ефимша у них подвертох бул,
Не допущает до Олешиных белых грудьей,
Вихватывает кинжалищо булатное:
— Ох ти, ласковый мой хожяин, мой приветливой,
Сам шутку отвичишь, али мне велишь?
— Я сам не хочу и чибе не велю,
Не хочу кровянить палаты царские,
Не хочу сквернить столы дубовые,
Еще завтра со собакой перэведаюшь
На том поле, поле на куликовом!
За Тугарина ручаются тридцать богатырей,
За Олешеньку ручается его дядёка Владимир-княжь,
А вместе с ним Ефимша, слуга верная.
Пошел Олеша во божью церковь,
Стал служить молебны великие:
— Мать божья, пречиста богородица,
Когда шьедёмся с Тугариным на поле на куликовом,
Нанеши тучу, тучу грожную
С тема були дождями со мокрыма,
С тема була шнегами со белыма,
Подмочи у Тугарина крыллия гумажные,
Чтобы пал Тугарин на сыру жемлю!
Шъехались они на поле на куликовом.
Надлетыват Тугарин-от Змеевич.
Олешина молитва — богу дохонная:
Упала туча грозная,
Со тема була дождями со мокрыма,
Со тема була шнегами со белыма,
Подмочила у Тугарина крыллия гумажные,
Еще пал-то Тугарин на сыру жемлю.
— Хочешь, Олеша, огнем тебя шпалю,
Хочешь, Олеша, дымом задушу,
Хочешь, Олеша, жмеям чебя скормлю?
Тут спроговорет Олешенька Попович блад:
— За тебя ручались тридцать богатырэй,
Оглянись — хочат тебя по плеч голову срубить!
Стал тут Тугарин поворачиваться.
Дакамеж Тугарин поворачивался,
Струбляет Олеша у Тугарина по плеч голову.
Пал тут Олеша на Тугариново коня,
Своего-ту коня (в) поводу повел,
А Тугаринову голову на востром копье повез.
Виходила душечка княгинушка Апракшия:
— Знать-то ясного сокола по полеточке,
Тугарина Жмеевича — по поездочке:

Едет-то Тугарин на Олешином коне,
Своего-то коня в поводу ведет,
Олешину голову на востром копье вежет!
Тут спроговорет Ефимша, слуга верная:
— Душечка княгинушка, ошибаетесь,
Знать-то ясного сокола по полеточке,
Олешеньку Поповича — по поездочке:
Едет Олеша на Тугариновом коне,
Своего коня в поводу ведет,
Тугаринову голову на востром копье вежет!
Как ражъяхался Олешенька Попович блад,
Стреляет Тугаринову голову:
— Не назвать би чеба тетушку княгинушку,
А назвать тебя только сукой гончевою и бесхвостою,
А не назвать тебя, дядёко Владимер-княжь, только свонником!

24. ОЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

Еще були на пиру пьяны-вешелы.
Охто хвастал богачеством,
Охто хвастал молодой женой,
Охто хвастал своей силушкой.
У Тугарина були крылишки гумазные.
Восставал Олешенька Попович,
На резвы ножки ставал Олешенька Попович:
— У Тугарина, говурит, була собачинка жанная-прежанная,
По подлавицам ходила,
Лебедино кость грызла — подавилася.
И, говурит, Тугарину это тоже будёт!
Вот Тугарин озлился на Олешеньку,
Ласно чемная ночь.
У Олеши була онна слуга верная.
У Тугарина на буйной голове
Кудерцы дубровушкой шумят,
Еще хочет у Олеши пронзить белу грудь.
Нанес на Олешу свой вострый меч
Пронзить белу грудь —
Не допущает слуга до Олешиных белых грудей
И хватает его острый меч.
Еще спроговорел слуга верная:
— Ти, хожяин, ти, хожяин, ти, приласковый,
Али ти Тугарину шутку отшутишь, либо я отшучу?
Еще спроговорел Олешенька Попович:
— Я сам не хочу и тебе не велю.
Не хочу, говурит, я кровянить столы дубовые
И не хочу сквернить палаточки княгинини.
Еще завтра поутру со собашечкой переведаюсь
На том на поле на куликовом!

Тугарин темнеет на Олешу как темная ночь,
На буйной голове кудерцы дубровой шумят.
Виходил Олеша, пошел во божью церковь:
— Еще нанеши, мать ти божья, пречистая богородица,
Нанеши завтра поутру тучу грозную
С тема белыми снегами, со белыми,
С дождями со мокрыми,
Стобы промокли у Тугарина крылишки гумазные,
Стоб упал би и упал Тугарин на сиру землю!
Еще поутру съехалися на том поле на куликовом.
Вдруг упала туча грозная
С тема белыми снегами,
Со белыми [!] дождями со мокрыми,
Еще подмокли у Тугарина крылишки гумазные,
Еще пал-упал Тугарин на сиру землю.
За Тугарина ручается тристо богатырёв,
А за Олешу ручается один слуга верная, неизменная,
Да другой дяденько его, Ефимча-то.
Еще спроговорел-от Тугарин Змеевич:
— Если хочешь, я тебя живком схвачу,
Если хочешь, Олешенька, я тебя дымом задушу,
Если хочешь, Олешенька, то я тебя змеям тебя скормлю!
Он видергивает копье вострое —
Оживаются змеи огненные.
Спроговорел Олешенька Попович:
— Ай ти, говурит, Тугарин ти Змеевич,
Вот, говурит, которы вчера ручалися, тристо богатырёв,
Хочат, говурит, с тебя струбить по плеч голову!
Он, Тугарин, поворачивался назадь —
В ту пору струбил Олеша по плеч голову Тугарину,
Еще пал-упал Тугарин на сиру землю.
Еще Тугаринову голову на вострóм копье повез,
Тугаринову лошадь в поводу повел.
Вот виходит Аринушка-Маринушка:
— Знать, говурит, доброго молодца Тугарина Змеевича
По поездочке, по походочке:
Олешину голову на вострóм копье везет,
Олешину лошадь в поводу ведет!
Вот виходит Олешин дяденько, Ефимча-то:
— Врэшь, говурит, Мотя, ошибаешься,
Знать, говурит, по поездочке, походочке
Доброго молодца Олешеньку Поповича:
Тугаринову голову на вострóм копье везет,
Тугаринову лошадь в поводу ведет!
Опеть виходит Аринушка-Маринушка:
— Знать, говурит, доброго молодца Тугарина Змеевича
По поездочке, по походочке:
Олешину голову на вострóм копье везет,

Олешину лошадь в поводу ведет!
Вот виходит опеть дяденько Ефимча-то:
— Врэшь, говурит, сука-б. . ., ошибаешься,
Знать, говурит, по поездочке, походочке
Доброго молодца Олешеньку Поповича:
Тугаринову голову на востром копье везет,
Тугаринову лошадь в поводу ведет!
Приезжает Олешенька Попович,
Тугаринову голову на востром копье привез,
Тугаринову лошадь в поводу привел.
Еще спроговорел дядя-то, Ефимча-то:
— Кабы не була би, говурит, ти моя тетушка [!],
Я би назвал тебя сукой-б. . .,
Сукой гончиватой да бесхвостой!

25. АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЕВИЧ

. . .Приезжает-то Алеша в стольной Киев-град,
Входит-то Алеша во светлу гриню,
Он крест-то кладет по-ученому,
Он поклон отдает по-писаному,
Он кланяется на все четыре стороны,
Князю со княгиней на особице.
Принимали-то Алешеньку с честью, с радостью.
Тут спроговорил солнушко Врадимир-князь:
— Ах, Алеша, ты Алеша Попович млад,
Первое тебе местице — переднее,
Второе тебе местице — подле меня,
А третье местице, — где вы хочете.
Спроговорил Алеша Попович млад:
— Мое местице за печкою!
Собираются к обеденну столу хлеба кушати.
И принесли-то Идолища поганого —
У него рук-то нет, да и ног-то нет.
И приходит Тугарин Змеевич млад,
И садится Тугарин в голове стола,
А по право-то княгиня Апраксия,
А по лево-то Врадимир красно солнушко.
Поднесли ему лебедь белую,
Он хватил ее, целком сглотил.
Тут спроговорил Алеша Попович млад:
— Ах, Яким, ты Яким, слуга-паробок,
Как у нашего попа, света батюшке,
У Семена у света Ростовского
Была-то собака обжорчивая,
По сметьям собака волочилася,
Костью собака подавилася,
От того ей и смерть случилася.

Тугарину Змеевичу таку ж смерть принять!
Принесли тут кашицу ведерную,
Ох схватил ее, сразу выхлебнул.
Тут спроговорил Алеша Попович млад:
— Ах, Яким, ты Яким, слуга-паробок,
Ты помнишь ли, Яким, памятуешь,
Как у нашего попа, света батюшке,
Как у Семена света Ростовского
Була корова обжорчивая,
Она кашей-бардой охлебалася,
От того-то ей и смерть случилася.
Тугарину Змеевичу таку ж смерть принять!
Тут-то Тугарину за беду стало,
Не за малую обиду показалося.
Вынимал он ножище-чингалище
И стрелял-то Алеше во белы груди.
Не допустил тут Аким, слуга-паробок,
На полете подхватил он кинжалище.
— Ах, хозяин, ты хозяин, ты мой ласковой,
Как дары эти мне прикажешь ты:
Иль назад отдарить, иль себе сохранить?
— Не скверни ты палаты княжеския
Его кровью собачьею,
Заутра я с ним, собакой, переведаюсь,
Переведаюсь во чистом поле!
Утром рано-ранешенько
[Приезжает тут Алеша Попович млад:]
— Ты спишь ли, Тугарин, или так лежишь?
Не докуда тебе спать, пора в поле выезжать!
Вылетает Тугарин из нова терема,
Вылетает из княгинина новой спаленки,
Еще из того ли окошка из косящата,
Налетел на Алешеньку Поповича:
— Охо-хо, братцы, хо-хо, расхохонюшки,
Святы отцы писали-прописалися
И волшебницы волшили-проволшилися,
Будто мне от Алеше смерть принять.
А теперь ты, Алеша, во моих руках!
Еще хошь ли, Алеша, хоботом схвачу?
Еще хошь ли, Алеша, во огне спалю?
Еще хошь ли, Алеша, целиком сглочу?
Что хочу над Алешей, то и сделаю!
Тут спроговорил Алешенька Попович млад:
— Ах ты, мать пресвята богородица,
Ты нашли, нашли тучу грозную,
Тучу грозную со крупным дождем!
Не откуль-то взялась туча грозная,
Туча грозная со крупным дождем,

Подмочила у Идолища крылья гумажныя,
Подмочила крылья — он наземь упал.
Тут хватал-то Алеша саблю вострую,
Срубил-то Идолищу буйну голову,
Распорол-то его белу грудь,
Вынимал-то тут ретиво сердце,
Поставил буйну голову на востро копье,
Натыкал его сердце на кинжалище,
И поехал он назад (в) стольной Киев-град.
Тут спроговорил Аким, его паробок:
— Еще знатно молодца по поездочке:
Что едет-то Алеша Попович млад,
Везет голову змееву на востром копье!
Говорит тут княгиня Апраксия:
— Еще знатно сокола по полеточке:
Что летит тут Тугарин Змеевич млад,
[Несет голову Алеше на востром копье!
Тут приехал Алеша Попович, млад,]
Бросил голову о сыру землю.
Говорит тут княгиня Евпраксия:
— Еще то, братцы, бувat: и свинья гуся съедат!
Говорит тут Алеша Попович млад:
— Ах кабу ты не була княгиня Евпраксия,
Я бу назвал теба сукой-б. . . волочажною,
Волочилась ты под Тугарином Змеевичем!

26. АЛЕША ПОПОВИЧ И ЗМЕЙ ТУГАРИН

Алеша Попович, Еким Иванович,
Ездят по полю два удалые молодца,
Они подъезжали ко крестику
И богу помолилися,
А . . . головы приломилися.
— Ну поедем, Яким, во Кестрень-город.
Алешенька попович . . . :
Во Кестрени-городе делать нечего,
Там есть девки и бабы,
Приманчивые по-пустому,
А мы заваляемся,
И пойдет слава про нас нехорошая.
— Ну поедем во Пучин-город,
Там во Пучень-городе есть сильные и богатые,
А нам с ним ездить не наездиться.
— Алешенька Попович,
Поедем лучше на Киев-град,
Киев-град Змей Тугарин завладел,
Солнышко Владимера на придворнички взял.
— Ты пошто, Яким, давно мне не сказывашь?

Они поехали во стремя стремя,
Буржемецкими копье об копье,
А богатырскими плечо об плечо.
Они попляску давали молодецкую,
А они ускоки-то давали богатырские,
А они поездку держали-то во Киев-град.
Добрых коней они не привязывали,
Да и не приказывали,
А у ворот они не спрашивалися.
Отворяли они пято [так!] на пято,
Закрывали они крепко-накрепко,
Уходили они во покой княженетский.
Они крест-то клали по-писаному,
А поклоны-то давали по-ученому,
Они кланялися на все на три стороны,
А душечке Апраксеной на особицу.
— Ах вы, ребята удалые,
Алешенька Попович сын и Яким Иванович,
Вот вам первое место переднее,
А второе место — подле меня,
А третье место, — где вы сами хочите.
Яким садился . . .
— А ты под самые двери . . .
И несут они на обед Змея Тугарина,
Двенадцать сильных богатырей,
И посадили его за стол дубовый
И на золотой стул.
И садили ему на колене душечку Апраксену.
Он ее белую грудь утрепливат,
А сахарны уста . . .
И поднесли ему чару-меру на запивочку
И белу лебедь на закусочку.
— Яким, у моего батюшки
Была корова обжориста,
Она по улице валялася
Да лывой захлебнулася,
От того и смерть случилася.
И Тугарину не миновать!
Солнышко Владимир сказал:
— Не шути, Алешечка, шутками несносными,
А ты шути легкими.
Поднесли ему испекеного быка —
Он вилкой хватил
Да костья назад выхаркнул.
Яким [!] говорит:
— У моего деда [!] ростовского
Була . . . обжористая,
Она по-под лавочкой каталася и валялася,

Оттуль она косткой подавилася,
Смерть приключилася.
И етому собаке будет такая ему смерть!
Змей Тугарин стрелил вилкой
Алешеньку (в) белую грудь.
Яким не допустил до груди Алешиной
Да и подхватил:
— Алешенька Попович,
Куда же я этот подарок:
Себе ли возьму или назад отошлю?
— Не скверни столы князенетские,
Я сам с ним, со собакой, сопереведуюся:
Божья помочь во чистом поле!
Выезжал Алешенька Попович во чисто поле.
Как малая он пташечка,
По полю он перелетыват.
Надлетел над него Змей Тугарин
На бумажных крылышках:
— А где святы отцы писали да прописалися,
А волшебницы, они ворковали-проворковалися:
«Еще будет тебе от Алеши смерть!»
Нонче-то, Алешенька, ты во моих руках!
Захочу я — тебя дымом задушу,
А захочу — тебя пламем обожгу!
Тут взмолился Алешенька Попович:
— Ей, туча грозная, возьми и подмочи
У Тугарина-то крылья бумажные!
И лилася туча грозная на Змея Тугарина
И подмочила бумажные крылушки,
И падал на мать сыру землю.
И подсек вострой саблей Тугарину Змея голову,
И понес он на востре конце копье.
— По полетке и по поездочке
Знатно ясного сокола, —
Душечка Апраксена говорит Якиму, —
Несет Тугарин Алешину голову,
Не ошибается душечка Апраксена!
— А по полеточке знатно Алешеньку Поповича,
А несет Змея Тугарина на востром копье голову!
И бросил Алешенька [Попович]
Княгине на белую грудь голову Тугарина:
— Где ты со змеем волочилася и валялася,
А нашего ты князя не . . . считала,
Не княгиня ты бы була,
Назвал я бы тебя сукой сволочашницой!
— Проходите в покои князенетские!
Говорил князь Владимир солнушко.
— По приезде ты не . . .

А на отъезде тут нечего!
Сами спорхнули, поднялись.

27. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Прежде всего Тупицын рассказал известное предание о том, как Илья Муромец сиднем сидел тридцать лет и потом получил силу богатырскую, как отец его купил ему жеребенка у попа на 300 рублей и как в первый раз отправился Илья Муромец поленичать.

Выводил Илья Муромец добра коня
Из завозеньки из новыя,
Накладывал он потнички бумажные,
На потнички седелышко черкасское,
Клал обет на палицу боевую
И на саблю на острую,
На копье мурзамецкое,
Чтобы не увязывать до города до Киева,
До солнышка до Сеславьева.
И ставал в стременышко гольяшное,
И садился в седелышко черкасское.
Не ясен сокол в перелет летал,
Не белый кречет перепархивал,
Туто ехал удалый добрый молодец,
Старый казак Илья Муромец.
Он и едет ко городу ко Кидошу.
Над Кидошом-градом по грехам учинилося:
Подступала сила поганая.
Бил, топтал он силу поганую,
Бил, топтал трои сутички,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.
И во том во городе Кидоше
Выходили попы, отцы дьяконы,
Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:
— То ли город наш бог защитил,
То ли ангел святой,
И выбил, вытоптал силу поганую!
И едет старой казак ко городу Кидошу,
И едет мимо той церкви соборныя,
И говорят попы, отцы дьяконы:
— Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
За один ты стол хлеб-соль кушати!
Ты скажи нам свою отчину.
Проговорил удалый добрый молодец:
— Я по поезде Юриш-Мариш-Шашмаретин,
По потехе Борис-королевич млад,
Не изволю я хлеб-соль кушати,

А скажите мне дорожку прямоезжую
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву.
И проговорят попы, отцы дьяконы:
— Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
Была-де дорожка прямоезжая,
Прямо шла в стольный Киев-град,
Дак залег Соловей-разбойничок,
Не пропущат ни конного, ни пешого.
Проговорил удалый добрый молодец:
— Мне туда и дорога быть.
И подъезжает он к батюшку Непру-реке,
Не случилось ни мостов, ни переездичков.
И зачал удалый добрый молодец дубье рвать,
Зачал он через Непр-реку мост мостить,
Переезжать через Непр-реку на ту сторону.
И заслышал Соловей вор-разбойничок,
И заслышал за пятнадцать верст,
И летит навстречу добру молодцу,
И садился он на сырой дуб кряковистой —
Приклонялся сырой дуб ко сырой земле.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,
Заревел Соловей по-звериному —
Под Ильею конь пал накорачь.
И выдергивал он шелыгу подорожную,
Стягал коня по тучным бедрам,
Сам молодец приговаривал:
— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Не слыхал ты свисту богатырского,
Не слыхал ты шипу змеиного,
Не слыхал ты реву звериного?
Тут конь под Ильей рассержается,
Он скакал выше лесу стоячего,
Ниже облака ходячего.
И брал старый свой тугой лук,
И брал из колчана калену стрелу,
И клал он на тетивку шелковую,
Стрелял Соловья вора-разбойника,
Попадал ему в правый глаз.
И падат Соловей на сыру землю,
И приковал его ко стремену,
Ведет его по чисту полю,
И ведет его к высоку терему.
У Соловья вора-разбойника
Дочь была сдогадлива —
Отворяла она воротички широкие,

На вороты клала сабельку острую,
Хотела срезать старому буйну голову:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Заезжай ко мне ты на широкий двор!
А старый казак был сдогадливой,
Берет он ее на чингалище острое,
Бросает ее на сыру землю.
И едет добрый молодец чистым полем.
У Соловья вора-разбойника девять молодцов.
И видит он в чистом поле девять молодцов,
Девять молодцов в кулачки бьются,
И сами говорят таковы слова:
— Вон батюшка едет, мужика ведет.
На отворот того други говорят:
— Нет, мужик-от ведет нашего батюшка.
Они хочут похитить добра молодца.
Проговорит старый казак Илья Муромец:
— Закликни ты своих малых детей,
Не закликнешь — самого смерти предам.
Проговорит Соловей вор-разбойничек:
— Не троньте вы удала добра молодца,
У меня силушки не с вашу есть,
Да старой казак в горсти зажал.
Насыпайте вы тележки златокованны,
Насыпайте золота, серебра,
Везите в стольный Киев-град
И везите на царев кабак,
Пойте вы добра молодца и чествуйте,
Чтобы он меня пустил в живности.
Едет Илья Муромец чистым полем и видит —
Опять девять сынов Соловья вора-разбойника
В кулачки бьются.
Опять напирают на Илью Муромца.
Соловей им тут опять отказал:
— Вы не троньте стара казака,
Стара казака Илью Муромца,
Вы не тронье, лучше кланяйтесь!
Едет он опять чистым полем,
Опять у Соловья вора-разбойника девять сынов,
И те опять напирают на стара казака,
На стара казака Илью Муромца.
Проговорит Соловей вор-разбойник:
— Не троньте вы молодца прямоезжего,
У меня силы не с ваше,
Да старый в горсти держал.
И немного у него сынов — только двадцать семь.
И едет старой ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру.

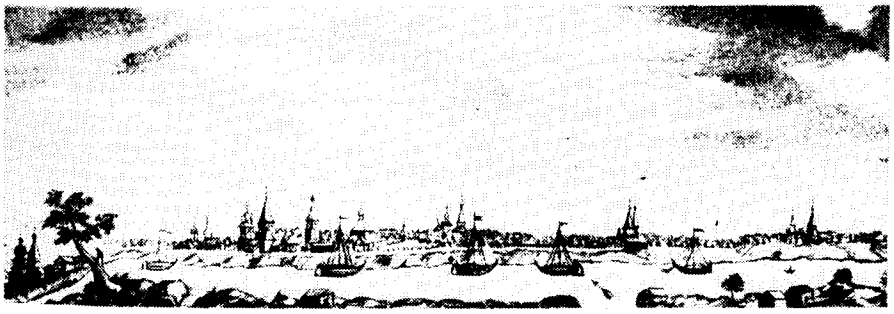
И едет на улицу на широкую,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому окошечку стекольчату.
Со добра коня старый соскакивал,
Ни к чему коня он не привязывал,
Никому коня он не приказывал,
Идет к воротечкам решетчатым,
И спросил он у ворот приворотников,
И спросил он у дверей придверников,
Отворял он двери помалешеньку,
И ступал он в палату потихошеньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Кланятся на все стороны:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
И со душечкой со княгинею,
Князьям-боярам — на особицу!
Говорит ласковый Владимир-князь:
— Добро жаловать, удалой добрый молодец!
Ты скажи нам, добрый молодец, свою отчину.
— Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Из того я города из Мурома,
Старой казак Илья Муромец,
Ехал я мимо Непра-реки,
Очистил вам дорожку прямоезжую.
Злые бояре — подмолчивые,
Говорят таковы слова:
— Мужик, ты мужик, деревенщина,
Хвастаешь небыльей своей,
Чужим именем называешься:
Где тебе похитить Соловья вора-разбойника!
Тут старому за беду стало,
Завеликую досаду показалося,
Говорит он таковы слова:
— Гой еси ты, ласковый Владимир-князь,
Скрой ты окоченку стеклянную,
Посмотри на улицу на широку,
Стоит ли мой добрый конь?
Послушал его ласковый Владимир-князь,
Скрыл окоченку стеклянную,
Посмотрел на улицу на широку,
И увидел, что стоит добрый конь
С Соловьем вором-разбойником.
Тут старому за беду стало,
За великую досаду показалося,
Надевал он черну шляпу, вон пошел.
Тут ласковый Владимир-князь
Наливает чару зелена вина

И бежит скоро на красно крыльцо:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Ты старой казак Илья Муромец,
Хоть выпей ты чару зелена вина!
И проговорит старый казак Илья Муромец:
— Ах ты гой еси, батюшко Владимир-князь,
На приходе ты гостя не употчивал,
На походе ты гостя не учествуешь!
И зашел старой на царев кабак,
Пил-гулял трои суточки.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Ой ты гой еси, мой верный клюшничок,
Ты поди позови Илью Муромца
Ко ласкову князю Владимиру,
Позови ты его на почестный пир,
Позови ты его честнешенько
И кланяйся ему низешенько.
Тут клюшничок не ослушался,
Зовет стара казака Илью Муромца:
— Пожалуй же, старый казак Илья Муромец,
И пожалуй же — тебя князь зовет,
Князь зовет да на почестный пир.
Тут старый не ослушался,
Надевает черну шляпу, вон идет.
Идет он на улицу на широку,
Ко тому ко терему высокому,
Отворят он двери помалешеньку,
Запират он двери потихошеньку,
Крест кладет старый по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Кланяется на все стороны:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
Со душечкой со княгинею,
Князья-бояры — на особицу!
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Добро жаловать, удалой добрый молодец,
Ты, старый казак Илья Муромец!
Ты садись-ко на лавочку булавую
За один стол хлеб-соль кушати.
Наливает князь чару зелена вина,
Не малу чару — в полтора ведра,
Подает удалу добру молодцу.
Принимает молодец единой рукой,
Выпивает молодец единым духом.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Гой еси ты, старой казак,
Ты, старой казак Илья Муромец,
Приведи ты Соловья вора-разбойника

Во мой во высок терем,
В мою палату белокаменну,
Заставь посвистать по-соловьему,
Заставь пошипеть по-змеиному,
Заставь пореветь по-звериному.
Тут старый казак вставал на ноги,
Идет на улицу на широкую,
Ко своему коню доброму,
Отвязыват Соловья вора-разбойника
От того стременышка гольяшного,
Ведет в палату белокаменну,
Заставляет свистать в полсвиста,
Пошипеть помалешеньку,
Пореветь потихошеньку.
Берет старый казак князя под пазуху,
Молоду княгиню — под другу руку.
Зачал Соловей свистать по-соловьему —
Тут бояры оглушилися,
Падают они на кирпищат пол.
Стал унимать Соловья Илья Муромец.
Тут Соловей прирассердился,
Хотел оглушить Илью Муромца —
Все окошечки повылетели,
Новая палата вскрылася.
Тут старому за беду стало,
Сохватал он саблю острую
И ссек Соловью буйну голову.

28. ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Чо ни била берёза к зимли клоницьця, — преклоняицьця Илья к ронным родителям, просит, знацит, ён у них бласловеньиця на вики нерушимого: «Ты бласлови меня, роннай батюшка, со родимой моей матушкой, на чюжую

Вид города Якутска
Резцовая гравюра А. Г. Рудакова с рисунка И. В. Люрсениуса. Из серии «Собрание Российских и Сибирских городов». 1770

сторону ехатьци, на слузьбу царскую, у государевы полки». Тута наказывает ему батюська и родимая его матушка: «Ты, родимоё нашо дитятко, ты поедешь на цюжую сторону, ты не пей горькой водочки, не гуляй» ... Попрошьшялся Илья с отцом-матерью, садился на своего добра коня, поехал ето он усе по дорожке прямоезжай, через степи широкия, через горы высокия, через лесы дремучия, через грязи топучия. Прослышаў Соловей Разбойник, чо, знацит, едет казак Илья, задумал его ограбиць. Илья-то брал ружье, да и стрелял разбойнику у правой глаз.

Вот и вся. Може, правда была, а можа, и врут.

29. ИЛЮША И ИДОЛИЩЕ

Ну скажу вам старину стародавную!
На гору стар идет, как сокол летит,
Под гору старой идет — колесом катит.
Навстречу ему калига перехожая,
Перехожая калига, переезжая.
Тут спроговорил Илюшенька Иванович:
— Ах, калига, ты, калига перехожая,
Да откуда ты идешь и куды пошел,
Да откуда ты пошел и куды идешь?
— Я иду-иду из Нова-города,
Ну пошел я, калига, ко Чернигову.
— Еще кто у вас во Нове-граде на большине,
Еще кто у вас в Нове-граде наместником?
— На большине Идолище поганое,
Наместником — Шамшамурин Константинович.
— Ну скидавай ты свое платьице калицкое,
Надевай ты мое платье богатырское,
Дожидай меня, калига, во Чернигове!
Доходит он до Нового до города,
Помалешеньку подходил под окошечко,
Попросил-то Илюша святу милостынку, —
Со церквей (в)се кресты приклонилися,
С потолков (в)се верхи прираскрылися.
Принимают калигу с честью, с радостью,
Провели они калигу во светлу гриню,
Посадили-то калигу во перед за стол,
Во перед его за стол хлеба кушати.
Тут спроговорил-то Идолище поганое,
Еще тот же Шамшамурин Константинович:
— Не видал ли, не слышал ли про Илюшеньку,
Про Илюшеньку про Ивановича?
— А мы носим цветно платье с одного плеча!
— Ху-ху-ху, братцы, хо-хо, расхохонюшки!
Где сказали про Илюшу, будто он большой,
Где сказали про Ивановича, будто он страшной:
На ладонь бу посадил да другой бу придавил!

Не случился у Илюше его добрый конь,
Не случилась у Илюше шабля вострая,
Случилася одна шляпа черномуровка.
Тут-то Илюше за беду стало,
Не за малую досаду показалося.
Ну хватал он свою шляпу черномуровку,
Ну стрелял-то во Идолища поганого,
Еще так сильно стрелил — стеной вывалил.

30. СТАРИНА ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА, СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА И ОБЖОРУ ХЛЕБОЯДНОГО

Еще я ли вам, ребята, старину скажу,
Старину скажу стару-прежнюю,
Стару-прежнюю, невидимую [!].
Как у нас было во честном пиру,
Во честном пиру, во беседушке,
Во единый круг собиралися,
Собиралися, соезжалися,
Соезжалися все богатыри.
Они думали думу крепкую,
Думу крепкую, заединую:
— Что кому из нас, ребята, атаманом быть,
Атаманом быть, эсаулом слыть?
Атаманом быть, знать, Илюшеньке,
Илюшеньке, знать, Муромцу;
Эсаулом слыть, знать, Алешеньке,
Алешеньке, знать, Поповичу.
Как возговорит, ребята, дружинушке
Дружинушке Илья Муромец:
— Ой же гой еси ты, дружинушка,
Ты, дружинушка моя хоробрая,
Уж пойдем-ка мы, поедем во великой град,
Во великой град ко великому,
Ко великому князю Владимиру,
Ко Владимиру красну солнышку.
Мы увидим, и ребята, диво дивное,
Диво дивное, чудо страшное:
Как по этой-сей дороге, там и зверь сидит,
Там и зверь сидит, ребята, худой богатырь,
Не пропустит он дорогой ни проезжего,
Ни проезжего, разбойник, ни прохожего.
Ай и вы же, ребята, не убойтеся:
Это есть не диво и не дивное,
Это есть не чудо и не страшное.
Как подъехали ребята к дубу-дереву,
Засвистел злодей-разбойник во всю голову.
Вынимает брат Илюша кулену стрелу,

И сымает Илюшенька тушу страшенную,
Тушу страшенную, богатырскую,
Богатырскую со сырых дубов.
А и тащит же он тушу богатырскую,
Тушу богатырскую, Соловейкину,
Привязал ведь тушу на добра коня.
Как приехал наш Илюшенько,
Илюшенько со дружинушкой,
Со дружинушкой во дворец к князю,
Во дворец к князю ко Владимиру,
Ко Владимиру красну солнышку,
И челом он бьет князю Владимиру:
— Уж ты гой еси, Владимир-князь,
Владимир-князь, наш батюшко,
Принимай-ко, князь, дороги дары,
Дороги дары — Соловья-разбойника!
Собирает тут Владимир-князь,
Владимир-князь, он великой пир,
Созывает князь всех князей-бояр,
Всех князей-бояр, всех богатырей,
Всех богатырей на великой пир,
На великой пир — всех гостей гостить,
Всех гостей гостить, ребята, потчивать.
На пиру была обжора, обжорища хлебоядная,
И почала же обжора та ломатися,
Ломатися, похвалятися
Да пред тем ли же Ильей Муромцем.
Как Илюша тут слово вымолвил,
Слово вымолвил, речь возговорил:
— Да и что же ты, обжора, ломаешься,
Ломаешься, похваляешься?
У попа у нас была корова волочажная,
По поварням та корова волочилася,
От того этой-сей корове смерть случилася!
Как прогневалась тут обжора на Илюшеньку,
Начала Илюше петь — худо делати.
Не стерпемши брат Илюша, Илья Муромец,
Сымает брат Илюша шляпу черную,
Шляпу черную со головушки,
Он и бьет ей обжору во всю голову —
Прошибает та обжора стену каменну.
Уж как все гости тогда испужалися:
— Это что такое солучилося,
Солучилося, приключилося,
Что ж за диво, братцы, дивное,
Что ж за чудо, други, чудное?
Тут великой князь красно солнышко
Поклон до земли дал Илюшеньке,

И тому же ли Илюше, Илье Муромцу:
— И спасибо же тебе, Илюша,
Илюша, Илья Муромец,
Что избавил меня от обжорища,
От обжорища, обжоры хлебоядного!

31. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Как издалече, из чиста поля,
Из того из городу из Хвалынского [!]
Не ишин сокол вилетывал,
Выезжал удалой добрый молодец,
Боярский сын Дюк Степанович,
Дюк на шивочке, Дюк на бурочке,
Троигодочке, троитравочке,
На любименьком жеребеночке.
Как у Дюка були три особенки,
На три колчата кибирчата калины стрелы.
Поутру рано Дюк стрелки стрелят,
К вечеру поздо Дюк стрелки жбират.
Где стрела стоит, тут швеча горит воску ярого.
Вшем стрелкам цены ведаёт —
Каждая стрела по пяти рублей,
Только трем стрелкам цены не ведаёт —
Во ушках були стрелки садённые
По камешку по латару, по яхонту,
Перонымa перишками орлиныма,
Не того орла сизого,
Как того орла камского:
Летает по синю мору,
Выпархивает перья во шине моро,
Бегают гости-корабельщики,
Сбирают перышки орлиные,
Вивожят (в) каменну Москву
Княжям-боярам на подарочек,
Старым старикам усы торжичь,
Молодым молодушкам порты кроить.

32. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Ах ты Дюк, ты Дюк, Дюк Степанович!
Он охоч бул ездить за охотою,
Он охоч бул стрелять гусей-лебедей,
Перелетных серых малых уточек.
Он в полдень стрéлят, а в полночь сбират:
Где стрела стоит, — как свеча горит,
Как свеча горит воску ярого.
Ах верешки були строганы

Из того же дерева из парсундрова.
Так железки були кованы
Из того же железа из булатного.
Не по том-то були стрелки дороги,
Не по том-то були стрелки хороши:
По ушкам-то були стрелки обвиты
Аравинским чистым красным золотом.
Не по том-то були стрелки дороги,
Не по том-то були стрелки хороши:
Еще перушки були орлиныя,
Не това орла орловича,
Не това, что летат по чисту полю, —
Он вьет гнездо на сыром дубу,
Он роняет перья на чисто поле,
А това орла, птицы ханския,
Что летат, летат по синю мору
И вьет гнездо середи мора,
И вьет гнездо на камушке,
На камушке вьет гнездо, на Алатыре,
Он роняет перья во сине моро.
Тут и бегают гости-корабельщики,
Вывозят перья на святую Русь,
Продают те перья дорогой ценой:
Еще первое-то перушко во пятьсот рублей,
Второе вот перушко — во тысячу,
Третьему перу цены не сказано.
По тому-то стрелки були дороги,
По тому-то стрелки були хороши.
Тут спроговорил Дюк, Дюк Степанович:
— Ах не честь моя, хвала молодецкая,
Да не выслуга моя богатырская —
Не бувал я во стольном граде во Киеве,
Не видал я солнушка Врадимира,
Не видал я душечку королевишну!
Приезжает Дюк во стольной Киев-град,
Ко тому ко солнушку ко Врадимиру,
Он крест-то кладет по-ученому,
Он поклон отдает по-писаному.
Принимали Дюка с честью, с радостью,
Посадили Дюка во перед за стол,
Во перед его за стол хлеба кушати.
Подносили ему по румочке, —
Он румку принял, назад выплюнул;
Подносили Дюку по калачику, —
Он калачик раскусил, назад выплюнул.
— У моёй-то родной матушке,
У ней чарочки були золотены,
Чарку выпьешь, о другой душа горит,

А калачик съешь, пуще хочется.
Тут Чурило Дюка оговариват:
— Ах прямая ты дура, деревенщина,
Не бувать вам во стольном граде во Киеве,
Не видать вам душечку королевишну! . . .
Засадили Дюка в погреб сороксаженной.
Тут спроговорил солнушко Врадимир-князь,
Отправляет он (к) Дюковой родной матушке
Описать Дюковы пожитки все,
Посылает он Добрынюшку Микитьевича,
Посылает он Алешеньку Поповича
И того же владыку черниговска
Описать Дюковы пожитки все.
Приезжают они (к) Дюковой родной матушке,
И входят они из сеней во горенку:
— Здравствуй, Дюкова родна матушка!
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова чулошница!
И проходят они из горенке во горенку:
— Здравствуй, Дюкова родна матушка!
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова портошница!
И проходят они из горенке во горенку:
— Здравствуй, Дюкова родна матушка!
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова перчатошница!
И проходят они из горенке во горенку:
— Здравствуй, Дюкова родна матушка!
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова рубашечница!
И проходят они из горенке во горенку:
— Здравствуй, Дюкова родна матушка!
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова калашница!
Дюкова-то родна матушка
Ушла во божью церкву,
Ушла богу-то молитися.
Ну пошли они во божью церкву.
Ну выходят люди из божьей церкве.
Устеленные мостички калиновы,
Расстеленныя сукны багрецовыя,
По бокам было изнавешано,
По праву руку было изнавешано,
Изнавешано лисицами бурнастыми,
По левую руку было изнавешано,
Изнавешано соболями заморскими.
Увидали Дюкову родну матушку —
Поперед йи идут оне, сорок вдов,

Позаде йи идут тоже сорок вдов,
По бокам йи идут по двадцати.
Несут над ней надсолнечники,
Позаде йи — надмесячники,
По бокам-то несут от частых звездочек.
— Здравствуй, Дюкова родна матушка!
— Здравствуйте, удалы добры молодцы!
Проводила она их ко себе во двор. . .
— Мы посланы к вам за Дюкова пожитками!
Говорит им Дюкова родна матушка:
— Кланяйтеся солнушку Врадимиру:
Заложи свой стольной Киев-град,
Заложи за чернилы да за гумагу,
Опиши тогда сиротские пожитки все!
Выпущай мово сына любимого,
Не то поступлю с вами инаково! . . .
Отдала она Алешеньке Поповичу,
Отдала она сапожки зелен софьян:
— По пирам тебе ходить, чужих баб смотреть! . . .
Посылает солнушку Врадимиру:
— Примите вы мои перчаточки,
Это Дюковы домашныя! . . .
Подала она им по румочке,
Подала им всем по калачику.
Чарку-то пьют — о другой душа горит,
Калачик-то едят — пуще хочется. . .
Выпущают тут Дюка Степановича,
Выпущают из погреба сороксаженного. . .

33. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Ах ты, Дюк, Дюк Степанович!
Он охоть бул стрелять серых гусей-лебедей
И перелетных уточек,
С полуден стрелял, с полуноченки сберал.
Где стрела лежит, тут как свеча горит,
Свеча горит воску ярого. . .

34. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Вот это сказка. . . Это все было давно. . . Вот это сказка. . . Вот Афимья Александровна — это, значит, мать Дюка Степановича —

Не полынь была трава шатается,
Белая береза к земле пригибается,
Дюк с матерью прощается.

Когда он, Дюк Степанович, поехал туда, на горы Сарочинские, вот она ему говорит: «Сын (просто она его так увещевала) Дюк Степанович,

Поедешь, грит, на горы Сарочинские,

Поедешь если ко городу ко Киеву,
(Понятно?)
Не заезжай, грит, на гори Сарочинские.
На горы Сирочинские много заезжяло, но мало выезжяло».

Но он все-таки поехал да заехал на горы Сарочинские досколять маленько. Попал на гору туда, на едому-то, — палатка стоит семиметрова. Человек спит, да коленки-ти, ноги-ти все на улице. (Раньше сказка сказывалася «Богатыри спат». Будя?..)

Ну вот когда он стал ходить кругом: «Сто зэ делать?» А коня отпустил... А! Когда попал — конь ходит, крылатый. Он стал думать: «Что делать? Мозэт, гыт, сердитый хозяин попался? Попробуем-ко это коня отпустим. Если, гыт, конь драться будет, то, гыт, значит, злой хозяин. Если, гыт, конь ластиться будет (это один он себе думат!), если конь ластиться будет, то, гыт, хороший хозяин».

Ну когда он отпустил коня, он [тот] когда приблизился к коню, тот стал его обнюхивать, стали ластиться: «Знат, гыт, хороший хозяин». А самому как делать-то? Хрипит, да как телега ордынская гремит, — кто в палатке спит, богатыр. А он его не знает-то, кто богатыр, называть его, величать-то его как. И вот он ему ляг за спиной у него... Это не надо... Потом он разбудился — хрипел, хрипел-то... ну газ выпустил... так значит, газ и сразу разбудился от своёго-то газу, от богатырского. Оглянулся — человек у него мезду ногами. «Человек, ты, гыт, откуда?» — «Я от тебе... Я зэ, гыт, отсюда: такой газ, гыт, ты выпустил». Потом — ладно, поздоровались. «Как, грит, тебе звать» Он грит: «Меня звать Дюк Степаныть». — «А меня, грит, Илья Муромец. Куда поехал?» Он грит: «Поехал я ко городу ко Киеву, ко Владимиру-князеску». — «Ну ладно, грит, если трудно будет, грит, меня вспомнис, если трудно будет». Уехал Дюк Степаныть. Уехал, а этот остался в палатке, Илья Муромец.

Потом, приехал когда туды, да там тего-то они стали ссориться с Владимиром-то, князем киевским. Ну потом он вспомнил при Илью-то Муромса. Только вспомнил, он узэ тут как тут. Потом он их там утихомирил.

Там сказка-то все!

35. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

Что не белые снежочки в поле забелелись...
Уж он ездил, стар страннишничек,
На добром на своем коне.
Как у нашего у страннишничка
Были седы бороды [!], белы волосы.
Уж он ездил во чистом поле,
Он встречал двух разбойничков.
— Уж как вы же, ребятушки,
Куды пути дёржити?
— Уж мы дёржим — бить тебя, грабити.
— Меня бить-грабить не за что,
За мной казны-денег нету-ка.
Есть на мне шубёнушка
Коротёшенька и худёшенька,
Права-то пола — во сто рублей,

Лева-то — во пятьсот рублей,
Спина с рукавами — во всю тысячу,
Конь — во весь миллион,
Самому-то мне сметы нету-ка.
Эти разбойнички испужалися и розбежалися.

36. КОРОЛЕВСКИЕ ПЛЕМЯННИКИ И ЦАРЬ

— Королевски два племянничка,
Что вы не пьете, пива не кушаете?
Тут стает (один) на свои резвы ножечки,
На сафьяновы сапожечки:
— На кого вы зла-лихо думушку думаете:
Или вы на короля, или на королицу,
Или на вольницу на мою на удалую,
Или на сестрицу на мою на родимую?
— Мы-то думушку думаем не маненькую,
Мы-то думаем думушку большую:
Мы-то хочем поступить по Граждан-город,
Мы-то хочем поленить Марью Елизаровну.
— Полноте, ребяты, вам живым не быть!
Немалый раз я поступал —
Не мог поступить во Граждан-город,
Не мог поленить Марью Елизаровну.
Тут выходит его родна тетичка одна:
— Ты отдай-то имя силушку охотную,
Ты отдай-то имя мои сорок тысяч,
На прибавку ты отдай-то имя двадцать тысяч. . . .
Отворяют они двери надвое,
Поступили-то они по Граждан-город,
Поленили-то они Марью Елизаровну
Как со тем была со чадом, со Михайлушкой.
Вдруг молодцам, имя приустаточно стало,
Тут натягивают шатер бел полотняный. . .
Тут из них-то один изменщичек есть,
Побежал (к) сару с вещами:
— Чего пьешь, ешь, время прохлаждаешь,
Ты не знаешь про свою Марью Елизаровну.
Королевских два племянничка
Поленили у тебя Марью Елизаровну
Как со тем была со чадом со Михайлушкой. . . .
Надевает он шляпу на одно ухо,
Надевает кафтан на один бекрень,
Еще стал-то он силушку наказывать,
И наказывати, приговаривати,
Обвернувшись шерым волком,
Потом тут же белым горничком,
Потом обвернувшись черным вороном.

Еще первый раз крутнул: «Силушка, нарожайся!»
Еще второй раз крутнул: «Силушка, иди!»
Еще третий раз крутнул: «Силушка, шеки!»
Тут обертывается серым волком,
Побежал он во чисто поле,
У хороших лошадей горла выдергал,
У тугих луков тетивы переел,
У хороших-то ружьев кремня выдергал,
У хороших у копьев конца выломал. . .
Тут обвертывается белым горничком,
Тут выскакивает (в) шатер бел полотняной.
Стал-то горничек тут поскакивать,
Стали горничка тут подхватывать,
Тут-то горничку, ему туго стало.
Тут нагибается его Марья Елизаровна,
Подставляет-то ему она косовеечный рукав,
Выскакивает горничек в косовеечный рукав.
Отпущает она его во чисто поле.
Тут обертывается он черным вороном.
Первый раз крутнул: «Силушка, нарожайся!»
Второй раз крутнул: «Силушка, иди!»
Третий раз крутнул: «Силушка, шеки,
Как секи-руби, шильный лес клони!». . .
Еще силушка-то прикончилась. . .

37. ПЛЕМЯННИКИ КОРОЛЯ ЯЧМАНА И ЦАРЬ ЕЛИЗАР

Еще було-те, було два гостя богатые,
Королевские два племенника,
Не пьют, не едят, хлеба не кущают.
Тут спроговорэт к нема их дядёко
Ячман король Ячмонайлович:
— Ви пошто не пиите, не едите, хлебо не кушаете?
На кого зла-лиха ви думаете:
На меня, на дядю, на Ячмана-короля,
Али на чотку свою благоверную,
Али на шестру свою родимую?
— Ми не пьем, не едим, хлеба не кушаем,
На никого зла-лиха ми не думаем,
Ми хочем бежать под Бернец-город,
(В) полон полонить хочем Марью Елизаровну
Со тем було чадом со Михайлушком.
Тут спроговорэт их дядико Ячман-король:
— Еще цар Елизар, он хидер-мудёр,
Немало раз я, король, бегивал,
Немало раз я, король, силу тёрывал,
Едва я сам, король, убегивал.
— Ох ти гой еси, наш дядёко,

Дай нам силушку сорок тысяч, вшю охотную.
Тут раздернулась занавеса берчатая,
Виходила иха шестрица родимая,
Подходила своему дядёко приближешенько,
Кланялась она понизехонько:
— Ох ти гой еси, мой дядёнко,
Отдай им силушку невольную!
Отдает к ним силушку невольную сорок тысяч.
Подбежали они под Бернец-город,
(В) полонь полонили Марию Елизаровну
Со тем було со чадом со Михайлушком. . .
Тут ражъехался цар Елизарович,
Стал он своей силушке наказывать:
— Ох ти гой еси, моя силушка,
Во первый раз черен ворон воскуркает —
Еще вшя моя силушка коней хватай,
Второй раз черен ворон воскуркиват —
Вшя моя силушка коней шедлай,
Трэччий раз черен ворон воскуркиват —
Вшя моя силушка татар плени,
Татар плени, как лес клони!
Обертывается он шерым волком,
Побежал шерой волк во чисто поле —
У добрых коней жилки вше повыдергал.
Обертывается он белым горноком —
У тугих лучков тетивочки повипереедал,
У калиных стрел верошки вше повыкушал,
У ружей кремешечки повыдергал.
Воскакиват белой горнак во белой шатер.
Тут спроговорэт Михайлышко, чадо милое:
— Уж какой тут, мамо, белый горначок!
Тут спроговорэт Мария Елизаровна:
— Это ведь не белый горнак, — твой дядико!
Еще в ту пору от сна татары пробудилися,
Стали белого горночка похватывать
Еще стал тут белый горначок поскакивать,
Стало белому горничку тугешенько.
Вискакиват к своей шестрице под берчат рукав.
Виходила Мария Елизаровна из бела шатра,
Випущала белого горначка.
Побежал белый горначок во чисто поле,
Обертывается он черным вороном.
Стал черен ворон покуркивать —
Вшя его силушка коней хватает.
Второй раз черен ворон покуркиват —
Вшя его силушка коней шедлает.
Трэччий раз черен ворон покуркиват —
Вшя его силушка татар пленит,

Татар пленит, как лес клонит.
Вшех татар она випленила.
И эчи(х)-чех королевских племенников
Он живком хвачил.
У онного руку изломал и ногу изломал,
У другого глаза оба выкопал,
Посадил он хромого на слепого
И отправил Ячману-королю.

38. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ И ТУРЕЦКИЙ ХАН

Ах как по морю, по морю,
Синю морю по Хвалынскому
Ходил-гулял Сокол-корабль,
Не много, не мало — двенадцать лет.
Он на морях не стаивал,
Желтых песков не захватывал,
К круту берегу не присовывался.
Хорошо-добро изукрашен был,
Золотыми гвоздями уколочен был.
Еще что было на том на корабле?
Мачты три были дубовыя,
Раенки были кленовыя,
Паруса были полотняны,
А веревки шелковыя,
Все беседки с алым бархатцом.
Еще что было на том на корабле?
Где глазам быть, было вставлено
По дорогу по камушку по яхонту,
А для хвоста была повешена
Дорогая лисица бурнастая.
На нем три церкви соборныя,
На них три креста серебряны.
Носом владеет Алеша Попов,
Кормой владеет Полкан-богатырь,
Палубищем — сам Добрынюшка,
А всем кораблем — Илья Муромец.
Подбегает-подлетает
Сокол-корабль под турецкий град.
Завидел, заслышал турецкий хан,
Большой Салтан Салтанович,
Взговорил своим турчанам:
— Бегите-ко, ребята, ко синю морю,
Падайте, ребята, в легки стружочки.
Гребите-погребайте на Сокол-корабль,
Розбейте-розмечите тот Сокол-корабль.
Алешу Попова под меч положите,

Полканушку в сине море бросьте,
Добрыню под товаром задушите,
Илью Муромца только свяжите
И живого ко мне приведите.
Заслышал, завидел Илья Муромец,
И взговорил он Добрынюшке:
— Уж ты воя, мой Добрынюшка,
Ты беги-ка ногою скорой,
Принеси тугой лук со стрелой,
Не простою стрелой, а каленою.
В ту поре Добрыня не ослушался,
Принес лук тугой с каленой стрелой.
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой луг принатягивает,
Калену стрелу принакладывает
Да и сам стреле приговаривает:
— Полети-ка, моя калена стрела,
Высоко, далеко, по поднебесью,
[По поднебесью] белой лебедью,
Не пади ты ни на воду, ни на землю,
Попади ты, калена стрела,
Под турецкий град, во зеленый сад,
На бел шатер, на дубовый стол,
Со дубового стола к самому хану,
На его на груди белыя,
Ты пори у него груди белыя,
Вынимай у него ретиво сердце,
Ретиво сердце и со печенью?
Тут и турки в стружках испугалися,
Морскими струями заметалися
И своим всем богам заклиналися:
— Что закажем на синем море бывать,
Илья Муромца видать ни нам, ни детям,
Ни внучатам, ни праправнучатам! . . .
Здравствуй, хозяин со хозяюшкою
И со всеми гостями с приходящими,
Со всеми щеголями со приказчиками!
Хозяин во дому — как Адам во раю,
Хозяюшка во дому — что малинка во саду,
Малы дети во дому — ровно пчелки во меду.
Здравствовать хозяевам!

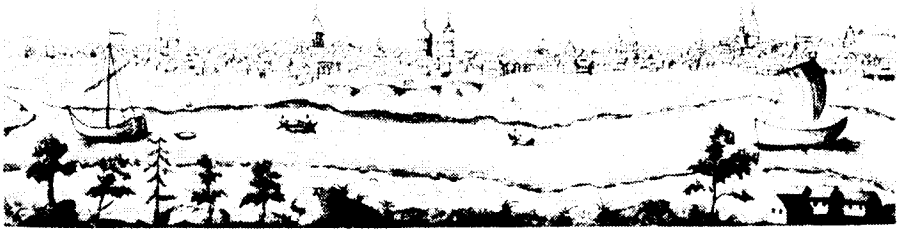
39. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

Как по синему морю Хвалынскому,
Виноградие красно зеленое,
Ходил гулять Сокол-корабль
Не много, не мало — двенадцать лет со полуночью.

Еще-то было на Соколе на корабле
Пятьсот гребцов, удалых молодцов славных песенников.
Вместо ушей было повешено
Две лисицы черно-бурые,
Вместо глаз было врезано
Два яхонта самоцветные.
Еще три было бани торговые,
Еще три было базара гостиные,
Еще три было церкви соборные. . .
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Он тугой лук принатягивает,
Калену стрелу он накладывает,
Сам ко стрелушке приговаривает:
— Ты лети, моя стрела, во турецкий во град,
Самому к царю да ко султану,
И вонзись ты ему во белу во грудь! . . .
Уже здравствуй, хозяин и хозяюшка,
Тебе поем, тебе честь воздаем!

40. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

Как по морю, морю синему,
Виноградье красно зеленое,
Ходил-гулял Сокол-корабль,
Не много, не мало — двенадцать лет с половиною,
Двенадцать лет со полуночью.
Сокол-корабль на якорях не стаивал,
Желтых песков не хватывал,
Желтых песков макарьевских.
А сам корабль был изукрашенный,

Вид города Енисейска
Резцовая гравюра Е. А. Федосеева с рисунка И. В. Люрсениуса. Из серии «Собрание Российских и Сибирских городов». 1770

Золотыми гвоздями был сколоченный,
Нос-корма подзолоченный,
Бока-то взведены были по-турскому,
По-турскому, по-французскому.
А еще что было на Соколе на корабле?
Три было церкви соборныя,
Три было базара гостиные,
Три было бани торговые.
А еще кто управлял Соколом-кораблем?
Был хозяин-то сам Илья Муромец,
А кормой управлял Полкан-богатырь,
А палубщик был Добрынюшка,
Алеша Попович — накидчиком.
Вот завидел, заслышал Илью Муромца турецкий хан,
Он сказал своим ребятам таковы слова:
— Вы вставайте-ка, ребята, поранешенько,
Одевайтесь-ка, ребята, во легко платьи,
Ступайте-ка, ребята, на сине море,
Разбей-разбей Сокол-корабль,
Илью Муромца во полон бери,
Во полон бери, ко мне жива приведи,
Полканушку секи-руби,
Добрынюшку под товар клади,
Поповича Алеша во сине море кидай!
Илья Муромец заслышал турецкого хана,
Он по кораблю похаживаёт,
Сапог о сапог поколачиваёт,
Сам к сапогам приговариваёт:
— Сапоги вы, сапоги, издалеча везены,
Издалеча везены, из матушки Москвы!
А тугой лук сам натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Сам ко стреле приговаривает:
— Ты лети, лети, стрела, во турецкой град,
Во турской град, во ханов сад,
Во ханов сад, во белой шатер,
Во белой шатер, за дубовой стол,
Самому хану во белу грудь,
Вынимай у него ретиво серцо,
Ретиво серцо со печенью!
Вот тогда-то турченята испужалися,
Во легки стружки спокидалися:
— Не дай боже на сине море бывать,
На сине море бывать, Илью Муромца видать
Ни нам, ни детям, ни внучатам,
Ни внучатам, ни правнучатам!

41. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА ЛЕГКОМ КОРАБЛЕ

Ты велишь, хозяин, виноградье спеть,
Ты велишь — мы споем, не велишь — не поем,
Виноградье красное зеленое мое,
Мы хозяину поем, ему честь воздаем.
Как хозяин во дому, будто пан во раю,
Как хозяюшка в дому, будто пчелочка в меду,
Малы детушки в дому, как оладышки в меду.
. . . Как завидели турчанушки на море легкий корабль,
Сяли турчанушки во легки стружки. . .
Кормой-то владеет Олеша Попов,
На носу-то стоит Полкан-богатырь,
Сам я, панов, середи корабля,
А надо всем кораблем — Илья Муромец.
. . . — Мы Олешу Попова во синее море,
И Полкана-богатыря — во синее море,
Самого-то пана во полон возьмем и со . . . кораблем,
Вынем у пана ретиво сердцо
И со печенью, и со лёгонькими!
Выходил тут Илья Муромец на легкий на корабль,
Надевае цветно платьицо, жмур кафтан,
Жмур кафтан и зелена сукна,
Начал свои пуговки застегивать.
В его пуговках по леву-зверю, по лютой змее.
Начал свой тугой лук натягивати.
Его левые звери росходилися,
Лютые змеи рошшипелися.
И начал калёную стрелу накладывати,
Стал стрелочке наказывать;
— Ты пади, моя стрелочка, не на воду и не на землю,
Ты пади, моя стрелочка, к самому турку в ретиво сердцо,
Вынь у турка ретиво сердцо
Со печенью и со лёгонькими!
Тогда-то турчата испужалися:
— Не дай бог бывать на синём море
И не дай бог видать Илью Муромца со легким кораблем!

42. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

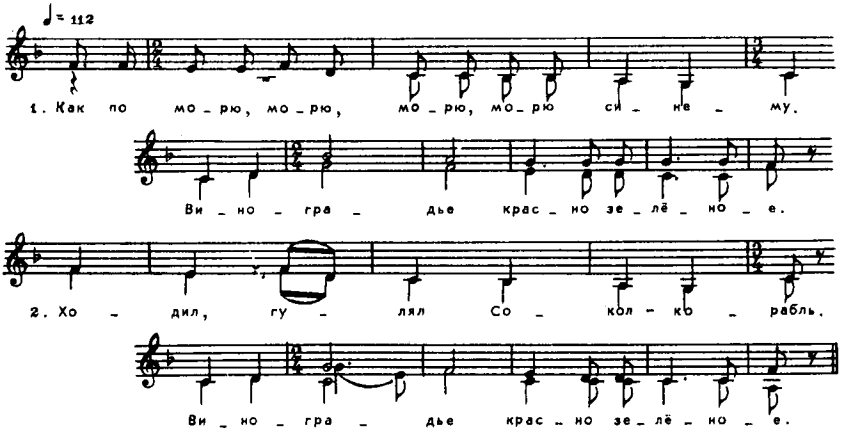
Как по морю, морю, морю синему,
Виноградья красно зеленая,
Ходил(ы)-гулял Сокол-корабль,
Он немного, немало — двенадцать лет,
Двенадцать лет да с половиною,
С половиною да с четвертиною,
С четвертиною да со полуночью.
Ох что было на Соколе на корабле?

Две мачты дубовыя,
Три базара гостиныя,
Две бани торговыя. . .
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук да принатягивает,
Принатягивает да приговаривает:
— Ты лети-лети, стрела, к самому хану-царю,
К самому хану-царю да во зеленый сад,
Во зеленый сад да за дубовый стол,
Обожги ты ему да его белу грудь! . . .

На этом виноградья кончается про Илья Муромца, а теперь уж, значит, «Придут ребята-колядовщики»:

Вот идут-идут ребята-колядовщики,
Виноградья красна зеленая,
А подходят оне ко богатому двору:
— Прикажи, сударь хозяин, виноградья спеть,
Прикажешь — споем, а откажешь — отойдем!
Хозяин выходил — золотым рублем дарил,
Молода жена выходила — алым бархатом дарила,
Малы детки выходили — сладким пряничком дарили.

42а. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

43. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

Уж как по морю-то было, по морю,
По синю морю Хвалынскому,
Уж как плавал там Сокол-корабль,
Он и плавал там ровно тридцать лет.
Ко крутым бережкам не причаливал,
Рудо-желтого песку в глаза не видывал,
На якоре Сокол не стаивал.

Хорошо этот кораблик изукрашен был,
Изукрашен был плисом-бархатом,
Нос у корабля по-сокольему,
Корма у корабля по-змеиному.
Носом владел Алеша Попович млад,
Кормой владел Многолед-богатырь,
А всем кораблем — Илья Муромец.
На Муромце кафтан хрущатой камки,
На кафтане были пуговки вальяжные:
Что в каждой пуговке по камешку,
Что в каждом камешке по люту льву.
Нападали на Сокол-корабль разбойники,
Что крымские татары со калмыками,
Хотели они корабль в полон себе взять.
Илья Муромец по кораблю похаживат,
Своей тросточкой по пуговкам поваживат:
Златы пуговки в кафтане разгоралися,
Лютые звери в пуговках рассержалися.
Уж как крымские татары испугалися,
С корабля во сине море побросалися.

44. ИЛЛЯ МУРОВЕЦ НА КОРАБЛЕ

. . .Илля Муровец по кораблю похаживат,
Злаченые свои пуговки разглаживат,
Во кажной во пуговке по индроку и по лютому льву.
Его индрики раскричелишя,
Лютые звери озверелишя.
Подходил кораблик ко берегу.
Выходил Илюша на сухой берег,
Пошел Илюша по чисту полю.
Как раз они с калигой повстречалися,
Шветлым плаччём поменялися,
Стростками поменялися.
Калигино плаччё було по-узко,
Калигина стростка була по-легка.
Подошел (к) Идолищо поганому,
Стал по калиновому мосту похаживать,
Стал калиновый мос(т) поскрыпивать.
Тут спроговорэт Идолищо поганое:
— Ой ты гой еси, Илля Муровец,
Много ли хлеба кушаешь?
— Я кушаю по три прошвири, по три церковные. . . .
Ударил этого-то Идолища поганово
Своей этой-то стросточкой,
Сымает у Идолища по плеч голову.

45. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

Как по мору же по синему Хвалынскому,
Туда бегал-то Сокол-кораб по тридцать лет.
Он по три года на якоре не стаивал,
Краю желтого песочка во глазах не видел,
Ко крутому бережочку не пришативался.
Исо (в)сем-то Сокол-кораб изукрашен бул,
Исо нос и корма по-туриному,
Ну бока були сведены по-латинному [?].
Ну на Соколе на корабле немного людей,
И только три удалы добры молодцы,
Трое сильные могучи богатыри.
Ну сто носом-те владал млад Полкан-богатырь,
Ну кормою-то владал млад Алеша Попов,
На середочке сидел Илья Муромец,
На середочке сидит, всем он кораблем владат.
На Полкане-те шляпа черномуровка,
На Алешеньке сапожки зелен сафьян,
На Илюшеньке кафтанчик рудо-желтой камке,
На кафтане-те петельки шелковыя,
Во петельках пуговки золочены,
Во каждой по пуговке по камушку,
Ну по дорогу по камушку по яхонту,
Во каждом во камушке по льву-зверу.
Ну нападали на Сокол-кораб черны вороны,
Ну крымские татара со калмыгами,
Ну хотели-то Сокол-кораб разбить-разгромить,
Ну разбить-разгромить и давком задавить.
Тут Илюшенька по кораблю похаживает,
Он тросточкой по пуговкам поважовает.
Ну во пуговках камушки разгоралися,
Его лютые звери рассержаются.
И сто крымские татара испужалися,
Калмыги в сине моро побросалися,
А удалы добры молодцы оставалися,
От Киева до Чернигова добиралися. . .

46. ИЛЬЯ МУРОВИЧ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

Сдунидай мой, дунидаюшка,
Бегат Сокол-кораб по тридцать лет, все по три года,
Дунидай мой, дунидай мой, дунидаюшка,
У него корма-то, у корабля по-кониному,
Дунидай мой, дунида мой, дунидаюшка,
А нос-то у него по-туриному,
А середка у него, матка по-змеиному,
Дунидай мой, дунидай мой.

Кормой-то владет-то Алешенька Попов,
А носом-то владет Добрыня Никитович,
Середкой владет-то Илья Мурович.
Он ко морскому бережку присланивался.
Тут на них злые татары нападали.
Тут Илья Мурович по кораблику погуливает,
У него рытый бархатный кафтан повысветил [?],
А на кафтане пуговки растягивалися,
А на пуговках лютые звери рассержалися.
Тут злые татары испугалися,
Кто в воду, кто в гору прибросалися,
Сдунинай мой, сдунинай мой, сдунидаюшко.

47. КАЛИНИН-ЦАРЬ УВОЗИТ ДЕВУШКУ

. . . — Надеюся на матъ божию,
На Спаса пречистого!
Уж он чист, речист,
Говорить горазд по-русскому, по-французскому,
По-томскому и по тобольскому.
Снаряжается у нас Калинин-царь
Во Киев-град, во Иерусалим.
Он имал себе коня мурзаго,
Имал коня и обседлывал,
Накладывал на него белы потнички,
На потнички — ковры шелковы,
Подтягивал подпруг двенадцать шелковых,
Застегивал приступы серебряные,
Стремена были позолоченые.
Садился царь на добра своего коня,
Сам наказывал:
— Беги, мой конь, не дорогою, а окол-улицею,
Темны лесы хвостом застилай,
Быстры реки перескакивай,
Синя моря перепрыгивай,
Беги, мой конь, до оградочки!
Тут стоит оградочка белокаменна,
Белокаменна, двоестенная,
Белостенная, троестенная.
Тут стоит сад-капусточка,
Во зеленом во саду нова горница,
Во этой во горнице сидит красна девица,
Белолицая, круглолицая,
У нее ресницы до полу́лица́,
Черны брови черна соболя.
— Ты как, Калинин-царь, сюда попал?
— Я не сам попал, меня конь завез.
— Быть не может, чтоб конь тебя завез!

— Не веришь, красна девица,
Сходим да посмотрим.
Вышли — посмотрели.
— Не желаешь ли, девица, замуж за меня?
— Давно я, Калинин-царь, дожидаю тебя! . . .
Перво рытвище бог пронес,
И (в) другое рытвище обрящилися. . .
Больша-то сестра тигрой по лесам
Разыскивать любимого брата своего,
Середня-то сестра — дубиной [!] по рекам,
Меньша-то сестра — щукой во сине море.
Разыскали любимого своего брателка.
Выняла из синя моря,
Похоронила в божий храм, во оградочку.

48. ИВАН ГОДЕНОВИЧ

. . . — Хочешь ли, Иванушко, женитися?
— Я бы рад жениться, да мне негде взять:
Где я сватаюсь, так тут мне не дают,
Где не сватаюсь, — так две дают,
И две дают, да мне не надобно.
А мне-ка охота съездить в Чернигов-град,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
Мне посвататься Настасьи Митреевишны.
И собиралась свадьба богатырская,
Собиралося на свадьбу тридцать богатырей,
Старый казак Илья Муромец был легкий друженька,
И ласковый Владимир-князь был тысяцким,
Алеша Попович был подружьем,
Добрыня Никитич был боярином,
Василий Казимерской был шафером,
Молода княгиня была свашенька.
Седлали своих добрых коней,
Накладывали они потнички бумажные,
И на потнички — ковры сорочинские,
На коврички — седелочки черкацкие,
Подтягивали подпруги шелковые,
Садились молодцы на добрых коней,
Поехали молодцы во Чернигов-град.
И подъезжают молодцы ко синю морю,
И стегают коней по тучным бедрам,
И скачут кони через быстрый Днепр,
И недалеко от моря отъехали,
Становились на луга на зелены,
Расставливали шатры полотняны,
И стали в шатрах опочив держать.
Не спится Ивану, не дремлется,

Ему вдвое, втрое грезится.
Выходил Иван из бела шатра,
Говорил Иван таковы слова:
— Ой вы гой еси, мои князья-бояры,
Старый казак Илья Муромец
Со ласковым князем Владимиром,
Со Алешенькой со Поповичем,
Со Добрынюшкой со Никитичем,
Со Васильем сыном Казимерским,
Съездите вы во Чернигов-град,
Съездите на широкий двор
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
Посватайтесь Настасью Митреевишну!
Туто молодцы не ослушались,
Поехали они скоро в Чернигов-град
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
И едут они на улицу на широку,
И бегут они ко двору широкому,
Со добрых коней молодцы соскакивают,
Ни к чему коней не привязывают,
Никому они коней не приказывают.
Воходили во светлую светлицу,
Во тое палату белокаменну,
И крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
И сами говорят таковы слова:
— Здравствуешь, Митрей, гость-купец!
— Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты, старой казак Илья Муромец
Со ласковыми князем Владимиром,
Со Алешенькой со Поповичем,
Со Добрынюшкой со Никитичем,
Со Васильем сыном Казимерским,
За один бы стол со мной хлеба кушати!
— Мы пришли к тебе не столы столить,
Не пиры пирить,
А со добрым словом, со сватаньем —
Молоду Настасью Митреевишну
За того Ивана за Годенова.
Проговорит Митрей, гость-купец:
— И ладно бы, ладнешенько,
Да вечор было поздным-позднешенько —
Прилетал Кошшеишшо Бессмертный,
Запросваталась Настасья за Кошшеишша,
Обручилася перстнями однозолотными.
И тут молодцам за беду стало,
Надевали шляпы черны, сами вон пошли.
Идут на улицу на широку,

Садились молодцы на добрых коней
И бегут во дально во чисто поле
И к тем шатрам белым полотняным.
И встречает их Иванушко на радостях,
И спрашивает: «Высватали ль вы
Настасью Митреевишну?»
— И наше несчастье великое:
И вечор было поздным-поздно —
Прилетал Кошшеишшо Бессмертный
И запросваталась Настасья за Кошшеишша,
Обручилася перстнями однозолотными.
Тут Ивану за беду стало:
— Сгой еси, мои удалы добры молодцы,
Возьмемте мы Настасью нечестно,
Увеземте мы Настасью во свою землю!
Туто молодцы не ослушались,
Поехали они во Чернигов-град
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу.
И едут они на широкий двор,
И пили они туто, гуляли, забавлялися,
Забавлялись трои суточки.
И брали они Настасью за белы руки,
И за те перстни за злаченые,
И садили они за Ивана Годенова,
И повезли во свою землю.
И едут они ко синю морю,
И стегают коней по тучным бедрам,
И скачут кони через быстрый Днепр.
И тут Настасья испугалася,
Ее белые ручки отрывалися,
И падала она во быстрый Днепр.
На лету старый казак Настасью подхватывал
И садил за Ивана Годенова.
Неподалеку от моря отъехали,
Попал им звериный след —
И прошел вепришшо-кабанишшо.
И отсылали туда десять богатырей.
Неподалеку они опять отъехали,
Попал им опять звериный след —
Прошла-де лань златорогая.
Отсылали они опять десять богатырей,
Опять завечали на участь на Иванову.
Опять неподалеку отъехали,
Попал им опять звериный след —
Прошла кобыла серо-пегая.
Опять отсылали они десять богатырей,
Опять завечали на участь на Иванову.
Остался Иванушко с Настасьюшкой.

Неподалеку он отъехавши,
Подъезжал Иван ко сыру дубу,
Слезает Иван со добра коня
И снимает Настасью Митреевишну,
И разоставил Иван бел шатер,
И стал с Настасьей опочив держать.
И немного поры-время миновалося,
Опочивал он с Настасьей три часа,
И прилетал Кошшеишшо Бессмертный,
И садился он на сырой дуб крековистый,
И зычал-кричал зышным голосом:
— Ах, не честь твоя, хвала молодецкая,
Иван Годенович,
От жива ты мужа жену берешь!
Не пора тебе лежать во белом шатре,
Пора тебе выходить со мной переведаться!
Выскакивал Иван из бела шатра
В одной тоненькой рубашке без пояса,
Во одних тоненьких порточках без чоботов.
Сохватались добры молодцы ручным боем.
У Ивана борьба не ученая,
Не ученая — роженая:
Сохватал Кошшеишша Бессмертного,
Он ударил его о сыру землю,
Садился ему на черны груди,
Сам говорил таковы слова:
— Сгой еси, Настасья Митреевишна,
Неси ты мне ножище-чинжалище,
Распорю я у Кащея груди черные,
Посмотрю я сердце богатырское.
И тут Настасья не ослушалась,
Идет она из бела шатра,
Несет ножишшо-чинжалище.
И проговорит Кошшеишшо Бессмертный:
— За него ты выйдешь — будешь слыть поляницею,
За меня ты выйдешь — будешь слыть царицею,
И будут тебе поклоняться тридцать идолишшов!
Тут Настасье за беду стало,
За великую досаду показалося,
Сохватала Ивана за черны кудри,
Сдергивала с Кошшея Бессмертного.
И привязали Ивана ко сыру дубу,
И стали с Кошшеем опочив держать,
Опочив держать во белом шатре.
Немного поры-время миновалося,
Прилетели два голубя,
Прилетели два сизые
И садилися на сырой дуб крековистый.

Увидал их Кошшей из бела шатра,
Сам говорил таковы слова:
— Гой еси, Настасья Митреевишна,
Прилетели два голубя,
Прилетели два сизые.
И говорит Настасья Митреевишна:
— И не два голубя, не два сизые,
Это наша с тобой смертонька!
Выскакивал Кошшей из бела шатра,
Брал Кошшей свой тугой лук,
Накладывал калену стрелу
И стрелял он в двух голубей.
На лету Алешенька стрелу подхватывал
И подает старому казаку Илье Муромцу.
Поворачивал старый казак калену стрелу
Востреем на Кошшея Бессмертного и бросил,
Ушиб Кошшея до смерти,
И расшиб ему груди черные.
И улетели два голубя.
И выходила Настасья из бела шатра,
И говорила Настасья таковы слова:
— Что ты, Иванушко Годенович,
Не будешь ли меня бить, бранить?
— Я тебя, Настасья, не буду бить, бранить,
А только буду, Настасья, на ум учить.
Тут Настасье за беду стало,
За великую досаду показалося,
И берет она саблю вострую,
И берет она чуден крест:
— Вот тебе, Иван Годенович, чуден крест
И вот тебе сабля вострая.
И поднимат она саблю выше буйной главы,
И хочет ему ссечь буйну голову.
По кудрям его сабля покатилася
И обрезала все ченбуры богатырские.
Иванушко встал тут на радостях,
Собирал свой бел шатер полотняный,
И садился Иван на добра коня,
И садил он Настасью Митреевишну.
Везет к колодцу глубокому.
— Слезай, Настасья Митреевишна,
Слезай со добра коня,
Обмывай свое тело грешное.
Обмыла Настасья свое тело грешное.
Взял он у ней уши обрезал:
— Эти мне уши не надобны —
Слушали речи Кошшеишша.
Взял он у ней глаза выкопал:

— Прилещались очи, глядючи на Кошшеишша.
Ноги ей взял обсек:
— Оплетали оне Кошшея Бессмертного.
Руки обрезал ей:
— Эти руки мне не надобны —
Обнимали Кошшея Бессмертного.
Схоронил ее тело белое,
Поехал в свое отечество.

49. ПОТОП МИХАЙЛОВИЧ

Не черен-то ворон в поле вылетуват,
Не ясен-то сокол выпархиват,
Выезжает-то Сухан сын Домантьевич.
Под ним доброй-от конь, аки лютой зверь,
На коне-то он сидит, как сизой орэл.
Его ясныя очи, как у сокола,
Его черныя брови, как два соболя,
Его буйная глава, как пивной котел.
Приезжает-то Сухан в стольной Киев-град,
Перескакиват заплот он, железной тын,
Ни к чему-то он коня не привязыват,
Никому-то он коня не приказыват.
Приворотникам Сухан не сказывал,
У придверников Сухан, братцы, не спрашивал.
Открывает он у грини двери на пяту,
Закрывает-то у грини двери накрепко,
Он крест-от кладет по-ученому,
Он поклон отдает по-писаному,
Он кланяется на все четыре стороны,
Он князю со княгинею на особицу.
Принимали-то Сухана с честью, с радостью,
Ну садили-то Сухана во перед за стол,
Ну вперед его за стол хлеба кушати.
Тут спроговорил наш солнушко Врадимир-князь:
— Где ты, Сухан, был, еще где ты побувал?
— Еще бул я во далече, во чистом поле,
Еще далее того — за сине море,
Еще бул я у Захара у Макарьевича,
Еще видел я душечку лебедушку Захарьевну:
Набело она бела, как и белой снег,
Ее ясные очи, как у сокола,
Ее черные брови, как два соболя,
Ее черные ресницы до полу бела лица!
Тут сидел-от наш Потоп сын Михайлович,
Из-за дубова стола он повыскочил,

И стал он на резвые на ноженьки,
И на те же на сапожки на зелен софьян,
И кланятся он солнушку Врадимиру:
— Ах ты гой еси, солнушко Врадимир-князь,
Ах ты бул-то мне родной дяденька,
А теперь-от будь мне родной батюшка!
Ты позволь мне споженитися
На душечке лебедушке Захарьевне!
Тут спроговорил солнушко Владимир-князь:
— Ты возьми моих сто стрельцов,
Ты возьми моих сто кулачных бойцов.
— А не надобе твоих сто стрельцов,
А не надо твоих сто кулачных бойцов,
А вы дайте мне Добрынюшку Микитьевича,
А вы дайте Сухана сына Домантьевича,
А вы дайте Алешеньку Поповича!
Еще долго богатыри не думали,
Ну поездку-то держали во чисто поле.
Настречу им калига перехожая,
Перехожая калига, переезжая.
Тут спроговорил Добрыня Микитьевич:
— Ах, калига, ты калига перехожая,
Перехожая ты калига, переезжая,
Скидавай ты свое платьице колицкое,
Надевай ты мое платье богатырское!
А в ту пору калига заспиралася.
Соскакувал Добрыня со добра коня,
Хватал ту калигу за честны кудри,
Бросал-то калигу об сыру землю, —
Еще тут-то калига не пошатнулася.
Ну хватала-те калига Добрынюшку,
Ну бросала-то Добрыню о сыру землю,
Еще все костье-суставчики повыставила.
Тут спроговорил Сухан сын Домантьевич:
— Скидавай свое ты платьице калицкое,
Надевай мое платье богатырское!
Соскакувал Сухан со добра коня,
Хватал-то калигу за честны кудри,
Бросал-то калигу об сыру землю, —
Еще в ту пору калига не пошатнулася.
Хватала-то калига Сухана-то она,
Хватала-то Сухана на круту бедру,
Бросала Сухана об сыру землю,
Еще все костье-суставчики повыставила.
Тут соскакувал Потоп-от Михайлович,
Хватал-то калигу за честны кудри,
Бросал-то калигу об сыру землю,
Уж так йи разболок, как и мать родила...

Ну долго богатыри не думали,
Поездку держали во чисто поле.
Приезжают они (к) Захарью Макарьевичу,
Разоставили шатры-те белы полотняны.
Тут спроговорил-то Потоп Михайлович,
Посылает он Добрыню Микитьевича,
Посылает он Сухана сына Домантьевича,
Посылает он Алешеньку Поповича
На душечке лебедушке-то свататься.
Тут спроговорил Захар Макарьевич:
— Моя душечка лебедушка просватана
За того же за Кошеля за Трепетого!
Тут спроговорил Алешенька Попович млад:
— А ты честно не дашь, мы не честно возьмем!
Ну хватал-то Алеша за праву руку,
Ну хватал-то Добрыня за леву руку,
Отступает-то Захар сын Макарьевич.
Ну долго богатыри не думали,
Поездку держали во чисто поле. . .
Поехали. На далико стало их место, он останавливатся.
Посылает он Добрыню Микитьевича,
Посылает он Сухана сына Домантьевича,
Посылает он Алешеньку Поповича:
— Поутру меня встречали бу с невестою!
Налетел тут Кошель Трепетой,
На Потопа на сонного налетел, а невеста тоже богатырица. Потопа, его одолили, приковали чумбурами железными.
Вынимал Кошель Трепетой его тугой лук,
Накладуват-то он калену стрелу
И стреляет-то в Потопа Михайловича.
Тут сказала-то душечка лебедушка,
Душечка лебедушка Захарьевна:
— Не стреляй ты Потопа Михайловича,
Богатырская стрела не путем идет!
Не послушался Кошель душечку лебедушку,
Ну стрелял-то он в Потопа Михайловича,
Обрубал-то все чумбуры железные.
Тот опростался.
Поимал он свою саблю, саблю вострую,
Изрубил-то он Кошеля Трепетого и йи (в)месте.
И приезжает он один, без невесте.
Тут спроговорил-то Алешенька Попович млад:
— Здорово ли вам жениться, только не с кем стать!

50. ДАНИЛА ИГНАТЬЕВИЧ И ЕГО СЫН МИХАЙЛО
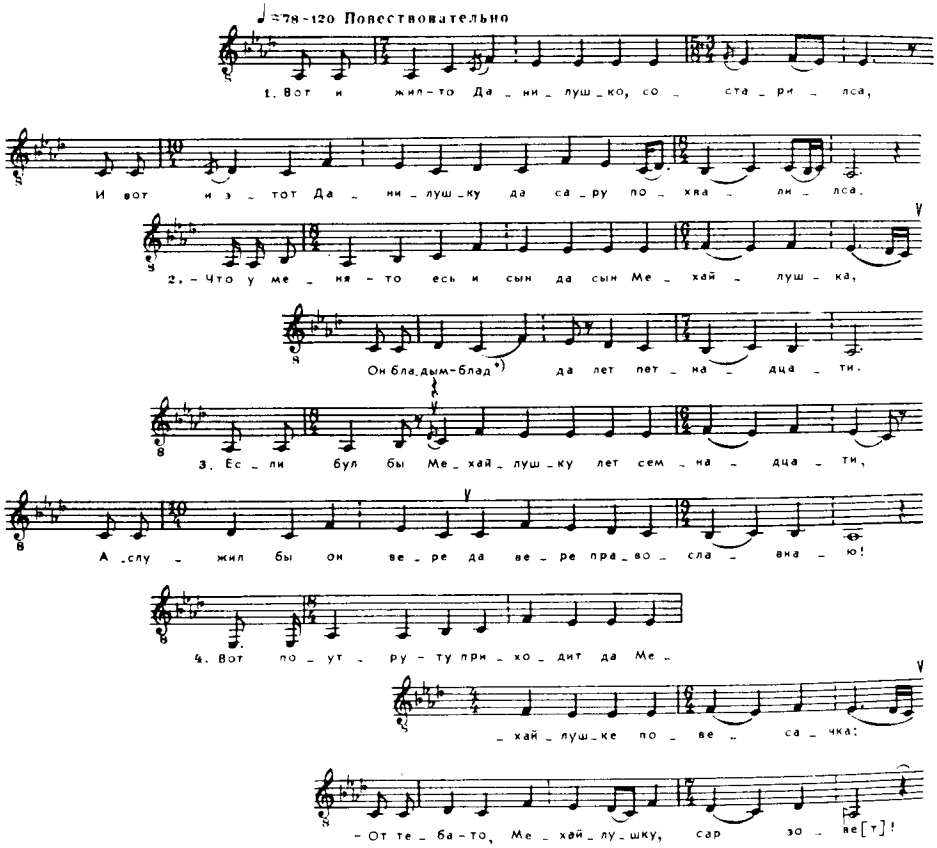
Со во с той стороны, со низовною,
Со во с той стороны, с полуночною

Подымалася туча, грязь великая —
Выезжает тут Тит, похваляется:
— Иерусалимского я царства выжгу, выпьяню,
Царя Тимофея в полон полоню,
Его божьи церкви на дым пущу,
Его вдовьи монастыри, девьи монастыри на глубь спущу,
Царицу-княгиню за себя возьму!
Подо мной, под Титом, сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Еще той мелкой сошки, ей счету нет,
На все на четыре дальни стороны
Отмечена сила по сту верст,
Еще сам вот я, Тит, Тита брата зверь! . . .
Собирает царь князей-боярей, думных сенаторей:
— Еще едет Тит похваляется, говорит:
«Иерусалимского царства выжгу, выпалю,
Царя Тимофея, говорит, я в полон полоню,
Его божьи церкви на дым пущу,
Вдовьи, девьи монастыри на глубь спущу,
Царицу я княгиню за себя возьму,
Подо мной, под Титом, сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Под всеми под ними по три тысячи людей,
Еще той мелкой сошки счету нет,
Отмечена силушка на все четыре дальни стороны по сту верст,
Еще сам вот я, Тит, Тита брата зверь!»
От переднего стола до середнего,
От середнего стола до последнего
Ни от кого ни ответу, ни привету нет.
Из середнего стола пошел колесом
Свет по имени Данильюшко Игнатьевич,
Вставал он на ноженьки на резвые,
На зелен сафьян сапожинки,
Еще кланяется он понижешенько:
— Еще служил я царям-царевичам,
Служил я королям-королевичам,
Таперя я, Данильюшко, старым-старой, девяноста лет,
Спасаюсь я, Данильюшко, в теплой келейке.
Еще в дале, во дале, во чистом поле,
Еще есть-то там дуб кракитовый,
У того у дуба один отростель, —
У меня, у Данильюшки, одна дитя,
Свет по имени Михайлушка Данильевич,
Молодым он молодой, лет двенадцати.
Кабы был Михайлушко лет шестнадцати,
Постоял бы Михайлушко за веру христианскую! . . .
Пошел Данильюшко в свою келейку.
— Наряжайся, мое дитятко, тебя царь зовет.
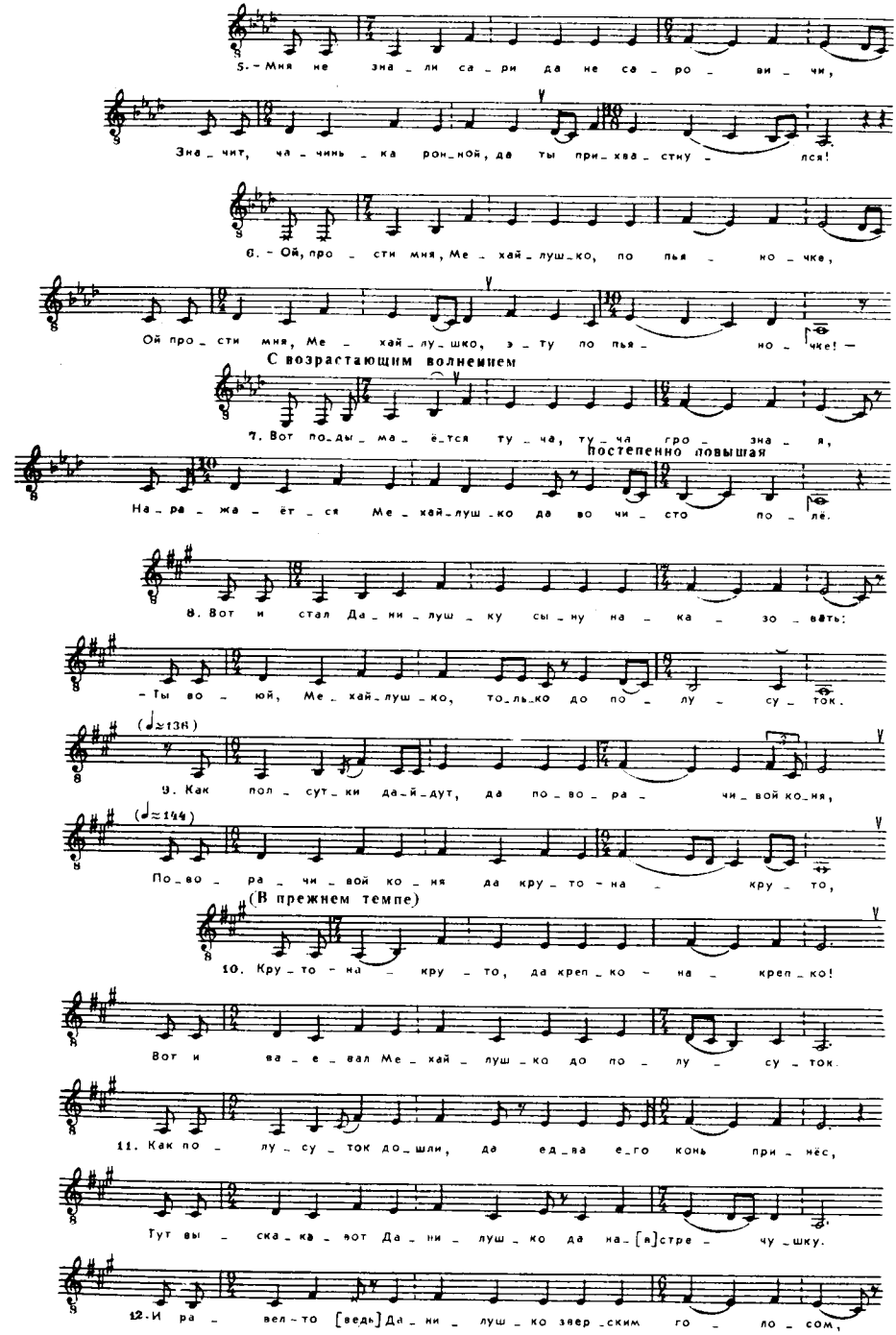
— Не знают меня ваши цари-царевичи,
Не знают ваши короли-королевичи.
Еще стал Михайлушко наряжатися,
Еще стал Михайлушко вымыватися,
Пошел Михайлушко к своему царю.
Отворяет он вороточки на пяту,
Еще клал Михайлушко поклон по-ученому,
Еще кланяется он по-писаному.
Еще спроговорит наш царь:
— Постой, Михайлушко, за веру христианскую!
Наливает ему чару полтора ведра.
Берет он чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Пошел Михайлушка в свою келейку,
Отворяет он ворота сильно-насильно,
Закрывает ворота крепко-накрепко,
Приходит Михайлушко в свою келейку.
Тут спроговорит Михайлушко своему отцу:
— Уж зачем ты много рано хвастаешь?
— Я ведь с пьяных дел, дитятко, тобою призахвастался!
Ты бери моего военного коня,
Ты бери мою саблю вострую,
Ты коси-руби силушку до шести суток,
Шесть суток дойдут,
Поворачивай коня круто-накруто,
Приезжай в свою теплу келейку.
Поехал Михайлушко к силушке бессчетной,
Стал косить-рубить силушку бессчетную,
Вперед махнет — часты улички,
Назад махнет — переулочки,
Татар рубил, как лес клонил.
Шесть суток тому прошло,
Еще ранили Михайлушку крепко-накрепко.
Поворачивал коня круто-накруто,
Приезжает в свою теплу келейку.
Не стук застучал, братцы, во тереме,
Разбежался богатырский конь.
Выходит Данильюшко не дверями, не воротами,
Выходит Данильюшко каменной стеной,
Хватает Михайлушку на белы руки,
Понес Михайлушку в божью церкву,
Кладет Михайлушку под святые образа,
Зажигает свечу воску ярого,
Сам не подвигает стремячко вальянское,
Садится прямо с полу на коня.
Поехал он, Данильюшко, во чисто поле,
Срывает он дуб кракитовый из кореня,
Поехал Данильюшко к силе бессчетной,

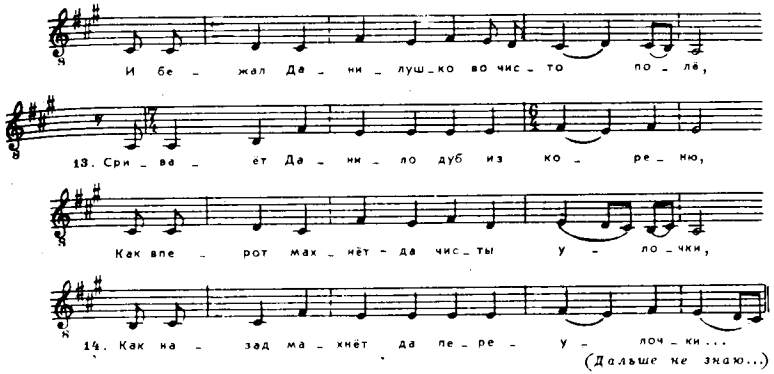
Еще стал дубом крошить-рубить силушку бессчетную.
Татар изрубил, как лес клонил,
Самого Тита живком хватил
И привязывал он коню в торока.
Приезжает Данильюшко в свою келейку,
Пошел Данильюшко во божью церкву —
Еще давно его дитятко переставилось.
Пошел Данильюшко к своему царю.
— Потухла свеча, говорит, воску ярого,
Померкло, говорит, наше красно солнышко,
Переставилося мое дитятко!
Кидался-бросался Данильюшко о кирпичевый мост,
Разбивался Данильюшко о кирпичевый мост.

51. СТАРИННА ПЕСНЯ ПРО ДАНИЛУШКУ

*) младым – млад

5. – Мня не зна – ли са – ри да не са – ро – ви – чи,
Зна – чит, ча – чинь – ка рон – ной, да ты при – хва – стну – лся!
6. – Ой, про – сти мня, Ме – хай – луш – ко, по пья – но – чке,
Ой про – сти мня, Ме – хай – лу – шко, э – ту по пья – но – чке! –
С возрастающим волнением
7. Вот по – ды – ма – ё – тся ту – ча, ту – ча гро – зна – я,
постепенно повышая
На – ра – жа – ёт – ся Ме – хай – луш – ко да во чи – сто по – ле.
8. Вот и стал Да – ни – луш – ку сы – ну на – ка – зо – вать:
– Ты во – юй, Ме – хай – луш – ко, то – лько до по – лу – су – ток.
(♩≈136)
9. Как пол – сут – ки да – й – дут, да по – во – ра – чи – вой ко – ня,
(♩≈144)
По – во – ра – чи – вой ко – ня да кру – то – на – кру – то,
(В прежнем темпе)
10. Кру – то – на – кру – то, да креп – ко – на – креп – ко!
Вот и ва – е – вал Ме – хай – луш – ко до по – лу – су – ток.
11. Как по – лу – су – ток до – шли, да ед – ва е – го конь при – нёс,
Тут вы – ска – ка – вот Да – ни – луш – ко да на – [в]стре – чу – шку.
12. И ра – вел – то [ведь] Да – ни – луш – ко звер – ским го – ло – сом,

Вот и жил-то Данилушко, состарилса,
И вот этот Данилушку да сару похвалилса:
— Что у меня-то есь и сын да сын Михайлушка,
Он бладым-блад да лет пятнадцати.
Если бул бы Михайлушку лет семнадцати,
А служил бы он вере да вере православною!
Вот поутру-ту приходит да Михайлушке повесточка:
— А теба-то, Михайлушку, сар зове!
— Меня не знали сари да не сарóвичи,
Значит, чачинька ронно́й, да ты прихвастнулся!
— Ой прости меня, Михайлушку, по пьяночке,
Ой прости меня, Михайлушку, эту по пьяночке!
Вот подымаётся туча, туча грозная. . .
Наряжаётся Михайлушко да во чисто́ полё.
Вот и стал Данилушку сыну наказовоть:
— Ты воюй, Михайлушко, только до полу́суто́к,
Как полсутки дойдут, да поворачивой коня,
Поворачивой коня да круто-на́круто,
Да круто-накруто, да крепко-на́крепко!
Вот и ва́ивал Михайлушко до полу́суто́к.
Как полу́суто́к дошли, да едва его конь принес.
Тут выскакавот Данилушко да навстречушку,
И равел-то Данилушку зверским голосом,
И бежал Данилушко во чисто полё.
Срываёт Данило дуб из кореню,
Как (в)перо́т махнет — да чисты улочки,
Как назад махнет — да переулочки. . .

Николай Куприянович Рожин (1905—1984)
Фотография 1982 г.

Дальше не знаю... Ранили Михайлушку. Отец-то рассердился, Данилушку-ту тоже такой богатырь бул, вот и побежал и этим дубом их побил.

52. СТАРИНА ПРО ТИТА

Как у князя Тимофея был почестен пир
Про тех было про князей, про боярей,
Про ту полоницу всю удалую.
Вышибала окно стеклянное,
Падала калена стрела на дубовый стол.
На каленой стреле ярлык написаный:
Подымается туча, гразь великая
Со той белостороночки восточной,
Едет Тит, похваляется:
«Ерусалимский город выжгу-выпленю,
Княжя Тимофея (в) полон вожьму,
Княгиню его за себя вожьму,
Подо мной, под Титом, сорок царей и сорок королей,
Под кажным царом по три тысячи,
Под самим Титом счету нет,
Отмечена силушка на сто верс(т),
На все на четыре дальни стороны».
Тут спроговорит княж Тимофей:
— Еще кто бы съеждил во чисто поле
Титу сопротивника,
Постоял бы за веру христианскую?
От переднего стола ответу нет.

От-с переднего стола колесом пошла,
Тут ставал Данилишко Игнатьевич
На те белы ножки на резвыя,
На те бело сапожки зелен сафьян,
Кланяется понизешеньку:
— Я служил княжьям, княжевичам,
Таперя Данилишко состарелся,
Старим старик — девяносто лет,
Не могу, Данилишко, на коне сидеть,
Не могу, Данилишка, копьем шурмовать.
В чистом поле стоит дуб (к)рековистый,
У сырого дуба один отрастель, —
Как у меня, у Данилишка, есть чадо милое,
Свет по имени Михайлышко Данильевич.
Кабы был Михайлышко Данильевич пятнадцать лет,
Съеждил бы Титу сопротивнику,
А таперя, говорит, Михайлышку только двенадцать лет.
Что не стук застучал, братцы, во тереме,
Подводили карету златоковану
Звать Михайлышко Данильевич(а).
Приезжает Данильишка Игнатьевич:
— Поди, Михайло, тебя княжь жовет.
— На что зовет? — Про то не ведано.
Тут расплакался Михайлышко Данильевич:
— Еще кто про меня княжю скажал?
Не знают про меня, ни князи, княжевичи.
Тут спроговорит Данильишка Игнатьевич:
— Пьянским я, говорит, делом призахвастался.
Пояхал Михайлышко Данильевич.
Крест кладет по-ученому,
Поклон дает по-писаному,
Княжю, княгине — по особице.
Подносили чару полтора ведра.
Берет чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Тут спроговорит Данильишка Игнатьевич:
— Съежди, говорит, моя дитятка, к Титу сопротивнику,
Постой за веру христианскую!
Поядешь, моя дитятка, во чисто поле,
Руби и плени силу бессчетную
Из бела денька до темной ночки,
С темной ночки до бела денька,
Поворачивай коня круто-накруто.
Пояхал Михайлышко Данильевич,
Увидал он сильюшку бессчетную,
Рубил-пленил из бела денька до темной ночки,
С темной ночки до бела денька.
Молодецко его сердце разгорелося,

Богатырские плеча размахалися,
Рубил-пленил из бела денька до темной ночки,
С темной ночки до бела денька.
В ту пору Михайлышка поранили.
Не могет Михайло на коне сидеть,
Не могет Михайло копьем шурмовать.
Поворачивал коня круто-накруто,
Разбежалась лошадь богатырская.
Выскакиват Данилишка Игнатьевич,
Берет его на белы руки,
Уносит (в) свою келию.
Он затеплил свечу воску ярую:
— Оживешь, мое дитятко, — свеча горит,
Умрешь, мое дитятко, — так свеча сгорит!
Сам выходит не (д)верми и не воротами,
Выламывает каменну стену.
Пояхал Данильишка Игнатьевич.
В чистом поле стоял дуб (к)рековистый.
Сырвал дуб из корени,
Увидал он силушку бессчетную,
Стал он эту силушку дубом:
Передь махнет — переулоцьки,
Назадь перемахнет — часты улоцьки.
Вшю он шилу дубом прибил,
Самого Тита живком шхватил
И привяживал коня в торока.
Привожит княжю Тимофею
И бросает ему на колени.
Прихлодит (в) швою келию:
Потухла свеча воску ярого,
Переставился Михайлышко Данильевич.
Тут спроговорит Данильишка Игнатьевич:
— Чего, княжь, сидишь, прохлаждаешься?
— Померкло мое красно солнышко,
Улетела звезда подвосточная,
Потухла свеча воску ярого —
Переставился Михайлышко Данильевич!
Сам бросался-кидался о кирпичевой мос(т),
Его косточки-суставчики не спознались.

53. ДАНИЛЫШКО ИГНАТЬИЧ И ТИТ

Едет Чит, похваляется:
— Еще тот город вижгу, виплиню
И того сара в полон полоню!
Тут сар призадумался.
Призывает своих княжей-бояре и думных шенаторей.
— Хто би съездил из вас к Читу сопротивником,

Постоял би за вдов, за широт, за безмужвенных
И за веру християнскую,
И за серку божию?
Из переннего стола ответу нет,
Из серennего стола колесом посло.
Из заннего стола тут вставал
Старим-стар да девяносто лет.
— Если я, — говурит Данилышко Игнатьич, —
Еще съездил би я (к) Читу сопротивником, —
Не могу, Данилышку, на коне сидеть,
Не могу, Данилышко, копьем шурмовать.
Как есть, говурит, в чистом поле онно дерово,
У этого дерьва один отрастель,
А у меня, у Данилышка, онно чадо милое,
Швет по имени Михайлышко,
Он би съездил, говурит, Читу сопротивником,
(В)сего Михайлышку двенадцать лет,
Не могет Михайлышко на коне сидеть,
Не могет Михайлышко копьем владеть.
Було би, говурит, Михайлушко пятнадцать лет,
Он би съездил (к) Читу сопротивником,
Постоял би за веру християнскую.
Приводили би Михайлышка за белы руки
И отправили Михайлышка (к) Читу сопротивником.
Тут наказывает очес ронной:
— Ты поедешь, Михайлышко, во чисто поле
Читу сопротивником,
Ты руби-плени с бела денька до чемной ночки,
С чемной ночки до бела денька,
А потом, Михайлышко, приворачивай коня назадь.
Тут пояхал Михайлышко во чисто поле,
Он рубит и пленит, как траву косит,
С бела денька до чемной ночки,
С темной ночки до бела денька,
С бела денька до чемна ночки.
Тут Михайлышко поранили.
Приворачиват коня обратно,
Приезжат во висок черем.
Тут очес его ронной расплакался
И отнес Михайлышко во божью серку,
И зажег к иконам воску ярову свечу:
— Как свеча моя гори — и, Михайлышко, лежи!
А сам пошел во чисто поле,
Сорвал дерьво из самого кореня
И пояхал Читу сопротивником.
И вижгал, випленил вшю силушку,
И Чита самого живком привез.
Побежал во божью серку —

Швеча догорела, и Михайлышко переставился.

54. ДАНИЛУШКО ИГНАТЬЕВИЧ И ТИТ

Как от той було стороночки восточной
Подымалася туча богатая,
Туча грозная, гражь великая, —
Еще едет-то Тит, похваляется:
— Русалимскую церку вижгу, випленю,
Русалимский монастырь весь на дым вожьму,
Царь Тимофея в полон полоню,
Царыцу-княгину на шебя вожьму.
Еще сорок царэй, сорок королей,
Под кажным царом по тры тысэчи,
Под кажным королем да по тры тысэчи,
Подо мной-то, под Титом-то, счету нет.
Еще сам-то я, Тит-то — Тито-брата звер!...
Цар сделал пир да на весь он мир,
Про вшёх он про княжей, про боярей,
Про ту полонницу вшю удалую.
От пэрэннего стола как ответу нет,
От сэрэннего стола да колесом пошел
Швет по имони Данилушко Игнатьевич.
Он ставал-то на ноженьки на резвые,
Как на те-то на сапожки зелен сафьян.
— Как служил я царам-царэвичам,
Как служил я королям-королевичам,
Как тапероче Данилушко старым-старык,
Старим-ти старик, девяносто лет,
Не могу-то я, Данилушко, на коне сидеть,
Не могу-то я, Данилушко, копьем шурмовать.
В чистом поле стоял дуб, дуб (к)раковистой,
У сырого-то дуба один отроштель —
У меня есть, (у) Данилушко, чадо милое,
Швет по имено Михайлушко Данильевич.
Как таперича Михайлушку двенадцать лет.
Кабы бул-то Михайлушко пятнадцать лет,
Он съездил би во чисто полё,
Постоял би за веру хрыстианскую.
Как не стук застучал, братцы, во черэмэ:
— Поди-ка, Михайлушко, чебя цар зовет!
Тут расплакался Михайлушко Данильевич:
— Ужо хто про меня да как цару сказал?
— Пошто он зовет, про то не узнато.
Подвозили карету златоковану.
Как не стук застучал, братцы, во черэмэ,
Как ражъехался Михайлушко Данильевич.

Он и крест-то кладет да по-ученому,
Поклон-то дает по-писаному,
Еще княжу, княгине — по особице.
Тут спроговорыт-то Данилушко Игнатьевич:
— Ой, ты бо ишя, ты, мое дитятко,
Еще пьянским я делом призахвастался.
Еще шъезди, мое дитятко, во чисто поле,
Ты постой-ка за веру хрыштианскую
Как с бело-то денька до чемной ночки,
С чемной-то ночки до бела денька,
С бела-то денька до чемной ночки,
Потом поворачивай коня, коня накруто!
Пояхал Михайлушко во чисто поле.
Как езжает еще на силушку бессчетную,
Еще стал-то по силушке поезживать
Как с бело-то денька до чемной ночки,
С чемной-то ночки до бела денька,
С бела-то денька до чемной ночки,
С чемной ночки до бела денька.
Еще в ту пору Михайлушко поранили.
Поворачивает коня да коня накруто.
Как не стук и застучал, братцы, во черэмэ,
Как выскакиват Данилушко Игнатьевич,
Разбежалася лошадь богатырская,
Еще брал он его во белы ручки,
Как уношит его во божью церку,
Кладет он его да под святы образа,
Затеплил швечу воску ярову:
— Как буди оживешь, то швеча горы;
Ко будэ помрэшь, то швеча сгоры!
Сам выходит не дверми, не воротами,
Как виламывает каменну стену.
Не бэрэт он в руки саблю вострую,
Не бэрэт он копье борзуменское.
В чистом поле стоял дуб, да дуб (к)раковистый,
У сырого-то дуба один отроштель,
Сарывал дуб, дуб из корэню,
Как езжает еще (в) силушку бессчетную.
Еще стал и по силушке поеждивать,
Стал-то он дубом-че помахивать:
Пэрэд он махнет — пэрэулочки,
Как назад-то махнет — часты улички.
Как зверино еще шерце возверылося,
Могучие плечи размахалися.
Эту-ту же-то шилу вшю-то скошил,
Самого того Тита живком хвачил,
Он прывязыват коню, коню в торока:
— Как татарские жилы-че не сорвутся,

Как татарские кошти не изломятся!
Как не стук застучал, братцы, во черэмэ,
Как ражъехался Данилушко Игнатьевич,
Брошился он это-то, он во божью церку —
Как потухла швеча-то воску ярого,
Переставился Михайлушко Данильевич.
Сам виходит не дверми, не воротами,
Как виламиваёт каменную стену.
— Ох ти, цар, пьешь, ешь да прохлаждаешша,
Ти не знаешь про несгодушку немалую,
Немалую, невеликую:
Как померкло мое красно солнишко,
Улетела звезда поннебесная,
Переставился Михайлушко Данильевич!
Сам бросался-кидался о кирпичёвый мос(т),
Его косточки-суставчики не спозналися.

55. ПРО ДАНИЛУШКУ

. . .Ну вот он когда принес своего сына во божью сэрку, положил сына в божьей сэрки, зажег божью свечу: «Покуда бегаю, — говорит, — хожю, если сгорит свечка, догорит, то помрет мой сын; не догорит — значит, живой он будет!» Он побежал (в) сэрку-ту — штену виломал, сквозь вушел — другую штену виломал, другой вишел. Побежал (к) тому сару, у которого он фастал: «Путухло, — говорит, — мое красно сольнишко!» Воскакивает (в) сэрку — (в) сэрки уже свечка догорела. Побежает — разбивается на калиновый мост, и разбивает о мост голову, умирает тут.

Вот такой добавок!

56. О МИШЕНЬКЕ ДАНИЛЬЕВИЧЕ

Воступает подратье великое:
Еще сорок царей, братцы, царевичей,
Еще сорок королей, королевичей,
И под каждым царом, под царевичем,
И под каждым королем, королевичем
Еще по три было тьмы, по три тысячи,
Еще сметою сила, ей и счета нет.
Как не видно во силе светла месяца,
Как не видно во силе красна солнышка.
На большине Тит Фарафонтьевич,
Ну он хвалится-похваляется:
— Стольной Киев я град без щита возьму,
Как девиц и вдовиц всех на блуд спущу,
Еще мелкую сошку всю повырублю,
Царя Тимофея во полон возьму,
Молоду его княгиню за себя возьму!
Тут и пали-перепали переносчички,

Переносчички пали, пересказнички,
Принесли они солнушку Врадимиру,
Что хвалится Тит Фарафонтьевич.
Собирает наш солнушко Врадимир-князь
Всех святорусских могучих богатырей:
— Кто заступит за веру християнскую,
Что за мать пресвятую богородицу?
Что подступила подратье-сила великая!
Большой-от хоронится за среднего,
Середний хоронится за младшего,
А от младшего, братцы, и ответа нет.
Тут стояла та скамеечка дубовая,
На скамеечке сидел Данилушка Игнатьевич:
— Ах ты гой еси, батюшко Врадимир-князь,
Теперь я, Данилушка, состарился.
А еще далече, далече, во чистом поле,
Еще дале того, за сине моро,
Тут стояло-то дубище кокровище,
У этого дубища один отрастель, —
У меня-то, у Данилы, одно отродье
По имени Мишенька Данильевич.
Кабу бул-то мой Мишенька во пятнадцать лет,
Заступил бу за веру христьянскую,
А теперь от роду Мише двенадцать лет,
Не могот он, Миша, на коне сидеть,
От вострой от сабле укрывается,
Об востро копье опирается!
Он поклон отдал, сам и вон пошел,
В монастырь пошел богу молитися.
Тут спроговорил наш солнушко Врадимир-князь:
— Ах вы, слуги мои, слуги верные,
Поезжайте вы к Мишеньке Данильевичу,
Помалешеньку ко окошечку подъедете,
Со молитвою в окошечко постукайте,
Вы скажите: «Тея князь зовот,
Ну на что теба зовот, про то не ведаем!» —
Тут (в)ставал мой Миша на резвы ноженьки,
Надевал он свою шубу черных соболей,
Надевал он свою шубу на одно плечо,
Надевал он свою шляпу на одно ухо.
Приезжает он к солнушку Врадимиру,
Воходит он во светлу гринюшку,
Он крест кладет по-писаному,
Он поклон отдает по-ученому,
Он кланятся на все четыре стороны,
А князю со княгиней — по особице.
Принимали Мишу с честью, с радостью.
Вот (в)ставал-то наш солнушко Врадимир-князь,

Подходил он ко шкапу белодубову,
Наливал-то он чару зелена вина,
Зелена вина в полтора ведра:
— Кто примот чару единой рукой,
Кто выпьет чару на единой дух,
Кто заступит за веру християнскую?
Подходил-то Миша к чаре зелена вина,
Принимал-то он чару единой рукой.
Выпивал-то он чару на единой дух,
Сам поклон отдал, сам и вон пошел.
Садился тут Миша на добра коня,
Подъезжает он к Данилушке Игнатьевичу:
— Дай ты мне, батюшко, благословеньице,
Выезжаю во далече, во чисто поле,
Заступаю я за веру християнскую!
И дал ему батюшка благословеньице:
— Ты возьми с собой тяжку палицу,
Ну котора (в)сех полегче — в девяносто пуд!
Воезжает он во силу во неверную.
Тут спроговорил Тит Фарафонтьевич:
— Что это за пташечка за малая,
Малая пташечка перелетуват,
Перелетуват, перепархиват?
Первой день бился Миша день до вечера,
Осенную темну ночку до бела света,
Не пиваючи мой Миша, не едаючи,
Со добра коня мой Миша не (в)ставаючи.
Второй-от день бился день до вечера,
Осенную темну ночку до бела света,
Не пиваючи мой Миша, не едаючи,
Со добра коня мой Миша не (в)ставаючи.
Третий день бился Миша день до вечера,
Осенную темну ночку до бела света,
Тут приходили ему удары несносные.
Поворачивал коня он круто-накруто,
Подъезжает Миша к своему двору,
Тут (в)стречает его Данилушка Игнатьевич,
Принимал его на белы руки,
Положил его на скамеечку дубовую.
Сам садился Данила на добра коня,
(В)зял он с собой тяжку палицу,
Немного той поболе — полтораста пуд,
И выехал во силу во неверную.
Куды махнет, туды улица,
Перемахнет — с переулками.
Тита Фарафонтьевича ко коню за хвост связал. . .
Проезжает тут Данила ко своёму двору, —
Его Мишенька Данильевич преставился.

Поехал он ко солнушку Врадимиру:
— К чему вам було малого запаивати,
К чему вам було малого подговаривати?
Тут спроговорил солнушко Врадимир-князь:
— Ах ты гой еси, Данилушка Игнатьевич,
Да мы сделаем ему похороны княжеския!...

57. ДАНИЛА ИГНАТЬЕВИЧ И ЕГО СЫН

Поднималась туча грозная,
Страшнеющая со западу —
И татарска, и проклятская бусурманская...
— Помогите нам, Данила Игнатьевич,
За Русь святую, за мать пресвятую богородицу!
— Я стар стал, не могу помочь,
Но у меня есть сын — еще шести лет —
Мишенька Данильевич,
Попросите его.
Приезжает стража:
— Мишенька Данильевич, тебя царь зовет.
— Что меня зовет царь, что заведует?
— Мы не знаем, Мишенька, про то, да не ведаем.
Надевал-то Миша шапку земле греческую,
Шубу соболиную,
Сам поклон-то дал, как и вон пошел.
Заходит к отцу Даниле Игнатьевичу.
— Бери, сынок, коня посмирнее всех,
Саблю полегче всех,
Которая тянет по пятьсот пудов.
На четвертые суточки я тебя повыручу,
До четырех суточек бейся-рубися сам.
Миша бился-рубился до четырех суток — нет отца,
Вечером, на солнце закате четвертых суток
Мишу ранили.
Крепко-накрепко поворачивал коня Миша,
Круто-накруто приносил-то конь Мишу
К дубовому крыльцу.
Миша уже скончался, его-то нет.
Данила Игнатьевич принимал на свои руки его.
И пошел-то к князю Владимиру красно солнышко:
— Закатилось у меня из глаз красно солнышко:
Потухла у меня свеча воску яровуя
И померкла у меня звезда ясная!
Кирпищатый пол по колен прошел,
Белокаменны колоды все повыдергал,
Коня брал подурнее всех,
Саблю брал потяжелее всех,
Выехал в чисто поле, широко раздолье.

Подымается со западу туча грозная,
Туча татарская, проклятская, бусурманская,
Со своей свитою, со своей душечкой Апраксией [!].
Куды Данила махнет — туды улица,
Перемахнет — чисто-начисто.
Бился-рубился Данила Игнатьевич трое сутки,
На третьи сутки Тита Хорохонтьевича живым поймал,
Его душечку Апраксею коню за хвост завязал.
Принес к Владимиру красно солнышко к крыльцу,
Белому дубовому крыльцу:
— Вот теперь-то нашу я смерть,
Ваше царское величество, принес.
— Я сделаю Мишеньке поминки царские,
А похороны королевские, —
Отвечает князь Владимир красно солнышко.
— Не нужны мне твои похороны,
Вы теперь кровянитеся,
Я в монастырь пойду богу молитеся.

58. ДАНИЛА ИГНАТЬЕВИЧ И ЕГО СЫН

Жил Данила Игнатьевич и князь Владимир красно солнышко. Вот Владимир красно солнышко вызывает Данилу Игнатьевича и говорит ему:

— Поднимается на нас, Данила Игнатьевич,
Сила страшная, татарская
И прокляцка, басурманская,
Тит Хорохонтьевич со своей свитою
И со своей Дусечкой Апраксевной [!].
Помогите, Данила Игнатьевич,
Заступить за Русь святую,
За мать пресвятую богородицу!

Он говорит: «Нет, я уже стар стал. У меня есть детищё, от роду восемнадцать лет, его попросите». Пошла стража, в окно стучит, Мишеньку будит: «Вас царь зовет». Мишенька отвечает:

— Что меня князь зовэт, что завэдует?
— Не знаем, мы, Мишенька, про то не ведаем,
Нас послали как послов.
Надевает Миша шубу соболиную,
Шапку земле греческую,
Сам поклон-то дал, сам и вон пошел.

Приходит к князю Владимиру красну солнышку: «Что вы меня завэдовали, что приглашали?» — «В том я приглашал вас, чтоб попросить вас:
На нас подымается сила страшная, татарская,
А проклята, басурманская,
Тит Хорохонтьевич со своей свитою
И со своей Дусечкой Апраксевной» —

Приходит Мишенька домой, советуется с отцом.

— Выбирай коня посмирнее всех,

Саблю полегче всех,
Сабля тянет по пятьсот пудов — ее выбирай.
Бейся-рубися до четырех суток,
на четвертые сутки в шесть часов вечера я те повыручу.
Заходил Миша в конюшенку,
Выбирал коня посмирнее всех,
Саблю полегче всех.
Выезжал Миша в чисто поле, в широкое раздолье.
Увидал — подымается со западу туча грозная,
Рать татарская, басурманская,
Тит Хорохонтьевич со своей свитой
И со своей Дусечкой Апраксевной.
Начался бой, сошлись две тучи грозные.
Миша рубился до трох суток,
От трох суток до четырох суток.
Куды Миша махнет — туды улица,
Перемахнет — переулочек.
На четвертые сутки в шесть часов вечера смотрит — нет отца. В семь часов начало —
Мишу крепко-накрепко ранили.
Круто-накруто поворачивает своего коня,
Приносит конь мертвого (к) красному дубовому крыльцу
(К) отцу Данилу Игнатьевичу.
Выходил-то Данила Игнатьевич,
Брал Мишеньку за белы ручки
И клал на дубовые столы.
Приходит Данила Игнатьевич (к) князю Владимиру красну солнышку:
— Закатилось у меня из глаз красно солнышко,
Померкла у меня звезда подвосточная
И потухла у меня свеча воску яровая!
«Не плачьте, Данила Игнатьевич, — отвечает Владимир, — мы сделаем Мише поминки царские, похороны королевские». — «Не надо мне ничего, последний раз поеду сам».
Данила Игнатьевич заходит в конюшню,
Берет коня подурнее всех,
Саблю потяжелее всех,
Выезжает Данила Игнатьевич
В широкое поле, чистое раздолье.
Видит — со запада подымается
Туча грозная, татарская,
Проклятая, басурманская,
Тит Хорохонтьевич со своей свитою
И со своей Дусечкой Апраксевной.
Сошлись две тучи грозные,
Начался бой от двух суток до трох суток,
От трох суток до четырох суток.
Куда Данила махнет, туда улица,
Куда перемахнет — чисто-начисто.

В шесть часов (на) четвертые сутки
Тита Хорохонтьевича
Данила Игнатьевич живьем поймал,
А его Дусечку Апраксевну
Коню за хвост привязал.
Привез Владимиру красну солнышку
(К) красному белому крыльцу:
— Вот, князь, привез вашу хворость-болесть!
Данила Игнатьевич рассердился,
Кирпищатый пол по колен п(р)ошел,
Белокаменны колонны все повыдергал:
— Вы сейчас, князь, кровянитеся,
Я в церковь пойду богу молитися!
Этим конец.

59. ДАНИЛА ИГНАТЬЕВИЧ И ЕГО СЫН

Там дале-далёченько, за синим мором,
Вот предвидел Данила Игнатьевич:
— На нас тма идет, если силой взять, —
Сорок царох, сорок царевичей,
Но набольший у них — Тит Хорохонтьевич.
Хвалится Тит, похваляется:
«Солнышка Владимира город головней покачу,
Церкви я на огонь пущу,
Стариков и старушек на штыки возьму,
А Дусечку Апраксевну за себя возьму!» —
Солнышко Владимир сказал: «Данилушка Игнатьевич, заступай за веру христианскую». Он сказал:
— Я старый стал, престарелый,
Мне от роду девяносто лет.
Есть на поле дуб,
Этот дуб с окроколистом [!],
А у меня Миша Данильевич — отродиё,
Но Миша мал, Миша малешенек,
К нему от роду двенадцать лет.
Просите Мишу. Может, Миша заступит за веру христианскую.
Посылайте Мише посланников,
Самых сильных богатырей,
Посылайте Добрыню Игнатьевича [!], Олешу Поповича,
Чтобы (к) Мише подходили с молитвами,
Чтобы Миша не дрогнулся,
Чтобы Миша не подрогнулся.
Спросит Миша: «Что царь зовэт?»
Вы скажите: «Мы не знаем, мы не ведаем».
Послал их царь со записками,
Добрыню Игнатьевича и Олешу Поповича.
Миша спросил: «Зачем меня царь зовет?» Они сказали: «Мы не знаем, не ведаем».

Данила Игнатьевич сидит за царскими креслами со солнышком Владимиром. Когда заходит Миша Данильевич, солнышко Владимир подносит чару богатырскую вина — полтора ведра. Данила Игнатьевич говорит:

— Миша мой Данильевич,
Заступись за веру христианскую,
Бейся-рубися трое суточки,
С бела света до темной зори,
С темной зори до бела света,
Не пивши, не евши и с коня не спускайся.
Выбирай саблю себе полегше всех,
Которая тянет тридцать пудов.
И на четвертые суточки я тебя повыручу.
Сел он на его доброго коня
И выехал в чисто поле.
Куда ударит — улица,
Куды махнет — переулками.
Бился-рубился трое суток,
На третьи сутки Мишу ранили,
Давали Мише рану смертельную, невыносимую.
Поворачивал коня круто-накруто,
И поехал Миша к родному батюшке.

Когда въезжал в царские ворота, с коня упал и умер. Тозно Данила Игнатьевич сказал солнышке Владимиру: «Зачем Мишу зарыскивал?» Данила встает — кирпичный пол до колен пошел. Вышел, дверью хлопнул — и больше отворить не могли. И сел на своего доброго коня и поехал сражаться с Титом Хорохонтьевичем.

По окончании боя стояли на башне Дусечка Апраксевна и солнышко Владимир, и два богатыря — Олеша Попович и Добрыня Игнатьевич, и два думные министра. . .

Бился-рубился Данила Игнатьевич и в последних боях схватил Тита за ноги, бросает свою саблю и стал Титом добивать. И когда немного осталось, он сказал: «Татарская голова крепкая, не рвется!» И как ударил — и кучку закончил. Прикалывает голову на пику и поворачивает в обратный путь, во дворец солнышка Владимира.

Тозно на башне стоят смотрят, а Дусечка Апраксевна сказала: «Узнавай молодца по походочке, а сокола по полеточке. Это Тит Хорохонтьевич Данилы Игнатьевича голову везет». Олеша Попович сказал: «Не Данилы Игнатьевича голову везут, а Тита Хорохонтьевича голову везут. Не была бы ты князина великая и нашего великого князя солнышка Владимира [женой], назвал бы тебя сучкой гончатой!»

А начало: Дуся Апраксевна хотела, чтобы Тит завладел городом.

60. СУРОВЕЦ

Суровец-богатырь сын Иванович,
Он ездил в поле ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет и по три годы,
Никакой вещи в поле не наезживал,

Ни зверя в поле порыскучего,
Ни птицы в поле летучия.
Он наехал в поле на едину вещь,
Вещь не малую и не великую:
Он завидел в поле сырой дуб,
Един сыр дубище и кривистый,
Он кривистый дуб, жароватый,
У дуба кореньице булатное,
А сучья-ветви позлаченые.
На дубу-то сидит птица вещая,
Птица вещая, перелетная,
Птица млад черен ворон,
Перо его как смола кипит,
А очи его — как свечи горят воску ярого,
А ноги его — как лучи светят,
Как лучи светят, лучи солнечные,
Лучи солнечные и подвосточные.
Богатырское сердце возъярилося,
И горячая кровь воскипелася,
Могучие плечи расходилися,
Его белые руки размахалися,
Вынимал он из налучна свой тугой лук,
Из наколчана — калену стрелу,
И он свой тугой лучишко стал потягивать,
А калену стрелу стал направливать,
А сам ко стрелочке стал приговаривать:
— Полетай ты, моя калена стрела,
Выше лесу, к небу, по-над небесью,
Ты убей на дубу черна ворона,
Черна ворона, птицу вещую,
Птицу вещую, перелетную!
Млад черен ворон приужахнулся,
Выговаривал он русским языком, человеческим,
Русским языком, человеческим:
— Ой ты гой еси, Суровец-богатырь,
Суровец-богатырь сын Иванович,
Ты не бей, не стреляй меня, черна ворона,
Моего-то мяса тебе не наестися,
Крови моей не напитися,
И только осквернишь себя.
Поезжай ты в дальне чисто поле
Ко тому же князю ко Кургану,
Где Курган-князь перевозится,
Перевозится он и переносится
Через матушку через Неву-реку,
Его злые татары — все богатыри,
Приищи себе поединщиков!
Богатырское сердце сокротилося,

Горячая кровь утолилася,
Могучие плечи опустилися.
Он садился скоро на добра коня,
Он стегал коня по крутым бедрам,
Простегал кожу ровно до мяса,
А мясо рвал до белых костей.
Его добрый конь расстервяется,
От сырой земли отделяется,
Он чистое поле на ускок скакал
И крутые горы промеж ног пущал,
А темны леса устилал хвостом.
И прибежал он ко князю Кургану,
Становится в его во белой шатер.
Они пили-ели, веселилися
И, попробовав силы, разлучилися.

61. СУРОВЕЦ

. . .Увидал он на дубу черна ворона,
Выдергивал из налушня тугой лук,
Из тулицы — калену стрелу,
Клал он на тетивицу на шелкову,
Хочет подстрелить черна ворона.
Тут спроговорит ему черен ворон:
— Не стреляй меня, птицу черна ворона,
Не пролей мою кров по сыру дубу,
Не пропорхай мои перья по чисту полю.
Моим черным мясом не наистись,
Моей черной кровью не напитися.
На небе родился светел месяц,
На Руси родился силён богатырь
По имени Суровец Иванович,
По прозванью [!] Олег Ярославцевич.
На Смородине-реке живет Пурга-царь
Со своей шилой бессчетной,
Не пропущает ни конного, ни пешого,
Ни ту было птицу пролетучую,
Ни того было жверя прыскучого.
Не штреляет черна ворона,
Поворачивает коня круто-накруто,
Приезжает (к) своей матушке родимой.
— Ох ты, матушка родимая,
Не пеленай меня (в) пеленки камчатские,
Не клади меня сголовьица пуховые,
Пеленай меня (в) пеленки богатырские,
Давай мне в руки часку палицу
Весом девяносто пуд
Во поездочку держать на Смородину-реку.

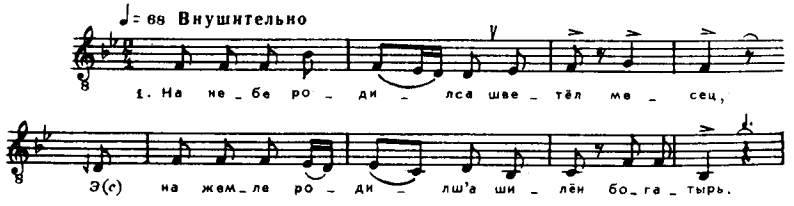
. . .Его вострая сабля затупилась,
Борзомецкое копье призагнулось.
Брал татарина за ноги,
Стал татарином помахивать,
Стал татарину приговаривать:
— Татарские жилы не оторвутся,
Татарское косьё не изломится!
Вперед махнет — переулочек,
Взадь махнет — часты улочки. . .
Кони и олени за круты горы ушли,
Белая рыба испужалася,
(В) глубокие борозды затолкалася.

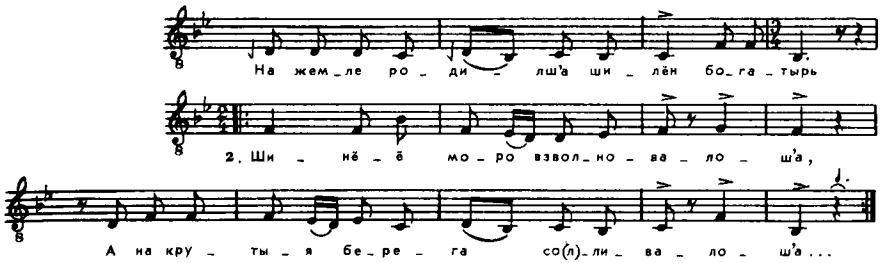
62. СУРОВЕЦ ИВАНОВИЧ И ПУ́РГА-ЦАРЬ

Еще громы грэмэли,
Еще молоньи сверкали,
Була землятрясение —
На небе-че родился свечол мешец,
Еще на Руши родился силен богатырь,
Славной Сурович Иванович,
Яруславной воль [!] Яруславсович.
Тут спроговорет он ронной матушке:
— Ох ты, мать моя родимая,
Не пленай меня в пеленочку камчатую,
Не клади мне сголовьично пуховые,
Набивай мне шляпу хрущата песка
Как не мало, не велико — девяносто пуд,
А лучче съезжу я во чисто поле,
Штрэлять стану, убивать гушей-лебедей.
Давала мать к нему благословенье великое
Еще ехать во чисто поле,
Как штрэлять-убивать гушей-лебедей
Он яхал и пояхал во чисто поле,
Как штрэлял-убивал гушей-лебедей.
Он увидел на дубу пчицу ворона,
Он выдергиват свой лук,
Как из тулча ту киберчату калину стрэлу,
Еще кладет на тетивочку на шелкову,
Еще хочет прострэлить пчицу ворона,
Еще хочет кровь пролить по сыру ду́бу,
Еще хочет перья распорхать по чисту полю.
Тут спроговорел пчица ворон:
— Не стрэляй, говурит, Сурович Иванович,
Моя черная мяша не исть будёшь,
Мою черную кровь не пить будёшь,
Не порхай мои перья во чисто полю,
Не проливай мою кровь по сыру дубу!

Я тебе скажу несгодочку не малую, не великую:
На Смородине-реке стоит Пурга-царь,
Не пропущает ни конного, ни пешего,
Ни казную пчицу полетучую,
Ни кажного зверя порыскучего.
Не стрэлял Сурович Иванович черна ворона,
Поворачивал коня круто-накруто,
Еще яхал (в) силушку бессчетную.
Еще стал его силушку покашивать —
Его вострая сабля притупилася,
Его копье борзумецко призагнулося.
Он хватил татара, стал помахивать,
Стал татару приговаривать:
— Татарские жилы не оторвутся,
Татарское тело не поторкается,
Татарские коски не проломятся!
Как (в)перед татаром махнет —
Часты улицы метет,
Как назадь махнет — переулицы метет.
Ичи(м)-чем татаром силу вшю прибил.
Еще белая рыба перпужалася,
Во глубокие стана собиралася.
Еще волки, олени за круты горы пошли,
Еще зверь котобрас на гору бежал,
Сам шпину изломал.
Вот пеганок-воронок, он в лес бежал,
Само ногу изломал.
Вот Аринушка-Маринушка,
Его матушка волшебница була,
Виходила на красное на крыльцо,
Узнавала через свое волшебство:
Еще на Руши родился богатыр,
Еще на небе родился швечол мешец,
Еще по имени ему Сурович Иванович,
По-другому Ярувславсович.
Само Пургу-цара живком хватал,
Поворачивал коня круто-накруто,
Приезжает (к) своей ронной матушке.

62а. СУРОВЕЦ

1. На́ небе родился шветёл месец,
   (эс)На жемле родился шилён богатыр,
   На жемле родился шилён богатыр.
2. Шинеё моро взволновалош'а
   А на крутыя берега солливалош'а *.
3. Белая риба испугалаш'а
   А на глубокия борозды жбиралаш'а,
   На глубокия борозды жбиралаш'а.

(Исполнительница прекращает пение: «Ой, тут еще чего-то было, забыла... а тут-то чего, ох, забыла...» Затем продолжает.)

4. Не решай ты меня, ты как ш белова ш'вета...

(Пение прерывается: «Э он долзен говорить-то как-то вот как тут, не подходит...» Продолжает петь.)

Э ешли хочешь, Добриня, жмеям скормлю,
О ешли хочешь, Добриня, огнем спалю.

5. О ешли хочешь, Добриня, огнем спалю,
   О ешли хочешь, Добриня, жмеям скормлю.
6. Не решай ты меня, ты как ш белова ш'вета
   А не решай ты меня, На́гу-тицу с ноготёнками.
7. Не решай ты меня, ты как ш белова ш'вета
   А На́гу-тицу с ноготёнками.
8. А уж тебе-ка моим ме́сом не наи́ш'тиш'а
   А уж тебе-ка моей кровью не напи́ш'тиш'а.

63. СУХАНЬША ЗАМАНТЬЕВ

Выезжал Суханьша Замантьев сын
За зайцами, за лисицами,
За теми волками рыскучими.
Случилось ему доехать до быстра Днепра.
Течет быстрый Днепр
Не по-старому и не по-прежнему,
Пожират в себя круты бережка,
Вырыват в себя желты скатны пески,
По-под бережку несет ветловой лес,

* Строфа без изменений повторяется.

По струе несет креновой дуб,
Посередь Днепра несет добрых коней
Со всей приправой молодецкой,
Со всей успехой богатырской.
— Что ты, батюшко быстрой Днепр,
Не по-старому что ты течешь, не по-прежнему?
— Надо мной стоит сила неверная
Того Мамая безбожного,
Идет на дом пресвятыя богородицы,
На славен батюшко Киев-град.
Половина силы переправилась,
Другая половина — на другой стороне:
Черному ворону в ночь силу не окуркати,
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати.
Тут Суханьши ретиво сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися,
Бежал в силу Мамаеву,
Во дне бежал, во втором часу,
И бился-дрался трои суточки,
Не пиваючи, не едаючи.
Куда бежит — тут улица,
Заворотится — переулочек.
Навалил трупов коню до стремена,
Горячая кровь — до-под черева,
В трупах конь не может проскакивать,
(В) горячей крови пропрыскивать.
Тут Суханьшу приобранили,
Дали Суханьше тридцать ран —
Те раны были сносные,
И три раны сердечные,
Сердечные раны, кровавые.
Побежал он из силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочке болотною.
Клал седелышко черкасское
На ту кочку болотную,
Под облако поплавучее
И клал свою буйну голову
На седелышко черкасское.
Выезжал князь Владимир
Во чисто поле погулять
И наехал на Суханьшу Замантьева.
— Ты гой еси, добрый молодец,
Какой ты есть и откудова?
Если верной силы — побратуемся,
А если неверной силы, то переведаемся!
Говорил тут Суханьша Замантьев сын:

— Ты гой еси, батюшко Владимир-князь,
Сословье [так!], солнышко красное,
Ты неужели не узнал Суханьшу Замантьева?
Тут скоро соскакивал князь со добра коня,
Садил Суханьшу на добра коня
И вез его во Киев-град,
Во ту во церковь соборную.
Тут Суханьша покаялся,
И тут Суханьша переставился.

64. СУХАНКО СЫН ТУМАНОВИЧ

Скажу-ко-те, братцы, я старину вам скажу,
Старину скажу и старопрежнею,
Старопрежнею и стародавнею.
У нашего-то у князья велик праздник:
Душенкя князиня — именниница.
Собирались к ней князья-бояры,
Князья-бояры и могучие и богатыри.
Князь-ту по горенке похаживает,
Князь-ту по светлои по светлице погуливает,
Из речей-ту етот князь выговаривает:
— Чем же вас князинушкя будет потчивать,
Чем же вас князинушкя будет чествовать?
Не случилось у князинушка серой утицы
И не случилось лебядки белою.
Хто бы из вас, братцы, съездил на сине море
И на те же морски на тихия заводи,
И на те же на глубокия ржавчины,
Поймал бы хто лебядку белою
И без той бы без раны и без сердешною,
И без той-ту раны и без кровавою,
Не выпустил бы хто крови горячую?
Большей-от за меньшого хоронится,
От меньшего богатыря ответу нет.
Не из большого стола и не из меньшего,
Из того-ту из стола из середнего,
С той-ту со скамеенки белодубовою
Выходил, говорит, дородной добрый молодец
По имени Суханко сын Туманович:
— Разе я, братцы, говорит, съезжу на сине море
И на те же морския тихия заводи,
И на те же на глубокия на ржавчины,
Поймаю я ту лебядку белою
И без той-ту я раны и без сердешною,
И без той же без раны и кровавою,
И не выпущу я кровь горячую.
Налевай-ко ты мне чару зелена вина,

Небольшую-то чару — полтора ведра!
Выпивал-ту ету чару на единый дух.
Пошел-ту Суханко на конюшный двор,
Имал-ту себе Суханушко добра коня
И не зауздывал коня, и не заседлывал,
Не брал с собой Суханушко ни палицу,
И не брал с собой Суханушко вострa копья,
Только взял с собой Суханко плеть шелковую.
Простегивал коня до чэрна тела.
Его же добрый конь стал рассержатися,
От сырою от земли стал отделятися,
Скакал же его конь с горы на гору,
А мелкое раздолье между ног пускал.
И приехал Суханко на сине море
И на те же морские тихия заводи,
И на те же на глубокия ржавчины,
Поимал-ту Суханко лебядку белою
И без той-ту раны и без сердешною,
И без той-ту раны и без кровавою,
И не выпустил Суханко крови горячую. . .
Подымалась туча чэрная,
Туча чэрная и туча грозная,
И сила неверная. . .
Опускали в Суханку с горы стрелы:
— Лети, говорит, калена стрела,
Не на воду, не на землю,
А пади, говорит, Суханку в белыя груди! . . .
Все же приехал Суханко в кружку [?] свою и принес лебедь белу.

65. СУХАН СООБЩАЕТ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ О НАШЕСТВИИ

Как у солнушка було у Врадимира
Пирование було великое,
Еше все були пьяны и веселы.
Не случился тут Сухман сын Дамантьевич.
Еще ездил-то Сухан во чисто поле,
Далее того — за сине моро,
Он заслышал там рать-силу великую,
Великую силу заслышал незнамую.
Поднимается сорок царей, сорок царевичей,
Поднимается сорок королей, королевичей,
Что под каждым царом, под царевичем
И под каждым королем, королевичем
Силы по три тьмы, по три тысячи,
Что набольший у них Тит Фарафонтьевич,
Что под самим-то под Титом силе счету нет.
Еще хвалится Тит, похваляется:
— Стольной Киев я град на заре пройду,

Вид Среднеколымского острога

Резцовая гравюра К. В. Ческого с рисунка А. А. Воронина
(Из издания: Сарычев Г. Путешествие по Северной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1792 год. — Спб., 1802)

Божьи церкви все в огне спалю,
Девий монастырь на конюшню возьму,
Солнушко Врадимира во котле свару,
А душеньку Евпраксию за себа возьму!
Поворачивал Сухан коня круто-накруто,
Поездку он держал ко солнушку Врадимиру.
Приезжал-то Сухан (к) солнушку Врадимиру,
Отворал он двери на пяту,
Закрывал-то он двери крепко-накрепко,
Он крест-то клал по-писаному,
Он поклоны давал по-ученому,
Уж он кланялся на все четыре стороны,
А солнушку Врадимиру — по особице,
А душеньке Апраксии — пониже всех.
— Ох ты, батюшко Врадимир-князь,
Ты не знаешь над собой да распобедушку!
Еще бул я, Сухан, во чистом поле,

Еще далее того — за сине море,
Еще слышал я рать-силу великую,
Великую силу видел (в)незапную.
Поднимается сорок царей, сорок царевичей,
Поднимается сорок королей, королевичей,
Что под каждым царом, под царевичом,
Что под каждым королем, королевичем
Еще силы по три тьмы, по три тысячи.
На большине Тит Фарафонтьевич,
Что под самим-то под Титом силы — счета нет.
Еще хвалится Тит, похваляется:
«Стольной Киев я град на заре пройду,
Божьи церкви все в огне спалю,
Девий монастырь на конюшню возьму,
Солнушко Врадимира в котле свару,
А душеньку Апраксию за себе возьму!»...

66. ТУРЫ

...Ах вы, два тура, братцы златорогие,
Два братца, верно, родимые,
Мать у них турица златорогая.
[Отплывали от бережка от прикрутого,
Приплывали ко песку ко сыпучему.]
Вышла-выходила иха матушка.
— Ах вы два, вы два тура златорогие,
Где вы були, где вы побули
И чего вы видели, чего слышели?
— А мы були во Шахове да во Якове,
Польскую землю во полночь прошли,
В стольной Киев-град на заре пришли,
На той же заре ранной, заре утренной
И в ту же заутрэну благовещенску.
Вошли мы во божью церкву богу молитися,
Этакое диво мы, матушка, не видели,
Этакое чудо мы, родная, не слышели:
Из права алтара вышла красна девица,
У ней русая коса до пояса,
У ней очи ясны, как у сокола,
Черны брови у ней, как два соболя,
Лицом бела, щеки как две маковицы,
Во руках держит книжку евангеле,
Она чтет евангеле, как река текот.
[И сама она плачет, как река текот,
Возрыдает она, как погода бьет.]
— Ах вы дети мои родимые,
То вышла не девица, не красная,
А то сама мать пресвятая богородица,

Она слышит над Киевом не(в)згодушку,
Ну не(в)згодушку-то она знает не маленькую. . .
Подымает Идолище четырнадцать голов,
Хочет сбить-спалить стольной Киев-град,
Пресвятую богородицу на огонь спустить. . .
Ах вы дети мои, дети милые,
Заступите вы за стольной Киев-град
И за мать пресвятую богородицу! . . .

67. ВАСИЛИЙ ПЬЯНИЦА

Плавятся-переплавляются через сине море
Два тура однорогие,
Златорогие и одношерстные.
Стречает их родная матушка турица,
Однорогая и златорогая, и одношерстная:
— Вы здравствуйте, детушки родимые!
— Благодарствуем, матушка родимая!
— Где же вы, туры, побыли и где пожили?
— Были мы в Ахте-городе и в Арахове,
Во славном стольном городе во Киевым,
У той были церкви соборныя.
Выходила душа красна девица,
Выносила на руках мала вьюноша,
Клала она на горюч камень,
Сама жалела, слезно плакала.
Мать говорила:
— Глупые вы, туры, неразумные,
По лесу ходите — не знаете вы зверей,
По людям ходите — не знаете вы людей.
Не душа к вам красна девица выходила,
Выходила к вам мать пресвятая богородица,
Выносила на руках книгу евангелье,
Клала она на престол Христов,
Сама бы жалела и слезно плакала.
О вы, детушки родимые,
Постойте за столь(ный) Киев-град
И за дом пресвятую богородицу,
За ту же церковь соборную!
Наступает собака Подольский царь
Со своей со силою со неверною,
Со неверною силою с бусурманскою,
У него силы много множество:
Во межевый день черно ворону не облетати,
Во темную, в осенную ночь
Серому волку не обрыскати.
Никого во Киевым не годилося,
Ни князей, ни бояров,

Ни русских сильных богатырей могучих.
Весма князь закручинился,
Повесил свою буйну голову
Во батюшка во кирпичен пол.
Кручиной ему не откручиниться,
Печалью ему не отпечалиться.
Посылал он слуг верных
По Васеньку голь кабатскую.
Слуги не ослушались, тотчас пошли:
— Ступай-ко, Васенька,
Тобя князь зовет.
— На что он меня зовет, на что требует?
На то Васька не ослушался,
Приходит ко князю ко Владимиру:
— На что ты, князь, звал, на что требовал?
— Сослужи-ко, Васенька голь кабатская,
Службу несносную!
Наступает собака Подольский царь
Со своей силой со неверной, с бусурманскою,
Силы у него много множество. . .
Берет Васенька узду тесмянную,
Выходит Васенька голь кабатская
Ко князю на конюшну,
На которого коня руку накинет — накорачь падает.
Выбрал он по себе коня доброго,
Надевает узду тесмянную,
Накладывает ковры сарачинские,
Седлает он седелышко черкатское,
Шелковых двенадцать подпруг,
Но не для красы — ради крепости.
Берет палицу буевую пятьдесят пудов,
(В)стает он во стременошко булатное,
Садился во седелышко черкатское,
Выбегает он во далече, чисто поле,
Забегает он в силу бусурманскую.
Вперед бежит — делает улицу,
Повернется — делает переулочек.
Выбивает силу бусурманскую.
Бусурманской царь во побег пошел,
За ним Васенька погнался.
Провещился конь мудрым человеческим языком:
— Не бегай, Васенька голь кабатская,
В землю бусурманскую,
Не бегай в землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра-мудра,
Не быть нам обоим живым!
Обратился Васенька во Киев-град,
(В)стречает Васеньку Владимир-князь

С честью, с радостью:
— Чем я тобя, Васенька, буду жаловать?
Возьми ты города с пригородками,
Возьми терема с притеремками!
— Не надо мне города с пригородками,
Не надо терема с притеремками,
Отдай мне три погреба:
Первый погреб — зелена вина,
Второй погреб — пива пьяного,
Третий погреб — сыты медвяной.
— За тем тобе, Васенька, слова нет!

68. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Не пыль в поле пылится,
Не туман с моря подымается
Не грозна туча накатается,
Не из той тучи маланья сверкат, —
Подымалась силушка зла неверная
Калина-царя Тугарина.
Семьдесят было царевичей,
У Калина-царя по три тьмы,
По три тьмы, по три тысячи.
Стоит собака неподалеку,
От Киева за семь верст,
Разбивал лагерь ровно за сто верст,
Сам ставал середи силы,
Середи силы, середь лагерю.
Он разбил шатер бел полотняный,
Он сбирал царей, всех царевичей,
Всех своих королевичей,
Он думает думу крепкую,
Думу крепкую, заединую.
Садился скоро на ременчат стул,
Писал ерлык скорописчатый,
Не пером писал, не чернилами,
А на бархате красным золотом.
Выбирал собака посла грозного:
— Ты поди, посол, в стольный Киев-град,
Ты не спрашивай приворотничков,
У его дверей придверничков,
Ты скачи во град бездокладышно,
Станови коня середи дворца,
Входи в полаты не моляся,
А Владимиру-князю не кланяйся,
А ты кидай ерлык на дубовый стол,
Проси силы сорок тысячей,
А не то проси стольный Киев-град,

А не то проси дочь любимую.
Тут собака не ослушался,
Скакал собака в стольный Киев-град,
Не спрашивал приворотничков,
У его дверей придверничков,
Скакал во град бездокладышно,
Становил коня середи дворца,
Входил в полаты не моляся,
А Владимиру-князю не кланялся,
Кидал ерлык на дубовый стол,
Просил силы сорок тысячей,
А не то просил стольный Киев-град,
А не то просил дочь любимую.
Тут-де Владимир закручинился,
Весьма-де Владимир опечалился,
Повесил буйную головушку,
Опустил очи в мать сыру землю:
— Нет-то теперича помощничков
И за Киев-град нет пристателей,
Нет сильных могучих богатырей,
Ни Илюшеньки, ни Алешеньки,
Нет Добрынюшки, нет Никитича!
Не успел Владимир думу сдумати,
Не ясен сокол перелетывал,
Не белый кречет перепорхивал, —
Приезжал добрый молодец,
Старой казак Илья Муромец.
Приезжал он скоро на широк дворец,
Соскакивал с добра коня,
Привязывал коня к дубовому столбу.
Ко тому ли колечку злаченому.
И входит в полаты потихошеньку,
Отпирает двери помалешеньку,
Чтит да крестит лицо белое,
Чудным образам богу молится,
А Владимиру-князю низко кланятся:
— Ой еси ты, батюшка Владимир-князь,
А светлое солнце, наш киевский,
Что же ты весьма закручинился,
Что же ты весьма запечалился
И повесил с плеч головушку?
Ото сна ли Владимир пробуждается:
— А, старой казак Илья Муромец,
Правая моя верна рученька!
Не знаешь невзгодушки над Киевом:
Нападает собака тут Калин-царь,
Он просит силы сорок тысячей,
А не то отдать стольный Киев-град,

А не то отдать дочь любимую.
— А это что у те за гость сидит,
А это что у те за болван стоит,
А этот болван неотесаный,
Неотесаный, да и не оскобленый?
Нечего было собаке делати,
Выходил собака на красно крыльцо,
Скакал собака на добра коня,
Убежал собака к Калину-царю.
И возговорил Илья Муромец:
— Ах ты, батюшка наш Владимир-князь,
Ты бери свои золоты ключи,
Отпирай свои золоты ларцы,
Нагребай мисы чиста серебра,
Нагребай мисы красного золота,
Нагребай мисы скатного жемчуга,
Я поеду к Калину-царю со подарками,
Просить нам сроку на три дни,
На поправушку собрать дружину хоробрую.
Кланялся он Калину-царю подарками,
Просил сроку на три дни,
А не дает собака на три часа.
Тут Илье за беду стало,
За злую досаду показалося.
Забежал он в силу неверную,
Где махнет, тут и площади.
Закричал собака Калин-царь:
— Все мои царевичи,
Все мои королевичи,
Копайте колодцы глубокие,
Хватайте доброго молодца,
Старого казака Илью Муромца!
Первый колодец его бог пронес,
Второй колодец его конь пронес,
А в третьем колодце спотыкается.
Нападала сила неверная,
Связали рученьки белые,
Сковали ноженьки резвые,
Привели к собаке Калину-царю.
Возговорил собака Калин-царь:
— Отведите на поле широкое,
Отрубите от плеч буйну головушку!
Сидит при Калине любимый сын,
Говорит ему таковы слова:
— Государь ты мой, батюшка,
Не губи молодца понапраслину,
Не руби ему буйной головушки,
А проси из чести, из милости,

Как служил царю белому,
Царю белому, князю Владимиру,
Так бы и нам послужил.
Стал его просить Калин-царь:
— Послужи нам верой-правдою,
Как служил князю Владимиру.
— А кабы была при мне сабля острая,
Послужил бы я на твоей толстой шее!
Тут царю за беду стало,
За злую досаду показалося,
Соскакивал на ноги резвые,
Бил Илью по белу лицу,
Избивал лицо его до крови.
Тут Ильюшенька возговорил:
— Ах, мать божья, богородица,
Что ты на меня прогневалась?
Разводил он рученьки белые,
Разорвал чумбуры шелковые,
Разломал железы немецкие,
Поймал татарина трех сажен,
Ходил с ним три суточки.
И вышел Илья на Алтай-гору,
Натягивал свой тугой лук,
Стрелял стрелки каленые,
Ко стрелкам он приговаривал:
— Полетайте, стрелы, высокошенько,
Высокошенько и далекошенько,
Не падайте ни на воду, ни на землю,
А падите Алеше во белый шатер,
Падите Алеше на белую грудь!
Взял Алешенька стрелочку,
И так Алешенька возговорил:
— Кто-то над нами шутку шутит,
Шутку шутит или насмехается!
Стал Алешенька повертывать,
Сквозь слезы поговаривать,
Добрыне Никитичу письмо писать:
«Наш-от брат во поиманьи,
Старой казак Илья Муромец».
Не успел он выспаться, они сбежалися,
Били они силу неверную,
Только оставили одного мальчика,
Любимого сына Калина-царя.
И приехали к князю Владимиру со славою,
Была гульба, борьба и кулачный бой,
Владимир-князь их потчивал,
Три дня гуляли, веселилися.

Поднимался собака злой Калин-царь,
И с ним было силушки сорок царей со царевичем
И сорок королей с королевичем,
У каждого царя силы по три тысячи,
И с самим царем — силы не сказано.
И подступал он под стольный Киев-град,
И ехал через матушку Неву-реку,
Становился на луга на зеленые,
Разоставливал белы шатры полотняны
И стал в шатрах опочев держать.
Не спится собаке, вдвое грезится.
Выходил собака из бела шатра,
Говорил собака таковы слова:
— Гой если, мои слуги верные, сорок царей,
Несите мне ременчат стул,
Станемте мы думушку думати:
Кого мы пошлем в стольный Киев-град?
А есть у нас татарин трех сажен,
В толщину татарин шести аршин,
У него голова, как сенна копна,
У него глаза, как пивны ковши,
Промежу глазами — калена стрела,
Промежду ушами — туг зеленый лук.
И тут татарин не ослушался,
Бежит татарин в стольный Киев-град
К ласкову князю Володимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву,
Бежит на улицу на широку
И воходит во палату белокаменну.
Богу собака не молится
И ласкову князю не кланятся,
И сам говорит таковы слова:
— Сгой еси ты, ласковый Владимир-князь,
Сдавай ты нам стольный Киев-град
Без бою, без драки и без рубежа,
Без того кроволитья напрасного,
Девок, баб мы пленницам выловим,
Самого князя в полон возьмем!
Тут-то Владимир-князь испужается,
Его резвые ноги подсекаются,
И белые руки опустилися,
И буйна голова зачем с плеч не катится.
Есть у матушки у Невы-реки
Ездит-де удалый добрый молодец,
Под ним добрый конь, как бы лютый зверь,
И сам на коне, как сокол, сидит,

По имени старый казак Илья Муромец,
И сам он говорит таковы слова:
— Что ты, матушка Нева-река,
Не по-старому течешь, не по-прежнему,
Посередь тебя струечка кровавая?
Будто провещует матушка Нева-река
Старому казаку Илье Муромцу:
— Ехал по мне злой Калин-царь,
Злой Калин-царь сын Смородьевич,
Подступал он под стольный Киев-град,
Становился он на луга на зеленые,
И просит он у князя поединщика.
И тут старому за беду стало,
Поворачивал он своего добра коня,
Поворотил свое лицо белое,
И бежит он скоро в стольный Киев-град
И ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву.
И бежит он на улицу на широку,
И соскакивал старой со добра коня,
Не спрашивал у ворот приворотников,
Не спрашивал у дверей придверников,
Отворял он двери помалешеньку,
Запирал он двери потихошеньку,
Входил он во светлую во светлицу,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
И со душечкой со княгинею!
Князь не может ему ответу дать.
— Что это у те что за болван стоит,
Болван стоит да неотесаный?
Взял поднял свою черну шляпу
И ударил татарина поганого,
И прошиб он стену белокаменну,
И улетел татарин за три версты,
За три версты пятисотные.
И тут князь возрадуется,
Наливает он чару зелена вина,
Немалую чару — в полтора ведра,
Дает чару Илье Муромцу.
Принимает старый единой рукой,
Выпивает старый единым духом.
Отошедши, старый поклоняется.
И говорит ласковый Володимир-князь таковы слова:
— Сгой еси ты, старый казак,
Старый казак Илья Муромец,
Послужи ты мне верой-правдою,

Верой-правдою неизменною —
Согони ты собаку зла Калина-царя
Со моего поля зеленого!
Говорит князю Илья Муромец:
— Послужу я тебе верой-правдою,
Верой-правдою неизменною,
Только дай ты мне благословенье.
И садился старый на добра коня,
И едет он в церковь соборную,
И входит он в церковь соборную,
И ставил он свечу воску ярого
Перед матерью пресвятой богородицей,
И сам ставал на колени,
И поднимал свои руце кверху:
— И мати божья, пречистая богородица,
Пособи ты мне согнать зла Калина-царя,
За твой я дом стою — церкву соборную
И за тебя, мать пресвятая богородица!
И встал, и пошел из церкви соборныя.
И садился он на добра коня,
И едет он ко своей матери родимыя.
И мать его выходит на красно крыльцо,
И встречат она сына на радостях.
— Здравствуешь, моя матушка родимая!
Здорово ты живешь, здоровешенько?
— Я, милый сын, здорова и здоровешенька,
Дак у нас, у ласкова князя Володимира
Не так здорово:
Подступал собака злой Калин-царь,
И просит он поединьщика.
— Дак благословляй ты, матушка родимая,
Мне съездить согнать царя Калина,
Согнать со чиста поля!
Ну и зачал он по силе поезживать,
И зачал татар поколачивать,
И куда едет — делат улицу,
И куда повернет — переулички.
И злые татары — сдогадливые,
И копали они шанцы глубокие,
И становили в них сабли вострые.
Первый шанец конь перескочил,
Второй шанец бог перенес,
В третий шанец конь вскочил,
Сабли в шанце раздвоилися.
Тут татары задавили Илью Муромца
И связали ему руки белые,
Сковали ему ножки резвые,
И ведут его к царю Калину.

И бьет его Калин-царь по белу лицу.
И бегает его маленький Калинёночек,
Калинёночек, маленький цареночек:
— Не довлеть тебе молодца бить по белу лицу,
И тебе лучше бы молодца уговаривать.
Тут-то молодцу за беду стало,
Поднимат он кверху руки белые:
— Спас ли ты, боже милостивый,
За твой я дом стою, пресвятая богородица!
Не попало старому казаку Илье Муромцу,
Не попало палицы боевыя,
Не попало ему сабли вострыя,
Не попало копья мурзамецкого,
Встряхнулся — ничего не стало на нем,
Попал ему татарин трех сажень,
И сохватал он татарина за резвы ноги,
И стал по силе похаживать,
И зачал татар поколачивать,
Поколачивать силу татарином.
И куда идет — делат улицу,
Во сторону вернет — переулички.
И согнал собаку со чиста поля.

70. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

У ласкова князя у Владимира
Заводится пир на веселе.
Собиралися князья-бояра,
Сильные могучие богатыри
И вся поляница удалая.
Заводится пир в по́лупи́ре,
Сахарные кушанья — в по́луку́шанье,
Питья медвяны — в по́лупи́тье,
Стали бояра наедатися,
Стали они напиватися,
Стали бояра призахвастываться:
Кто хвастает чистым серебром,
Кто хвастает красным золотом,
Кто хвастает скатским жемчугом,
Кто хвастает золотой казной.
Князь Владимир им на это говорит:
— Полно вам, бояра, хвастати!
Стану я вас дарить и жаловать:
Кого буду дарить чистым серебром,
Кого буду дарить золотом,
Кого — скатским жемчугом.
Тут-то стала говорить княгиня:

— Ты гой еси, батюшка Владимир-князь,
Всех ударил и ужаловал,
А одного удалого добра молодца
Не даривал и не жаловал —
По имени Илью Муромца.
— Ты глупая, княгиня, неразумная,
Подарю удала добра молодца
Теми дарами, которые мне пришли
От татарина от бусурманова,
Подарю я его той шубой соболиною!
Илья Муромец берет шубу за един рукав
И бьет о кирпищат пол,
Сам к шубе приговаривает:
— Вели мне бог шубу бить о кирпищат пол,
Велит ли мне бог бивать татарина бусорманова?
Тут князья и бояра подмолвились:
— Гой еси, батюшка Владимир-князь,
Всем-то нам твои дары по любви пришли,
Одному-то удалому молодцу дары не по любви пришли —
По имени Илье Муромцу:
Он берет шубу за един рукав
И бьет о кирпищат пол,
И сам к шубе приговаривает:
«Велел бог бивать шубу о кирпищат пол,
Велит ли бивать князя Владимира?»
Тут-то князь Владимир вскричал:
— Вы гой еси, слуги верные и неизменные,
Скурлаты мои немилосливые,
Возьмите-ко удалого доброго молодца
По имени Илью Муромца,
Поведите его на горы на высоки,
Бросьте его в погребы глубокие,
Задерните решетками железными,
Завалите чащей, хрящем-камнем!
Тут взяли удалого молодца
Скурлаты немилостливые,
Повели на горы на высокие
И бросили в погребы глубокие,
Задернули решетками железными
И завалили чащей и хрящем-камнем.
Княгиня была сдогадливая,
Копала под своего дому подкопы
Под те погребы глубокие
И поила, и кормила удалого молодца
Илью Муромца ровно три года.
Через три года накатилась сила неверная
Того было царя Калина,
Обстала престольный Киев-град

Вокруг на шестьдесят верст.
Тут весьма князь Владимир закручинился и запечалился,
Повесил буйну голову на праву сторону,
Потупил очи ясные в кирпищат пол.
Тут ему княгиня подмолвилась:
— Что ты, батюшко Владимир-князь,
Закручинился и запечалился,
Повесил буйну голову на праву сторону,
Потупил очи ясны во кирпищат пол?
— Гой еси, княгиня неразумная,
Накатилась на нас сила неверная
Того было царя Калины,
Обстала престольный Киев-град
Вокруг на шестьдесят верст.
Нет у нас стоятеля и оберегателя —
Удалого доброго молодца Ильи Муромца!
Княгиня говорит:
— Ты гой еси, батюшко Владимир-князь,
Ты скричи своим слугам верным и неизменным
Скурлатам немилостливым,
Чтобы сходили они на горы на высоки,
Развалили чащи и хрящи-камни
И отворили решетки железные,
Посмотрели бы удалого доброго молодца
По имени Илью Муромца,
Не жив ли он.
— Ах ты, глупая, княгиня, неразумная,
Сними-ко себе буйну голову,
То приростет ли она снова?
Так точно через три года
Будет ли он жив?
Она на это сказала:
— Ты пошли, он жив, удалой доброй молодец.
Тогда он вышел на красно крыльцо
И вскричал своим слугам верным и неизменным:
— Вы гой еси, слуги верные,
Вы подите на горы на высокие
И развалите чащи и хрящи-камни,
Раздерните решетки железные
И посмотрите, жив или нет Илья Муромец.
Пошли слуги на горы на высокие,
Развалили чащи и хрящи-камни,
Отворили решетки железные и вскричали:
— Ты гой еси, удалой доброй молодец
Илья Муромец,
Жив ты или нет?
Он отвечает:
— Жив я, удалой доброй молодец Илья Муромец.

И повели его к князю Владимиру.
— Ты гой еси, батюшко великий князь,
Нет у меня коня доброго
И всей сбруи богатырскою.
Тут ему князь приказал привести
Его коня доброго
И принести палицу боевую,
Саблю вострую, копье бурзомецкое.
Седлал Илья Муромец коня доброго,
Надевал на себя всю сбрую богатырскую,
Садился в седелечко черкасское,
Говорил князю Владимиру:
— Ты гой еси, батюшко великий князь,
Подай-ко мне своих изменщиков!
Привели к нему изменщиков,
И посек он им буйны головы. . .
Побежал он в силу неверную,
Бегал по силе день до вечера,
Темную ночь до бела света.
Второй день бегал до вечера,
Вторую ночь до бела света.
Третий день бегал до вечера
И третью ночь до бела света,
И порешил он тогда силу неверную.
Прибежал домой и спал трои сутки.

71. КАЛИКА ЧИТАЕТ ГОЛУБИНУЮ КНИГУ

Не ковыль-трава в поле шатается,
Не вешна вода разливается,
Шла калига по чисту полю.
У калиги была шуба черных соболей,
Покрыта была шуба гармазин-сукном,
У калиги были посошок кипарис-древа,
У калиги сапожки сафьянные, гвоздочки булатные,
У калиги чулочки шелковые.
Увидала калига — три сара идут:
Кудреванко сар Кудреванович,
Болотонко сар Болотонович,
Федосейко сар Федосеевич.
Тогда выпадала с неба книга Голубиный свет.
(В) долину была книга сорока сажен,
В ширину была книга тридцати сажен,
В толщину была книга — печатна сажень.
Тут спроговорит калига перехожая:
— Кудреванко сар Кудреванович,
Вожми эту книгу единой рукой,
Прочитай ты эту книгу единым духом
И расскажи ты эту книгу по-ученому и по-писаному. . .

72. КАЛИКА ЧИТАЕТ ГОЛУБИНУЮ КНИГУ

Шла наша калига перехожая, переезжая.
На калиге шубка гармажин-сукна,
У калиги кушачок шелку разного шемахинского,
У калиги строска кипарис-древа.
Не кобель-трава в поле шатается,
Не вешна вода разливается,
Попадает калига на гору,
На гору, гору высокую.
Увидает калига — ходят три сара,
Три сара, три саревича:
Кудреванко сар Кудреванович,
Федосейко сар Федосеевич,
Олотомин сар Олотомонович.
Выпадала книга Голубельный свет.
(В) долину книга тридцати сажен,
(В) ширину книга двух сажен,
(В) толщину книга — печатна сажень.
Спроговорят калиге ети три сара:
— Вожьми, калига, эту-ту книгу,
Читай эту книгу единым духом.
Спроговорит калига единым духом:
— Хоть и (в)жять мне книгу—
Не поднять будёт, не прочитать будёт;
Хоть прочитать будёт — не рашкажать будёт.
Спроговорят ети три сара:
— Читай хоть три листа.
Читал калига эти три листа,
Эти три листа и ровно три года.
От етой же книги зачалса белой швет,
И зачалася мать шыра жемля,
И зачалося красно сольнышко,
И зачался свет светёл мешяц,
И зачалася мать плакун-трава,
И зачалася мать Ердань-река.

73. КАЛИКА ЧИТАЕТ ГОЛУБИНУЮ КНИГУ

Шла-то наша калига пэрэхожая, пэрэезжая.
У калиги шуба кармазин-сукна,
У калиги стростка кипарис-дрэво.
Не кобель-трава в поле шатается,
Не вешна вода разливается.
Попадает калига на гору, гору высокую,
Увидал калига — ходьят тры цара:
Кудрэванко цар Кудрэванович,
Федосеев цар Федошеевич,

Болотомен цар Болотомонович.
Как от той було стороночки (в)осточною
Подымалась туча грозная —
Випадала книга Голубельный швет.
В долину книга сороких сажень,
В ширину книга тридцатыих сажень,
В толщину книга — печатну сажень.
Тут спроговорэт калиге эти тры цара:
— Читай, калига, эту-ту книгу.
Тут спроговорэт калига эти(м)-чэм тры цара:
— Хочь мне вжять будёт, не поднять будёт,
Хочь читать будёт, не прочитать будёт.
— Читай, калига, хоть и тры листа.
Читал калига эти тры листа ровно тры года.
Писал эту книгу сам Исус Христос.
От этой книги вжялся белой швет,
От этой книги — красно солнишко,
От этой книги — как шине моро,
От этой книги — как плакунь-трава.

74. КАЛИКА ЧИТАЕТ ГОЛУБИНУЮ КНИГУ
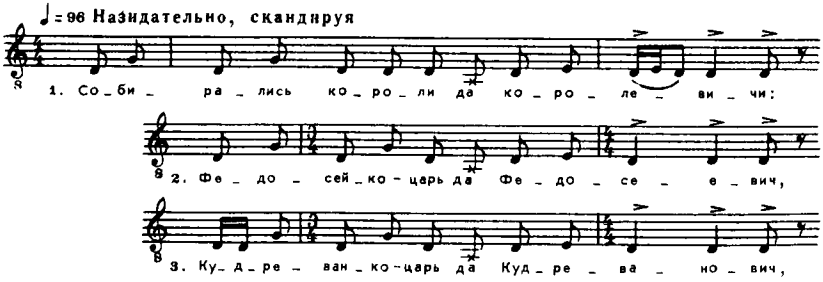
Шел калига с гори на гору на высокую.
У калиги шуба гормажин-сукна,
У калиги шапка черных соболей,
У калиги-то сапожки зеленый сафьян,
У калиги посошок кипарис-дрэво,
Кипарис-дрэво — вшем дрэвям дрэво.
Увидат калига — стоят три цара:
Федошейко цар Федошеевич,
Волотоман цар Волотоманович,
Кудреванко цар Кудреванович.
Випадала книга Голубельный цвет.
Навокруг-то книга — сорок сажень,
(В) вишину та книга — три печатные.
Спроговорит калига:
— Федошейко цар Федошеевич,
Ти бери-то книгу единой рукой
И читай-то книгу на единый дух.
— Мне не вжять будет книгу, не прочать [!] будет.
Спроговорит калига:
— Ви, цар Волотоманович,
Ти бери-то книгу единой рукой
И читай-то книгу на единый дух.
— Мне не вжять книгу, не прочать будет.
Берет калига книгу единой рукой
И читает книгу на единый дух:
От чего зачался у нас белый свет,
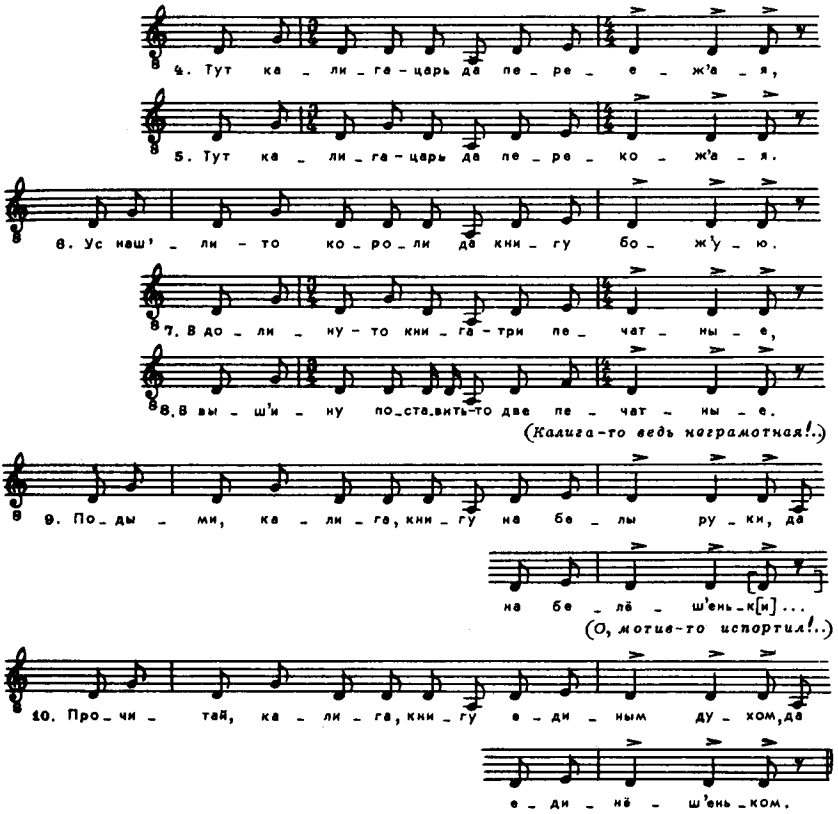
От чего зачалось красно солнишко
И зачались часты звездочки,
Зачалась мать плакунь-трава —
От того от поту от конинога
И от воздыхания человеччего.

75. КАЛИКА ЧИТАЕТ ГОЛУБИНУЮ КНИГУ

Шел-то калига с горы на гору,
У него-то посошок кипарис-древа,
Кипарис-древо — да вшем древам древо,
У него шляпа черных соболей,
А шуба — гармазин-сукна.
Идет с горы на гору-де.
Випадает книга Голубельной швет.
А вокруг-то книга сороки сажен,
А (в) вишину-то книга — три печатныя.
Вокруг три сара стоят:
Волотомко сар Волотомович,
Ходошейко сар Ходошеевич,
Кудреванко сар Кудревановић.
Калига-то говорит:
— Берите эту книгу единой рукой
И читайте эту книгу на единой дух.
Они говорят:
— Нам не взять будет и не прочясть будет.
Берет этот калига книгу единой рукой
И читает эту книгу на единой дух:
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачалось красно сольнишко,
От чего зачалась мать благун-трава —
От того от поту от кониного,
От здыхания человечьёго,
И дальше не знаю.

76. КАЛИКА ЧИТАЕТ ГОЛУБИНУЮ КНИГУ

Собирались короли да королевичи,
Собиралися цари да все царевичи,
Находили короли да на золотой горе,
Уж нашли да короли да книгу божию. . .
Собирались короли да королевичи:
Федосейко царь да Федосеевич,
Кудреванко царь да Кудреванович,
Тут калига-царь да переежжяя,
Тут калига-царь да перехожяя.
Уж нашли да короли да книгу божьюю.
В долину́-то книга — три печатные,
(В) вышину поставить-то — две печатные. . .
(Калига-то ведь неграмотная!. .)
— Подыми, калига, книгу на белы руки да на белёшеньки,
(О, мотив-то испортил!. .)
Прочитай, калига, книгу единым духом да единёшеньком.
— Не поднять мне книгу на белы руки да,
Не прочитать мне книгу единым духом да единёшеньком.

Они спрашивают:

— От чего зачалось красно сольныско,

От чего зачался белый свет?

— От того зачалось красно сольныско —
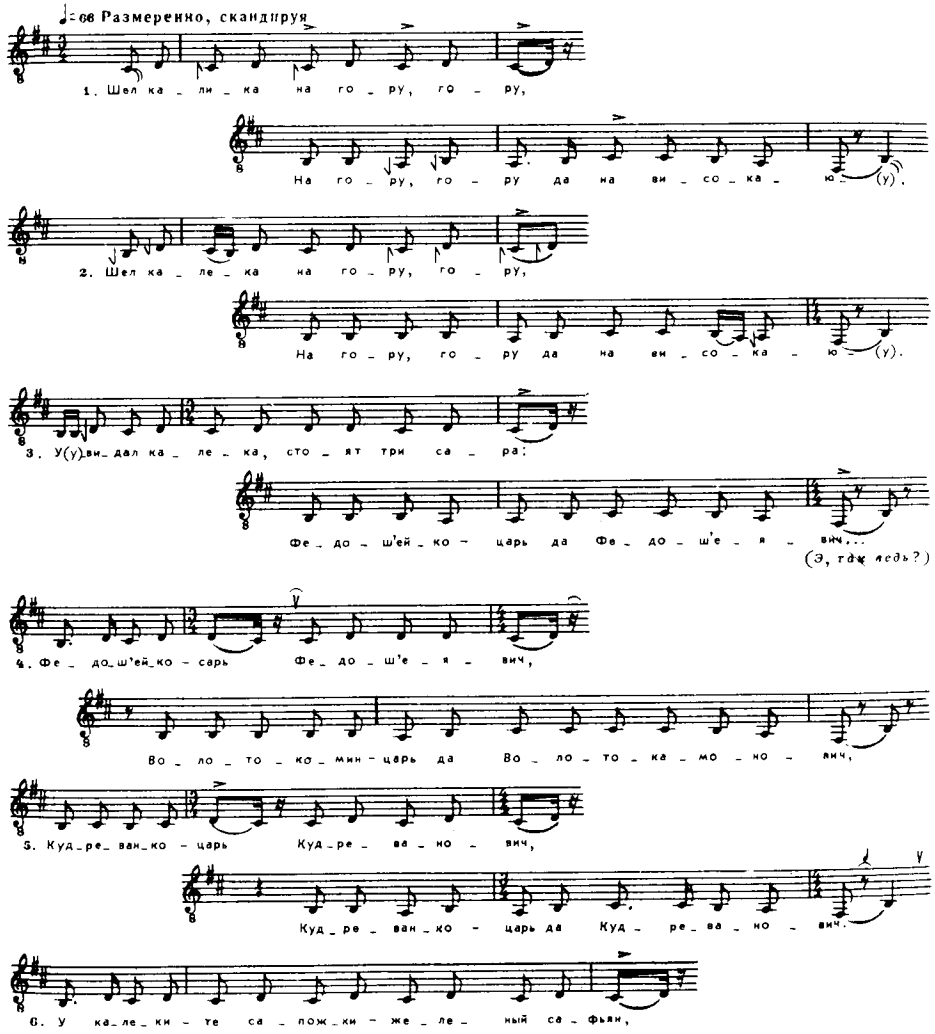
От конского поту, от здыхания.
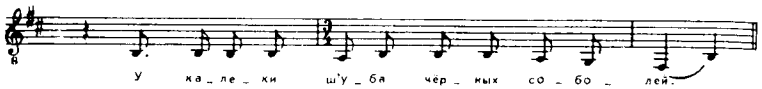
От того зачался наш-то белый свет —

От человечьего пота, от здыхания.

Это все-то вранье... как такая большяя книга ведь... Ну они соби, двенадцать королей ходили вот. Вот они нашли эту книгу на золотой горе...

76а. КАЛИКА ЧИТАЕТ ГОЛУБИНУЮ КНИГУ

1. Шел калика на гору, гору,
   На гору, гору да на високаю
2. Шел калека на гору, гору,
   На гору, гору да на високаю.
3. Увидал калека стоят три сара:
   Федосейко-сарь да Федосеявич.
   (Э, так ведь?)
4. Федосейко-сарь Федосеявич,
   Волотокомин-сарь да Волотокамонович.
5. Кудреванко-сарь Кудреванович,
   Кудреванко-сарь да Кудреванович.
6. У калеки-те сапожки — желеный сафьян,
   К калеки ш'уба — черных соболей,
7. У калеки-те сапожки — желеной сафьян,
   У калеки-те сапожки — э, черных со. . .
   (Замешалась. . .) черных соболей.
   (Охто, охто же, охто с тросточкой?)

Аграфена Николаевна Щелканова (1908 г. р.)
Фото Т. С. Шенталинской. 1985

8. Э, у калеки посошок — кипарисдревой,
   У калеки посошок да кипарисдревой-от.
9. Ой, калека стал виспрашивать:
   — Ат циво зачался белой швет?
10. Ат циво зачался белой швет,
    Ат циво зачалось красно сольнишко?
11. Ат циво зачалось красно сольнишко,
    Ат циво зачался белой швет?
12. Ат циво зачалашь мать-плакунь-трава?
    Ат циво зачалашь мать-плакунь-трава?
        (О, не знаю. . .)
13. От того от поту от конинного,
    От здыхание да целовеччаго *.
        (. . .Не знаю. . .)

77. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЕГО СЫН БОРИСКО

По край синего моря,
На заставе богатырской,
Богатырской и княженецкой
Стояли пять богатырей:
Стоял Илья Муромец,
Второй — Колыван сын Иванович,
Третий — Самсон сын Васильевич,
Четвертый — Добрыня Никитич млад
И пятый — Алеша Попович.
Не пропускали они ни конного, ни пешего,
Ни царского и ни боярского,
Ни зверя рыскучего,
Ни птицы летучей.
Млад ясен сокол летит — перо выронит,
Доброй молодец бежит — головой вершит.
На заре, заре ранней утренней,
На россвете свету белого,
На восходе солнца ясного
От сна Илья пробуждается.
Выходил Илья из белого шатра,
Пошел Илья на Днепр умываться,
Сам зрел-смотрел во чистое поле,
Завидел Илья удалого добра молодца:
Под молодцом конь, как лютой зверь,
На коне молодец — как ясен сокол,
Хороша его управа молодецкая,
Хороши его доспехи богатырские,
По правую руку летит ясен сокол,

---

* Строфа повторяется дважды.

Во руках держит третра-перо,
Сквозь пера не видать лица белого.
Не мог признать удалого доброго молодца.
Приходил Илья ко белым шатрам,
Выходил середи круга
И говорил Илья таковы слова:
— Братцы, вы мои товарищи,
Кто из нас поудалее всех,
У кого конь порыскучее? —
Алеша говорит та(ко)вые слова:
— Я из вас поудалее всех,
У меня конь порыскучее
Ехать за удалым добрым молодцом,
Расспросить о дядине и отчине:
Чей такой добрый молодец —
Царь или царевич добрый молодец,
Король или королевич добрый молодец,
Или русский могучий богатырь.
— Если русской могучий богатырь,
То побратуйся,
А неверный богатырь, то переведайся!
Бежал Алеша за удалым добрым молодцом
День до вечера
И темную ночь до белого света,
Нагнал он доброго молодца
На рассветичке свету белого,
На восходе солнца ясного
И кричит звучным голосом:
— Ты постой, доброй молодец!
Ты или русской богатырь,
Или засельщина и деревенщина,
Ты коня украл или мужика убил,
А сюда заехал хвастаешь,
Чужим именем называешься?
Тут-то Бориску за беду стало,
За великую досаду показалося,
Он поворачивал коня, как люта зверя,
К Алеше Поповичу,
Берет Алешу за белые руки,
Снимает его с добра коня,
Кладет на тучные бедры,
Вынимает шелепугу подорожную,
Стегал Алешу Поповича
И посадил его на доброго коня.
И едет Алеша — пьян шатается,
Ко добру коню приклоняется.
Завидел А[лешу] Поп[овича] Илья Муромец, говорил:
— Я тебя, Алеша, наказывал:

Не пей, Алеша, зелена вина,
Не ешь сладки пряники!
— Рад бы я не пить зелена вина
И не есть сладких пряников:
Напоил меня удалой добрый молодец допьяна,
И накормил он меня досыта
Той шелепугой подорожной!
Хватал Илья своего коня,
Бежал за добрым молодцом,
Бежал Илья день до вечера,
Нагнал удалого доброго молодца
На рассвете свету белого,
На восходе солнца ясного. . .
Ударились палицами боевыми —
Палицы их разгоралися,
В руках изломалися.
Скакали они с добрых коней,
Схватались они во белые руки.
Тут-то Бориско на носок востер,
Сшибал его на сырую землю
И садился ему на белые груди,
И говорил таковые слова:
— Ах ты, базыга, базыга старая,
За что ж ты на малого отрока напущаешься?
Берет его Илья на белые руки,
(В)стает на резвые ноги,
Метал его выше дерева стоячего,
Ниже облака ходячего,
Не допущал его до сырой земли,
Подхватывал его на белые руки.
Тут-то Бориско приужахнулся,
И говорил Бориско таковые слова:
— Охота, ты, охота моя молодецкая,
Полетай-ко, охота, к моей матушке,
Спроси-ко ты у моей матушки,
Как с Ильей переведаться. . .
— Говорила я тебе, дитя, наказывала:
Где ты с Ильей съедешься,
Только Илье низко кланяйся,
По роду Илья — тебе отец родной!

78. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЕГО СЫН

На матуш(к)е на Днепре-реке
Стояли-то три шатричка,
Во тех шатрах три богатыря:
Перво(й)-ет богатырь — Илья Муровец,
Второ(й)-ет богатырь — Иван русской,

Третий богатырь — Олеша поповской сын.
Поутру-то было раным-ранешина [!]
Выходит-то Илья Муровец
Из своего шатра бел-полотнена
На Днепру-реку умыватися,
Увидал-то Илья Муровец
На гнедом коне млада юношу,
Из-за копья, щита не видать его.
Говорил-то Илья Муровец своим друзьям-товарищам:
— Кто из нас, братцы, поудаляе всех,
А доброй конь порезвяе всех?
Догнать-достичь младого юношу,
Спросить его, каких родов, каких городов:
Если русской богатырь, — побратыватьси,
А неверный богатырь, — переведаемся.
Тогда сказал Олеша поповской сын:
— Уж как я-то, братцы, поверчае вас,
А мой добрый конь порезвее всех.
Тогда селдал он добра коня
И бежал с утра день до вечера,
И догнал-достиг доброго молодца,
И вскричал своим зышным голосом:
— Ты постой, постой, доброй молодец,
Ты скажись, каких родов и какого города!
Если русский богатырь, — побратуемся,
А неверный богатырь, — переведаемся.
Тут-то младой юноша
Обращал своего добра коня,
И схватил-то он Олешу Поповича,
И бросал-то его поперек седла,
И драл его шелепугой подорожн(ой).
Тут-то Олеша возмолилса:
— Опусти и свободи, младой юноша,
Я не стану хвалиться своей силою!
И приезжал-то Олеша ко товарищам.
Выходил-то навстречу Илья Муровец:
— Я наказывал тебе, Олеша поповской сын,
Что не упивайся ты зелена вина! . . .
Тогда седлал Илья добра коня,
И бежал Илья скоро-наскоро,
Он догнал-достиг млада юноша,
И вскричал Илья высшим [!] голосом:
— Ты постой дождись, доброй молодец,
Ты скажи, каких родов, какого города!
Тут-то малой юноша
Обращат назадь добра коня,
Не говорил слова приветлива,
Бил-то Илью во белую грудь

Он долгим копьем тупым концом,
Вышибал Илью из седла долой.
Тут-то Илья в своей горячности
Схватил млада юношу
И поверг его на сыру землю,
И садился к нему на белую грудь,
И спрашивал его о роде-племени,
— Ах базыга ты, твоя седа борода,
Если б сидел я на твоей груде,
Не сп(р)осил бы тебя о племени,
А (в)скрыл бы твою стару грудь
И с(м)ешал бы кровь со печенью!
Блеснул на руке златой перстень.
Тут узнал-то Илья Муровец:
Етот юноша — его сын родной. . .

79. ИЛЬЯ МУРОВЕЦ И ЕГО СЫН УДАЧА

А вот ешшо есть песня-старинка, как воёвал Илья Муровец с Удачей-богатырем. (И Микандра Михалыч снова запел так же протяжно, так же медленно-медленно:

В чистом поле богатыри съёзжалися,
И родами богатыри не шшиталися,
Промежду собой да оне воёвалися.
Приломали оне все сабли вострыя,
Оне сами себя да всё не ранили.
Подхватывал его Удача на косой носок.
У Ильи Муровца ретиво серцо раскипелося,
Могучи плечи расходилися,
Осердился и махнул его тяжкой палицей.
Пал Удача, доброй молодец, на сору землю.
Стал его выспрашивать Илья Муровец:
— Ты из которого села, которого городу,
А и хто у тебя батюшка, хто матушка?
— Мой-то батюшка — Илья Муровец,
Моя матушка — красна девица.
Тут возговорил сам Илья Муровец:
— Ой ли ты, чадо мое, чадо милоё,
Не велел восподь видаться нам,
Ой видаться нам за хлебом, за солью,
А видаться велел за вострой саблею!

А Удача-то был прижитой сын у Ильи у Муровца с дявицей. Напярёд нихто из них не узналися. Да ладно — спросилися, а то бы Илья Муровец убил Удачу.

80. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И БОГАТЫРЬ-ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Они, значит, трое были: Илья Муромець, Добрыня Никитич, Олеша Попов. Они стояли на заставы. (Раньше так называлось. На сказке было. Охраняли, что ли?) Один раз Илья Муромець поехал коня кормить на речку. Далеко это

было. И вот речка. И вот проехал чужеземец, проехал около ихо заставы. Он, значит, богатыр, этот чужеземец, — значит, конь до колен вязнет.

Приехал [Илья], сразу приехал и вот этим браттям рассказал: «Что делать?» Потом стали они думать, стали гадать: «Кого зэ все-таки послать от троих-ти?» Думали, думали, ресать стали. Добрыня Никитич грит: «Надо Олешу Поповича». Илья Муромець грит: «Молодой, жарный, не от чего погибнет». Потом опять стали гадать. Вот надумали этого Добрыню Никитича.

Напроход [Добрыня] стал коня седлать. Обуздал, поехал. На след-от виехал, по следу поехал. А этот где-то остановился далеко, богатыр-чужеземец, — только его увидал-то. Виехал, увидал с конем-ти вместе. У него сразу конь-от на коленки упал, у Добрыни. Он напроход воротился. Это от погибели.

Потом приехал, рассказал-ти старшему-то брату Ильи Муромцю. Ну теперь гадать-то нечего это — сам стал наряжаться Илья Муромець. Поехал. Увидал этого богатыря, постоял маленько. Тот тозэ направился. Сразу стали они это, на этих на копьях. Ага! Потом до трох раз. Обои копья-ти виломали. Потом четьвертый раз столкнулись. . . До трох раз копья-ти все виломали. Напроход обои с коней соскочили, стали драться. Ну ходили, ходили, друг друга хотели уронить. И все-таки вот чужеземец уронил этого Илью Муромця. О ковды, нать, он его уронил-то, он на него поперок сел, ножик вытащил. (Баташ, такой длинный, саска!) «Ты, — говорит, — старик стал, тебе, грит, надо в монастыр идти, там, грит, служить, а ты еще это на побоищи ездишь!» Только хочет его, значит, тыкнуть-то — он как-то взбатнулся, это Илья Муромець, дак далёко его отбросил, чужеземца-то. Вскочил, побежал, пришел к нему. Напроход на одну-то ногу наступил, а за другую-то оторвал надвое. И вот только потом голову-то повоз товарищам, этим браттям-то посмотреть.

Вот кончилась сказка.

81. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ТУРОК

Стар-старой казак Илья Муромец
На добром коне, в черкасском седле,
Вострой шашечкой подпоясался,
Вострым копьецом подпирается,
Своей храбростью похваляется:
— Велит ли мне бог в Цареграде быть,
В Цареграде быть или в Туретчине?
Уж я всех турок повырублю,
Молодых турчанок во полон возьму!
Как навстречу Илье молодой турок.
Они съехались с Ильей, поздоровались.
— Что ты, Илюша, рано похваляешься?
Приразъехались они, приударились:
Турок бьет Илью вострым копьем,
А Илья-то бьет его тупым концом.
Выбивает турка из нова седла,
Из нова седла, со добра коня,
Со добра коня на сыру землю.

Как из далеча, из чиста поля,
Из раздольица из широкого
Выезжает тут старой казак,
Стар-старый казак Илья Муромец,
На своем-то он на добром коне,
На левой бедре сабля вострая,
Во правой руке тупо копье.
Он тупым копьем подпирается,
Своей храбростью похваляется:
— Что велит ли бог в Цареграде быть?
Я старых турков всех повырублю,
Молодых турчат во полон возьму!
Неоткуль взялся богатырь-турок,
С Ильей съехался, не здоровался,
Приразъехались, приударились.
Он и бьет Илью вострым концом,
Илья Муромец бьет тупым копьем.
Он сшибает турка со добра коня,
Уж как пал турок на сыру землю.
Он поддел турка на тупо копье,
Он понес турка во чисто поле,
Во чисто поле, к морю синему,
Он бросал турка во сине море:
Как сине море всколебалося,
На пески вода разливалася.

83. ВАСИЛИЙ КАЗИМЕРСКОЙ

У ласкова князя Владимира,
У солнышка у Сеславича
Было столованье, почестный пир
На многих на князей, на бояров
И на всю на поленицу богатую [!],
И на всю на дружину на храбрую.
Он и всех поит, и всех чествует,
Он-де всем-де, князь, покланялся.
И в полу́пиру́ бояре напивалися,
И в по́лукушаньях наедалися.
Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват
И могучими плечами поворачиват,
И сам говорит таковы слова:
— Ой вы гой еси, мои князья и бояры,
Ой ты, вся поленица богатая
И вся моя дружина храбрая,
Кто бы послужил мне, князю, верой-правдою,

Верой-правдою неизменною,
Кто бы съездил в землю дальную,
В землю дальную, Поленецкую,
Ко царю Батуру ко Батвесову,
Кто бы свез ему дани-пошлины
За те годы за прошлые
И за те времена, за двенадцать лет:
Кто бы свез сорок телег чиста серебра,
Кто бы свез сорок телег красна золота,
Кто бы свез сорок телег скатна жемчуга,
Кто бы свез сорок сороков ясных соколов,
Кто бы свез сорок сороков черных соболей,
Кто бы свез сорок сороков черных выжлыков,
Кто бы свел сорок сивых жеребцов?
Большой за меньшего хоронится,
Ни от большего, ни от меньшего ответа нет.
Из того из места из среднего
И со той скамейки белодубовой
Выступал удалой добрый молодец
На свои на ноженьки на резвые,
На те ли на сапожки зелен сафьян,
На те ли каблучки на серебряные,
На те ли гвоздочки на золоченые,
По имени Василий сын Казимерской.
Отошедши, он покланяется,
Говорит он таковы слова:
— Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир-князь,
Послужу я тебе верой-правдою,
Позаочи, в очи не изменою,
Я-де съезжу в землю дальную,
В дальную землю Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвесову,
Я свезу твои дани-пошлины
За те годы, годы прошлые,
За те времена, за двенадцать лет:
Я свезу твое золото и серебро,
Я свезу твой скатный жемчуг,
Свезу сорок сороков ясных соколов,
Свезу сорок сороков черных соболей,
Свезу сорок сороков черных выжлыков,
Я свезу твоих сорок сивых жеребцов.
Тут Василий закручинился
И повесил свою буйну голову,
И потупил Василий очи ясные
Во батюшко во кирписчат пол.
Надевал он черну шляпу, вон пошел
Из того из терема высокого.
Выходит он на улицу на широку,

Идет по улице по широкой,
Навстречу ему удалой добрый молодец
По имени Добрыня Никитич млад.
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
— Здравствуешь, удалой добрый молодец
По имени Василий сын Казимерской!
Что ты идешь с пиру невеселой:
Не дошло тебе от князя место доброе,
Не дошла ли тебе чара зелена вина,
Или кто тебя, Василий, избесчествовал,
Или ты захвастался куда ехати?
И тут Василий, ровно бык, прошел.
Забегат Добрынюшка во второй раз,
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
— Здравствуешь, удалой добрый молодец,
Ты по имени Василий сын Казимерской!
Что идешь ты с пиру невеселой,
И невесел идешь ты, не радошен:
Не дошло ль те, Василий, место доброе,
Не дошла ль от князя чара зелена вина,
Али ты захвастался, Василий, куда ехати?
И тут Василий, ровно бык, прошел.
Забегат Добрынюшка в третий-де раз,
Пухову шляпу снимат, низко кланятся:
— Здравствуешь, удалой добрый молодец
По имени Василий сын Казимерской!
Что ты идешь с пиру невеселой,
Невесел ты идешь с пиру, не радошен:
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе,
Не дошла ль тебе чара зелена вина,
Али кто тебя, Василий, избесчествовал,
Али ты захвастался куда ехати?
Я не выдам тебя у дела ратного
И у того часу скоросмертного!
И тут Василий возрадуется,
Сохватал Добрыню он в беремичко,
Прижимат Добрынюшку к сердечушку
И сам говорит таковы слова:
— Гой еси, удалой добрый молодец
По имени Добрыня Никитич млад,
Ты, Добрыня, будь большой мне брат,
А я, Василий, буду меньшой брат.
Я у ласкова князя Владимира
На беседе на почестныя,
На почестныя, на большом пиру,
Я захвастался от князя съездити
Во ту во землю во дальную,
Ко царю Батуру ко Батвесову,

Свезти ему дани-выходы
За те годы, за двенадцать лет:
Свезти туда злато, серебро,
Свезти туда скатный жемчуг,
Свезти сорок сороков ясных соколов,
Свезти сорок сороков черных соболей,
Свезти сорок сороков черных выжлыков,
Свести сорок сивых жеребцов.
И проговорит Добрыня Никитич млад:
— Не возьмем мы везти от князя от Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины —
Мы попросим от собаки Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины!
И тут молодцы побратались,
Воротились назад ко князю Владимиру.
Идут они в палаты белокаменны,
Крест кладут по-писаному
И поклон ведут по-ученому,
Поклоняются на все стороны.
— Здравствуешь, Владимир-князь
И со душечкою со княгинею,
Князьям-боярам — на особицу!
И проговорит ласковый Владимир-князь:
— Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василий сын Казимерской
Со Добрынюшкой со Никитичем,
За один бы стол хлеб-соль кушати!
Наливает князь чары зелена вина,
Не малы чары — в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают молодцы единой рукой,
Выпивают чары единым духом
И садятся на скамеечки дубовые,
Сами говорят таковы слова:
— Гой еси, ласковый Владимир-князь,
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины —
Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
Привезти от него дани-пошлины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир-князь,
Садись ты на дубовый стол
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
«Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те за годы за прошлые,
За те времена, за двенадцать лет,
И дай ты нам злата, серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,

И дай ты нам черных выжлыков,
И дай ты нам сивых жеребцов». —
Подает ласковый Владимир-князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты.
И берет Василий Казимерской,
И кладет ярлычки во карманички.
И (в)стают молодцы на резвы ноги,
Сами говорят таковы слова:
— Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
Нам съездить в землю Поленецкую.
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистели молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.
Как из далеча, далеча, из чиста поля
Два коня бегут да два могучие.
Со всею сбруей богатырскою.
Брали молодцы коней да за шелков повод
И ставали в стременышки гольяшные,
И садились во седелышки черкасские.
Только от князя и видели,
Как удалы молодцы садилися,
Не видали, куда уехали.
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Подбегают они в землю дальную,
В землю дальную, Поленецкую,
К тому царю Батуру ко Батвесову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакали со добрых коней,
Ни к чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали.
Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников,
Отворяли они двери на пяту,
Заходили в палату белокаменну,
Богу молодцы не молятся,
Собаке Батуру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
— Здравствуешь, собака царь Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира.
И вынимат Василий Казимерской,
Вынимат ярлыки скорописчаты
Из того карманичку шелкового
И кладет на дубовой стол:
— Получай-ко, собака, дани-пошлины

От ласкова князя Владимира!
Распечатывал собака Батур Батвесов,
Распечатывал ярлыки скорописчаты,
А сам говорил таковы слова:
— Гой еси, Василий сын Казимерской,
Отсель тебе не уехати!
— Я надеюся на мати чудную, пресвятую богородицу,
Надеюсь на родимого на брателка,
На того ли братца на названого,
На Добрыню ли на Никитича.
Говорит собака Батур таковы слова:
— Поиграемте-ко, добры молодцы, костью, картами!
Проговорит Василий сын Казимерской:
— Таковой игры я у те не знал здесь,
И таковых людей из Киева не брал я.
И стал Батур играть костью, картами
Со младым Добрынею Никитичем.
Первый раз собака не мог обыграть, —
Обыграл Добрыня Никитич млад.
И второй раз собака не мог обыграть, —
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
И в третий раз собака не мог обыграть, —
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
Тут собаке за беду стало,
Говорит Батур-собака таковы слова:
— Что отселе тебе, Василий, не уехати!
Проговорит Василий сын Казимерской:
— Я надеюсь на мати пресвятую богородицу
Да надеюсь на родимого на брателка,
На того на братца названого,
На того Добрыню Никитича!
Говорит собака таковы слова:
— Ой ты гой еси, Василий сын Казимерской,
Станем мы стрелять за три версты,
За три версты пятисотныя
В тот сырой дуб кряковистый,
Попадать в колечко золоченое.
И проговорит Василий сын Казимерской:
— А такой стрельбы я у тебя не знал,
Зычал-кричал зычным голосом:
— Гой еси вы, слуги мои верные,
Несите мне-ка тугой лук
И несите калену стрелу!
Его тугой лук несут девять татаринов,
Калену стрелу несут шесть татаринов.
Берет собака свой тугой лук

И берет калену стрелу,
Натягает собака свой тугой лук,
И кладет его на тетивочку,
И стреляет он за три версты,
За три версты пятисотныя.
Первый раз стрелил — не дострелил,
Второй раз стрелил — перестрелил,
Третий раз стрелил — не мог попасть.
И подает свой тугой лук Добрынюшке,
Добрынюшке Никитичу,
И подает калену стрелу.
Стал натягать Добрыня тугой лук,
И заревел тугой лук, как лютые звери,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое,
И бросил он тугой лук о сыру землю.
Направлял он калену стрелу наперед жалом,
И бросал он стрелу за три версты,
За три версты пятисотныя,
И попадал в сырой дуб кряковистый,
Во то колечко золочено, —
Разлетался сырой дуб на драночки.
И тут собаке за беду стало,
За великую досаду показалося,
Говорит собака таковы слова:
— Он ты гой еси, Василий сын Казимерской,
Что отсель тебе не уехати!
Проговорит Василий сын Казимерской:
— Я надеюсь на пречистую богородицу,
Да надеюсь на родимого на брателка,
Да на того братца названого,
На того Добрыню Никитича.
Проговорит собака царь Батур:
— Да нельзя с вами, молодцы, поборотися?
Проговорит Василий сын Казимерской:
— Я такой борьбы, собака, не знавывал,
Таковых людей не брал из Киева.
И тут собаке за беду стало,
Он кричал-зычал, собака, зычным голосом,
Набежало татар — и силы сметы нет.
И выходил Добрыня на улицу на широку,
И стал их [!] по улочке похаживати.
Схватались за Добрыню три татарина.
Он первого татарина взял разорвал,
Другого татарина взял растоптал,
А третьего татарина взял за ноги,
Стал он по силе похаживать,
Зачал белыми руками помахивать,
Зачал татар поколачивать:

В одну сторону идет — делат улицу,
В бок вернет — переулочек.
Стоял Василий на красном крыльце,
Не попало Василью палицы боёвыя,
Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копья мурзамецкого, —
Попала ему ось белодубова,
Ось белодубова семи сажень.
Сохватал он ось белодубову,
Зачал он по силе похаживать
И зачал татар поколачивать.
Тут собака испужается,
По подлавечью поваляется.
Выбегал собака на красно крыльцо,
Зачал-кричал зычным голосом:
— Гой еси, удалы добры молодцы,
Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
Вы оставьте мне татар хоть на симена!
Тут его голосу молодцы не слушают.
Зычит-кричит собака зычным голосом:
— Я отдам ласкову князю Владимиру,
Отдам ему дани и пошлины
За те годы за прошлые,
За те времена, за двенадцать лет:
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлыков,
Отдам сорок сивых жеребцов!
Тут его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю.
Идут они ко высоку нову терему,
Выдает им собака дани-пошлины,
Насыпает тележки златокованые,
Отправляет в стольной Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тут садились добры молодцы на добрых коней,
(В)ставали во стременышки гольяшныя
И садились во седелышки черкасския,
И поехали молодцы в свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Едут ко высоку нову терему,
Становятся на улицу на широку,
Входят во палату белокаменну,
Крест кладут по-писаному,

Поклон ведут по-ученому:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь!
— Добро жаловать, удалы добры молодцы!
Он садит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зелена вина,
Не малые чары — в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают добры молодцы единой рукой,
Выпивают добры молодцы единым духом,
На резвы ноги (в)стают, низко кланяются:
— Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Привезли мы тебе дани-пошлины
От собаки Батура Батвесова!
Кланяется им ласковый Владимир-князь,
Кланяется до сырой земли:
— Спасибо вам, удалы добры молодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною!

84. ДЕВУШКА НАШЛА МИЛОГО УТОНУВШИМ

Ко дунайскому крутому бережочку,
По тому же по сыпучему песочку,
Тут ходила-то душа красна девица.
Доходила до трех братьев выборовых [?],
(В) возрыданьице словечушко промолвит:
— Не слыхали ль, не видали ли про милого?
Ну большой-от говорит: «Я не видел!» —
Ну середний говорит: «Я не слышал!» —
А меньшой-то говорит: «Я-то слышал!»
На дунайском на крутом бережочке,
На том же на желтом на песочке
Стояла гробница бел-дубова,
Тут лежало бело тело молодецко,
Бело тело твоего лежит милого:
Потонул он во батюшке тихом Доне!
— Не спасибо тебе, батюшке тиху Дону,
Разлучил мово милого от дому,
Потопил своей тихою водою!
Я пойду, пойду на берег на прикрутой,
Кинусь-брошусь я с крутого бережочка!

85. САДКО БОГАТЫЙ КУПЕЦ

Ай по мору, мору, мору синему,
Туды бегали ровно тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со корабликом.
Как из них один поперед бежит,

Поперед бежит, как сокол летит.
Ну (в)ставал, братцы, кораблик вдруг на якоре,
Никуды кораблик не пошатнется.
Тут спроговорил, братцы, Садко богат купец:
— Ах вы, братья мои, сотоваришши,
Как давно мы синя мора мы не даривали,
Как давно мы синя мора не жаловали!
Ну бросайте в моро злата и серебра!
Бросили они злата и серебра —
Никуды кораблик не пошатнется.
Тут спроговорит Садко богат купец:
— Ну доспеемте, братцы, все по жеребью:
Ай кому из нас идти ко морскому цару!
Ну доспели они все по жеребью
Из того же из белого серебра,
И бросили они во сине моро.
Еще все эти жеребьи заплавали,
Как белые лебеди на заводи, —
Садкин жеребей, как ключ, ко дну.
— Ну доспеемте, братцы, все по жеребью
Из того же из чистого золота,
Еще спустимте, братцы, в синее моро!
И бросали они во сине моро.
Еще все эти жеребьи ко дну пошли,
Садков жеребей поверх плавает.
— Ну, братцы мои, сотоваришши,
Мне-ка идти ко морскому цару!
Вы давайте бумажку скоропищатую,
Вы чернилишко дайте со перушком,
Опишите вы, братья, мои пожитки все!
Которое он пишет к отцу-матери,
Которое он пишет к молодой жене,
Которое он пишет к малым детушкам,
Которое он пишет ко божьёй церкве.
И так скоро писали, прошли три года.
— Вы подайте плаху белодубову,
Еще те же гусельцы не играны,
Положите мя на плаху белодубову,
Опустите мя в сине моро!
Взял он с собой звончаты гусли
И плавает на плахе белодубовой,
И играет он во звончаты гусли.
Корабли убежали, он остался один.
. . . И во сне он видит сновидение:
— Что дойдешь ты ко морскому цару,
Станет тебя женить морской-от цар,
Не бери ты девицу-беляницу,
А бери ты девицу-чернавицу!

. . . Привел морской цар двенадцать девушек,
Все они белые, красивые.
Одна девица похуже всех,
Одна девица почернее всех.
Не взял он девицу-белянницу,
А взял он девицу-чернавицу,
За правую вывел за рученьку . . .

86. САДКО

Еще жил Садко-купец, гость богатый.
— Немало раз Садко по мору бегивал,
Морского сара ничем не даривал,
Чужие дары-пошлины ничем не оплачивал.
Еще останавливал-то кораб серди шиня мора.
Еще спроговорел Садко-купец, гость богатый:
— Ви, дружиночки храбрые,
Еще сядем во единый круг, во большё место,
Сделаем жеребьи легкие
Из чистого белого серебра,
Еще брошимте —
Еще чей ли жеребий будет повертывати,
Еще чей ли будет посередь струей,
Еще чей ли будет жеребий, как ключ ко дну.
Они шяли, дружиночко храбрые,
Во единый круг, во большё место,
Бросали жеребьи в шинё морэ.
Увжа вше жеребьи плавают,
Садково жеребий, — как ключ ко нну.
Еще спроговорел купец, гость богатой Иван Васильевич:
— Немало раз Садко по мору бегивал,
Морского сара ничем недаривал,
Чужие дари-пошлины не оплачивал.
Сам знаю, сам я ведаю.
Еще сядемте, ребятушки,
Во единый круг, во большё место
И сделаемте жеребьи
Из чистого из красного золота,
Еще брошимте —
Еще чей ли жеребий будет повертывати,
Еще чей ли будет посередь струей,
Еще чей ли будет жеребий как ключ ко дну.
Шяли они в единый круг, во большё место,
Еще сделали жеребьи легкие
Из чистого красного золота,
Бросали жеребий в шине моро.
Вше жеребьи плавают,
Садково жеребий — как ключ ко дну.

Еще спроговорел купец, гость богатый Иван Васильевич:
— Сам я знаю, сам я ведаю.
Еще сядемте, ребятушки,
Во единый круг, во большё место
И сделаемте жеребьи легкие
Из того из белого дерева, кипарыс-дрэва.
Шяли они во единый круг, во большё место,
Сделали они жеребьи легкие
Из того из белого дерева, кипарыс-дрэва,
Бросали жеребий в шине моро.
Вше жеребьи плавают,
Садково жеребий — как ключ ко дну.
Еще спроговорел Садко-купец, гость богатый:
— Сам я знаю, сам я ведаю.
Немало раз, Садко, я по мору бегивал,
Морского цара ничем не одарывал,
Чужие дары-пошлины не оплачивал.
С уделу Садку написано,
От бога назначенное —
Сделайте, говорит, бочку хрустальную,
Брошайте меня, Садка, в шинее моро.
Сделали бочку хрустальную,
Бросали Садка в шинее моро.
В ту пору Садку придремалося, приуснулося.
Вот привиделося Садко сон-сновидение:
Приходили (к) Садку сорок невест,
Попреди идет девушка-красавица,
Позадь нее идет девица-чернавица.
Еще спроговорел морской цар:
— Бери, говурит, Садко, девицу-красавицу.
— Не вожьму, Садко, девицу-красавицу,
Вожьму, Садко, девицу-чернавицу. . . .
Видергывали Садко из шиня моро.
Побежал-то кораб по шиню мору.

87. САДКО

. . . — Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
Сделаем жеребьи легкие
Из того из чиста из золота,
Бросим во моро во Холбинское:
Чей будет жеребий сплувать поверх воды,
Чей будет жеребий сплувать посередь воды?
Вше жеребьи поплавливают,
Садково жеребий — как ключ ко дну.
(В) ту пору Садок запечалился:
— На роду мне, Садку, написано,
Суждено мне, Садку, доставалоса:

Дари були посланы — не плачивал!
Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
Сделаем ми жеребьи легкие
Из того из чиста из серебра,
Бросим во моро во Холбинское:
Чей будет жеребий сплувать поверх воды?
(В)се жеребьи поплавливают,
Оно Садково-то жеребий, — как ключ ко дну.
(В) ту пору Садок запечалился:
— На роду мне, Садку, написано,
Суждено мне, Садку, доставалося:
Дары були посланы — не плачивал!
Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
Сделаем ми жеребьи легкие
Из того из дерева — кипарис-дерево,
Бросим во моро во Холбинское:
Чей будет жеребий сплувать поверх воды,
Чей будет жеребий сплувать посередь воды?
Вше жеребьи поплавливают,
Садково жеребий — как ключ ко дну.
В ту пору Садко запечалился:
— На роду мне, Садку, написано,
Суждено мне, Садку, доставалося:
Дары були посланы — не плачивал!
Сделайте бочку хрустальную,
Спустите во моро во Холбинское.
Сделали бочку хрустальную,
Спустили во моро во Холбинское . . .
Сновидение Садку привидалося:
Попереди идет девица-красавица,
Позади идет девица-чернавица . . .
— Не бери, Садок, девицу-красавицу,
Ти бери, Садок, девицу-чернавицу!

88. НЕВОЛЬНИКИ НА МОРЕ

Ти, белиленька, белиленька,
Травка шелковая,
Ни без ветру, ни без вихору
Травка шатается,
Ко сырой земле приклоняется.
Тут по мору, по мору шинему,
По шинему мору по Хвалынскому
Еще плавает черен кораб,
Во карабле сидят люди вше невольные:
Белые ручки завязаны,
Режвые ножки вше закованы,
Ясные очи вше завезаные.

Из них один невольничек бул напросте,
По караблю похаживат,
Он богу возмоляется,
Миколаю швету чудотворцу:
— Как от той було сторонушки (в)осточную
Потянули би ветры буйные,
Винес би меня господь бог на швятую Русь:
По обету бы состроил церковь божию,
Церковь божию, микольскую,
Шменил би [?] я сабе
Миколая швета чудотвореца!
Невольничкова молитва — богу доходная.
Потянули со (в)остоку ветры буйные,
Стало корабличок покачивать.
Из карабля вше невольнички в воду припадали.
Вишол невольничок на швятую Русь,
По обету состроил церковь божию,
Церковь божию, микольскую,
По обету он шменил Миколая швета чудотвореца.

89. СДУНАЙ И ЕГО ЖЕНА

У ласкова князя Владимира
Был пир навеселе.
И Алешенька Попович был бороться горазд,
А Добрыня Никитич — горазде его,
А Сдунай сын Иванович —
Из туга лука стрелять
По той было меточке — в золотой перстень,
Во ту ставочку муравленую.
Говорила бы Сдунаю молодая жена
По имени Дарья Бродовишна:
— Ах сго(й) еси, Сдунай сын Иванович, Сдунай,
Я — женщина — не хуже тебя
Стрелять из туга лука
По той меточке — в золот перстень,
В ту ставочку муравленую!
Тут-то Сдунаю за беду стало,
За великую досаду показалося,
Говорил он своей молодой жене:
— Ты сго(й) еси, молодая жена
По имени Дарья Бродовишна,
Пойдем-ко мы с тобою на горы высокие,
На те было шеломы окатистые,
Станем мы с тобою из туга лука стрелять
По той меточке — в золот перстень,
В ставочку муравленую!
Тут-то его молодая жена

Сдогадалася и спохваталася:
— Ах ты, Сдунай сын Иванович, Сдунай,
Ты прости меня, глупу женщину,
Я тебя при беседы избесчестила!
У меня есть в утробе чадо милое,
Чадо милое, любимое:
По колен у чада ноги в золоте,
По локоть руки в серебре,
Во лбу солнце красное,
Во затылке светел месяц,
А по косицам — частые звезды.
Тому-то Сдунай не уверовал,
Брал-то свою молодую жену
За белые руки, за златые перстни,
Повел ее на горы высокие,
А те было шеломы окатистые,
Становил свою молодую жену,
Отскакивал на версту пятисотную,
Стрелял бы в свою молодую жену.
Первой раз стрелил — не дострелил,
Второй раз стрелил — перестрелил,
В третий раз — попал в молодую жену
По самому сердцу,
И убил Сдунай свою жену.
Подскакивал он к своей молодой жене,
Выдергивал кинжалище острое,
Спорол у нее белую грудь,
Посмотрел во утробе чадо милое свое:
По колен бы у чада ноги в золоте,
По локоть руки в серебре . . . (*и т. д.*)
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося.
Он остановил кинжал
Тупым концом в сырую землю
И падал на кинжал ретивым сердцем,
И закололся.
От его крови горячею
Протекла матушка Дунай-река.

90. ТИХИЙ ДНЕПР И НАСТАСЬЯ-КОРОЛЕВИЧНА

А и было-то во граде Киеве
У Владимира красна солнышка,
На пиру-то все напивалися,
На пиру-то все наедалися,
Силой, ловкостью похвалялися.
Тихий Днепр-то тут порасхвастался,
Будто мастер он во стрелу стрелять.

А Настасья-королевична
Говорит ему с насмешкою:
— Ой ты, Тихий Днепр свет Иванович,
Где тебе со мной, свет, тягатися, —
Не прострелишь ты каленой стрелой
Сквозь колечушко серебряное!
И пошел тут Днепр с молодой женой,
Со Настасьею-королевичной
Во чисто поле стрелы пробовать.
Уж он взял кольцо серебряное,
А Настасья-то королевична
Сквозь колечушко-то прострелила
И стрелой кольца не тронула.
И взяла кольцо. Тихий Днепр стрелял.
Вот он раз стрелил — не достреливал,
А в другой-то раз — перестреливал,
Загорелось в нем сердце быстрое,
Сердце быстрое, богатырское,
А Настасья-то королевична
Испугалася да взмолилася:
— Отложи ты, Днепр, калену стрелу,
Ты ведь целишься не в колечко-то,
Не в колечко-то — прямо в сердце мне!
Не послушался Тихий Днепрушко,
Да и выстрелил прямо в сердце ей,
Чтоб не хвасталась силой-храбростью.
И упала тут лебедь белая,
Что Настасья-то королевична
На горюч песок, на сыру землю.
Тихий Днепрушко тут опомнился,
И заплакал тут свет Иванович,
И промолвил он таковы слова:
— Где легла моя лебедь белая,
Что Настасьюшка-королевична,
Тут и я лягу, свет Иванович,
На горюч песок, на сыру землю!
И воткнул он меч рукоятью в земь,
И упал на меч грудью белою,
Только раз вздохнул, богу дух отдал.
И течет с тех пор тихий Днепр-река,
Тихий Днепр-река, светлоструйная.

91. ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

Доброму, братцы, везде добро,
Хорошему, братцы, везде хорошо,
Удалому доброму молодцу — погибели нет!
Во славном во стольном городе Киеве,

У ласкова князя Владимира
Было пирование и почестной пир,
Было столование великое.
Собиралися князья и бояра,
Могучие сильные богатыри,
Вся их поленица удалая.
День-то стоял со полудня,
Стол-то стоял в полу́столе́,
Сладкие кушанья — в половине кушанья,
Белая лебедка — в половине рушанья,
Напиваются бояра в полу́питье́,
Наедаются бояра — в по́лувы́те.
Сгой еси [!] ласков Владимир-князь
По полу похаживает и (по) кирпитчетому,
По гриденке по светленькой,
Говорит-то князьям, всем боярам,
Русским могучим богатырям,
Всей поленице удалой:
— Кто из вас охоч пиво пьяно пити,
Кто из вас охоч зелено вино пить,
Кто из вас охоч сладки меды запивать,
Кто охоч на добром коне скакать,
От Киева скакать до Чернигова,
Три-девяносто мерных верст,
С моим-то со первым синегривым жеребцом,
С моим-то со вторым пологривым жеребцом,
С моим-то со третьим полоненым воронком,
Которой полонен в хороброй Литве
У татарина Тугарина Змеевина?
Полонил воронка Илья Муромец,
Он воронком князя жаловал.
Положимте, братцы, велик заклад пятьсот рублей!
Большой за меньшого хранится,
От меньшого ответу нет.
Не то было место, не из большего,
Не из меньшего и середнего,
(С) дубовой скамьи
Не стук стучит во тереме,
Не гром-то гремит из тученьки,
Говорит Ванюшка Гостиной сын:
— Я был охоч пиво пьяно пить,
Я был охоч зелено вино пить,
Я был охоч сладки меды запивать,
Я был охоч на славном коне скакать
И скакать на коне от Киева до Чернигова,
Три-девяносто мерных верст
На своим бы то на бурым жеребце,
На бурочке-косматочке, на троелеточке.

Положимте, братцы, великой заклад!
Дай мне, Владимир-князь, сроку на три дни
И на три часа, на три минуты.
Недосуг Ванюшке во пиру сидеть,
Сходил с подворьица дворянского
И приходил к своему подворьицу.
И заходит на подворьице дворянское,
Заходит ко коню на конюшенку,
На ту же на конюшню белодубовою,
Падает коню в праву ноженьку:
— Сгой еси, мой бурочка,
Косматочко и троелеточко,
Был я у князя Владимира
На тем на почестным пиру,
Пропил и заложил буйну голову . . .
С его-то со первым синегривым жеребцом,
С(о) вторым полугривым жеребцом,
С его со третьим полоненым воронком,
Которой полонен в хороброй Литве
У татарина Тугарина Змеевика,
Полонил воронка старый казак Илья Муромец,
Он воронком князя жаловал.
Провещился его конь
Мудрым языком человеческим:
— Сгой еси, Ванюшка Гостиной сын,
Корми-ко меня пшеной белояровой
И пой-ко медовой сладкой сытецой,
Выводи-ко на луга зеленые,
Напой меня росой медвяною.
Синегривой-то жеребец — мне меньшой брат,
Полугрив-от жеребец — средний брат,
Полонен-от воронко — в поле ровню [!] бью:
За что уеду, от его уеду.
Поил-то и кормил три дня,
И трое суточки, и три минуточки.
Накидывает коврички на доброго коня,
Седлает он седелышко черкатское,
Черкатское седелышко
О двенадцати подпруг шелковых —
Не для ради красы, ради крепости.
(В)стает он в стремёнышко булатное,
Приезжает он ко князю ко Владимиру,
Заезжает он в воротичка,
Проезжает и скакает через стены белокаменные.
— Выходи-ко, ласков Владимир-князь,
На широку свою улочку!
Выходит ласковый князь Владимир
На красно свое крылечушко,

Кладет свои ручки на перилочки,
Глядит он на бурочка-косматочка,
[На косматочка] и на троелеточка,
Отдает он денежки пятьсот рублей.
Видел, [где] этот молодец стоял,
Не видал, куды молодец убежал.

92. ИВАН КУЛАКОВ

Бился-рубился Иван Кулаков,
Он много полонил киселя с молоком,
Чашки и ложки он под мед склонил,
Шаньги, пироги во полон полонил . . .
А у нашего у солнышка у Врадимира
Было столованье, почестен стол,
Было пированье, почестен пир,
Собирались святорусские могучие богатыри
И вся паленица удалая.
Тут спроговорил наш батюшка Врадимир-князь:
— Все вы святорусские могучие богатыри
И вся паленица удалая,
Кто со мной бьется об велик заклад?
Стал он на резвыя на ноженьки,
На те же на сапожки, на зелен софьян,
На те же каблучки на верейчатые,
На те же на гвоздочки на серебряные:
— Кто со мной бьется о велик заклад,
Да не о сто рублей, не о тысячу,
О своей он о буйной о головушке,
Об моей любимой о племяннице,
А по имени Марфе Сеславьевне,
Чтобы сбегать от Киева до Чернигова,
Два девяноста умерных верст
Между заутреней и обеднею?
Большой-от хоронится за среднего,
Середний хоронится за младшего,
А от младшего, братцы, ответа нет.
Ну спроговорил, спроговорил Иван Кулаков,
Из-за дубова стола он колесом пошел:
— Я с тобой бьюсь об велик заклад,
Не о двести рублей, не о тысячу,
О своей я о буйной о головушке,
О твоей о любимой о племяннице,
Чтобы сбегать от Киева до Чернигова
Между заутреней и обеднею
Два девяноста умерных верст!
Поклон он отдал, сам и вон пошел,
Кирпищатой пол по колен ступал.

Навстречу ему его доброй конь,
Его бурочка сивогривочка,
Троетравочка, троелеточка:
— Ах, хозяин мой, хозяин ты мой ласковой,
Ну, хозяин мой, хозяин ты приветливой,
Как на пир пошел, о чем весел бул?
А ты с пиру-ту идешь, чом невесел стал?
— Ах ты, бурочка сивогривочка,
Троетравочка, троелеточка,
Пьянским я делом призахвастался,
Бился со князем о велик заклад,
Чтобы сбегать от Киева до Чернигова!
Ну как стала с Иваном поигравати,
Начала Ивана за шубочку подергивати,
По два соболя выдергивати.
— Ну ставь меня на холсты на белые,
Ну корми ты меня пшеною белоярою,
Ну тогда теба, хозяин, я повыручу!
Есть у цара сивогривой жеребец,
Есть у цара говорливой жеребец,
Есть у цара вороной-бороной,
То и есть мой большой-то брат,
А я в жару-то войду, и ему не уступлю! . . .
Поскакали от Киева до Чернигова.

С час полчаса места Иван Кулаков оставил, в полслужбе приехал (в) Киев (в)зял племянницу.

93. ИВАН КУЛАКОВ

Сделал солнушко Владимир-князь
Потешный пир.
С полсыта они наедаются,
С полньяно они напиваются.
Вставал солнушко Владимир-князь
На те на ноженьки на резвые,
И на сапожки на зелен сафьян,
И на гвоздечки золоченые,
А на скобычки булатные,
И кланяется он:
— Бился я об велик заклад,
Об своей я об племяннице —
От Киева до Чернигова
И съездить, и принести кольцо
Между утреней и обедней.
Младший прячется за среднего,
Средний прячется за старшего,
А от старшего ответу нет.
Тут встает Иван Кулаков:

— Много я повыпил киселю с молоком
И бьюся-рублюся о велик заклад,
О твоей об любимой об племянницы,
А об своей-то о буйной-то головы!
Он дал всем поклон и пошел ко себе домой.
Еще его сивочка-сивогривочка:
— И хозяин мой ласковый и приветливый,
А ты на пир шел, ты весел был,
А с пира идешь, ты невесел стал.
Кто тебя местом обошел
Или тебя чарой обнес,
Или кто тебя словом нашел?
— Ах ты, моя сивочка и сивогривочка,
Никто меня местом не обошел
И чарой меня не обнес,
И словом меня не нашел,
А пьянским я делом призахвастался:
Бился-рубился я со солнушком об велик заклад,
Об любимой об его об племянницы,
Об своей об буйной головы
И съездить от Киева до Чернигова
Между заутреней и обеднею
И принести золото кольцо.
Стала его сивочка поскакивать,
Доброго своего хозяина подергивать,
Из черной шубы по соболю выбрасывать.
Князи-бояры позавидовали:
— Ах, Ванюшка, ты богат!
— Жив я буду, да я не это наживу!
А не буду, дак я все это проживу!
— Есть у князя кологрив жеребец,
То большой мой брат.
А есть конек-воронок,
То мой средний брат.
А на сдор дело пойдет,
Я и им не уступлю! . . .
И слетал между утренею и обеднею,
И принес золото кольцо.
Кологрив жеребец о трех ножках заскакал,
А конек-горбунок во чисто поле ускакал

94. ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

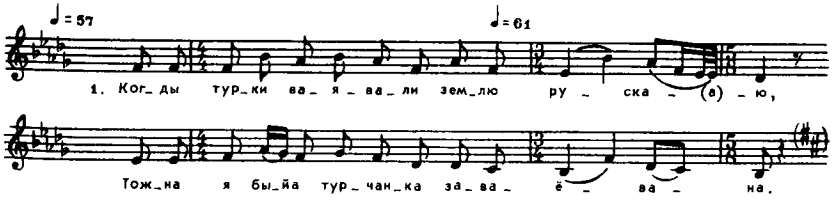
Огонек горит мал-малёшенек,
А дымок идет синь тонёшенек,
Вокруг огня киргизьё сидят,
Киргизьё сидят, они диль делят.
Кому злато, кому серебро,
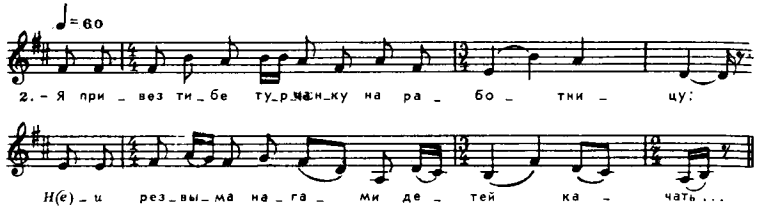
Зятю теща доставалася.
Ее день таскал по ельничкам,
Другой — таскал по березничкам,
А на третий день домой привез,
Он домой привез молодой жене.
— Ты давай-ко ей три работушки,
Три работушки, три заботушки:
Глазами-то гусей пасти,
А руками-то ковер выбирать,
Ногами-то дитё качать. . . .
— Баю, дитятко, баю, милое,
Ты по батюшке киргизёночек,
А по матушке — мил внученочек,
Твоя мать была с заметочкой:
Она падала с высока крыльца,
Разбивала себе праву бровь. . . .
— Ты привез мне не служаночку,
Ты привез мне родну матушку!
Награди её золотой казной,
Отпусти ее на святую Русь!

95. ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

Когда турки воевали землю русскую. . .
— Я привез тебе турчанку [!] на работницу:
Ей вот белыма руками кудель прясти,
Ей резвыма ногами детей качать.
Вот качает она и приговаривает:
— Я тебе буду родна бабушка,
А твоей матери я — родна матушка.
Тебя турочком назвать —
Богу грех будет,
А русским называть — людям смех будет. . . .
— Ты бери-бери золоты ключи,
Ты беги-беги на святую Русь!
Ты прости-прости, моя матушка,
Тебе белыма руками не кудель прясти,
Тебе резвыма ногами не детей качать!

96. ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

Когды турки ваявали землю русскаю,
Тожна я быя, турчанка, заваевана.

— Я привез тибе турчянку на работницу:
Неи резвыма нагами детей качать,

Нею ясныма ачя(ми) гусей сматреть,
Неи резвыма руками кудель прести. . . .
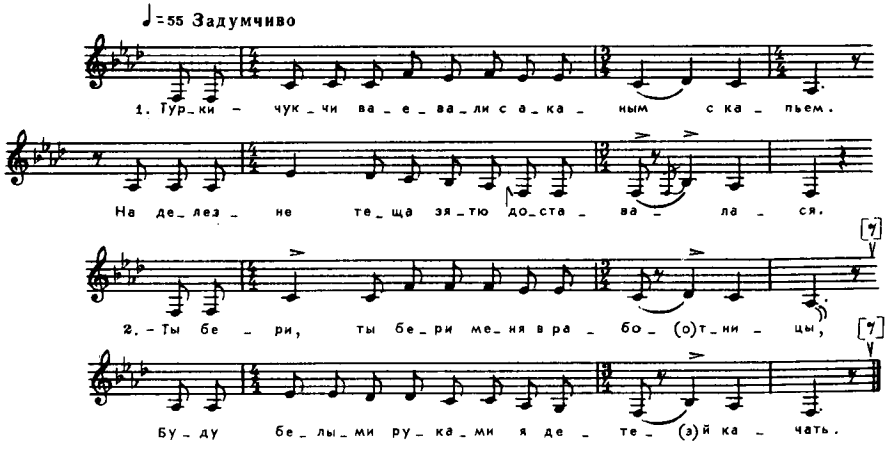
— Баю-баюшки-баю, маей туроче(к),
Тебя турком-те назвать, да боху грех буде(т),

Тебя туркой-тя назвать, да боху грех буде(т),
Тебя внуком-те назвать, да ни паверят нам.

Баю-баюшки-баю, маей турочек,
А твоей я родной матушке буду матушка,

А твоему ронному батюшке буду тешьюшка!

97. ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

Турки-чукчи воевали с аканым с копьем,
На делезне теща зятю доставалася.

— Ты бери, ты бери меня в работницы,
Буду белыми руками я детей качать.

Вот привез он чукчанку на работницу,
Посадил он чукчанку возле пресника.

Горько плачет она да приговариват,
И качает она да все за пресничком.

Подскочила к ней тут дочка родная,
Упадя у ней в ноги, с мужом кланялись.

— Ты прости, ты прости, да мать родимая!
— Не прощу ни за что, ты убей меня,

Ты убил сына там, на Погромнаю,
Ты сажог мужа там, на Погромнаю!

И давали они да золоты ключи.
Не брала, не брала золотых ключей,

Призымала к себе только пресника,
А второго к себе в ноги крепко (в)жяла.

98. ДЕВУШКА БЕЖИТ ИЗ ПЛЕНА

Не белая лебедка в перелет летит,
Красная девушка из полону бежит,
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются,
На девушке кунья шуба раздувается,
На белой груди скат жемчуг раскатается,
На белой руке злат перстень, как жар, горит.
Выбегала красна девушка на Дарью-реку,
Становилась красная девушка на крутой бережок,
Закричала она своим зычным голосом:
— Ох ты сгой еси, матушка Дарья-река,
Еще есть ли по тебе броды мелкие,
Еще есть ли по тебе калины мосты,
Еще есть ли по тебе рыболовщички,
Еще есть ли по тебе перевощички?
Неоткуль взялся перевощичек.
Она возговорила своим нежным голосом:
— Перевези-ка ты меня на ту сторону,
К отцу, к матери, к роду-племени,
К роду-племени, на святую Русь.
Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
А мало покажется — восемьсот рублей,
А еще мало покажется — ровно тысячу.
Да еще плачу я добра коня,
Да ещё плачу с плеч кунью шубу,
Да еще плачу с груди скат жемчуг,
Да еще плачу свой золот перстень,
Свой золот перстень о трех ставочках:

Первая ставочка — во пятьсот рублей,
А вторая ставочка — в восемьсот рублей,
А третья ставочка — ровно в тысячу,
Самому перстню сметы нету-ка.
— А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня?
— Сватались за меня князья и боярины,
Так пойду ли я за тебя, за мордовича?
Бежали за девушкой два погоньщичка,
Два погоньщичка, два татарина.
Расстилала красна девица кунью шубу,
Кидалась красна девица во Дарью-реку,
Тонула красная девица, словно ключ ко дну.

99. ПОЛОНЯНИН

Как из далеча, далеча, из чиста поля,
Из того было раздольица широкого
Шли-прошли собаки злы татарове.
За собой вели собаки много полону,
Много полону, много князей-бояр.
Назади ведут удала добра молодца,
По имени зовут его Сироточкой,
Сироточкой, вдовиным сыном.
Завязаны у молодца ручки белые
Во крепкие чунбуры во шелковые,
Закованы у молодца ножки резвые,
Во крепкие железы во немецкие,
И завешены у молодца очи ясные.
Как проговорит удалый добрый молодец:
— Ой вы гой еси, собаки злы татаровья,
Развяжите вы мне, молодцу, ручки белые,
Раскуйте добру молодцу ножки резвые,
Вы развесьте добру молодцу очи ясные!
Я спою-де вам, собакам, песню вчерашнюю,
Мы котору песню пели на синем море,
Мы на батюшке на Соколе, черном корабле,
Мы не песню, братцы, пели — горе мыкали. . .

100. ДЕВУШКА С ДУВАНА ДОСТАЛАСЬ МОЛОДЦУ

Как у нас-то было, братцы, за тихим Доном,
За тихим Доном, за Ивановичем —
На делу, братцы, дел делили,
Дел делили, дуван дуванили.
Доставалось молодцам по пятисот рублей,
Атаману с есауличком — по тысяче.
Одного они добра молодца обдуванили —

Доставалася молодцу красна девица.
Уж как плачет молодец возрыдаючи.
И говорит молодец таковы слова:
— Как на бою-то мы, на драке — люди первые,
На делу-то, на дуване мы — последние!
Говорила красна девица добру молодцу:
— У меня-то есть кунья шуба во пятьсот рублей,
На правой руке золот перстень в семьсот рублей,
На буйной голове золот венец во тысячу,
Я сама, красна девица, в барышах пришла!

101. МИХАЙЛО КАЗАРЯТИН

Из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатыя
Выезжал удалый добрый молодец,
Молодой Михайло Казарятин,
И Казары — попа церкви соборныя.
Под ним добрый конь, как бы лютый зверь,
На коне-то сбруя под оправою,
Под оправою да однозолотною.
Сам на нем, как сокол, сидит.
Вывозил он с собой триста стрел,
И каждая стрела стоит по три тмы,
Что по три тмы, по три тысячи.
Не тем-то те стрелки были дороги,
Потому стрелки были дороги —
Кабы строганы стрелки из кипарис-древа:
Кипарис-древо здесь не водится,
Здесь не водится, оно не плодится,
Оно плодится за Ефрат-рекой.
Да не тем стрелки были дороги,
Да перо было тагулиное:
Тагула-птица здесь не водится,
Здесь не водится, здесь не плодится,
Она плодится на Ефрат-реке.
Клеены те стрелочки китом-рыбой,
А кита-рыба здесь не водится,
Она плодится на Ефрат-реке.
Да не тем те стрелки были дороги:
Он-де днем стрелят — по ночам сбират,
Где стрела стоит, — тут свеча горит,
Свеча горит да воску ярого.
Бежит Михайло чистым полем,
Во чистом поле стоит част ракитов куст,
На кусте сидит пташка вешшая,
Пташка вешшая, знать, перелетная,

Перелетна пташка — млад черной ворон.
И берет Михайло свой тугой лук,
Из колчана берет калену стрелу,
Хочет он застрелить пташку вешшую.
Провещует пташка руським языком:
— Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
Не стреляй ты меня, пташку вешшую,
Пташку вешшую, знать, перелетную!
Я скажу тебе вестку радостну:
Как у батюшки да у синя моря,
У синя моря да у сыра дуба
Стоит бел шатер да бел полотняный,
Во шатре сидят три татарина,
Три татарина, три бусурманина,
Меж имя сидит девка руськая,
Девка руськая, полоняночка.
Тут Михайло черна ворона послушался,
Едет он ко синю морю,
Ко синю морю да ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да ко белу шатру.
Подъезжает он к шатру да помалесеньку.
Да первый татарин проговорит:
— Ты не плачь, не плачь, девка руськая,
Девка руськая да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдам тебя за мила сына замуж!
Вторый татарин проговорит:
— Ты не плачь, не плачь, девка руськая,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдам я тебя за племянника,
И будешь ты мне племяненка!
Третий татарин проговорил:
— Ты не плачь, не плачь, девка руськая,
Девка руськая да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
Возьму тебя за себя замуж,
Будешь ты мне да мила жена!
Тут Михайлу за беду стало,
Сдергивает с них он бел шатер,
И бел шатер да полотняной.
Сохватались три татарина,
Сохватались за Михайла Казарятина.
Он первого татарина взял — разорвал,
Другого татарина взял — ростоптал,
Третьего татарина взял за ноги,
Бросил его в батюшко в сине море.
И собирал он бел шатер полотняный
И завязывал в тороки шелковые,

И садился добрый молодец на добра коня,
Вставал он в стременышко гольяшное,
И садился в седелышко черкасское,
И садил за себя душу красну девицу,
И везет ее от синя моря,
От синя моря, от сыра дуба.
Сколько ехал удалой добрый молодец,
Сколько ехал по чисту полю,
Одержал он своего добра коня ступисчата.
Слезал он, добрый молодец, со добра коня
И снимат он красну девицу,
И ставит свой бел шатер полотняный,
И стал он с девицей опочев держать.
По белым грудям красну девицу утрепыват,
И плачет красна девица, как река течет,
Сама говорит таковы слова:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Скажи ты мне наперед свою отчину:
Царь ли ты, царевич, король ли, королевич,
Али ты роду крестьянского,
Али ты роду мещанского?
Тут-де молодец не слушает,
По белым грудям девицу красну утрепыват.
И плачет красна девица, как река течет,
И возрыдаючи слово молвила:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Скажи ты наперед свою отчину:
Царь ли ты, царевич, король ли ты, королевич,
Али ты роду крестьянского,
Али ты роду мещанского?
И тут молодец ее не слушает,
По белым грудям ее утрепыват.
Тут девица плачет, как река течет:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Ты скажи мне наперед свою отчину!
И проговорит удалой добрый молодец:
— Я не царь-де, не царевич,
Не король я, не королевич,
И я роду не крестьянского,
И я роду не мещанского,
Я — из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатыя,
Молодой Михайло Казарятин,
Казары — попа церкви соборныя.
И проговорит красна девица,
Сама плачет, как река течет:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Я сама оттуль, красна девица,

Из того Волынца, крепка города,
Из той Корелы из богатыя,
Казары — попа церкви соборныя!
И тут-то добрый молодец возрадовался,
И скакал он скоро на резвы ноги,
Берет ее за белы руки
И целует ее во уста сахарные:
— Здравствуй, ты моя сестрица родимая,
Молода Настасья дочь Казаришна!
Собирал он бел шатер полотняный
И завязывал во тороки шелковые,
И садился добрый молодец на добра коня,
И вставал в стременышко гольяшное,
И садился во седелышко черкасское,
Садил он за себя родную сестру,
И везет он ее в свою сторону,
Ко своему родимому батюшку,
Ко своей ко родимой матушке,
К тому Волынцу, крепку городу,
Ко той Корелы богатыя
И к Казары, попу церкви соборныя.
Едут они на улицу на широку,
Ко тому ко терему высокому,
И уведела их родима матушка
Скрозь тое окошечко косящето,
Скрозь тое околенку стеклянную.
И бежит она скоро на красно крыльцо,
Сама плачет, как река течет:
— Ой вы гой еси, мои дети милые,
Из которой вы сторонушки приехали:
То ль с востоку, то ли с западу?
Соскакивал удалой добрый молодец с добра коня,
Подхватывал он матушку под праву руку,
И ведут они ее в светлую светлицу.

102. ДЕВУШКА СИДИТ СРЕДИ ТАТАР

На горе, горе петухи поют,
(В) полугорике кузнецы куют.
Под горой, горой, огонек горит,
(В)круг огня сидят три татарина,
Три татарина, три проклятые,
Меж имя сидит красна девица,
Горючьми слезми обливается,
Русою косой утирается.
Как приехал тут ее первый брат,
Говорит тут ей: «Пойдем, сестра,
Я ссеку твою буйну голову,

И пробрызнет кровь на белу щеку!» —
Приезжает тут и середний брат,
Говорит сестре: «Пойдем, сестра,
И ссеку твою буйну голову
Во пшеничное мелко зернышко!» —
Как приехал тут ее меньший брат,
Говорит он ей: «Пойдем, сестра,
Я свожу тебя к отцу-матери
На свиданьице, на благословеньице!»

103. ДЕВУШКА СИДИТ СРЕДИ РАЗБОЙНИКОВ

Пропилися, добры молодцы, промоталися.
На кого-то мы, добры молодцы, спонадеялись?
Спонадеялись мы, добры молодцы, на синё морё, —
Синё-то море синим ледком призадернуло,
Как синим ледком призадернуло,
Что белым снежком призакинуло . . .
Как во далече, в далече, во чистом поле,
Тут стояли-то два столика дубовые,
За нимя сидели-то два разбойничка.
На столах были скатерти шелковые,
На скатерках лежали кусы сахарные.
Как за столичком сидят два разбойничка,
Меж имя сидит красна девица,
Горючим слезам обливается,
Русою косой утирается . . .

104. АЛЕША ПОПОВИЧ ОСВОБОЖДАЕТ СВОЮ СЕСТРУ

Из далече, из чистого поля
Выезжали два, два русские сильные богатыря:
Один богатырь — Илья Муромец,
Другой — Алеша Попович млад.
Приезжали к батюшку синему морю
На те тихие морские заводи.
Не случилось им туту
Ни серого гуся, ни лебедя
И ни малой пташечки — серой уточки:
Не на чем им сердце приутешить
И могучие плечи прирасправити.
Побежал-то Алеша
Через ту степь Саратовскую.
Середи было степи Саратовской,
Тут стоял-то сырой дуб крековистой.
Что на том дубу крековистом
Тут сидела птица вещая,
Перелетная — черен ворон,

Он с крыла на крыло перелетывает,
С ноги на ногу переступывает.
Тут Алеша удивляется и рассержается,
Соскакивает с доброго коня,
Снимает тугой лук с могучих плеч
И берет из колчана каленую стрелу,
И закладывает в свой тугой лук,
Хочет птицу вещую подстрелити,
Могучие плечи прирасправити,
Свое сердце приутешити.
Проговаривает птица черен ворон
Русским языком:
— Ты сго(й) еси, Алеша Попович,
Тебе на мне сердце не утешить
И могучие плечи не расправити!
Побегай-ко, Алеша,
Через эту степь Саратовскую,
По той было речке по Саратовке,
К тому камню бел-горючему,
К тому кусту ракитову.
Тут сидят-то два татарина некрещеные,
Полонили они красну девицу,
Красну девицу, душу русскую.
И один татарин уговаривает:
«По-русскому ты — красная девица,
А по-нашему будь голчаночка».
А другой-то говорит:
«Увезем мы тебя, красная девица,
К себе в Литву,
Отдадим за татарина за дородного,
За хорошего, в косую сажень:
Все мы ему покоряемся и покланяемся». —
Тут Алеша надевал тугой лук на могучие плечи,
Клал стрелу во колчаночку,
Заскакивал Алеша на доброго коня
И бежал-то Алеша
Через ту степь Саратовскую,
К той речке Саратовке,
К тому камню бел-горючему,
К тому кусту ракитову.
Одного татарина он конем стоптал,
А другого татарина мечом зарубил.
Соскакивал Алеша со доброго коня
И падал доброму коню во правую ногу:
— Спасибо тебе, батюшко доброй конь,
Получил я себе обручницу и подвенешницу!
Заскакивал Алеша на доброго коня
И садил красную девицу
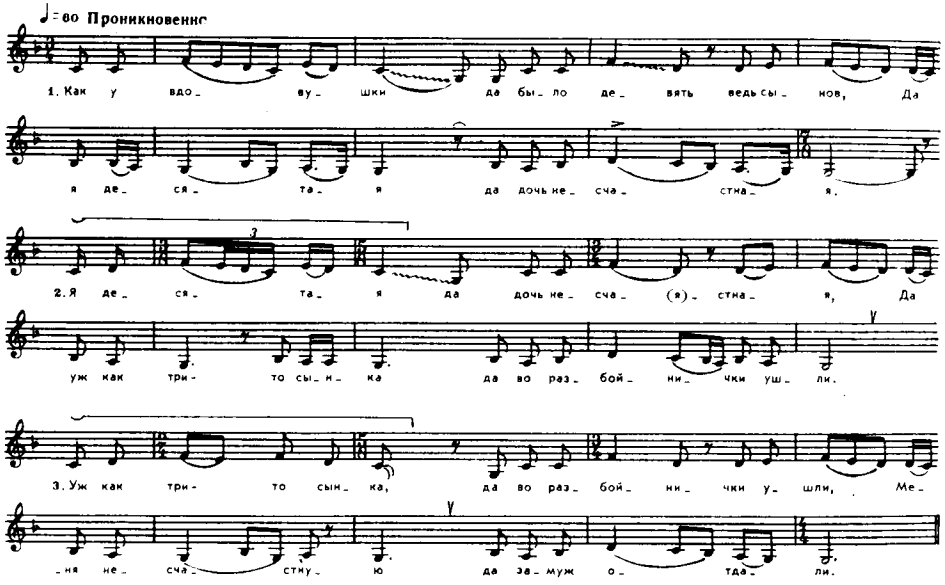
На доброго коня, на тучные бедра,
Расспрашивал он девицу:
— Какого ты роду:
Царского или боярского,
Или княженецкого, или купецкого,
Или последнего ты роду — крестьянского?
Она отвечала ему:
— Я роду не царского и не боярского,
Не княженецкого, не купецкого
И не крестьянского,
Я того батюшки попа Ростовского.
Соскакивал Алеша с доброго коня,
Падал коню во правую ногу:
— Спасибо тебе, батюшко доброй конь,
Я думал получить себе
Обручницу и подвенечницу,
А выручил свою родимую сестрицу!
Заскакивал Алеша на доброго коня
И побежал к себе в Литву,
К своему-то батюшку попу Ростовскому.

105. БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Жила-была тут пречестна вдова,
У той вдовы было девять сынов,
Десятая ли дочерь милая.
Взросли братья, во разбой ушли,
Без них вдова дочь замуж выдала
По край моря за моревича.
Мы год жили, мы другой жили,
На третий год мы стосковалися.
— Поедем, моревич, к моей мамоньке,
Я к мамоньке, ты — к тещеньке,
Я к родным братьям, ты — к родным шурьям,
Мореночка повезем к баушке,
К баушке, к родным дядюшкам.
Мы день-от шли, мы другой-от шли,
На третий день мы становилися,
Становилися, огонь клали,
Огонь клали, кашу варили.
Набежало на нас девять разбойничков,
Моревича они зарезали,
Мореночка в море бросили,
Моревишну во полон взяли,
Во полон взяли, сами спать легли.
Один из них не спит, лежит,
Не спит, лежит, думу думает:
— Еще чьего же ты роду-племени,

Роду-племен, отца-матери?
— Жила-была тут пречестна вдова,
У той вдовы было девять сынов . . .
[*Повторяется начало песни*]
. . .Мореночка в море бросили,
Меня младу в полон взяли.
— Уж вы, братцы ли, вы, товарищи,
Вставайте-ка, что мы наделали:
Родного зятя мы зарезали,
Родного племянника в море бросили,
Родну сестру во полон взяли!

106. БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

1. Как у вдовушки да было девять ведь сынов, да
   Я десятая да дочь несчастная.
2. Я десятая да дочь несчастная, да
   Уж как три-то сынка да во разбойнички ушли.
3. Уж как три-то сынка да во разбойнички ушли,
   Меня несчастную да за́муж о́тдали.
4. Меня несчастную да за́муж о́тдали, да
   Вот я год с ним жила, да и другой с ним жила.
5. Вот я год с ним жила, да и другой с ним жила, да
   Как на третий-то год я соскуча́лася.

6. Как на третий-то год да я соску́чилась, да:
— Уж ты, друг, ты, мой друг да друг Маря́шачок,
7. Уж ты, друг, ты, мой друг да друг Маря́шачок,
Ты спострой-ка, мой друг, да мне корабличок,
8. Ты постро́й-ка, мой друг, да мне корабличок, да
Мы поедем с тобой да в мою сторону,
9. Мы поедем с тобой да в мою сторону, да
В мою сторону, к родимой мамоньке.
10. В мою сторону, к родимой мамоньке, да
Вот мы день с ним плывем, да и другой с ним плывем.
11. Вот мы день с ним плывем, да и другой с ним плывем, да
Как на третий-то день остановилися.
12. Как на третий-то день остановилися, да
Тут напали на нас лихи́ разбойнички.
13. Тут напали на нас лихи́ разбойнички, да
Дружку милому отсе́кли голову.
14. Дружку милому отсе́кли голову, да
Дитя милова да в море бросили.
15. Дитя милова да в море бросили, да
Надо мною, молодой, да надсмеялися.
16. Надо мною, молодой, надсмеялися, да
Уж как два-то из них да спать уля́глися.
17. Уж как два-то из них да спать уля́глися, да
Уж как третий из них караулил меня.
18. Уж как третий из них караулил меня, да
Караулил меня да все выспрашивал,
19. Караулил меня да все выспрашивал, да:
— Ты откудова, чья да роду-племени,
20. Ты откудова, чья да роду-племени, да?
— Как у вдовушки было девять сынов,
21. Как у вдовушки да было девять сынов, да. . .
— Да ты почто же, сестра, нам не созналася,
22. Да ты почто же, сестра, нам не созналася, я да
Мы б дружку твоему не се́кли голову.
23. Мы б дружку твоему не се́кли голову, да
Дитя милова в море не бросили.
24. Дитя милова в море не бросили, да
Над тобою, молодой, не надсмелися.

107. БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Как у нас-то было во граде Углике,

Тут жила-то, была честна вдовушка,
Честна вдовушка Матрена Тимофеевна.
Как у вдовушки было девять сынов,
А десятая — красна дивушка.
Ее отдали замуж за море,
За море — за морянина.
Ёна год живет и другой живет,
А на третий год стосковалася,
Да морянина стала в гости звать,
В гости звать к родной матушке.
Ёни день-то идут и другой-то идут,
А на третий день сели заутракать.
Как напали на их злы разбойнички,
Заморянина воспогубили,
Дитё малое в море бросили,
Самое-то ее во полон взяли,
Во полон взяли, сами спать легли.
Атаман стоит, богу молится,
Богу молится, низко кланятся,
Намолившись, ею стал выспрашивать:
— Ты которого, баба, городу,
Да которого роду-племени?
— Я из городу из Углику,
Тут жила-была честна вдовушка,
Честна вдовушка Матрена Тимофеевна.
Как у вдовушки было девять сынов,
А десятая красна девушка,
Меня отдали замуж за море,
За море — за морянина.
Закричал атаман громким голосом:
— Братцы, вставайте, что мы наделали:
Мы своево зятюшка испогубили,
Мы племянничка в море бросили,
Сестру роннаю у полон взяли!

108. ФЕДОР КОЛЫЩАТОЙ И СОФЬЯ-ВОЛШЕБНИЦА

Поехали два брата, два Волховича
К солнышку Владимиру.
У солнышка Владимира
На пиру были пьяны-веселы.
Кто хвастает своим богачеством,
Кто хвастает молодой женой,
А кто хвастает слугою верною.
Два брата ничем не хвастают.
Тут спроговорил солнышко Владимир-князь:
— Уж почто, два брата, не хвастаете?

Тут встают два брата на ножки на резвыя,
Еще кланяются они понижешенько:
— Еще чем будем мы хвастати?
Еще есть у нас родна сестрица,
Свет по имени Софьюшка-волшебница,
Не перед свет свечой блад светел месяц,
Не обогреет ее красно солнышко.
Тут сидит со царем во рядом,
На том было на стулике на ременчатом
Свет по имени Федор сын Колыщатой.
Встает он на ножки на резвыя,
На зелен сафьян сапоженки,
Еще кланяется он понижешенько:
— Уж то правда, два брата, пустым хвастаете,
Видел, видел я вашу сестрицу
В рубашке без поясу!
Еще в те поры два брата обстыдилися.
Поехал Федор к Софьюшке-волшебнице:
— Уж тобой я, душечка, призахвастался.
Тут спроговорит Софьюшка-волшебница:
— Уж таперича нам живым не быть!
Тут разъехались два брата, два Волховича:
— Выходи ты, Федор, на красное крыльцо!
Тут спроговорит Софьюшка-волшебница:
— Хоть лежать тебе, доброму молодцу,— не отлежатися,
Хоть сидеть тебе, доброму молодцу,— не отсидетися.
С душой Софьюшкой распростилися.
Выходил Федор на красное крыльцо.
Еще подкололи два брата, два Волховича
На два копьюшка булатныя.
Еще в ту пору Софьюшка-волшебница
Подкололася на два ножичка булатные.
Еще в те поры два брата прослезилися:
— Уж не знали мы, сестрица,
Над тобой это случится,
То совокупили бы мы голубя с голубицею!

109. ФЕДОР КОЛЫЧЕСКОЙ И СОФЬЯ ВОЛХОВНИШНА

. . .На пиру були пьяны-вешелы:
Охто хвастает добрым конем,
Охто хвастает молодой женой,
Охто хвастает жиччьём-быччьём, богачеством.
Еще два братца, два Волховника ничем не хвастают.
Тут (в)ставал княжь на рэзвы ножки:
— А ви, два братцы, два Волховника,
Почему не хвастаете ни жиччьём-быччьём, ни богачеством?
Они говурят:

— Чем будем ми хвастаить?
Еще у нас есть онна шестрица Софья Волховнишна:
Швэчол мешец не прошветил,
Красно солнишко не обогрело,
Добрые люди не уздрили.
Тут (в)ставал из шереннего стола
Хвэдор сын Колыческой:
— Ох ви, два братца, два Волховника,
Не пустым ли местом хвастаете?
Еще я знаю вашу шестрицу Софью Волховнишну
В полунощную пору в онной сорочке без поясу!
И вибегает Хвэдор на улицу,
Убегает к Софье Волховнишне во висок черем.
Говурит он к ней:
— На пиру були пьяны-вешелы,
Пьянским делом призахвастались. . .
Говурит она:
— Понапрасно, Хвэдор, хвастаешь,
А чепер и нам живым не буть!
Приезжали два братца во висок черем
И кричат:
— Ох ты, сукин сын Хвэдор Колыческой,
Виходи на улицу, ми убить хочем тебя,
А в доме кровянить не хочем!
Тут виходит Хвэдор сын Колыческой.
Подкололи на два ножичка булатные.
А Софья Волховнишна
Во шенях на петле качается.
Тут спроговорат два братцы:
— Ми не ланно так сделали,
Лучче би Хвэдоро (в) иной город сослали,
А шестрицу свою во крэпких руках дэржали!

110. ФЕДОР КОЛЫЧЕСКОЙ И МЕЛЬФА-СОФЬЯ ВОЛХОВНИЦА
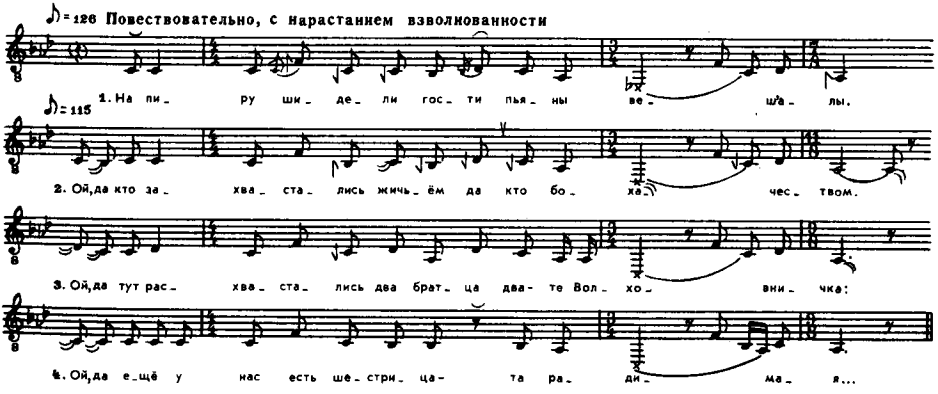
. . .На пиру сидели гости пьяны-вешелы,
Кто хвастал житьем, хто — быттём, хто — богаством.
Вот два брата, два Волковича
Расхвастались своёй сестрой:
— Что у нас живет сестра во череме:
Еще красно солнце не проглянут [!],
И добрые люди ее не выздреют!
И тут из переднего стола колесом пошел
Фэдор Колыченьской:
— Еще, говорит, знаю вашу сестрицу родимую!
Он виходит из-за стола, садится на лощадь и едет к этой Мельфе-Софье Волховнице. Приезжает.
Брала она его за берчени злачинные,

За ручки за белые, за берчени злачинные,
Проводила его за скатерти браные,
За столы дубовые,
Миловала-целовала во сахарные уста.
— Расхвастался я, говорит, по пьянке тобою.
Она заплакала:
— Уж тапериче на свете к нам живым не быть!
Сама сяла под окошко,
Стала вышивать три ширинки
Аравиньским чистым красным золотом.
И едет два братца, два Волковича:
— Виходи, говорят, Фэдор сын да Колыченской!
Он надевает шляпу бурзоменскую [!],
Надевает сапожки софьянныя,
Надевает он кафтан на одно плечо. . .
Подкололи его на два копья бурзоменския.
И (в) спаленке Мельфа-Софья Волховница
Подкололась на два ножичка булатныя.

Они заскочили в дом и посмотрели, что она, Мельфа-Софья Волховница подкололась на два ножичка булатныя. И сами выскакивают:

— Уж тапериче на свете к нам живым не быть!
Подкололись на два копьичка бурзоменския.

110а. ФЕДОР КОЛЫЧЕСКОЙ И МЕЛЬФА-СОФЬЯ ВОЛХОВНИЦА

На пиру сидели гости пьяны-весялы.
Ой да, кто захвастались жичьём да кто бохачеством.
Ой да, тут расхвастались два братца, два те Волховничка:
— Ой да, ещё у нас есть сестрица-та родимая.
Ой да, вот а это было тереме во висо́чине,
Ой да, не проглянёт как её да швет швечёл месе́ц,
Ой да, не просветит как её да красноё сольнишко,
Ой да, как по именю-ту звать да Софья-Ме́льха Волховнична.

Ой да, из переднего стола да в колесом пошёл,
Тут расхвастался-то Хфёдор сын да Колыческой:
— Ой да, по-пустому ви, робетушки, похваляетесь,
Ещё знаю вашу сёстричку родимую.
Ой да, вихадил-то ещё Фёдор на светую Русь,
Он садился на коня да ненасёдланного.
Ой да понесла его-то лошедь не путёю.
А брала его за ручки-то за белыя,
Как за че било перстёня-то злачёныя.
— Ой да, ещё пьянским-то я делом призахвастался.
Ой да, тут расплакалась-то душечка Софья Волховнишна:
— Ой да, уж таперече на свете к нам живим не буть.
Ой да, сама шя́ла под окошечко стекольчето,
Ой да, сама шила-вишивала три шириначки
Ой да, аравинским чистым-красным чистым золотом.
Ой да, тут ехали два те братца два Волховнича.
Ой да как кричат братцы, ревут да злы́стым голосом:
— Ой да, вихади-то ещё, Фёдар, на светую Русь.
Ой да, надевал он сапожки на босу́ ногу́,
Ой да, с прызументами чёрну шляпу на одно он ухо́,
Ой да, надевал-то чёрну шляпу на одно ухо́,
Ой да, надевал-то он кафтан да на одно он плечо.
Ой да, подкололи на два копьичка булатныя
Ой да, подкололи на два копьичка булатныя.
Ой да, ещё душечка Софьё (о)на подколо́лася,
Ой да, подколо́лась на́ два ножичка булатныя.
— Ой да, уж тапериче на швете к нам живим не буть,
Ой да, подколо́лись на́ два копья бурзуменския.

111. СОФЬЯ ВОЛХОВНА

Сидят в городе веселые,
Пьют, гуляют, много хвастают —
Как добрым конем или молодой женой.
Сидят два братца, два Волховничка.
Тут спросили от них:
— Ви о чем, братцы, не хвастуетесь?
— Хвастачи и нам особенного нет,
Только есть у нас сестрица Софья Волховна:
Ее свечол м(еше)ц не просвечил
И красное солнишко не проглядыват.
Из серединего стола виходит сын Калинкин:
— Чего ви сестрою хвастаетесь?
Я знаю ее (в) одной рубашке да без поясу.
Уезжали братцы со стыдом
(К) сестрицой своей Софье Волховне.
Визывали сына Калинкевич(а)
Наколоть на востри ножья.

Одевается на смерть:
Надевал кафтан на одно плечо,
Надевал шляпу на одно ухо,
Надевал сапожки на босу ногу.
Виходил д(в)ум братца(м), д(в)ум Волховничка(м).
Накололи братцы на остры копья.
Молода сестра Софья Волховна
О калиновый мост кидалася,
До смерти убивалася.
Тогды братцы на остры копья накололися.

112. ДЕВУШКА ЗАПУСКАЕТ МОЛОДЦА В ГОРОД

Ты, крапива ли, крапивушка зеленая,
Занимала ты, крапива, все-то поле чистое,
Поле чистое и путь-дороженьку,
Что ни конному, ни пешему проходу нет,
Ни удалому молодцу проезду нет.
Только шел-прошел детина в стольной Киев-град.
И Киева ворота крепко заперты,
И крепко заперты, и запечатаны,
И караульные во городе все крепко спят,
Крепко спят и не пробудятся.
И не спала бы, не дремала красна девица,
И брала со стенушки золоты ключи,
И отворяла она вороты широкие,
И пропущала бы разудала добра молодца:
— Ты иди по городу тихошенько,
С ноги на ногу ступай помалешенько,
И не услышал бы чтобы родимый мой батюшка,
И не сказал бы родимой матушке:
Моя родимая матушка — очень строгая,
И не отпустит меня только во зеленый сад,
И во зеленый сад разгулятися,
С удалым молодцем повидатися.

113. УГРОЗЫ ДЕВУШКИ МОЛОДЦУ

Я стояла, примечала, как река быстро течет,
Река быстра, вода чиста, как у милого слеза.
— Не прогневайся, друг мой милой, что я буду говорить.
Ты родителёв боишься, ты не хочешь меня любить.
Я не вовсе девка глупая, не совсем я сирота,
Есь отец и есь мать, есь и два брата-сокола,
Два вороные коня, два вороненькие,
Два черкацкие седла, два булатные ножа.
Уж я этими ножами буду милёнка терзать.
Ты, рассукин сын, мошенник, на дорожке догоню,

На дорожке догоню, твое тело испорю,
С твово бела тела пирожков я напечу,
С твоей алой крови я наливочку сварю,
Из твоих костей-суставов кроваточку сделаю. . .

114. УГРОЗЫ ДЕВУШКИ МОЛОДЦУ

Я живал-бывал в Казани, вырос в Астрахани,
Я любил красну девчонку, хотел замуж ее взять,
Я замуж-то не взял, насмехаться над ней стал.
— Ты не смейся, молодец, не смейся, астраканец!
Уж как я, красна девчонка, я не вовсе сирота,
У меня ль, у красной девки, есть отец и мать,
Два брата-молодца да два булатные ножа.
Я велю тебя, каналью, середи поля догнать,
Середи поля догнать, руки-ноги поломать.
Я из рук твоих, из ног сама сошью себе кровать,
Из буйною головы — две питныя ендовы,
Я из крови из твоей пиво пьяно наварю,
Я из сала твоего свечек алых намочу,
Из мяса твоего напеку я пирогов,
Соберу своих подружек и загадку загану:
Я на миленьком сижу и на милого гляжу,
На столе милый стоит, в свече милый горит,
Во свече милый горит, милым потчиваю!
Как из них одна девчонка сдогадлива была,
Как догадлива девчонка, родная сестрица его.

115. МАРИНКА-ВОЛШЕБНИЦА

Вжяла она зарезала любовника.
Из ясных из очей умела чары наточать,
Из его костей велела кроваточку струбить,
Из его из тела пирог велела испекти.
Собрала она гостей:
— Ох ви, гости-воспода,
Загану я вам загадку, умейте отгадать:
Я во миленьком живу,
На миленьком сижу и милым потчую.
Из них онна красна девица
Призадумалась и призаплакалась:
— Ох ти гой еси, Маринка-волшебница,
Оберну я тебя сукой гончевою и бесхвостою!
И обернула.

116. УГРОЗЫ ДЕВУШКИ МОЛОДЦУ

Еще ключи-замочки позванивают,
[Гусли-перегуды побрякивают,]
Ну по улишке молодец посвистывает,
Сам с собою молодец поговариват:
— На словах мне красну девицу обманывати,
Весела наша беседушка во тереме была!
— Ты когда же, мой миленький, побываешь у меня?
— Я тогда всегда, милая, побываю у тебя,
Когда зальется вода на прикруты берега,
Ну повыплывет в воде бел горюч камешок,
Вот как вырастет на камени ракитовый кусток,
На ракитовом кусточке соловей гнездо совьет,
Во своем он теплом гнезде малых детушек сведет,
Я тогда, моя милая, побываю у тебя!
— Не загадочку, мил дружок, мне загадуваешь,
На словах мня, красну девушку, обманываешь!
Не мене эту загадку отгадывати,
У меня есть двое братья, разудалы молодцы,
Как у них-те мечи все булатные,
Они твои загадочки повыганут,
Что твое ли бело тело повырубят,
Во быструю во реченьку повыбросят,
Что твои ли желты кости на прикрут бережок,
Что твою ли буйну голову с яру на воду.
Ну повстанет над водою бел горюч камешок,
Вот повырастет на камени ракитовый кусток,
На ракитовом кусточке соловей гнездо совьет,
Во своем он теплом гнезде малых детушек сведет.

117. МУЖ-РАЗБОЙНИК

Не быть мне, молоденькой, за князем, за боярином,
Ни за князем, за боярином — быть за плутом, за разбойником. . .
С вечера разбойничек коня седлал,
Со полуночи разбойничек со двора съезжал.
Ко белу свету разбойничек на двор приезжал.
Выходила-то, встречала молода его жена.
— Не меня ты встречай, встречай доброго коня,
Ты вывязывай из торок цветно платьице,
Вывязывай цветно платьице, не развертывай!
Развернувши цветно платьице, слезно сплакала:
— Ты убил моего брата, своего шурина!

118. МУЖ-РАЗБОЙНИК

У барина, у боярина,
У него-то была дочь хорошая,
Он умел-то ее вспоить-вскормить,
Вспоить-вскормить, взамуж отдать,
Взамуж отдать за лютого за разбойничка.
Вор-разбойничек со вечера коня хлестал,
Со полуночи со двора съезжал,
Ко белу свету домой прибывал.
У новых-то ворот он постукался,
Золотым кольцом он побрякался.
Выходит его молода жена,
Пропускает его, молодца удалого, приусталого,
Заводит коня вороного,
Снимает с коня сумочки.
Во первой-то суме — злато-серебро,
Во второй-то суме — кравино [!] платье.
Платье она вынула, на Дунай-реку пошла.
Цветно платье мыть.
Платье вымыла, на угор пошла,
На угор пошла, сама слезно всплакала:
— Ох ты муж, ты мой честной господин,
Ты на что же убил моего братца?
— Во первой встрече спуску нету-ка:
Нет ни батюшку, нет ни матушке,
Наипаче молодой жене!

119. МУЖ-РАЗБОЙНИК

А вот мой дедушка Сергей Григорыч любил песню:
Как со вечера муж коня седлал,
А с полуночи в разбой езжал,
Ко белу свету домой приезжал.
Постукался, побрякался:
— Пропусти, жена, пропусти, молода,
Ты бери, жена, сумы новые.
Сняла жена сумы новые,
В суме-то было цветно платьице.
Платье вынула — ручкам схлопнула,
[Ручкам схлопнула,] слезно всплакала:
— Зачем убил, зачем загубил?
Это была моя родима сестрица,
А детям своим родима маменька.
— Не я ее убил, не я погубил,
А убила ее ночка темная,
[Ночка темная,] сабля вострая...
(Тут маленько запамятовала.)

. . .Поутру ранешенько вставали детушки,
Доправляли свою матушку:
— Ах ты, господи, где наша матушка?
— Ваша матушка на реку ушла,
[На реку ушла,] на глубокую.
Дети сбегали, попроведали:
— Нет нашей матушки.
— Ваша матушка в бане парится,
[В бане парится,] бело моется.
Сбегали, попроведали:
— Все нет маменьки!
— Ну уж, детушки, скажу я вам,
[Скажу я вам] правду-истину:
Ваша маменька в сыром бору,
Под сосенкой берет ягодки. . .
(Конец вот тоже теперь уж не вспомню.)

120. СЕСТРА ЗАРЕЗАЛА БРАТА

Шумит-гремит мать Шура-река, Шура быстрая. . .
Как сестра братца зарезала,
Бросала она (в) мать Шуру-реку:
— Ох ты гой еси, мать Шура-река,
Ти вожьми моего братца милого!
Тут Шура-река взволновалася,
Выбрасывала его на сухой берег.
Как шестра брала братца милого,
Бросала его во студень погреб.
Приезжает ее батюшка, стал он спрашивати:
— Уж агде мой сын ронной,
Агде твой брат ронной?
— Он уехал во чисто поле.
— Ты не будь моя дочь ронна,
Будешь вечно проклята!

121. ДОБРЫНЯ И АЛЕША ОТПРАШИВАЮТСЯ ЕХАТЬ ИСКАТЬ ИЛЬЮ МУРОМЦА

Из далека, далека, из чиста поля
Выезжали два братца родимые,
Ухо в ухо бегут, стремя о стремя.
Как один-то из них Добрыня Никитович,
А другой-то — Алешенька Попович млад.
Забегают оба братца во высок терем
К родной матушке Алеши Поповича,
Ко честной вдове Афимье Александровне.
— Благослови ты нас, матушка родимая,
Свет честна вдова Афимья Александровна,

Во чисто поле, раздолье широкое
Вместе с братцем Добрыней Никитовичем,
Что по полю гулять да родного искать,
Третьего родного братца — Илью Муромца,
Как отставшего от князя Владимира.

122. ОТЪЕЗД ДОБРЫНИ

Что не белая березка к земле клонится,
Перед матерью родной сын в ноги кланятся:
— Уж ты, родима матушка Амирфа Александровна,
Еще дай-ка ты мне благословеньице!
Ты, дитя ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь малых детушек?
— Малых детушек оставляю на твои руки.
— Ты, дитя ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь молоду жену?
— Молоду жену — на свою волюшку.

123. ДОБРЫНЯ И ОЛЕША (МУЖ НА СВАДЬБЕ СВОЕЙ ЖЕНЫ)

Поехал наш Добрыня во чисто полё гулять,
Поехал наш Никитич во роздольицо гулять:
— Жди ты, Настасья, перва шесть лет,
Жди же ты, Никулинишна, втора шесть лет,
Пройдет тому времени двенадцать лет,
Пройдут годы строшные,
Времена пройдут все урошные,—
Хошь, моя Настасья, замуж пойди,
Хошь, моя Никулишна, замуж пойди,
Не ходи ты за недруга моёго,
За того же Олешеньку Поповича:
Он недруг мой, супостат мой,
Он в очи тобой похваляется,
Позавочию тобой возношается,
Он недруг мой, супостат мой!
Прошло тому времю двенадцать лет,
Прошли те годы строшные,
Времена прошли все урошные.
Поневоли ее солнышко Владимир-князь
Замуж идти за того жо Олешеньку Поповича.
Приехал наш Добрыня из чиста поля домой.
Выходила-(в)стречала родна матушка его:
— Зво ести, родима матушка моя,
Как же не (в)стречает молода моя жена,
Свет душа Настасьюшка Микулишна?
— Нынче Настасья за дубовым столом,
Нынче Микулишна за дубовом столом

Со тем же с Олешой Поповичём.
Тут-то доброму молодцу за беду показалося,
За великую досаду показалося.
Он брал себе платьё скамаровское,
Во карманички клал червончики.
Приворотничкам давал по гривенке,
Придворничкам давал по полтиночке,
Пробирался он к Олешеньке на свадьбу.
Он крест-от клал по-писаному,
Поклон воздавал по-ученому,
Князю со князиней на особь статью,
Сонышку Владимеру
Со той же со князиней-королевной — на особь статью.
— Приходи-ко, приходи, наш веселый скамаров [!],
Звесели-ко нашу свадебку Олешенькину!
Заиграл он, скоморов, во иные во лады —
Все князья-бояре приуснули за столом,
Одна у нас не спит Настасья Микулишна.
Заиграл наш скоморов во иные во лады —
Все князья-бояре пробуждались за столом.
— Зво ести, сонышко Владимер-князь,
Прикажи всему поезду испить подать.
— Подавай, подавай, наш веселый скоморов,
Звесели ты нашу свадебку Олешенькину!
Подавает перву чару зелена вина
Сонышку Владимиру со князиней-королевишной.
Подавает вторую чару зелена вина
Олешеньке Поповичу с той же Настасьей Никулишной:
— Бери же ты, Настасья, единой рукой,
Выпивай единым духом!
Не пивать до дна — не видать добра,
Выпьешь до дна — увидашь добра!. . .
— Пропускай ты, сонышко Владимер-князь,
Не пропустишь — через стол скочу!
— Не скачи через стол,
Не ломай стола княжевецкого!
Не диво Олешенькю Поповичу,
А диво тебе, сонышко Владимер-князь,
Хотел ты от жива мужа жену отнять:
Здраво женил, да не с кем спать!

124. ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Раздунай, Дунай, Дунай, Дунай!
Не (в)сходило красно солнышко двенадцать лет,
Час топере красно солнце высоко взошло,
Высоко взошло, далеко ушло,
В вёшний день в половине дня,

Обогрело красно солнце мать сыру землю.
Из далеча, далеча, из чиста поля,
Из того было раздольица широкого
Выезжает тут Добрыня, добрый молодец,
Сильнущий, большущий, сильный багатырь
По имени Добрынюшка Никитич князь.
Подъезжает Добрыня к широку двору,
Привязыват коня к дубову столбу, ко злату кольцу,
Ко другому колечушку серебряному.
Стукатся Добрыня во злато кольцо,
Во другое колечушко серебряное.
Встречает его родна матушка,
Честна вдова Амельфа Александровна:
— Здравствуешь, удалый добрый молодец,
Сильнущий, большущий, сильный багатырь
По имени Добрынюшка Никитич князь!
— Здравствуешь, родна матушка,
Честна вдова Амельфа Александровна!
Как меня не встретит молода жена,
Молода жена Настасья Микулишна?
— Во ести, мое чадо милое, мое порожденое,
Сильнущий, большущий, сильный багатырь
По имени Добрыня Никитич князь,
Час топере Настасью во божьей церкви
За недругом твоим за Алешенькой,
Поневолил ее солнышко Володымир-князь!
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося.
— Во ести, родна матушка,
Честна вдова Амельфа Александровна,
Бери мои золоты ключи,
Иди в мою золоту казну,
Неси мою золоту гривну,
Во-вторы(х) неси золоты гусли волынные [!],
Которы были не играные,
Во-третьи(х) неси палицу военную,
Котора была полегче всех,
Полегче всех — во пятнадцать пудов:
Я поеду к Алешеньке на свадебку!
Седлал Добрынюшка хороша коня
Во седелушко черкацкое,
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых,
Тринадцатую подпругу не для красы —
Для богатырской крепости.
Садился Добрыня на добра коня,
Стегал коня кожу до мяса,
Во-вторы(х) стегал мясо до кости.
Стал его конь рессержатися,

Поехал Добрыня выше леса стоячего,
Ниже облака ходячего.
Подъезжает Добрыня ко белу шатру [!],
Привязыват коня ко злату крыльцу, ко злату кольцу,
Ко другому колечушку серебряному.
Стукатся Добрыня во злато кольцо,
Во другое колечушко серебряное.
Встречает его солнышко Владымир-князь:
— Здравствуешь, удалый добрый молодец,
Сильнущий, большущий, сильный багатырь
По имени Добрынюшка Никитич князь!
— Здравствуй, солнышко Владымир-князь!
Как мог у жива мужа жену отнять?
Берет его солнышко под руку,
Заводит Добрыню во белый шатер.
Заходит Добрыня во белый шатер,
Крест кладет по-писаному,
Поклон воздает по-ученому,
По-ученому — во все стороны,
Солнышку — на особь статью:
— Здравствуешь, солнышко великий князь!
Позволь мне, солнышко, место сясть.
— Перво тебе место — дубовой стул,
Второ тебе место — дубова скамья,
Третье место — куда хошь садись.
Садился Добрыня на скамеечку
Напротив жены Настасьи Микулишны.
— Попей, поешь, Добрынюшка, покушай!
Он не пьет, не ест, не кушает,
Потупил очи ясныя во кирпищат пол.
— Что же ты, Добрынюшка, не пьешь, не ешь, не кушаешь?
Что же ты, Добрынюшка, лихо думаешь?
Сымает он со правой ручки золот перстень,
Наливает он чару вина серебряную,
Подносит чару Настасье Микулишне:
— Пей до дна, так увидишь добра!
Она выпила до дна, увидала добра —
Свой золот перстень обручальный,
Которым венчалися, обручалися.
— Кабы я теперь могла, через стол вскочила!
Он берет Настасью за праву руку,
Повел жену Настасью на улочку.
Берет в руки гусли волынные,
Которы были гусли не играные,
Стал в эти гусли возыгрывати:
— Женился Алешенька, не с кем спать!
Оставайтесь, бояре, у Алеши на пиру,
[У Алеши на пиру,] на соломенном возу!

Раздунай, сын Дунай, Дунай, Дунай!
Не (в)сходило красно солнышко двянадцать лет,
Час топеря красно солнышко высоко (в)зашло,
Высоко оно (в)зашло, далеко ушло,
Вёшной день в половине дня,
Обогрело красно солнышко мать сору землю.
Как из далеча, далеча, из чиста поля,
Да из того было раздольица широкого
Выёзжает доброй молодец,
Доброй молодец, сильнушший, могушший богатырь,
А по имени Добрынюшка Микитич князь.
Заёзжает Добрынюшка на широкой двор,
Подъёзжает Добрынюшка к дубову столбу,
Он подвязыват коня к золоту кольцу,
Ко другому кольцу — ко серебряному.
Он стучится, Добрынюшка, во злато кольцо,
Во другое во серебряноё.
А (в)стречает-то его честна вдова,
Честна вдова, родна матушка,
Родна матушка Амельфа Лёксандровна:
— Ой ты, (з)драсвуй, удалой доброй молодец,
Ты сильнушший, могушший богатырь,
А по имени Добрынюшка Микитич князь!
— (З)драсвуй, родна матушка,
Честна вдова Амельфа Лёксандровна!
Как жо есто меня не (в)стретит молода жона,
Молода жона Настасья Микулишна?
— Во ести, мое чадо милоё,
Чадо милоё, мое порожденое,
Ты сильнушший, могушший богатырь,
А по имени Добрынюшка Микитич князь,
Час топеря молода жона во божой церкви,
Во божой церкви, под златым венцом,
Под златым венцом за недругом твоим,
За недругом твоим за Алешенькой:
Поневолил ее солнышко Володымер-князь.
Тут ёму за беду сталося,
За великую досаду показалося:
— Ой ли ты, матушка Амельфа Лёксандровна,
Бери-ко ты золоты ключи,
Иди-ко ты в золоту казну.
Во-первы(х) ты неси золоту гривну,
Во-вторы(х) ты неси золоты гусли,
Гусли волыновы да не играны,
Во-третьи(х)-то неси палицу военною,
Военну палицу, что полегче всех,

Полегче всех, во пятнадцать пудов:
Поеду я к Алешеньке на свадебку!
Он седлал коня во седелышко черкасскоё,
Он подтягивал двянадцати подпругами,
Двянадцати подпругами шелковыми,
А тринадцатой не гли красоты,
Не гли красоты, а гли крепости,
Гли крепости, гли богатырскоей.
Садился Добрынюшка на добра коня,
Стягал он коня кожу до мяса,
От мяса-то он стегал его до кости.
Стал его доброй конь рассержатися.
Он поехал, Добрынюшка, во чисто полё,
Во чисто полё, широкоё раздольица,
Он поехал выше облака ходячего,
Выше лесу он, того лесу стоячего.
Подъёзжат Добрынюшка ко белу шатру,
Он привязывал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, ко злату кольцу,
Ко другому ко серебряному.
Стукнул Добрынюшка перво во злато кольцо,
Во второ-то колечушко серебряно.
Тут (в)стречает его красно солнышко,
Красно солнышко Володымер-князь:
— Ой, (з)драсвуй ли, удалой доброй молодец,
Ты сильнушший, могушший богатырь
По имени Добрынюшка Микитич князь!
— (З)драсвуй, солнышко Володымер-князь!
Ето как можно у жива мужа жону отнять?
Тут бярёт его солнышко под руки,
(Стало быть, испужалси, заискиват перед ём.)
Он заводит Добрынюшку во белой шатер.
Хрест кладет он по-писаному,
Поклон он дает по-ученому, на все стороны,
Да уж как солнышку — на особ статью.
— Ой ты, солнышко Володымер-князь,
Ты позволь мне на место сясть.
— Перво место тобе — дубовой стул,
Второ место тобе — дубова скамья,
Третьё место тобе — куды хошь садись!
Он садился, Добрынюшка, на скамеюшку,
На скамеюшку проти(в) своей жоны,
Проти(в) своей жоны Настасьи Микулишны.
Говорит солнышко таковы слова:
— Попей, поешь, Добрынюшка, выкушай!
Он не пьет, не ест, не кушаёт,
Потупил он очи ясные на кирпищат пол.
— Что жо ты, Добрынюшка, не пьешь, не ешь, не кушаёшь,

Что жо ты, Добрынюшка, лихо думаешь?
Сымает он со правой руки золотой пярстень,
Наливаёт он чару вина серебряную,
Сам спущает он ей золотой свой пярстень,
Золотой пярстень Настасьи Микулишны:
— Да ты изволь-ко принять, изволь выкушать:
Коли выпьёшь до дна — увидёшь добра,
А не выпьёшь до дна — не видать добра!
Она выпила до дна — увидала добра,
Увидала добра — свой золот пярстень, обручальной он.
— Кабы я топерь могла, через стол скочила!
Он бярёт, Добрынюшка, Настасьюшку,
Он бярёт ее за рученьку,
Повел Настасьюшку на улочку,
За собой бярёт он гусельцы волыновы,
Которы были гусельцы не играны,
Стал во ети гусельцы возыгрывать:
— Ешшо жонился Алешенька — не с кем спать!
Остались все боляра в куте за столу,
В куте за столу, как на соломенном возу.
Алешенька хитрой был, сделал все по непоправде и остался ни с кем

126. ДОБРЫНЯ И ОЛЕША

Не (в)сходило красно солнышко двянадцать лет,
Как топеря красно солнышко высоко (в)зашло,
Высоко (в)зашло, далеко ушло.
Как из далеча, далеча, из чиста поля,
Из чиста поля, раздольица широкого
Выёзжат Добрыня доброй молодец,
Подъёзжат Добрыня ко широку двору,
Что сам-то себе доброй молодец удивляется:
— Уж как не было во чистом поле ветру-вихорью,
Как у молодца хоромы пошатилися,
Дубовы столбы-вередички все повыворотило,
Косящеты околенки все поломаны.
Доселева ты (в)стречала меня, молода жона,
Молода жона Настасья Микитишна,
Топеря-то (в)стречают меня малы детушки.
— (З)драсвуй, разлюбезной ты наш тятенька!
— (З)драсвуйте, мои возлюблены детушки!
Куды жо ваша родна матушка сподевалася?
— Приёзжали к нам три татарина,
Три татарина, три поганоих,
Увезли нашу родну матушку!
Тут-то ёму, добру молодцу, за беду сталося,
За великую досаду показалося.
Заёзжает Добрыня на широкой двор,

(Он стоял-то на двух дворах!)
(В)стречаётся ёму родна матушка,
Что честна вдова Амельфа Лёксандровна.
— (З)драсвуй, родима матушка!
— (З)драсвуй, чадо мое милоё,
Чадо милоё, родимо дитятко.
— (Г)де жо моя молода жона,
Молода жона Настасья Микитишна?
— Молода жона Настасьюшка во божой церкви,
Во божой во церкви, под златым венцом,
Не за недругом твоим, за Олешенькой,
Поневолил ее Володымер красно солнышко,
Красно солнышко Володымер-князь.
— Да(й)-ко, родна матушка, золоты ключи,
Я пойду-схожу в золоту казну,
Я возьму-ка там свой золот пярстень,
Ешшо я возьму новы гусельцы,
Которы гусельцы ешшо не играны,
Не играны, не волыновы,
Ешшо жо я возьму палицу военною,
Котора была палица полегче всех,
Полегче всех, во пятнадцать пудов:
Поеду я к Олешеньке на свадебку!
Стягал он коня кожу до мяса,
От мяса он стегал до кости.
Стал его доброй конь осержатися,
Рассержатися — отъёзжати во чисто полё,
Во чисто полё во широкоё.
Завидал он в поле трех татаринов.
Первого он татарина конем стоптал,
Второго он татарина копьем заколол,
Третьёго он татарина из ружья убил.
Подъёзжат Добрыня на широкой двор,
Привязыват коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к золоту кольцу.
Приходит Добрыня, он на свадёбку,
(У их как раз столы.)
Хрест кладет он по-писаному,
Поклоны он дает по-ученому,
На все на чётыре стороны.
— (З)драсвуй, красно солнышко Володымер-князь!
Садит его красно солнышко Володымер-князь:
— Перво место тебе — дубова скамья,
Второ место тебе — дубовой стол,
Третьё место тебе — куды хошь садись!
Садился Добрынюшка на скамеечку.
Вынимал Добрынюшка свои гусельцы волыновыя,
Которые были гусельцы не играны,

Стал во ети гусельцы возыгрывати:
— Ето как можно у жива мужа жону отнять?
Наливаёт он чару вина серебряну,
Сам подносит ее ко Настасьюшке Микитишне,
Сам спущает он золотой пярстень:
— Пей-ко до дна — увидаёшь добра,
Не пить до дна — не видаёшь добра!
Она выпила до дна, тут увидела добра,
Увидела добра — свой золот пярстень,
Свой золот пярстень, обручальной он был. . .
Бярёт Добрынюшка Настасьюшку,
Бярёт ее он за рученьку:
— Олеша жонился — не с кем спать!
Повел Настасьюшку на улочку,
Вынимал свои он гусельцы волыновы,
Стал во ети гусельцы возыгрывати:
— Ешшо жонился Олешенька — не с кем спать!
Остались все боляра в куте за столу [!],
Как на соломенном возу — без невестушки.

127. ДОБРЫНЯ И ОЛЕША

С начала века, видишь, был царь Владимер красно солнышко.
Был царь Владимер красно солнышко
Со душой королевишной.
У него пир был про богатырей.
Был вёшной день в половину дня,
А княжецкой стол во полу́столе́.
В полсыта́ бояра наедалиса,
В полсыта́ княжие напивалиса,
Все на пиру разгулялиса,
С молодыми жонами забавлялиса.
Один доброй молодец невесел сидит —
Молодой Добрыня Микитич млад,
Не весел сидит Добрынюшка да не радошен,
Он повесил буйну голову,
Потупил очи ясные
Во матушку полату белокамянную.
Владимер красно солнышко
По горенке похаживает,
По светлице погуливает,
Золотым костылем поколачивает,
Сам словечушко выговаривает:
— Уж что жа ты невесел сидишь,
Молодец Добрыня млад,
Не весел, буйну голову повесил и не радошен?
Али местичко тебе не по отчинке,
Али чарочки тебе не доносятся?

Отвечает Добрыня Микитич млад:
— Восударь мой Владимер красно солнышко
Со душечкой княгиной-королевишной,
И местичко мне-ко по отчинке,
И чарочки мне твои доносятся.
Уж все жа у тебя на пиру испоженены,
Все они у тебя на пиру разгулялися,
С молодыми жонами забавлялися,
Один я холостой хожу.
Говорит Владимер красно солнышко:
— Ты почто жа, Добрынюшка Микитич млад,
Тужишь сам и не скажешь нам?
Вот тебе дочери дворянские,
Дворянские и купецкие,
И из-за того ты, Добрыня, где хошь женись!
— Не надо мне дочери ни дворянские, ни купецкие!
У того-то у хресьянина богатого,
У Микулы Селенина, у серебренника,
На его-то меньшой дочере,
Свет по имени Настасье Микулишне.
У солнышка не пиво варить, все готово было.
Не белы крыпчаты полетели,
Не соколы полетели,
Покатил Владимер красно солнышко
Со душечкой князиной-королевишной
К Микулышке сватать.
Сватанье у них было не долгое, не короткое. . .
Она не шла, а Владимер не поневолил.
В воскресеньецо — смотреньецо,
В понедельничок — обручаньицо,
А во вторничок — честная свадебка.
Бояра были не меньшие, не малые,
Были большие, сильные могучие богатыри,
Дружком был сам старай казак,
Сам старой казак Илля Муровец,
Тысяцким был сам Владимер красно солнышко
Со душечкой князиной-королевишной,
Матвей да Лука были дети боярские.
Поехала Добрыни свадебка
К суду божью, ко злату венцу.
От венца злата Добрынюшка
Повел Настасею Микулишну
Ко своей родимой матушке,
Честной вдове Офимье да Александровне.
Стал Добрыня жить с Настасьюшкой,
Жить три годы с Микулишной,
Жить девять лет и двенадцать лет.
Требуют Добрынюшку на служобку,

На великую службу царьскую.
Стал он Настасьюшке наказывать:
— Живи ты, Настасьюшка, три годы,
И девять лет, и двенадцать лет,
Токо не буду — куды хошь пойди,
Не ходи только за моего великого недруга,
За великого недруга за Олешу Поповича:
Поповьские роды зависливы и лукавые,
У них в роте собака не привязана!
(Ругательники!)
Поехал Добрынюшка на великую службу царьскую. . .
Как Добрынюшка поехал на войну,
И заезжал домой проститься:
— Прошшай, матушка Офимья да Александровна,
Прошшай, молода жона Настасья Микулишна!
И голосок его слышали, а проездочки не видели.
Жила Настасьюшка три годы,
И девять лет, и двенадцать лет.
Прошли все годы срошные —
Нету-ка Добрыни из чиста поля,
Из широкого раздольеца.
И упеть пир был у солнышка Владимера,
Был великой день в половину дня,
Я княжецкой стол во полустоле.
В полсыта бояра наедалися,
В полсыта бояра напивалися,
Все на пиру разгулялися,
С молодыми жонами забавлялися.
Один доброй молодец невесел сидит,
Один невесел был Олеша Попович,
Буйну голову повесил,
Потупил очи ясные в полату белокаменную.
Владимер красно солнышко
По горенке похаживает,
По светлице погуливает,
Сам словечушко выговаривает:
— Что жа ты невесел сидишь,
Молодец Олеша Попович:
Али местичко тебе не по отчинке,
Али чарочки тебе не доносятся?
Отвечает Олеша Попович:
— Восударь мой Владимер красно солнышко,
И местичко мне-ка по отчинке,
И чарочки мне-ка доносятся.
Уж и все у тебя на пиру испоженены,
И все на пиру разгулялися,
С молодыми жонами забавлялися,
Один я холостой хожу.

Говорит Владимер красно солнышко:
— Ты почто жа, Олеша Попович,
Тужишь сам и не скажешь нам?
Вот тебе дочери дворянские,
Дворянские и купецкие,
И из-за того ты, Олеша Попович, где хошь жанись.
— Не надо мне дочери ни дворянские, ни купецкие,
У того-то у хресьянина богатого,
У Микулы Селенина, у серебренника,
На его жа меньшой дочере
По имени Настасье Микулишне.
У Владимера красно солнышко
Не пиво варить — все готово было.
Не белы крыпчаты полетели,
Не соколы полетели,
Покатил Владимер красно солнышко
Со душечкой князиной-королевишной
К Микулушке сватать.
Микулишна не шла, а Владимер красно солнышко поневолил жа ее...
Едет Олеши свадёбка
К суду божью, ко злату венцу.
На ту пору приезжал Добрыня Микитич
Из чиста поля, с широкого раздольеца.
(В)стречает его мать Офимья да Алёксандровна,
(В)стречает среди поля.
Добрыня Микитич спрашиваёт у матушки,
У честной вдовы Офимьи да Алёксандровны:
— А где моя молода жона,
Молода жона Настасья Микулишна?
И отвечат ёму родима матушка:
Честна вдова Офимья да Алёксандровна:
— Молода твоя жона Настасья Микулишна
У суда божья, у злата венца
И со злым твоим врагом Олешей Поповичём.
Добрынюшке это за беду палося,
За великую досаду показалося.
Поехала Олеши свадёбка
От суда божья, от злата венца.
Добрынюшка говорил своёй родимой матушке,
Честной вдове Офимье да Александровне:
— Дозволь, родима матушка,
Сходить к Олеше свадёбку повеселить.
Берет он золоты ключи,
Идет в золоту казну,
Надеет богатырскую сбрую,
Берет свои звончаты гусли.
Идет к Олеше на свадебку.
У Олеши были придворнички,

Придворнички, приворотнички.
Он придворничкам по грошику давал,
Приворотничкам — по копеечке,
А кажная копеечка — пятьсот рублей.
Выходит он к Олеше на свадебку,
Крес(т) он кладет по-писаному,
А поклон воздает по-ученому,
На все на четыре стороны,
А на особь статью — Владимеру красну солнышку
Со душечкой князиной-королевишной.
Стали они его спрашивать:
— Какой ты земли да какой отчинки?
— А земли я турецкой, отчинки Станиславской.
Посадили они его во честной пир,
Зачали угошшать, как себя.
Говорит он Владимеру красну солнышку
Со душечкой князиной-королевишной:
— Дозвольте мне-ка в гусли сыграть,
В гусли сыграть, увеселить свадебку.
Он перьвую игру играл — все призаслушались,
Он вторую игру играл — все призадумались,
Как третью сыграл — все призаплакались:
А он сам про себя играл.
Стал он опять у солнышка просить:
— Дозволь всемям подать по чаре вина.
Берет он чару в полведра еденой рукой,
Выпиват ее еденым духом.
Подает Владимеру красну солнышку
И всем князьям-боярам,
А на последе — Настасье Микулишне.
Берет он с правой ручки,
Со мезинчика золот перстенек,
Опускает его в чару Настасьюшке,
Опускат, а сам говорит:
— Пить чару до дна — видать добра,
А не пить чару до дна, токо не видать добра!
Пила Настасьюшка, попивала,
Пила-попивала важно до дна,
И прикатился к ее губам золот перстень.
И тот перстень наименованный она узнала:
Обручалась она с им с Добрынюшкой.
Говорит Настасьюшка: Хочу — кругом обойду,
А хочу, так через стол скачу!
Дружка был сам старай казак,
Старай казак Илля Муровец,
И был он умен да догадлив,
Дубовые скамьи приотодвигал,
Выпускал Настасью Микулишну.

Берет ее Добрынюшка за праву ручку,
Ведет ее Добрынюшка на улочку,
Воздавал он честь Владимиру красну солнышку
Со душечкой князиной-королевишной,
А Олеше Поповичу возговорил:
— Хорошо ты играл свадебку, да не с кем спать!
Привел он Настасью Микулишну
Ко родимой своей матушке,
Честной вдове Офимье да Александровне,
Спрашиват (у) родимой маменьки: Как велишь?
Бить мне жону, аль совсем убить молоду?
Мать ему говорит:
— Не бей жону да не увечь молоду,
Ее князь солнышко поневолил.
Дай ты ей три грозы женьские,
Как муж учит жону.
Бил Добрынюшка жону,
Учил Добрынюшка молоду.
Раскипелось его сердце богатырское —
Спустил он ей кожу с головы до пят.

128. ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТЬЕВИЧА

(В) молодых летах Добрынишка поехай по чистому полю, увидел — девица едет на лошаде, Насташусно дочь Микулина. Она с ним не здоровается и не рассказывает. Добрынишка хватил лешину, ударил ее по голове, а к ней не больно. Она сказала: «Какие морские комара кусают меня!» Добрынишка второй раз ее дубом. Тогды она положила его в карман. Лошади стало тяжело, не могуч тащить. Она его витащила из кармана, посмотрела — он красивый, за него замуж пошла. Поехали к ему дому, тут зивет родна маташка Амельфа Тимофеевна.

Надо стало к нему ехать на отцовские места. Тут спросила родна мать: «На кого ты покидашь молоду жену Насташисну дочь Микулину?» А жене сказал: «Жди меня до девяти лет ли, до двенадцать. Если я не приеду, то поди замуж — хоть за князя или за бояря, хочь за молоч(ч)его богатыря, не ходи за Олешу Поповича: Олешинка Попович просмехал дома боярские».

Ну поехал Добрынишка на отцовские места. Изнемат его жары петровские, солнопеки меженские. Плавал (в) ключевой реки. Унесло его ко зме-(е)ницам ко огненным. Как бы не было, отбился и обратно возвратился.

Приезжает (к) дому своему. Двенадцать лет прошли, и жена дома нет — ушла за Олешунку Поповича. Вот теперь стол устроили [?], люд гуляет, жаль — гусли [нет]. И пошел к нима. Тут спросили от него: «Какого ты сословия?» — «Я не большого сословия — комаринской». . . .дошач(ч)и у печки, играй (в) гусли лутче всех. Позвали молодые и посадили около себя, надлили пиво стакан, и поднесла стакан его жена. Половину выпил, а половину оставил, женин перстень спустил (в) стакан. Жена посмотрела и сказала:

«Мой муж пришел, теперь уйду я за него». Тогда Добрынишка сказал: «Хорошо было жениться Олешинке, только не с кем спать!»

(Добрыня был сын боярской, а Олешинка был сын приближенного попа сын.)

129. ДЕВУШКА ПРИХОДИТ НА СВАДЬБУ МИЛОГО

Я на шуточках другу милому говорила,
Своего-то я друга милого прогневила:
— Тебе полно, мой душа милый друг, волочиться,
Что пора тебе, душа милый друг, уж жениться!
Как пошел домой душа милый друг, сам заплакал.
Что со вечера душа милый друг послал сватать,
Со полуночи душа милый друг обручался,
Ко белу свету душа милый друг обвенчался,
Что ко раннему ко обедечку сыграл свадьбу.
Уж как тут я, красна девица, сдогадалась,
Словно рыбочка во синем море, встрепескалась.
Если б я-то, красна девица, была сизой голубкой,
Если бы были у меня, младой, быстры крылья,
Я взвилась бы, поднялась, полетела
К своему ли другу милому я на свадьбу,
Я бы села сизой голубушкой на окошко,
Жалобнешенько б сизой голубушкой ворковала.
Как тогда-то мой душа милый друг сдогадался:
— Ах вы, братцы мои поезжане,
Вы возьмите эту голубушку со окошка,
Вы напойте сизу голубушку, накормите,
Со двора вы сизу голубушку проводите,
Вы во след-то сизой голубушке накажите,
Чтобы впредь-то она ко мне не летала.
Не голубушка это сизая, а моя любезная!

130. СТАВЕР ГОДЕНОВИЧ

У ласкова князя Владимира
Было столованье, почестной пир
На многих князьев и бояров,
На всю поленицу удалую,
На всю на дружину храбрую.
Он всех поит, всех чествует,
Сам по гридне похаживат,
Белыми руками помахиват,
Могучими плечами поворачиват,
Сам говорит таковы слова:
— И кто меня, князя, есть славнее,
И кто меня, князя, есть вышее,
И кто меня, князя, есть богачее?

Больший за меньшего хоронится,
От большего, от меньшего ответу нет.
Из того из места из середнего
Выступал удалый добрый молодец
На те на ноженьки на резвые,
На те сапожки зелен сафьян,
На те каблучки на серебряны,
На те гвоздочки золочены,
По имени Ставер сын Годенович:
— Я тебя, князя, не славнее,
Я тебя, князя, не вышее,
Только я тебя, князя, побогачее.
У меня-то было во Столе-городе
Стоял домишко не корыстненький,
Не корыстный домишко на версте стоит,
На той версте пятисотныя,
Круг того дома железный тын,
На каждой тынинке по маковке,
По маковке да позолоченной,
По свечке горит да воску ярого.
Во тем во тыну стоят три терема,
Три терема златоверховаты:
Пол-середа одного серебра,
Лавицы-булавицы золотые,
Стены лисицами убиваны,
И не здешними лисицами — заморскими.
Во первом терему — золотая казна,
Во втором терему — платье цветное,
Во третьем терему — молодая жена,
Молодая Василиса дочь Никулишна.
У ней белое лицо, ровно белый снег,
Ягодицы, ровно маковицы,
Черные брови черна соболя,
Ясные очи — ясна сокола,
Ретивым она сердцем хитра-мудра!
Злые бояры — подмолчивые,
Говорят таковы слова:
— Гой еси, батюшко Владимир-князь,
Хвастает Ставер да небыльей своей,
Небыльей своей да молодой женой,
Нет ничего у него!
За то его посадили в шанцы глубокие,
Заслонили заслонами железными
И заклали дерном черным, мумреным,
Уростили травами зелеными.
И тут посылат ласковый Владимир-князь
Алешу Поповича, Добрыню Никитича —
И взять Василису дочь Микулишну,

И вести ее во стольный Киев-град,
Дорогой над ней насмеятися.
Узнавала Василиса дочь Микулишна,
Собирала она пятьдесят молодцов,
Собирала она пятьдесят лошадей,
Подстригала она себе русы волосы,
Назвала себя Василий сын Васильевич,
Садились они на добрых коней,
И поехали они в стольный Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру.
И дорогой ей попадаются
Два удалые добра молодца —
Добрыня Никитич да Алеша Попович.
И спрашивает Василий сын Васильевич:
— Вы куда, ребятушки, поехали?
— Мы поехали от ласкова князя Владимира
Во Чернигов-град взять Василису дочь Микулишну,
Взять ее нечестно,
Да дорогой над ней наругатися.
— Нет, вы, ребятушки, не ездите,
Едет от нее посол грозен,
И едет Василий сын Васильевич.
Поезжайте вы, ребятушки, во Киев-град
И скажите князю Владимиру,
Чтобы ладил он пятьдесят фатер,
Я сам стану к ласкову князю Владимиру
В хоромы княженецкие.
Тут-то молодцы воротилися,
Приезжают ко ласкову князю Владимиру:
— Едет от Василисы дочь Микулишны,
Едет грозен посол,
И велел он очистить пятьдесят фатер,
А сам посол — к ласкову князю Владимиру
Во княженецкой дворец.
Приезжает Василий сын Васильевич,
Заходит в палаты белокаменны,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
Со душечкой со княгинею!
— Добро жаловать, удалой добрый молодец,
И ты, Василий сын Васильевич!
Поиграм-ко со мной костью, картами!
И пили, играли, проклажалися,
Костью, картами забавлялися.
И узнала его молодая княгиня Апраксия:
— Гой еси, ласковый Владимир-князь,
Это не Василий сын Васильевич,

Это Василиса, ровно, дочь Микулишна:
По полу она идет тихошенько,
На лавку садится — коленцы жмет.
И проговорит ласковый Владимир-князь:
— Гой еси, мои слуги верные,
Истопите-ка банюшку-парушу,
Этого я посла изведаю.
Истопили банюшку-парушу.
— Пожалуйте, Василий сын Васильевич,
Со ласковым князем Владимиром
Во банюшку-парушу!
У нее уж были венички излажены,
Мыльца были припасеные, —
Докуль ласковый Владимир-князь
Ладился в банюшку-парушу,
Василий Васильевич вымылся, выпарился,
Идет навстречу князю Владимиру:
— Спасибо, тебе, ласковый Владимир-князь,
Спасибо на банюшке-паруше,
Я выпарился, вымылся!
И сходил ласковый Владимир-князь,
Сходил в банюшку-парушу.
И зачали они опять играть костью, картами.
И проговорит ласковый Владимир-князь:
— Не умешь ли ты, Василий, поборотися?
— Пожалуй, могу сходить поборотися.
И высылат он на Василья Алешу Поповича.
И пошел Алеша Попович млад
С Васильем Васильевичем боротися.
И поборол Василий Васильевич,
Алешу Поповича пнул под гузно.
И высылат ласковый Владимир-князь Добрыню Никитича.
И поборола она Добрыню, пнула под гузно.
И проговорит Василий Васильевич:
— Гой еси, ласковый Владимир-князь,
Не нашла я таких борцов-молодцов
Супротив Ставра сына Годеновича,
Выводите его из шанца глубокого!
И вывели Ставра сына Годеновича
Из того из шанца глубокого.
И берет она его за белы руки,
За те за перстни злаченые
И целует его в уста сахарные.
— Гой еси, ласковый Владимир-князь,
Не нашла я супротив его борцов-молодцов:
Да у него была сваечка серебряная,
У меня колечко золоченое,
Только он своей сваечкой обыгрывал

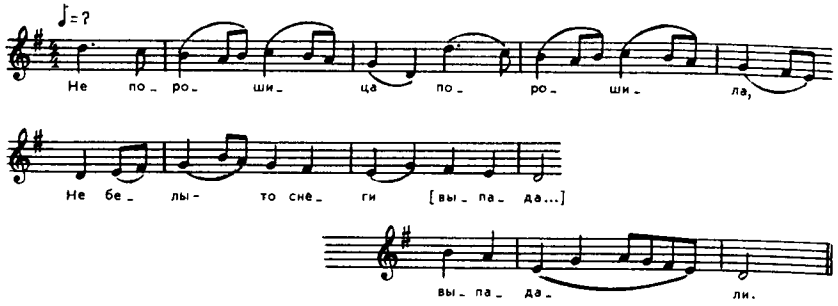
Меня в колечко золоченое.
И прощай, ласковый Владимир-князь!
Посадила Ставра сына Годеновича,
Посадила на добра коня,
Повезла в свою сторону, в Чернигов-град.
Тут-то сказала княгиня Апраксия
Ласкову князю Владимиру:
— Не умел ты разведати,
Не Василий ведь это сын Васильевич,
Сама Василиса дочь Микулишна:
Идет по полу — потихоньку шагат,
И на лавку садится — коленцы жмет.

131. СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Благослови жа меня, господи, старину сказать,
Старину сказать стару прежную,
Стару прежную да стародавную!
Как во славном было в городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимера
Уж было пированьицо, почестной пир
Как про многих про князей, про бояринов
И про сильных могучих про богатырей,
И про всю поленицу удалую.
Только нет на пиру ведь боярина Ставра,
Как боярина Ставра сына Годиновича.
Тут возговорил-промолвил Владимер-князь:
— Уж вы гогей, слуги мои верные,
Поезжайте-ка, слуги, за боярином Ставром,
За боярином Ставром сыном Годиновичем,
Вы подайте-ка Ставру мою грамотку,
Позовите вы Ставра на веселой пир.
Как немного тому времю миновалося,
Приезжает ко князю боярин Ставер.
Он ступает во полаты белокаменные,
Он крест кладет по-писаному,
Он поклоны-то ведет по-ученому,
Он кланяется да поклоняется,
Он на все-то на четыре на стороночки,
А Владимеру-князю — на особицу.
Оне сяли за дубовые столы,
А за те жа ведь за скатерти за браные
И за те жа есвы сахарные.
Оне в полпитья́ бояра напивалися,
Оне в полсытья́ бояра наедалися,
И между собой бояра призахвасталися,
Хвалятся златом-серебром,
Еще хвалятся скатным земчугом.

Как возговорит-промолвит боярин Ставер,
Боярин Ставер сын Годинович:
— Уж вы глупые, бояра, неразумные,
Вы хвалитесь златом-серебром,
Еще хвалитесь скатным земчугом,
Уж как есть у меня, у боярина Ставра,
У боярина Ставра сына Годиновича
Молода жена Василиса Васильевна:
Она ростом, доро(д)ством дородне всех,
Красотою-лепотою она краше всех,
Ее белое лицо, будто белой снег,
Ее черные брови, как у соболя,
Ее ясные очи, как у сокола.
Умеет она из туга лука стрелять
В семисотную версту в золот перстень.
Тут возговорит-промолвит Владимер-князь:
— Уж вы гой еси, князья, мои бояра вы,
Вы, сильные могучие богатыри,
Еще вся поленица ведь удалая,
Не напрасно ли Ставер похваляется?
Вы воз(ь)мите Ставра за белые его ручки,
Отведите-ко Ставра в темну темницу!
Тут услышала его молодая ведь жена,
Молода дочь Василиса Васильевна,
Приказыват имать своего добра коня
На ту же на уздицу на тесмяную.
Седлает коня во черкацкое седло,
Как подтягиват двенадцать подпруг шелковых,
Подпоясывается тяской палицою
И подсте(ги)вает свой тугой лук,
Она тугой лук ведь разрывчетой.
Как не грозная туча подымалася,
Как не вихри во полях да ведь завеяли —
Подымается Ставрова молода его жена,
Молода дочь Василиса Васильевна.
Подъезжает до двору князя Владимера,
Она крикнула громким голосом,
Засвистала она свистом, будто лютой зверь.
— Ах ты, батюшка Владимер-князь,
Ты подай-ка мне Ставра сына Годиновича!
Ты почто жа над Ставром величаешься?
Отшучу я тебе шуточку немаленькую,
Ты заплотишь мне пошлину великую
За такую ведь обидушку несносную! . . .

132. КНЯЗЬ МИХАЙЛО
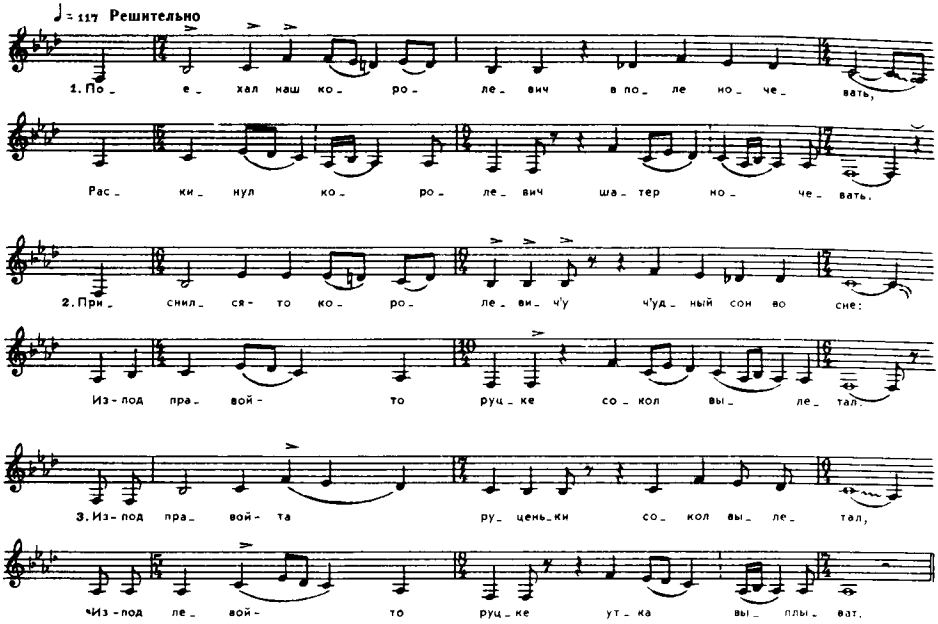

Не порошица порошила,
Не белы снеги выпадали,
Не мать сына провожала
На царскую службу государску. . .
Жарко банюшу натопила,
Круты щелоки наварила,
Сер горюч камень накалила,
Сноху в баню заманила,
На дубовой полок клала,
Очи ясны выжигала,
Белы груди распорола
Вострым ножичком складешочком,
Млада юношу вынимала,
На серебряно блюдо клала.
Ко синю морю подходила,
Во сине море его опустила.
Сине море всколыбалось,
Кит-рыба (в)стрепескалась —
У Михайлы конь споткнулся,
Пухова шляпа с главы спала.
И князь Михайлушко сдогадался:
— Я вам, братцы, не товарищ,
У меня в доме несчастье:
Либо матушка нездорова,
Либо белая беляна,
Молода жена-княгиня!
Подъезжает к полате.
Выходит его мать родима,
Снимает его с коня доброго.
Он спрашивает ее:
— Ой ты, матушка родима,
Где [моя белая] беляна,
Молодая жена-княгиня?
— В особой во полате,
Она моется да белится,

Хорошо хочет снарядиться.
Он входит во полаты
И спрашивает у нянек, у мамок:
— Вы скажите всю правду,
Где моя белая беляна,
Молодая моя жена княгиня?
— В особой во полате,
На дубовых на столах,
Под черною под тафтою,
Под белою бахромою. . . .
— Ой ты, матушка родима,
Ты две души погубила,
Закон божий разлучила!
По роду — ты мать родная,
По разлуке ты — змея люта!
Он втыкает саблю востру
Тупым концом в сыру землю
И вострым концом — в ретиво сердце.

133. СОН О РОЖДЕНИИ СЫНА И СМЕРТИ ЖЕНЫ

Отправлялся наш королевич в путь-дороженьку,
Оставляет королеву на плаканьице:
— Оставайся, королева, для свиданьица!
Со вечера королевич коня ловил,
Со полуночи королевич коня седлал,
Ко белу свету королевич со двора съезжал.
Поскакал наш королевич скоро-наскоро,
В(ы)бегает королевич в зеленую рощу,
Раскинул королевич бел полотнен шатер.
Лишь заснул наш королевич — видел страшный сон:
Из-под правою бы пазушенцы сокол вылетал,
Из-под левой пазушенцы — сера утица.
Садилса наш королевич на добра коня,
Поскакал наш королевич скоро-наскоро,
Приезжает королевич к старой бабушке:
— Ты, бабушка, бабушенца, рассуди мой сон:
Из-под правою пазушенцы сокол вылетал,
Из-под левою пазушенцы — сера утица.
— Хорошо, королевич, рассужу твой сон:
Из-под правой пазушенцы сокол вылетел —
Твоя-то королева тебе сына родила;
Из-под левой пазушенцы — сера утица —
Твоя-то королева поутру померла.

134. СОН О РОЖДЕНИИ СЫНА И СМЕРТИ ЖЕНЫ

Поехал наш королевич в поле ночевать,
Раскинул королевич шатер ночевать,
Приснился-то королевичу чудный сон во сне:
Из-под правой-то ручке сокол вылетал,

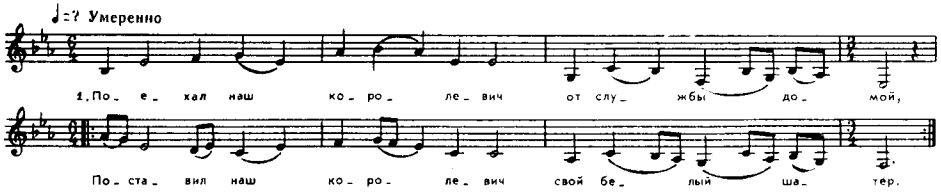
Анна Иннокентьевна Винокурова (1913 г. р.) (слева) с подругой, бывшей походчанкой Е. М. Шкулевой
Фото Т. С. Шенталинской. 1982

Из-под правой-та руценьки сокол вылетал,
Из-под левой-то руцьке утка выплыват.
Поехал королевич к старушонке в дом.
— Старая старушка, рассуди мой сон! . . .
— Жена твоя Марусенка сына родила,
На утренней зорьке сама умерла.

135. СОН О РОЖДЕНИИ СЫНА И СМЕРТИ ЖЕНЫ

Поехал наш королевич от службы домой,
Пустил он своего доброго коня в зеленые луга,
Поставил свой белый шатер на крутой горе,
Как во том шатре во беленьком сам улегся спать.
Пригрезил наш королевич дивен сон во сне:
Из-под правой из-под ручки соколик вылетал,
Из-под левой из-под ручки — сера утица. . .
— Ах ты, старая, старушенца, поведай мой сон. . .
— Твоя жена Марусенька сына родила,
На утренней на зореньке сама умерла.
Приехал наш королевич от службы домой —
Его жена Марусенька во креслах лежит,
Его стеклянчеты окошки все поломаны. . .

135а. СОН О РОЖДЕНИИ СЫНА И СМЕРТИ ЖЕНЫ

136. МУЖ ГУБИТ ЖЕНУ ПО КЛЕВЕТЕ МАТЕРИ

Служил год, служил два, служил три года,
На четвертый год мать письмо сыну шлет:
«Твоя милая жена сверх закону живет,
Твоих вороных коней всю тройку продала,
Твово милого дитя в приют отдала».
Как за этим за письмом я иду сейчас домой.
Его встретила мать среди широкого поля,
Его встретила сестра среди широкого села,
Его встретила жена среди широкого двора.
Он дарил свою мать золотым крестом,
Он дарил свою сестру золотым кольцом,
Он дарил свою жену саблей вострою —
Покатилась голова средь широкого двора.
Он шел-то, прошел, во конюшенку зашел —

Его кони стоят, сено зелено едят.
Он шел-то, прошел, в светлу спаленку зашел —
Как во этой спаленке колыбель висит,
А во этой колыбле дите милое лежит.
— Ой ты, мать, моя мать, зла разлучница,
Разлучила меня, мать, с молодой женой,
[С молодой женой,] с милым деточком!

137. КНЯЗЬ РОМАН ЖЕНУ ТЕРЯЛ

Молодой казак на часах стоит, думу думает,
Как жену убить да другу нажить.
Тут спроговорет как его жена:
— Не убей меня вечером поздо,
Ти убей меня со полуночи:
Пускай малы дети приусыплются.
Вивожил ее на швятую Русь [!],
Убил ее у сыра дуба.
Тут спроговорет к нему как княжна Анна,
[Княжна Анна] дочь Романовна:
— Очец Роман сын Иванович,
Ты куды девал мою матушку?
— Твоя матушка во божьёй церкви
Богу молится и спасается.
— Ох ви, нянюшки, ох ви, мамушки,
Поведите ви меня во божью церковь,
[Во божью церковь к] моей матушке.
Повели ее во божью церковь.
В божьем церкву вше пустым-пусто,
[Вше пустым-пусто,] вше пустошенько.
Тут ростужилась и расплакалась
Княжна Анна дочь Романовна.
— Отец Роман сын Иванович,
Ты куде девал мою матушку?
— Твоя матушка в чистом поле,
В чистом поле шветочки вьет.
— Ох ви, нянюшки, ох ви, мамушки,
Поведите ви меня в чисто поле,
[В чисто поле к] моей матушке.
Повели ее в чисто поле.
В чистом поле вше пустым-пусто,
[Вше пустым-пусто,] вше пустошенько.
У сыра дуба кровь разливана,
Мурава трава вшя утоптана.
Тут расплака(ла)шя княжна Анна,
[Княжна Анна] дочь Романовна:
— Очец Роман сын Иванович,
Ты куды девал мою матушку?

— Вот чибе есть твоя матушка.
— Чибе разве будет матушка,
Мине будет лиходеюшка!

138. МУЖ ЖЕНУ ГУБИЛ

Из-под камешка, камня серого,
Из-под кустика, куста ракитова,
Тут течет-бежит быстра реченька,
По прозванью река, река быстрая [!].
Как во той речке дева мылася,
[Дева мылася,] красна белилася.
На гору-то взошла — чудо видела,
Что не чудо ли чудо — донской казак,
Не коня-то он поил, свою женушку бил.
Как жена-то ему возмолилася:
— Ты не бей меня, муж, поутру рано,
Ты убей меня, муж, поздно вечером,
Чтоб малы мои детушки, они спали бы,
Злы соседушки, они — крепким сном.
Схорони-ка, муж, возле Дон-реки!
Уж как малы-то детушки пробуждалися:
— Ты родимый наш отец, где же маманька?
— Ваша маманька, она в лес по ягоды ушла.
— Не обманывай, отец, шелкова трава не мятая,
Сладка ягодка не собратая.
Ты родимый наш отец, где же маманька?
— Ваша маманька, она за водой ушла.
— Не обманывай, отец, возле Дон-реки следу нету-ка.
Ты родимый наш отец, где же мать наша?
— Ваша маманька, она во сыром бору. . .
Но не плачьте, мои дети, детки малые,
Я построю вам, детки, нову горницу,
Я складу-то вам, детки, печку каменну,
Я возьму-то вам, детки, мать молоденьку!
— Ты сгори-ка, сгори, нова горница,
Изломайся-ка, печка каменна,
Ты умри-ка, умри, мать молоденька,
Ты восстань-ка, восстань, стара маманька,
Без тебя-то мы, мать, бедны, голоднешеньки!

139. МУЖ ЖЕНУ ГУБИЛ

Шел парень со вечерочки, со батальицы,
Шел-то, пришел к молодой жене,
Он домой-то пришел поздно вечером,
Он домой-то пришел, раскуражился.
Что жена-то мужу покорялася,

Трою, двою мужу в ноги поклонялася:
— Ох ты, муж, ты, мой честной господин,
Ты не бей-ка меня поздно вечером,
Ты убей-ка меня во глуху полночь:
Пускай добры-то люди все улягутся,
Пускай малы детушки приусыпятся!
Утром ранечко, на рассветечке,
[На рассветечке,] на белой заре
Малы детушки пробуждалися,
Своей маменьки спохватялися:
— Ох ты, тятенька, где наша маменька?
— Ваша маменька на реку ушла,
На Дунай ушла цветно платье мыть.
Дети сбегали, мать заведали.
— Ох ты, тятенька, нету нашей маменьки.
— Ваша маменька во божьей церкви,
Богу молится, все спасается,
[Все спасается,] низко кланяется.
Дети сбегали, мать заведали.
— Ох ты, тятенька, нету нашей маменьки.
— Ваша маменька во сырой земле,
Во сырой земле, в гробовой доске.
Гробова-то доска изукрашена:
Плисом-бархатом оболочена,
Золотым гвоздем околочена.

140. МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА

— Как женил-то меня батюшко неволею,
Родна матушка — неохотою,
И они брали из места из богатого,
И много множество было приданого за ней,
И много множество, а человека с дела нет,
И мне-ка нечем при своей братье похвастати.
И еще вздумал добрый молодец гулять идти.
И ушел-то добрый молодец к синю морю,
Он ходил-гулял ровно девять лет.
Со синя моря туманы поднималися,
Молодцу пала кручина в ретиво сердце,
И (в)здумал добрый молодец домой идти:
— Мне к батюшке идти — живым не застать,
К роду-племени идти — не узнают меня,
Я пойду-ко к молодой своей жене.
И он идет-то, добрый молодец, по улице по широкой.
Тут играли-поиграли два мальчика.
Он говорит таковы слова:
— Сгой еси, два мальчика,
Кто этта живет, чья изба эта стоит?

И проговорят два маленьких мальчика:
— Тут живет-то наша матушка родимая,
И пречестная вдова, благодатная.
— А где у вас родимый батюшка?
— Ушел-то наш батюшко ко синю морю.
Услыхала их матушка из высокого из терема,
И отворяла она околенку стеклянную,
И сама говорила таковы слова:
— И не всходило красно солнышко три года,
И не всходило красно солнышко шесть годов,
И не всходило красно солнышко девять лет,
А сегодня красно солнышко высоко взошло!
И бежит она на улицу на широку,
И сама говорит таковы слова:
— Ой вы сгой еси, мои дети милые,
И пришел-то ваш родимый батюшка!
И берите вы его за белы руки
И ведите его в нову горницу,
Садите за столы за дубовые,
За скатерти браные,
За яствы за сахарные
И пойте, кормите, кланяйтесь!

141. ЧУРИЛА И ВАСИЛИСА

Со вечера пороха, со полуночи белый снег,
По этой по порохе, по белу снежку
Не зайко пробежал, не горносталько пробежал,
Пробежал-то Чурилко сын Пленкович,
Он тропил-то тропинку ко Велеметеву двору,
К задней избушечке, в поваренную и в челединную,
Ко той Василисе Николаевне,
Ко той ко честной королевишне.
Он гость гостит во двенадцать лет,
Никто про то не знает, не ведает.
Пошла девушка-чернаушка,
Ходила по широку двору,
Увидела Чурила сына Пленковича:
— Здравствуй, Чурило сын Пленкович!
— Благодарствую, девушка-чернаушка!
Не знаешь про то дело, не ведаешь:
Я у вас в гостях гощу, дары подарю,
Подарю златой перстень в пятьдесят рублей,
И я тобе подарю златой крест,
Еще я тобе дары подарю — светлы денежки,
Не сказывай Велеметю Васильевичу!
Пошла девушка-чернаушка,
Встречу девушке-чернаушке Велеметь сын Васильевич:

— Здравствуй, девушка-чернаушка!
— Благодарствуй, Велеметь сын Васильевич,
На многия летичка!
Не знаешь про то, не ведаешь:
У нас гость в гостях гостит, он по двенадцать лет,
Во задней избушке,
Во задней, во поваренной,
Во поваренной, челяденной,
У той Василисы Николаевны,
У той честной королевны.
— Что, девушка, врешь или правду говоришь?
Отпущу я тобя на свою волю.
— Поди-ко в задню избушечку,
Во задню, поваренну,
В поваренную, челяденну,
Налевочко сермяжечка лежит,
Сермяжечка хитра-мудра:
Покрою немецкого, намету турецкого,
Шитья-то ярославского.
Шапочка, рукавички на лавочке лежат,
Шапочка пуховенькая,
Рукавички шелковые,
Чулочики гумажные.
Под лавочкой сапожечки лежат,
Сапожечки зелен софьян:
Под носок — яйцо прокатить,
Под каблук — воробей пролетит. . . .
Кладет руку на скобу,
Отворяет двери на пяту,
(В)стает он середи полу,
Середи полу кирпитчетого,
Крес(т) кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
— Здравствуй, Василиса Николаевна!
— Благодарствуй, Вельметь сын Васильевич,
На много летичка!
— Чья у те сермяжечка лежит на лавочке?
Сермяжка хитрая-мудрая:
Покрою-то немецкого, намету турецкого,
Шитья-то ярославского.
Чья то шапочка, рукавичка [!] лежит?
Шапочка пуховенька,
Рукавичка шелковенька,
Чулочики гумажные.
Под лавочкой сапожечки лежат,
Сапожечки зелена софьяна. . .
— Это я у батюшки была,
Меня погода изнела,

Я сермяжку надела на собя.
Со младеном я была,
На младена я сапожки надела.
Не глядит он на ее оттоворочки,
Берет он ее за белы ручки, за златы перстни,
Выводит на красно крыльцо,
Ссекает он буйну голову.
Увидел он Чурила Пленковича:
— Пойди, братец, возьми свое добро,
Ты — званый гость!

142. ЧУРИЛА И ПЕРЕМИТЬИХА

Благословляй-ко, хозяин, благословляй, господин,
Старину сказать стародавную
Про молода Чурила сына Пленковича!
Он бодро по городу погуливал,
Под ним травка-муравка не топчется,
Лазоревый цветочек не ломится,
Зелен кафтан на нем не тряхнется.
Что со вечера порошица порошила,
Со полуночи выпал белый снег — в весь белый свет.
По той-то пороше два следочки лежат,
Малым-то малы, коротешеньки.
Стары старики собиралися,
Они тем следкам дивовалися:
— Чьи эти следки малешеньки,
Малым-то малы, коротешеньки?
— Это молода Чурила сына Пленковича,
То он бодро по городу погуливает,
Повадился Чурило к Перемитьеву двору.
Выходили часовы, выносили фонари.
Выходила госпожа Перемитьиха,
Берет она Чурила за белые руки, за злаченые перстни,
Ведет-то его в нову горницу,
Садит-то его за дубовый стол,
Поит его чаем-кофеем, зеленым вином.
Тут-то слуге ее, горничной, за беду стало,
За досаду показалося,
Пошла она барину пожаловалась:
— Ты гой еси, наш превысокой господин,
У нас в дому чудо чудится,
Чудо чудится, диво деется:
Твоя госпожа изменила тебе!
Скочил Перемитьев на резвы ноги,
Говорил таковы слова:
— Ты гой еси, слуга, превысока госпожа [!],
Налей ты мне чару зелена вина в полтора ведра!

Берет Перемитьев единой рукой
И выпивает на единый дух.
Он берет со спички вострy сабельку,
Пошел Перемитьев в нову горенку.
То [он] грозно по горенке похаживает,
Чеботами в пол поколачивает,
Вострy сабельку на рученьке поправливал,
На спички, под спички посматривал,
Увидел на спичке золот колпак:
— Это что? Мне не надобно!
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господин,
Я по городу ходила, по базару гуляла
И у батюшки была,
Мне батюшко пожаловал, родимой подарил:
Хочу я тебя срядить лучше старого, лучше нового.
Он грозно по горенке похаживал,
Чеботами в пол поколачивал,
Вострy сабельку на рученьке поправливал,
На грядки, под грядки поглядывал,
Увидал на грядке шелковы перчатки:
— Это что? Мне не надобно!
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, мой превысокой господин,
Я по городу ходила, по базару гуляла
И у матушки была,
Мне матушка дала, родна жаловала:
Хочу я тебя срядить лучше старого, лучше нового.
Он грозно по горенке. . . (*и проч.*)
На полки, под полки поглядывает,
Увидел на полке зелен кафтан:
— Это что? Мне не надобно!
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, мой превысокой господин,
Я по городу ходила, по базару гуляла
И у братца была,
Мой братец пожаловал, родимой подарил:
Хочу я тебя срядить лучше старого.
Он грозно . . . (*и проч.*)
На лавки, под лавки поглядывает,
Увидел под лавкой сафьяновы сапожки:
— Это что? Мне не надобно!
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, мой превысокой господин,

Я по городу ходила, по базару гуляла
И у сестрицы была,
Мне сестрица подарила, родна жаловала:
Хочу я тебя срядить лучше старого.
Он грозно по горенке . . . (*и проч.*)
На печку, за печку поглядывал,
Увидел — за печкой две свечки горят:
То ясны очи глядят, то Чуриловы.
— Выходи-ко ты, Чурило, середи пола,
До тебя-то мне, Чурило, делу нету-ка,
Мы с тобой, Чурило, побратуемся!
Ты гой еси, княгиня, превысока госпожа,
Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо перильчато,
Женю я тебя, княгиня, на другом женихе,
На другом женихе — вострой сабельке!

143. КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ И КЛЮЧНИК

По Устретенской большой улице
Строились палаты белокаменны,
Что во этих во палатах жил Волконский князь.
У того ли было у князя собраньице немалое:
Собиралися к нему князья-бояре все,
Уж как сильные могучие богатыри.
Еще кто из них хвалится своей силою,
Еще кто хвастает золотой казной,
А как нашему князю нечем похвалитися,
Похвалился наш Волконский молодой женой,
Молодой своей женой, душой княгинею.
Выходила тут, выступала млада ключница,
Ключница на ключника с докладом шла:
— Ох ты сгой еси, наш батюшка Волконский князь,
Пьешь ты, ешь, забавляешься,
Ничего же ты не знаешь, не ведаешь:
Как живет твоя княгиня с младым ключником,
Не год она живет, не два живет,
Как живет твоя княгиня ровно три годы.
Выходил наш Волконский на широкий двор,
Засвистел он, закричал своим звычным голосом:
— Ох вы сгой еси, мои слуги верные,
Вы подите приведите ко мне млада ключника! —
Уж как ключница к ключнику с докладом шла:
— Ох ты сгой еси, ключник, тебя князь требовал,
Он министром тебя хочет жаловать,
Не министром — думшим сенатором.
Выходил наш ключник на широкий двор,
Засвистел, закричал своим нежным голосом:
— Ох вы сгой еси, мои слуги верные,

Вы подите приведите мне добра коня,
Добра коня виноходого,
Заседлайте мне его седлом черкасскиим!
Брал себе ключничек плеть шелковую,
Выходил наш ключник на широкий двор,
Как садился ключник на добра коня —
Его добрый конь стоит да не тряхнется,
Что у ключника кудри не ворохнутся.
Отправлялся ключник на широкий двор:
— Вы прощайте, мои слуги верные,
Слуги верные мои, неизменные!
Приезжал ли ключник на широкий двор,
Никому-то коня взять не приказывал,
Ни к столбу-то его не привязывал,
Ни к кольцу-то, ни к злаченому.
Заходил-то ключник во полатушки:
— Ой ты сгой еси, батюшка, ты, Волконский князь,
Ты на что меня к себе требовал?
— Ты послушай-ка, млад ключник,
Хочу тебя жаловать,
Министером тебя, думчим сенатором:
Промежу двумя столбами дубовыми
Перекладиной тебя кленовою!
Повели млада ключника на весилицу —
Княгиня во полатах бесится,
Ключник во петельке качается —
[Княгиня] во полатушках кончается.

144. КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ И ВАНЯ-КЛЮЧНИК

Как у нас было на святой Руси,
На святой Руси да в каменной Москве
Стояли палаты белокаменны,
Во этих во палатах жил Волконский князь.
У Волконского князя Владимира,
У него-де было два клюшника.
Клюшник на клюшника доказыват:
— Ох ты гой еси, наш батюшко Волконский князь,
Ваня-клюшник живет да со княгинею,
Со душечкой да с Апраксией.
За то он посадил клюшника во темницу:
— Ты не врешь ли, клюшник, не хлопашь ли?
Сам говорит таковы слова:
— Ой вы гой еси, вы слуги верные,
Вы подите приведите Ваню-клюшника!
Туто слуги не ослушались,
Идут они по Ваню-клюшника,
Сами говорят таковы слова:

— Пойдем-ка, клюшник, тебя князь зовет,
Князь зовет, да мы не знам на что.
Надевал он сапожки зелен сафьян,
Надевал кафтанчик рудо-желт камки,
Подпоясывал опоясочкой шелковой,
Надевал перчаточки баретовые,
Надевал на себя шляпу черну, мумряну,
В три ряда кудри завивалися,
По четвертый ряд по плечам лежат.
Он брал с собой звончаты гусли,
Он идет по улице Устретенской
Ко ласковому князю на широкий двор.
Отворяет он двери потихошеньку,
Запирает двери помалешеньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
— Здравствуешь, батюшко Волконский князь!
— Добро жаловать, младой клюшничок!
Проговорит младой клюшничок:
— Ой ты гой еси, батюшка Волконский князь,
Ты меня на что звал, на что требовал?
Проговорит тут Волконский князь:
— Скажи ты мне, клюшник, правду-истину,
За то я тебя стану, клюшник, жаловать:
Давно ли ты живешь со княгинею,
Со душечкой со Апраксией?
Стану я тебя жаловать
Двумя столбами дубовыми,
Третьей перекладиной тавалженой,
Четвертою — петлею шелковою.
Проговорит Ваня-клюшничок:
— Ох ты гой еси, батюшко Волконский князь,
Прикажи мне напоследи в гусельцы сыграть.
— Ты взыграй, взыграй, младой клюшничок,
Княгинин ты сполюбовничок!
Заиграл клюшник в звончаты гусли,
По гуслям его струны выговаривают:
— Упито, братцы, было угуляно,
Добро-хорошо было ухожено,
Цветно платьицо было уношено,
На добрых конях было уезжено,
И на мягких постелях было усыпано,
По белым грудям княгини было утрепано,
Во сахарные уста уцеловано,
И жил я со княгинею ровно три года,
На четвертый год князь доведался!
И проговорит Волконский князь:
— Ой вы гой еси, мои слуги верные,
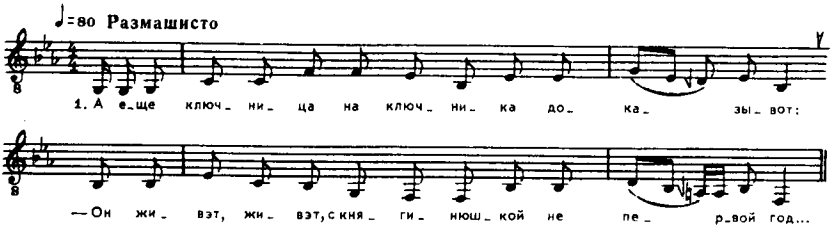
Берите-ко вы любезного клюшника,
Ведите к столбам белодубовым
И ко той перекладине тавалженой,
Кладите во петельку шелковую!
Клюшник во петле болтается —
Княгиня в палате кончается.
И прибегают ко князю слуги верные:
— Гой еси, батюшко Волконский князь,
У те клюшник во петле болтается,
А княгиня во палате кончается.
И проговорит Волконский князь:
— Ах сгубил я две головушки добрые,
И живите-ка они хоть бы век-от свой!

145. КНЯЗЬ И КЛЮЧНИК

Еще ключница на ключника доказывает:
— Как живет-то, живет ключничок с княгинюшкой,
Как имеет-то дела ключничок с княгинюшкой,
Призывает наш надеждушка военный князь,
Призывает того ключника допрашивать.
Как идет-то ключник, не пошахнется,
Голубой его кафтан да раздувается,
Голубая его лента машется.
Как пришел-то, пришел ключник к самому князю.
Еще спроговорет надеждушка военный князь:
— Ты скажи, скажи, ключник, правду-истину:
Еще вправду ли ты живешь со княгинюшкой?
Тут стоит-то, стоит ключник, не пошахнется,
Его резвые ножки не подломятся,
Ретиво его сердечко не удрогнется,
Его белое лико не изменится:
— Я живу, живу с княгинюшкой да не первый год,
Я живу, живу с княгинёй ровно да три года.
Еще в ту пору царю, царю завидно стало,
Показалося за досаду за немалую,
За немалую досаду, за великую.
— Еще завтра тебя, ключничка, я разжалую,
Я сострою тебе палату семиугольную,
Я положу да перекладинку да сосновую,
Я повешу тебе петлю шелковую,
Поведу-то тебя, ключничка, на петельку!
Как поутру тут раным было ранёшенько,
Восходило румяно красно солнышко,
Повели-то того ключничка на петельку.
Тут запел-то свою песенку любимую:
— Вы, солдаты, вы, солдаты новобраные,
Новобраные солдаты княжененские,

Не ведите меня заулками-переулками,
Поведите мимо палаты, мимо княжеские.
Пито-едено во палатушке, ухожено,
У княгинюшки белы груди утреплены,
Уста сахарные уцалованы!
Еще ключничок на петельке качается —
Княгинюшка в своей спаленке кончается:
Подкололась на два ножичка булатные.
Прослезился наш надеждушка военный князь:
— Как знать бы мне — ключничка в иной город сослать,
А княгинюшку-душу во крепе держать!

145а. КНЯЗЬ И КЛЮЧНИК

146. КНЯЗЬ ВОЛГИНСКИЙ И КЛЮЧНИК

Еще ключница на ключника доказывает:
— Он с княгиной пьет и ест, прохлаждается.
Созывает ключника Волгинский князь.
Ключничок идет и не пошахнется,
Речивое его сердце не удрогнется,
Его белое лико не изменится.
Голубой его кафтан раздувается,
Голубая его ленда машется.
Вот и спрашивает князь:
— Правда ли ты с княгиной прохлаждаешься?
— Я не первый, не второй — и ровно три года.
— Еще завтра я чебя разжалую,
Я состругю чебе полату шемиугольную,
Я положу чебе перекладину дубовую,
Повешу чебе петлю шелкову. . . .
— Ви, солдаты, тоже много браных вас [!],
Не водите ви меня не заулками и не переулками,
Поведите ви меня мимо царские палаты,
Где (в) княгинные это(й)-той палате
Пито-едено и ухожено.
Не вели его солдаты закоулками, не переулками,
Повели его солдаты, где княгинушке палаты.
Еще ключничок на петельке качается,

А княгинушка-душа (в) своей спаленке кончается:
Подкололася на два ножика булатныя
Вот под правой бок и под левой, и под читочку.
— Лучче би я знал, клюшника (в) иной город сослал,
А княгинушку-душу во крепких руках держал!

147. КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И ГРИШУТКА-КЛЮЧНИК

Во славном городе во Киеве
У ласкова князя Владимира
Было пированье, почестной пир,
Было столованье великое,
Покорил ключник-каречник,
Живет-то княгина с Гришкой-клюшником. . .
Это слово князю за беду стало,
За досадушку великую казалось.
— Слуги ли вы, слуги мои верные,
Пойдите-ко по Гришку-клюшника!
На то слуги не ослушались,
Приходят по Гришку-клюшника:
— (С)тупай-ко, Гришутка, тобя князь зовет.
— На что зовет, на что требует?
— Мы не знаем про то дело, не ведаем.
Одевается Гришутка, не торопится:
Надевает сапожки на босу ножку,
Надевает капотичек нараспашку.
Приходит он ко князю ко Владимиру,
К тому солнышку Сославьевичу:
— На что ты, князь, звал, на что требовал?
— На то я тебя звал, на то требовал:
Чем я тебя, Гришутка, буду жаловать?
То ли вострым копьем, то ли строевым ружьем,
То ли реленкой высокою,
Трет(ь)ей петелькой шелковою? . . .
Гришуточка в петельке качается,
Княгина в терему кончается.

148. ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Ета быля, знацыт, у Киеве
У славного князя Волёдимера.
Был у него молодой казак Добрынюшка,
А слузил Добрынюшка службу вирною, неизменною:
Три года Добрынюшка дворницаў,
Три года Добрынюшка стольницаў,
Три года Добрынюшка приворотничаў.
На десятый год Добрынюшка гуляц поше(ў).
Идет ёта ён по широким улицам

Ко Маринке на широкай двор.
У Маринки-то на высоким теремя,
Над окошком над косяшьшитым,
Тут два голубя сидят милуюцьця,
Шизым крылышкам ёни обнимаюцьця,
Промеж себя розговор даржат:
— Ешьшо холос(т) Добрынюшка, не женат человек,
Ишьшо нит у него сударушки,
Раскрасивой такой красавицы —
Не любют Добрыюшку деўки красныя!
Покажись ето Добрынюшку во досадушку,
Во горькою в обидушку.
Брал ён ружье немецкоё,
Стреляў он в шизыго голубя и во его голубушку.
А Добрынюшка, ён малолеток неразумнаи есь:
Ливая-то нога его поскользнулася,
Правая рука его издрогнула, —
Не попала пуля в голубя,
А попала пуля к Маринке у терем,
Во самоё в окошечко,
Поломала пуля окошечко стекольчатоё,
Застряла пуля в бил-дубовом столе.
Маринка-то, ёна ворожейка была,
Обернула Добрынюшку туром с золоты(м) рогам,
Прогнала его во тямны леса.
Тут Добрынюшки память вичну поют.
Вольки, однако, етого Добрынюшку съили.

149. ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

По три годы Добрынюшка стольничал,
По три годы Добрыня приворотничал,
По три годы корабли снастил.
Миновалося тому ровно девять лет,
На десятой год Добрынюшка гулять пошел,
Не за той ли он пошел за охотою,
За своей молодецкою заботою —
Погулять-поискать красных девушек.
Не нашел Добрыня красных девушек,
Выходил он на широкую улицу,
Ко тому ли ко терему Маринину.
Выпускала тут Маринка това голуба,
Уж как голуба со голубушкою.
Они крылушками обнимаются,
Они ноженьками оплетаются,
Сахарными устами тут целуются.
Покажися то Добрыне за досадушку,
За досадушку да за великой гнев.

Он выдергувал из налучня свой тугой лук,
Вынимал он из тулу-те калиную стрелу,
Он стрелял во голуба со голубкою.
Богатырска-то стрела не путем пошла,
Не путем пошла, колесом (в)звела,
Не попала во голуба со голубкою,
Попадала-то Марине во косящато окно,
Вотыкалася стрела во кирпищат пол.
Выходила тут Маринка по плеч в окно:
— Ты почто, Добрыня, сам на сам не сваташься,
Посылаешь ко мне свата калену стрелу?
Калена твоя стрела не умет говорить!
Подходил-то Добрыня ко косящату окну,
Еще била йво Марина по белому лицу,
По той же Добрыню по румяной по щеке,
Обернула его сивым турым волком [!],
Отпустила Добрыню во чисто поле,
Приковала-то Добрыне золоты рога,
Поставила его на большине всем.
Поутру-то Маринка собирала пир,
Еще всех своих собрала подруженьков.
На пиру-то Марина прирасхвасталась:
— У меня-то, у Маринки, было девять мужевьев,
Как десятой-то — Добрыня Микитич млад!
Случилася тут Добрыне крестова сестра,
Из-за дубова стола вон повыскочила.
Еще била тут Маринку по белу по лицу,
По той ли Маринку по румяной по щеке,
Из-д румяной-то щеке кровь пробрызгуват.
— Ах ты, сука-б . . . Маринка, ты, зельница,
Ты, зельница, бездельница, чародейница!
Ты не знашь ли меня, Марфу Сеславьевну? . . .
Разверни мово брата Микитьевича! . . .
Еще хошь ли, Маринка, я кобулой оберну,
За тобой я, за Маринкой, жеребцов спущу?
Еще хошь ли, Маринка, я те сукой оберну,
За тобой я, за Маринкой, кобелей напущу?
Еще хошь ли ты, Маринка, я синичкой оберну?
Еще тут же ей Маринка увзмолилася:
— Разверну твоего брата Микитьевича,
Ты не бей меня, Маринку, по белу по лицу,
Уж на белое лицо синевицы подошли!
От того-то уж Марфа разгневалася,
Обернула Маринку сорокою. . .

150. ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

. . .Сидели две голубки
На Маринином терему,
Носиком они целовалися,
Крылушками обнималися,
Ножками они сплеталися.
Показалося Добрыне
За великую за беду и за досадищу.
Хватал Добрыня тугой лук
И калену свою стрелу,
И налаживал на шелкову тетиву.
Его резвая ножка по(д)вернулась,
А белая ручка по(с)кользнулась —
Калена-то стрела не путем пошла,
Она падала в Маринкино косящето окно. . .

151. ТОВАРИЩИ ПЫТАЛИСЬ ОТРАВИТЬ ЗДУНАЯ

— Здунай-то, Здунай сын Иванович,
Не ходи-ко, мое дитятко, на конюшен двор,
Не имай, мое дитятко, коня доброго,
Ко крыльцу-то не подводи да не оседлывай,
Не подтягивай двенадцать подпруг шелковых,
Не езди, мое дитятко, вдоль по улице,
Не подъезжай, мое дитятко, ко кружалому,
[Ко кружалому,] к государеву кабаку:
Для тебя-то, мое дитятко, зелье налажено,
В зелено-то вино намешано.
Не послушался-де Здунай родимой матушки,
Пошел-де Здунай да на конюшен двор,
Имат себе коня доброго,
Он седло-то надевал, сам оседлывал,
Он подтягивал двенадцать подпруг шелковых —
Не для красы, а для богатырской седлости [!].
Поехал-де Здунай вдоль по улице,
Приворачивал-де Здунай ко кружалому. . .
Тут все товарищи зрадовалися,
Они брали Здуная за белы руки,
Подносят ему чару зелена вина.
По краям этой чарочки огонек горит,
Во середке-то змея шипит.
Берет-де Здунай эту чару правой рученькой,
Тут ему матушка на ум пала, вразумилася.
Права рученька опустилася,
Зелена вина чара проливалася. . .

152. ПАРАНЯ

Уж пошла наша Параня с горы на гору гулять.
Тут навстречу-то Паране злодей Ваня подошел,
За русу косу хватал, об сыру землю бросал.
От того наша Параня ровно три часа лежит,
На четвертый-от часочек сама встала да ушла.
Тут спросила у Парани родна матушка:
— Отчего так у Парани ала шуба во снегу?
Отчего так у Парани призаплаканы глаза?
Отчего так у Парани прирастрепана коса?
С полуночи-то Параню особоровали,
А поутру-то Паранюшка представилася.
Злодей Ваня прибегал, праву полу подтыкал,
Всем иконам умолял, все кануны отчитал,
Кисею с лица снимал, сам прощаться с нею стал:
— Ты прощай, прощай, Параня, разлюбезная моя!
Не досталася, Параня, ты не к людям, не ко мне,
Доставалася Параня гробовой одной доске!

153. ОЛЕША ПОПОВИЧ И ПАРАНЯ

Олешенька брат [!] Попович сам на камешке сидел,
Свой булат ножик точил, Поросковюшну грожил.
Он хватал бенну Параню за русу иэ косу,
Он хлестал бенну Параню по руменой по щеке,
[По руменой по щеке,] по жемчужной по серьге,
Он пинал бенну Параню сафьянным сапогом,
[Сафьянным сапогом,] беломенным каблуком.
Ш вечера бенна Параня очень трудная, больна,
Со полуночи Параня призвала себе попа,
[Призвала себе попа,] исповедалася,
Сто во тяжки(х) во грехах спокаялашя.
На угоре-косогоре (в) большой колокол звонят,
[(В) большой колокол звонят,] Поросковью хоронят.

154. ДЕВУШКА ВЫИГРАЛА ТРИ КОРАБЛЯ

По морю, по моречку, морю синему
Плыли-выплывали три корабличка.
Первой-от корабличек наперед бежит,
Вторый-от корабличек как сокол летит,
Третей-от корабличек искал присталищицо
И нашел крутый бережок. . .
Наповадилася красная девица
По купцам ходить, по торговшичкам,
Наповадилася красная девица во игры играть.
Во игры-то, говорит, играла красная девица во немецкие,

И выиграла красная девица три корабличка:
Первой-от корабличок — чистого золота,
Вторый-от корабличок — чистого серебра,
Третей-от корабличок — бел горюч камень. . .

155. ДЕВУШКА ВЫИГРАЛА ТРИ КОРАБЛЯ
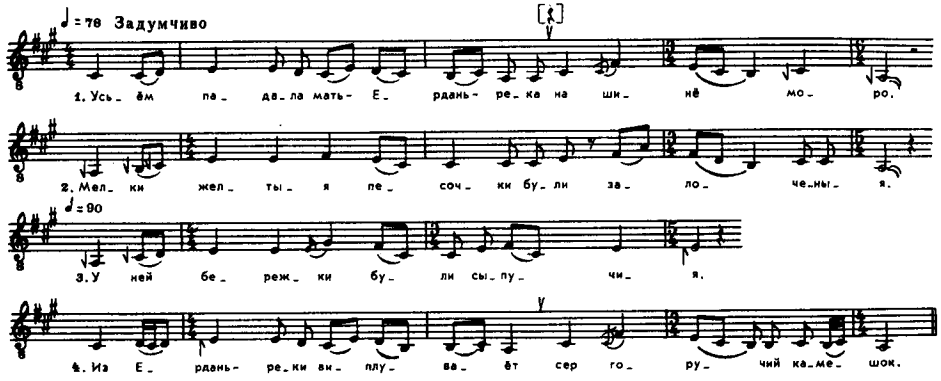
Вниз по матушке по Дунай-реке,
Вдоль по крутенькому было бережку,
По желтому и по наносному россыпчату песку,
Тут построена была квартира — постоялый дом,
Постоялый дом — всё купцы стоят,
Молодые всё купцы, неженатые.
Повадилась красная девица к купцам ходить,
Подходила красная девица
И брала двери за скобу,
Отпирала двери на пяту
И выходила среди пола,
Середи пола кирпищата.
Она крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Она кланялась во все четыре стороны,
Доброму молодцу — на особицу тебе.
— Бог помощь, добрый молодец!
— Добро жаловать, красная девица,
За единый стол хлеба кушати!
Садись, красная девица, во игры играть,
Во игры играть, во кости и карточки.
Отыграла красная девица три корабличка
И со правой руки золот перстень.
Тут доброму молодцу за беду стало,
За великую досаду показалося.
Он скакал скоро на резвы ноги
И бил-то красную девицу по белому лицу.
Из белого лица кровь пробрызнула
И из ясных очей слезы покатилися. . .

156. РАЗОРЕНИЕ ГНЕЗДА СОКОЛА

Из-за гор-че, било гор-че,
Из-за гор-че, било гор, високих гор,
Из-за дол-че, било дол, дол, дол, широких дол,
Тут течет, братцы, бегот да мать Иордан-река.
А у Иордан-реки було дёнушко золочено,
У Иордан-реки були бережки прикрутые,
А как же те желты мелки песочки були сыпучие.
Еще тут падала мать Иордан-река на шине моро.
Из Иордан-реки выплаваэт шер горучий камешок.

На камешке выростает час(т) ракитовый кусток.
Ох как на кушточке швивает сокол тепло гнездо,
Хорошо чепло гнездо сокол изукрашивать:
Пошерэдь гнезда швиваёт этим-то скатным жемчугом,
Он поверху гнезда швиваёт этим-то чистым золотом,
По углам-ит садит по камешку да ведь по яхонту.
Под чеплым гнездом лежали ровно три года.
Как нехто-то не знаёт про чепло гнездо,
Про чепло гнездо не знали соколиное,
О(й) как узнали про чепло гнездо соколиное
С того було дворца, от царского,
Ражвеяли, разгромили как чепло гнездо,
О(й) как чепло это гнездо соколиное.

156а. РАЗОРЕНИЕ ГНЕЗДА СОКОЛА

157. СОКОЛ УЛЕТЕЛ ИЗ НЕВОЛИ

Как у нашего царя да православного
Учинилася потерошка немалая,
Что ушел-то, улетел-то млад ясен сокол
Из того было из садика зеленого,
Что из той-то было клеточки серебряной.
Разорвал-то млад ясен сокол путы шелковые,
Что поднялся млад ясен сокол по поднебесью.
Как за ним бежит погонюшка немалая,
Бежит за ним любимой царской клюшничок,
Он кричит, клюшник, зычным голосом:
— Ой ты стой-постой, не летай, сокол,
За тебя меня царь скоро сказнит!
Провещует ясный сокол русским языком:
— Что теперь мне, соколу, своя воля,
И куды я захочу, туды я полечу,
Сяду я (на) кустичок калинов

И клюю я горьку ягодку калинову —
Мне получше вашей пшены белояровой.
И сяду при болотинке при ржавой,
И пью я тое воду со ржавчиной —
А мне лучше вашей сыты медвяныя!

158. СОКОЛ УЛЕТЕЛ ИЗ НЕВОЛИ

У нашего у царя, света батюшки,
У нашею у царицы благоверною
Потерялася потереячка, потерялася немалая,
Немалая [потереячка] и невеликая,
Не во сту рублей потеря и не во тысячу,
Потерялася потеря во три тысячи.
Из того было из садичку из зеленого,
Из той-ту из-за решеточки из середнию,
Из-за середнию [решеточки,] из серебряною
Ушел у нас, улетел млад ясён сокол.
За соколом бежит погонюшка — молодой солдат,
Кричит-зычит соколику зышным голосом:
— Стой-ко, постой, млад ясён сокол, стой, не улетай,
За тебя, говорит, меня, соколичек, царь сказнить хочет,
Благоверная царица сказнить-повесить хочет!
Умел сокол ему ответ сдоржать:
— Когды я был, соколичек, во поиманню,
Не умели меня, соколичка, во чести доржать,
Кормили меня, соколичка, хлебом-оржаниною,
Поили меня, соколичка, водою болотною. . .
А теперь я, соколичек, на своей воле:
Полечу я, соколичек, на Мурские заводи,
Подшибу я, соколичек, лебедь белою,
Напьюся я, соколичек, крови горячою,
Крови горячою я, соколичек, лебединою,
Наемся я, соколичек, мяса лебединого!

159. СОКОЛ УЛЕТЕЛ ИЗ НЕВОЛИ

Полетал-то наш соколик за сине моро,
Что за соколом погоня добрых молодцов.
— А ты стой-ка, ты постой, млад ясной сокол,
Из-за тебя, сокола, цар казнить хочет!
— Не умели сокола во чисте держать:
Вы держали сокола в задней комнате,
Вы поили сокола нелюбым пивом,
Нелюбым-то пивом, соляной водой,
Вы кормили сокола нелюбым куском,
Нелюбым куском, аржаным хлебом!
Уж тепер-то я, соколик, на своей воле,

Полетю-то я, соколик, за сине моро,
Подстрелю-то я, соколик, лебедь белую,
Я напьюся, я, соколик, кровь горячую,
Я наемся, я, соколик, мясо лебединое,
Я россею еи перья по синю мору!

160. ПРО КУЛИКА-ТРАВНИКА

Из далеча, далеча,
Из поля из Галичева
И вылетает кулик-травник,
И вылетает птица сбойчивая,
И за собой она сбой держит,
И лукавство немаленькое,
И пронырство свое великонькое.
И садится он на зеленой лужок,
И на летнюю травоньку,
И на шелкову муравоньку.
Увидал Потаня кулика из окна,
Становил Потаня кружок
На тот на зеленый лужок.
Попадал куличок во кружок
И во ту во петлю во шелковую.
И сохватал Потаня кулика,
И несет его в нову горницу,
И пущат в палату белокаменну.
Он и бьется, и лукавится,
И вперед подвигается,
И на носок спотыкается,
И за занавесу заглядывает,
Что на Марью Степановну
И на Авдотью Ягубьевну.
И Семен кулика невзлюбил,
И Ягубьевич невзлюбил молодого.
Он и хлоп кулика по щеке
И оберня — по другой стороне,
Изломал ему голову,
И хохол и нос своротил на сторону.
И взяли этого кулика отослали в Москву,
И по рядам его выводили,
И кнутом его выстегали,
И посадили кулика в тюрьму,
Потюремщику — пять рублей пять алтын,
Отвыпщику — десять алтын.
И егда кулик вырвался,
Улетел куличок далеко,
За горы за высокия,
За лесы и темныя.

И там жила сорочка богатенькая,
[Богатенькая] и тароватенькая.
Пивцо сварила и винца скурила.
Тот с борку, и другой с борку,
И кулик-кляпонос — с борку.
Говорит кулик таковы слова:
— Не тебе бы, сорока, пиво варить,
И не те бы, сорока, вино курить,
Знала бы ты, сорока, по гумнам летать,
[По гумнам летать,] зерна сбирать,
Тем бы тебе, сорока, сытой пребывать!
Она чашкой хлоп, она ложкой хлоп,
[Она ложкой хлоп,] она зуя в лоб:
— Будет тебе, зуя, мати вёшняя река,
И унесет тебя, кулика,
По вёшней реке по литовочке [?].
Там стоит часовонька пяти алтын,
Живет поп Мартын,
Попадья пердит, словеса твердит. . .

II. СКАЗКИ О БОГАТЫРЯХ

161. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР

Сидел Илья Муромец тридцать лет без рук, без ног. Вдруг приходит к нему восподь Исус Христос и три святителя: Миколай-угодник, Игорий Храбрый и Илья-пророк. Говорят они ему: «Встань и дай нам напиться». Илья говорит, что он не может ходить уже тридцать лет, но встал и принес им лендаву (ковш) воды. Они ему велели пить. Он выпил. Так он пил два раза. Тогда восподь Исус Христос спросил его: «Много ли ты, Ильюша, чувствуешь в себе силушки?» — «У меня, — говорит Ильюша, — силы столько, что если бы был столб от земли и до неба, то землю бы перевернул вверх ногам». Тогда восподь велел ему принести третью лендаву, и когда Илья Муромец выпил, восподь спросил его, сколько в нем силы. Он ответил: «Теперича во мне силы убыло». После этого восподь и три святителя — Миколай-угодник, Игорий Храбрый и Илья-пророк — ушли, а Илья Муромец взял бочонок с пивом и потащил его на пашню, там родители его жали хлеб.

Братья и невестки издивились и стали ссориться между собою: одни говорят, что это Ильюша, другие — что не он, потому что Ильюша сидит тридцать лет без рук, без ног. Когда Ильюша пришел, все легли отдыхать, а Ильюша стал щетку чистить, коренья и пенья в воду скидывать. Запрудил реку, и вода стала подходить под них. Они испужались, соскочили и давай его спрашивать: «Что ты делаешь, Ильюша, зачем это?»

Тогда Ильюша лег спать, и во сне ему приснился сон. В этом сне ему было сказано, чтобы он купил себе паршивого жеребенка и ростил его до тех пор, пока паршивый жеребенок не стал бы его дюжить.

На другой день отец купил Ильюше в соседях паршивого жеребенка.

Когда паршивый жеребенок стал дюжить Илью Муромца, то он сел на своего бурушка-кавурушка и поехал к Игорю Святогору на Святые горы.

Едет Ильюша, вдруг слышит свист Соловья-разбойника. Ильюшин бурушка-кавурушка спотыкнулся. Он его обругал. Ильюша имает Соловья-разбойника, кладет его в карман и едет к царю и царице. На царском дворе царь захотел, чтобы Соловей-разбойник свистнул. Ильюша взял царя под мышку, а царицу — под другую под мышку, и приказал Соловью-разбойнику свистнуть только в полсвиста. Соловей-разбойник свистнул во весь свист и удушил весь народ. За это его Ильюша сказнил, а сам поехал искать Игоря Святогора.

Сковал себе Илья Муромец статую железную и едет. Видит — стоит избушка. Зашел в нее, а там сидит старик слепой, отец Игора Святогора. Илья подает ему статую железную и говорит: «Вот мой братец». А отец Игора Святогора взял железную статую у Ильи Муромца, измял ее и говорит: «У меня есть сын еще сильнее меня, зовут его Игор Святогор». . . .

Ильюша вместе с Игором Святогором поехал по Святым горам. Едут и видят — стоит гроб. Илья Муромец лег в него, он ему велик, а когда лег в него Игор Святогор, то гроб пришелся в самый раз. Игор Святогор хотел из него вылезти, но не мог. Попросил Илью Муромца, чтобы он рубил гроб. Ильюша ударил, а на том месте железны обручи. Тогда Игор Святогор сказал Илье Муромцу, чтобы он приезжал сюда через год (а этот бы год проездил по Святым горам), просверлил бы в гробу дыру, напился бы соку его и поехал к отцу Игора Святогора сказать, что сын его Игор Святогор умер: «Когда скажешь, то беги и не останавливайся, а то если остановишься, отец догонит тебя и убьет».

Целый год Илья Муромец проездил по Святым горам. Приехал ко гробу Игора Святогора, провернул дыру в его гробу, напился соку и пены от тела Игора Святогора и поехал к слепому его отцу, и сказал ему о смерти Игора Святогора. Слепой старик побежал за Ильей Муромцем, но упал и умер, а если бы не упал, то он убил бы Ильюшу.

Долго ли, коротко ли едет Ильюша на своем бурушке-кавурушке, видит — стоит высокий терем, а коло него сад. В этом тереме живут двенадцать бессмертных девицев-красавицев. Илья Муромец заехал в сад и спрятался в цветы (а терем стоял высоко над землей). Когда бессмертны девицы-красавицы потащили цветы в терем, то с ними втащили и Ильюшу. Илья Муромец жил у их долго, а потом стосковался по родном городе Муроме и спросил позволения у двенадцати девицев-красавицев, чтобы они его опустили. Девицы-красавицы дали ему своего семикрылого коня, а его бурушку-кавурушку опустили в сад гулять.

Когда Ильюшка поехал, они дали ему наказ: поедешь обратно, чтобы не ворочался назад и не останавливался, а то ему будет здесь смерть.

Илья Муромец приезжает в Муром и видит, что он весь сгорел, а стоит только одна избушка, а в ней старая старуха сидит. Он спросил ее, не знает ли она, где родители Ильи Муромца. Старуха сказала, что они все примерли, а остался один сын Илья Муромец, да и об нем ничего не слыхать. Тогда Ильюша открылся ей и поехал обратно к двенадцати девицам-красавицам.

Только едет он и видит — на дороге младенец лежит. Ильюша стал останавливать своего семикрылого коня, а он не останавливается. Тогда Ильюша отсек ему крыло. Конь семикрылый остановился. Илья Муромец стал поднимать младенца, и как только дотронулся до него, тут было ему и скончанье, потому что младенец был его смертью.

Да ты, поди, слыхал, как старой казак Илля Муровец собиралса в стольной Киев-град ехать ко службе. Он ведь пошибал-бивал людей. Ну и конь у его был — вовся собачче объедало. И царь-то известен, да я позабыла званне его . . . Илля дома жил. Сама князина воспожа у его свахой была.

Слыхала, что он тридцать три годы сидел на. . . . И приходили к ему перехожия каляки под окошечко и говорили: «Илюша, вставай-ко-сь, дай-ко нам воды напиться». Он имя отвечат: «Я не могу идти». А они ему упеть говорят: «Вставай-ко, вставай, Илюша, не омманывай нас!» Ну стал он ставать и стал, да и зачерпнул он в чашу воды и подносит имя пить. И потом они попили — много ли, мало ли, — и говорят: «Натко, ты пей сам». Потом он пил эту чару до дна. Выпил, а они его спрашивают: «Ну как таперь ты о себе чуешь?» Он имя сказал: «Да я чую, как бы ровню подобрать». Они упеть говорят ему: «Зачерпни-ка ешшо одну чашу воды, да испей ие сам». Он упеть выпил сю воду. Упеть спрашивают: «А таперь я чую в себе силы, как бы был столб в землю вкопан, да можно было его поворотить, я бы поворотил весь белой свет». Потом они распростилиса, каляки-то, и они в том числе ему говорили: «Иди ты куды хошь, и сходи за город, и там ходит кобыленка с жеребеночком, и надознайся хозяина, и купи етого жеребеночка».

Потом он, Илюша, пошел к отцу на пашню, где отец с матерью чистили залог. Он пришел и сказал своим родителям про все, и говорит: «Бог на помочь!» Они зрадовались, что их Илюшенька пришел и стал им помогать, и дубья или сосны там стал из корню рвать. Потом ушел от их за город, нашел ету кобыленку и купил етого жеребеночка.

Потом много, мало ли с отцом побыл и стал у отца блаословления просить: блаословить, что ехать ему по святой Русе. И потом стал он блаословляться. И сосна, и дубья, и лиственъ в землю преклонялися, ковды Илюшенька блаословлялся. Блаословляла его родна мать и говорила ему: «Не обидь ты хресьян и не пей ты крови хресьянской занапрасно».

Потом Илюшенька собрался прямым путем-дорожкой. Поехал Илюша в стольный Киев-град. (Какой он там был!) И поехал он мимо Соловья-разбойника, который посвистом убивал за двенадцать верст. Доехал до Соловья-разбойника. И потом его конь [пал] накорочь от свисту от Соловьиного. Он и говорит: «Ах ты, собачья объедала, что ты боишься Соловья-разбойника?» (А конь у его был чистая белка: озера и речки меж ногами и быстры реки перескакивал. Это у них ишшо была споня, у богатырей: вот у Илли Муровца перескочил, а другого не мог перескочить.) «Только собакам годишься!» . . .Он рванул его да и стегнул. Пошел конь. Не доехавши до Соловья-разбойника, стрелил его из своего туга лука каменной стрелой. Попал ему во правой глаз. И Соловей-разбойник упал с двенадцати дубов. Он слез с коня и взял его привязал в торка за правое крыло, и повез его в город.

А в городе у Соловья-разбойника было три дочери. Они глядят в окошечко, и старшая говорит: «Тятенька везет в торках кого-то». А середняя не могла признать, а меньша-то говорит: «Не тятенька везет, а тятеньку везут за правое крыло!» Дочери откупали отца, давали ему несметную казну, а он не отдал. Хотелось ему повезти его на смотр царю.

У царя была служба в тот день. Илля торопился ко службе: прямым-то пу-

тем ему поспеть, а кривым-то не успеть. Он приехал, успел ко службе. Царь его спрашиват: «Каким ты путем ехал? — «А вот я ехал мимо Соловья-разбойника». Богатыри ему не верили. «Тридцать лет уже запала дорога туды, и нихто туды не ездил». Он ему сказал: «Ежли не веришь, то пойдем-ка, он ведь у тебя во дворце». Снял он Соловья-разбойника, показал имям. А он живой, только глазу нет. Вышли они, все богатыри и царь с царицей, и говорят ему: «Вели-ка ему свистнуть». (Царь-от слыхал, что он посвистом убивал.) Илля Муровец сказал ему: «Убери ты свою восударыню под праву руку». Сказал: «Ну, свистни, только (с)мотри не на весь свист, а потише». Тот свистнул в полсвиста, и они, как стояли, все упали, осталса один сам старой казак Илля Муровец на ногах. Богатыри осердились на его, и восударь осердилса тоже.

И был у царя упеть пир. А у Иллюши была шуба, и они бросали шубу на пол. И из-за того у царя с Иллюшей вышел супор, и посадил он его в темную темницу. Он сидел много годов. Была у его онна книга. И стали на царя напирать протчие богатыри. А Иллюша все в темнице. У его был ход в земле, и ему стряпки носили тунно исть. Царь в ту пору вспомнил: «Ежли бы да у меня был бы Иллюша, я бы не боялся их». Пошли они в темницу, а он живой. . . (Нескладно как-то рожатца, забыла уж почитай все, забыла и есь!) . . .Ковды они вывели его, и восударь поклонилса ему и повинилса, Иллюша попросил отдохнуть маненькё. Потом он садилса на своего коня и брал свою палицу. И он ехал и махал своей палицей в войско, и давил переулочки, а заворотится — дак давил улицы. Всее силу он побил палицей.

Ковды старой стал, и поехал он в свой город, хде он хотел помереть, и только въехал, и не доехал, куды ему было желательно, и только доехал до собора что ли, и тут с конем окаменел. Тут уж ему и конец был.

163. СОЛОВЕЙ ВОР-РАЗБОЙНИК

В славном городе Муроме жил-был кресьянин, Василием звать, имя как не помню, а мать — Наталья. У них был сын Илюша, все они ожидали, что он пойдет на ногах, а ноги не действовали. Продолжалось его безножие тридцать и три года. Отец и мать стали очень старые, а все ж-таки не видели никакой помощи от сына, и приходилось работать им самим. Приходилось работать ету кресьянскую работу им самим, а капиталу у их не было.

Вот в одно время отец с матерью ушли косить на покос. В ето время странники проходили етим городом и подошли к ихнему окну, стали просить милостыни. Илюша ответил им с полатев: «Рад стараться подать бы вам я милостыню, да только ноги у меня не служат. Ровно тридцать и три года». Странник один и сказал ему: «Я тебе б не такой милостыни дал, которой стал бы ты пользоваться во всю свою жись». Илюша обрадовался и стал просить странника: «Смилуйся надо мной. Что у тебя есь, дай мне-ка выпить». Странник ему чо-то подал из бутылки в стакане выпить. Когда он выпил, и сразу почувствовал себя мощным. Как будто с ним никогда етого не было. Стал прохаживать по избе, почувствовал (в) себе силу необыкновенную, богатырскою, стал расспрашивать странника, кто бы он был, а странник так ему и не сказал. А Илюша когда-то слыхал, со слов евангилея, что Исус Христос во время своего пребывания на земле хромых делал с ногами, а слепых делал с глазами. Он так и подумал, что это должно быть сам Христос был.

«Дай-ка пойду посмотрю, где отец с матерью косят сено». А мать и отец сильно утумились за тот день на сенокосе, (в)сяк по себе легли отдохнуть на зеленую траву и заснули крепким сном. А Илюша подкрался, взял он косу отца, и стал он пробовать косить, и так очень ему понравилась работа кресьянская, и так он разохотился и выкосил чуть ли не тридцать десятин. И воткнул он косу в земле по самую рукуятку, а сам спрятался за кусты.

Поотдохнувши, отец с матерью стали искать косу, которую не оказалось. И поогляделшись, и увидели такое пространство выкошено — конца краю нет. Их так страшно поразило, что бы значило ето. А потом (в)сёть-таки стали разыскивать свою косу. Наконец, разыскали свою косу, только уж вынить он не мог ее из земли. Увидел он так, что страшно отец его печальный, он вышел и показался ему. Когда вышел, отец его хотел броситься, но отшатнулся назадь. Он не поверил, что ето его сын, а потом увидел на руке его бородавку: «Да ето мой сын, верно!» Стал расспрашивать Илюшу, что бы значило так, а тот не стал ему рассказывать, сказал, что господь дал ему такое здоровье.

Пошли втроем домой. И вот сын стал требовать от отца и матери благословение. Просидевши тридцать и три года, надоело ему, и он захотел поехать и посмотреть, что творится на белым свете. Долго плакали отец и матерь, не допушшали своего сына, едва увидели его здоровым, вдруг им приходится расставаться с сыном. Уж делать нечего, он стал настойчиво просить их благословить своего сына. «Дак что же, на чем же ты поедешь, — говорят ему, — Илюша?» — «Да разве нету у вас лошадей?» — «Есть у нас серая кобыла да сиво-пегенькой жеребенок. Может ли только он возить тебя?»

Ничего не говоря им, взял благословение у отца с матерью, пошел он искать отцовскую кобылу. И увидал он — такой славный богатырский конь сиво-пегей. «Вот так, — думает Илюша, — отец сказал — жеребенок, а тут наоборот». Он стал подходить к ему — как пригнет етот жеребец к ему на плечи. «Стой, волчий корм, травяной мешок!» И он стал как вкопаной. Он надевает на него узду, взнуздал и повел его домой. И спрашивает у отца седло. Отец ему говорит: «Да есь одно худенькое седлишко». — «Ну и ладно, — говорит, — дело не в седле». Оседлал мало-мальски своего коня и попрощался с отцом, с матерью. Сейчас (в)скочил в седло и поехал (в) чистое поле, широкое раздолье — добрых людей посмотреть, сам себя показать.

Едет-едет. В чистом поле стоит столб. Видит — написана какая-то подпись. Не особенно был грамотен Илюша, но все ж-таки разобрал: что если поехать на праваю сторону, то быдет в голоде, а если ехать по левой стороне, то быдет в холоде, а если ехать прямо, то будет убит. Махнул на все Илюша: «Да что тут, ехать, дак ехать уж прямо!» И поехал он прямо.

День едет, другой едет, и на третий день попадается ему старичок, и спрашивает старичок: «Куда, добрый молодец, путь держишь?» — «Да вот еду, — говорит, — куды глаза глядят». — «Ах, брат, нет, здесь никто никогда не ездит, и зверь не прорыскиват, и птица не пролетыват, ни царь не проезживал, никакой богатырь не прохаживал!» — «А что бы значило по етой дороге?» — «А вот когда зайдешь в дремучий лес, — старик ему говорит, — стоит двенадцать дубов, на етих двенадцати дубах сидит Соловей вор-разбойничек, и он на несколько верс(т) не может тебя допустить. Как если только он свистнет, стулетние дубы к земле преклоняются, и реки с песком сметаются. И тогда он берет и садит (к) себе в темницу».

«Ладно», — думает себе Илья Муромець. Заезжает он (в) ближний лесок, вынимает саблю вострую, которая была взята на случай. Отрубает он дуб для лука и снимает с себя снурок с креста. И натягивает он туго на лук, и завастривает он стрелу вострую, и садится на своего доброго коня. И поехал далее.

Как зачуял его Соловей вор-разбойничек. И как свистнет. У Илюши конь стал на колени. Он ударил своего коня по крутым бедрам: «Что ты, волчий корм, травяной мешок!» А сам снимает с плеча лук дубовый, натягивает стрелу востраю и отпущает стрелу в Соловья вора-разбойника, которая угудила ему в правой глаз. И он свалился с дубов своих на землю. А Илья Муромець прискакал к ему, связал ему руки и ноги, привязал его к седлу в торока, а сам поехал далее.

Едет мимо замка Соловья вор-разбойника. Дети его бегают по улице. Страшно удивились, что бы значило: ковда-то отец ихний возил богатырей в темницу, а топерь видят — какой-то мужик везет его в тороках. Они побежали, сказали своей матери, что отца ихнего везет какой-то мужик в тороках. Мать вышла с дорогими подарками, стала просить Илью Муромца, чтобы отпустил ея мужа. И показывала все свои кладовые с золотом: «Все ето отдам за выкуп мужа». — «Только уже нет, — думает Илья Муромець. — Не сделаю я етого, а поеду ко стольному граду Киеву, (к) князю Владимиру. И посадим его там в темнице. Наверное, когда-нибудь и пригодится он».

Приехал он во стольной град Киев. Увидели его знатные вельможи, князи и бояра, стали его расспрашивать: «Откуда едешь, добрый молодец?» Он им сказал, что я еду из славного города Мурома, приехал кланяться великому князю Владимиру. «Какой же дорогой ты ехал?» Он им стал рассказывать, что я ехал прямою дорогою. «А как мог проехать-то? На пути, где стоят двенадцать дубов, на которых живет Соловей вор-разбойничек. Мимо его никакой царь не проезживал и богатырь не прохаживал, зверь не прорыскивал и птица не пролётывала, а как же ты мог проехать?» — «Ето уж объясню не вам, а князю Владимиру».

Доложили великому князю Владимиру, который поспешил выдти на двор. И увидел Илью Муромца: «Что ты хочешь, добрый молодец?» — «Видеть князя Владимира». — «Можешь теперь ответ держать». — «Гой еси, батюшко князь Владимир, красное солнышко, я приехал бить тебе челом и низко тебе кланяться, добрый и верный раб твой!» — «Ну, а как же ты из Мурому проехал, какой дорогой?» — «Я проехал прямой дорогой». — «Разве ты не встретил там на пути: и где стоят двенадцать дубов, и на тех двенадцати дубах сидит злой Соловей вор-разбойничек, который не пропущает мимо себя ни зверя и ни птицу? Да как же мог проехать ты?» А он на етим: «А я чуть не убил его». — «А где-ка он?» — «А вот у меня у седла в тороках». И сейчас попросил вывести Соловья вора-разбойничка.

Много слыхал князь Владимир разных сказаний об Соловье воре-разбойничке, что он так здорово свистит, и попросил, чтоб он свистнул. И вышла великая княгиня, и великий князь Владимир со всеми своими приближенными, с князьями и с боярами, и с вельможами. А Ильюша сказал Соловью вору-разбойничку: «А ну-ка, брат, уважь меня, свистни да посильнее». А князя с княгинею который взял их почти за руки и поддарьживал. Как свистнет Соловей вор-разбойничек, — и так все лоском и упали без чувств! И все пол-

зали, кто как мог. А князь Владимир — с княгинею, которая была без памяти. А когда опомнились, и сказали: «Нет уже, добрай слуга Илья Муромець, ета штука нам не по сердцу!» И тотчас же попросил Илья Муромець у них темницу, в которую усадил Соловья вора-разбойничка.

Прошло уже много лет, много было вина перепито, много разных яств переедено, все ето было позабыто об Илюше и о Соловье воре-разбойничке. В то время наступил на великий город Киев царь Калин Калиновец со своим громадным войском, где не было пощады ни старым и ни малым. На пути он все порушал.

Не знал, куда деться, старый князь Владимир. Метался со страху из стороны в сторону, да только вдруг попадает старушка: «Гой еси, батюшко князь Владимир, красное солнышко, что ты так призадумался и припечалился?» — «Как мне не думать и не печалиться, — говорит ей великий князь Владимир, — когда пришли на нашу страну царь Калин Калинович с несметным польчищем, все поразбито у нас, святые храмы, в которых понаделаны конюшни, и не знаем, как избавиться от етого дела». Старушка ему и говорит: «У вас ведь в заднем дворе есь старый богатырь Илья Муромець. Когда-то, в старое время он боролся с разными со львами и медведями, и Змеем Гаринычем, и всех он побивал. Надо будет просить вам его». Обрадовался дорогому совету великий князь Владимир и велел сейчас же отыскать Илью Муромца, которого привели стариком.

Стал просить его великий князь Владимир пособить его горю. Он сказал ему, что я-то ведь стар, да вот подумаю немного, и попросил у него темничные ключи, которые отыскали ему тотчас же. И пошел Илюша с ключами и в отомкнутую страшную темницу, где сидел Соловей вор-разбойничек. И он, какой был, таким же и остался. Стал ему говореть Илья Муромець: «Ну-ка, брат, сослужи мне службу, — а вот напал на Киев-град царь Калин Калинович со своим с несметным с польчищем, истерзает князей и бояр на костры. Если ты поможешь мне, то тебе будет свобода на все четыре стороны». Соловей вор-разбойничек сейчас же и согласилса.

Выехали они (в) поле ратное, где разгуливал царь Калин Калинович в самым разгаре. «А ну-ка свистни-ка покрепче, — говорит ему Илья Муромець, — чтоб полегче было нам справиться с ним». Да как свистнет Соловей вор-разбойничек так крепко, что у Илюши конь стал на колени. А все войско попадало плашемя. В ето время Илья Муромець сковал царя Калина Калиновича и отправил (к) великому князю Владимиру. Оставшееся войско русские войска побивали как хотели.

Илья Муромець приехал в стольной город Киев с Соловьем-разбойничком. И взял от него клятву, чтоб он впредь не делал вреда на земле, и отпустил его домой. А сам состарилса до глубокой старости и скончалси.

И (в) память его был построен храм пророка Ильи.

164. ПРО ИЛЬЮ МУРОВЦА

Жил-был хресьянин. Прожил свои века и помер. Оставилась у его семья большая. Один сын, звать Ильей, лежал тридцать лет без ног, на ногах не ходил.

Вот в одно прекрасное время, — ето дело было летом, братья его шшотки

чистили у реки у бульшой, — вот в одно прекрасное время пришли два старичка к етому нездоровому человеку. Было жар на дворе. Один старичок: «Стань, Илья, поди мне квасу принеси, я попить хочу». — «Ах, дедушка, я тридцать лет не знаю, как добры люди на ногах ходят, меня ведь поднимают». — «Ничего нет, нужды нет. Пошевели своим туловишшем». Вот стал он понемногу, помаленьки поворачиваться. Вздвигнуло его тело, стал пробовать себя, уперся, в возможение стал, сял на ж... Невного время прошло — Илья Муровец стал на ноги, сходил в подвал, принес шайку пива. Старичок невного попил етого пива, дал Илье пить: «Пей, сколь твоя душа желает». Вот Илья полшайки выпил. Старичок спрашиват его: «Как сочувствуешь себя?» Илья отвечат: «Сочувствую себя: сейчас могу, что хошь делать». — «Поди, Илья, принеси шайку другую!» Ушел, принес шайку другую. Старичок ему: «Пей, Илья, вторую шайку». Вот он выпил полшайки. «Чо, — старичок говорит, — сочувствуешь по себе?» — «Таперя я могу ужасную гору повернуть». — «Но бог с тобой, пей остатки!» Выпил он остатки. Старичок спрашиват его: «Как сочувствуешь в себе?» — «Тапере я чувствую в себе: был бы столб утвержоный, так я бы белый свет поднял». — «Довольно, будет тебе». Вот старички оба скрылися. Поблагодарил он их.

Идет Илья в подвал, выворачиват бочонок пива, берет за кушак топор тяжкой, тяжелый, идет к братьям на работу. Братья его завидели: «Ето что такое, (к) нам Ильюша идет?» — «Ну какой там Ильюша! Ето кто-нибудь чужестранный. Ты знашь хорошо, что у Ильюши ног нет». Один признал его хорошо — ближе и ближе: дисвительно, брат пришел, бочонок пива принес. «Что ты, что ты, брат, откуль у тебя чо взялося? Стало быть, (к) тебе восподь приходил». — «Ничего я, братья, не знаю. Оздоровел я. Ну, братья мои дорогие, уйдите в сторону, чтобы не ушобить вас лесом».

Вот принелса добрай молодец ходить направо-налево, дубы с корнями летят, и все турит в реку. Спрудил реку лесом, вода по берегам пошла, ходу воде не дал, прямо завалил реку. Разделал имя земли, сколько хошь. «Ну, братья мои, тепере можете пахать, можете хлеб ись — вишь ничего не стало, все чисто стало, никакого корешка в земле не осталося».

Распрошшался Илья Мурович со своими с родными братьями и валит дальше. Вот он шел-пошел своей путей-дорогою. Попадатся ему старичок стречу на лошаде. Обронил сумочку в землю и попросил Илью Муровича: «Подай, подай, сделай великую милость, мине ету сумочку». Вот приходит, берет одной рукой, подымат, подымат сумочку — сил его не берет. Вот другой рукой ухвутил, давай подымать ету сумочку, ушел до кушука в сырую землю — ну не мог поднять ету сумочку. Потом в ответ ему старичок говорит: «Что, доброй молодец, в поля едь — похвались, а преж время хвалиться нечего. Вот ты хвалил себя, что я подыму весь белай свет, — тут тольки третья часть свету белого тягости, и то не мог ты поднять. Будет тебе оставшей силы, владей, сколь я тебе дал. Шибко, чересчур много!»

Вот идет своей путей. Идет ему стречу Боба-королевич. Поймал Илью со всем, с конем, посадил в карман себе и едет себе. Приезжает думой, становит лошадь, слезаёт, вынул из карману Илью Муровича. «Да, да, — говорит, — я думал: кака-то пташечка пригает на дороге, не понял и не разобрал, что Илья Мурович едет». Наказывает Илье Муровичу: «Ты мотри, моей матери руку не дай, и вот подем со мной (к) кузнецу». Пришли в кузницу: «Ну, Илья,

дуй мех, а я вот ету железину накалю». Накалили железину алую. Потом Боба-королевич сказал ему: «Вот зайдешь (в) избу, у меня мать слепая, будет просить у тебя руку. Вот (в)место етой, (в)место своёй руки подавай ету калёную железину в руки».

Вот заходют оне. Сидит старушка, необнаковеннай рост большой. «Что, мой сын возлюбленной, — отвечает, — с кем приехал домой? Оде какого взял себе товарища, пущай ко мне подойдет с горячею рукой». Подходит Илья Мурович, подает железину ей каленую в руку. Взяла старуха в руки, прижала — тольки из железины искры пошли (вот как!). «Хорошо, люблю я того человека, горячая рука, поглянулась мне! Можешь гулять с моим дитёй, с Бобой-королевичем».

Вот жили оне несколь время дома: пили, гуляли, ходили; что имя нужно было, то делали. Побратовались крепко-накрепко друг с другом. Вот живут оне ето время. Год проходит, и другой проходит. На третей год Боба-королевич отвечает своему родному брату: «Подем, Илья Мурович, со мною, куды я тебя поведу».

Вот пошли оне путей-дорогой. Несколь время шли оне, увидели от большой дороги сильной, огромнай, большой лес. «Дай, — Боба-королевич говорит, — дойдем в етот большой лес. Что такое там деется, посмотрим мы с тобой». Вот зашли оне (в) сторонку, прошли несколь время по тайге по етой, спустилися в падь огромную. В етой паде степь огромная. Середь степи стоит домовишше. Боба-королевич отвечает: «Ну, брат, ляг-ка, поприметь, для куго ето домовишше». Илья Мурович послушалсе своёго брата, лег в ето домовишше — ишшо нужно десять Ильей положить в ето домовишше, потом рази хватит.

«Встань, мой родной брат. Дай я попримерю сам себя, не про меня ли приготовленная домовишша». Лег Боба-королевич в домовишшо, — захлопнулась гробница, налетели восемь железных оброчей. Отвечат Боба-королевич: «Разбивай, мой родной брат Илья Мурович!» Стал бить Илья Мурович, рошшибать ето домовишше. Раз ударит — налетит оброч железной. До тех пор бил, пока все полное домовишшо доспелося железными чижелыми оброчами. Потом отвечает Боба-королевич: «Послушай, мой братец дорогой, что я тебе скажу. Не ухуди от меня, обожди, посиди до тех пор, ковды подет из домовишши кровяная пена. Попей етой кровяной пены — будешь на свете хорошай, могучий, гламный самый богатырь».

Вот Илья Мурович гуляет по етой степе, никого не слышит и никого не видит: никакая не то ищо чо пташечка не поет, ромным счетом все тихо-глухо. Подходит (к) своёму брату Бобе-королевичу, увидал: идет уразная пена с кровью — ужась, ужась глядеть! Вот Илья Мурович припал к етой пене, ну пить ету пену, пондравилось ему — все равно как мед пьет ету пену сладку, хорошую. Боба-королевич отвечает ему: «Будет пить, Илья Мурович, будь доволен етим, больше всех онново не пей — не нужно»...

Больше я етого рассказу не помню. Не знаю, как он уж дальше там ходил.

165. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Был у матери один сын, его звали Илья Муромец. Ну, он, значит, калека был. Двенадцать лет не ходил, под себя все это. За ем мать все ухаживала. А потом шел странник и, значит, зашел к им, а отец-мать были... (вот у нас теперь, при советской власти тракторами очищают под пашню, а тогда нет), и вот они и работали, отец с матерью. Вот потом приходит какой-то старый старик, а этот Илья лежал посередь избы. (Он разговаривал, но только не ходил, калека был.) Этот старец приходит. «Кто есть тут дома?» — стукатся. А он ему отвечает: «Есть, — говорит, — но только я ходить не могу». Ну, он потом ему говорит (подошел к окну): «Повернись,» — говорит. Он повернулся. Потом говорит: «Садись на ж...» Он сял на ж... А потом говорит: «Ну, теперь вставай!» Он (в)стал и пошел дальше. «Ну, теперь дверь открывай». Он (в)стал и пошел дверь открыл. «Где у тебя родители?» — «Я, — говорит, — и сам не знаю, где они».

Ну, теперь этот старец из сумки вытаскивает две кружки и потом говорит: «У вас есть, — говорит, — хлеб?» (Дескать, булочки, допустим.) Он соскочил, взял там в кладовке, принес булочку. Он ее так разрезал. «Вот, — говорит, — половину ты кушай, половину я буду кушать». Когда стали кушать, покушали, он в одну чару налил и говорит: «Вот ты попей теперя». Когда он попил, говорит: «Как чувствуешь сам себя?» Илья говорит: «Прост-таки хорошо». А потом, когда еще попил, стал чувствовать еще лучше. Третий-то раз ему дал и говорит: «Ну, пока будешь ты доволен». Ну и только на двор вышел, и потерялся.

Ну, он после убегает, где отец с матерью чистили рощу. Это как раз около речки. Они что за месяц сделали, он за один час больше сделал. Прямо-таки лесину стал вырывать, в эту речку бросать. Ну ковды бросал, бросал, речку эту спрудил. Они лежали, отдыхали, ну вода подошла под их, они соскочили: «Чо такое? Чо случилось? Кто это смог на наш чертеж залезть?»

Ну потом приходят домой, а Илья уже бегат. Они испугались: чо тако с парнем сделалось? Он ростиком-то ладненький был, но ног-то не было. Вот он подбегат и говорит: «Папа, мама, вообще, — говорит, — я много не проживу с вами. Я буду царская слуга». Мать-отец заплакали: «Почему ты так?» — «Ну так, — говорит, — приходится. Через три дня, — говорит, — побежит сиво-пегий жеребенок. Я этого жеребенка поймаю». — «А как ты его, — говорит, — поймаешь?» — «Ну, как-нибудь надо».

Ну и правда, через три дня побежал этот жеребенок. Он его ухватил за хвост и удержал. А потом надеет на его уздечку и в темно место уводит. И стал он его кормить белояровой пшеницей. Ну ковды откормил его, много ли, мало ли он его кормил, он ему отвечает: «Мой хозяин дорогой, будь хозяин мой. Я тебе во всякие случаи буду служить под тобой». Ну, он, ковда конь ладный стал, — черкасское седло. Приходит домой, заседлывает эту лошадь. Потом начал с отцом-матерью прощаться: «Ну вот, оставайтесь, мои родители, а я еду царскую службу относить».

Ну ковды он побежал, то аж земля затряслася. Ну, побежал, побежал, побежал. Бежал, бежал. Стоят три дороги. По одной ехать — скорметому быть волкам. Посредине ехать — голодному быть. По третьей — убитому. Поехал по убитой.

Вот он бежал-бежал, бежал-бежал. Слышит — вроде свистит, человек что ли. Аж земля трясется. Ну, он подбежал ближе, ближе, а это Соловей-разбойник на двенадцати дубах сидел, он никого не пропускал: ни птицу, ни зверя, никого. Ну, он подбегает, значит. Уж его видно стало. Натягивает лук свой. И сразу стрельнул его, и прямо в глаз. И он с двенадцати дубов упал. Он когда подскочил к ему, то он еще ревет, свистит это. По-змеиному свистел, свистел, давай — по-звериному. Его конь начал падать. Он его шлепнул.

Ну, Илья его теперя, Соловья, завязыват в торока на коня, потом сам садится. Ну и идет будто бы а (г)де это Соловей-то находился, туда, в царство. Туда едет, а в этом царстве не только Соловей был, еще причиндалы были, богатыри. Выскочили они на двор и смотрят: «Папа, — говорят, — едет, кого-то везет в тороках». А сама Соловеева жена говорит: «Нет, — говорит, — не он везет, его везут в тороках». Илья подъезжает. Эти богатыри хотели навалиться на него. Она их и уняла: «Когда, — говорит, — отца убил, а с вами чо он будет делать?» Ну, подъезжает. Так и так, рассказала она ему все. А этого Соловья он дальше повел.

Ну, бежит-бежит, бежит-бежит. Потом слышит — попередь его едет на коне. Он и давай его догонять, и давай его догонять. Догонял-догонял, догонял-догонял — все ж-таки стал тот, видит, что едет. Он шагом едет, а Илья-то бежит, сколь есть скоку на коне. Ну, ковды стал догонять, хочет совсем догнать, не может. Тогда выдернул свой меч, сразу рубнул его, этого. (А ехал это Егор Святогор — попередь его). Ну он ковды его рубнул, он только вот так поймал рукой. (Он, понимаешь, шибко был сильный, был богатырь.) Когда, значит, второй раз размахнулся, тоже так же. А когда третий-то раз секнул, а он совсем с конем поймал да и в карман посадил, этот Егор-то Святогор. Когда Егор Святогора конь начал спотыкаться, он ему говорит: «Что ты, волчье мясо, овсяной [мешок,] (с)потыкаешься?» А конь отвечает ему: «Мой хозяин, я везу три силы: как же я (с)потыкаться не буду?» Он тогда на руку взял, вытацил. То это Илья с конем, да этот еще Соловей богатырь-то сидит. Ну, побратовались и поехали вместе.

Вот они ехали, вот они ехали с нем. Потом слышут — двенадцать молотов вроде куют, колотят. Вот они ехали, вот они ехали, потом подъезжают — стоит гроб железный, открытый, двенадцать кольцов на крышке. Ну когда подъехали, Илья Муромец говорит: «Ну, — говорит, — брат, наверно, моя смерть тут». — «Ну чо ж, — говорит, — сделаем. Если уж твоя смерть, то вы остаетесь здесь, а если не твоя, то я остаюсь». Ну тогда Илья Муромец встает и ложится в гроб — гроб большой.

Егор Святогор: «Ну, значит моя смерть!» Берет ложится. Как лег, и кольца сразу схватились. Он в гробу лежит и говорит: «Руби, — говорит, — кольца, вытаскивай меня!» Он как секнет их, они опять срастутся, они опять срастутся. Он бился-бился, бился-бился. Егор Святогор говорит: «Возьми мой меч, руби». Он подскочил схватить эту меч — и поднять не может. «Я, — говорит, — поднять не могу». А у его уже пена пошла. «Ты, — говорит, — вот эту белу пену бери и ешь, и ты себе силу заберешь». Ну когда он эту пену попил, пошел, меч взял и поднимать начал, и потом начал рубить, но ничо сделать не может. «Ну, значит, — говорит, — остаюсь я тут». И он перестал говорить. Илья Муромец тогда своего коня завязывает, берет его меч, на его коня садится, а своего оставил, и поехал.

Вот он ехал, вот он ехал. Потом видит — идет человек пешком. Он догоняет этого человека, а человек этот сумку нес, ну, обычную сумку. Он догоняет его и, значит, догнал. Сперва догонял, догонял, не мог догнать, а этот человек остановился, сумку поставил. Подбегает Илья Муромец и говорит: «Здравствуй, старик!» — «Здравствуйте. Куда малый юнош побежал?» Он ему отвечает: так и так. «Так вот, малый юнош, подыми, — говорит, — мне эту сумочку, у меня спина болит». Он с коня подскочил, за петлю подхватил, подымать стал — конь до колен в землю зашел. Он тогда еще — ничо сделать не может. Соскочил с коня, поймал, так и сам в землю зашел.

Ну, он и говорит: «Какой же ты, силу имеешь просто, — говорит, — обыкновенную. Я, — говорит, — еще даже прибавлю». Ну, ковды из этой сумки вытащил такую стопку, из бутыли или из графина он попил. «Ну, как чувствуешь теперя?» — «Я бы сейчас так сделал: небо землей и землю небой». — «Ну, — говорит, — сплюнь теперя на землю». Он сплюнул. «Ну как чувствуешь теперь?» — «Половины нету». — «Ну вот теперя етим будешь доволен».

Илья побежал дальше. Вот он бежать, вот он бежать. Бежал-бежал и на какой-то голец заскочил. Тут так и окаменел. Все кончилось.

166. ПОВЕСТЬ ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Это было дело в Россеи, в то время, когда был царь Владимир, звали его Красно Солнышко, Владимир Красно Солнышко. Он был добрый, его народ уважал, любил. Это было то время, когда татары напали на русских. Столица княжества тогда находилась в Киеве. Около Киева были непроходимые леса. Одновременно у одного крестьянина-бедняка родился сын, назвали его Илья, а фамилия их была Муромец. Он уродился каким-то калекой, не мог ходить, сидел на месте ровно тридцать лет и три года. Отец с матерью ходили на работу, жали хлеб, вязали, молотили, а сын оставался дома, за хозяйку, так как он работать не мог.

В одно прекрасное время шли три странника. Подошли к окну и попросили у него напиться воды. Илья Муромец и говорит: «Я сижу на месте и не могу ходить. Вот вода близко, идите и напейтесь сами». Странники и говорят: «Мы хотим, чтобы ты нам подал воды. Встань и подай нам воды!» Илья Муромец повиновался, встал и пошел за ковшом. Взял ковш, набрал воды и подал этим странникам. Странники и говорят: «Выпей эту воду сам». Илья Муромец этот ковш воды выпил. Странники и спрашивают: «Ну как у тебя здоровье?» — «Я сейчас могу ходить, бегать, работать, могу заменить отца с матерью». Странники и говорят: «Набери нам еще ковш воды». Илья Муромец выпил весь ковш. Они и спрашивают: «Ну как у тебя сила?» Илья Муромец говорит: «Если б был столб между небом и землей, я бы столб поворотил, земля перевернулась». Второй странник и говорит: «Ему такая сила не нужна». Они заставили набрать третий ковш, подать им воды. Заставили его выпить третий ковш. Когда выпил он третий ковш, странник и говорит Илье: «Ну как твое здоровье, много ли у тебя силы?» Илья Муромец и говорит: «У меня силы убавилось наполовину». Второй странник и говорит: «Ему такой силы достаточно. С такой силой его не может победить ни один богатырь на земном шаре».

Когда напился он воды, странники ушли. Он все-все давай делать: напоил скот, наварил ужин, натаскал воды. Приходят отец с матерью с работы — у них был приготовлен ужин. Они удивились и спрашивают: «Илья, кто же это нам приготовил ужин?» Илья отвечает: «Все это сделал я сам, без посторонней помочи».

Но и после этого Илья Муромец стал ходить на работу, пахать землю и кормить отца с матерью. Долго сидеть ему дома после этого надоело. Чувствуя такую большую силу, Илья Муромец поехал странствовать. Отец с матерью его отпустили, благословили: «Иди постранствуй, поскольку здесь жить тебе стало тесно».

Нашли ему хорошую лошадь и хорошее снаряжение. Вот он и поехал к царю Владимиру Красному Солнышку. Когда он приехал к царю, и попросился к ему на службу. Царь принял его, угостил. Нужно же было ему узнать, какая сила у Ильи Муромца. В то время с русскими воевали татары, которые нападали на русские земли, разоряли князей. Ну, царь отправил его: «Иди охраняй наши русские земли».

Когда он выехал с русского государства, едет по дороге, видит — стоит столб, на столбу написано: «Кто влево поедет — богатый будет, кто прямо поедет — женатый будет, кто вправо поедет — убитый будет». Илья Муромец решился ехать вправо, где сказано «убитый будет».

И только он выехал, по этой дороге поехал, ему навстречу два русских богатыря. Первого звать Никола, а второго — Алеша Попович. Они были моложе Ильи Муромца: Никола немного моложе, Алеша еще моложе. Илья Му́ромец и спрашивает: «Откуда вы едете?» — «А мы едем от богатыря-татарина̀, который ищет, с кем подраться, сильного богатыря». Они спрашивают: «Какая у тебя сила?» Илья сказал: «Сила у меня большая, я никакого богатыря не боюсь». — «По нашей дороге за нами едет татарин-богатырь: голова с пивной котел, ростом девяти аршин». Илья Муромец говорит: «А чо вы с ём не вступи́ли в бой?» — «Мы ищем себе союзников».

Ну, они и поехали все втроем дальше. Когда они отъехали на небольшое расстояние, увидели этого богатыря-татарина. Илья Муромец и говорит: «Ну кто же с ём первый будет сражаться?» Говорит на младшего Алешу Поповича: «Может, ты, Алеша, примешь с ним бой?» Алеша Попович отвечает: «Если вы меня пошлете, то я приму бой». Илья Муромец посмотрел на него и сказал: «Ты — сын попа, у тебя глаза завидущие, руки загребущие, ты победить его не можешь. Но как ты, Никола, поедешь? Какого ты рода?» — «Я — сын князя». — «Можешь ты справиться с этим богатырем?» — «Вполне с ним я справлюсь». Он посылает на него Николу. И когда они сражались, Никола победить татарина не мог, — татарин победил Николу. Выезжает дальше Илья Муромец, принимает бой. В бою Илья Муромец его побеждает.

Когда победил, они воротились назад не втроем, а вдвоем — Никола был убитый. Воротились опять снова в столицу Киев к Владимиру Красному Солнышку. Владимир устроил пир, а потом узнал, что Никола погиб от татарина, он на Илью Муромца прогневался: «Почему ты не принял сам лично бой, обозвал Алешу Поповича, что глаза завидущие, руки загребущие?» И посадил Илью в тюрьму.

Илья не сопротивлялся и пошел в тюрьму. И не велел давать ему никакой пищи. Царица Владимира Красного Солнышка пожалела Илью Муромца,

она была разумная женщина и тайком от царя Владимира велела передавать ему пищу. Илья Муромец просидел в тюрьме ровно три года.

Недалеко от города Киева, в дремучем лесу поселился Соловей-разбойник. Он устраивал себе жилище на двенадцати больших дубах. И никакого прохожего, ни проезжего не пропускал.

Сколько Владимир Красное Солнышко ни собирал свою рать, чтобы уничтожить Соловья-разбойника, только рать приближается к Соловью-разбойнику, он давай свистеть — и все погибали от его свиста. Много призывал он богатырей. И все они не возвращались от Соловья-разбойника. Вот он стал жалковать: «Зря, — говорит, — я посадил Илью в тюрьму. Быть может, он бы смог управиться с Соловьем-разбойником». Царица ему и говорит: «А признал [бы] ты себя в этом виноватым?» — «Безусловно я признал [бы]». — «А если я отпущу Илью Муромца, ты примешь его к себе?» — «Я бы был очень рад увидеть Илью Муромца. Но он живой вряд ли может быть, потому что я запретил ему давать пищу». Она ему обсказала, что она тайком давала ему пищу и что Илья Муромец живой, находится в тюрьме. Он сразу же дал команду, чтоб его освободили из тюрьмы, и велел ему явиться до царя Владимира Красное Солнышко.

Владимир стал просить прощения у Ильи Муромца: «Я понапрасну тебя наказал». Илья Муромец был добрый и царю Владимиру за обиду простил. Дает ему Владимир Красное Солнышко поручение, чтобы он привез Соловья-разбойника в столицу Киев. Илья Муромец снарядился, потребовал хорошего коня, сел он на этого коня и поехал в лес, где находился Соловей-разбойник.

Не доезжая десяти верст, Соловей сделал первый свисток — людей он побивал свистом своим. Весь лес колыхнулся до земли, конь Ильи Муромца упал на передние ноги. Илья Муромец подбодрил коня и говорит: «Рано ты испугался Соловья-разбойника». И поехал дальше.

Как только проехал он пять, еще пять верст, Соловей-разбойник дал еще два свистка. Лес погнулся до самой земли от его свиста, и конь спотыкнулся на одну ногу. Илья Муромец и говорит: «Ничего, привыкнешь!» И поехал дальше.

Когда он подъехал к самому Соловью-разбойнику, Соловей-разбойник сидел на двенадцати дубах и начал свистать на все лады. Илья Муромец не обробел от его свисту, подъехал к столбам и говорит: «Слезай оттуда, мы с тобой произведем бой». Соловей-разбойник не полез вниз и стал еще свистеть на все лады. Илья Муромец вынул стрелу и выстрелил в Соловья-разбойника. Соловей-разбойник упал с двенадцати дубов об землю — и вся земля задрожала. Илья Муромец поднял его, привязал к седлу и повез его в город Киев к царю Владимиру Красному Солнышку.

Владимир Красно Солнышко видит — едет Илья Муромец цел и невредим, а Соловей-разбойник был привязан к седлу. Илья Муромец обратился к Владимиру: «Каки меры предпримем к Соловью-разбойнику?» Владимир Красно Солнышко говорит: «Поскольку он нанес такой большой урон, от него погибло много наших людей, Соловья-разбойника нужно уничтожить».

Илья Муромец берет Соловья-разбойника и говорит ему: «Дай одну четвертую часть своего свиста в городе Киеве». И когда Соловей-разбойник свистнул тихо, все вельможи, весь царский дом оглох, и они еле-еле вошли в память. После этого Соловей-разбойник был убит рукою Ильи Муромца.

Русское государство стало жить-поживать и добра наживать.

167. СКАЗКА ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Илья Муромец родился — как недвижимый, ребенок был. Лежал тридцать лет на печи. Ну он слышал разговору отца-матери: есть пашня, посеянный хлеб. Отец-мать ушли туды жать хлеб. Муромец лежал на печке. К нему приходят странники, три человека, просят Муромца спуститься с печи. «Ну я, — говорит, — не могу спуститься, не в силах», — говорит. «Ну спустись, мы поможем!» И Илья Муромец спустился. Ему в чашу налили из посуды, значит, как из бутылки, жидкость, как воду. Сказали: «Пей эту». Илья Муромец взял выпил, выпил и как-то будто чувствует себя мощным. Ну смотрит — силенка будто есть, нашло. Ну потом эти странники, они скрылись.

Илья Муромец (в)здумал идти к отцу, к матери. Пошел туда. В конце пашни отец и мать жали хлеб. А не доходя их, значит, стоял дуб на пашне, который мешал пахать. Он взял этот дуб обнял и поворочал, и выворотил с корнем, и отволочил, отташшил от пашни на край. Отец-мать смотрют: «Какой-то силач пришел, этот дуб своротил и отташшил». Испугались они, даже спрятались в кусты. А потом Илья Муромец потихонечку скрылся с пашни, пришел домой, лег на печи.

Отец-мать, значит, после работы приходют, сидят за столом, чай пьют, рассказывают: «Какой-то силач пришел, богатырь. У нас стоял в пашне дуб, мешал пахать, — он своротил с корнем и отволок в сторону». Илья Муромец говорит: «Это, наверно, я», — говорит. «Ну тебе, с печки не слазишь, там где тебе бывать!» Он слезаёт с печки: «Я, — говорит, — теперь силен, теперь могу идти бороться». Отец-мать удивились: «Как ты так стал силен?» Он рассказывает: «Мне так странники приходили, трое, так напоили водой, я стал сильным».

Ну, после стал он, значит, себе подходяшшего искать коня, сел и поехал странствовать — себе найти друга, силача, как самого.

Встречает Святогора. Святогора встречает. Святогор на коне ехал. Значит, здороваются. Святогор вез за собой в мешке землю и нарочито уронил на землю. Этот мешок до половине провалилась [!] в земле. И Муромцу заказывает: «Муромец, подай-ка мне мешок этот». А Муромец подымал, подымал, до колена увяз в землю и не мог поднять. Святогор говорит: «Ох, ишо маловата силенка у тебя! Это, — говорит, четверть земного шара земли».

Ну когда они тут стояли, слышали стук: кто-то на горе плотничал или столярничал. Они поехали туда. Поехали туда, смотрют — лежит гроб, а никого нету. А потом смотрит Святогор: «Не мне ли приготовлено гроб? Дай-ка лягу попробую, смерюсь». Он лег — точно подошел. А потом Муромцу заказыват: «Давай-ка закрой крышку: подходит, нет». Муромец берет крышку и закрывает его.

Ну потом Святогору душно стало, велит открыть. Хотел снять крышку Муромец — не смог, не мог оторвать крышку. Святогор говорит: «Там у меня, — говорит, — на коне висит колотушка, ты эту колотушку возьми, в ём разбей крышку». Илья Муромец взял эту колотушку, ударил — на месте удара получилась обруч, железная обручей забилась. Потом в другом месте стал ударять — и там же получилась обручей, занялась, закрепилась (на) этот гроб. Так и не мог Муромец его разбить, а где ни ударит, там получается укрепление. Поэтому этот Святогор и так и там, наверно, погиб. . .

Ну а Муромец, видимо, пошел странствовать по своей пути. Он поехал, слышит, то есть он увидал на дороге надпись. Надпись там был: по правой дороге поедешь — там звери, что ли, съедят его; а по леву сторону поедет — то, значит, он погибнет; а по прямой дороге поедет, он попадется Соловью-свистуну.

Он вздумал (к) этому Соловью-свистуну ехать. Ехал он (к) свистуну. (Название-то уже забыл, каким месте он [ехал].) Значит, подъезжает он к свистуну, свистун свистнул, а у Муромца конь на колени упал. Да. Думал это: «Что такое, что за свистун Соловей?» Муромец берет стрелу и стрелил этого свистуна. Свистуна стрелил — один глаз вышиб, попал. Потом он свистуна берет раненого и завязывает за коня. И едет дальше.

Едет дальше. Приезжает к царю, во дворец заезжает, заявляется. Там пир какой-то был или чо ли у царя, народ там. Заходит, заявляет. А царь спрашивает: «Откеда это, молодец, едешь?» Он отвечает... (Вот тут название забыл.) ...Значит: «По дороге я Соловья-свистуна ранил, поймал, привез». — «А где он у тебя?» — царь спрашивает. «У меня, — говорит, — за седлом связанный». — «Врешь, ведь свистуна тебе не убить, не поймать!» — «Ну выходите, посмотрите, дескать, полюбуйтесь».

Ну это толпой публика вышли, смотрют — на коне, в седле завязанный какая-то чучело. Ну царь говорит это свистуну: «Ну свистни, — говорит, — послушать нам, что за свистун». Этот свистун говорит: «Нет, не по вашему приказанию, по просьбе я буду свистеть, а буду свистеть по приказу Илья Муромца». Ну царь просит Илья Муромца: «Давай прикажи, — говорит, — пускай свистнет». Ну Илья Муромец приказывает: «В полсвиста, — говорит, — свистни». Ну ладно, по приказу он свистнул в полсвиста. Эта публика, которая во дворе была, всё свалились, как сор. А потом Илья Муромец этого связанного свистуна, — эти люди очнулись, соскочили, — а потом Илья Муромец этого свистуна увез подальше и его там убил...

А потом как будто бы, кажется, на царя, однако, какая-то государства объявила войну, — то ли другая сказка, то ли эта, не знаю, но о ней я, правда, не скажу... Как-то он поезжал с царем... не знаю!

168. СКАЗКА ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

В некотором царсве, в некотором государсве жил-был хресьянин. Он молил: «Дай, бог, сына или дочь — при младости на утеху, при старости на замену!» Бог услышал его молитву — жена стала беременная. И кобыла в хотоне стала брухатая. Жена стала мучиться — дни-часы подошли. И кобыла стала мучиться тоже. Мучилась она двенадцать суток — все двенадцать суток громы гремели, молнии сверкали, была землятресение. И кобыла тоже мучилась — (в)се двенадцать суток громы гремели, молнии сверкали, была землятрясения.

На тринадцатые суток сына принесла. Окунали, окрестили, дали ему имя Илья Муромец. Тридцать лет ног не имел. На матери груди руку положит — пятеницами запекается: такой богатырь! Стало ему, как в поле выехать, сбруя молодецкая. «Тятенька, маменька, давайте, — говорит, — мне благословение, съезжу, — говорит, — сам шебя покажу, людей пошмотрю». Шял на лошадь, пояхал.

На шинее море прибежал, вынул из кармана подзорную трубу, посмотрел. Видит — два шатры штоят, две лошади ходят, шено едят, пьют воду медвяную. Конь на это к ему отвечает: «Что видишь, чему быть. Ну, вяжи глаза, — на это хожяину отвечает. — Только в ушах глажа завяжаны». . . . «Ну, — говорит, — хожяин, отвяжи глажа». Два шатра (в)правду штоят. Два богатыря (в)правду штоят. Коня отпуштил швоего. Ляг (к) одному подле стенку.

Вышел один богатырь во двор. Видит — лошад ходит нежнакомая. «А, — говорит, — видно, на товаришша кто-то натыкался». Побежал и будит, тот говорит: «У меня нету». Пришел (в) свой шатер, бает: «У меня человек лежит!» Выволок его за волосенки: «Ах, — говорит, — ты такой-сякой, без хозяйского приказания на чужую лошадь лезешь!» Тот к нему отвечает: «Дайко мне воды помыться». Он ему отдал воды помыться. Он моется, [тот] выкликает: «Выйдем, — говорит, — на поединок!» Этому приезжающему показалось за досаду за немалую, вытащил из тулу калену стрелу, натягивал тетиву шелковую, штрелял во мать во сыру жемлю. Громы гремели, молнии сверкали, была землятрясения.

Свой шатер поставил, шидит (в) швоем шатре. Видит — справились оба, (в) один шатер ушли. Он побежал (к) има слушать, чего баять станут. «Вот, — говорит, — ты его накликал на поединок, — один-от говорит. — Мы вот от пустой стрелы сколько время лежали! Еще милосливой он — нас не убил. А мы, — говорит, — пойдем к ему с покорной головой. Скажем: «Давно мы бегали». Нашли Соловья-разбойника. До своего городу не допустил, свистнул — нас за двадцать верс(т) унесло. За это [!] нам по доцери дал. Осталась дочь прекрасавица, не дас(т) ли за тобой», — к ему говорят.

(В) свой шатер ушел, как это выслушал. Они ему кланятса, он им место дает. Ему и сказывают, что: «Давно мы бегали, нашли Соловья-разбойника. До своего городу не допустил, свистнул — нас за двадцать верс(т) унесло. За это нам по доцери дал. Таперя осталася у него дочь, поедем, за тебя ли не дас(т)», — его кличут. «Я место не знаю. Поведите — поедем». Кони поймали, шатры разломали, сяли, поехали.

Едут-едут (в)се трое. Долго ли, коротко ли ехали, а они отвечают: «Соловей-разбойник, видно, спит. Таперя, — говорят, — мы где были бы, кабы не спал бы». — «Останьтесь (в) темном лесу, — к ним, говорит, один ехать хочет». Остались. Едет. Соловей-разбойника город увиделса. Соловей-разбойник вышел, свистнул: лошадь как шла, так и идет. Другой раз свистнул: лошадь как шла, так и идет. Третий свистнул: лошадь на четыре карачки упала. Коня треснул: «Конь, ты, конь, — говорит, — травяной мешок, кому смерть ворожишь?» Лошадь соскочила, [стала] как вкопаная. Показалось за досаду за немалую. Выдергивал из тулу калену стрелу, натягивал тетивочку шелковую, штрелил во мать во ширу землю. Громы гремели, молнии сверкали, было землятрясение. Соловья-разбойника под горой и его убило, и всех людей убило от пустого грому.

(К) давешним товаришшам назадь воротился и девку не увидел. (К) товаришшам приехал — до половины земли. «Чего, товаришши, доспелись?» — «Ночешной гром, куда поедем! Ну поедем, — говорят, — к нашему отцу».

Де пояхали. Они ведут его. Город увиделся: полгорода черным бархатом, полгорода — красным обдернуто. Подъяхали. Чарь (в)стречает (с) чесью-радосью. Де принял его как следует.

Сар со сарицей веселится, отвернется — плачет и уливается. Он стал по калинову мосту похаживать — калинов мос(т) стал поскрипывать: «Не любы, — говорит, — видно, гости. Если не любы гости, сейчас со двора!» — «Любы гости, — говорит. — Рады, веселимся, отворотимся — плачем, уливаемся». — «Почему же так?» — тот к ему отвечает. «Третий год, — говорит, — прижился у меня Идол на улице: дочь просит. День хочет дасти, день не хоцю. Утром, вечером, — говорит, — на паужню погоню». — «А како бы было, — говорит, — с ним познакомиться?» — отвечает к ему. «Я, — говорит, — не посылаю, а пойдитё — не унимаю. У меня, — говорит, — три сына были. Третий сын был, — говорит, — великант. Ш ним выяхал на поединок: трои суток не допуштил, (на) третьи шутки с конем совсем сглотил».

Пришел он к нему. Полторы стены занял, лежит. «Здрас(т)вуй, дедушка», — говорит. «Здрас(т)вуй, миленькой», — говорит. «Сар, — говорит, — меня послал к тебе на вечерную паужну». Он к нему испоткнулся: «Хохо, — говорит, — я еще сыт». Ладно. «Ну, дедушко, — говорит, — сказывай, каково поживаешь у царя. Ну чего, — говорит, — как еду кончаешь у него?» Стал похаживать по калинову мосту — калинов мос(т) поскрипывает. «Дедушка, это, — говорит, — у тебя какая рухлишка в углу стоит?» — «Это, — говорит, — великант —шляп(у) подарил». — «Много ли тягости?» — говорит. «Шешьдесят пудов», — говорит. «А ну, я подыму ли?» — «Надень», — тот к нему говорит. Надел. «Дедушка, — говорит, — это какая чурочка у тебя лежит?» — «Это, — говорит, — костылек великант подарил». — «Много ли тягости?» — говорит. «Девяносто пудов». — «Дайко, дедушко, я, — говорит, — подыму ли?» — «Ну подыми», — говорит. — А что, милой, я говорю, Ильюшенька прияхал?» — «Он, — говорит, — с тобой и разговаривает, — другой-то отвечает». — «Дедушка, — говорит, — дай шелыгой-то, — говорит, — щелкнуть». Он к нему говорит: «Смеешься ли, дядюшка?» Его через, да и железной [шелыгой] проводил через.

Ну и пришел к этому сарю. Сар к ему отвечает: «Бери мою дочь». Обдернул свой город красным бархатом. Вешелым пирком-свадебкой пировали-столовали двенадцать суток беспробудно. Нищие, бедные, подзамошники, подтюремшшики бочками [вино] катили.

Де ляг спать. Не спится, не грипчится — соболиное одьялко с плеч катится, подушка под головам вертится: ходит по Жолотой горы Швятогор-богатырь. Солил крес(т), если сын родится; солил персень, если родится дочь, наденет этот персень.

. . .Нашел этого богатыря. Этот богатырь вжял его со всем конем в карман поклал. Он ему перочинным ножичком карман выпорол, из кармана выкатился. Тот оглянулся: едет сзади товариш.

(В)друг на дороге им стоит (в)роде ящика железного на двенадцать обручев. Этот богатырь Святогор отвечает: «Этот кто?» — «Вот, — говорит, — люди умирают, (в) этаком кладут». — «Ну я не знаю шмерти!» Илья Муромеч говорит: «Ну я лягу!» Де ляг. «Меня, — говорит, — шире да и доле». — «Ну, — говорит, — выйди, да я лягу». Исе ляг тот. «На, — говорит, — как по мне меряная длина и ширина!» — «Ну выходи», — говорит. Штал выходить — выдти не могет. «Ну ты шильный, — говорит, — ломай да! Те, — товариш говорит, — душно стало». — «Это, — говорит, — про меня доспетая, видно. Де против моих устов, — говорит, — прокопай диру. Пой-

дет, — говорит, — черная пена. Ты, — говорит, — эту пену сграбливай. Пойдет, — говорит, — белая пена, трет стакана выпей». Прокопал диру. Черная пена пошла. Сграбил эту пену. Белая пошла — трет стакана выпил. «Ну, — говорит, — прошшай», — и помер.

Сял на коня, пояхал. Конь до колена идет: шила-то (к) яму пришла. Долго ли яхал, коротко ли яхал. Шатер поставил. Спит (в) шатре.

(В)друг чего-то ему (в) грудь тычет, (в) самом кресту. Пробудился и выбрался. Вышел на двор — такой богатырь. Копьями стали тыкаться вострыма концами: ни который ни которого. Тупыми концами первернули — тоже ни который ни которого не могут. Бороться стали, поймались, это брошили. Илья Муромеч бросил. Выстегнул у него златы булаты богатырские, (в)се его пристежки молодецкие. Отстегнул его хрес(т): «Ах, — говорит, — ты мой сын!»

Приезжает (к) своей бабе и тут стал жить-поживать.

169. СКАЗКА ПРО ИЛЬЮ

В некотором царстве, в некотором государстве живал-бувал сар. У него ни сына, ни дочь. Джэ бога просит, приклады прикладыват, молебны служит: «Дай, бог, сына или дочь — при младости на утёху, при старости на замену и при смертном часу на помин душу!»

Джэ жили-жили. У него жена стала в интересном положении. Ничасы исполнились, стала мучаться, мучалась двенадцать суток, и эти двенадцать суток громы грэмэли, молоньи сверкали и було жемлетрясение. Как двенадцать суток исполнилось, родился мальчик. Вжяли его, окрештили, по имони дали Ильюшенька. Дэ жили-жили — год прошел, другой, и трэччий прошел. Исполнилось двенадцать лет, а этот Ильюшенька с уруна не встает, ходить не может.

Джэ об онну пору пошли они, сар со сарицей, гулять. Вдруг к нему зашли двое, оба странники. «Ну что, Ильюшенька, ми (к) чибе пришли, дай к нам милостыньку». — «Эй, — говурит, — рад я вас поить, накормить, — даже с уруна встать не могу». — «Ну как-нибудь спуштись и нас папои-накорми!» — «У меня даже сила нету. А вот, — говурит, — сколько угонно пища есть, пейте-ешьте все готовое». — «Нет, — говурит, — ми своими руками не станем распоряжаться, ти стань да нас напои-накорми». — «Я вам, — говурит, — говору, что у меня сила нету». Они вжяли друг на друга посмотрелись сами собой и черпнули ему полстакана воду, и подают ему. Подают к нему полстакана воду, он как эту воду випыл, почувствовал силу и с уруна спуштился, к нима разоставил всяка разна закуски, всяка разна напитки: «Пейте-кушайте сколько угонно!» Они вжяли ровно с вишеринку, по онному кушку отломили, в рот засунули шибе, а напитками не запивали. Он отвечат: «Кушайте, гости!» — «Нет, нам, — говурит, — довольно. А только у чибя вжяли по онному вишеринку». Вжяли они вишли.

Этот Ильюша позадь их вишол, где они ушли — очес-мать гулять, пошел за нима. Сарица отвечает: «Ласно, наш Ильюшка идет». Сар отвечает: «Может ли буть, чтоб наш Ильюшка шел, когда двенадцать лет он не мог ходить?» — «Нет, — говурит, — ласно, наш Ильюшка идет!» Царь говурит: «Ласно, наш Ильюшка». Пришел в оссу-матери в сад. Сар сказал: «Как ты

пришел?» — «Да уж сам, — говурит, — не знаю, а только позадь вас, ви ушли, приходили два странника, дали мне полстакана воды, как будто с того и случилося: я почувствовал (в) шибе силу».

Сар встает (с) страдостью, созывает бал — вшех своих княжей, бояр, думных шенаторей и приближенных министров. Джэ шидели-шидели с той страдостью. Вечер стал — люди разошлись. Ильюшенька оссу-матери: «Дайте благословение пояхать: добрых людей посмотреть, сам себя показать». Очес отдает лошадь, отдает саблю и лук, и стрелы: «Ну, — говурит, — мое дитятко, не проливай кровь христианскую, проливай кровь басурманскую!»

Джэ пояхал. Едет. Яхал-яхал, вдруг видит — стоит шачор, ходят два лошади, пьют воду мединную, едят шено белоярово. За столбик лошадь свою связал, входит к нема в шачор. Шпят два богатыря. Вишел назадь, лошадь свою отпустил, вошел, к онному лег в палистенку. Спали-спали. Один утром (в)стал, вишел на двор, приходит и стал будить своего товарыща: «(В)стань, — говурит, — ты не знашь, не ведашь: какой-то прияхал богатыр, наших лошадей его лошадь поганила, его лошадь пьет воду мединную, ест шено белоярово, а наши лошади из моро воду пьют, дак траву едят». — «Э, вот, — говурит, — ведь он спит!» — один сказал. Вжяли его с палистенку, брошили наземь: «Такой, — говурят, — невежа, безо вшякого позволения лежишься на чужую ложу!» — «Домашние хожяева, — говурит, — давайте воду омуться». — «Ми чибе еще будем воду подовать!» — говурят. Один отвечает: «Виходи на улицу, будем воеваться!» Он отвечает: «Ви какие люди?» — «А ти, — говурят, — зачем спрашивашь?» — «Нет, — говурит, — мне надо узнать». — «Если ти хочешь узнать, то ми два сарские сына». — «Два если сарские сына, очес, — говурит, — дал благословение, что не проливай кровь христианскую, а проливай кровь басурманскую. Как же я с вами буду воевать?»

Вжяли они оба его виброшили на улицу. Он так, Ильюшеньке показалось за досаду за немалую, за досаду великую. Видергивает свой тугой лук и калену стрэлу, стрэляет во мать во сиру землю. Стали громы грэметь, молоньи сверкать, стало жемлетрясеньё. Ну, один сказал: «Что вот ти на войну напирал, а он стрэлой штрэлил, да то случилошя, а он би нас убил».

«Ну, — говурят, — что, Ильюшенька, вот ми воюем со Соловьем-разбойником, да состоять не можем». — «Где он, Соловей-разбойник?» — «Ми виезжаем (к) Соловью-разбойнику на поединок, а Соловей-разбойник швистнет, а ми сразу улетаем на сто верст. А ти как будешь, с нами идешь (на) пару воевать?» — «Если Соловей-разбойник не православный, то обозательно иду». — «Конесно, — говурят, — он не православный. Ну-тко пояхали (к) Соловью-разбойнику!»

Увидели — едет Соловей-разбойник. Соловей-разбойник едет. Соловей-разбойник швистнул — оба они на сто верст улетели. Он, Ильюшенька, как яхал, так и едет. Как ражъяхался (к) Соловью-разбойнику, видергивает свой тугой лук и калену стрэлу и стрэляет во мать во сиру жемлю — громы стали грэметь, молонья сверкать и стало жемлетрясеньё. Соловей-разбойник с того с испугу (в)низ упал. Ильюшенька как ражъяхался и Соловья-разбойника хвачил живком, и на лошадь привязал в торока. Джэ едут.

Воротился назадь — лежат товарищи без чувствия. Стал с нима отваживаться. Отваживался-отваживался — отводился. Отдохнули. «Ну-тко, — говурит, — таперя поедемте, таперя поедемте, агде ваше сарство».

Джэ Соловья-разбойника вежет. Соловья-разбойника привеж. Сарские сыновья сказали: «Этот Ильюшенька нас от Соловья-разбойника спас». Ну ланно. На это сар сказал: «Он если вас избавил от Соловья-разбойника, то, значит, я за него даю дочь свою замуж». И женился.

Джэ жил, жил, жил. Вдруг об онну пору говурит: «Я поеду прогуляюся». Жену свою оставил. Яхал-яхал, вдруг видит — чего-то блестит. Подъяхал — гора. Гора вшя золотая. Стал на эту гору попадать, поподал-поподал и попал. И пояхал по этой горе. Вдруг нашел тропиночку. Поганил эту тропиночку, что куда пошла эта тропиночка. Поглубже, поглубже, поглубже, и стала такой глубокой, в человечий рост. И едет по этой тропинке. Вдруг видит — по этой тропинке к нему катится гора. Как к нему ближе подкатилась эта гора, он расчувствовался — человек! Как к нему подъяхал, этот человек Ильюшеньку поймал и с лошадью, со вшем в карман положил.

Он вжял в кармане его внутре бултыхался, видернул с кармана перочинный ножик и стал карман резать. Карман отрезал и випал. Тот, значит, в карман поворотился, стал искать в кармане табакэрку. Табакэрка не тут-то була. Воротился назадь. Нашел этого Ильюшеньку — сидит у табакэрки. «Что, Ильюша, зачем мою табакэрку вжял?» — «А я, — говурит, — у чибя не вжял. Когда ти меня с лошадью, со вшем положил в карман, а я випал, и табакэрка випала». — «А ты, — говурит, — зачем у табакэрки сидишь?» — «А я, — говурит, — его открываю, да отпереть не могу». — «Ну, — говурит, — Ильюшенька, побратаемся. Будем как два брата и поставим шачор, и будем ночевать». Поставили шачор. «А ти, — говурит, — меня узнал, Ильюшенька? — «А чибя, — говурит, — как звать?» — «Меня, — говурит, — по имони Шветогор-богатыр». — «А ти куды ездишь?» — «Я, — говурит, — по шветy никуды не езжу, только по этой золотой горе хожу, больше меня сира земля не подымает». Ланно. Шветогор-богатыр вошел в шачор, разоставил вшяка разна закуски, вшяка разна напитки. «Н, Ильюшенька, — говурит, — кушай сколько угонно».

Джэ сидели. Посидели-посидели. Вдруг ражъяхался старычок. Ильюшенька выскакивает: «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй, Ильюшенька. Что, Ильюшенька, делаешь, хто у чибя в шатре сидит?» — «А сидит, — говурит, — Шветогор-богатыр». Ланно. Джэ входит старык в шачор: «Здравствуй, Шветогор-богатыр!» — «Здравствуй, старык». Шветогор-богатыр говурит: «Что, дедушко, за какой надобностью прияхал сюда?» — «А вот, — говурит, — только вас посмотреть: как ви живете и какую имеете силу в шебе, (к)то есть, как есть Шветогор-богатыр». — «А я, — говурит, — дедушко, вот какую силу имею: каби утвержденное було кольцо, я би вшю би жемлю перевернул!» — «А вот, — говурит, старычок головкой покачал, — ну таперя не так говуришь, подальше вот лежат мои перметы, эти перметы принеши сюды». Шветогор-богатыр вишол. «Ой, дедушко, — говурит, — их можно онним мизинчиком принешти». — «Ланно, — говурит, — принеши». Пошел. Стал их эти поннимать перметы, даже нашилу их поннял, еле-еле, «Ой, дедушко, — говурит, — какая этакая тягость у чибя?» — «А вот, — говурит, — ти хвастаешь вшю жемлю поннять, а вшего трэччью час(ть) поннял жемли». Ланно. Джэ как это слово сказал, старычок без вести потерялся.

Шветогор-богатыр и Ильюшенька пошидели и поразговаривали то и другое, вдруг слышат — человек чешот дрова. «Это, — говурит, — что та-

кое, Ильюша, что удивительно? Я первый раз слушаю». — «Это, — говурит, — по-нашему чешут дрова». — «Ми, — говурит, — пойдем на эту стукотню, посмотрим, как чешут дрова».

Джэ пошли. Шли, шли, вдруг видят — стоит гробница. «Ильюшенька, хто он такой?» — «Это, — говурит, — гробница». — «Она, — говурит, — для чего?» — «Это, — говурит, — значит, помирают люди, эта кладут». — «О, боже милостивый, не может буть, чтобы человек помер!» — «Как эдак у нас бывает», — Ильюшенька отвечает. «Ну ешли ти так говуришь, а попробуй, — гôвурит, — ти ляг на эту гробницу». Ильюшенька ляг — совсем большая и совсем широкая. «Ну-ка, — говурит, — таперя я лягу, посмотрю, как бывает». Шветогор-богатыр ляг. «Нужно, — говурит, — как раз, как тут и було». (В) самый [раз] на нем сделанная. «Ну-тко, — говурит, — закрой крышкой». Крышей закрыл. «Ну, — говурит, — Ильюшенька, мне очень душно стало, открывай крышу». Ильюшенька стал тянуть — никуда не идет, не отдирается. «Тяни, — говурит, — сильнее!» Ну нету — не могет, не отнимается. Вдруг железный обруч наскочил. Так да так, до двенадцати обручей — вше железные наскочили.

«Ну, Ильюша, — говурит, — я, винно, умер, против моего роту виройте диру: пойдет пена черная, ти это отгребай, эту как отгребишь, потом пойдет пена белая, от этой от белой пены трэччью час(ть) стакана випей. А ешли полстакана випьешь, то с моей горы никуды не уедешь». Ланно. Джэ против его рота вирубил диру — пошла пена черная. Он стал его отгребать. Отгребал, отгребал. Потом пошла белая. От этой белой пены випыл трэччью час(ть). Как эта белая пена перестала идти, как под самой этой гробницей учутилась могыла. И сразу эта гробница шяла в могылу. И могыла покрылась.

Пояхал Ильюша с горы. Как с этой горы спуштился, так и его конь по колено в жемлю спуштился. Яхал, яхал, яхал. Где его жена була, прияхал под город.

В этом городу как раз прияхал Идол Поганый и шделал лабаз, и сидит на лабазу, и этих двух сарских сыновей убил. И этот Идол Поганый просит сарскую дочь шибе на жены, а сар не дает. А у сара ест каждый день по лошаде и по человеку.

Ильюшенька говурит: «Я пойду к нему, где он сидит на лабазу, посмотрю на Идола Поганово». Идет к Идолу Поганому Ильюшенька. «А, здравствуй, Ильюшенька!» — «Здравствуй, Идол Поганый! Ну что же, Идол Поганый, чего ти прияхал суды?» — «А я, — говурит, — прияхал: сватаю у сара дочь». — «А как он, — говурит, — чибе дает али как?» — «Ну, — говурит, — день дает, и день не дает совшем». — «А ти много ли хлеба кушаешь?» — «Я, — говурит, — каждый день ем по лошади да по человеку». — «А ти, — говурит, — огалдашь, так и жену шьешь?» И он говурит: «Не буду, — широк в перьях!» — «А меня сар послал тебя покормить мною, меня поешь». — «Увжа, увжа, — говурит, — я еще таперя сытой, потом стану».

Ильюшенька стал по калиновому мосту похаживать — калинов мос(т) поскрипыват. «А чего, — говурит, — Идолище Поганое, у чебя какой тут костылек стоит?» — «А вот, — говурит, — у сара бул сын, его имо Великан, это он меня костыльком подарил». — «А каково було би тебя этим костыльком стегнуть?» — говурит Ильюша. «Шмеешь ли ти меня пошевелеть?» Ильюша хватил этот костылек, стегнул его по голове — и голова отлетела. Джэ убил.

Джэ пришел домой. «Ну, — говурит, — таперя мне надо яхать, агде мать-очес були, надо яхать со женой». Джэ пояхал со женой. (К) оссу-матери прияхал. Очес-мать обрадовались: сын вернулся, сын прияхал со женой, и так соштарылись.

Они с той стороны [?] стали молиться богу. Как поклонились, и обе умерли, мат и очес.

Ильюша сел на отцовское сарство, и стали жить, так буть, да пожива(ь) до таперя.

170. СКАЗКА ПРО ИЛЬЮ МУРОВЦА

В некотором царстве, некотором государстве жил-был сар. У него ни сына, ни дочь. Он бога прошит, молебны служит: «Дай, бог, сына либо дочь — при младости на утеху, при старости на замену, при смертном часу на помин душу!»

Жили-жили. Об одну пору жена стала в интересном положении. Месяцы исполнились: родился сын. Как на траву упал, громы загремели, молнии засверкали, жемле стало трясение. И (в) ту же пору (в) конюшне кобула жеребенка родила. Его купали и крестили, ему дали имя Илья Муровец. А этого жеребенка к нему: пусть он вместе ростет.

Жили-жили. Несколько врэмя прошло. Ребенок сидит. Уже шесть лет не ходит. Они работают, отес с матерью, ходят — он сидит дома, ноги нет, есть ноги, но ходить не могут. Двенадцать лет исполнилось: сидит в зыбке и всё, ходить не может.

Вдруг об одну пору приходят к нему двое, два старичка. Поздоровались. «Ну дай, — говорят, — Илья Муромец, к нам водичку попить». Ну он говорит: «Как я дам? Вы сами видите: я без ног». — «Ну дай!» Видят, ну переглянули друг друга и вдруг споткнулися. Вдруг почувствовал — вдруг встал, пошел, отдал к ним воду. Они попили эту воду. «Ну, Илья Муровец, сейчас будешь до смерти с ногами!» И они скрылись.

Он ждет своих, летит, бежит встречать. Вдруг выскакиват и видит — идут свои. Вот он побежал к ним встречу. Она говорит: «Вот, — говорит, — наш Ильюшенька!» Он говорит: «Откуда наш? — говорит. — Он в зыбке, набежал другой». — «Нет, — говорит, — наш Ильюшенька!» Сразу обдернул город алым бархатом, отес обдернул город алым бархатом. Вот!

Вот немножко пожили. «Ну я, — говорит, — хочу в инце царство, в инце государство торги торговать, животы наживать, запопутчи жену искать». — «Какую лошадь возьмешь» — «Вот, — говорит, — которая со мной вместе родилась, я эту лошадь возьму».

Он еще неученый. Он (в)жял и вывел этого лошадь, она неученая, она мимо стала пробегать — он ее ухватил за хвост, задержал. Стал коня седлать: клал потнички на потнички, еще ковричек на ковричек, шедёлышко черкасское, подтягивал двенадцать подпруг шёлковых, шелку разного, шелку шемелинского, шелк не рвется, булат не гнется, — не ради красоты, ради богатырской крепости. Отец дает лук и стрелу: «Не проливай кров(ь) христианскую, проливай кров(ь) басурманскую!» Сял на коня и пояхал.

Яхал долго ли, коротко ли, видит — стоит шачор, две лошади ходят, таки

здоровые, воду пьют меденную, шену едят белоярову траву. «О, — говорит, — ночевать здесь буду». Спустился с лошади, лошадь отпустил — она побежала, этих коней разгонила. Он стал, его лошадь воду пить меденную, шено исть белоярову траву, а ихни лошади стали из мора воду пить.

Вуходит — лежат два богатыря, такие здоровые. Он постоял и ляг (к) онному прямо подле стенку. Спали-спали. Один виходит утром и говорит: «Кака-то лошадь пришла и наших коней разгонила, и пьет нашу воду и траву ест». — «Да вот, — говорит, — у тебя паренек какой-то лежит!» Ухватили его и вибросили его на улицу. Ланно.

Ну тот советует: «Рубить надо его», — говорит. Он стоит, бедняжка. Ну один не хочот, а другой вроде хочот. Ну бились, бились, уже согласился тот [второй] убить. Этот [Илья] видергиват калиную стрелу и стреляет во сирую жемлю. Громы загремели, молнии засверкали, жемли стало трясение. «Отец говорил, — говорит, — не проливай кров(ь) христианскую, проливай кров(ь) басурманскую». — «Вот, — говорит, — видишь: он же наш!» — «Ну вот куды ми с им воевать будем, видишь: от пустой стрелы уже громы гремят!» Позвали: «Иди-ка, мальчик!» Подошел. «Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Ты хто?» — «Я — Илья Муровец». — «Ах, это ты, значит, Илья Муровец!» — «Чо ви сюда приехали?» — «Да вот, — говорят, — Соловей-разбойник убил нашего третьего брата, и ми не могом никак подъяхать, никак убить». — «А почему?» — «Он как свистнет, ми за тридцать километров улетаем». — «Ну попробуем, поедем», — он сказал.

Пояхали. Он первый раз свистнул — Илья Муровец как яхал, так и едет, взглянул — товарищей ниту. Он второй раз свистнул — Илья Муровец как яхал, так и едет. Третий раз свистнул — Илья Муровца конь на колени упал. Он (в)жял калиную стрелу и стреляет во сирую жемлю. Громы загремели, молнии засверкали, жемли стало трясение. Как яхал, и Соловья-разбойника сразу убил, [от землетрясения] убил этого Соловья-разбойника.

Обратно вернулся к этим товарищам в палатке. Прияхал к палатке. Ну они говорят: «Поедем к нам, у нас сестра меньче, ми тебе дадим замуж». — «Ну ладно, — он говорит, — поедем».

Подъезжают — город обдернут черным бархатом. Он говорит: «Чего-то неловко!» Подъезжают. Сар встречает их. «Вот, — говорят, — ми привезли Илья Муровца, вот, — говорят, — ми свою сестру даем замуж». Ну он говорит: «Вот, — говорит, — Идол Поганый сидит на лабазе, каждый день по коню да по корове кушает, хочет сара дочь на жены. А я дочери не даю до вас». Илья Муровец говорит: «А где», — говорит. «Да вот, — говорит, — недалёко».

Виходит Илья Муровец на улицу. Колочится там о жемлю — оборачивается восьмилетним мальчиком, и пошел к нему. «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй, миленькой!» — «Ну, дедушко, давай кушай меня!» — «Да ну, я, — говорит, — недавно корову да коня съел». — «О, — говорит, — как, — говорит, — у тебя не лопат живот? Ну меня, — говорит, — кушай!» — «Да ну, как тебя, я, — говорит, — накушался, не могу, — говорит, — кушать». — «Давай кушай, кушай!» — «Ну к вечеру и ты будешь не широк в перьях!» — этот отвечает.

А тут стоит дуб. Ходил, ходил около этого дуба. «Ах, дедушко, я шалыгою тебе дасти!» — «Смеешься ты будешь!» — дедушко. «Ну чо, — говорит, —

с тобой торговаться!» Схватил этот дуб, как шлемнул, — так вверх тормашкой улетел.

Приходит домой. По калинову мосту похаживат — калиновый мост поскрипыват. (Так идет!) Ну сар говорит: «Бери мою дочь себе замуж». — «Нет, — говорит, — я пока не возьму, а пусть она будет. А я пока поеждю по тундре, один сейчас поезжю, поезжю, потом приеду и женюся». — «Ланно».

Ну он садится на свою лошадь и пояхал. Яхал, яхал долго ли, коротко ли, видит — какой-то лошадь стоит, и под низом старичок огонь топит, костер разводит. Ну он остановился, пошел к нему: «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй, Илья Муровец! О, Илья Муровец, давай хоть чай пить». — «Давай, дедушко, спопьем». Чай сварился, чаю попили. «Илья Муровец, вот поднеси, — говорит, — мои перметнишки». (Ну перметы с лошади.) Он подходит и улыбается: пермёты такие, как два кошелька, маленькие. Хочет — ниту, другой раз схватил — ниту, третий раз — вжел, так пошел, еле притащил. «О, — говорит, — ты, — говорит, — четверть жемли поднял!» (Ничего себе: четверть жемли!) Чай попили. «Ну, — говорит, — Илья Муровец, так вот тебе жить!» — и распростился. И уехали.

Этот яхал, яхал и видит — гора стоит, золотая. Поднялся на эту гору и идет. Вдруг видит — человек едет к нему (в)стречу. Ну здоровый — видит. Подъезжает, ни слова, ни чего, хватает Илья Муровца с конем и в карман положил. С конем, со всим, с лошадью. Едет — Илья Муровец лежит. И думает Илья Муровец: «Ну я тут сколько лежать буду в кармане?» Разрезал карман, випал и едет сзади него. Тот яхал, яхал и остановился, и разговариват сам с собой: «О, я суда пацана клал, где он?» — «А ты, — говорит, — меня клал, но я випал. Здравствуй!» — «Здравствуй. Ну что расскажешь? Чо ты?» — «Давай поедем!» — «Давай поедем. Я, — говорит, — с этой горы никуда не поеду: меня, — говорит, — сирая жемля не подымат». «А ты хто будешь?» — «Я буду Сьвятогор-богатырь. А ты хто?» — «А я, — говорит, — Илья Муровец». — «А, — говорит, — я, — говорит, — перьвый человек, я, — говорит, — людей не знаю никогда».

Там где-то стукают. «А чо, — говорит, — это делают? Чо, — говорит, — там стукают?» — «А это, — говорит, — кого-то делают». — «Поедем туда?» — «Поедем». Поехали. Гроб. «Это что значит?» Илья Муровец говорит: «Это по-нашему гроб». — «А что за гроб?» — «А вот, — говорит, — туда лежатся». — «Ну ты ляг». Илья Муровец ляг: «Ты, — говорит, — закрой меня крышкой». Закрыл крышкой: «Вот так?» — «А, так, — говорит, — умирают». — «Ну так».

Ну виходит Илья Муровец. А он больше его там на несколько сантиметров, там метров. Виходит. «Ну, — говорит, — сейчас я лягу». — «Ну давай». А он ляг — в точь! «Крышку закрой!» Закрыл. «Да, — говорит, — так умирают?» — «Да, — говорит, — так». Вдруг шесть обручей наскочило, железных. «Ну, — говорит, — обручи наскочили». — «Ну, — говорит, — рви, ты сорвешь!» Ухватился — девять наскочило. Он еще нажал — двенадцать. Мял, мял — двенадцать не мог. «Значит, — говорит, — я умру. Вот, — говорит, — сопроти(в) моего роту викопай дырку. Оттуда черная пена пойдет — ее отгребай, а белая пена пойдет — с четверть кружки випей: больше не пей — с этой горы не уедешь». Умер. Эта пена черна — викопал дыру — пошла, шла, шла, пошла белая. Он четверть стакана випил и пояхал.

С горы с этой спустился, а конь так пошел, до колен. Где день яхал, тут едет два дня.

И прияхал к этой жене своей, к цару, и обвенчался. Стал жить да быть, да поживать до тапере.

171. ТРИ БОГАТЫРЯ

Жил-был один человек. И сам не знает — то ли с неба упал, то ли из земли вишёл. Вдруг об онну пору увидел от него недалеко город. И смотрит — от этого города утром мимо его проезжают люди, к вечеру едут назадь. У них лежат луки и стрелы, и лежат убитые зайцы. Думает шибе умом: «Я стану шибе делать луки: может, убью зайца. Я его хоть покушаю». Сделал шибе лук. Потянул этот лук — изломался. Другой раз загнул лук, потянул лук — изломался. Думает умом: «Пойду я по городу, буть может, у кого-нибудь выпрошу лук».

Пошел в город. Идет по городу. Шел, шел, шел. Зашел прямо (к) сару во двор. Поклонился: «Здравствуй!» — «Ну расскажи, какой человек, какое имо и звание?» Поклонился: «Ваше сарское величество, я не знаю шибе никакое имо». Сар спрашивает: «Что ты пришел, чего чибе нужно?» — «Ваше сарское величество, нет ли у вас какой-либо лук?» — «Э, есть, — говурит, — агде-то был ошилково лук. Принесите!» Пошли. Видит — несут шестеро. Шестеро принесли, на калиновый мос(т) положили — калиновый мос(т) погнулся: такой тяжелый. «Вот, — говурит, — вожьми этот лук, только умей вытянуть». — «Ланно». Вжял этот лук, потянул — попробовать надоть. Потянул этот лук — натрое изломал. Сар на него стопал ногами: «Ах, — говурит, — какие чибе луки достану, если ти ошилковый лук изломал?» Он сперепугался, насилу нашел двери выдьти.

Пошел по городу. Шел, шел, шел, в самую зашел концевую юрточку. Сидит старик со старухой. У старухи сломанная нога, сломанная рука и викопанной глаз. И у старика тоже. «Здравствуй, дедушка!» Он видернул тугую строточку, ударил его по лбу: «Здравствуй, дурак сибиряк!» — «Ой, спасибо, — говурит, — дедушко, хоть ти мне имо дал!» Старичок отвечает: «Чего пришел ко мне, Дурак Сибиряк?» — «А вот, дедушка, — говурит, — я хотел просить у чибя какой-либо лук. У меня никакой лук нету. Я у сара ошилково лук изломал». — «Поди, — говурит, — старуха, принеши мой лучок». Пошла старуха, принешла. «Ой, дедушко, он очень худой, — говурит, — я его онним мизинчиком изломаю!» — «Ну, попробуй!» Вжял этот лук, потянул, стал тянуть, стал тянуть — даже тетиву не могет признять. «Тяни, — говурит, — ти даже ошилковый лук изломал, мой не изломашь?» Тянул, тянул, тетиву не мог признять. «Ну, старуха, ти его пои-корми, а чибе стану рассказывать, ми какие були люди. Ти расхвастался, что ошилковый лук изломал. Дурак Сибиряк, слушай!»

«Вот когда я родился, был с оссом, с матерью. Вдруг об онну пору я пошел и заблудился. Зашел в такой чемный лес, шел-шел по лесу и на открытое место вишёл, и пошел по открытому. Шел-шел, увидел юрту. Вошел в эту юрту. В онном углу налитое золото, в другом углу — налитое серебро. И в онном углу стоит фляга с водкой. И тут ковшин. Вжял я выпил этот ковшин с вином, а потом и другой черпнул, выпил. И стал ходить по юрте и петь песни. Вдруг

слышу — стук застучел, гром загремел. Ражъяхались двенадцать разбойников, воскочили в юрту, поймали меня и стали обыскивать: «Ты, оннако, чего-либо вжял!» Меня обыскали, ничего не нашли, а я сказал, что выпил всего два ковша вина. Атаман есть и есаул есть. Атаман отвечает: «Что, есаул, вожьмем этого человека с собой?» — «Э, — говурит, — вожьмем, пускай с нами тринадцатой». Вжяли с собой этого человека, пригласили. Вечер стал, лягли спать.

Утром встали. Атаман говурит: «Есаул, ми сегодня днюем, никуда не поедем». — «Э, днюем». Смотру — стали они пить вино и стали гулять. Есаул (в)зглянул окном: «Что, атаман, ми сегоння продневали в счастливый день: сами деньги идут во двор!» А я это слушаю, не понимаю, что они бают. Вдруг припал к окну, увидел — едет купец на двух конях, на черном и белом. Как до этою юрты начал доезжать, они послали шестерых и сказали: «Чего везет, пусть даст». Он как яхал, так и едет. Потом побежали вше двенадцать разбойников, его остановили и стали вше его сами ворочать. На это он отвечает: «Дайте мне с лошади спуштиться, я сам вам видам». Смотру — он с лошади спуштился. Видернул перметы. В этих перметах достал такую стросточку, ровно струку величина. Вжял этой стросточкой ударил — шестерых головы отсек, тоже ударил — у других шестерых отсек головы. Я побежал и стал кричать: «Православной, вожьми меня с собой!» Он на мое лицо посмотрел и сказал: «Ланно, вожьму. Садись на белого коня и завязывай глаза — ветром обдует глаза. Я сам поведу в поводу». Он шял на черного коня, а я — на белого.

Яхали, яхали, долго ли, коротко ли, остановились. Мне отвечает: «Глаза отвяжи». Я глаза отвязал — стоит юрта. Вошли в эту юрту — сидят очес, мать и три шестры. Вот я стал жить у них.

Жил, жил, жил. Аннезду мне говурит: «Ми, парень, поедем. Мине поди обеих коней поймай». Пошел коней хватать — кони не даются. Вдруг большая его шестра вишла и коней поймала. «Поди, — говурит, — домой. Станут спрашивать, что коней сам поймал, отвечай: сам. На меня не сказывай». Пришел. «Ну, коней поймал?» — «Поймал». — «Ну, поди обуздай таперя». Вишёл — узды не мог поднясти. Вдруг старшая шестра вишла, спросила: «Не можешь?» — и обуздала. «Спросят, сам обуздал, — говурит, — ти отвечай, что сам. Поди в дом». Пошел. «Коней обуздал?» — «Э, обуздал». — «Ну поди обшедлай». Шедла не мог поднять. Вдруг большая шестра вишла, вжяла коней обшедлала. «Ну поди! Таперя, — говурит, — спрошят: коней обшедлал? Ти отвечай, что обшедлал». Вошел. «Чо, обшедлал коней?» — «Обшедлал». — «Ну, поедем». Шял он на черного, я на белого, пояхали.

Яхали, яхали, яхали. Вдруг увидели — стоит юрта. Зашли в эту юрту — на столе разоставлены вшякие разные закуски, вшякие разные запивки. Попили, поели. Стали ночевать. Он мне отвечает: «В эту ночь ти не спи, сиди, а я лягу. Чуть утренняя зара займется, и со зарей вместе станет подыматься морочок. Есть пятипудовый молоток, ти этим молотком по лбу колоти». Он ляг. Я стал сидеть.

Сидел, сидел, сидел. Утренняя зара поннялась — и стал морочок вместе подниматься. Вжял этот пятипудовый молоток, стал колотить по лбу. Лоб крошет — он не подымется. Морочок ближее, ближее стало. Я вжял заплакал, и слеза упала на грудь — и он проснулся. Окном припал, вымылся, попил, поел. «Ну, — говурит, — таперя надо яхать. Ти останься, я поеду». Стал наряжаться, говурит: «Ешли гром загремит, роса станет падать, ти на дворе не будь!» Уяхал.

Я на двор вишёл — гром загремел, роса стала падать. Побежал в юрту, до дверей дошел и ничего не помню. Лежал, лежал, коротко ли, долго ли — учувствовался. Вижу — едет. Прияхал. «Ну, — говурит, — вон подальше видится, стоит дуб. Поди этот дуб принеси, с корня сорви и вожле моего коня поставь, я по ней стану с коня спущаться. А так не могу — очень устал». Пошел, дуб сорвал, вожле его коня поставил. Он по этому дубу стал спускаться — дуб до половину в жемлю ушел от его тяжести. Спуштился.

«Ну, парень, онного богатыря, — говурит, — я убил, таперя осталось двое богатырей. Я спать лягу — ти сиди. Утренняя зара займется, со зарой вместе будёт подыматься морочок. А есть десятипудовый молоток, вон лежит — этим молотком меня колоти по лбу». Он уснул.

Я сидел, сидел, сидел. Утренняя зара занялась, со зарей вместе морочок. Хватил этот десятипудовый молоток и стал колотить по лбу. Лоб крошеет, а он не может разбудиться. А морочок всё ближее. Заплакал, слеза упала на грудь — он разбудился. Вымылся, попил, поел. «Ну, — говурит, — я поеду. Гром загремит, роса станет падать, на дворе не будь!» — «Ланно». Он уяхал.

Сидел, сидел, сидел. Вишёл во двор. Гром загремел, роса стала падать — в юрту побежал. Только что до дверей добежал — и ничего не чувствую. Учувствовался. (В)зглянул — едет. Прияхал. «Вон-ка дуб стоит, поди принеши, — говурит, — я по дубу стану спускаться». Пошел, дуб сорвал, принеш, вожле него поставил. Он стал (по) этому дубу спускаться — дуб наполовину в жемлю ушел.

«Ну, — говурит, — парень, убил я другого богатыря. Остался один богатырь». Вечер стал. «Ну, парень, — говурит, — посленняя ночь. Сиди! Утренняя зара станет заниматься — подыматься станет морочок. Бери вот пятнадцатипудовый молоток и колоти меня по лбу».

Сидел, сидел. Утренняя зара стала заниматься — подыматься стал морочок. Вжял пятнадцатипудовый молоток и стал его колотить по лбу. Лоб крошеет — он не разбужается. Морочок ближе встает. И чуть небо вшё не закрыл, этот морок. Я заплакал, и слеза на грудь упала — и он разбудился. Окном припал: «Ох, парень, — говурит, — сильно опоздали!» Только что очнулся: «Я поеду таперь, — говурит, — не пить, не есть не стану. Гром загремит, роса станет падать, ти на дворе не будь! Пусть, может, это пройдет, вдруг станет моя лошадь уши прикладывать да дергаться, а ти на него онну руку положь, повод стрежь — она сама на шибя сбросит тебя и принесет (ко) мне». Уяхал.

Сидел, сидел. На двор вишёл. Вдруг гром загремел, роса стала падать. Я побежал в юрту. Только что до дверей добежал — ничего не чувствую. Лежал, лежал, лежал, долго ли, коротко ли — учувствовался. Вишёл на двор, (в)зглянул — эта лошадь уши прикладыват и дергатся в лес. Я вжял онну руку положил, повод отрезал — лошадь меня на шибя сбросил и понес.

Вижу — он лежит, в лице кровь играт, глазами мигат, а сам не бает. Подальше лежит богатырь — только приздымает голову, соскочить хочет. Он мне указыват, чтобы у этого богатыря персек голову. Я поймал саблю — саблю не мог поннять. Делать нечего, этого богатыря надоть убить. Вжял эту саблю, завязал коню за хвост и поволок. Эта шабля как шла за конским хвостом, и сразу у этого богатыря персек голову. Как никак православной богатырь ожил.

Смотру — богатырь ношит перчень золотой. Вжял я этот перчень со вшем пальцем отрубил и положил в карман. Пояхали домой, к юрте. При-

яхали. «Ну, парень, — говурит, как-никак три богатыря убили. Таперя лягём оба спать». Спать лягли.

Встали утром. Я хожу, этот перчень такой тяжелый в кармане — меня на бок кидает. Об онну пору он говурит: «Чо, парень, это чибя на бок кидает?» Я говорю: «Сам». — «А раньше как чибя не кидало? У богатыря чего-нибудь не вжял ли?» — «Э, вжял, — говурю, — правильно, перчень». — «Поди этим перченем стрель: богатырь ешли оживет, то будет чибе смерть и мне». Я побежал и перчень понес.

Бежал, бежал. Смотру — богатырь ожить хочет, голова стростлась. Богатырь соскакиват — я его этим перченем кинул. И голова отлетела — богатырь умер. Воротился назадь. «Ну что, парень, богатыря застал?» — «Застал». — «Убил?» — «Э, убил». — «Таперя поедем домой», — говурит.

Домой приехали. Он говурит: «Вожьми мою шестру замуж». Я женился.

Жили, жили, жили. Вдруг об онну пору пришла весть, что сар зовет вшех людей на бал. Мне говурит: «Ну, парень, пьяные будут хвастать: кто жиччьём, кто богачеством, кто чем. А ти ничего не говори, что ми убили троих богатырей».

Приехали. Вше съехались на бал. Сидели, сидели на балу, а как раз у этого сара шерди дома стоял столб, а на столбу вешится меч. Стал у этого меча сар и стал говуреть: «Кто их убил, трох моих богатырей и трох сыновей, и трох соколей? Не думал, что их победит душа. А кто их победил, и сам не знаю. Кто би мне сказал, какой человек их убил, я би тому отдал полжиччья, полбиччья, пол-имения своего и половину город людей». Я встаю и отвечаю: «Мелкие будут они, твои сыновья и твои сокола! Они воишу [!] не соколы, ми их победили вот с онним человеком!» Только как это слово сказал, я ничего не слышал — без чувствия лежу.

Вдруг учувствовался — ни город даже, нехто нету, шерди озера стоит пень, на пену кукушка кукует. Вижу — едет человек. Стал смотреть, — который этих богатырей убил, тот человек едет. Как подъехал (ко) мне, поймал меня, онну руку изломал, онну ногу изломал и один глаз викопал. Брошил на сани. Слышу — человек охает. Стал смотреть — вот это моя жена: рука изломанная, нога изломанная и один глаз викопанный. Повез нас, принес в этот самый город, в эту юрту, дал вшяки разные закуски, вшяки разные запивки, стобы на наш век хватило. Он уехал, и больше ми его не видели. И вот живем хорошо до таперя.

Вот, Дурак Сибиряк, слушай, ми какие люди були, дак не хвастаем, а ти какие-то изломал луки и хвастаешься!»

Только.

172. СКАЗКА ПРО МУЖИКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. У него ни сын, ни дочь и ни мать, ни отес — все померли. Он жил-жил. Об онну пору и пошел искать лешину делать себе лук и стрелу: питаться нечем к нему, зайцы бегают — убить нечем. Первую лешину сделал лук — он переломил, вторую сделал — переломил, третью сделал — переломил.

И у него недалёко есть город. Он пошел в этот город. Приходит (к) цару: «Здравствуйте!» — «Ну, какие тебя ветры завеяли, по какому случаю пришел?» — «Я пришел к вам по онному: дайте мне какой-нибудь лук». — «Ну как

лук?» — «Ну лук мне надо. Я вот сколько делал из деревьев — и нет, никакой лук не могот стоять». Ну цар сказал: «Подьте принесите осилкиново лучок». Пошли, принесли осилкиново лучок: семеро несут его. Положили, положили его на чугунный мост. «Вот, — говорит, — возьми». Он взял, дернул и лук переломил, изломал. Цар стопал, зравкал: «Поди убирайся, ты осилкиново лук изломал, и больше не показывайся! Больше у тебя лук цел не останется!»

Пошел дальше. На краю города нашел — стоит дом. Вуходит (в) этот дом. Живет старик и старуха. У старика нога изломанная, рука изломанная, глаз видернутой. И у женщины рука изломанная, глаз видернут и нога изломанная. Оба калеки. Пришел, говорит: «Дедушко, дай мне какой-нибудь лук. Мне цар дал осилкиново лук — я переломил». — «Ну, — говорит, — какой же у тебе лук устоит? У меня, — говорит, — есть хылгычка». Старик сказал: «Старуха, поди принеси, у меня (в) сенном амбаре есть хылгычка». Старуха пошла, одна принесла. «Вот, миленькой, возьми мою хылгычку». Потянул: «О, — говорит, — дедушко, крэпок!» — «Ну тяни», — говорит. Тот потянул — ниту, не могот. «Ну потяни, — говорит, — хорошенько, ты же осилкиново лук изломал, а мою чо хылгычку ты», — говорит. Потянул — ну еле-еле вытянул. Тогда сказал старик: «Дурак сибиряк, слушай, я стану тебе рассказывать повесть, вот как пошло».

«Вот, — говорит, — как я молодой бул, из дому в шендуху много ходил когда подростком. Ходил-ходил. Вдруг заблудился онно врэмо и увидел — стоит дом, (из) дерева срублен. Захожу я туда — сидят двенадцать человек, двенадцать разбойников, с нима есаул и атаман. «Как, — говорит, — возьмем его или, — говорит, — не возьмем?» Я стал кланяться: «Я — нишший, бенной, заблудяшший!» Ну бились-бились. Ну атаман взял, главный. И говорат: «Ты станешь-будешь с нами воровать?» — «Буду грабить, буду!» А куда, говорит, я денуся? Я, говорит, с нима ездю, граблю, всё с нима.

А об онну пору есаул говорит: «Сегодня мое рождение, будем дневать». Покатили семь бочек водку. Вупили. Я хоть пью, но немножко, поддерживаюся, но буюся. И вдруг, говорит, один в окошко взглянул: «О, — говорит, — лычна казна сама во двор идет!» (В)зглянули — человек едет на двух лошадях, два возка, белый и черный конь. Вдруг бежать-от надо. Послали шестерых. Шестеро добежали, нарты стали ворочать — он шесть строточкой отбил, сял, пояхал.

Ну побежали все двенадцать, и он вместе с нима. Набежали, стали грабить. Он берет строточку: «Только, — говорит, — дайте строточку, иное берите». Он их всех тут наклал, всех двенадцать. И я поклонился: «Эй, я — нишший, бенной, заблудяшшой, ограбленной, меня возьми с собой!» Ну он посмотрел и говорит: «Ну ланно, давай будем со мной. Чего стану наказывать, будешь виполнять?» — «Буду», — я говору. «Ну садись на черного коня и поедем». А сам на белом ездит. И пояхали. Прияхали — вдруг дом какой-то. Дом пустой, говорит, он и я, только двое.

Слушай, говорит, дурак сибиряк, какие ми були, да и не хвастали!

И стал говорить: «Ночь сиди сейчас, не спи! Утренная зара заниматься станет, со зарой вместе морочок, ты меня буди. Если не разбудишь, вот трохпудовый молоток, этим молотком по лбу колоти!» — «Ланно», — говору. Ну богатырь, говорит, смотру, большой, говорит, человек, здоровой. Ланно. Ну я сидю ночь, говорит.

Утром заниматься зара стала. Смотру — морочок. Он спит. Я, говорит, хватил молоток, давай этим молотком здыхать [!] — спит. Лоб крошит — он не розбужается. Смотру, говорит, — морок больше. Я заплакал, слеза на грудь упала — он на гору взошел: «О, — говорит, — чашку чаю випью и поеду», — говорит. А не говорит куда, не сказыват. «Громы загремят, молнии засверкают, на улице не будь, только дома будь!» Я говору: «Ланно, все исполню». Он чашку чаю випил, сял на этого на своего на белого коня и уяхал.

Этот ходил-ходил. Вдруг гром загремел и молнии засверкали. До дому добегать стал — упал, ничего не чувствует. Лежал долго ли, коротко ли — всё утихло. Соскочил скорее домой. В дом вушел, все то-другое исправил, видит — едет. Подъяхал. Я, говорит, вишел к нему. «Вон дуб стоит, принеси этот дуб мне спуститься, я на землю не могу спуститься».

Дурак сибиряк, слушай, какие сильные ми були, да не хвастали!

Побежал я, говорит, дуб сорвал, принес. Четверть дуба в землю ушел — спускаться стал. Спустился, вушел. Я напоил-накормил. Говорит: «Сейчас я лягу спать. Завтра будет зара заниматься, со зарой вместе морочок, ты меня, — говорит, — тоже буди. Вот лежит, — говорит, — пятипудовый молоток, этим молотком меня колоти по лбу».

Я, говорит, сидю. Утром зара заниматься стала, со зарой вместе морочок. Стал пятипудовым молотком колотить — нет, лоб крошеет, сам не разбужатся. Я вжял заплакал, слеза на грудь упала — он на гору-то встал. Чяшку випил. «Громы загремят, молнии засверкают, — на дворе не будь!» — «Ланно», — я говору. Я, говорит, притаиваюсь, что я на дворе бул. Уяхал.

Ходил-ходил по улице. Вдруг, говорит, громы загремели, молнии засверкали. Я побежал. До дому добежал, упал — ничего не чувствую. Учувствовал — всё тихо. Захожю, говорит, домой, ну то-другое подготовил, гляжу — едет. Подошел. Спущаться стал — больше полудерева, дуба ушел в землю. Спустился, пришел. «Я, — говорит, — чо, посленнюю ночь [!] буду завтра. Живой буду — да будем живые, а нет — да нет, — говорит. Наказывать стану, — говорит. Зара заниматься станет, со зарой вместе морочок, сразу, — говорит, — буди. Вот десятипудовый молоток лежит, этим молотком бей!»

Дурак сибиряк, слушай, какие ми були, да не хвастали! Такие сильные були, а ты вот мой лучок-хылгычок не мог вытянуть, а говоришь: сильной!

Ну я, говорит: «Давай». Ляг, говорит, он. Со зарой вместе морочок стал подыматься. Я, говорит, стал будить — ниту. Десятипудовым молотком ударил — ниту. Я, говорит, вжял заплакал, слеза на грудь упала — он соскочил. «О, — говорит, — проспал, четверть неба, — говорит, — закрыло!» Ну, говорит, наказывать стал: «Громы загремят, молнии засверкают, на дворе не будь! Это, — говорит, — все пройдет, потом твой конь, — говорит, — станет огнем палить, дымом душить. Ты, — говорит, — как-нибудь ему руку доведи до гривы, да как-то на него, — говорит, — сядь и не отвезывай. Он, — говорит, — сам сорвется ли, виломат ли кого, понесет, куда ему надо, — туда так и едь. Усиди, — говорит, — только усиди!» Вискочил, пояхал, чай не пил — опоздал.

Я, говорит, ходил-ходил сзади его. Громы загремели, молнии засверкали — я упал, говорит, ничего не чувствую. Учувствовался — конь, говорит, весь огнем горит и дымом дышит. Я, говорит, соскочил, побежал, но он, говорит, не допущат меня совсем. Но я, говорит, бился, бился, схватил за гриву. Он, говорит, меня как махнул. Учувствовался — мольча шумит, так и несет, как вечно завязан на нем.

Няс, няс, няс. Увидел — две горы лежат, и два коня дерутся. Эти две горы — два богатыря: его-то и другой богатырь. Я как надъяхал, так эти кони разошлися, перестали драться. Смотру, говорит, хозяин лежит, глазами мигает. Стащить чела — ниту. К нему подошел, глазами мигает, только стащить чела ниту. Чего делать? Не знаю. Хозяин маячит: саблю коню своему завязать ту да через того шею-то переволокчи. Я завязал, говорит, у меня шила-то не берется поднять его сабля. Не берется шила, завязал, говорит, немножко, а конь, говорит, переволок — шея випала. Смотру — тот мужик ух хороший перчень на мижинчике ношит. Думаю: «Я возьму себе». Вжял у того богатыря, надел на руку.

Этот хожяин (в)стал: «Ох, ты избавил меня, молодец», — говорит. — А сейчас, говорит, — поедем домой». И пояхали. Я, говорит, еду-еду да с коня упаду — перчень переваливат меня: шильный же тот богатырь. Прияхали, говорит, домой. Чайник я, говорит, сварил, иду-иду да хлоп. «Чо, — говору, — хожяин?» Хожяин ничего не говорит. Вдруг, говорит, иду один раз чай налить — чуть ли не упал. Меня хожяин спрашивает: «Ты кого вжял?» Я: «Никого». — «Нет, ты, — говорит, — у этого богатыря кого-то вжял». — «Перчень, — говорит, — я вжял». — «Беги, — говорит, — скорее, а то оживет. Буде оживет, то обоих убьет. Если ты когда станешь, — говорит, — в лоб стрель, если тогды только не оживет. А если в лоб не стрелишь, не упадет, то оживет, нас обоих убьет, больше не спастись».

Я, говорит, пешком. Бегу-бегу да упаду. Бегу-бегу да упаду. Бегу-бегу да упаду. Добегаю. Стала голова страстываться. Ударил, говорит, стрелил в самый лоб — голова випала. Прибежал. «Так сделал?» — «Так». — «Ну молодец!»

Ну наказывать стал: «Теперь поедем (ко) мне домой, там у меня шестра есь, я, — говорит, — тебе шестру замуж дам. Я, — говорит, — старшой, шестра, — говорит, — подо мной, еще есь третья шестра. Но я подо мной-то дам, старшу-ту». (К нему-ту младше, а его-то она меньчей.) Ланно. Приезжают, говорит, домой. Толста, говорит, така же, така же женщина здоровая. Он говорит: «Вот этот человек избавил, я тебя посулил к нему». Она говорит: «Согласна, раз ты, брат, узнал этого человека да посулил, чего тут! Ну я, — говорит, — как решите, так иду». Стали жить.

Вдруг в месте происходит у одного царя — делает бал: что узнает, кто убил у него три сына, три богатыря, вот этих-то. Цар спрашивает, что: «Хто моих сыновей убил, пусь приезжает (ко) мне на бал, я делаю бал».

Ну этот мужик сказал, что: «Давай поедем вместе. Ты поедь с женой, а я поеду один. Поди хватай лошадей». Он вишел, этот старик, хватать лошадей: «Откуда я, — говорит, — поймаю этак такие же дуры?» Жена вишла: «Чо, поймать не можешь?» Я говору: «Не могу». — «Ну я, — говорит, — поймаю, а ты дойди да говоры: я поймал». Ну поймала, привела.

Пришел. «Поймал?» — «Поймал», — говорит. «Ну поди, — говорит, — шедлай!» Ну пошел я. Ну откуда я шедло подыму? Поймать не мог — шедло подыму? Она вишла: «Чо, обшедлать не могошь?» — «Не могу», — говорит. «Я обшедлаю, ты дойди да скажи, что: я обшедлал».

Пришел. «Обшедлал?» — «Обшедлал». — «Давай, — говорит, — тогда пойди обуздай». Я, говорит, пошел. Откуда обуздаю? Она вишла, мне обуздала: «Пойди да говоры: я обуздал». Пришел, говору: «Я обуздал». — «Ну хоро-

шо, — говорит, — пояхали. Ты, — говорит, — с женой поедь, а я поеду один».

Там (к) цару дояхали. Цар не знает, где место дать: такие-то люди, этот-то человек — ну история, мужик, богатырь! Провели их в само переднёё место, его с женой и этого мужика вместе. Каменная у них дом, то есть кирпичной дом у них. Провели (в) переднё место: баба с мужем и он, этот вместе. Перед самим царом. А в колидоре он поставил солдат, цар, чтобы в случае чего узнать чтобы сразу убить. И вот они побыли немного, стали пить. Ну а тот пьет — хоть бы хны, а я-то, говорит, воздярживаюся.

Цар спрашивает: «Хто моих трох сыновей убивал? Это же три гори! Я, — говорит, — не знаю. Кто будет скажет, я тому отделю полжичья, полбычья, полимения своего и половина людей город». Вше мальчат. Вше хто хвастать стали чем: мол, я шильный; тот там говорит: я богатой. Да вшё это пошло так. Я, говорит, ну в голову вот вишло. Только вот хочу сказать, она меня прихватит, придавила, жена. Я, говорит, опеть. Пили, пили, пили. Другой раз опеть хочу только сказать, что ми убили, опеть придавила меня — я опеть остановился. Поэтому и жала . . .

Третий раз я не видержал, сказал: «Ми, — говору, — с хозяином это убили!» Только это и чувствую, больше ничего не чувствую. Учувствовался — ляжу где-то (в) тундре, озеро, на озеру пень, такой, на пеню кукушка кукует. Больше ничего не знаю. Как и чего — ничего не знаю, как получилось.

И вижю — человек едет на белом коне, черного (в) поводу ведет, и двои сани. Мне ничего не сказал, хватил меня, мне ногу изломал, руку изломал и глаз викопал, и бросил на заднюю сани. Гляжю, слышю — под низом человек охат. Я говору: «Хто ты?» — «Ты, — говорит, — сгубил нас!» Смотру — жена. «А чего?» — «Он, — говорит, — у меня руку изломал, ногу изломал и глаз викопал». Прияхал, привез, говорит, вот (в) этот дом, нас и бросил, ну продухты привез: на нас, говорит, хватит, да еще останется продухты, всё, говорит, у нас есть.

«А почему, — говорит, — как получилось?» — «Вот, — говорит, — как ты похвастался, сразу кинулись с порога эти солдаты, а этот, — говорит, — взял стену ударил кулаком: стена, и нас, — говорит, — с тобой вибросило, и самого себя. И сял на коней. Ты, — говорит, — в такую даль улетел. «Ну я-то, — говорит, — уяхал все-таки, и она со мной, а ты-то улетел, — сам не знаю где». (Вот такую шилу имел он!) — «И вот, — говорит, — он почему у меня изломал руку да ногу?» — у баби спрашивает. «Потому что ты, — говорит, — заслужил». [Брат говорил:] «Если тебя я оставлю, но не изломанного, то ты ее бросишь, потому что она такая, изломанная. А если тебя изломаю, да ее не изломаю, она будет тебя бросить, потому что она-то целая. А сейчас, — говорит, — вы оба калекими». Она меня не бросит, и я ее не брошу, и так мы оба и умрэм.

Вот, дурак сибиряк, какие були люди, да не хвастали!»
Жить да быть, да поживать до таперя.
Эта сказка кончилася.

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, ОТНОСИМЫЕ К СОБЫТИЯМ XVI В.

173. МОЛОДЕЦ МАНИТ ДЕВУШКУ В КАЗАНЬ

Соловей да кукушку все уговаривал:
— Полетим, да кукушка, в теплые леса,
Там совьем, кукушка, да тепло гнездышко,
Выведем, да кукушка, два детеныша:
Тебе — кукувенка, а мне — соловья,
Тебе — куковати, а мне — воспевати.
Раз девчонку парень да все сговаривал:
— Поедем, девчонка, в Казань-город жить:
Казань — город бравый, на горе стоит,
Под горою речка с теплою водой;
Казань — город бравый, на горе стоит,
Близко к нему речка с медом протекла.
— Врешь ты, врешь, мальчишка,
Врешь, обманываешь,
Я ли раз, девчонка, в Казани была:
Казань — город бравый, при реке стоит,
Близко к нему речка с кровью протекла,
Другой ручеечек — с горючей слезой.

174. МОЛОДЕЦ МАНИТ ДЕВУШКУ В КАЗАНЬ

Соловей кокушку да й уговаривал:
— Полетим, кокушка, в теплые края,

Полетим, кокушка, да й в теплые края,
Мы совьем, кокушка, там по гнездышку,

Мы совьем, кокушка, там по гнездочку,
Выведем, кокушка, по детеночку,

Выведем, кокушка, по детеночку:
Тебе кокушонка, а мне соловья,

Тебе кокушонка, а мне соловья,
Тебе для забавы, а мне для пенья.

Твой-от кокушоночок будет куковать,
А мой соловьенок будет воспевать.

Звал парень красотку, звал — обманывал:
— Поедем, красотка, в Казань-город жить,

Казань — город славный, на горе стоит,
А Казанка-речка под горой бежит.

— Врешь ты, врешь, мальчишка, врешь, обманывашь:

Казань-городочек на горе стоит,

Казань-городочек на горе стоит,
А Казанка-речка слёзами бежит!

175. МОЛОДЕЦ МАНИТ ДЕВУШКУ В КАЗАНЬ

Соловей кукушку уговаривал:
— Полетим, кукушка, в темненький лесок,
Сядем мы, кукушка, на любой кусток,
Сорвем мы, кукушка, с дуба веточку,
Совьем мы, кукушка, тепло гнездышко,
Снесем мы, кукушка, два яичика,
Выведем, кукушка, два детеныша:
Тебе куковенка, а мне соловья,
Тебе для забавы, а мне для пенья.
Твой-от куковенок будет куковать,
А мой соловьенок будет распевать.
Звал парень красотку, звал — обманывал:
— Поедем, красотка, в Казань-город жить:
Казань — город славный, на горе стоит,
А Казанка-речка под горой бежит.
— Врешь ты, врешь, мальчишка, врешь, обманывашь:
Казань-городочек на горе стоит,
А Казанка-речка слёзами бежит!

176. МОЛОДЕЦ МАНИТ ДЕВУШКУ В КАЗАНЬ

Соловей кокушку уговаривал:
— Полетим, кокушка, в тёплоё края,
Там совьем, кокушка, тёплоё гнездо,
Выведим, кокушка, мы двоих птенцов:
Тебе кукурёнка, а мне соловья,
Для тебе забавы, а мне песню петь.
Мальчишка девчонку уговаривал:
— Поедим, девчонка, (в) Казань-город жить:
Казань-город славный дак на горе стоит,
Вдоль Казани речка дак Волга протекла.
— Ах, врешь ты, врешь, мальчишка, врешь, адманывашь:
Казань-город славный дак под горой стоит,
Вдоль Казани речка дак Волга протекла.

177. МОЛОДЕЦ МАНИТ ДЕВУШКУ В КАЗАНЬ
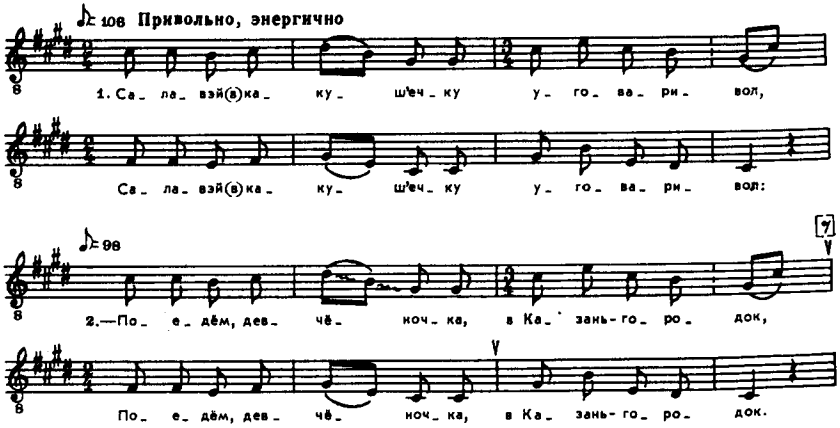
Соловей кукушечку уговаривал:
— Полетим-ка, кукушечка, к нам во сирой бор,
Во сиром борочке ми гнездичко совьем,
Виведем из гнездичка малых детушек,
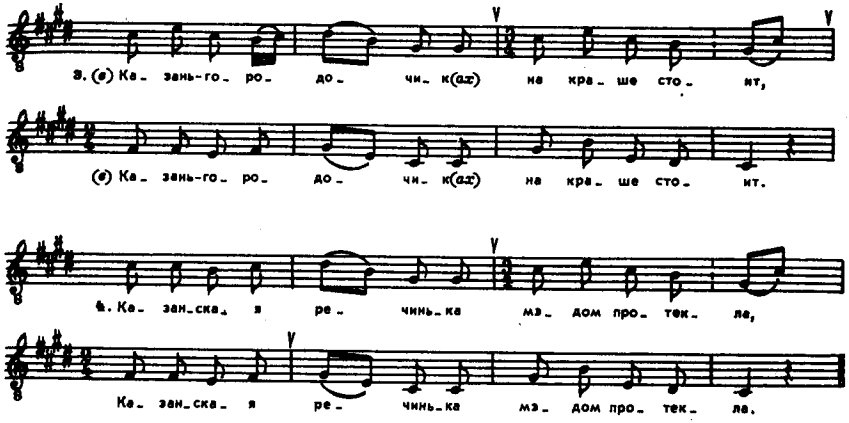
Чебе какаветочка, а ко мне соловья.
Соловей кукушечку уговаривал:
— Полетим, кукушечка, в Казань-городок:
Казань-городочек на краше стоит,
Казанская реченька медом протекла,
Мелкие ручьёчки — сладкой водочкой,
По бережку — камушки разноцветные.
— Врешь ти, врешь, молодчик, врешь, омманывашь,
Сама, красна девица, в Казани була,
В Казани була я, Казань видела.
Казанская рёченька кровью протекла,
Мелкие ручьёчки — горячьми слезьми,
По бережку камушки — буйные голови,
Буйные головушки молодецкие,
Молодецкие и вше солдатские.

178. МОЛОДЕЦ МАНИТ ДЕВУШКУ В КАЗАНЬ

Соловей кокушечку уговарывол:
— Казань-городочек, он на краше стоит,
Казанская реченька медом протекла,
Мелки речеёчки — сладкой воточкой,
По бережку камешку ражни шветния.
— Врэшь ти, врэшь, омманывашь — в Казани була:
Казань-городочек, он на коштях стоит,
Казанская реченька кровью протекла,
Мелки речеёчки — гарачми слезми,
По бережку камешку ражни шветния —
Разныя разбуйныя, (в)се солдатския.
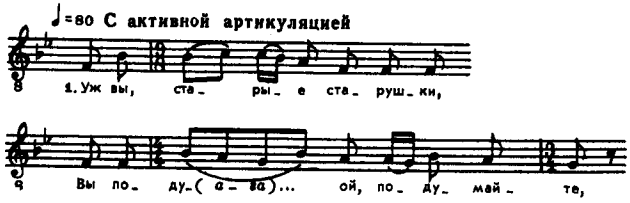
178а. СОЛОВЕЙ МАНИТ КУКУШКУ В КАЗАНЬ
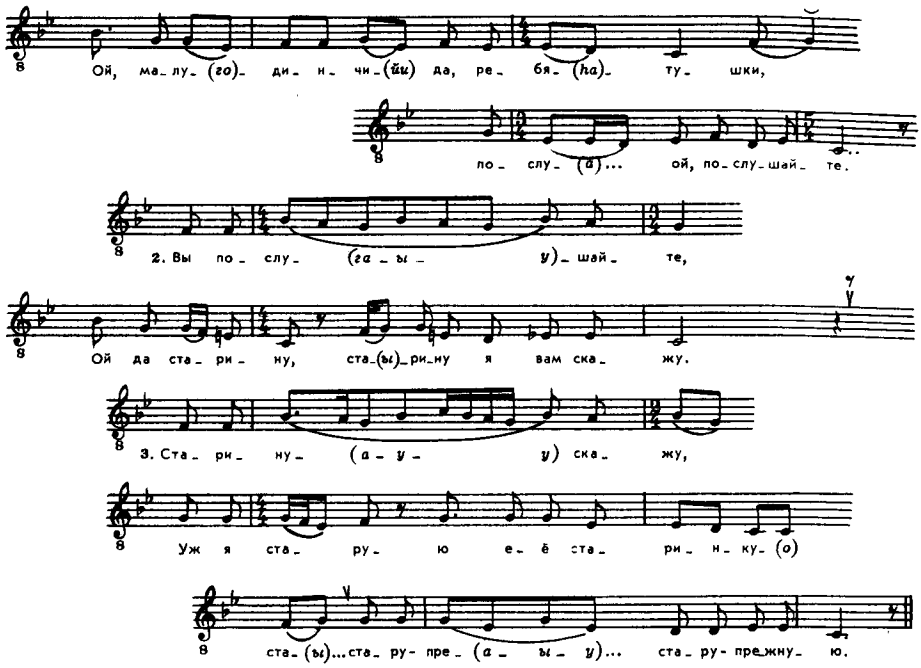

Салавэй (в) какуш'ечку уговаривол*:
— Поедем, девченочка, в Казань-городок.
(В) Казань-городочик ах на краше стоит,
Казанская речинька мэдом протекла,
Мелки (в) ручееченьки — сладкой водочкой,
По бережку (в) камушки разнош'ветныя.
Врэшь ты, врэшь, мальчуш'ечка, мня омманывошь
(Эдак ведь?),
Врэшь ты, врэшь, мальчуш'ечка, мня омманывошь,
Сама (в) красна-девушка в Казане була.
В Казане була я, (в) Казань видяла.
Казань-городочек ах на кош'тях стоит,
Казанская реченька кровью протекла,
Мелки (в) ручееченьки — гарачми шлезми.
По бэрежку (в) камушки — буйны голови,
А буйныя (в) галовуш'ки вше солдатския
Вше солдатския-то, молодецкия,
Вше солдатския как молодецкия.

179. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ
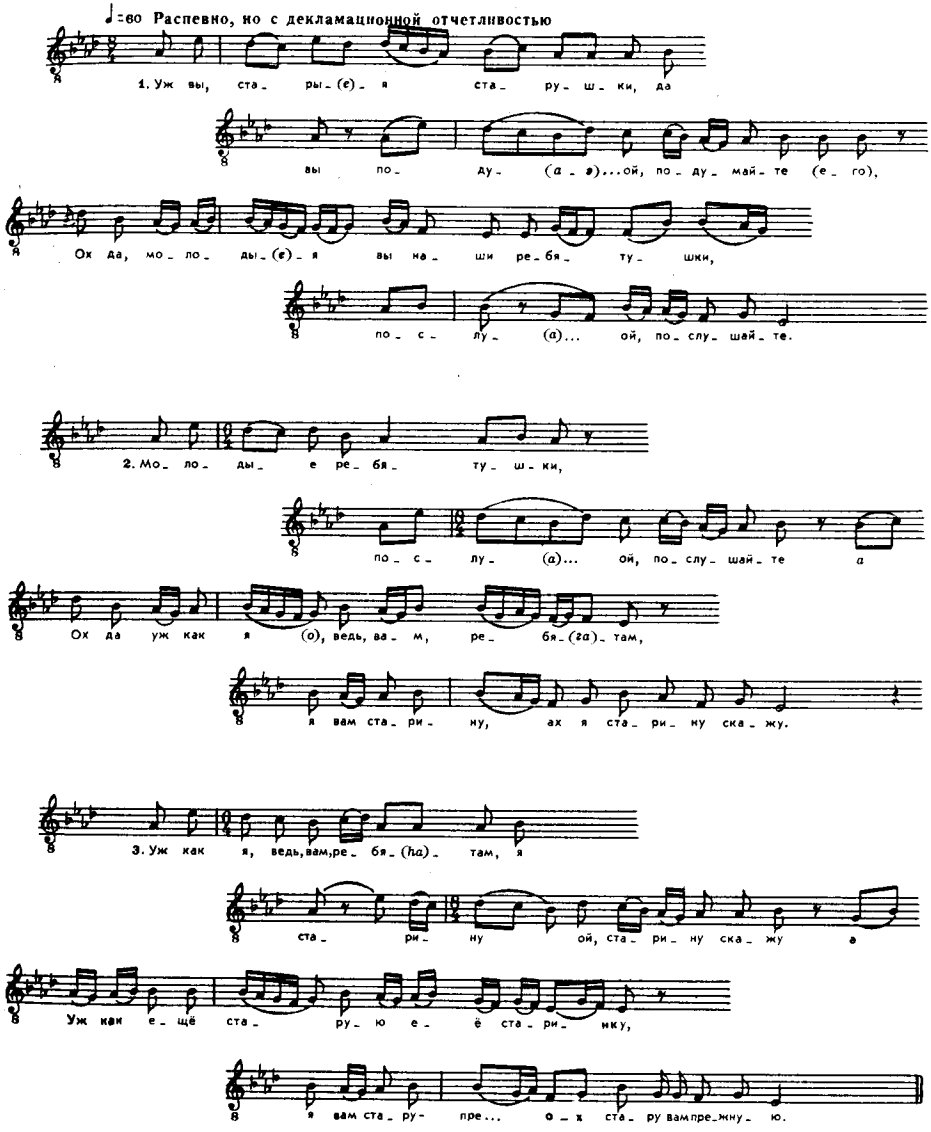

* Каждый стих, кроме 14 и 15, повторяется.

1. Уж вы, старые старушки, вы поду. . . ой подумайте,
   Ой, молоденькие да ребятушки, послу. . . ой послушайте.
2. Вы послушайте, ой да старину, старину́ я вам скажу,
   Старину́ скажу.
3. Старину́ скажу,
   Уж я старую ее старинку ста. . . стару-пре. . . стару-прежную.
4. Стару-прежную
   Ой про батюшка да про матушку, про Грозного царя.
5. А про батюшка, про матушку, о про Грозного царя,
   Ой как наш-ат Грозный царь да ца. . . царь хитёр он был, мудёр.
6. Эй Грозный царь да ца. . . царь хитё. . . хитёр-мудёр,
   Ой хитёр он царь да мудёр да по. . . ой под Казань царь подошел.
7. Под Казань он подошел,
   Ой подходил он, царь, да под стену, стену ка. . . ой камянну.
8. Стену ка. . . ой бы камянну,
   Он подкатывал да бочонки с лю. . . с лютым по. . . ой и порохом.
   (Тут уж было лучше, а сейчас не могу. . .)
9. С лютым по. . . ой порохом,
   Ой стали бочки да оне догорать, да стали (в) кло. . . ой (в) клочья рвать.
10 Стали (в) клочья рва. . .
   Ой да все татарочки да повыскакали.
   (Не выносит уж. . . Всё!)

180. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

1. Уж вы, старые старушки, да вы подума. . . ой подумайте его,
   Ох да молодыя вы, наши ребятушки, послу. . . ой послушайте.
2. Молодыя ребятушки, послу. . . ой послушайте, а
   Ох да уж как я ведь вам, ребятам, я вам старину́, ах я старину скажу.
3. Уж как я ведь вам, ребятам, я старину, ой, старину скажу, а
   Ох да уж как старую ее старинку, я вам стару-пре. . . ох стару вам прежную.

4. А я старую старинку, вам ста... стару-пре... ох стару-прежную, а
Ой да мы сидели на банкете, а мы ровно три... ох мы ровно тридцать лет.
5. Мы сидели на банкете ровно три... ровно тридцать лет,
А ох да не видали мы ни конного, не пе... ой мы не пешаго.
6. Не видали мы ни конного, а не пе... ой не пешаго его,
Ох да тут бежал бы он, ведь пробежал он, сын он попё... ох попёнышов.
7. Тут бежал-от, пробежал он, сын... сын попё... ой попёнышов, а
Ох да тут сказал бы он, ведь проскакавал царской до... он царской доброй конь.
8. Тут скакал он, проскакал да царской до... ой он доброй конь его,
Ох да тут он нашел-то белой-от камень, да он был, он хитё... ой он был хитёр-мудрён.
9. Уж он нашел белой камень, да и был, был хитё... ой он хитёр-мудрён,
Ох да был хитёр, он мудрён, он под Казань он, ой да под Казань он город подошел.
10 Под Казань-город подошел, ох, ох да он подкатывал, он бочоночки, ох дубо... ох он дубовыя...
(Иван Грозный это был).

181. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН

В столичном городе каменной Москве
У царя Иоанна Васильевича
Было пированье, почетной пир,
Было столованье княженецкое
На многих князей и на бояр,
На русских могучих богатырей,
На всю поленицу удалую.
(В) полпьяна бояра напивалися,
(В) полсыта они наедалися,
Стали бояра хвастати:
Кто-то хвастает животом своим,
Кто хвастает конем своим,
Кто хвастает женой своей.
Говорит на это православной царь:
— Вы, друзья мои, братцы-товарищи,
Есть мне чем на свете похвастати:
Вывел я измену из Шахова,
Вывел я измену из Ляхова,
Вывел измену из Чернигова,
Вывел измену из Новгорода,
Вывел измену в каменной Москве —
Не будет измены век и повеки!
Проговорит на то чадо милое его,
По имени сын — Федор Иванович,

Сам говорит, как в трубу трубит:
— Сгой(й) еси ты, батюшко православной царь,
Всей России царь Иван Васильевич,
Небылью ты хвастаешь,
Небылицей похваляешься:
Не вывел ты измены из Шахова,
Не вывел измены из Ляхова,
Не вывел измены из Чернигова,
Не вывел ты измены из Новгорода,
Не вывел ты измены в каменной Москве —
Будет измена век и повеки!
Скоро скакал православной царь на резвы ноги,
Сам берет его на белые руки,
Сам скорее его спрашивал:
— Ты, чадо мое милое
По имени Федор Иванович,
Скажи-ко ты измену на имя и изотчество!
— Не могу я тебе измены сказати
На имя и на изотчество:
Первая измена за столом сидит,
Вторая измена на стол сбират,
Третья измена тебе пить подает.
На это царь разгневался и сказал:
— Вы, палачи немилостливые,
У кого на царские роды руки сдоймутся —
Отрубить ему буйную голову?
Все князья и бояра испугалися,
Со пиру они разбежалися.
Остался только Васька Скурлатов, вор,
И говорит, как в трубу трубит:
— У меня на царские роды руки сдоймутся —
Отсечь ему буйную голову.
Наше дело — повеленое,
Слушаем слова говореные:
Что приказывают, то и делаем!
Берет его за белые руки,
Ведет его на широкой двор,
Садит его во карету дубовую,
Везет его во чистое поле,
К тому колку березову,
К тому болотичку куликову,
К той плахе белодубовой —
Отсечь ему буйную голову.
Не ласточка перелетывает,
Не косатая перепорхивает,
Его матушка по имени Афросинья Романовна
Бежала к братцу родимому Никите Романовичу:

— Ты, братец родимый,
По имени Никита сын Романович,
Ночесь-то мне малым-мало спалось
И во сне виделось,
Привиделся сон-сновиденьице:
Взошло бы красное солнышко и померкнуло,
Перед образом свеча потухнула,
Упала бы звезда подвосточная —
Не стало в царстве царевича
По имени Федора Ивановича:
Увезли его во чисто поле к колку березову,
К тому болотичку куликову,
К той плахе белодубовой —
Отсечь ему буйную голову!
Скоро скакал Никита Романович на резвые ноги,
Бежит он на конюшен двор,
Хватает коня своего доброго,
Седлат сделом, подпруг не подтягиват,
Берет своего любимого клюшничка,
Везет его во чистое поле,
К той плахе белодубовой,
Кладет-то он своего любимого клюшничка
И берет своего любимого племянничка, и говорит:
— Сго(й) еси ты, Васька Скурлатов, вор,
Что другу налил — не выпей сам!
Посадил своего любимого племянника на доброго коня,
Коня ведет под губу,
Привез племянничка к себе домой,
Сделал пир навеселе,
Пьют, проклаждаются. . .
— Сго(й) еси ты, православной царь,
Ты находишься в кручине и печали,
А твой шурин пьет, увеселяется,
Сам похваляется,
А с тобою думы не думает!
Призывает он своего шурина,
Проткнул ему саблей ногу и говорит:
— Какие тебе радости,
Что ты хвастаешь-похваляешься,
А со мной думы не думаешь?
— Как мне не радоваться:
У меня гость в гостях.
— Какой у тебя такой гость в гостях?
— Которого в свете лучше нет,
Мне такого гостя ждать не дождаться.
На это Иван Вас(ильевич)
Не устыдил своего лица белого,
Вынимает плат из карману,

Завертывает его рану.
И приказывал Ваську Скурлатова
Привязать к конскому хвосту
И отпустить во чистое поле.

182. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН

Когда воссияло солнце красное,
И тогда воцарился грозен царь,
И грозен царь Иван Васильевич.
И этого царя грознее не было!
У него было столованье — почестный пир
И на многих на князьев и на бояров,
И на всю поленицу удалую,
И на всю дружину храбрую.
И в полу́ [пиру́] бояре напивалися,
В полу́-ку́шанье наедалися.
По полу сам царь похаживает,
Белыми руками помахивает,
Могучими плечами поворачивает,
Сам говорит таковы слова:
— Гой еси, мои князья-бояра,
Славные могучие богатыри,
И пьете, и едите, проклажаетесь,
Ничем вы, бояра, и не похвастаете.
Я вывел измену из трех городов:
Из первого города — из Опского,
Из второго города — Новагорода,
Из третьей из матушки каменной Москвы!
И сидит тут его чадо милое,
По имени Федор-царевич млад,
Сам говорит таковы слова:
— Гой еси ты, батюшка, царь-государь,
Хвастаешь ты небылью своей:
Теперь изменник за столом сидит,
[Вы пьете-едите из одного блюда
И цветно платье носите с одного плеча!]
Тутo царю за беду стало,
За велику досаду показалося.
Поднимал свою саблю острую
Выше своей буйной головы,
Сам говорит таковы слова:
— Сгой еси ты, Федор-царевич млад,
Скажи мне изменники на имя
И покажи мне изменники на очи.
Скажешь мне изменники — я тебя скоро казню,
И не скажешь изменники — я тебя скоро казню,
И предам тебя казненью разному:

Язык тебе выну теменем,
Ясные очи с косицами,
Ретиво сердце скрозь едно ребро!
И проговорит тут Федор-царевич млад:
— Ты стой еси, наш батюшко царь-государь,
И грозен царь-сударь Васильевич,
Прости ты меня, детину глупа,
Глупого детину, неразумного:
Не с мудрости я слово вымолвил —
Со великою со глупостью!
Туто царю за беду стало,
Он зычит-кричит зычным голосом:
— Стой еси, мои слуги верные,
Злые палачи и немилостливы,
И берите-ко вы Федора-царевича
И за те бы за ручки за белые,
И за те за перстни злаченые,
И ведите его во даль, во чисто поле
И во то раздолье Трапетово,
И кладите его на плаху белодубову,
И предайте ему казненье разное:
И язык ему выньте теменем,
И ясные очи с косицами,
И ретиво сердце скрозь едно ребро,
Отсеките ему буйну голову,
Окровяните мне саблю вострую!
И все палачи испужалися,
И все палачи разбежалися.
Один палач не устрашился —
И молодой Малюта вор Скурлатович.
И берет он Федора-царевича
За те бы за ручки за белые
И за те за перстни злаченые,
И ведет во даль, во чисто поле.
Не скоро вестка перепахнула
Во то во село во Микитино
Ко тому ко Миките ко Романовичу.
Тут Микита испужается,
На одну ногу сапог надел,
На другу ногу не успел надеть,
На одно плечо он кафтан надел,
На друго плечо не успел надеть,
И бежит скоро на красно крыльцо,
Зычит-кричит зычным голосом:
— Стой еси, мои любезные конюхи,
Хватайте мне добра коня наступчата,
Не науздывайте, не оседлывайте!
Скоро скакал на добра коня,

Сам говорит таковы слова:
— Стой еси, мои слуги верные,
Кто-де умрет за роды царские?
Изобрался у него любезный ключничек:
— Я-де умру за роды царские.
Садит его за себя на добра коня,
И бежит он во даль, во чисто поле
И во то раздолье Трипетово,
И ко той ко плахе белодубовой.
И он зычит-кричит зычным голосом:
— Стой еси ты, вор Малюта сын Скурлатович,
Чтобы тебе, собаке, этим куском подавитися!
И добегат он до плахи белодубовой,
Сдергивает он Федора-царевича,
И кладет он свою слугу верную
На тое на плаху белодубову.
И дают ему казненье разное:
Язык ему вынули теменем,
Ясные очи с косицами,
Ретивое сердце скрозь едно ребро,
И отсек ему буйну голову,
И окровянил он свою саблю вострую,
И понес ее к своему [!] родимому батюшке.
Туто царю за беду стало,
За великую досаду показалося.
И садит Микита Федора-царевича
На своего добра коня,
Везет его во свое село.
И сделал он в своем селе радости:
Пылко и ярко в барабаны бьют,
И заунывные сиповки вызыгрывают,
И добро в большой колокол благовестят.
Услышал наш батюшка царь-государь,
Грозен царь Иван Васильевич.
Туто царю за беду стало,
За великую досаду показалося:
— Это у меня несчастье великое,
А у Микиты в селе такие радости!
Скачет он скоро на добра коня
И берет с собой копье вострое,
И бежит он скоро к Миките в град [!].
И увидел Микита Романович своего царя
Во то окошечко стекольчато,
И бежит он скоро на красно крыльцо,
И встречает царя Ивана Васильевича.
И проткнул ему праву ногу копьем,
Сам говорит таковы слова:
— Что у тебя, Микита, за радости:

Пылко, ярко в барабаны бьют,
Заунывные сиповки возыгрывают
И добро в большой колокол благовестят?
А у меня несчастье великое:
Порешил своего я чадо милое.
— А те у меня радости великие,
Что у меня в гостях небывалый гость.
Проговорит грозен царь Иван Васильевич:
— Скажи ты мне гостя на имя
И покажи мне гостя на очи!
И проговорит Микита Романович:
— Простишь ли свое чадо милое,
Молодого Федора-царевича Ивановича?
— Да я бы рад простить, да теперь негде взять.
Выводи же ты мне гостя на очи,
Скажи мне его на имя!
Выводит он Федора-царевича
Из той палаты белокаменной,
Сам говорит таковы слова:
— У меня-де умер за роды царские
Любезный ключничек.
Туто царь стал на радостях,
Стал на радостях на великиих.
Стали суды судить и закон изводить:
Кто-де мужика убьет,
Тот к Миките в град попадет,
Тот виной прощен будет.

183. НЕУДАВШЕЕСЯ ПОКУШЕНИЕ НА ИВАНА ГРОЗНОГО
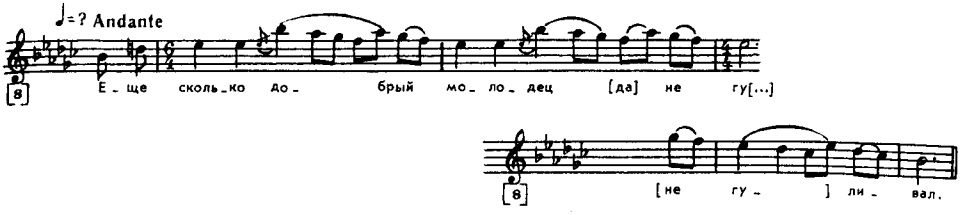
Во пиру-то сидело полтретьясто бояр,
Они крепку думали думушку заединую,
Как будет извести царя православного.
— Как покатится наш батюшко православный царь
Ко белу свету ко усердию [!],
Ко усердию ко благовещенью,
Мы закатим-ко, робятушки, пушку медную,
И во пушечку заложить ядро свинцовое,
Расшибемте, робятушки, золотой берлин,
Ушибемте царя православного!
И на пиру-то сидел млад татарченко,
Он выслушивает у бояр речей.
Надевает он свою шляпу черную,
И пошел он из высокого из терема,
И бежит он к царю в палату белокаменну.
И не спрашивает он у ворот приворотников,
И не спрашивает он у дверей придверников,
Отворяет он двери помалешенько,

И запирает он двери потихошенько,
И падает он скоро на коленочки,
Сам говорит таковы слова:
— Сгой еси ты, наш батюшко царь-государь,
Не прикажи ты меня казнить,
А прикажи слово вымолвить!
— Говори-ко, говори, млад татарченко!
И говорит млад татарченко:
— Сгой еси ты, наш батюшко царь-государь,
На пиру сидят полтретьясто бояр,
Они думают думушку крепкую заединую
И хочат тебя извести, царя православного.
И как покатится наш батюшко православный царь
Ко батюшке ко белу свету ко усердию,
Ко усердию, к благовещенью,
И хотят они зарядить пушку медную,
И во пушечку хотят заложить ядро свинцовое,
И хотят расшибить твой золотой берлин,
И хотят ушибить тебя, царя православного.
И проговорит тут батюшко православный царь:
— Ой ты сгой еси, млад татарченко,
Если ты правду мне скажешь,
Так я тебя стану жаловать;
Если ты мне неправду скажешь,
Так я тебя скоро казню!
Тут он посадил татарченко во темницу.
И приказал он запрягать золотой берлин,
В берлин свой садит слугу верную.
И покатился его слуга
Ко белу свету ко усердию.
Выпаливали туто князья-бояра
Из этой из пушки медныя,
Расшибли у царя золотой берлин
И в берлине ушибли слугу верную.

184. ИВАН ГРОЗНЫЙ ХИТРОСТЬЮ БЕРЕТ ГОРОД

Грозный сар Иван Васильевич,
Он копил шилу ровно тры года,
На четвертый год воевать пошел.
Стал он своей силушке наказывать:
— Ох ви, дети, мои детушки,
Развоенные мои солдатушки,
Нам горою идти — город не вжять будет.
Ви копайте рви, рви глубокие,
Нагружайте ветки с товарами.
Не зовите меня самым царом,
А зовите меня купчишечком пребогатеньким. . .

185. МОЛОДЕЦ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ

У нас было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве:
Тут я, матушка, жил в семи клетях,
Во восьмую клеть сверху заглядывал.
Во восьмой клети стоят образы,
Перед образами свечи теплятся,
Пречестная вдова богу молится,
Жалобу кладет на свое чадо милое.
— Тебе бог судья, тебе, милой сын,
На что ты брал золотую казну?
— Не я-де крал золотую казну,
Золотую казну монастырскую.
Воровали казну донски казаки,
Увозили казну во сырой бор,
Делили казну на девять паев,
Десятому доброму молодцу не досталося.
Туто молодцу за беду стало,
Выдергивал сырой дуб и с кореньями,
И разгонял он донских казаков
По батюшку по чисту полю —
Доставалась вся ему золота казна.

186. ПРАВЕЖ

Из-за гор было высоких,
Из-за лесу, лесу темного
Не утренняя заря знаменуется,
Не праведное красно солнышко выкатилось —
То выкаталась карета красна золота,
Карета государева.
В этой карете сидел православный царь,
Государь Иван Васильевич.
Случилось ему ехати мимо торгу-базару,
Мимо той-то таможни новорубленой.
Еще сколько я, братцы, по Сибири не гуливал,
А такого чуда-дива не нахаживал,
Как нашел я чудо-диво в граде Киеве,
Среди торгу-базару, среди площади,

У того было колодечка глубокого,
У того было ключа подземельного,
У той было конторушки Румянцовой,
У того было крылечка перильчатого,
У той было первой ступени,
Тут бьют-то доброго молодца за напраслину,
Нагого бьют, босого, без креста и пояса,
В одних гарусных чулочках без чоботов.
Правят же с него казну монастырскую,
Не много, не мало — сорок тысяч рублей с копейками.
Он взмолился царю:
— Ты гой еси, наш батюшко
Православный царь Иван Васильевич,
Не я крал казны государевой,
Не я воровал —
Крали золоту казну воры-разбойники,
А делили казну донские казаки. . .

187. НЕ ШУМИ, МАТЬ ЗЕЛЕНАЯ ДУБРОВУШКА

Не шуми-ко, матушка зелена дубровушка,
Не греми-ко-те, батюшко широкое раздольице,
И не мешай-ко-те мне, доброму молодцу, думу думати,
Думу думати, мысли мыслити!
И заутра меня, детинушку, на допрос ведут,
И поставили меня, детинушку, перед грознова судью,
Перед грознова судью, перед белова царя.
И стал-то меня, детинушку, царь допрашивати:
— И скажи-ко-те, детинушка, и не тай себя,
И скажи-ко-те, детинушка, с кем разбой доржал?
— И первой у меня, говорит, товариш — осённая тёмная ночь,
А второй мой товариш — тугой лук,
А третий мой товариш — добрый конь,
Сылочки-посылочки — калены стрелы:
Куда стрелу пошлю, туды и полетит.

188. О ПРИЗЫВАНИИ ВОЛСКИХ АТАМАНОВ И КАЗАКОВ ЕРМАКА ТИМОФЕЕВА С ТОВАРЫЩИ С ВЕЛИКИЕ РЕКИ ВОЛГИ В ЧЮСОВСКИЕ ГОРОДКИ НА ПОМОГАНИЕ ПРОТИВО НЕВЕРНЫХ

В лето 7087 г., апреля в 6 день слышаху Семен и Максим и Никита Строгановы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарыщи, како на Волге на перевозах нагайцов и ардабазарцов громят и зело гораздо по Волге храбруют. Послаша к ним людей своих с писанием и з дары многими и велели их честно и доброволно к себе призывати, дабы шли к ним в Чюсовские

Ермак
Портрет маслом неизвестного художника. XVIII в.
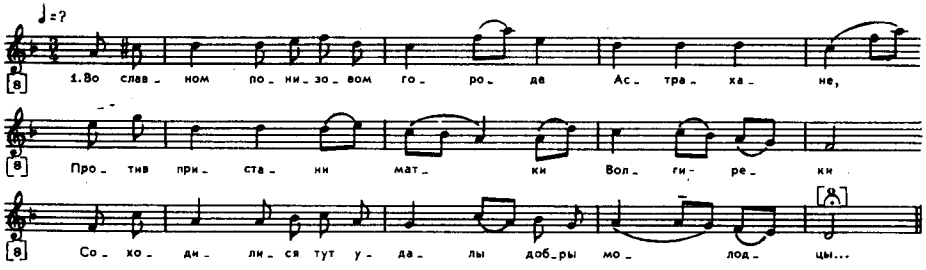
городки и острожки на помогание им противу неверных супостат. Атаманы ж и казаки велми сему возрадовашася, яко посланнии приидоша к ним от честных мужей с великою честию и з дары и зовут их к себе на помощь. Тогда атаманы с казаками Ермак Тимофеев с товарыщи, Иван Кольцов, Яков Михайлов, Никита Пан, Матфей Мещеряков и со всеми их атаманы и казаки собрався в круг и начаша думати и советовати со единомысленою и предоблею своею дружиною: идти ли им на помогание к Строгановым или нет.

И собрався на устье матки Самары-реки,
На крутом на красном на берегу,
На желтом на сыпучем на песочку.
Не ратная труба протрубила,
Говорил атаман Ермак Тимофеевич:
«О есте, братцы атаманы и казаки донские,
Яицкие, волские и терские,
Думайте, думу, братцы, с цела ума,
Чтоб нам не продуматься:
На Волге нам жить — ворами слыть,
А на Дону нам жить — казаками слыть,

А на Яик идти — переход велик,
А се добычи нет.
Да нам же негораздо шуточка нашутилась,
Что розбили мы лотку коломенку
И громили казну государеву.
Из тово мушкета немецково
Вылетала пулка свинцовая,
Из того кафтана камчатово
Выносила бумагу хлопчатую,
Убила посла государева;

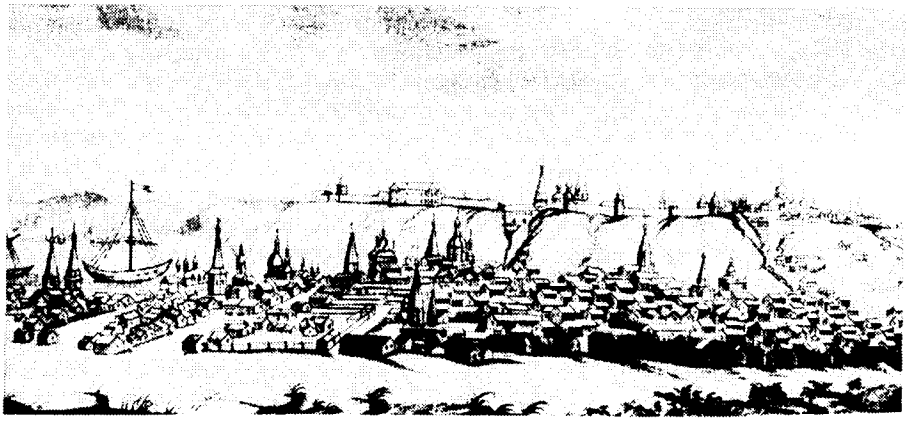
аще ль тот посол под Астрахань с ево государевою великою казною денежною и пороховою [не] дошел, и мы толко ныне не поидем таким честным людем на помогание, и они на нас станут писать к Москве непослушание государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Росии; и государь на нас раскручинитца, велит нас переимать и по городом разослать и по темницам розсажать, а меня, Ермака, велит государь царь повесить: потому что болшому человеку болшая и честь бывает. А толко мы государю царю вину принесем, а таких честных людей послушаем и к ним на спомогание пойдем, и они об нас станут писать милостивыя и благоприятныя словеса к государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Росии, и государь царь до нас умилитца и отдаст нам пеню великую вину». И такие мудрые вымышленые словеса полюбилися многим атаманом и казаком. И взговорил атаман Иван Колцов: «Добро нам идти на помогание таким честным людем, а толко нас господь бог помилует и неверных нам бог покорит под нозе наши, и Сибирское государство возмем и град поставим и святыя божия церкви воздвигнем и соберем себе славу вечную и укупим себе живота вечнаго и в предъидущие веки. Аминь».

189. ЕРМАК ВЗЯЛ СИБИРЬ

Во славном понизовом городе Астрахане,
Против пристани матки Волги-реки
Сходилися тут удалы добры молодцы,
Донския славны атаманы казачия:
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич
И Анофрей Степанович.
И стали оне во единой круг

Как думати думушку за единое
Со крепка ума, с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По именю Ермак Тимофеевич:
— Ай вы гой еси, братцы атаманы казачия,
Некорыстна у нас шу(т)ка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидскова
Со всеми ево салдатами и матрозами
И всем животом его покорыстовались.
И как нам на то будет ответствовать?
В Астрахане жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — грозен царь стоит,
Грозен царь-асударь Иван Васильевич,
В Москву идти — перехватаным быть,
По разным городам разосланым
И по темным тюрьмам рассаженым.
Пойдемтя мы в Усолья ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым,
Возьмем мы много свинцу-пороху
И запасу хлебнова.
И будут оне в Усолье у Строгонова,
Взяли запасы хлебныя, много свинцу-пороху
И пошли вверх по Чусовой реке,
Где бы Ермаку зима зимовать.
И нашли оне печеру каменну на той Чусовой реке,

Вид города Тобольска
Резцовая гравюра В. Соколова с рисунка И. Х. Беркхана. Из серии «Собрание Российских и Сибирских городов». 1770

На висячем большом каменю,
И зашли оне сверх того каменю,
Опущалися в ту пещеру казаки,
Много, не мало — двесте человек;
А которые остались люди похужея,
На другой стороне в такую ж оне печеру убиралися,
И тут им было хорошо зима зимовать.
Та зима проходит, весна настает,
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебренной реке.
Стал Ермак убиратися со своими товарыщами —
По Серебренной пошли, до Жаравля дошли.
Оставили оне тут лодки-коломенки
На той Баранченской переволоке,

одну тащили, да надселися, так ее и покинули. И в то время увидели Баранчу-реку, обрадовались, поделали баты сосновыя и лодки-набойницы; поплыли по той Баранче-реке, и скоро оне выплыли на Тагиль-реку; у тово Медведя-камня, у Магницкова горы становилися. А на другой стороне была у них пло(т)бища: делали большия коломенки, чтобы можно им со всем убратися. Жили оне тут, казаки, с весны до Троицова дни, и были у них промыслы рыбныя, тем оне и кормилися. И как им путь надлежал, со всем в коломенки убиралися. И поплыли по Тагиль-реке, а и выплыли на Туру-реку, и поплыли по той Туре-реке в Епанчу-реку, и тут оне жили до Петрова дни.

Еще оне тут управлялися: поделали людей соломенных и нашили на них платье цветное; было у Ермака дружины три ста человек, а стало уже со теми больше тысячи. Поплыли по Тоболь-реку, в Мяденски юрты приплыли, тут оне князька полонили небольшева, дабы показал им путь по Тоболь-реке. Во тех ус(т)ьях тобольскиех на изголове становилися и собиралися во единой круг, и думали думушку крепко заедино, как бы им приплыть к горе Тобольской той. Сам он, Ермак, пошел ус(т)ьем верхнием, Самбур Андреевич — ус(т)ьем среднием, Анофрей Степанович — ус(т)ьем нижнием, которая ус(т)ья впала против самой горы Тобольския. И выплыли два атамана казачия Самбур Андреевич и Анофрей Степанович со своими товарыщами на Иртыш-реку под саму высоку гору Тобольскую. И тут у них стала баталия великая со теми татары котовскими. Татара в них бьют со крутой горы, стрелы летят, как часты дожди, а казакам взять не можно их. И была баталия целой день, прибили казаки тех татар немало число, и тому татары дивовалися: каковы русски люди крепкия, что ни едино убить не могут их, каленых стрел в них, как в снопики, налеплено, только казаки все невредимы стоят, и тому татара дивуются ноипаче того.

В то же время пришел атаман Ермак Тимофеевич со своею дружиной тою лукою Соуксанскую. Дошел до ус(т)ья Сибирки-реки и в то время полонил Кучума — царя татарскова, а первова князька поиманова отпустил со известием ко тем татарам котовскием, чтобы оне в драке с казаками помирилися: уж-де царя вашего во полон взяли тем атаманом Ермаком Тимофеевым. И таковы слова услыша, татара сокротилися и пошли к нему, Ермаку, с подарачками: понесли казну соболиную и бурых лисиц сибирскиех. И принимал Ермак у них не отсылаючи, а на место Кучума-царя утвердил Сабанака-татарина и дал ему полномочие владеть ими. И жил там Ермак с Покрова до зимнява Николина дня.

Втапоры Ермак шил шубы соболиныя, нахтармами вместе сшивал, а теплыя мехи наверх обоих сторон; таковым манером и шапки шил.

И убравши Ермак со всемя казаки отъезжал в каменну Москву, ко грозному царю Ивану Васильевичу. И как будет Ермак в каменной Москве, на канун праздника Христова дня, втапоры подкупил в Москве большова боярина Никиту Романовича, чтобы доложил об нем царю грозному. На самой праздник Христов день, как изволил царь-государь идти от заутрени, втапоры доложил об них Никита Романович, что-де атаманы казачия, Ермак Тимофеев с товарыщи, к твоему царскому величеству с повинностью пришли и стоят на Красной площади. И тогда царь-государь тотчас велел пред себя привести тово атамана Ермака Тимофеева со темя ево товарыщи. Тотчас их ко царю представили в тех шубах соболиныех. И тому царь удивляется и не стал больше спрашивати, велел их разослать по фатерам до тово часу, когда спросятся. Втапоры царю праздник радошен был, и было пирование почестное на великих на радостях, что полонил Ермак Кучума — царя татарскова, и вся сила покорилася тому царю грозному, царю Ивану Васильевичу. И по прошествии того праздника приказал царь-государь тово Ермака пред себя привести. Тотчас их сабрали и ко царю представили, вопрошает тут их царь-государь: «Гой ты еси, Ермак Тимофеев сын, где ты бывал? сколько по воли гулял и напрасных душ губил? И каким случаем татарскова Кучума-царя полонил и всю ево татарскую силу под мою власть покорил?» Втапоры Ермак пред грозным царем на колени пал и письменное известие обо всем своем похождении подавал, и притом говорил таковыя слова: «Гой еси, вольной царь, царь Иван Васильевич! Приношу тебе, асударь, повинность свою: гуляли мы, казаки, по морю синему и стояли на протоке на Ахтубе, и в то время годилося мимо идти послу персидскому Коромышеву Семену Костянтиновичу со своими салдаты и матрозами; и оне напали на нас своею волею и хотели от нас поживитися, — казаки наши были пьяныя, а салдаты упрямыя, — и тут персидскова посла устукали со теми ево салдаты и матрозами». И на то царь-государь не прогневался, ноипаче умилосердился, приказал Ермака пожаловати. И посылал ево в ту сторону сибирскую, ко тем татарам котовскием брать с них дани-выходы в казну государеву.

И по тому приказу государеву поехал Ермак Тимофеевич со своими казаками в ту сторону сибирскую. И будет он у тех татар котовскиех, стал он их наибольше под власть государеву покоряти, дани-выходы без апущения выбирати. И год-другой тому времени поизойдучи, те татара (в)збу(н)товалися, на Ермака Тимофеева напущалися на той большой Енисее-реке. Втапоры у Ермака были казаки разосланы по разным дальным странам, а при нем только было казаков на дву коломенках, и билися-дралися с татарами время немалое. И для помощи своих товарыщев он, Ермак, похотел перескочити на другую свою коломенку и ступил на переходню обманчивую, правою ногою поскользнулся он, — и та переходня с конца верхнева подымалася и на ево опущалася, росшибла ему буйну голову и бросила ево в тое Енисею, быстру реку. Тут Ермаку такова смерть случилась.

190. ЕРМАК

На утреннем на сходимом красном солнишке
Собирались ермаки во единой круг,

Во единой круг хлеба кушати.
Атаманом бул Ермак Тимофеевич,
Есаулом бул ермак со Дунай-реки —
Ласташка Лаврентий сын.
Тут плула-то, выплувала лодка-коломенка.
Заражали тут они пушку менную,
Насыпали они в пушку мелкого пороха,
Тут стрэляли вдоль по лодке по коломенке. . .
Тут спроговорэт Ермак Тимофеевич:
— Ми убили, рэбэты, посла царского,
Утупили казну царскую.
Уж агде станем, рэбэты, зиму зимовать?
Уж агде станем, рэбэты, лето летовать?
Лучче гранемте, рэбэты, под Кучум-город,
Ми Кучумское-то царство вижгем-випленим.
Ми Кучума-старика в полон полоним,
Ми Кичунуху-старуху за себя вожьмем, —
За это нас государь-цар пожалует.
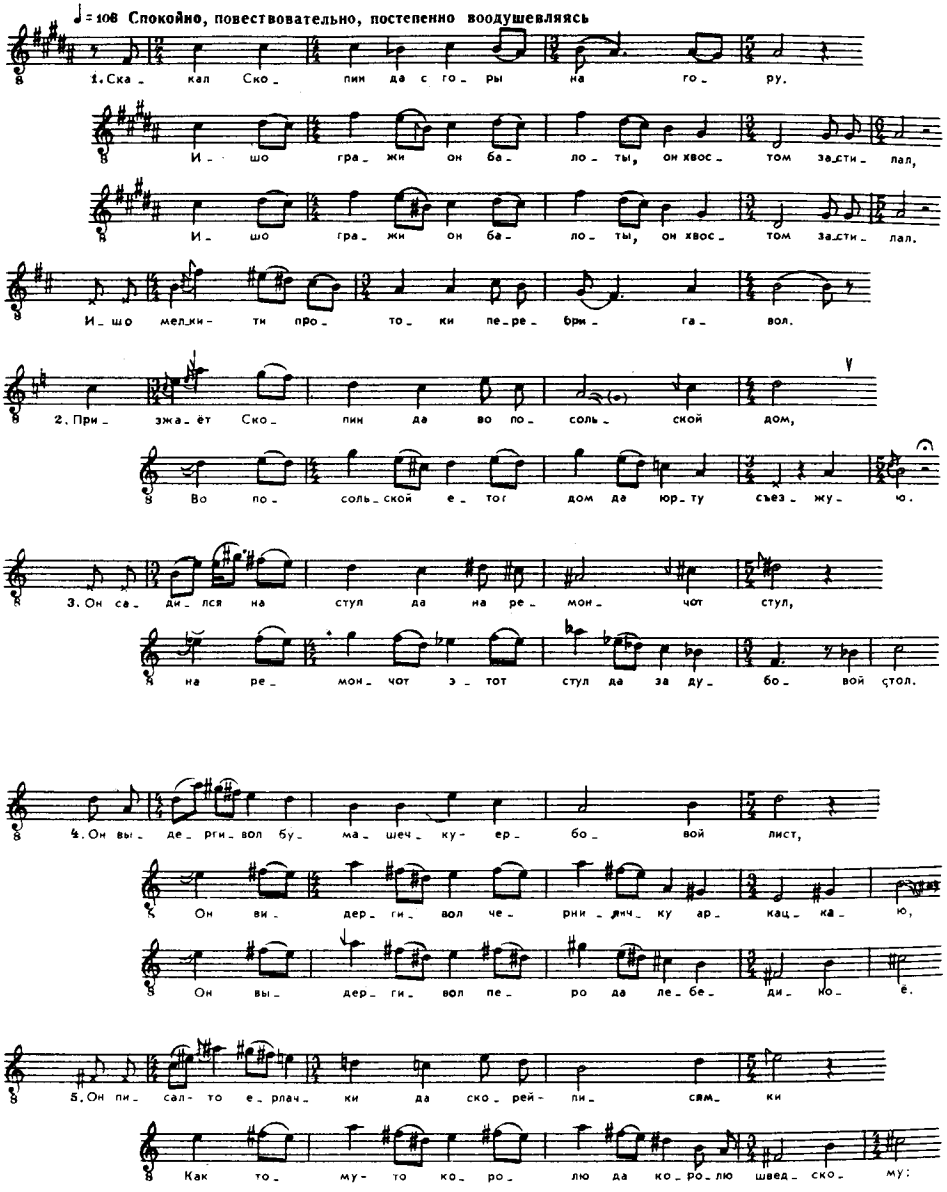
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, ОТНОСИМЫЕ К СОБЫТИЯМ XVII В.
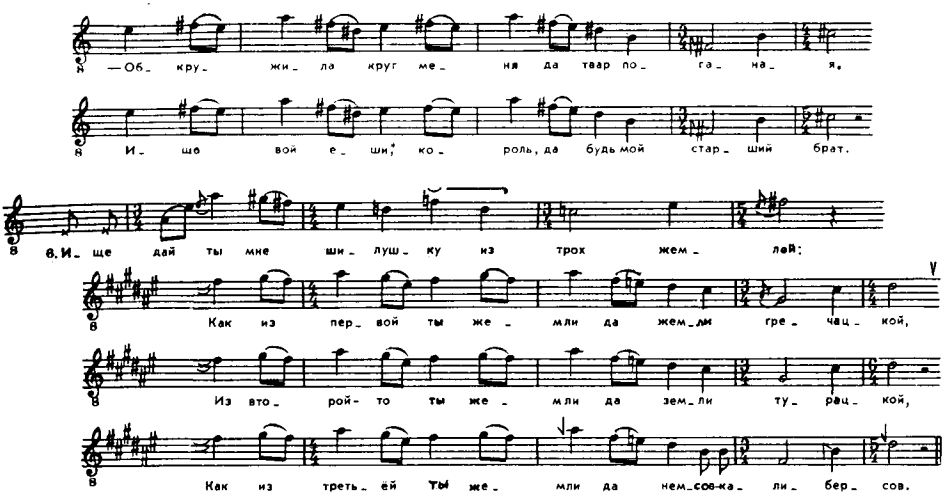
191. СКОПИН ПРОСИТ ПОМОЩИ У ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ

Скакал тут Скопин (с) горы на гору,
Он бистрые речки перепрыгивал,
Он круглые ожерья промеж ног пущал,
Он гражи, болота хвостом заштилал.
Приезжает Скопин во посольской дом,
В юрту съезжую.
Садился Скопин на ремончат стул,
На ремончат стул за дубовый стол по конец стола.
Видергивал гумажечку гербовый лиш(т),
Видергивал черниличку аркадскую,
Брал перо лебединое,
Он писал ярлычки-скорописемки
Тому ли королю, королю шведскому:
— Ти, шведской мой король, будь мой старший брат,
Дай мне вспоможенье великое!
Обкружила (в)круг меня тварь поганая,
Не дает мне не пройти и не проехати.
Дай мне силушку иж трох жемель:
Иж первой жемли — немцов-каливерцо(в),
Иж другой жемли греческой,
Иж трэччей жемли, иж шведской жемли.
Виходил Скопин на швятую Русь,
Воходит Скопин во большу церковь,
Служил он молебны великие:

25 — Ох же, мать, божья пречиста богородица,
Еще та була шерапея [!] премудрая,
Победить-то эту-ту тварь поганую. . .

192. СКОПИН ПРОСИТ ПОМОЩИ У ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ

Скакал Скопин да с горы на́ гору.
Ишо гражи он, болоты ох хвостом застилал,
Ишо гражи он, болота он хвостом застилал,
Ишо мелки-ти протоки перебригавол.
Приезжаёт Скопин да во посольской дом,
Во посольское-то дом да юрту съизжую,
Он садился на стол да на ремо́нчот стул,
На ремо́нчот этот стул да за дубовой стол,
Он виде́ргивол бумашечку (г)йирбо́вой лист,
Он виде́ргивол черниличку аркацкую,
Он виде́ргивал перо да лебединоё,
Он писал-то ерлачки да скоры пи́сямки
Как тому-то королю да королю шведскому:
— Обкружила (в)круг меня да твар поганая,
Ишо вой еши, король, да будь мой старшой брат,
Ишо дай ты мне шилушку из трох жемле́й:
Как из первой ты жемли да жемли гре́чацкой,
Из второй-то ты жемли да жемли ту́рацкой,
Как из третьёй ты жемли да немсов-кали́берсов. . .

193. ОТРАВЛЕНИЕ СКОПИНА

Собирается Скопин во каменну Москву,
Скопину родная матушка наказывала,
Еще сударыня-боярыня заказывала:
— Ты не езди, Скопин, во каменну Москву!
Не послушался Скопин родной матушки,
Выходил Скопин на прекрасное крыльцо,
Он хватал-имал ворона коня,
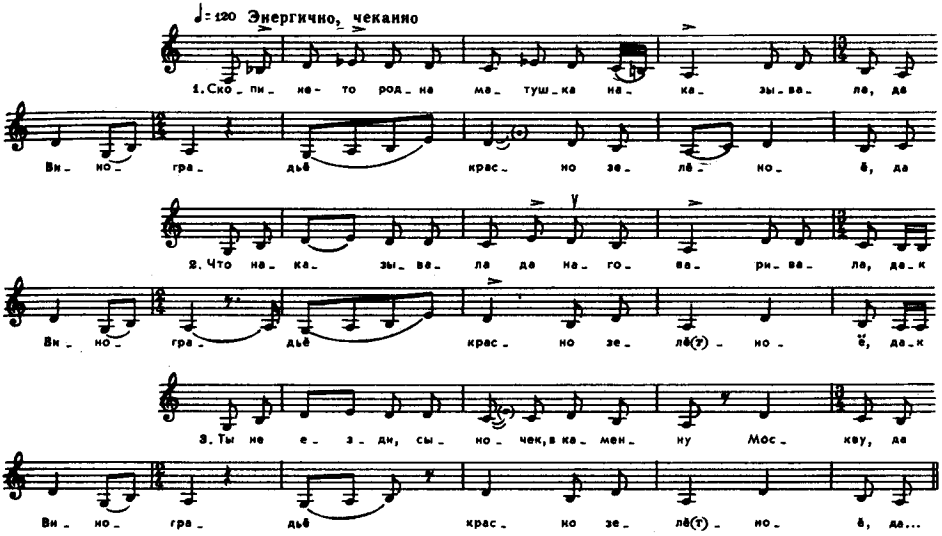

Егор Семенович Киселев (1921 г. р.)
Фото Т. С. Шенталинской. 1985

Он подтягивал подпруги шелковы,
Он клал коврички, на коврички седло черканское,
Он (в) стремячко ноги позакладывая,
На добра коня заметаючи,
Он пути держал во каменну Москву.
Ему мати поговаривала:
— Не дружись ты, Скопино, с казаками запорожцами,
Не кумись ты с дочерью Малютою,
Не крести ты сына Скурлатова!
Не послушался Скопин родной матушки,
Подружился с казаками запорожцами,
Покумился с дочерью Малюты,
Окрестил он сына Скурлатовича.
Выносил Малюта чашу зелена вина.
По бокам этой чары змеи вьются,
Посреди этой чары ключи кипят.
Принимал эту чару Скопин единой рукой,
Выпивал-то Скопин на единой дух.
Его буйна голова с плеч катилася,
Его белы ручки опустилися,
Его резвые ножки подломилися,
Из-за дубового стола он колесом пошел.
Выходил-то Скопин на красно крыльцо,
На добра коня садился со трудом.

Приезжал Скопин к родной матушке.
Родна мати брала его
За белы ручки и резвы ножки
И вносила его (к) себе в дом.

194. ОТРАВЛЕНИЕ СКОПИНА

Скопине-то родна матушка наказывала, да
Виноградьё красно зеленоё, да
Что наказывала да наговаривала, дак
Ты не езди, сыночек, в каменну Москву, да
Не дружися ты с купцами с опоротными, дак
Не кумися ты с дочерью Малютою, дак
Не крести ты, гут, сына у Скурлатова, дак
Не послушался Скопина родну матушку, да
Вот уехал-то Скопина в каменну Москву, дак
Подружился он с купцами с опоротными, да
Проводили-то Скопину за дубовый стол, да
Наливали ему чарку зелена вина, да
Зелена вина полтора ведра, да. . .

195. ОТРАВЛЕНИЕ СКОПИНА

Скопина родна матушка наказывала,
Что родимая да говаривала:
— Ты не езде, Скопин, в каменну Москву
И не дружи ты с купцами запороцкими,
А не кумись ты (с) дочерью со Малютовою,

Не крести ты у него сына Скурлатова,
А ты не пей у нее чару зелена вина.
Не послушался Скопин родну матушку,
Хватал тут Скопин добра коня,
Он накладывал потнички на потнички,
А коврики на коврики,
И на коврички он налаживал седельце черкатское,
Натягивал подпружники шелковые,
Они були шелку камахинского.
Он на стрему ногой не ступает,
На коня просто залетаючи,
Он копьем не подпераючи,
На добра коня залетаючи.
Он попляску держал молодецкую,
Он ускок-то давал богатырские,
Он поездки держал в каменну Москву.
Подружился с купцами да запороцкими,
А покумился он с дочерью с Малютово(й),
Окрестил у нее сына Скурлатова.
И посадила кума его за дубовые столы,
От дубова стола кума колесом пошла.
— Чем я буду кума гостевать?
Налевала она чару
Полтретья ведра зелена вина,
Подносила она куму.
А в этой чары на середке ключи кипят,
А по берегам этой чары змеи вьются.
Подносила она ему единой рукой:
— А ты примай, кум, единой рукой,
А выпивай едином духом!
Тут хватал Скопин единой рукой,
Выпивал Скопин едином духом.
Тут садился Скопин на добра коня,
Он ускоки-то давал богатырские,
А поездку давал к родной матушке.
Выходила его мать на красно крыльцо.
Тут его резвые ножки подломилися,
А белые его ручки распустилися,
А с плеча головка покатилася.
— Ах ты, дитятко, мой Скопин,
Я тебе, дитятко, наказывала,
Не послушался ты, Скопин, родную матушку!

196. ОТРАВЛЕНИЕ СКОПИНА
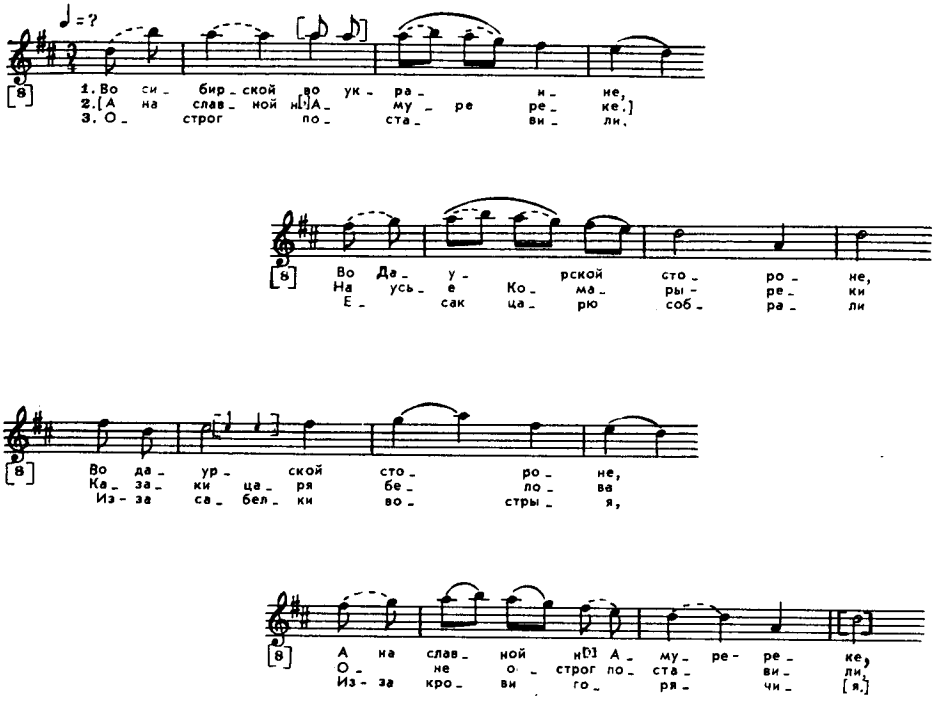
У ласкова князя Владимира
Было столованье — почестный пир.
Собирались к нему князья-бояры

И пили, гуляли, забавлялися,
Во полупиру бояры напивалися,
В полукушаньи наедалися.
Ласковой Владимир-князь
По горенке похаживает,
Сам говорит таковы слова:
— Что вы, мои князья-бояры,
Пьете, едите, потешаетесь,
Ничем, бояры не хвалитесь?
Один боярин похвастает:
— У меня много есть серебра.
Другой боярин похвастает:
— У меня много скатна жемчуга.
Третий боярин похвастает:
— У меня много красна золота.
Четвертый боярин похвастает:
— Довольно у меня золотой казны.
Пятый похвастал молодой женой,
Шестой похвастал своими детьми,
Седьмой похвастал добрым конем,
Восьмой боярин похвастал высоким теремом.
Один боярин не хвастает —
Михайло Скопин сын Васильевич.
Встает Михайло на резвы ноги,
Сам говорит таковы слова:
— Гой еси, батюшко Владимир-князь,
Брал я Малюту за черны кудри,
Бил я Малюту о сыру землю
За тое за измену за великую!
На пиру тут сидела Малютина дочь.
Наливала она чару зелена вина,
Во чару клала зелья лютого,
Подносила она куму крестовому:
— Выпей-ко чару, мой крестовый кум,
Михайло Скопин сын Васильевич,
Насилу я дождалась от тебя слова ласкова!
Принимает чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом —
Схватило у Скопина сердце ретивое.
Надевал черну шляпу и вон пошел,
Садился Михайло на добра коня —
Не может Михайло на коне сидеть.
Едет он к своему высоку терему,
Едет на улицу на широку.
Увидала его матушка родимая
Скрозь окошечко косящато,
Скрозь околенку стеклянную,

Бежит скоро на красно крыльцо
И встречает свое чадо милое:
— Ох ты гой еси, мое чадо милое,
Ты Михайло Скопин сын Васильевич,
Почто ты эдак упиваешься?
Проговорил Михайло сын Васильевич:
— Ох ты гой еси, моя родима матушка,
Не сам я собою упиваюся,
Напоила меня Малютина дочь.
Наливала она чару зелена вина,
Во чару клала зелья лютого,
Подносила она куму крестовому,
Сама говорит таковы слова:
«Выпей-ко ты, мой крестовый кум!»
Я выпивал чару единой рукой. . .

197. ОСАДА СМОЛЕНСКА

Не злаченая труба в поле трубилашя,
Не скаченая жемчужинка прокатилашя,
Проглашил-то нас надежда православный сар:
— Ох ви, дети мои, дети мои, детушки,
Развоенные мои да ви солдатушки,
Послужите ви, робэта, верой правдою,
Верой-правдою, робэта, неизменною:
Ви достаньте-доступите вжять Смолин-город.
Еще в ту пору робэта запечалились:
— Как тапериче нам на швете живым не буть,
Не видать-то нам, робэта, отца-матерей,
Отца-матерей, робэта, молодых жён,
Молодых жен, робэта, малых детушок!
— Еще дам вам воеводу неизменную,
Швет любимово мово шурина,
Швета Якова вам да Люнопостовича. . . .
Тут пошла-то наша сила по горе, горе Покровской,
Под славный город Смолинской.
Шел Илья сын Мирославской,
На приступ стовал некрепко,
Раздряжал полки неланно,
Велел схоння подрубити.
—По схонням скоро бегите!
Один маленькой паненок
Ниоткуль он вибегает,
В пушку порох зажигает.
В пушке порох заражатся,
Люто зельё раздрывается. . .

Во сибирской во украине,
Во Даурской стороне,
В Даурской стороне,
А на славной н(а) Амуре-реке,
На ус(т)ье Комары-реке
Казаки царя белова,
Оне острог поставили,
Острог поставили,
Есак царю собрали
Из-за сабельки вострыя,
Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячи(я).
Круг оне острогу Комарскова
Оне глубокой ров вели,
Высокой вал валилися,
Рогатки ставили,
Чеснок колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано-ранешонько
Равно двадцать пять человек
Выходили молодцы оне

На славну Амуру-реку
С неводочками шелковыми
Оне по рыбу свежею.
Несчастье сделалось
Над удалыми молодцы:
Из далеча из чиста поля,
Из раздолья широкова,
С хребта Шингальскова,
Из-за белова каменя,
Из-за ручья глубокова
Выкоталася знамечка,
Выкоталася знамечко большее,
А знамя за знамем идет,
А рота за ротами валит,
Идет боидоской князец,
Он со силою поганою,
Со силою поганою
Ко острогу Комарскому.
Как вешнея вода
По лугам разлилася,
Облелеила сила поганая
Вкруг острогу Комарскова,
Отрезали у казаков
Ретиво сер(д)це с печенью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек
С неводочки шелковоми
И с рыбою свежею.
А и ездит боидоской князец
На своем на добром коне,
Как черной ворон летает
Круг острогу Комарскова,
Кричит боидоской князец
Ко острогу Комарскому:
— А сдайтеся, казаки,
Из острогу Комарскова!
А и буду вас жаловать
Златом-серебром
Да и женски(ми) прелестными,
А женски(ми) прелестными
И душами красны(ми) девица(ми).
Не сдаются казаки
Во остроге сидечи,
Кричат оне, казаки,
Своим громким голосом:
— Отъезжай, боидоской князец,
От острогу Комарскова!
А втапоры боидоско(й) князец

Со своею силою поганою
Плотной приступ чинит
Ко острогу Комарскому.
Казаки, оне справилися,
За ружье сграбелися.
А была у казаков
Три пушки медныя,
А ружье долгомерное.
Три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули,
А прибили оне, казаки,
Тое силы боидоские,
Тое силы боидоские,
Будто мушки ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался боидоской князец,
Бегучи от острогу прочь,
От острогу Комарскова,
А сам заклинается:
— А не дай, боже, напредки бывать!
На славной Амуре-реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая,
И сделан гостиной двор
И лавки каменны.

199. РАЗИН УПЛЫВАЕТ ИЗ ОСТРОГА

Уж как заперли Степана в белокаменный острог,
В белокаменный острог под висячий под замок.
Он и первый день помешкал, на второй день погадал,
А на третий на денечек разудалым говорил:
— Принесите вы, ребята, мне водички испить.
Принесенну воду не пил, ковшик на стену плескал,
Ковшик на стену плескал, а сам уголь в руку брал,
[А сам уголь в руку брал,] легку лодочку писал.
— Не пора ли нам, ребята, да на Волгу на реку,
Как на Волгу на реку ко цареву кабаку?

200. СЫНОК СЕНЬКИ РАЗИНА

Не от огня камыш-травка загоралася,
Горела она и разгоралась.
Подгорели у ясного сокола желты ноги,
Подожгли его крылья остры и златы перья. . .
Не от ветричку белые палаты зашаталися,
Не от вихорю они отпиралися, —
Идет-то в эти палатушки вор-изменник.

В этих-то палатушках поставлены столы дубовые,
На столах-то разостланы сукна дорогие,
На суконышках стоят чернилицы златые,
В чернилицах перья лебединые.
За столами сидят три царя, три государя [!].
Стал-то белый царь доброго молодца спрашивати:
— Откуда ты, доброй молодец, скажись:
Не с Дону ли ты казак, не казачий ли сын,
Не из матушки каменной Москвы
Удалой доброй молодец?
— Я оттуда [так!],
Вам скажусь я Сеньки Разина сын,
Заутра-то к вам сам мой батюшка будет,
Умейте его встретить, ему честь воздать.
Судилося царю его под суд отдать,
Под суд отдать, его кнутом отбить.

201. СЫНОК СТЕНЬКИ РАЗИНА

Проявился здесь да детинушка,
Незнамой человек, добрэ хороший,
Да по городу погуливает.
Как желен сафьян сапожки на шелковых на чулках,
Алой бархатной кафтанец на-в онном плече ношил,
Борзуменсковой кушачок за один конец волочил,
С призументами черную шляпу на-в онном ухе ношил,
Еще стаперам [?], офицерам-че поклон к нима не дает,
Востраханскому губернатору под суд к нему не идет.
Еще стали у детинушки-ту спрашивати:
— Ти откуль взялся, детинушка, незнамой человек:
Ти казанской али московской, али востраханской?
— Не казанской, не московской, я не востраханской,
Я со Камень со реки да Стеньки Разина сынок.
Еще завтрэ-чэ поутру мой батюшко к вам в гости будет,
Умейте его да встречать, умейте потчевать.
Востраханский губернатор, больше денежки ноши!
Как поутру тут и ранним-ранешенько
Насходило румено красно солнышко,
(В)низ по Камень по реке легка лодочка плула.
Как сидят в ношу грэбцы да удалые молодцы,
В шерэдине-че да сидел Стенька Разин атаман,
Он крычал, братцы, ровэл да зычным голосом своим:
— Увжа где мой сынок, сын возлюбленной мой?
Еще в ту пору как люди вше испужалися,
Еще старые да хоромы-то вше припадали,
Новые хоромы-то пошатилися,
Востраханскому губернатору шмерть шлучилася.

202. ПРО НЕЗНАМОГО ЧЕЛОВЕКА

А это песня про незнамого человека. Пришел в Астрахань-город да и погуливат там, и нихто ёму ничо не можот указать. И губернахтор ничо не можот сделать. А взял его дочь Настасьюшку да и о(б)венчались. Сказыватца так эта песня:

Как у нас было в городе во Астрахани
Неоткудова взялся детина, добрый молодец.
Добро-шопорно по Астрахани погуливает,
Он ни князьям, офысэрам не кланяется,
Самому-то губернахтору челом ему не бьет.
Выходил наш губернахтор на прекрасное крыльцо,
Выходил наш губернахтор, сам выспрашивал:
— Ты откедова, детина, (г)де-ка родина твоя?
— Я из дому, я из Дону, я из матушки Москвы.
Я не вас пришел смотреть и не хозяюшку твою,
Я пришел посмотреть дочь Настасьюшку твою.
Не отдашь ее — возьму, и отдашь ее — возьму,
За белы руки возьму, во божью церковь поведу,
Из божой церкви пойду да к губернахтору зайду!

203. СЫН РАЗИНА И ДВА ЕЛЫНЧАТА

Как по три года Азов-город взаперти стоял,
На четвертый год отпирается он без ключика,
И без замочика, и без притворочка.
Выезжают два удалые елынчата,
У добрых коней по колен ноги закованы.
Присмотрели очи ясные во чисто поле,
Во белых руках придержали сабли вострые.
Выезжает к нима навстречу Сеньки Разинова сын,
Победил этих двух елынчата.
— Победил я этих двух елынчата,
Выводите мово отца Сенька Разина из заклятия!

204. ПЛЕМЯННИК РАЗИНА И ТАТАРЫ-ПОЕДИНЩИКИ

Из Тазу-города шли два татарченка,
Силу-то бьют, как траву косят,
Просят у царя поединщика:
— Гой ты еси, Петрушка, православной царь,
Дай нам, Петрушка, поединщика,
Дай нам, Петрушка, противника,
А не дашь противника — сам иди!
Не злата труба воспротрубилась,
Не серебряна чепочка воспрозыгралась, —
Воспроговорил наш батюшка православной царь
По именю Петр, по величанию Алексеевич:

— Хто, бат, мою голову заменит животом своим?
Не из первого ряду, не из середнего,
Из того, говорит, ряду из последнего
Выступат тут дородной доброй молодец,
На нем шубочка баранья навыворот:
— Разе, говорит, заменю голову твою животом своим?
Налевай, говорит, мне турей рог меду сладкого,
Налевай ты мне чару зелена вина,
Мерную ету чару полтора ведра!
Принимал чару единой рукой,
Выпивал чару на единой дух . . .

Сошлись на поединок. Татара говорят: «Ну бей!» А он имя сказал: «На зачинающего сам господь подыматца». Стал на место. Подошел татарин, ударил — он стоит; другой ударил — стоит. «Ну ставай на почетно место!» Ударил — татарина убил, и другого тоже.
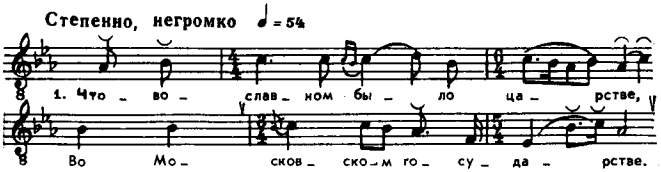
Вот Петра Алексеевич и спрашиват молодца: «Чем я тебя буду чёствовать-жаловать: селами али деревнями, али городами с пригородками?» — «Ничего мне-ко не надо, — говорит тот, — только выведи мово дядю Сенкю Разина из проклятища». (А он, стало быть, ему племянник был, из осилков был.) — «Нельзя, — говорит царь, — он на соборе проклянен».
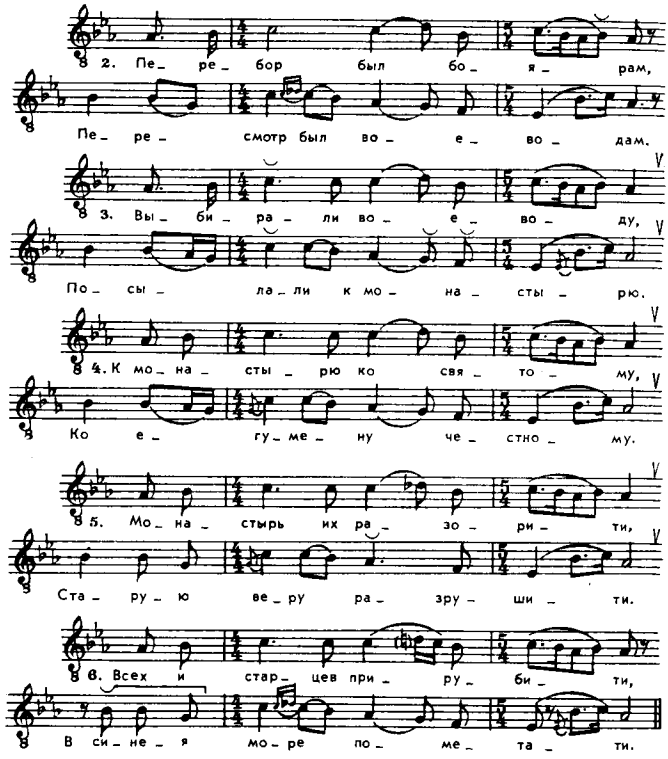
205. ОСАДА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Что во славном было царстве,
Во Московском государстве
Перебор был боляром,
Пересмотр воеводам.
Из боляр боляр выбирали,
В воеводы посадили.
Что еще выбрали воеводу
Петра сына Алексеича,
Еще роду не простого,
Господина Салтыкова.
Посылали воеводу
К соловецким чудотворцам:
Монастырь их разорити,
Стару веру разрушити,
Старые книги изодрати
И всех старцев прирубити,
В синее море пометати.
Что возговорит воевода:
— Что нельзя, сударь, зорити,
Невозможно и подумать
На святое его место.
Что возговорит государь
Царь Алексий Михайлович:
— Ты — доброй же, воевода,
Я велю тебя сказнити,

Руки-ноги отрубити,
Буйную голову отпилити!
— Погоди, сударь, казнити,
Прикажи речь говорити:
Дай же, сударь, силы много,
Стрельцов, бойцов и солдатов. . . .
Что садился воевода
Он великий во стружочки.
Потянули буйные ветры
Со полуденной страны,
Приносило воеводу
К монастырю тому святому,
Ко игумену ко честному
И ко храму ко святому.
Что стреляет воевода
Во соборную божию церковь,
Уронил он, воевода,
Богоматерь со престола.
И все старцы испужались,
По стенам пометались,
Во едино место собирались,
Во едино слово говорили:
— И мы головы положим,
Мы по-старому послужим,
Вечно богу слуги будем
И с ним во царствии пребудем. . . .
Во Московском было царстве
Отворились царские двери,
Воскричали-возопили:
— Уже есть ли у нас караулы?
Посылали б поскорее:
Монастырь бы не зорили,
А старцев не рубили
И веру бы не рушили! . . .
Что возговорит игумен:
— Вы, духовные мои дети,
Уж вы стойте, не сдавайтесь,
За Христа-бога умирайте! . . .
Аминь.

205а. ОСАДА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Что во славном было царстве,
Во Московском государстве
Перебор был боярам,
Пересмотр был воеводам.
Выбирали воеводу,
Посылали к монасты́рю.
К монасты́рю ко святому,
Ко егумену честно́му * —
Монастырь их разорити,
Старую веру разруши́ти.
Всех и старцев прирубити,
В синее море пометати.
От вещает воевода
Ко царю и государю:
— Ты великий наш правитель,
Еруслимский управитель,
Я готов за вас служити,

* Здесь исполнительница останавливается и, отвечая на вопрос собирательницы, сообщает, что слышала «стих» от матери, родом «от Бийска».

Свою голову положити.
Боже, дай мне силы много,
Своего войска́ немало. . .

Далее исполнительница прекращает пение: «А вот здесь я не знаю чего. . . Там уже через куплеты переброска, я не знаю тут по ряду чего. . .» И продолжает, уже пересказывая словами:

Что стреляет воевода
Во соборные божии церкви . . .

— Это уже они на острове. Попал де воевода во Спасителя образ (а тут все надо чего-то петь, не знаю чего). А потом гонца послали. Гонец этот бежит, значит, и гонец бежит от царя и встретилися (на какой же реке? Забыла). Ну они на картинке. . . И тот письмо, мол, несет, и другой письмо держит. Обои встретились на лошадях. Этот-то, значит, от царя, что царь умирает, свое царство оставляет и святых отцов прощает. А этот гонит — монастырь уже разорили. . . Вот два гонца съехались и царь, значит, скончался. Монастырь разорили. . . Большой стих.

206. ОСАДА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Как у нас было во царстве,
В Московском государстве
Перебор-де был боярам,
Переборы воеводам.
Выбирали воеводу
Того роду не простого —
Господина Салтыкова
Петра сына Алексея. . .
Он садился, воевода,
Во легонькой во стружочек.
Потянули ветры буйны
С полуденной со сторонки,
Подносило воеводу
К тому месту ко святому,
Ко игумену честному.
Он стрелял бы, воевода,
Во соборну божью церковь,
Уронил тут воевода
Богоматерь со престола.
Все тут старцы испужались,
По стенам града метались,
В едно место собирались,
В едно слово говорили:
— Хоть мы головы положим,
А по-старому послужим,
Слуги верны богу будем,
С ним во царствие прибудем! . . .
— Не вели, сударь, казнити,
Прикажи речь говорити:

Этих старцев не казнити,
В сине море не метати!
Не глядя [!] на них воевода —
Всех тех старцев приказнили,
В сине море побросали.
Купцы-гости приезжали,
Бьют челом они государю:
— Прикажи, царю, святых собрать,
Во сыру землю предать,
С честью-правдой схоронить.

207. МАТЬ ПРИВОДИТ СЫНА НА КАЗНЬ

Стары те годы, стародавние,
Прежние те законы доначальные —
При царе было Алексее при Московском
Приводила мыть сына под казненье.
— Ой ты дай-ка сыну строку на три года!
— Не даю я сыну строку на полгода!
— Ой ты дай-ка сыну строку хоть на месяц!
— Не даю я сыну строку на неделю!
— Ой ты дай-ка сыну строку на денечек!
— Не даю я сыну строку ни минуты!
Положили голову на плаху да отсекли.

208. МАТЬ ПРИВОДИТ СЫНА НА КАЗНЬ

. . .Ране-то, при царе Лёксее, дети родителев слушались, народ был непраздной, не шатающий. Еслиф прогневатца мать на сына, то нихто и указать не можот, засудит его али ёму голову сымет. И строку сын просит хошь на часочек, а мать не дает ёму строку и на минуту, под казнею подводит. Про это и песня складена.

(*И Микандра запел песенную старинку:*)

Стары те годы да стародавны,
Прежни были законы доначальны.
При царе было при Лёксее,
При Лёксее при Московскиим
Приводила мать сына под казню,
Под казненьё мать своего сына,
Да голову его на отсеченье.
— Ой да ты дай-ко, мать, сыну строку на три годы!
— Не даю я сыну строку на полгоды.
— Ой да ты дай-ко, мать, сыну строку хошь на месяц!
— Не даю я сыну строку на недельку.
— Ой да ты дай-ко, мать, сыну строку на денечек!
— Не даю я сыну строку на часочек.

— Ой да ты дай-ко, мать, сыну строку на минуту!
— Не даю я сыну строку на секунду.
Положили голову на плаху, всю сказнили.

209. КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МОСКВУ

Не куличенька по болотинке куликает,
Не сам-то князь Голицын по лужкам гуляет,
Размышляет князь Голицын, как Москву проехать:
— Темным лесичком мне-ко ехать — дороженька тёмна,
В чистом поле мне-ко ехать — дороженька пыльна,
Москвой мне-ко ехать, то мне будет стыдно.
Поеду я каменной Москвой, улицой Тряскою [!].
Подъезжал я, князь Голицын, к Успенью собору,
Я снимаю, князь Голицын, шапочку соболью,
Захожу я, князь Голицын, в церковь божью,
Я молюся, князь Голицын, Христу Спасу,
Кланяюсь я князю-то Ивану
И на все я на четыре стороны,
Поздравляю князя-то Ивана со полками,
Со любезными полками, егарями. . .
Обращаюсь я, князь Голицын, в чисто поле
Со темя-то со полками, с егарями. . .

210. ГЕНЕРАЛ ЗАПРОДАЛ МОСКВУ

На гораньке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут строилась нова слобода
По прозваньицу матушка Москва.
Всем губеренкам Москва красота,
Серым камешком Москва устлана,
Серым камешком, камнем-скипером.
Размосковский был злой генерал,
Три суточки запил, загулял —
Он запродал матушку Москву
За три бочечки злата-серебра,
За четвертую зелена вина.
Распечатали — мелкой желтой песок.
Сподымался с полдён вихорек,
Разносил он по полю желтой песок.

211. КНЯЗЬ ШЕРЕМЕТЕВ И ТУРЕЦКИЙ ВЛАС-МУРЗА

Во тысяча во [семьсот] первом году,
Во месяце во июне
Из того было Московского государства
Не тученька грозная подымалась,
Подымается князь Борис боярин Шереметев
На те на луга зеленые,
Пошел бы и поехал на турецкую большу пашню.
Не сохами эта пашенка распахана,
Не боронами эта пашенка боронена,
Не пшеною эта пашенка посеяна,
Не дождями эта пашенка полевана —
Распахана штыками,
Боронена солдатскими русскими косами,
Насеяна молодецкими главами,
Полевана человеческими алыми кровями.
На то Борис-боярин устрашился,
На те дубравы зеленые отшатился.
Пошел бы, поехал на турецкого Влас-мурзу,
Заковал бы турецкого Влас-мурзу
В рушные и ножные железа немецкие,
Стал спрашивать турецкого Влас-мурзу
Сущую правду во истинное и во скрестное целованье:
— У вашего царя силы много ли?
— Сгой еси, князь боярин Шереметьев,
У нашего короля втрое боле того.
— Сгой еси, солдаты, слуги верные,
Подымите его на штыки острые,
Подымите повыше!

212. ШЕРЕМЕТЬЕВ И ПЛЕННЫЙ ШВЕДСКИЙ МАЙОР

В тысяча семьсот осьмом году,
Во месяце было во июле
Подымался с Москвы большой боярин,
Граф Петрович Шереметьев,
Подымался он на шведскую на границу
Как со конницею было со дрегунами,
Как со пешими со военным(и) со солдатам(и)...
Он встречает во чистом поле злую собаку.
— Ты, собака, шведский майор,
Ты скажи-ка, майор, шведскую силу:
Сколько было у шведов в поле силы?
— Как у шведов в поле силы сорок тысяч,
В заподе [?] было у шведова счету нету.

— Не стращай меня, собака, шведский майор,
Не боюсь я, Шереметьев, назад не ворочуся.
Эй вы, конные дрегуны, все по коням!
Пешие да военные — пехотою!
Присеките-приколите у шведов в поле силу!

213. ШЕРЕМЕТЬЕВ И ПЛЕННЫЙ ШВЕДСКИЙ МАЙОР

А и было ето в тысяча семьсот осьмом году,
Во месяце было во июле
Подымался с Москвы большой боярин,
Граф Петрович Сереметьёв,
Подымался он на шведскую на границу
Как со конницею было со драгунами.
Как со пешими со военными со солдатами. . .
Он (в)стрычает в чистом поле
Злу собаку — шведского майора.
— Ты, собака, шведский майор,
Ты скажи-ка, майор, мне-ка про шведску силу:
Сколько было у шведов в поле силы?
— Как у шведов в поле силы сорок тысяч,
В западе [?] было у шведов счету нету.
— Не стращай меня, собака, шведский майор,
Не боюсь я, граф Сереметьёв, назад не ворочусь.
Эй вы, конные драгуны, все по коням!
Пешие да военные — пехотою!
Присеките-приколите у шведов в поле силу!

214. ГОЛЬ КАБАЦКАЯ И СОЛДАТЫ

Мимо славного городу, мимо Воронина
Пролегала путь-дороженька торная.
И во длину етой дороженьке конца-краю нет,
В ширину ета дороженькя и нешырокая,
И в глубину ета дороженькя и неглубокая:
Добру-то коню до подбрюшницы,
Доброму молодцу до стремён седла,
Из лука-лука дороженьки не перестрелить.
Никто по той дороженьке не прохаживал
И никто по той дороженьке следа не прокладывал.
Шли по той, говорит, дороженьке три шириночки,
Три шириночки и три широкие,
И шли по той дороженьке и три полка солдат.
Наперёд-то идет солдатичков горька пьяница,
Позади идет солдатичков голь кабацкая.
И говорила ета голь кабацкая речи неглупые,
И речи неглупые, и речи нехорошие:
— Зайдемте-ко, говорит, солдатушки, во царев кабак

И возьмемте-ко, солдатушки, зелена вина,
Возьмемте-ко, солдатушки, на пятьсот рублей.
А ежели нам мало покажется,
То мы возьмем на всю тысячу.
А ежели нам ешшо мало покажется,
Так возьмем — сметы нет.

215. НЕЗНАМУШКА

Во славном городе во Астрахани
Проявился детинушка, незнам человек.
Щедро-щепетко по городу погуливат,
Черну шляпу с позументом носит на одном ухе,
Рытого бархату кафтанчик носит на одном плече,
Изарбацкую опояску — во руках концы.
[Небылыми словесы похваляется:]
— (С) астраханскими купцами я не знаюся,
Астраханскому губернатору я не кланяюсь!
Привелося добру молодцу идти вдоль по улице,
Довелося добру молодцу зайти во царев кабак.
Открывает он двери на пяту,
Закрывает он крепко-накрепко:
— Ах ты гой еси, целовальничек довереной,
Открывай ты погребы глубокие,
Доставай ты мне цельного спирту на пятьсот рублей,
А с товарищами — на три тысячи! —
Говорит тут целовальничек довереной:
— Что это, братцы, за питух пришел, за горькой пьяница?
У дверей в углу стояла голь кабацкая:
— Что ты, целовальничек довереной, ошибаешься,
Не питух (к) тебе пришел, не горькой пьяница, —
По всей нашей Руси родовой казак. . .
Тут спроговорил Незнамушка:
— Пей, гуляй, голытьбушка, на мой счет!
Привелося добру молодцу идти опять вдоль по улице,
Мимо той ли канцелярии губернаторской.
Увидал-то из окошка губернатор наш,
Тут (в)скричал он, заревел он зычным голосом:
— Вы подите приведите мне Незнамушку!
Тут пошли и привели ему Незнамушку.
[Отпирает он двери на пяту,
Закрывает двери крепко-накрепко,
Он кланяется на все четыре стороны,
Губернатору и губернаторше — на особице.]
Губернатор у него стал выспрашивати:
— Цар ли ты, царевич или царской сын,
Король ли ты, королевич, королевской сын?
У дверей в углу стояла голь кабацкая:

— Ах ты, батюшка наш, ты ошибаешься!
Пришел (к) тебе не цар, не царевич и не царской сын,
Не король, не королевич, королевской сын, —
По всей нашей Руси родовой казак
Под названием Петр Алексеевич.
Говорит Незнамушка голи кабацкой:
— Чем теба я, голытьбушка, пожалую:
Генералом ли, адмиралом ли, тайным советником?
Принимай ты, генералушка, дома и казну! . . .
Говорит тут Петр Алексеевич:
— На приходе добра молодца не потчевал,
На уходе добра молодца не участвовал,
Заутра с тобой, собакой, переведаюсь! . . .

216. СОЛДАТЫ ЖАЛУЮТСЯ НА ДОЛГОРУКОВА

Чисто серебро у молодца минуется,
Молодецкая любов(ь) не забудется,
Хоть забудется любов(ь) — воспомянется. . .
Братцы, кланятся солдаты многобраные:
— Рассуди нас, воевода, с Долгоруковым,
Переграбил Долгоруков наше жалованье —
Хлебовое, солевое, многоденежное,
Много соли, много хлеба, много денежек. . .

217. АТАМАН РЫЖКОВ НА КОРАБЛЕ
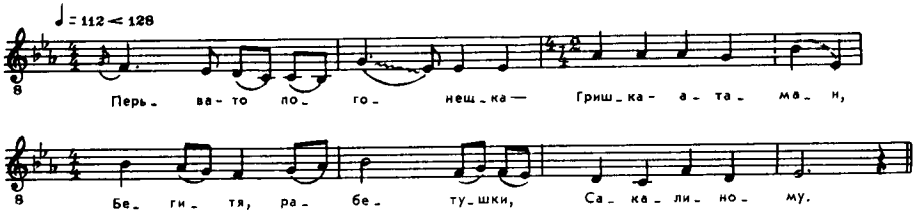
Как по морю-моречку по Хвалынскому
Плывут-восплывают тридцать кораблей,
Один-то корабль поперед бежит,
Он бежит-бежит, соколом летит.
На том ли на кораблике Рыжков-атаман:
— Гребите вы, молодцы, подгребайте,
Своих белых рученек не жалейте!
Как за нами, за молодцами, три погони:
Первая-то погонюшка — солдаты,
Вторая-то погонюшка — гусары,
Третья-то погонюшка — донски казаки.
Первой-то погони не боюся,
Второй-то погони не страшуся,
Третьей же погони я боюся.
То не пулечка свинцовая пролетает,
Не калено ядрышко прилетает,
Атамана Рыжкова убивает.

218. АТАМАН ГРИШКОВ НА КОРАБЛЕ

По шинему морю по Хвалынскому
Бегут-вибегают тридцать караблей,
Тридцать караблей и тры карабличка.

Из них один корабличок наперед бежит,
Наперед бежит, как сокол летит.
Во этом кораблике Гришков-атаман:
— Грэбите, рэбэтушки, погрэбайте,
Свои буйные головушки приклоняйте!
За нами, рэбэты, тры погони:
Первая погоня — офицеры,
Вторая погоня — гренадеры,
Трэччья погоня — донские казаки,
Донские, подольские и запорожские.
Не ушпел тут молодец слово молвить,
Не люта жмея в поле прогрэмэло,
Швинцовая пуля прошвистела,
Чугунное ядрышко пролетело.
Ничего у карабля не вредило,
Только вышибало онну доску,
Доскою убило атамана.

218а. ГРИШКА-АТАМАН

219. ГРАФ ЧЕРНЫШЕВ В ТЕМНИЦЕ У ПРУССКОГО КОРОЛЯ

— Ты, талан ли, мой талан такой
Иль звезда моя злосчастная —
На роду мне доставалося!
Доставался мне Кистрин-город
С городами, с пригородками,
С теремами, с притеремками.
Во Кистрине славном городе,
На проезжей большой улице,
В широком переулочке,
Тут стояла темна темница,
Темна темница, землена тюрьма.
Как во той темной темнице
Засажен сидит российской граф
Чернышев Захар Григорьевич.
Его рученьки завязаны,
Резвы ноженьки закованы.
Он по темнице похаживал,
Во окошечко поглядывал,
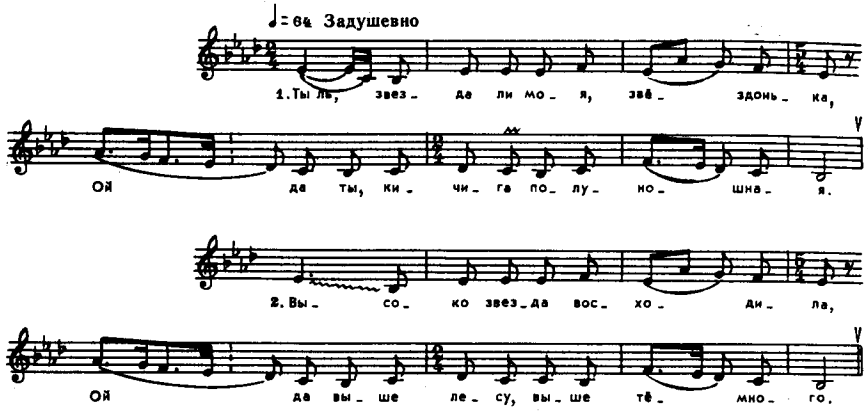
Сам железами побрякивал.
— Вы, железы, вы, немецкие,
Вы не мне-то были кованы,
Что плутам ворам-разбойникам,
Уж как мне-ка вы достались!
Как по той по главной улице
Проезжал-то сам прусской король,
Заходил во темну темницу,
Говорил сам таковы слова:
— Ах ты гой еси, российской граф
Чернышев Захар Григорьевич,
Послужи мне верой-правдою,
Верой-правдой неизменною,
Как служил ты царю белому,
Царю белому российскому.
Как возговорит российской граф
Чернышев Захар Григорьевич:
— Как была бы сабля острая,
Сослужил бы службу верную:
Я бы снес твою головушку!

220. ГРАФ ЧЕРНЫШЕВ В ТЕМНИЦЕ У ПРУССКОГО КОРОЛЯ

— Ты, звезда моя восхожая,
Высоко звезда восходила
Выше ельничка, выше березничка,
Выше горького осинничка.
Уж талант ли ты, мой талант большой,
Талант, участь-горе горькая,
Со делу-то мне, братцы, доставалось —
Доставался мне Кистрин-город!
Во Кистрине славном городе,
По проезжей славной улице,
По широкому переулочку,
Тут стояла темная темница
По прозванью каменна тюрьма.
Что во той-то темной темнице,
Тут засажен был российской граф
Чернышев Захар Григорьевич.
Граф по темнице похаживал,
Табаку трубку закуривал,
Он железами принабрякивал,
Ко железам приговаривал:
— Вы, железы мои, железички,
Вы не мне, железы, были кованы,
Что плутам ворам-разбойникам,
А на меня, железы, пригодилися,
На мои на белы рученьки,

На мои на резвы ноженьки!
Он в окошечко поглядывал.
Что по той-то славной улице
Проезжал-то сам прусский король . . .

221. ЧЕРНЫШЕВ В ТЕМНИЦЕ

Ты, звезда ли, моя звездонька,
Ой да ты, кичига полуночная,
Высоко звезда восходила —
Ой да выше лесу, выше темного,
Выше лесу, выше темного,
Выше садику зеленого,
Ой да выше садику зеленого.
Ой да там стоял высок острожничек,
Там стоял высок острожничек,
Ой да там сидел да злой невольничек,
Там сидел да злой невольничек,
Эй да Чернышев Захар Григорьевич,
Чернышев Захар Григорьевич.
Ой да он не год, не два сидел,
Он сидел да ровно тридцать лет,
Он сидел да ровно тридцать лет,
Он отростил русы волосы,
Он отростил русы волосы,
Ой да отпустил свою бородушку,
Отпустил свою бородушку
Ой ниже поясу шелкового,
Ниже поясу шелкового.
Ой да он по темнице похаживал,
Он по темнице похаживал,
Сам с собою да разговаривал . . .

222. ГРАФ ЧЕРНОШЛЕВ В ТЕМНИЦЕ У ПРУССКОГО КОРОЛЯ

— Ох, талан мой, участь горькая,
На роду мне написано,
С уделу мне досталося,
Доставался мне Иструм-город!
Во Иструме славном городе,
На проезде большой улицы
Стояла шветлая шветлица.
Посаженной бул российской граф
Черношлев Захар Григорьевич.
Он по шветлице похаживает,
Табаку трубку покуривает,
Сам к окошечку приклониват.
Как случилось мимо ехати
Как тому королю прусскому.
— Ох ти гой еси, прусской король,
Прикажи меня поить-кормить,
Прикажи меня повипуштить.
Тут спроговорет прусской король:
— Уж какие люди страшные,
Уж какие безбояжные,
Сидят сами во поимани,
Говорят речи не с уклонкою!
Не приказываю я попить-кормить,
Не приказываю повипуштить.
Тут спроговорет российской граф
Черношлев Захар Григорьевич:
— Ах кабы мне шабля вострая,
Я струбил би по плеч голови,
Походил би по могучим по плечам!

223. ЧЕРНИЦОВ В СВЕТЛИЦЕ

. . .По прохожей большой улице,
Там стояла больша светлица
Да хрущатым песком засыпана.
Да засаженный был российский граф —
Черницов Захар Григорьевич
И по прозвищу-то звать его.
Носит он сапожки-то зелен сафьян,
Носит сабельку серебряную
В опоясочку серебряной,
А перчаточки-то лайковые,
Шапку носит землегреческую,
И трубочку покуривает пенковую,
И поглядывает в окошечко:
— Ох случилось бы царю ехати

И по этой большой улице,
Мимо этой большой светлице! . . .
Тут король ему:
— Послужите мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною,
Как служил ты царю белому,
Царю белому, разрусскому.
— Послужу тебе верой-правдою,
Прикажи лишь поить-кормить,
Прикажи на волю выпустить.
Кабы мне вороного коня,
Ох кабы мне саблю вострую,
Послужил бы тебе верой-правдою,
Да послужил бы тебе неизменною
По твоёй татарской шеечке,
Дак по твоёй буйной головушке!

224. ЧЕРНЕЦОВ В СВЕТЛИЦЕ У ТАТАР

. . .По прохожей большой улице,
По [?] этой большой светлице
Засаженный российский граф
Татарами-басурманами,
По прозьбищу-то звать его
Чернецов Захар Григорьевич. . .
— Прикажи меня поить-кормить,
Прикажи на волю выпустить.
— Прикажу тебя поить-кормить,
Прикажу на волю выпустить —
Послужи ты мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною,
Как служил ты царю белому,
Царю белому, разрусскому.
— Послужу тебе верой-правдою,
Верой-правдою неизменною,
Как служил я царю белому,
Царю белому, разрусскому.
Кабы мне вороного коня,
Кабы мне саблю вострую,
Послужил бы я тебе верой-правдою
По твоёй татарской шеечке,
На твоёй буйной головочке!

225. ЧЕРНЫШЕВ В СВЕТЛИЦЕ

Из-за лесику, лесу темного,
Из-за садику зеленого
Проезжали тут турецкие полки,

Сохватали тут донского казака.
У ворот ему светлица [?]
И засыпали тут хруском песку,
Посадили тут донского казака
Чернышева Захара Григо(рь)евича.
Он в-по светлицы погуливат
И пенкову трубку раскуриват,
Он сам с собою разговариват:
— На роду-то мне написано,
И на участи [?] мне досталося,
Доставался мне-то Кестрень-город.
Во Кестрень-то славном городе
Засадили-то меня,
Заключили-то меня на тридцать лет.
Случилось королю ехать. . .
— Ой еси ты, прутский король,
Прикажи меня поить-кормить,
Прикажи меня пожаловать.
— Ой еси ты, российский граф,
Прикажу тебя поить-кормить
И прикажу тебя на волю выпустить:
Как ты служил белому царю,
Так послужи теперь прутскому королю.
— Кабу был я во чистом поле,
Кабу була добрый конь
И була бы сабля вострая,
Послужил бы верой-правдой,
[Верой-правдой] и неизменною
По твоей-то по бедной голове,
А по вашей-то шее татарской! . . .

226. ПРУССКИЙ КОРОЛЬ ПРОСИТ СЛУГ СНЕСТИ ЕМУ ГОЛОВУ

— Несчастненький король, бесталантный король прусский,
Ничего ты, король, про свою силу-армеюшку не знаешь.
Ушла твоя сила-армеюшка, ушла она под француза [?].
Из лучших-то енералишка в полон взяли.
Из Москвы пришли указочки под чернею печатью.
Распечатал король, сам слезно заплакал.
— Поди-ка-те, мои слуги верные, принесите шаблю острую,
Снесите мою бойную головушку на правую сторонку,
Чтобы не шаталася моя головушка на чужой стороне!

227. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ТРЕБУЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОРОДОВ

Пишет письма король шведский к государоне во дворец:
— Милосердная государыня, помиримся мы с тобой!
Отдай город, отдай Реген, отдай старый-прежний Петербург.

Не отдашь город, не отдашь Реген, не отдашь старый Петербург,
Я с боём, с дракой приду,
Всю твою Россеюшку наскрозь пройду,
Твою силу-армеюшку головней укачу,
Я ундеров-офицеров по квартирам разведу,
Всех своих солдатушек по казенным по домам,
Самое тебя, государоню, во последние слуги.
Идет король шведский к государоне на дворец.
Милосердная государоня призадумавшись сидит.
Перед ней-то стоит сенаторушка, Шереметьев сударь-граф.
— Ты не бойся, не печалься, милосердная государоня!

228. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ТРЕБУЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОРОДОВ

Шлет письмецо король шведской восударыне на двор:
— Милосёрдна восударыня, замиришься ли ты со мной,
Замиришься ли ты со мной, да со шведским королем?
Да не замиришься — будёт восударыне стары шведски города!
Отдай город, отдай Ригу, отдай славной Петянбурх!
Да не отдашь их — будёт восударыне: я с боём к тебе приду,
Я с боём к тебе приду,
Да я всю твою Россеюшку я в полон ее возьму,
Я в полон ее возьму,
Я твою ли силу-армеюшку да головнею укачу,
Да я ли свою-то братью, солдатушек по фатерам разведу,
Да я ли своих ундиров-офысэрушков по казенным по домам,
Я-то сам, король-от шведской, к восударыне на дворец!
Да милосёрдна восударыня призадумалась сидит.
Перед ней стоял сенаторушка да Сереметьев сударь-граф:
— Ты не бойся, не печалься, милосёрдна восударыня!

229. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ТРЕБУЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОРОДОВ

Пишот-пишот король шведской восударине во двор:
— Ти, российская наша [!] восударинь, отдай наш город Греждань,
Не отдашь ти наши города, не гневайся на меня,
Не гневайся на меня, на шведского короля.
Я в твою землю вступлю, вше фатеры разберу:
Вшех своих любимых енералов — по купеческим домам,
Еще сам я, король шведской, — (к) восударине во двор.
Еще в ту пору наша восударинь запечалилась в Москве.
На ту пору, на то врэмо Шеремечьев восподин:
— Ти, российская наша восударинь в Москве, не печалься, не тужи:
В пушке пороху довольно, пистолеты есть при нас!
Тут российская наша восударинь возрадовалася в Москве.

230. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ТРЕБУЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОРОДОВ

Пишот-пишот король шведской восударине в Москву:
— (В)шяроссийская наша [!] восудариня, отдай мои, мои города:
Отдай Ригу, отдай Ревень, славный мой город Гездань.
Не отдашь мои города, не гневайся на меня.
Много шилы прикоплю, на новую жемлю ступлю,
Вше хачери распишу, из конца (в) конец пройду,
Любимого своего янарала (к) Шилимеччову во двор,
Сам я, король шведской, — (к) восударине самой.
Еще в ту поре наша восудариня испужалася,
Покатилась буйна головушка у ней.
— Не крушися, наша восудариня,
У нас пороху довольно, пистолеты при шебе!

231. СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА

Не черные вороны слеталися,
Генеральчики вместо съезжалися,
Про то-то, про сё рассуждали,
По стакану сладкой водки выпивали,
Молодого генерала проздравляли —
В летной праздник генерала, во Петровой день.
По славной улице Черкесской,
У того-то собора монастырского
Собралось тут народу много множество.
Весь-то народ богу молится,
А один генерал богу не молится,
Жалобу-то творит на хана турецкого:
— Тебе бог судья, не спасибо, хан турецкий,
Не дал нам, добрым молодцам, разговетися
В летной праздник добрым молодцам, во Петровой день! . . .
Не две тучи, не две грозны сокаталися,
Не две силы, не две армии выявлялися.
Они билися-дралися трое суточки.
Убили генерала молодого.
Никто-де генерала молодого не похватится,
Похватился генерала молодого разъездной казак
И нашел генерала во кровавой грязе.
Омывали тело бело в ключевой воде,
Понесли-де генерала в свою сторону,
В свою сторону, к отцу, к матери,
К отцу, к матери, через три поля.

232. ГЕНЕРАЛ ХМЕЛЕН ОТ РАН

На горе, горе укатистой
Построена церковь славная,
Церковь славная, семиглавная.

На кресте-то сидит малая пташечка,
[Малая пташечка,] млад ясен сокол,
Высоко-то сидит, далеко глядит
Он во батюшко во чисто поле,
Во чисто поле, степь Саратовску.
Из далеча из чиста поля
Пролегла-лежит тут дороженька.
Никто по ней не прохаживал
И на добром коне не проезживал.
Шли-то, прошли три полка солдат,
Три полка солдат, три веселыя.
Золотые знамена во чехлах несут,
Самого-то генерала на руках несут,
Вороного коня в поводу ведут,
Его шведское платье в тороках везут —
Мимо рощицей идут государевой,
Мимо стенушки белокаменной.
Из высокого нового терема,
Из окошечка из косящета,
Скрозь околенку стекла белого,
Стекла белого, немецкого
Увидала меня родна матушка.
Выходила на красно крыльцо,
Сама плачет, как река течет,
Разрыдаючи, как ключи кипят:
— Ах ты, сын ли, сын возлюбленный,
На что пьян упиваешься?
— Ах ты воиста, родна матушка,
Я не с пива пьян, не с вина хмелен —
Напоили-то меня свинцом-порохом
Из пушечки из дробовой,
Опохмелили меня каленой стрелой!

233. СУВОРОВ ХМЕЛЕН ОТ РАН (СМЕРТЬ СУВОРОВА)

На горе-то, горе роскатистой,
Тут построена церковь седмиглавая,
На сед(ь)мой-то главе крест серебряной,
Крест серебряной, позолоченой.
На кресте сидела мала пташечка,
Мала пташечка, млад ясен сокол,
Высоко сидел, далеко глядел,
Далеко глядел, за сине море,
За сине море — в землю шведскую,
В землю шведскую, в землю турецкую.
Пролегла-лежит путь-дороженька,
Шириной дорожка не широкая,
Долиной дорожка — конца-краю нет,

Конца-краю нет, но весь белой свет.
Что никто дорожкой не прохаживал,
На добром коне не проезживал,
А только шли-прошли три полка солдат.
Первой полк в ружья збракали,
Второй полк песню грянули,
Третей полк слезно плакали.
Тут Суворова-князя на руках несут,
Его цветное платье в тороках везут,
Его доброго коня в поводу ведут
Мимо стенушки белокаменной,
Мимо крепости государевой.
Мимо терема высокого.
Увидала его родима матушка
Из косядчета окошечка,
Сквозь стеколышко немедское.
Выходила она на красно крыльцо,
Говорила она чаду милому:
— Ах ты, дитя ли мое, чадо милое,
Ты почто так упиваешься,
Зелена вина ухмеляешься?
— Я не сам собой упиваюся,
Зелена вина ухмеляюся —
Напоил меня вор прудской король,
Напоил меня из медной пушечки,
А опохмелил меня свинцом-порохом!

234. КАЗАКИ И НЕРУССКИЙ САЛТАН

За Иртышом за рекой, в азиатской стороне
Нерусский-то салтан похваляется, злодей:
Все деваны-округа выжечь-вырубить хотел,
Молодых бравых казаченок во полон хочет взять.
Мы — победныя головушки казачия,
На бой и на войну славны, первые,
А нам жалованье, казачинкам, последнее.
Нам с вечера за час отдают приказ:
— Будьте вы, казачинки, в исправности,
У вас ружья были (б) чисты, в замках кремни востры,
Востры сабли подпущены, штыки примкнуты в руках.
Заутра нашим ребятам ехать на бой, на войну,
А не к русскому салтану чаю кушати,
Без чинжала белу лебедь приразрушити. . .
Не с высоких-то гор каменьи покатились —
Азиатски с плеч головушки повалились.
Это что-де в чистом поле забелелось?
Забелелись в чистом поле тела белые,

Тела белые азиатские.
Это что-де в чистом поле заалелось?
Заалелась кровь горячая азиатская.

235. НАПАДЕНИЕ КИРГИЗОВ НА СПЯЩИХ КАЗАКОВ

Из далеча-далеча, из чиста поля
Лежала-пролегала дорожка торная.
Что никто по той дороженьке не прохаживал,
Никто следичку по широкой не прокладывал,
Только шли-прошли казаки с моря синего,
Со такою со добычей шли со промыслу.
Становилися казаченьки в улутавские луга,
Что во те же во кустички во тарновые.
Расседлали добрых коней, потреножили,
Потреножили добрых коней, в поле пустили.
Уж как сами казаченьки глупо сделали,
Не поставили караулу, сами спать легли,
Не почаили из Ултаву грозной высылки.
Подглядел-то, подсмотрел молодой шельма киргиз,
Он кидался, он бросался во все стороны,
Ко тому же ли ко султану к азиатскому:
— Уж ты злой [!] еси, наш батюшка, азиатской земли хан,
Не прикажи ты казнить, прикажи речь говорить.
Еще дай ты мне силы-армии много множество,
Много множество силы-армии, сорок тысяч человек,
Сорок тысяч человек на пятьсот казаков! . . .
Они билися-рубилися день до вечеру,
Разосенную темну ноченьку до белу свету.
Не достало у казаченек свинцу-пороху. . .
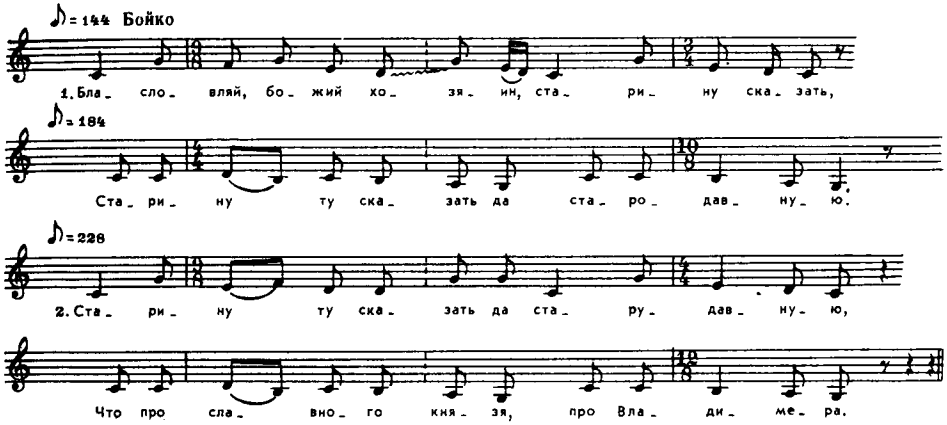
ДОПОЛНЕНИЯ

236. КАЛИН-ЦАРЬ

Луга с буграми поровнялися,
Из лугов вода выжималася —
Наступает на нас Калин-царь
Со своею силою несметною.
У него силы многое множество —
Серу волку ночью не обрыскати,
Ясному соколу в день не облетать
Выходил же Калин-царь на зелен луг,
Восставал Калин-царь на семь статей,
На семь статей, на семь заставочек.
Садился Калин-царь на золот стол,
Выбирал [из] силы несметныя,

Посылал посла — мурзу храброго:
Мурза чист и говорить речист.
Говорит Калин-царь мурзе храброму:
— Ты пойди, мурза, к самому царю,
Клади поклоны по-ученому,
Клади крест по-печатному,
Ярлыки клади на дубовый стол. . .

237. ИЛЬЯ И ТАТАРИН

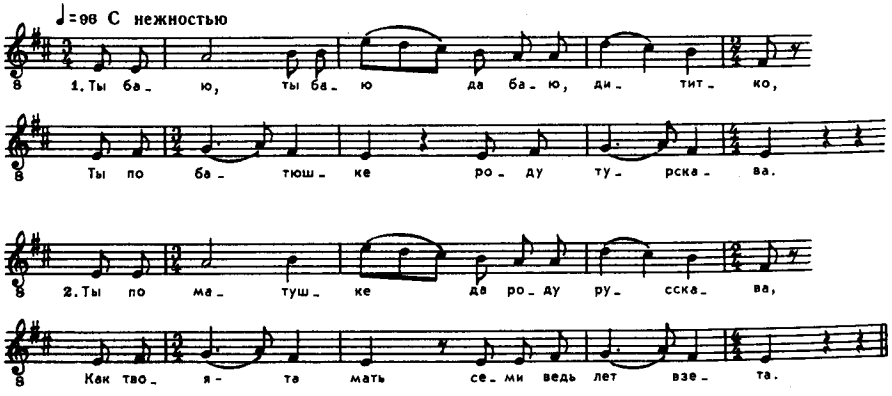
Бла(го)словляй, божий хозяин, старину́ сказать,
Старину́ ту сказать да стародавную, 2 р.
Что про славного князя про Владимира. 2 р.
Как у славного у князя у Владимира
Как стояла застава богатырская,
Богатырская застава святорусськая.
Там стояло на заставе семь бога́тырей,
Семь бога́тырей, семь добрых мо́лодцов. 2 р.
Оне стояли на заставе стольно тридцать лет, 2 р.
Не видали не конного, не пешого. 2 р.
Как один прошел-проехал добрый мо́лодец, 2 р.
Не спросили не дя́дины, не вотчины, 2 р.
Он куда пошел-поехал, куда путь лежит . . . (*пауза*) 2 р.
Скоро-наскоро Олеша . . . (*пауза*) а бегом бежал, 2 р.
Догоняет он дородна добра мо́лодца: 2 р.
— Ты куда пошел-поехал, куда путь лежит?
— Я пошел-то, поехал в стольнов Киев-град, 2 р.
Я во Киев-град хочу поро́ззорить 2 р.
Я княгиню хо́чу взять во наложницы, 2 р.
А ласкова князя взять в постельники.
Скоро-наскоро Олеша назадь бежал,
Он бежал-то жыча́л да жычным голосом: 2 р.
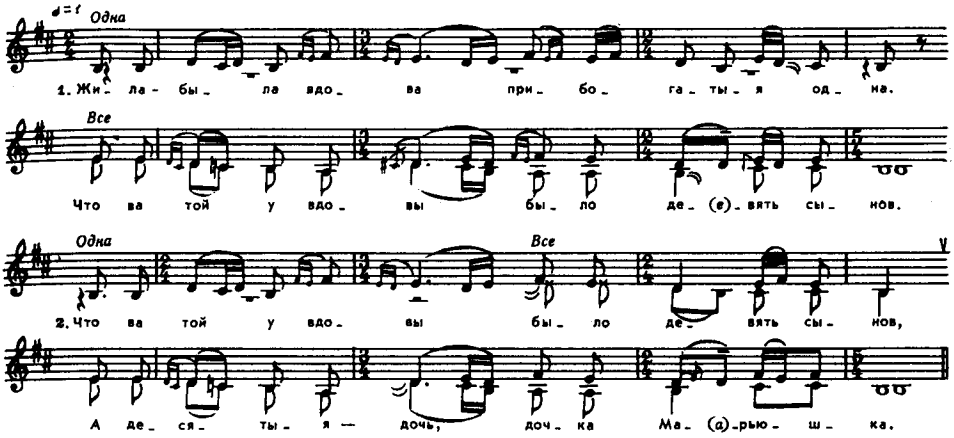
— Мы чего же это, братцы, наделали, 2 р.
Мы чего же, назва́ные, нагре́зили?
Пропустили мы собаку татарина!
Скоро-наскоро Ильюша на конюшон двор, 2 р.
Он хватал себе има́л коня милого, 2 р.
Коня милого Ильюша винохо́дого,
Он выводит на широку бо́льшу улицу, 2 р.
Он привязыват к столбе́чушку к точеному, 2 р.
Он к колечушку ко злаченому.
Подтега́ет он двенадцать шелковы́х подпруг,
У подпружечек пряжечки серебряны, 2 р.
А у пряжечек шпенёчки позолочены.
Скоро-наскоро Ильюша по чисту́ полю́,
Догоняет он дородна добра мо́лодца, 2 р.
Доезжает он его со правой руки. . .
И потом уж оне драться стали. Победил он, Ильюшенька, его.

238. ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

1. . . . — Ты баю, ты баю да баю, дитятко,
Ты по батюшке роду ту́рского,
2. Ты по матушке да роду русского.
Как твоя-то мать семи ведь лет взята́,
3. А тридцатый год и во плену живет.
Как-от дочь-то на мать возглянулася.
4. — Ты иди-ка, иди, родима мамонька,
На конюшен двор,
5. Принимай-ка коня, коня неезженого,
Ты уздай-ка уздой, уздой неузданою,
6. Ты поедем-ка да к роду-племени!
Уж мы день бежим, мы другой бежим. . .

238а. ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ
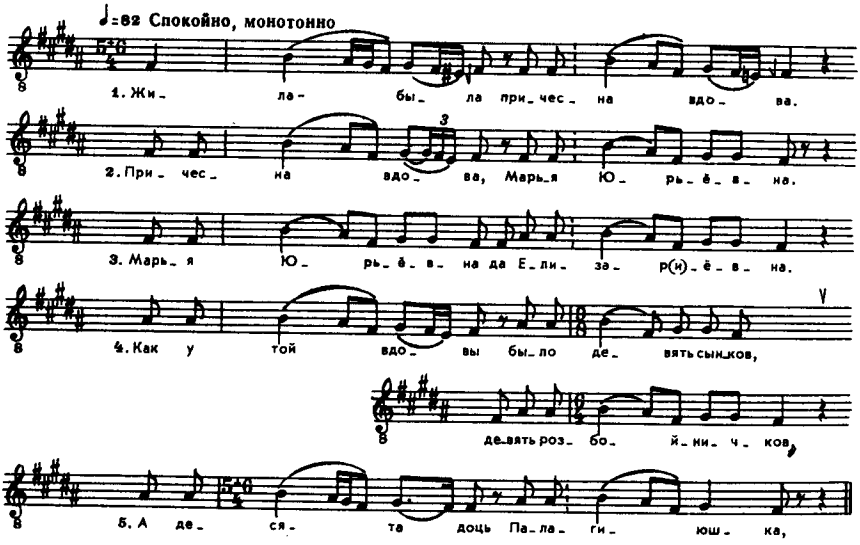

1. Жила-была вдова пребогатыя одна.
   Что во той у вдовы было девять сынов,
2. Что во той у вдовы было девять сынов,
   А десятыя — дочь, дочка Марьюшка,
3. А десятыя — дочь, дочка Марьюшка.
   От (в)се девять сынов по ружью взяли.
4. Дочку Марьюшку замуж выдали
   За синёя моря, за моряшшичка,
5. За синёя моря, за моряшшичка.
   Она год жила и второй жила,
6. Она год жила и второй жила,
   А на третие год тяжела стала,
7. А на третие год тяжела стала,
   Тяжела стала, сына родила,
8. Тяжела стала, сына родила.
   Захотелося ей в гости к матушке,
9. Захотелося ей в гости к матушке.
   Она день ш(и)ла и второй ш(и)ла,
10. Она день ш(и)ла и второй ш(и)ла,
    А на третий день в сырой бор зайшла,
11. На третий день в сырой бор и зайшла.
    А в сыром бору, там огоничек горел,
12. А в сыром бору, там огоничек горит,
    Там огоничек горит, разбойнички сидят,
13. Там огоничек горит, разбойнички сидят.
    Они мужа майво повесили,
14. Они мужа майво повесили,
    А сына майво в моря бросили,
15. Они сына майво в моря бросили,

А меня молоду у разбой взяли,
16. А меня молоду у разбой взяли.
От уси разбойнички, они спят и ляжат,
17. От уси разбойнички, они спят и ляжат,
А один разбойничек, ён ня спит, не ляжит.
18. Как один разбойничек, ён не спит, не ляжит,
Ён ня спит, не ляжит, богу молится,
19. Богу молитса й низко кланитса,
Низко кланитса, меня спрашивает,
20. Низко кланитса, меня спрашивает:
— Ты скажи-ка, скажи, молодая вдова,
21. Ты скажи-тка, скажи, молодая вдова,
Ты чьего роду, чьего племенья,
22. Ты чьего роду, чьего племенья?
— Я того роду, того племенья. . .

240. БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА
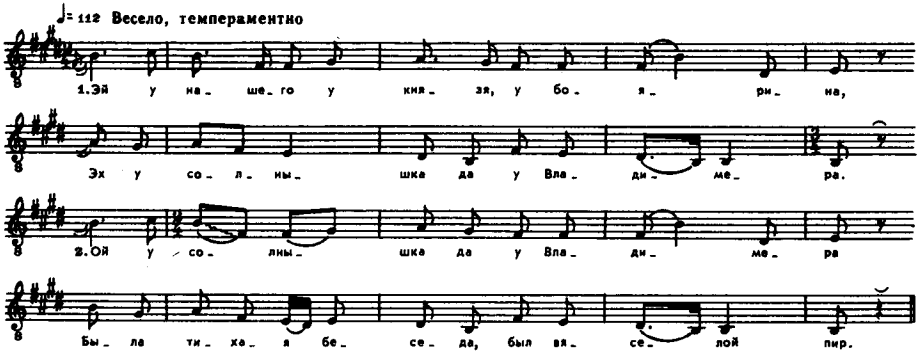

Жила-была пречестна вдова,
Пречестна вдова Марья Юрьёвна,
Марья Юрьёвна да Елизариёвна.
Как у той у вдовы было девять сынков, девять разбойницьков,
А десята доць Палаги́юшка, грамоти́юшка,
Замуж выдана за синё морё, за Романушка.
Она год жила и другой жила,
А на третий год сына ро́дила,
На цетьвёртой год сына зро́стила.
Она на пятой год стосковалася,

Свекру-батюшку поканалася:
— Свекор-батюшко, сделай лотоцьку самоплы́воцьку,
Мы с Романушиком седём по ка́тикам,
Ромаёноцька — на беседоцьку.
Вот они день... год плывут и другой плывут,
Они на третий год огонь зави́дели,
На цетвёртой день к огню при́плыли — татарьё сидят.
Они Романушка в воду бросили,
Романьёноцька на штык по́дняли,
Самую́ сестру во полон взя́ли да заполо́нили.
Стали спрашивать, всё выспрашивать:
— Уж ты чья, от(ы)куль да ты куда пошла?...

Она сестра имя. Они у ней всё выспрашивают, что чья, откуль... А вот края-то никак не познам.
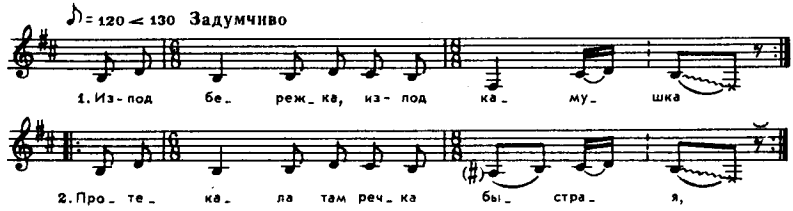
241. ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Эй у нашего у князя у боярина,
Эх у солнышка да у Владимира,
Ой у солнышцка да у Владимира
Бы́ла тихая беседа, был веселой пир. 2 р.
Уж как все-то на пиру да пьяны-веселы,
Эй как все-то на пиру да пьяны-веселы,
Пьяны-веселы сидят да потешаются, 2 р.
С молодыми жена́ми забавляются. 2 р.
Вот один-то Добрыня невесёл сидит, 2 р.
Невесёлой-от Добрынюша, не ра́досён, 2 р.
Говорил-то он своёй да молодой жане 2 р.
Свет по именю Настасья Никулишна: 2 р.
— Эх ты жди меня, Настасьюшка, три года́, 2 р.
Через три года́ не буду — жди-ко шесть годов,
Через шесть годов не буду — жди-ко девять лет,
Через девять лет ня буду — жди двенадцать лет.
За двенадцать лет не буду — куды хошь пойди,
Куды хошь пойди, да хоть заму́ж уйди 2 р.
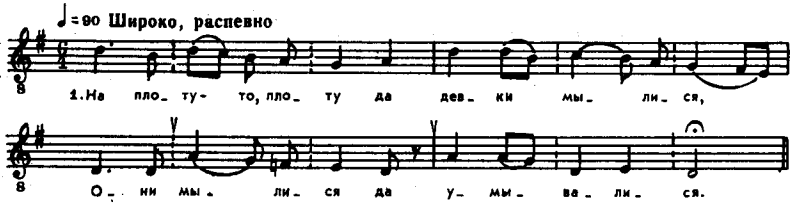
За моёго-то за не́друга Алешеньку, 2 р.
За Алешеньку да за Поповича. 2 р.
Проходило Добрынюшке три года́,
Проходило Добрынюшке шесть годов,
Проходило хорошему и девять лет,
Проходило хорошему девять лет,
Проходило распрекрасному двенадцать лет.
Вот его-то ли жена чичас заму́ж пошла
За его-то ли за недру́га Алешеньку, 2 р.
За Алешеньку да за Поповича.
Вот тут едет Добрыня не дорогою,
Заезжает Добрыня не воротами,
Уж он скачет через стены белы каменны.
Не встречает его да молода́ жана, 2 р.
А встречает его да ро́дна матушка.
Вот встречает его да ро́дна матушка, 2 р.
Говорила ему родима матушка: 2 р.
— Вот твоя-то ли жена чичас заму́ж пошла 2 р.
За твоёго ли за недруга Алешеньку.
Говорил он своёй родимой матушке:
— Ох и дай-ко ли мне да золоты ключи, 2 р.
Вот схожу-то ли я да в золоту казну 2 р.
И возьму-то ли я да звончаты гусли,
И схожу-то я к Алешеньке на свадебку,
Посмотрю я на Алешину на свадебку.
— Не пропустят тебе, мо́лодца, на свадебку,
Там придворщички да люди строгия, 2 р.
Приворотнички да наученыя.
— Я придворщичкам дам по денюжке,
Приворотничкам дам по копеечке:
Вот одна будёт копейка во пятьсот рублей,
А друга будет копеечка во тысячу. . . .
— Э, пришел к вам игрок, невелик скоморох!
Посадили игрока да ко дверям в уголок.
Вот всем чарочки да всем относятся,
До меня, до молодца да не доносятся.
Вот увидела меня да молода жана,
Наливала гра́фин-чару полтора ведра,
Подавала эту чару одино́й рукой:
— Выпивай-ко эту чару одни́м духом! 2 р.
Вот допьешь до дна да увида́шь добра, 2 р.
А на дне-то там лежит да золота гривна́. . .

242. МУЖ ЖЕНУ ГУБИЛ

Из-под бережка, из-под камушка 3 р.
Протекала там речка быстрая, 2 р.
Речка быстрая, бережи́стая. 2 р.
Вел казак туда ведь коня поить, 2 р.
Вел коня поить и жену топить. 2 р.
Жена мужу так помолилася, 2 р.
В праву ноженьку поклонилася:
— Ты не бей меня, муж донской казак,
Ты не бей меня рано с вечера,
Ты убей меня близко к по́лночи: 2 р.
Все суседушки спать поляжутся, 2 р.
Малы детушки крепким сном заснут. . . . 2 р.
А поутру они пробуждаются,
Всё про мамоньку поминаются: 2 р.
— Ох ты, тятенька, ты наш тятенька,
Ты скажи-ка, где наша мамонька?
— Ваша мать-то вот в новой горенке, 2 р.
Она белится, наряжается, 2 р.
В путь-дороженьку собирается. . . 2 р.
Ваша мать ведь крепким уж сном ведь спит,
Ваша мать уж там крепким сном ведь спит. . .

243. МУЖ ЖЕНУ ГУБИЛ
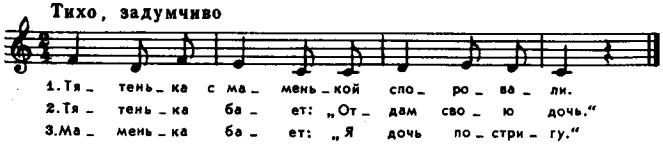

На плоту-то, плоту да девки мылися,
Они мылися да умывалися,
А донской казак да вел коней поить,
А донской да казак вел коней поить,
Не коней поить, да он жану топить,
Не коней поить, да он жану топить.
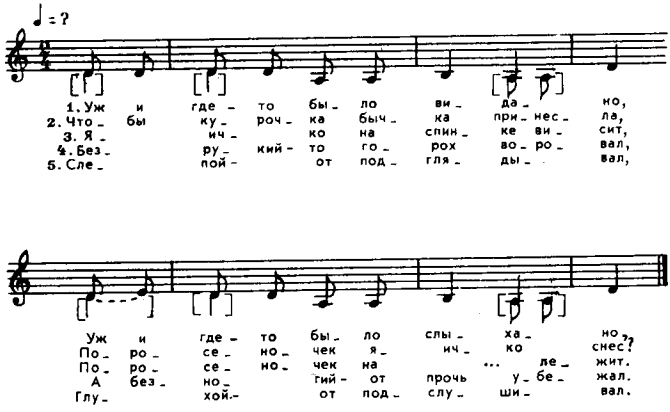
А жана его да умолялася,
А жана-то его да умолялася:
— Не топи меня ты ведь с вечера,
Не топи меня да ты ведь с вечера,
А топи меня да во глухóй полнóчь:
Все соседушки поуправятся,
Все соседушки да поуправятся,
Малы детушки да спать улягутся. . .

244. НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ

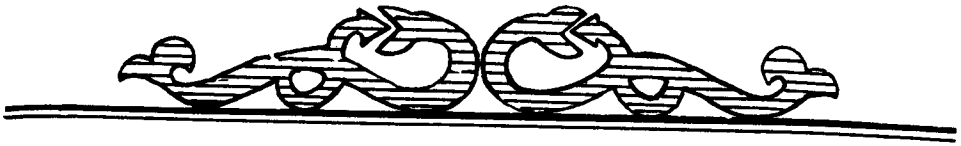
Я у тятиньки у мамоньки одна дочь была.
Тятинька с мамонькой споровали,
Тятинька бае: «Отдам я свою дочь».
Мамонька бае: «Постригу я свою дочь».
Тятинька родной по млада князя пошел,
Мамонька родна по игуменью пошла.
Мамонька иде и игуменью веде,
Стуки-стуки-бряк за витое за кольцо:
— Уж ты, милое дитя, отпирай, отпирай!
Выходила она все на крашено крыльцо,
Говорила она: «Уж ты, мамонька родна,
[Уж ты, мамонька родна,] дай по горенке протьти».
— Уж ты, милое дитя, ты находишься во иночестве.
— Уж ты, мамонька родна, дай на платья погляде(ть).
— Уж ты, милое дитя, наглядишься во иночестве.
Посадили ея на ременчатый стул,
Посадили ея, старочку молоденьку,
Ей поставили келейку новенькую.
Тятинька идет и млада князя веде.
Они бают, говорят, разговаривают:
— Чья же эта келейка новенькая?
Знать-то в этой келейке стáрочка молоденька!
Стуки-стуки-бряк за витое за кольцо:
— Уж милое дитя, отпирай, отпирай!
Выходила она все на крашено крыльцо,
Говорила она: Уж ты, тятинька родной,
[Уж ты, тятинька родной,] поди к стáрочке родной!
Уж ты, князь молодой, обверни поди домой!

244а. НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ

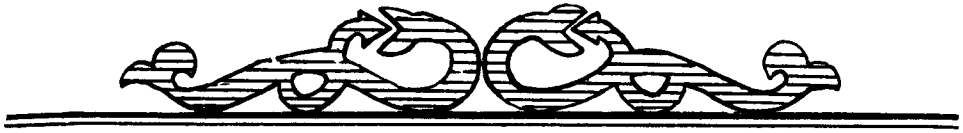

Уж и где-то было видано,
Уж и где-то было слыхано,
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросеночек яичко снес?
Яичко на спинке висит,
Поросеночек на . . . лежит.
Безрукий-то горох воровал,
А безногий-то прочь убежал.
Слепой-от подглядывал,
Глухой-от подслушивал.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

I. БЫЛИНЫ И БАЛЛАДЫ

1. Рождение змеевича. Печатается по тексту, заключенному в письме Д. П. Соколова, присланном 30.01.1854 г. с Сузунского завода (Алтай) С. И. Гуляеву: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 6—6 об. Ранее текст печатался в редакциях С. И. Гуляева: первая редакция — ПОНЯС, с. 279—280; вторая — Мил. ЖС 1911, с. 452; третья — Гул. 1939, № 35; Гул. 1952, № 22; Сид., № 22. В изданиях советского времени текст отнесен к репертуару сказителя Епанешникова, однако в письме Д. П. Соколова указаний на это нет. Судя по письмам С. И. Гуляеву, Д. П. Соколов вообще не проявлял интереса к именам встреченных сказителей. Сбои в ряде стихов, особенно в конце песни, свидетельствуют о том, что текст записывался под диктовку.

В виде самостоятельной песни подобный сюжет более нигде не находили. Началом текст сходен с начальными же стихами былины о Волхе Всеславьевиче (КД, № 6) и симбирской былины «Саур Ванидович» (Кир., вып. 3, с. 113—114). Поэтому можно полагать, что текст был перенесен из Поволжья на Урал, во владения Демидовых, а оттуда работные люди унесли его на Алтай, где Демидовы основывали новые рудники и заводы.

Оформленный в типическое место мотив рождения змеевича превратился в перенесение, которое могло закрепляться за любым богатырем, в том числе и сказочным. В Омской обл. однажды была записана многосоставная волшебная сказка «Иван-царевич», в которой это типическое место несколько переиначено: «Родился третий — Иван-царевич, сильнейший богатырь. Когда он родился, все моря колыхались, все леса колыбались и все звери улыбались (!). Богатыри все вздыхали, что такой богатырь родился» (Василенко, с. 21).

2. Песня о Скимоне-звере. Печатается по источнику: Потанин, с. 96—97. Текст неоднократно переиздавался: Тих. — Мил., с. 279; Соб. I, № 482; Гул. 1939, Прил., с. 147—148; Сид., № 30. Записал Г. Н. Потанин между 1854 и 1859 гг., во время своей военной службы в одной из казачьих станиц на верхнем Иртыше. Отмечая, что «эта песня очень известна на Иртыше», собиратель неверно оценивал ее принадлежность: «Песня эта, как видно, отрывок из былины об Илье Муромце: он представляет более подробную, чем имели до сих пор, физиономию Соловья-разбойника» (Потанин, с. 97).

На самом же деле текст развился из зачина о рождении змеевича (ДН и АП, с. 426—427) и также предназначался на роль зачина. Его не связывали с Ильей Муромцем. В нескольких вариантах, записанных в европейской части страны, певцы алогично присоединяли к песне о Скимене «Отъезд Добрыни» — сохранившийся в их памяти остаток былины «Добрыня и Алеша». В отличие от них, все сибирские варианты свободны от контаминации.

3. Скимен-зверь заслышал рождение богатыря. Печатается по тексту, заключенному в письме А. Лазебникова от 26.11 1870 г., присланном С. И. Гуляеву из с. Ординского Барнаульского у. Томской губ. (ныне р. ц. Ордынск Новосибирской обл.): ГААК, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 214, л. 147об. — 148. С небольшими изменениями текст печатался: Гул. 1952, № 19; Сид., № 19. Подобно Д. П. Соколову и другим собирателям, присылавшим свои записи С. И. Гуляеву, А. Лазебников не указывал имен лиц, от которых он записывал фольклорные тексты. Он также не спросил у исполнителя имя богатыря, упомянутого в конце текста. По описанию головы и глаз (ст. 26—28) этот богатырь схож не с этническими героями, а с этническими противниками в русском эпосе (Идолищем, Тугарином).

4. Скимон-зверь. Печатается по архиву: Эпов. Записал А. Г. Эпов в 1909 г. в Восточном

Забайкалье. С некоторыми отличиями текст печатался: *Сборник* песен Забайкальского казачьего войска. — Чита, 1916. — С. 137—138[1]; Левашов, № 2. Текст подвергся легкой литературной правке (см. ст. 10, 11, 15). Его бытование в Забайкалье косвенно подтверждается недавней записью песни о чубаром коне, заслышавшем большую невзгодушку (Перечень, № 220).

5. Молодость Василия Буслаевича. Источник и переиздание: Шишков, с. 96—97; Сид., № 70. Записал В. Я. Шишков в 1911 г. от крестьянина Василия Ивановича Инешина, 66 лет, в с. Нёпа на верхнем течении р. Нижняя Тунгуска (ныне Ербогаченский р-н Иркутской обл.). По словам собирателя, «дальше Инешин не может вспомнить даже содержание былины».

Публикуемый отрывок былины содержит типическое место о шуточках растущего богатыря, встречающееся не только в некоторых эпических песнях (см. о Добрыне коммент. № 9, 10), но и довольно часто в волшебных сказках, в частности записанных и в разных местах Сибири. Вместе с тем текст — единственная в Сибири запись былины о Василии Буслаевиче. За Уральским хребтом былин новгородского происхождения вообще почти не находили, из чего, очевидно, нужно заключить, что в Сибирь переселялись люди, как правило, ни прямо, ни опосредованно не связанные своим происхождением с Новгородом.

6. Исцеление Ильи Муромца. Печатается по тексту, полученному из личного архива В. П. Зиновьева (Иркутск). Записал В. П. Зиновьев в 1974 г. от Устиньи Федоровны Сычевой, 80 лет, на разъезде Шапка Сретенского р-на Читинской обл. Рассказчица — уроженка Воронежской обл., в Забайкалье проживает лишь с 1930-х гг., поэтому свой текст она скорее всего принесла с родины, где, кстати сказать, эту сказку не записывали от рассказчиков, незнакомых с книжными источниками.

7. Исцеление Ильи Муромца. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 17.06 1982 г. от Филимона Егоровича Седых, 94 лет, на средней Лене, в д. Бирюк Олекминского р-на ЯАССР, по левому берегу реки примерно в 60 км выше райцентра. Ср. ниже повт. запись с прибавлением иных сюжетов (№ 167). По мнению рассказчика, исцелители несли воду с собой: «Своё посуда, своё посуда, с горлышка налили ему». На вопрос, откуда взялись исцелители, рассказчик отвечал: «Неизвестно, неизвестно. Как бы то с неба упали».

О Ф. Е. Седых и его тетрадях самозаписи собиратель услышал еще в Якутске и, будучи в Олекминске, перед тем как отправиться вверх по Лене в пос. Мача, попросил одного из работников райисполкома привезти на время тетради старика. Просмотрев доставленные ему тетради, заполненные всевозможными песнями, зачастую литературного происхождения, он решился и на поездку к Ф. Е. Седых для магнитофонной записи нескольких песен, в основном балладного типа и солдатских. Сказку про Илью Муромца исполнитель предложил сам, давая себе отдых после пропетых песен. Рассказывал он уверенно и без запинок, отчетливо произнося каждое слово. Сказку эту он слышал от старика ямщика на старой почтовой станции Бирюк незадолго до первой мировой войны. Оригинальные детали текста явно свидетельствуют о том, что здесь, в неизвестных русскому фольклористу местах бытовала своя версия сюжета. Почувствовав интерес собирателя к рассказам о богатырях, Ф. Е. Седых позже вспомнил и о других богатырях, но то были уже герои якутских преданий — Тыгын и Манчары.

В 1895 г., в пору детства рассказчика ст. Бирюк насчитывала семь дворов[2]. Ее основали в середине XIX в. ямщики, переведенные со ст. Берденская, соседнего почтового станка, возникшего в числе первых на р. Лене и существовавшего уже в 1778 г.[3] Присланные на ленские почтовые станции русские люди оказались среди якутов и будучи оторванными от родной этнической среды быстро ассимилировались. Ф. Е. Седых — единственный в д. Бирюк человек, который осознает себя русским, что отмечено и в его паспорте. Младшие члены его семьи — якуты, да и сам он по фигуре и по облику (а глаза серые с бурыми крапинками), по знанию якутского языка не чужд им. «Даже сам некоторых русских слов не понимаю. Я с малолетства больше по-якутски. Отец-мать больше по-якутски. Русское слово плохо обладали (!). Чисто по-русски не умеем говорить», — признавался старик, и в его текстах действительно встречаются ошибки в ударении, в падежных окончаниях и фразеологизмах. Но тексты, исполненные им, он знал, как правило, твердо: возраст не повлиял на его память. От Ф. Е. Седых было записано в общей сложности свыше 20 текстов.

8. Про Ивана-калеку. Печатается по тексту, предоставленному собирательницей. Магнитофонная запись Р. П. Матвеевой (Улан-Удэ) летом 1982 г. от Ивана Ивановича Гаськова, 76 лет, в с. Б. Уро Баргузинского р-на БурАССР.

---

[1] Нам не удалось найти этот сборник.

[2] *Майнов И. И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской обл. — Зап. РГО по отд. статистики. — Спб., 1912. — Т. XII. — С. 16.

[3] *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). — Якутск, 1961. — С. 57.

Текст примечателен как эволюционная производная сюжета об исцелении Ильи Муромца. Крестьянский характер рассказа в условиях, приведших к исчезновению эпической традиции, предопределил превращение особенного эпического героя, каким был Илья Муромец, в нарицательного и сказочного Ивана.

9. Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича. Печатается по беловой рукописи С. И. Гуляева: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 47—54 об., 55 (вставка ст. 359—366). Ранее текст печатался в редакции С. И. Гуляева: Тих. — Мил., № 21; Гул. 1939, № 3; ДН и АП, № 5. По указанной рукописи, но с поправками текст воспроизводился: Гул. 1952, № 9; Сид., № 9. Записал С. И. Гуляев приблизительно в начале 70-х гг. XIX в. от Леонида Гавриловича Тупицына, 50 с небольшим лет, работного из д. Ересная, что в 6 км от Барнаула.

Судя по материалам алтайского архива, Л. Г. Тупицын был самым крупным сказителем, с которым работал непосредственно С. И. Гуляев. Об этом замечательном певце собиратель подробно написал Л. Н. Майкову, и тот опубликовал его письмо в 1874 г. Позже это письмо перепечатывалось: Тих. — Мил., с. 269—271; Гул. 1939, с. 31—33. Приводим здесь два фрагмента этого письма. Один из них представляет собой рассказ самого сказителя в переложении собирателя: «Прадед мой Лазарь‹ . . .› вышел откуда-то из России на р. Ишим, а потом, по основании А. Н. Демидовым Барнаульского завода, поселился с другими выходцами там, где теперь деревня (Ересная. — *Ю. С.*). Сначала они жили в землянках, занимались рыбною ловлей, перевозили на завод дрова, руду и уголь. Дед Иван умер с лишком восьмидесяти лет. Отец Гаврило жил более семидесяти. Оба знали много былин, песен и преданий. Кроме того, дед как свадебный дружка славился еще и знахарством и выкидывал на свадьбах непостижимые штуки против недобрых знахарей и знахарок. Отец, занимаясь по вечерам какою-либо работою, постоянно напевал былины или рассказывал о стародавних временах. Во время исправления заводского „повытка", когда станут, бывало, „лагерем" на ночлег, тогда все, собравшись к огню, садились около старика и слушали былины, которые любили также и господа и казаки, охранявшие соляные озера (Ямышевское и Боровое. — *Ю. С.*), куда старик ездил за солью, и всегда дозволяли ему за пенье нагребать бесплатно воза по три соли. Слушая былины, я напевал их после один и удержал в памяти, но много и позабыл». К этому добавим, что Барнаульский завод был основан в 1739 г., а самое раннее упоминание о д. Ересной относится к 1782 г.[4] Таким образом, можно считать достоверным факт бытования эпической традиции в районе Барнаула на протяжении более столетия.

Во втором фрагменте письма С. И. Гуляева сказитель обрисован по впечатлениям собирателя: «Леонтий Гаврилович — человек религиозно-нравственный — представлял замечательный тип даровитого великоруса, обладавшего обширною памятью и наблюдательностью. В простой ясной речи он передавал обстоятельно все случившееся с ним в жизни, увиденное и слышанное от других. Убежденный в истине того, о чем поется в былинах, он пел их с выражением на лице чувства внутреннего удовольствия и увлекаясь, при поэтической его натуре, в мир фантазий. Музыка и пение производили на него, очевидно, приятное впечатление, как можно было судить по проявлявшейся на лице улыбке. Заслышав знакомый ему напев, он при чутком музыкальном слухе не мог удержаться, чтобы не подтягивать про себя мелодии. Кроме былин, он знал довольно народных песен, обрядовых, круговых, сказок и поверий. Хотя голос у него потерял уже полноту и свежесть, однако ж былин его заслушивались все. Женская прислуга наша, когда он, бывало, начнет петь, трогалась до слез.

Вообще, насколько мы можем судить по личным наблюдениям, жители Южной Сибири весьма сочувственно относятся к былинам и старинным былевым песням, сложенным народом, а не сочинителями, подделывающимися под народный лад.

‹ . . .› Ни один из семи сыновей Леонтия Тупицына не имеет тех дарований и способностей, какими обладал отец, ни один не перенял былин и песен ему известных» (Гул. 1939, с. 33).

Публикуемый текст Л. Г. Тупицына заметно выделяется среди других вариантов былины «Добрыня и змей». Некоторые его особенности уже отмечались (ДН и АП, с. 376—377). Здесь же прежде всего укажем, что по тем или иным признакам текст может быть отнесен по происхождению как к западной части (б. Олонецкая губ.), так и к восточной части Русского Севера (б. Архангельская губ.). Подобные переходные формы много позже и изредка записывали на Зимнем берегу Белого моря, на Кулое и Пинеге, поэтому нет оснований подозревать С. И. Гуляева в причастности к составлению основных частей текста. Вместе с тем былина Л. Г. Тупицына осложнена несколькими не вполне уместными и подогнанными вставками, и мы не знаем, кто их сделал.

Описание поездки Никиты Романовича в Киев (ст. 6—61) — это переделка начала былины

---

[4] *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. — Томск, 1898. — С. 136.

«Данила Игнатьевич и его сын», которую на Алтае и вообще в Сибири, кроме северо-востока Азии, не находили.

Эпизод похищения Апраксии из зеленого сада (ст. 213—218, 235—241) почти дословно совпадает с соответствующим фрагментом из былины «Рождение змеевича» (см. выше № 1). Поскольку ко времени встречи с Л. Г. Тупицыным С. И. Гуляев уже располагал текстом «Рождение змеевича» и неоднократно его переделывал, то нельзя исключать, что эту вставку мог сделать при переписывании текста Л. Г. Тупицына и сам собиратель. Напомним, что северно-русские сказители такого эпизода похищения женщины змеем не знали.

Упоминание бумажных крыльев как атрибута змея (ст. 253 и др.) и обращение героя к Богу с просьбой послать тучу (ст. 262—270, 305—313) заимствованы из былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», причем обращение к Богу дано в той же форме, которая встречается в обеих версиях былины об Алеше, зафиксированных позже на Индигирке и на Печоре (ДН и АП, № 35, 36).

10. Добрыня и змей. Печатается по полевой записи собирателя: РО ИРЛИ, Р. V, кол. 119, п. 17, № 116. С небольшими отличиями текст печатался: Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 26—27; Сид., № 51. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от «пожилого крестьянина» на средней Ангаре, в д. Дворец Кежемской вол. Енисейского у. Енисейской губ. (ныне Кежемский р-н Красноярского края). Стихи текста сильно сбиты, а это значит, что запись велась под диктовку.

На вопрос, где он перенял текст, исполнитель отвечал: «... малолетком перенял эту песню от поселенца. Везли его в лодке, отец в лямке шел, я кормой правил; поселенец поет — я слушаю; натолкнись же лодка на камень — поселенец остановился петь на этом месте. И я боле не знаю» (Мак. ЖС 1907, вып. 1, с. 8). Так исполнитель объяснил по ходу и вопрос, почему он не знает концовки. Его романтический рассказ представляется выдумкой, вызванной, видимо, тем, что исполнитель хотел таким образом отвести от сородичей и от родной деревни предполагаемую им беду со стороны собирателя, олицетворявшего собой представителя властей. Похожие на эту запись варианты, отражающие типичную версию былины из восточной части Русского Севера, неоднократно записывались на Ангаре.

11. Добрыня Микитич и Змеище Тугарище. Источник и переиздания: Копержинский, с. 242—243; Сид., 76; ДН и АП, № 11. Записал К. А. Копержинский 10.08 1943 г. от Акулины Ивановны Моисеевой, 68 лет, на нижнем Илиме, в д. Березник Игирминского сельсовета Нижнеилимского р-на Иркутской обл. Первую запись от исполнительницы сделал в 1941 г. ученик 8-го класса Иннокентий Прокопьев. Именно его четыре тетрадных листка с записью текста после некоторых мытарств попали в руки К. А. Копержинского и побудили последнего предпринять трудную в то время поездку на Илим. Несущественные отличия записи И. Прокопьева от своей К. А. Копержинский привел в подстрочных примечаниях к публикации. Судя по сбоям в стихах, текст, наверное, диктовался.

Оригинальной деталью, не встречающейся в других вариантах былины, является упоминание о том, что змей несет на себе «загон земли» (ст. 32), которой грозит задавить Добрыню. В целом же текст А. И. Моисеевой отражает переходную форму былины из восточной части Русского Севера. Заключительным эпизодом, где змей предлагает Добрыне цветное платье, текст прямо сопоставим с редкими пинежскими вариантами, где змей в обмен на свою жизнь дарит Добрыне цветное платье, доброго коня и красную девицу, сестру или племянницу князя Владимира, только что ею похищенную. Поэтому несомненно, что А. И. Моисеева не досказала текст до настоящего конца, а собиратель не помог ей в этом. Ясно также, что ее текст скорее всего принесен с Пинеги.

12. Добрыня Никитич. Источник и переиздание: Шишков, с. 74; Сид., № 69. Записал В. Я. Шишков в 1911 г. от крестьянина Прокопия Хохлушина, 55 лет, на верхней Лене, в с. Гребени Подкаменской вол. Киренского у. Иркутской губ. Собиратель отметил: «Дальнейшее изложение былины Хохлушин не помнит». Текст представляет собой начало былины. Обычно так или похоже начинаются варианты былины «Добрыня и змей» из восточной части Русского Севера. Запись сделана на Лене в том месте, куда выходит с Нижней Тунгуски известный Чечуйский волок. По этому пути шли в XVII в. русские, в основном промышленники с Русского Севера [5].

13. Добрыня и змеище-лихорадище. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 61—63. Записал Д. Д. Травин 04.09 1928 г. от Николая Гавриловича Чихачева, около 57 лет, в пос. Русское Устье на нижней Индигирке. В заглавие собиратель вынес местное название эпической песни: «Стари́на». Это первая запись былины о Добрыне и змее, сделанная на Индигирке.

---

[5] *Бахрушин С. В.* Научные труды. — М., 1955. — Т. III, ч. 1. — С. 125.

Все индигирские варианты былины восходят к версии, характерной для восточной части Русского Севера, а по некоторым деталям они, наверное, отражают более раннюю ее форму: так, в них Добрыня действует самостоятельно, не дожидаясь приказа князя Владимира. Особенностью отдельных индигирских вариантов, включая и текст Н. Г. Чихачева, можно считать упоминание о трех паробках (оруженосцах), сопровождающих Добрыню в его поездке. Оно развилось, возможно, уже здесь, из перечисления предметов, которые мать вручает Добрыне перед отъездом (ср. выше № 11), и не без влияния былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич». В тексте Н. Г. Чихачева не раскрыты положение Марьи Изяславны и обстоятельства, при которых она попала в пещеры, а собиратель не оставил сведений о том, спрашивал ли он исполнителя об этом.

14. Добрыня и огненный змей. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 33—34об. Записал Н. А. Габышев 11.04 1946 г. от Федора Митрофановича Голыжинского, 57 лет, в м. Федоро́вское на Русской протоке нижней Индигирки. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 218—219; Сид., № 104.

В тексте имеются краткие реминисценции (ст. 66—67, 80) из былины о королевских племянниках («Наезд литовцев»), которую от Ф. М. Голыжинского не записывали, — собирателю следовало бы спросить о ней исполнителя. Здесь Марья Елизастовна оказывается родной тетушкой Добрыни, что можно считать домыслом исполнителя, подзабывшего концовку текста.

15. Добрыня и змеюнище-лиходеище. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, л. 57—57об. Записал Н. А. Габышев 15.04 1946 г. от Семена Петровича Киселева, 63 лет, в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки, примерно в 40 км от моря. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, 219—221; Сид., № 105. Первые фольклорные записи от С. П. Киселева сделал Д. Д. Травин в 1928 г. По материалам же экспедиции 1946 г. С. П. Киселев предстает самым крупным индигирским исполнителем сказок и песен, включая эпические. Он утонул осенью 1946 г. Работавшие с ним собиратели, к сожалению, не пытались установить, от кого перенимал тексты этот выдающийся исполнитель, никогда не выезжавший за пределы родной тундры.

В его тексте, обычном для Индигирки и восходящем к версии восточной части Русского Севера, имеется неожиданная деталь: Добрыня хочет ехать искать названного брата Илью Муромца. Судя по известным записям, певцы восточной части Русского Севера этого желания Добрыни не знали. Оно иногда звучит в описании отъезда Добрыни, служащем началом былины «Добрыня и Алеша» либо следующем в контаминации с былиной «Скимен-зверь». Такие тексты с желанием Добрыни найти названого брата Илью Муромца записывали на периферии западной части Русского Севера, иногда в Поволжье и однажды в Москве (ДН и АП, с. 426—427). Поэтому есть основание считать, что какой-то иной текст о Добрыне, занесенный отнюдь не из восточной части Русского Севера, бытовал на Индигирке, стал забываться, и С. П. Киселев или его предшественник перенес эту деталь о желании Добрыни в комментируемый текст.

16. Добрыня и змей. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 16об.; еще беловая копия — Там же, ед. хр. 769, л. 38. Записал Н. М. Алексеев 24.04 1946 г. от Пелагеи Николаевны Черемкиной, 38 лет, в м. Якутское Жило́ (Жилье) на Средней протоке нижней Индигирки. Собиратель явно не сумел записать более подробный текст. Тем не менее даже этот фрагмент начала былины представляет интерес, ибо из всех индигирских вариантов только в нем сохранилась формула о Рязани (ст. 1—2), характерная для версии восточной части Русского Севера. О рязанском происхождении эпического Добрыни см. ДН и АП, с. 374.

17. Михайлушко и змеядищо. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 1—2. Записал Н. А. Габышев 11.04 1946 г. от Семена Егоровича Чикачева, 78 лет, в м. Кузьмичево на Русской протоке нижней Индигирки. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 221—222; Сид., № 106.)

Как видим, здесь имя Добрыни вытеснено именем другого юного героя из былины «Данила Игнатьевич и его сын». Собиратель не поинтересовался этим обстоятельством и не выяснил, когда произошла смена имени. Между тем она знаменует собой буквально зачаточный этап циклизации эпических песен вокруг имени одного героя. Насколько известно, эта попытка циклизации на Индигирке — вообще последняя по времени в истории бытования русской эпической традиции.

18. Михайлушко и змеинище-лиходеище. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 02.07 1982 г. от Егора Семеновича Киселева, 61 г., в м. Федоро́вское на Русской протоке нижней Индигирки. Повторная запись сделана в 1985 г. (Перечень, № 14).

Ко времени нашей записи Е. С. Киселев остался последним заметным фольклорным исполните-

лем на нижней Индигирке. Большую часть своего репертуара он усвоил от старших в семье. Публикуемый текст он слышал от отца С. П. Киселева («чача пел»), что подтверждается сравнением текстов (см. № 15). Однако у Е. С. Киселева герой назван то Михайлушкой, то Добрыней. Сам сказитель противоречия в этом не видит: «Добрыня — это фамилия у Михайлушки». Очевидно, что он слышал пение былины не только от своего отца, но и от других индигирцев, которые заменили Добрыню Михайлушкой (ср. № 17). «Свéтное» (цветное) платье, по его мнению, — это «чистая одежда, шелковая». Выражение «шляпа хрущата песка» (ст. 16 и др.) представляется ему вполне ясным: «песок набит туды, он же богатырь был». Тем самым исполнитель косвенно признает, что в его тексте опущен эпизод, в котором герой набивает шляпу песком.

19. Добрыня и Змеинище Горынище. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 134, оп. 2, ед. хр. 119, л. 10—11. С небольшими отличиями этот список воспроизведен самим собирателем (Богораз, № 2) и переиздан (Сид., № 87). В иных случаях текст издавался, по-видимому, в редакции В. Ф. Миллера: Мил. ЭО 1896; Мил. Очерки I, с. 426—427; БН и НЗ, № 21; ДН и АП, № 7. Записал В. Г. Тан-Богораз весной 1895 г. от Михаила Соковикова на нижней Колыме, в д. Керетово [6], находившейся у устья одноименного левого притока Колымы, примерно на полпути между Нижнеколымском и Походском.

О своем главном исполнителе В. Г. Богораз писал: «Единственный сохранившийся в живых посказатель старинóв Михайло Соковиков, по прозвищу Кулдáрь, старик 70 лет, происходит из семьи бывших станичных казаков, ныне мещан. По рассказам, и отец и дед его славились посказательностью и умением петь. Михайло говорит, что он не знает и десятой доли того, что знал его отец. Тем не менее заметно, что он смолоду тоже должен был обладать хорошей памятью. Про него рассказывают, что в молодости он прельщал купцов песнями и собирал от них каждую весну обильные подарки во время праздников на ярмарке. Нрава Михайло был беспокойного; влюбившись в чукчанку, он ушел за нею на Чáун [7] и жил с нею два года жизнью кочевника и дикаря, но потом опять вернулся на реку, сохранив от всего этого эпизода только хорошее знание чукотского языка. У Михайлы от новой русской жены были две дочери и сын. Дочери обладают приятными голосами и переняли у отца несколько песен, не из обычно известных на Колыме. Сын был лучшим составителем сатирических уличных песен [8], которые вообще в ходу на Колыме. Но в 1896 г. сын старого Кулдаря Ванька Кулдаренок пропал без вести на морском льду, по всей вероятности, провалился под лед вместе с собаками и спутником. После этого старик почти впал в сумасшествие и между прочим забыл все остатки старин, сохранявшиеся до того в его памяти» (Богораз, с. 169).

В отношении М. Соковикова было бы точнее говорить, что он оказался единственным заметным исполнителем эпических текстов, от которого записывал В. Г. Богораз. Судя по сведениям 40—80-х гг. XX в., знание эпических произведений, как правило, в небольшом числе, не более десяти текстов, т. е. на уровне Кулдаря, было всеобщим среди русских старожилов Колымы, однако колымчане неохотно делились этим знанием с приезжими людьми и сохранили эту неохоту до наших дней.

Сведения собирателя о происхождении М. Соковикова из казаков, видимо, не вполне точны. К. К. Нейман, побывавший на Колыме в конце 60-х гг. XIX в., отметил, что в д. Керетово, помимо заимки известных казаков Котельниковых, имеется «около двенадцати домов, в которых по большей части живут юкагиры» [9]. Эта сухая констатация по смыслу совпадает со сведениями якутского фольклориста С. И. Боло, работавшего на нижней Колыме осенью 1940 г.: местные жители сообщили ему, что М. Соковиков происходил из обруселых чуванцев [10], т. е. той группы юкагиров, которая проживала на Анадыре и в 70-х гг. XVIII в. вместе с русскими ушла на нижнюю Колыму. То же самое в последнее время слышал автор этих строк, а затем и Т. С. Шенталинская. Колымчане-старожилы твердо уверены, что фамилия Соковиков — чуванская.

Текст М. Соковикова собиратель неправомерно дополнил вставками (они помечены квадратными скобками) из стихов, сообщенных ему другим лицом — Митрофаном Кривогорницыным. О нем В. Г. Богораз писал: «Митрофан Кривогорницын, тоже родом станичный казак, имеет от роду

---

[6] У собирателя — Коретово. Так или похоже (Каретово, Корытово) деревню называли, судя по литературе, приезжие люди. Только у участников экспедиции начала 20-х гг. XIX в. под руководством Ф. П. Врангеля находим форму Керéтово. Местные жители произносят и Кирúтово.

[7] Имеется в виду район Чаунской губы, к северо-востоку от устья Колымы, почти напротив о. Врангеля.

[8] О нем и образцах его творчества см.: *Дионео.* На крайнем северо-востоке Сибири. — Спб., 1895. — С. 111—114.

[9] *Нейман К. К.* Исторический обзор действий Чукотской экспедиции // Изв. Сиб. отд. РГО. — Иркутск, 1871. — Т. II, № 3. — С. 11.

[10] АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 444, л. 11об.

около 50 лет. Он ослеп на оба глаза еще в ранней молодости и живет в высшей степени бедно даже для походчика (постоянное место его жительства — Походская деревня), призреваемый родственниками, занимается сучением волосяных веревок и клячи для невода. О нем говорят, что когда он был моложе, он помнил много песен, знал и старины, но теперь растерял почти все. Я мог записать от него только несколько строк в добавление к старинам, записанным от Кулдаря» (Богораз, с. 169—170). К сказанному собирателем добавим, что фамилия Кривогорницын впервые и часто встречается в деловых бумагах Якутского воеводства второй половины XVII в. Несколько казаков Кривогорницыных, связанных узами родства, постоянно посылались с поручениями в разные места воеводства. Вполне возможно, что кто-то из них или из их потомков остался жить на нижней Колыме. По колымским преданиям, именно их житель, пятидесятник Кривогорницын в 1747 г. не поспешил на помощь окруженному чукчами майору Д. И. Павлуцкому и таким образом стал виновником его гибели [11].

Текст Соковикова — Кривогорницына довольно близок к ранним индигирским записям (№ 13, 14) и тоже восходит к версии из восточной части Русского Севера. Вместе с тем в нем сохранились неизвестные индигирским вариантам детали. Привлекает внимание формула «Не белая береза к земле клонится» (ст. 5—7), очень популярная в самых разных текстах европейской части страны, но редкая за Уральским хребтом. Встреча Добрыни со змеей здесь происходит у камня Алатыря, который попал сюда явно из какого-то иного эпического контекста, вытеснив обычное место действий — горы Сорочинские или пещеры белокаменные. Предложение змеи побрататься с Добрыней (ст. 68 и след.) — след повествования о двух встречах Добрыни со змеей. Это означает, что из восточной части Русского Севера текст был принесен сюда в виде переходной формы, наподобие текста Л. Г. Тупицына (см. примеч. к № 9).

20. Бой Добрыни с бабой Горынищем. Источник и переиздание: Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 30; Сид., № 53. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от Василия Ивановича Сизых, 60 лет, на средней Ангаре в Кежемской Заимке (ныне Кежемский район Красноярского края).

От В. И. Сизых собиратель записал несколько текстов на эпические сюжеты. Характеризуя исполнителя и обстоятельства встречи с ним, А. А. Макаренко писал: «Он из числа зажиточных, имеет трех женатых сыновей, живущих со своими семьями у отца. Сам В. И. высок ростом, плечист, с выбритыми усами и подбородком; несмотря на свои 60 лет, густые кудри на его могучей голове чуть заиндевели сединой; он горазд еще на всякую работу. Действительно, В. И. и рыбу ловит, то и другое исправляет по домашности и никогда не сидит без дела, хотя по достатку мог, кажется, и не утруждать себя. Таков уже обычай в крестьянстве, чтобы старики „домовничая“ были бы чем-либо полезны своим домашним. В. И. был на славе, как „песельник“ многих старинных песен; он и был таковым на самом деле. К сожалению, из его сокровищницы мне удалось почерпнуть немногое. „Незадача вышла“, как выражаются сибиряки.

Были Петровки — для старины казалось зазорным постом петь или рассказывать песни. Это была одна причина. Второй помехой служило то обстоятельство, что В. И. постоянно отвлекался по хозяйственным делам(. . .); мешали нам сговориться недавнее знакомство и необычная для В. И. необходимость вдруг ни с того ни с сего начать говорить, а тем более петь песню да еще в одиночку, без привычной обстановки и хорошо известной компании. „Ужо поживи до Петрова дня, — говорил он, как бы извиняясь за дело, которое, видимо, не клеилось, — о празднике соберется кумпания нас, стариков, мы споем тебе разных песенёк“. Я последовал совету. Посулы не оправдались. Как раз в эти праздники у В. И. состоялись проводы старшего сына, отправившегося с лодкой в г. Енисейск за частным грузом, было ему не до меня. Когда 1-го июля я должен был ехать дальше, В. И. на прощанье, хотя и чувствовал себя немного нездоровым, сообщил торопливо то, что читатель найдет в соответственных местах» (Мак. ЭС 1907, вып. 1, с. 16). Обстоятельства, описанные А. А. Макаренко в данном случае, характерны не только для той обстановки, в которой он оказался, собирая фольклор на Ангаре, но и для полевой работы любого собирателя. Действительно, занятость и нездоровье исполнителя вместе с его недоверием к собирателю, порой совсем необъяснимым или поразительно алогичным, до сих пор становятся нередко непреодолимыми препятствиями для сбора фольклорных произведений. Наряду с этим кажется странным и требующим проверки сообщение А. А. Макаренко, будто на Ангаре запрещалось в пост петь эпические песни. На Русском Севере, как это известно каждому собирателю, кто там побывал, напротив, именно в пост разрешалось вместо каких-либо других петь сугубо эпические песни, чем мы, между прочим, неизменно

---

[11] *Дионео.* Указ. соч. — С. 146; *Шкловский И.* Очерки крайнего северо-востока // Зап. Вост.-сиб. отд. РГО по общей географии. — Иркутск, 1892. — Т. II, вып. 1. — С. 99; *Богораз В.* О принятии чукоч в русское подданство // ЖС. — 1902. — Вып. 2. — С. 148.

пользовались в ходе экспедиций в 1950—60-х гг. Выходцы с Русского Севера, ангарские жители вряд ли могли ужесточить принесенный обычай. Здесь, очевидно, сказалась ошибка неопытного собирателя: А. А. Макаренко спрашивал песни, не уточняя их содержания и не ведя опроса по сюжетам, а ангарцы, слыша слово «песня», естественно связывали его с иными произведениями, а не с былинами, которые у них, как и на Русском Севере, называются «ста́ринами». Взаимное непонимание, обусловленное ошибкой собирателя, лишь усугубило неудачу последнего.

Публикуемый текст В. И. Сизых — единственная в Сибири фиксация сюжета «Бой Добрыни с бабой Горынинкой». Рассказчик передал его, к сожалению, очень скупо, что затрудняет определение текста в эволюционном плане. Судя по некоторым деталям рассказа, текст не имеет прямых аналогов среди многочисленных версий этого сюжета, отмеченных записями в европейской части страны. В особенности примечателен уникальный для этого сюжета мотив близнецов во чреве богатырши. Сходный мотив, связанный с поляницей Настастьей-королевичной, нередок в былине о Дунае, которую на Ангаре не записывали. Вероятно, он и в самом деле перенесен из былины о Дунае, закреплен за бабой Горынищем и несколько переосмыслен (мотив окаменения близнецов).

21. Алеша Попович и Змей Тугаретин. Печатается по тексту, заключенному в письме Д. П. Соколова от 23.02 1860 г. и присланному С. И. Гуляеву: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 14—17об. Этот список неточно воспроизведен в изданиях: Гул. 1952, № 13; Сид., № 13. В алтайском архиве имеется еще беловой список, написанный рукой С. И. Гуляева и представляющий собой промежуточную стадию обработки текста (ед. хр. 214а, л. 85—87об.), которая затем окончательно стала редакцией С. И. Гуляева в изданиях: Тих. — Мил., № 28; Гул. 1939, № 40; ДН и АП, № 42. Записал Д. П. Соколов несомненно под диктовку от старика-нищего в Сузунском заводе (Алтай). Об обстоятельствах записи он сообщал С. И. Гуляеву в упомянутом письме: «Посылаю вам две побывальщины или сказки, не знаю, как правильно называть, списанные ныне со слов старика крестьянина случайно. Этот старик — нищий жил по просьбе моей у меня двенадцать недель. Однажды ввечеру я, чувствуя себя хорошо, начал рассказывать бывшим со мною про великого князя Дмитрия Ивановича, как он победил Мамая, и лишь только кончил, как старик закричал, что я вру, и стал объяснять по-своему, как это вы увидите из второй побывальщины [12], и при этом сказал с уверенностью, что на поле Куликовом и доныне ножей надуло горы, а костей по всему полю как снегу белого. Вот это-то заставило меня просить его еще чего-нибудь подобного этому рассказать, что он и исполнил» (Там же, ед. хр. 214 б, л. 13). Удивительно, что за 12 недель Д. П. Соколов не догадался спросить у сказителя, как он сам называет свои тексты. Он также не привел даже имени исполнителя.

Текст является эволюционной производной печорской версии былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич». О тексте: ДН и АП, с. 404.

22. Алеша Попович и змеище-лихорадище. Источник и переиздание: Шишков, с. 73—74; Сид., № 68. Записал В. Я. Шишков в 1911 г. от П. Хохлушина на верхней Лене. Публикуя текст, собиратель добавил: «Дальше Хохлушин не знает. Припоминает, что отец его пел в этой былине о том, как Якимша или Алешенька встретили там Змеища-лихорадища» (Шишков, с. 74).

В тексте опознается своеобразное начало былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич». Прямых параллелей к нему в европейской части страны не находили. В ст. 11—21 текст перекликается с соответствующим описанием ночевки героев у Сафат-реки в варианте КД (с. 99), благодаря чему этот эпизод в КД можно не считать индивидуальным домыслом.

23. Олеша и Тугарин. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, л. 55—56об. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 213—215; Сид., № 101. Записал Н. А. Габышев 15.04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки. Сказитель явно забыл начало текста (ср. Худяков. ВС, с. 303—304; ДН и АП, с. 401—402).

Эту версию былины мы называем индигирской по месту первой ее фиксации. Как выяснилось позже, она бытовала шире на северо-востоке Азии, от Индигирки до Анадыря. Судя по неудачной записи А. А. Макаренко, ее знали и на средней Ангаре (Перечень, № 16). В европейской части страны самые близкие к ней варианты, впрочем, менее подробные, записывали на Пинеге, а эволюционные производные этой версии — у донских казаков (ДН и АП, с. 402—403).

24. Олеша Попович и Тугарин. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 35—36об. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 215—217; Сид., № 102. Записал Н. А. Габышев 11.04 1946 г. от Ф. М. Голыжинского в м. Федоровское на Русской протоке нижней Индигирки. Судя по сбоям в стихах, текст диктовался. Первая часть у него отсутствует, а собиратель не указал причин этому.

---

[12] Имеется в виду былина «Суханьша Замантьев», см. ниже № 63.

Упоминание Аринушки-Маринушки (ст. 64 и др.) тут определенно идет от былины «Добрыня и Маринка», которую на Индигирке не записывали, хотя она там и бытовала (еще один след ее бытования — см. ниже № 115). Здесь Аринушка-Маринушка заменила Апраксию, жену князя Владимира.

25. Алеша Попович и Тугарин Змеевич. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 134, оп. 2, ед. хр. 119, л. 12—13об. С небольшими отличиями рукопись воспроизводилась самим собирателем (Богораз, № 3) и переиздавалась (Сид., № 88). Текст также издавался, по-видимому, в редакции В. Ф. Миллера: Мил. ЭО 1896; Мил. Очерки I, с. 429—432; БН и НЗ, № 39. Записал В. Г. Богораз весной 1895 г. от М. Соковикова на нижней Колыме. Отмеченные квадратными скобками вставки принадлежат иному, неназванному певцу и неправомерно внесены собирателем, — видимо, по этой причине в тексте смешивается Тугарин с Идолищем. Собиратель же олитературил имена жены князя Владимира и слуги Алеши, назвав княгиню Евпраксией, а слугу — Акимом. Начало текста отсутствует по причинам, не указанным собирателем. В целом текст содержит версию типа индигирской.

По имеющимся сведениям, былина об Алеше и Тугарине была известна не только на нижней, но и на средней Колыме. Так, в 1903 г. ссыльный польский социалист Я. Строжецкий сообщал из Среднеколымска Д. Н. Анучину о том, что ему спели «былину про Алешу Поповича, как он воевал с Тугарином Змеевичем. Ввиду вашего указания, что надо обращать особенное внимание на инородческие песни и шаманство, я перестал увлекаться русскими записями и перешел к якутским» (Анучин — Строжецкий, с. 273—274). И былина осталась незаписанной.

26. Алеша Попович и Змей Тугарин. Печатается по записи неизвестного лица: ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 118а, л. 29—32об. Текст записан для В. Г. Богораза неизвестным лицом в 1901 г. в с. Марково на среднем Анадыре (Чукотка), очевидно, от кого-то из обруселых чуванцев. Возможно, это даже самозапись. Текст написан в сплошную строку, как это обычно делают местные жители, не вполне разборчиво и грамотно. Написанные неразборчиво слова заменены многоточием.

Текст содержит версию типа индигирской. Он заимствован на нижней Колыме, где чуванцы жили бок о бок с русскими несколько десятилетий, по меньшей мере с 70-х гг. XVIII в. и примерно до 20—40-х гг. XIX в., пока не получили возможность вернуться на родной Анадырь. Впрочем, текст мог быть заимствован и позже, благодаря регулярным связям чуванцев Анадыря с колымчанами.

27. Илья Муромец и Соловей-разбойник. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 19—23. Иная беловая рукопись, написанная крупным, возможно, женским почерком, отражает последующую стадию работы С. И. Гуляева над текстом (Там же, ед. хр., 214а, л. 54—58об.); на ее основе и сложился список в редакции С. И. Гуляева, который затем неоднократно воспроизводился в печати: Тих. — Мил., № 1; Гул. 1939, № 1; АИМ, № 7; Гул. 1952, № 1; Сид., № 1. Записал С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына. Прозаическое введение к былине принадлежит собирателю, не пожелавшему полностью записать сюжет об исцелении Ильи Муромца.

Текст Л. Г. Тупицына изобилует деталями, которые в аналогичном составе не встречаются в многочисленных вариантах былины, записанных в европейской части страны, и в целом представляет собой редкую форму, в эволюционном плане одну из ранних. Судя по отдельным немотивированным деталям (отчество князя, обет Ильи, роль сыновей Соловья-разбойника и др.), текст несомненно генетически связан с так называемой полной Себежской редакцией былины, выделенной В. Ф. Миллером по спискам XVIII в. повестей и историй об Илье Муромце и Соловье-разбойнике (Мил. Очерки I, с. 391—393; III, с. 92). Но если многие версии былины, в особенности те, что бытовали в западной части Русского Севера, относятся к числу эволюционных производных Себежской редакции, то текст Л. Г. Тупицына выглядит эволюционной производной формы, предшествовавшей этой редакции.

Отдельными деталями текст Л. Г. Тупицына перекликается с записью, сделанной в 1843 г. в районе Шенкурска на р. Ваге, левом притоке Сев. Двины в ее среднем течении, исходном районе так называемой московской колонизации европейского Севера. В обоих текстах особенно примечательно совпадение названия города не Себеж, а Ки́диш (Ки́дош), под которым Илья Муромец сделал остановку, чтобы побить силу неверную. В этих топонимах В. Ф. Миллер слышал отзвук названия легендарного града Ки́тежа на Нижегородчине (Мил. Очерки III, с. 112—113). Мы же склонны видеть в них искаженное в силу устной передачи название Ки́декши, княжеской резиденции XII — начала XIII в., основанной Ю. Долгоруким несколько южнее Суздаля. Таким образом, маршрут Ильи Муромца, реконструированный по этим вариантам былины, идет не в западном, а в северном направлении: из Мурома через Владимир в Кидекшу, которая в этих текстах оказалась отождествленной с Владимиром отчасти благодаря имени эпического князя.

Этот путь Илья Муромца — естествен и логичен только для жителей Владимиро-Суздальской земли.

Некоторыми особенностями и прежде всего обетом Ильи Муромца (ст. 5—9) текст Л. Г. Тупицына сопоставим и с вариантами былины, записанными на Зимнем берегу Белого моря (см., например, Тих. — Мил., № 5). В вариантах с Зимнего берега точно та же формула обета дана в более развернутой форме. Эволюционные производные той же формулы имеются в записях с Кулоя и нижней Мезени.

Исходя из сказанного, полагаем, что версия с Кидошем (Кидишем) сложилась в пределах Владимиро-Суздальской земли и была перенесена в восточную часть Русского Севера, откуда предки Л. Г. Тупицына унесли ее в Сибирь.

28. Илья и Соловей-разбойник. Источник и переиздание: Пруссак, с. 39; Сид., № 72. Записала А. В. Пруссак летом 1914 г. на верхней Ангаре, в с. Суховское, примерно в 40 км ниже Иркутска (ныне Иркутский р-н и обл.).

В тексте дана очень поздняя трактовка главного героя, как человека, отъезжающего на царскую службу, а это, наряду с утратой немотивированных деталей, не позволяет указать на прямую связь текста с какой-либо версией былины.

29. Илюша и Идолище. Источник и переиздания: Богораз, № 1; Мил. Изв. ОРЯС, с. 45—46; БН и НЗ, № 4; Сид., № 86. Записал В. Г. Богораз весной 1895 г. от М. Соковикова на нижней Колыме.

Текст заметно стяжен, в нем имеются пропуски, поэтому осталось недосказанным, отчего преклоняются кресты и раскрываются верхи (ст. 21—23), кто и почему принимает калику с честью, с радостью (ст. 24—27), а Идолище отождествляется с правителем города (ст. 28—29). Тем не менее этот текст представляет интерес уже хотя бы потому, что он — единственная за Уральским хребтом запись былины «Илья и Идолище», свободная от контаминаций.

В тексте действие происходит в Нове-городе, что можно было посчитать ошибкой певца или его предшественника, не будь известны схожие случаи в европейской части страны. Также в Новом городе происходит действие в смоленском варианте (БН и НЗ, Прил., № 9). В одном из каргопольских вариантов действие происходит в Цариграде, отождествленном с Иерусалимом, но в конце говорится, что глазища и тушу убитого Идолища понесло по Волхову (Тих. — Мил., № 13). Вслед за В. Ф. Миллером фольклористы привыкли видеть лишь две версии былины «Илья и Идолище» — цариградскую и производную от нее киевскую. Приведенные случаи явно свидетельствуют о былом существовании и новгородской версии, которой кое-где, по-видимому, пытались заменить цариградскую. Намек на подмену находим в отчестве наместника из колымского варианта: его отчество Константинович, тогда как в текстах цариградской версии царь назван Константином Боголюбовичем (Прелюбовичем).

30. Старина про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного. Источник и переиздания: Александров, с. 101—102; БН и НЗ, № 3; Сид., № 45. Записал А. Александров 15.09 1893 г. от крестьянина Дмитрия Алексеевича Козырева на нижней Ангаре, в с. Рыбное Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ. По словам исполнителя, песня «была в большом ходу в его молодые годы между рыбинскими крестьянами» (Александров, с. 102). Собиратель сообщил также: «Напев былины мной заучен и переложен на ноты. Он по своему качеству, несмотря на простоту и безыскусственность, превосходит всякие ожидания» (Там же). Однако нотная запись осталась, к сожалению, не приложенной к тексту, что, между прочим, позволило бы проверить и качество записи текста. Местонахождение нотной записи неизвестно.

Хотя собиратель уверял, что текст записан им «буквально со слов старожила», тем не менее неестественно укороченный размер стиха и чересчур частые и правильные повторы второй части стихов побуждают подозревать собирателя в том, что он с помощью этих средств пытался устранить сбои в стихах у исполнителя и собственные ошибки при записи. Сомнительно также, чтобы выражение «дружинушка хоробрая» принадлежало исполнителю.

Ст. 6—16, описывающие выбор атамана и есаула в кругу богатырей, перекликаются с песней «Ермак в казачьем кругу», известной и исполнителю (Перечень, № 188).

31. Дюк Степанович. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 15—15об. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 227—228; Сид., № 111. Записал Н. А. Габышев 07.04 1946 г. от П. Н. Черемкиной в м. Якутское Жило на Средней протоке нижней Индигирки.

Текст представляет собой начало былины, описывающее выезд Дюка и его необычные стрелы. Оно оформлено в виде законченного и самостоятельного произведения, что подчеркивается оригинальной концовкой с несвойственным для этой былины упоминанием Москвы. Собиратель не оставил сведений о том, знала ли исполнительница или кто-то еще из индигирцев продолжение былины хотя бы в виде прозаического пересказа. Публикуемый текст так и остался един-

ственной на Индигирке записью былины о Дюке. Между тем опрошенные нами в 1982 г. лица слышали имя героя и, хотя сами не могли вспомнить текст, уверенно называли несколько исполнителей этой былины из числа умерших старожилов. Подтверждением ее бытования в более полном виде на Индигирке служат варианты волшебной сказки о купеческом сыне (Перечень, № 143—145), в начале которой царские слуги безуспешно пытаются описать имущество героя.

Индигирский вариант восходит к той версии былины, что помещена в КД (№ 3) и бытовала в восточной части Русского Севера, где, впрочем, она не пользовалась популярностью (см., например, БН и НЗ, № 58).

32. Дюк Степанович. Источник и переиздания: Мил. Изв. ОРЯС, с. 37—41; БН и НЗ, № 55; Сид., № 94. Записал В. Г. Богораз весной 1895 г. от М. Соковикова на нижней Колыме. Многоточиями отмечены пропуски в тексте.

Текст отражает версию былины, известную по многочисленным вариантам из западной части Русского Севера, причем в более ранней, еще не осложненной вставками форме. Любопытен мотив подарков матери Дюка Алеше Поповичу и князю Владимиру (ст. 121—126), не встретившийся нам в других записях.

33. Дюк Степанович. Печатается по записи неизвестного лица: ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 118а, л. 8. Текст записан неизвестным лицом в 1901 г. в с. Марково на среднем Анадыре, вероятно, от кого-то из обруселых чуванцев.

Текст представляет собой начало былины в версии, аналогичной № 32. В. Г. Богораз, для которого делалась эта и другие записи в 1901 г., к сожалению, не настоял на том, чтобы получить полный вариант.

34. Дюк Степанович. Печатается по тексту из личного архива собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в августе 1981 г. от чуванца Ивана Ивановича Куркýтского, 65 лет, в пос. Марково Анадырского р-на Магаданской обл. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым.

Начало текста с упоминанием гор Сиротинских (Сорочинских), по-видимому, навеяно былиной «Добрыня и змей», которую на Анадыре не записывали, между тем топоним Сорочинские горы охотно использовали в разных текстах, в том числе в былине «Добрыня и змей», певцы западной части Русского Севера. Далее в тексте содержится своеобразно переданный и довольно развернутый эпизод встречи Дюка с Ильей Муромцем на пути в Киев. Этот эпизод встречается в сравнительно поздней версии былины о Дюке, отмеченной записями в западной части Русского Севера. Таким образом, на Анадыре бытовали две версии былины о Дюке, более ранняя и идентичная нижнеколымской (№ 33) и более поздняя (№ 34), причем обе они были усвоены от выходцев из западной части Русского Севера.

Собирательница не выяснила обстоятельств ссоры Дюка с князем и не пыталась получить продолжение рассказа.

35. Илья Муромец и разбойники. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГЛМ, Фольклорное собрание, к. п. № 4, 1274/30, л. 2. Записал А. А. Савельев в феврале 1911 г. от Николая Семеновича Рукосуева, 30 лет, на нижней Ангаре, в д. Яркино Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ. Текст стяжен, после ст. 1 и 19 в нем имеются пропуски.

Этот вариант — единственная запись соответствующей былины за Уральским хребтом. По своим признакам текст сходен прежде всего с вариантами, записанными от терских в особенности, а также от донских и оренбургских казаков (см., например, Тих. — Мил., Прил. IIа и б; БН и НЗ, № 13, 14, 16). Близкие формы иногда фиксировали в Рязанской и Симбирской губ. (Кир., вып. 1, с. 15—16, 40—41). Надо полагать, что текст попал на Ангару из казачьего репертуара.

36. Королевские племянники и царь. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 84, л. 8—8об. Записал М. А. Кротов в августе 1931 г. от Николая Струкова, 18 лет, в м. Харгатыр на Индигирке. Исполнитель перенял текст у отца. Пропуски отмечены многоточиями.

Н. Струков принадлежал к малоизвестной группе русских, проживавших на левобережье Индигирки примерно в 350—380 км от ее устья, в районе большого озера Ожогино, соединенного протокой с Индигиркой. По названию озера эту группу называют ожогинцами. В 1931 г. их оставалось всего 113 человек. Возможно, что часть ожогинцев ведет свое происхождение от жителей Зашúверска, бежавших оттуда во время эпидемии оспы в 80-е гг. XIX в., после которой Зашиверск, былой административный центр огромной территории вплоть до Чукотки, совсем обезлюдел. О фольклорной традиции ожогинцев можно судить почти исключительно по нескольким любительским записям М. А. Кротова, сделанным только от Н. Струкова. В их числе — единственная былина о королевских племянниках, по своим признакам идентичная вариантам русскоустьинцев. В тексте Н. Струкова содержатся и те же лексические формы, которыми до сих пор пользуются русскоустьинцы: *поленить* (*полонить*), *сар* (*царь*), *нарожайся* (*наряжайся*), *шеки* (*секи*), *шильный*

(*сильный*). Другие записи М. А. Кротова сходных лексических форм не содержат, но это могло быть упущением со стороны собирателя. За отсутствием надлежащих сведений нельзя сказать, что эти языковые особенности характерны и для бытовой речи ожогинцев. Скорее наоборот. Судя по магнитофонным записям Т. С. Шенталинской, сделанным в январе 1985 г. в пос. Чокурдах от женщины-ожогинки, ее речь и песни по языку ничем не напоминают язык былины Н. Струкова и тождественный говор русскоустьинцев. Материалов, зафиксированных от одного человека, все же недостаточно для того, чтобы совершенно утвердиться в определенном решении. Поэтому мы воздерживаемся от определения причины совпадения ожогинского варианта былины с русско-устьинскими.

37. Племянники короля Ячмана и царь Елизар. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, л. 50—51. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 222—223; Сид., № 107. Записал Н. А. Габышев 15.04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки. После ст. 32 в тексте имеется явный пропуск. Имя и отчество короля — несомненное искажение (ср. упоминание короля Этмануила Этмануиловича в КД, № 11, 15, 21).

Публикуемыми № 36, 37 представлена особая версия сравнительно редкой былины «Наезд литовцев (Братья Ливики)», известной по записям в Обонежье и на Печоре. Внимание привлекает упоминание Бернец-города (Бренчет-город: Худяков. ВС, с. 308), в котором опознается Брянск. Этой немотивированной деталью индигирские тексты перекликаются с печорскими записями. Поэтому можно предполагать, что как те, так и другие, восходят к общей «брянской» версии былины. Ее примечательной частью в индигирских вариантах выступает эпизод, в котором тетка (сестра) королевских племянников побуждает короля отпустить их в набег (см. ст. 23—28). В текстах, записанных на Русском Севере, этого эпизода нет, вместо него появляются иные ходы повествования.

38. Илья Муромец на Соколе-корабле и турецкий хан. Источник и переиздания: Кривошапкин, с. 42—43; БН и НЗ, № 17; Мил. Очерки III, с. 345 (неполн.); Сид., № 46. Паспортных сведений нет. Записано в 60-е гг. XIX в. По мнению А. А. Савельева, текст записан на нижней Ангаре, в с. Рыбное Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ. (Савельев, с. 67). Однако, учитывая, что позже сходные варианты записывали и в других местах Енисейского у., включая г. Енисейск, это мнение, наверное, нельзя считать точным.

Былина исполнялась группами певцов на Рождество в качестве величальной песни хозяевам того или иного дома, который ими посещался. Певцы носили с собой «звезду». Ее описание дал М. Ф. Кривошапкин: «Звезда, которую носит по улицам веселая толпа певцов и певиц, бывает аршина полтора в поперечнике. Вот ее устройство: первая личинка из тонкой бумаги, пропитанной постным маслом, бывает в пол-аршина в поперечнике; она укреплена к рогам, склеенным из бумаги с двумя стенками, между которых положены поперечные палочки с двумя свечами; кругом ободки из осины. Рога укреплены к личинкам и бахромам, сделанным из розовой сахарной бумаги. На внутренней бахроме, возле каждого рога, есть из красной бумаги род звездочек. Наружная личинка обведена бахромой; на этой личинке изображено: корабль, нос которого вроде змея; на корме — Полкан-богатырь, на палубе — Добрыня, Илья Муромец и Алеша Попович, потом три церкви, солнце, месяц и звезда, турецкий город, море, где турки на катерах, на корме — флаги. Такая звезда укреплена на длинном шесте, с помощью которого звезду поднимают высоко» (Кривошапкин, с. 41).

Публикуемые № 38—42 позволяют проследить на протяжении более столетия бытование в виде виноградья былины «Илья Муромец на Соколе-корабле» в Енисейске и на нижней Ангаре. Сходные варианты, причем тоже в виде виноградья, в европейской части страны отмечены случайными записями на юге восточной части Русского Севера: близ Устюга, на Вычегде [13], в Глазовском у. Вятской губ. (Тих. — Мил., № 16; Мил. Очерки III, с. 346—347). Но в европейской части страны исполнение виноградья не сопровождалось ношением «звезды» с изображенными на ней эпическими персонажами. Такую светскую «звезду» придумали, по-видимому, уже в Енисейске, под влиянием позднего, сугубо религиозного обряда хождения со «звездою» с одновременным исполнением песнопений, похожих на молитвы и прославляющих рождение Христа. Этот весьма редкий случай превращения религиозного обряда в светский был смелым актом со стороны тех людей, кто это совершил. К сожалению, неизвестно, когда это началось. Публикуемые № 38, 39 фиксируют уже вполне сложившуюся традицию начала 60-х гг. XIX в.

39. Илья Муромец на Соколе-корабле. Источник и переиздания: Рус. старина. — 1874. — Т. XI. — С. 185—186; Мак. СНК, с. 133; Мил. Очерки III, с. 345; Сид., № 47; Бол. — Мельн.,

[13] У нас есть сведения о записи там в 1915 г.

№ 22. Текст опубликовал редактор журнала А. А. Краевский. Перед текстом он, видимо, опираясь на сведения собирателя, отметил: «После Рождества Христова, в святки в Енисейской губ. мальчики, служащие при думе[14], разносят большую звезду, в центре которой изображен корабль, и поют» (Рус. старина. — С. 185). Только после первого стиха издатель поместил припев «Виноградие красно зеленое», о котором сказал в подстрочном примечании, что он поется «почти за каждым стихом». Благодаря этому, таким образом становится ясно, что перед нами былина, оформленная в особый вид величальной песни — виноградье. Надо думать, что и М. Ф. Кривошапкин также записал былину в виде виноградья, но не отметил припева (см. № 38).

После текста А. А. Краевский добавил: «Эта песня до сих пор поется в некоторых местах Сибири. Сообщено мне отставным артиллерийским офицером Веселовым, отправлявшимся на Амур для исследования золотых россыпей» (Там же, с. 186).

40. Илья Муромец на Соколе-корабле. Печатается по беловому списку В. С. Толкачевой, приложенному к ее письму, которое попало в руки А. А. Макаренко: РО ИРЛИ, Р. V, кол. 119, п. 18, № 131, л. 1—3об. С небольшими отличиями текст печатался: Мак. СНК, с. 131—133; Бол. — Мельн., № 21. Записала В. С. Толкачева в 1907 г. в г. Енисейске. Впрочем, вполне возможно, что это самозапись. Текст озаглавлен: «Виноградье». После первого стиха В. С. Толкачевой написан припев: «Виноградье красно зеленое». В дальнейшем после каждого стиха она обозначила прочерком место припева. После текста В. С. Толкачева приписала: «А хозяину желают многого лета и, получивши денег копеек 20—40...». Следующий лист, на котором написано продолжение описания исполнения виноградья, отсутствует. Об остальном можно судить уже по пересказу А. А. Макаренко: «В г. Енисейске ходят со „звездою" и поют „Виноградье мое, красно зеленое". Ранее в этом хождении участвовали взрослые, теперь традицию хождения со „звездой" поддерживают дети и юноши. Они группируются по несколько человек, вносят денежный сбор на устройство „звезды" и разучивают „Виноградье". В Рождество по вечерам берут „звезду" и путешествуют из дома в дом. Среди них один запевало, остальные — хор» (Мак. СНК, с. 130). Со ссылкой на Анисью Семеновну и Варвару Сергеевну Толкачевых этнограф дает описание звезды: «Центр „звезды" делается из обруча сита, внутри пристраивают палочку с гнездом для свечи, зажигаемой во время хождения, отверстия и обичку оклеивают промасленной бумагой красной и зеленой, сквозь нее видна публике внутренняя картина с изображением корабля, а на нем Илья Муромец — один или с „товарищами"; картина устанавливается с одной или с двух сторон короба; внешние края окружности обички „звезды" изукрашены пятиугловыми звездами с бахромой из разноцветной же бумаги. Короб насажен своим обручем на короткую рукоятку, чтобы удобнее было держать и носить» (Там же, примеч. 1).

41. Илья Муромец на легком корабле. Печатается по беловой рукописи собирателя: РО ИРЛИ, Р. V, кол. 119, п. 17, № 145, л. 3. С небольшими отличиями текст печатался: Мак. СНК, с. 134—135; Бол. — Мельн., № 23. Записал П. Т. Воронов в 1905 г. от Александры Андреяновны Смолиновой, 54 лет, на нижней Ангаре, в с. Богучаны Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ. В рукописи припев «Виноградье красное зеленое мое» предшествует ст. 1 и записан вслед за каждым стихом, начиная со второго. Ссылаясь на собирателя, А. А. Макаренко писал: «В Пинчугской вол. в старину также ходили со „звездой" и пели „Виноградье". Лет сто тому назад „шибко пели виноградье" во время святок и в гулянках, теперь поется стариками уже только в дни праздничных гулянок протяжным речитативом» (Мак. СНК, с. 133). Сам же П. Т. Воронов писал о бытовании этой песни и былины о Добрыне Никитиче (см. ниже № 123) несколько иначе: «Эти песни обе поются протяжно, старинные, рассказаны[15] крестьянкой<...>В настоящее время эти песни мало поются, потому что их никто не знает. Она говорит, что ее дедушко пел, где (!) она и поняла. Эти песни, говорит, пели сильно, как сказывали ей старики, лет сто тому назад, поются они во всякое время, в гулянках, у трезвых и пьяных, поют мужики и бабы, и протяжно, по-старинке» (Указ. архив, л. 4). Опираясь на слова П. Т. Воронова, можно заключить, что в начале XX в. в Богучанах виноградье с былинным сюжетом уже выходило из бытования.

Любопытно, что выше Богучан, на средней Ангаре в с. Кежма, по сообщению того же П. Т. Воронова, бытовали религиозные рождественские песни: там группы «мужиков и холостых ребят», обходя дома, «славили Христа, распевая рождественские „ермоса" (по-местному молитвенные песнопения)» (Мак. СНК, с. 130).

42. Илья Муромец на Соколе-корабле. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись А. М. Мехнецова (Ленинград) 10.08 1977 г. от Ф. Ф. Портнягиной, 81 года,

---

[14] Очевидно, что дума тогда была только в г. Енисейске.

[15] Это означает, что запись была сделана не с голоса, а под диктовку, что нетрудно заметить и по сбитым стихам.

в г. Енисейске Красноярского края. Эта запись — повторная (первая — № 42а). После каждого стиха повторяется припев: «Винаградья красна зилёная». Певица сообщила: «А это пели — ну мне приблизительно было ну лет, наверное, восемь [16], ну мне запомнилось, потому что я была веселая, я подпевала своим братьям. Оне ходили все со звездой, и я им подпевала. И мне запомнилось, впечатлилось это». По словам более молодых соседок Ф. Ф. Портнягиной, подпевавших ей во время первой записи, виноградье ходили петь только молодые ребята. Их рассказы о «звезде» и хождении с нею подтверждают приведенные выше описания.

42а. Илья Муромец на Соколе-корабле. Источник: нотированная копия, предоставленная собирателем. Магнитофонная запись А. М. Мехнецова 02.08 1977 г. от Ф. Ф. Портнягиной, К. П. Колосовой, Н. Ф. Поздеевой, М. П. Ивановой и В. П. Черемных в г. Енисейске.

Как музыкально-поэтическое произведение — это не былина. Поэтические тексты, принадлежащие данному сюжету, зафиксированы с напевами, которые типологически примыкают к песням зимнего обхода дворов, величальным, плясовым (см. также сведения в Берн. — Лап.). Их композиционная структура — строфа (типа стих плюс припев), ритмика начальной строки — акцентный восьмидольник, допускающий дробление любой из долей.

Напев основной строки аналогичен песне с тем же сюжетом, бытующей в Среднем Поволжье (Нестеров, № 4). Его можно признать и мелодическим вариантом известной плясовой песни, по свидетельству Е. В. Гиппиуса, повсеместно распространенной в среде волжских бурлаков (см. Балакирев, № 29 и коммент. к песне на с. 327), плясовой, записанной в Калужской обл. (РНП Кал. обл., с. 57), величальной из собрания М. Стаховича (Стахович, № 28).

Начальный нисходящий тетрахорд характерен для коляд, таусеней, авсеней, зафиксированных на обширной территории междуречья Оки и Волги (районы Владимирской, Рязанской, Пензенской, Горьковской обл.), на средней Печоре, святочных величаний Мезени, Карельского Поморья (см., например, Лядов, № 34—36, 72, 120; Пуш. — Григ. № 2, там же и аналогичная весенняя закличка — № 14; ПП, № 123; с припевом «Виноградье красно зеленое»: РНП Кар. Пом., № 143, 144; ПМФ, № 183).

Припев, традиционный для праздничной обрядовой песни, в интонационном и ритмическом отношении родствен припевам святочных (рождественских) виноградий б. Вологодской губ., Карельского Поморья, Мезени, Псковской области, Вятки, а в Сибири — виноградьям Колымы и Анадыря (см. Ист. — Ляп., с. 46; РНП Кар. Пом., № 143, 144; ПФМ, № 183; НП Пск. обл., № 108, 252; зап. С. Л. Браз из Омутнинского р-на Кировской обл., рукопись находится в ее личном архиве; Марковские вечорки, с. 20; № 194 наст. изд., а также нотный пример V в примеч. к № 194). Примечательно, что на Вятке (зап. С. Л. Браз) в качестве рождественского виноградья бытовала песня также с сюжетом „Илья на Соколе-корабле".

Припев рассматриваемого образца сходен и с припевом вечорочной игровой песни из Енисейского района (РНП Красн., 2, № 24), которая и по напеву, и по поэтическому содержанию близка величаниям типа виноградья.

43. Илья Муромец на Соколе-корабле. Печатается по беловой рукописи С. И. Гуляева: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 83об. — 84. С небольшими отличиями этот список издавался: Гул. 1952, № 5; Сид., № 5. Текст печатался также в последующей серьезной редакции С. И. Гуляева: Мил. ЖС 1911, с. 488—449; Гул. 1939, № 44. Рукой С. И. Гуляева перед беловым списком в скобках отмечено: «Записано со слов старика солдата Василья Худяшова в Локтевском заводе». Поскольку известно, что на Локтевском заводе (ныне Горняцкий р-н на самом юге Алтайского края) находился не С. И. Гуляев, а его брат В. И. Гуляев, который определенно записывал там эпические песни, то, наверное, и этот текст также записан им.

Та же версия былины в европейской части страны отмечена записями в Поволжье (Нижегородчина, Симбирская и Саратовская губ.), у терских казаков и казаков-некрасовцев (см., например, Кир., вып. 1, с. 21—23, 40—41; БН и НЗ, № 19; БРМЭ, № 78—78 б). С. И. Гуляев располагал различными фольклорными изданиями, поэтому нельзя исключать, что он вносил какие-то поправки, пользуясь опубликованными вариантами.

44. Илья Муромец на корабле. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, л. 52. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 277; Сид., № 110. Записал Н. А. Габышев 15.04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки.

Текст представляет собой концовку былины «Илья Муромец на Соколе-корабле» в контаминации с очень стяженной былиной «Илья и Идолище». Такая контаминация не имеет аналогов даже на Индигирке. Обе части текста почти полностью лишены деталей, которые позволили бы

[16] Как видно, по времени это совпадает с записью В. С. Толкачевой (см. № 40).

подыскать к ним параллели. Лишь упоминание индриков (единорогов) побуждает вспомнить, что образ Индрика-зверя встречается в эпических песнях донских казаков. Впрочем, на Индигирке это упоминание могло быть и перенесением из той части «Голубиной книги», которую собирателям уже не удалось записать.

45. Илья Муромец на Соколе-корабле. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 134, оп. 2, ед. хр. 119, л. 35—35об. С небольшими отличиями текст печатался собирателем (Богораз, № 8) и переиздавался (Сид., № 90). Текст также публиковался, по-видимому, в редакции В. Ф. Миллера: Мил. Изв. ОРЯС, с. 75—76; БН и НЗ, № 18; АИМ, № 43. Записал В. Г. Богораз летом 1896 г. от М. Кривогорницына из пос. Походск на нижней Колыме. После каждого стиха отмечен припев: дважды пропевается «Сдудина ты, сдудина» — производная от «Здунай ты, Здунай».

Текст содержит ту же версию, что и алтайский № 43, но к нему приспособлен припев, как представляется, северно-русского происхождения. Ст. 35 перенесен сказителем из былины об Иване Кулакове («Иван Гостиный сын») — см. ниже № 92.

46. Илья Мурович на Соколе-корабле. Печатается по записи неизвестного лица: ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 118а, л. 5. Записано в 1901 г. в с. Марково на среднем Анадыре, вероятно, от кого-то из обруселых чуванцев. Текст записан в сплошную строку и не вполне разборчиво.

В стяженном виде он отражает ту же версию, что была обнаружена на нижней Колыме (№ 45) и на Алтае (№ 43). Однако, судя по некоторым деталям, анадырский и нижнеколымский тексты не варианты, а параллельные формы, которые были принесены на северо-восток Азии разными людьми из европейского ареала бытования этой версии былины.

47. Калинин-царь увозит девушку. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГАМ, фольклорное собрание, к. п. № 4, 1274 / 30, л. 16—18. Записал А. А. Савельев в феврале 1911 г. от Н. С. Рукосуева на нижней Ангаре в д. Яркино. Текст явно записан под диктовку. Собиратель не постарался узнать, как выглядело его начало хотя бы в пересказе исполнителя. Многоточиями отмечены пропуски.

Большая часть текста, посвященная увозу девушки (ст. 1—38), не имеет аналогов в европейской части страны. Он представляет собой, по-видимому, остаток неизвестной эпической песни о молодце, увозом похитившем девушку и утонувшем вместе с ней на обратном пути, при переправе через море. Имя героя забылось. Оно подменено именем вражеского царя. Перенесением из былины «Илья Муромец и Калин-царь» являются и ст. 39—40. Они заимствованы из эпизода о том, как Илья Муромец попадает в подкоп, устроенный татарами, а между тем соответствующую былину на нижней Ангаре не записывали. Ст. 41—45 содержат мотив, который в южно-русских областях изредка добавляется в качестве заключительной части к балладе «Сестры провожают брата на войну». Невозможно сказать, насколько органичен здесь этот мотив, так как текст дефектен, а более полных вариантов его нет.

48. Иван Годенович. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 2146, л. 27—31. Текст неоднократно издавался в последующей редакции С. И. Гуляева: Тих. — Мил., № 42; Гул. 1939, № 6; Гул. 1952, № 25 (с легкими поправками); Сид., № 25. Под заглавием в беловом списке рукой С. И. Гуляева вписано: «Со слов крестьянина Леонтия Тупицына в Барнауле». В первом издании былины отмечено: «Начало былины сказитель не мог припомнить» (Тих. — Мил., с. 159).

Эволюционные производные той же версии былины спорадически фиксировались в восточной и западной частях Русского Севера. По отношению к северно-русским вариантам текст Л. Г. Тупицына выглядит более ранней формой, содержащей в целом весь набор ходов повествования и немотивированных деталей, которые лишь частично сохранились в том или ином северно-русском варианте. Наиболее близкие к тексту Л. Г. Тупицына варианты записывали на окраине западной части Русского Севера, на современном пограничье Карелии и Архангельской обл. (Выгозеро, Тамбичозеро, Колодозеро). Эпизод, в котором Алеша Попович подхватывает стрелу и подает Илье Муромцу (ст. 188—191), — очевидное перенесение из былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», хотя ее от Л. Г. Тупицына не записывали.

49. Потоп Михайлович. Источник и переиздания: Мил. Изв. ОРЯС, с. 50—54; БН и НЗ, № 74; Сид., № 95. Записал В. Г. Тан-Богораз весной 1895 г. от М. Соковикова на нижней Колыме. Многоточиями отмечены явные пропуски.

В тексте соединены части и элементы из былин о Сухане (ст. 1—25), о Михайле Потыке (имя героя, ст. 28—29, 54—83) и об Иване Годиновиче (ст. 39—51, 86—120), заканчивается текст перенесением из былины «Добрыня и Алеша» (ст. 121—122). Собиратель не помог сказителю разделить эти былины и продиктовать тексты порознь. Впрочем, в некоторых местах Русского Севера (Кулой, нижняя Мезень) тоже иногда смешивали былину о Потыке с былиной

об Иване Годиновиче (см., например, БРМЭ, № 43). Поэтому возможно, что на Колыму текст был принесен уже в таком виде, судя по отдельным немотивированным деталям, выходцами из восточной части Русского Севера.

50. Данила Игнатьевич и его сын Михайло. Источник и переиздание: Зензинов, с. 221—224; Сид., № 99. Эту «буль» (быль) записал В. М. Зензинов в 1912 г. «со слов», т. е. под диктовку, от Киприана Рожина в м. Осколково на Русской протоке нижней Индигирки. Многоточиями отмечены явные пропуски. По словам сына сказителя, Куприяну Ивановичу Рожину было около 60 лет, когда он умер в 1924 г.

Публикуемые № 50—59 представляют собой версию былины, известную только на северо-востоке Азии, от Индигирки до Анадыря. В отличие от многих северно-русских вариантов былины, эта версия еще свободна от влияния других былин о вражеском нашествии, в особенности былины «Илья Муромец и Калин-царь». Примечательно, что в индигирских вариантах нет и следа киевизации. Их эпическое время и место действия условны: действие происходит в Иерусалимском царстве, в пору правления царя Тимофея; вражеский предводитель назван Титом Ферапонтовичем, правда, с уточнением, что он — «Тита брата зверь» (Китоврас-зверь), в чем усматривается влияние письменного сказания о Соломоне и Китоврасе. В отличие от оптимистических версий, зафиксированных в европейской части страны, версию с северо-востока Азии надо назвать трагической: отец «с пьяных дел» («по пьяночке») похвастал силой еще не возмужавшего сына, что повлекло за собой смертельное ранение сына и самоубийство отца. Такой трактовкой эта версия резко выделяется на фоне большинства былин, посвященных воинским подвигам. В эволюционном отношении она несомненно более ранняя, чем версии этой же былины из европейской части страны.

51. Старинна песня про Данилушку. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 04.07 1982 г. от Николая Куприяновича Рожина, 77 лет, сына К. И. Рожина (см. № 50), в пос. Полярный Аллаиховского р-на ЯАССР, на Русской протоке нижней Индигирки. Н. К. Рожин пел уверенно. Чувствовалось, что он часто пел. Но память уже сильно изменила ему. Певец не смог вспомнить и хотя бы пересказать пропущенные части текста (они отмечены многоточиями), детали и имена даже с помощью наводящих вопросов собирателя. По его словам, текст он перенял от отца.

Напев повествовательно-декламационного склада с изменением временной протяженности мелодико-стиховых построений. Мелодия — период с вопросоответным соотношением пердложений — неизменно формирует двухстиховую строфу.

Музыкально-слоговая ритмическая основа трехакцентного стиха близка типовой структуре мезенско-кулойской традиции. И в интонационном отношении второе мелодическое предложение сходно с наиболее распространенным на Мезени эпическим напевом (см. Григ. III, № 1 и его варианты, перечисленные И. Тезавровским на с. 654 указ. изд.; АБС, 1951, V; ПФМ, № 208, 211, 256, 257). Сходные напевы есть также и среди записей с Зимнего берега Белого моря и Дона (см. ММБ, № 41; Листопадов I, ч. I, № 23).

Запись включена в пластинку.

52. Старина про Тита. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 57—60. Записал Л. Д. Травин 05.09 1928 г. от Н. Г. Чихачева в пос. Русское Устье на нижней Индигирке.

В этом, самом полном индигирском варианте особое внимание привлекает начало (ст. 1—6), описывающее, как стрела с письмом о нашествии падает на пиршественный стол. Этот мотив не встречается в других вариантах былины, где-либо записанных, и вообще очень редок в русском эпосе.

53. Данилышко Игнатьевич и Тит. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 12об.—13. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 226—227; Сид., № 109. Записал Н. А. Габышев 10.04 1946 г. от Ивана Николаевича Чикачева, 36 лет, сына Н. Г. Чикачева (см. № 52), в пос. Полярный на Русской протоке нижней Индигирки.

54. Данилушко Игнатьевич и Тит. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, л. 43—45об. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 224—226; Сид., № 108. Записал Н. А. Габышев 12.04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки.

55. Про Данилушку. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 04.07 1982 г. от Е. С. Киселева, сына С. П. Киселева (см. № 54), в пос. Полярный. Рассказчик долго отнекивался, ссылаясь на незнание текста, и не желал его хотя бы пересказать. Затем он договорился с Н. К. Рожиным и привел к нему собирателя. Е. С. Киселев внимательно слушал пение Н. К. Рожина (см. № 51), а во время расспросов собирателя не выдержал, внимая отрицательным ответам Н. К. Рожина, и сообщил свой «добавок», благодаря которому

становятся понятнее соответствующие эпизоды в предшествующих записях былины на Индигирке (см. № 52, ст. 82—84 и 100—101; № 53, ст. 47—48 и 55; № 54, ст. 71—73 и 96—97). Но пересказать весь текст Е. С. Киселев наотрез отказался. И здесь надо подчеркнуть, что он весьма требовательно относился к передаче текстов для записи. Его постоянно смущало то, что он забыл какие-то куски или имена текста, о котором у него спросили. Сказитель, как он сам признавал, особенно нуждался в том, чтобы вспомнить имена персонажей: собственные имена служили ему явным индикатором определенного эпического сюжета. Когда Е. С. Киселев не был уверен в удовлетворительном знании спрошенного у него текста, он на какое-то время исчезал из поля зрения собирателя и, наверное, пытался вспомнить и даже отрепетировать текст. Если попытки оказывались удачными с его точки зрения, он, не дожидаясь лишних просьб, сам предлагал сделать запись.

56. О Мишеньке Данильевиче. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 134, оп. 2, ед. хр. 119, л. 14—16. С некоторыми отличиями текст был напечатан самим собирателем (Богораз, № 5) и переиздавался (Сид., № 89). Он также издавался, видимо, в редакции В. Ф. Миллера: Мил. ЭО 1896; Мил. Очерки I, с. 417—420; БН и НЗ, № 45. Записал В. Г. Тан-Богораз весной 1895 г. от М. Соковикова на нижней Колыме.

В основе текста несомненно содержится версия типа той, что бытовала на Индигирке, в нем даже сохранилось имя царя Тимофея (ст. 15). Вместе с тем в тексте фигурирует князь Владимир. С его образом в текст проникают мотивы идейной мотивировки необходимого сражения (ст. 21—24 и др.) и выпивания чары героем, вызвавшимся отправиться на бой с врагом (ст. 65—75). Теперь уже нельзя определить, кому принадлежат вставки — самому певцу или его предшественнику. Заметив эти вставки, собиратель должен был бы спросить у сказителя сюжет типа «Илья Муромец и Калин-царь», бытование которого на Колыме так и осталось не зафиксированным.

57. Данила Игнатьевич и его сын. Печатается по копии из личного архива собирательницы: РО БФ, инв. № 3315, п. 1, тетр. 4, л. 69—70. Повторная запись С. А. Федосеевой в июне 1959 г. от Михаила Гавриловича Решетникова, 63 лет, в Нижнеколымске одноименного р-на ЯАССР. Текст несомненно записан под диктовку. После ст. 3 в нем имеется значительный пропуск. О первой записи от этого исполнителя см. Перечень, № 30.

Как видим, образ князя Владимира закрепился в нижнеколымских вариантах былины. Но княгиня Апраксия в версии М. Г. Решетникова передана вражескому предводителю. Это произошло под влиянием былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», где княгиня Апраксия играет неприглядную роль.

58. Данила Игнатьевич и его сын. Источник: Селюкова, с. 60—61. Записала Т. А. Селюкова весной 1961 г. от М. Г. Решетникова (ср. № 57). Исполнитель, продиктовавший текст, назвал его «песней». За два минувших года его текст, похоже, стал полнее и стройнее. Причины тому заключаются, видимо, прежде всего в том, как собирательница работала с исполнителем.

М. Г. Решетников оставил душечку Апраксевну у вражеского предводителя. Дусечкой же она стала, очевидно, из-за того, что собирательница приняла за собственное имя слово «душечка» в нижнеколымском произношении.

59. Данила Игнатьевич и его сын. Источник: Селюкова, с. 61. Записала Т. А. Селюкова весной 1961 г. от Иннокентия Гавриловича Гуляева, 60 лет, в пос. Походск на нижней Колыме. Исполнитель назвал свой текст «песней». В конце без труда опознаются реминисценции из былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», расспросов о которой собирательница скорее всего не вела, иначе это как-то было бы отмечено. Между тем эта фиксация — последний след бытования на Колыме былины об Алеше и Тугарине.

60. Суровец. Источник: Кир., только изд. 1-е, вып. 4, с. XXVII—XXIX, с пометой: «Доставил В. Н. Ламанский из материалов Этнографического отдела РГО». Записано в Тесинской вол. Минусинского округа Енисейской губ. Текст прислал, вероятнее всего, известный собиратель фольклора Н. А. Костров, в 60-е гг. XIX в. служивший начальником Минусинского округа.

Текст несомненно подвергся литературной правке. Все же, судя по многим деталям, в своей основе он подлинный. Он восходит к той версии редкой былины, бытование которой однажды отмечено на Нижегородчине (Тих. — Мил., № 65). По отношению к нижегородскому варианту минусинская запись представляет собой начало, оформленное в виде самостоятельного произведения, что подтверждается и неожиданной концовкой (ст. 65—67). Впрочем, возможно, концовку несколько подправил собиратель, ориентируясь на концовку варианта КД (№ 58).

61. Суровец. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 63—64. Записал Д. Д. Травин 04. 09 1928 г. от Н. Г. Чихачева в пос.Русское Устье на нижней Индигирке. Перед текстом собиратель вписал: «Начала не помнит: „. . . Яхал какой-то богатырь“».

Исполнитель явно перепутал и переставил разные части текста, а собиратель не помог ему разобраться в этом и построить логически последовательное повествование. Многоточиями отмечены пропуски в тексте.

62. Суровец Иванович и Пу́рга-царь. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 31об. — 32об. Записал Н. А. Габышев 11. 04. 1946 г. от Ф. М. Голыжинского в м. Косухино на нижней Индигирке. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 232—233; Сид., № 116.

Благодаря этому варианту становится яснее и характер предшествующей индигирской записи (№ 61). В основе текста лежит эволюционная производная версии о встрече Суровца с Курганом-царем (ср. № 60). Непонятное имя индигирцы заменили на одиозное для них Пу́рга-царь, вызывающее постоянные ассоциации с частыми местными «пу́ргами». К этой основе прилажены мотивы: рождения богатыря (ст. 1—6, 65—67), первой речи богатыря тотчас после его рождения (ст. 8—12) и реакции природы на рождение богатыря (ст. 54—56). Эти мотивы несомненно перенесены из былины о Волхе Всеславьевиче (ср. КД, № 6) либо из былины о Вольге и Микуле, где с них начинается завязка повествования. Перенесение скорее всего произошло уже на Индигирке и сравнительно недавно, о чем свидетельствует не вполне удачная прилаженность мотивов и совсем свежий след перенесения в виде двойного имени Суровца: в № 61 (ст. 15) он оказывается «по прозванью Олег Ярославцевич», а в № 62 (ст. 7) — «Яруславной воль [!] Яруславсович».
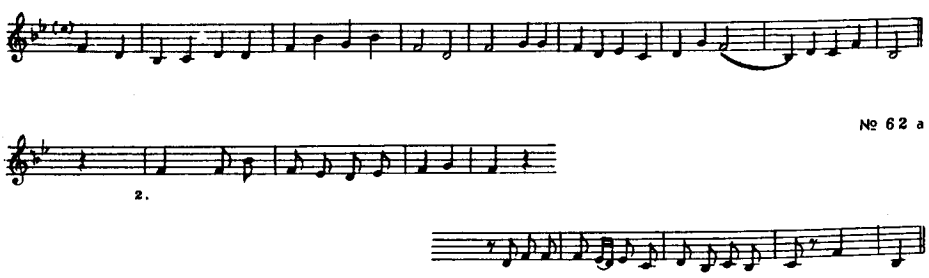
В тексте Ф. М. Голыжинского есть еще три мелкие вставки. Упоминание «зверя котобраса» (ст. 57) заставляет вспомнить «Голубиную книгу» (см. и примеч. к № 50). В ст. 59—60 видна цитата из былины «Иван Гостиный сын». В имени матери героя и ее атрибута (ст. 61—64) угадывается отголосок былины «Добрыня и Маринка». Все эти былины на Индигирке не записывались, хотя, наверное, там бытовали. О поисках этих былин на Индигирке собиратели молчат. Скорее всего они их и не спрашивали.

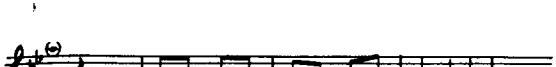
62 а. Суровец. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в январе 1985 г. от Аграфены Николаевны Щелкановой, 77 лет, в пос. Полярный на нижней Индигирке. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым. Певица твердо помнила напев, но текст былины уже ушел из ее памяти. Отрывки из былины она пропевала на одном дыхании, без конца повторяя. В ее тексте угадываются два эпизода былины: описание рождения богатыря и просьба Наги-птицы не губить ее.
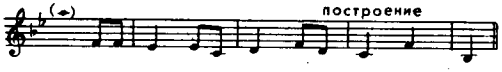
Напев типичен для эпических песен. Его можно признать двухстрочным вариантом политекстового напева из сборника Кирши Данилова (см. КД, № 1, 8, 16—19, 23, 27, 58). Эпизодическое возникновение третьей мелодической строки, словесно и мелодически (вариационно) повторяющей вторую, исполнительница оговорила: «Люблю петь с повторами, чтобы успевать подумать, что петь дальше». Ею была повторена и целиком вторая строфа (при публикации опущена).

Близок напев и мелодии песен «волжской вольницы» о расправе над астраханским губернатором или о Ермаке Тимофеевиче, известным по публикациям XVIII—XIX вв. (см. Трутовский, № 48; Львов — Прач, № 4; Кашин, № 56; Вес. — Альб., № 91). Для сравнения приведены обобщенный мелодический контур (без внутрислоговых распевов) песни «Что пониже было города Саратова», варианты из КД и напев рассматриваемой былины:

Нотный пример I

КД, 27
1-е мелодико-стиховое построение

КД, 19
2-е мелодико-стиховое построение

63. Суханьша Замантьев. Печатается по списку, присланному С. И. Гуляеву собирателем с письмом от 23.02 1986 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 17об. Ранее текст печатался в трех редакциях: в первой редакции С. И. Гуляева, более близкой к оригиналу, — Малышев, с. 153—154; Пропп — Путилов I, с. 418—419; во второй редакции С. И. Гуляева — Тих. — Мил., № 54; Гул. 1939, № 37; в сводной объединяющей две предыдущие, — Гул. 1952, № 18; Сид., № 18. О некоторых различиях между разными изданиями текста: Малышев, с. 144—146. Записал Д. П. Соколов от старика нищего в Сузунском заводе (Алтай). Текст записан под диктовку. Об обстоятельствах записи см. примеч. к № 21.

Своеобразие сузунского текста было замечено давно. Он резко выделяется на фоне довольно единообразных северно-русских вариантов, записанных, если не считать заимствований через книжные источники, почти исключительно в западной части Русского Севера, прежде всего на восточном, Пудожском побережье Онежского озера (см. Малышев. Прил. IV). Когда текст уникален, непременно возникают сомнения в его подлинности. Они возрастают при виде в разных изданиях нескольких редакций вроде бы одной записи. Наши сомнения рассеялись лишь после работы в алтайском архиве.

Сузунский текст — действительно эволюционная производная особой, по выражению В. И. Малышева, «воинской» версии былины. В спорах исследователей относительно того, старше или моложе эта версия в сравнении с северно-русскими «социальными» версиями (обзор мнений: Малышев, с. 200 и след.: мнение самого В. И. Малышева: с. 39—40), наша позиция совпадает с суждениями тех ученых, которые считали «воинскую» версию старшей. И дело даже не в том, что реальное сущетвование «воинской» версии в прошлом подтверждают «Повесть о Сухане» в списках конца XVII и XVIII вв. (их тексты: Малышев, с. 135—139, 217—219) и предание о переяславском богатыре Демьяне Куденевиче по спискам Никоновской летописи второй половины XVI в. (Малышев, с. 38—39). Просто в эволюционном отношении деяние эпического героя, совершаемого им без чьего-либо понуждения, обязательно старше деяния, осуществляемого по вызову или по приказу главы сложившейся эпической иерархии. Поэтому сузунский текст в эволюционном плане — более ранний, чем северно-русские записи. Но он дошел до нас в стяженной форме, многое в нем не досказано, в чем, наверное, можно винить и собирателя, механически записывавшего текст и не подталкивавшего исполнителя к детализации. В упоминании Мамая и описании его силы на тексте отразилось влияние соответствующих былин о Мамаевом побоище, бытовавших в восточной части Русского Севера, в связи с чем уместно предположить, что и сам текст был принесен на Алтай оттуда же.

В описании Днепра, несущего деревья и оружие, М. К Азадовский (Гул. 1939, с. 179—180) и В. И. Малышев (с. 47) усматривали «сибиризм», отражение впечатлений от сибирских рек. С этим нельзя согласиться. Хотя такое описание действительно уникально в русском эпосе, это его свойство не следует принимать за проблеск локального творчества. Аналогичные описания нередки в эпических песнях южных славян. Особенно часто они встречаются в разных песенных ситуациях сербскохорватского ареала. Так, в песне «Королевич Марко узнает отцовскую саблю» находим:

На заре Марица помутилась,
Вся в крови, она побагровела,
Понесла коней она и шапки,
А к полудню — раненых юнаков [17].

В тех случаях, когда выходу персонажа на реку не предшествует сражение, южно-славянские певцы отмечали, что река стала мутной и несет деревья и камни, и таким образом подчеркивали

[17] *Песни* южных славян / Вступ. статья, сост. и примеч. Ю. И. Смирнова. — М., 1976. — С. 149.

опасность предстоящей переправы. Короче, у южных славян это описание — типическое место. Очевидно, что таким оно было и в русском эпосе, но уцелело лишь в сузунской записи былины о Сухане. Реликтовый характер этого описания подтверждает традиционность текста, его содержащего.

64. Суханко сын Туманович. Источник и переиздание: Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 25—26; Сид., № 48. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от Евграфа Антоновича Попова, 66 лет, на средней Ангаре в Кежемской Заимке. Многоточиями отмечены пропуски.

В тексте дана по существу только первая часть былины. Вторая же часть лишь обозначена несколькими стихами, что затрудняет определение района Русского Севера, откуда ее принесли на Ангару. Оригинально дан повод, по случаю которого к безымянному князю съезжаются гости (ст. 4—6). Последующим повествованием, где князь спрашивает, кто доставит для княгини живую лебедку, а Суханко вызывается это сделать, ангарский текст совпадает только с записью на Сояне, притоке р. Кулой, в восточной части Русского Севера (Малышев, с. 155 и след.). Поэтому есть основание считать, что на Ангару текст попал из восточной части Русского Севера, в которой, помимо записи на Сояне, эту былину в подлинно фольклорном виде записывали еще всего один раз — на нижней Мезени, по соседству с Сояной.

65. Сухан сообщает князю Владимиру о нашествии. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 134, оп. 2, ед. хр. 119, л. 16об. — 17об. С некоторыми отличиями текст печатался: Богораз, с. 190—191; Сид., № 92. Записал В. Г. Тан-Богораз примерно в 1895 г. от служилого казака Федора Даурова, 64 лет, в Среднеколымске. О певце собиратель кратко заметил: «Очень любит пение, играет на скрипке, довольно плохой, но привозной из Якутска» (Богораз, с. 170).

По признанию собирателя, он включил в текст фрагменты от нижнеколымского сказителя М. Соковикова (ср. № 56), но, к сожалению, не выделил вставки хотя бы с помощью квадратных скобок, как это он делал в других случаях. Не различая былин о Сухане и о Даниле Игнатьевиче, собиратель считал текст, записанный от Ф. Даурова «вариантом» к былине «Данила Игнатьевич и его сын». Поэтому он не заставил исполнителя разделить былины и не пожелал записывать от него продолжение: «Далее нет отличий от предыдущего текста (о Даниле Игнатьевиче в записи от М. Соковикова. — *Ю. С.*), кроме сокращений» (Богораз, с. 191).

Здесь от былины о Сухане осталось лишь имя и разве что несколько стихов (4—7, 31—35). Последующие собиратели не находили и этого следа бытования былины на Колыме.

66. Туры. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 134, ед. хр. 119, л. 36—36об. С некоторыми отличиями текст печатался: Богораз, № 6; Мил. Изв. ОРЯС, с. 69—70; БН и НЗ, № 48; Сид., № 93. Записал В. Г. Тан-Богораз летом 1896 г. от вдовы отставного казака Марии Егоровой, старше 80 лет, в Нижнеколымске. Собиратель озаглавил текст «Шáльма (духовный стих)». Это, наверное, означает, что сама певица по характеру текста и, быть может, по его распеву расценивала текст как «псалму». Ст. 4—5 и 25—26 собиратель заключил в квадратные скобки, очевидно желая таким образом отметить, как в других случаях, что это вставки, принадлежащие иному исполнителю, но не указал его имя, — возможно, это был М. Соковиков, ибо собиратель упомянул, что он тоже знает «шальму» (Богораз, с. 170). Многоточиями отмечены явные пропуски.

Текст восходит к версии былины, фиксировавшейся в восточной части Русского Севера, где она служит зачином для другой былины — о вражеском нашествии. В колымской записи сохранился след такой контаминации (ст. 32—37), однако здесь Киеву угрожает Идолище о 14 головах. В русском эпосе Идолище всегда изображается одноглавым великаном, а число 14 — для него не характерно. Поэтому можно с полной уверенностью сказать, что М. Егорова тут ошиблась, быть может, под влиянием каких-то ассоциаций. Возможно, что здесь она вспомнила о многоглавом огненном змее из былины о Добрыне. Это должен был выяснить собиратель во время общения с исполнительницей. Неопытность или нерадивость собирателя порождает текстуальные загадки, порой совсем неразрешимые.

67. Василий Пьяница. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 26. 11 1870 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 145—146. Прямо по рукописи рукой С. И. Гуляева внесены различные исправления. Именно с их учетом текст печатался: Гул. 1952, № 17; Сид., № 17. Последующая, более решительная редакция С. И. Гуляева: Тих. — Мил., № 39; Гул. 1939, № 25. Записал А. Лазебников в с. Ординском [18] Барнаульского у. После ст. 57 в тексте имеется пропуск, из-за чего сильно затрудняется прочтение его.

---

[18] Деревня Ординская упоминается в документах еще под 1740 г.: *Потанин Г. Н.* Материалы для истории Сибири // ЧОИДР. — М., 1867. — Кн. 2. — С. 318.

Текст представляет собой традиционную северно-русскую контаминацию былины о турах с былиной о вражеском нашествии. Судя по мелким деталям его первой части, он восходит к версии, фиксировавшейся в восточной части Русского Севера, на Кулое и нижней Мезени. К нему в особенности близок этой частью вариант, записанный на Сояне, притоке Кулоя, — в нем говорится, что туры прошли Подольскую землю [19]. Это название земли в алтайском тексте оказалось перенесенным на вражеского царя.

Помимо публикуемых текстов (№ 66, 67), отметим также, что в с. Кежма на средней Ангаре А. А. Макаренко записал большую многосоставную волшебную сказку об Иване-царевиче, в начале которой подробно рассказывается о том, как царь долго опохмелял найденного в кабаке пьяницу [20]. В этом эпизоде без труда узнается соответствующий фрагмент из былины о Василии Пьянице, между тем саму эту былину на Ангаре не записывали.

68. Илья Муромец и Калин-царь. Источник и переиздания: Потанин, с. 97—102; Тих. — Мил., № 12; Гул. 1939, Прил., с. 144—147; Сид., № 29. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. от казака Дьякова в станице Бухтарма на верхнем Иртыше.

Текст на редкость безупречен ходом повествования, нигде не осложняемого дополнениями, уводящими в сторону. Лишь в одном месте (ст. 151—152) в тексте заметна недоговоренность. Своеобразно начало былины. Обращает на себя внимание требование Калина отдать ему дочь князя Владимира (ст. 35 и др.) — в северно-русских вариантах былины оно не встречается, а оно несомненно древнее требования Калина отдать ему жену князя или выставить поединщиков. Оригинальна роль сына Калина (ст. 125 и след., 172—173). Ст. 84—89, похоже, перенесены из былины «Илья Муромец и Идолище», где Илья произносит их в сходной ситуации.

На Русском Севере былина «Илья Муромец и Калин-царь» пользовалась большой популярностью. Певцы разных мест часто добавляли к ее основе мотивированные эпизоды или присоединяли к ней целые сюжеты. В результате былина предстала перед исследователями во множестве форм, включая сугубо локальные и индивидуальные, эволюционные отношения между которыми до сих пор не выявлены. При всем множестве северно-русских форм прямых аналогов среди них бухтарминской записи не обнаруживается.

Самой близкой к бухтарминскому тексту формой представляется версия «Илья, Самсон и Калин-царь», по записям известная в западной части Русского Севера, от Ки́жей до Мо́ши и Та́вреньги, и в виде эволюционных производных или заимствований через книги фиксировавшаяся в восточной части Русского Севера. Однако, в отличие от этой северно-русской версии, бухтарминский текст не содержит конфликта между князем Владимиром и богатырями, вынужденными покинуть Киев. В эволюционном плане этот конфликт — инновация, должная объяснить отсутствие богатырей в Киеве; для основного сюжета былины — это дополнение, осложняющее повествование. Поэтому бухтарминский текст, наверное, является формой версии, эволюционно предшествовавшей версии «Илья, Самсон и Калин-царь».

69. Про Калина-Царя. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 24—26. Ранее текст печатался с учетом исправлений, внесенных собирателем непосредственно в рукопись: Гул. 1952, № 2; Сид., № 2. В алтайском архиве С. И. Гуляева сохранился еще один беловой список, представляющий собой очередную редакцию текста (ГААК, ед. хр. 214а, л. 62—65), которая опять-таки не удовлетворила С. И. Гуляева, ибо и в ней имеются многочисленные исправления, включая дописывания по стертым словам. Эта редакция публиковалась раньше других: Тих. — Мил., № 9; Гул. 1939, № 2. Записал С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына.

Текст относится к той же версии, что и бухтарминская запись (№ 68), но в нем произошли эволюционные изменения: ряд мест, включая концовку, оказался снятым, зато появились добавления. Так, диалог между Ильей и Невой-рекой [21], видимо, навеян былиной о Сухане. Певец устроил герою встречу с матерью (ст. 115—127), она неожиданна и, разумеется, алогична для некиевлянина и старого казака Ильи Муромца. Сказитель создал этот эпизод, наверное, под влиянием известной ему былины о Добрыне (см. № 9). Более развернута, нежели в № 68, сцена с послом Калина (ст. 77—83), идущая от былины «Илья и Идолище». Отметим, что былин о Сухане и Идолище от Л. Г. Тупицина не записывали.

70. Илья Муромец и Калин-царь. Ст. 1—124 текста печатаются по беловому списку соби-

---

[19] Подолия — старое название юго-западной части Украины. В другом кулойском варианте говорится о поле Идольском, в третьем — Подонском поле.

[20] *Макаренко А. А.* Две сказки русского населения Енисейской губ. // ЖС. — 1912. — Вып. 2—4. — С. 366—367. В сказке употреблены и несколько былинных типических мест.

[21] Л. Г. Тупицын постоянно пел «Нева-река», очевидно, вместо «Неп-река (Непра́-река)», а С. И. Гуляев, даже записав так, затем подчищал слова и вписывал «Днепр-река».

рателя, присланному С. И. Гуляеву в декабре 1854 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 12—12об. (лист с концовкой, видимо, утрачен навсегда). Со ст. 125 и до конца текст печатается по беловому списку неизвестного лица, возможно женщины, судя по крупному ясному почерку: Там же, ед. хр. 214а, л. 66—69. Этот список представляет собою редакцию С. И. Гуляева, известную по изданиям: ПОНЯС, с. 305—308; Кир., вып. 1, с. 66—70; Гул. 1939, № 36. Компромиссная редакция, субъективно учитывающая как список собирателя, так и редакцию С. И. Гуляева: Гул. 1952, № 3; Сид., № 3. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе «со слов старика Половникова», как отмечено собирателем перед текстом. Текст написан в сплошную строку, несомненно под диктовку, о чем свидетельствуют многочисленные сбои в стихах.

Текст представляет собой довольно позднюю форму в эволюционном отношении. Тема вражеского нашествия в нем уходит на задний план и становится подчиненной спровоцированному боярами конфликту между князем и богатырем. Если тексты № 68, 69 отражали версию, существовавшую до возникновения версии «Илья, Самсон и Калин-царь», то сузунский текст относится как раз к эволюционным производным именно версии «Илья, Самсон и Калин-царь». Сходные варианты, в которых Илью Муромца оговаривают бояре (очень редко слуги), записывались в восточной части Русского Севера: на Кулое, Мезени, Печоре. Поэтому правомерно считать, что на Алтай текст был принесен оттуда. Вместе с тем следует подчеркнуть, что по сравнению с северно-русскими вариантами сузунский текст наиболее категоричен в бескомпромиссном отношении Ильи Муромца к оклеветавшим его боярам.

71. Калика читает Голубиную книгу. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 55—56. Записал Д. Д. Травин 06. 08 1928 г. от Н. Г. Чихачева в пос. Русское Устье на нижней Индигирке.

Публикуемые тексты № 71—76 содержат фрагмент духовного стиха «Голубиная книга» (ср. КД, № 60, с. 209—211). Судя по некоторым немотивированным деталям, фрагмент восходит к вариантам этого стиха, бытовавшим в восточной части Русского Севера, в особенности на Пинеге. Однако фрагмент переосмыслен и оформлен в самостоятельное произведение. Его своеобразие заключается в роли загадочного калики, чей образ отсутствует в традиционных вариантах стиха. Появление калики в начале текста несомненно перенесено из какой-то неизвестной нам эпической песни. Стихов, описывающих его появление, в тексте недостаточно для того, чтобы опознать произведение, откуда они заимствованы. Они несколько напоминают начало былины «Калика-богатырь отражает вражеское нашествие», очень редко записывавшейся в западной части Русского Севера, но не совпадает с ней ни единой деталью. Можно лишь предположить, что и в восточной части Русского Севера была своя форма былины о калике-богатыре. В индигирских же записях калика поставлен вровень с царями, и по вариантам нетрудно проследить, как этот образ постепенно возвышается и в конце концов (см. № 74—76) оказывается, что только калика способен поднять огромную Голубиную книгу единой рукой и прочитать ее на ёдиный дух (ср. выпивание богатырем чары в полтора ведра).

В традиционных вариантах стиха выступают два царя — Давыд Евсеевич и Соломон, к которым иногда присоединяется Исайя-пророк. Уже в текстах европейской части страны, на Пинеге и Мезени, Соломон заменен Волотоманом, очевидно, под влиянием рукописной «Повести о царе Соломоне», где отец Соломона царь Давыд Евсеевич сватает для своего сына дочь у царя Цариграда Володома Володомовича [22], и, по-видимому, вследствие каких-то ассоциаций со значением старинного слова «волот» (великан). Превращение царя Давыда в Федосея через промежуточную форму Вытусей Вытусеевич, известную и на Мезени, а следовательно, и принесенную оттуда, произошло скорее всего на Индигирке. Здесь же — во имя фольклорной троичности — к этим царям был добавлен Кудреванко. Это последнее имя носит предводитель неверной силы (татар) в былинах о вражеском нашествии, бытование которых отмечено исключительно в восточной части Русского Севера, но там врагам противостоит обычно Илья Муромец, а не безымянный калика. Было бы соблазнительно полагать, что оба персонажа — калика и Кудреванко — взяты индигирцами из одной эпической песни, ибо это означало бы, что в былине о Кудреванке-царе Илье Муромце предшествовал иной персонаж в лице калики-богатыря. Однако других оснований, кроме названных, мы пока не видим. И тут не место разбирать вопрос, как некогда выглядела былина о Кудреванке-царе в восточной части Русского Севера. Важнее показать, из каких традиционных элементов, путем частичного их переосмысления индигирцы сложили новый для русской эпической традиции текст. За Уральским хребтом случай создания эпической инновации в русской среде — явление весьма редкое.

---

[22] *Елеонский С. Ф.* Повесть о царе Соломоне в фольклорной переработке XVIII в. // ТОДРЛ. — 1958. — Т. XIV. См. также: Мил. Очерки III, с. 174—202.

72. Калика читает Голубиную книгу. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 56—57. Записал Д. Д. Травин в 1928 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки.

Несомненно местным измышлением надо считать утверждение (ст. 29 и след.), будто от Голубиной книги началось сотворение мира. В традиционных вариантах стиха утверждается, что от лица и других частей тела Христа образовались некоторые части вселенной.

73. Калика читает Голубиную книгу. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, л. 49. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 229; Сид., № 113. Записал Н. А. Габышев 15. 04 1946 г. от С. П. Киселева.

В традиционных вариантах стиха не говорится об авторстве Голубиной книги (ср. ст. 24). За исключением этой детали, С. П. Киселев почти ничего не изменил в своем тексте за 18 лет (ср. № 72). Это означает, что он принадлежал к числу сказителей, канонически придерживающихся однажды усвоенного текста. Сказителей этого типа особенно ценят исследователи, потому что благодаря им до нашего времени доходят без серьезных изменений традиционные тексты и их составные элементы.

74. Калика читает Голубиную книгу. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 41—41об. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 228—229; Сид., № 112. Записал Н. А. Габышев 05.04 1946 г. от Анны Николаевны Шкулевой, 42 лет, в пос. Полярный на Русской протоке нижней Индигирки. Исполненные на запись песни и сказки А. Н. Шкулева переняла, по ее словам, у отца Николая Никитича Шкулева. По сведениям С. И. Боло, встречавшегося с ее отцом в 1941 г., сказителю было 85 лет и жил он с семьей в м. Крута на Колымской протоке нижней Индигирки, примерно в 80 км от моря [23].

Ст. 1, очевидно, заимствован из песни «Скопин просит помощи у шведского короля» (ср. № 191, 192). Неожиданным, странным кажется объяснение зачатия плакун-травы (ст. 29—31). В традиционных вариантах стиха плакун-трава зарождается от слез божьей матери. Здесь же типическое место о мгле, образуемой потом коней и дыханием воинов из бесчисленного вражеского войска, почему-то оказалось прикрепленным к плакун-траве.

75. Калика читает Голубиную книгу. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 30.06 1982 г. от Иннокентия Ивановича Каратаева, 88 лет, в пос. Полярный. К тексту исполнитель добавил: «Песня досельная, слышал от досельных, от старых людей. Не от родины, от других».

И. И. Каратаев был старейшим жителем Полярного. Его отец «присланной был» (т. е. ссыльный), но откуда родом, И. И. Каратаев не знает. Сам исполнитель вполне ассимилировался, его речь ничем не отличается от говора старожилов. Как и другие индигирцы, он в течение жизни много раз менял место жительства: «Жил на этой реке [24], на Кузьмичевой [25], на Шамановой [26], потом перешел на Среднюю реку [27], жил в Якутской Жилье [28] до сегонного году». Крупнейший местный сказитель С. П. Киселев был женат на родной сестре И. И. Каратаева, из-за чего старик покровительственно величал того «зятем».

И. И. Каратаев хворал, остро ощущая резкую перемену погоды, и все же не отказывался сообщить собирателю то, что он еще помнил. Петь он не мог из-за одышки. Сказывал свои тексты по стихам, стараясь твердо держаться ритма, что не всегда получалось. Чувствуя сбои в забытых стихах, старик не пытался подобрать нужные слова и исправить сбитый стих. Вместо этого он возвращался к началу текста и повторял его сызнова до сбоя, как бы надеясь, что от этого приема в памяти оживет забытый стих. При этом И. И. Каратаев, кажется не заметивший магнитофона, забывал и о собирателе, если тот не тревожил его вопросами. Он обращался к своей жене, которая то подтверждала его сказывание, то возражала ему. Старик повторил свой текст множество раз. Но лишь первое и последнее исполнение было записано на пленку. Публикуемая запись — повторная, о первой см. Перечень, № 36.

Исполнитель знает, что «гармазин — материал такой». По его мнению, «калига —

---

[23] АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 453, л. 54об.

[24] На Русской протоке дельты Индигирки.

[25] Небольшая протока, отходящая по правобережью от Русской, в 6—7 км от Полярного.

[26] Речка Шаманка впадает в Индигирку у пос. Полярного, огибая его с юга.

[27] Средняя протока дельты Индигирки.

[28] Небольшой поселок в четыре дыма на Средней протоке, примерно в 70 км от моря.

имо[29], конечно». На вопрос о царях спокойно ответил: «Охто[30] их знает, только фамилия их сказали[31] и все».

76. Калика читает Голубиную книгу. КМФ, № 15760. Печатается по расшифровке Т. С. Шенталинской. Магнитофонная запись Г. В. Зотова (Магадан) в 1965 г. от Петра Николаевича Новгородова, 84 лет, в пос. Походск на нижней Колыме. По рассказам А. П. Новгородовой, дочери певца, с которой нам довелось встретиться в 1982 г., ее отец родился на Индигирке и первую часть своей жизни прожил в м. Лу́ндино на Колымской протоке Индигирки, примерно в 100 км от моря. В 1937 г. он переехал в Походск, на родину своей жены. Там в 1940 г. его встретил якутский фольклорист С. И. Болó и сделал несколько записей. Исключительно работящий, П. Н. Новгородов вместе с тем славился завидным здоровьем. Он умер в 1975 г.

В его тексте внимание привлекает начало (ст. 1—5). Эта явная цитата из традиционного варианта «Голубиной книги» была забыта индигирскими певцами. Выражение «золотая гора», возможно, перенесено из местного варианта сказки о Святогоре — в традиционных вариантах упоминаются библейские топонимы: Сионская гора или Фавор-гора.

Исполнитель, начав петь, запнулся и остановился, затем по просьбе собирателя запел снова. Мы публикуем нотацию повторного исполнения (со ст. 5).

Две записи стиха (№ 76, 76а) отличаются по напевам, хотя оба исполнителя родом с Индигирки.

Напев № 76 — однострочный, распространенного ритмического типа (в основе акцентный восьмидольник). Временная протяженность мелодико-стиховых построений колеблется в зависимости от изменения в стихе количества слогов, так как сохраняется их равномерное произнесение; добавление в некоторых стихах усилительного определения приводит к повторению каденционной ячейки (строки 9, 10). Декламационность подчеркнута интонированием всех ударных слогов на одном высотном уровне. Обнаруживается сходство с данным образцом в пинежской традиции (Григ. I, № 21, 25). Общий стиль сходен и с песнями-небылицами, иногда сопровождавшими пляску (см., например, № 245).

Второй напев (№ 76а) имеет двухстрочную строфу, по ритмике аналогичную образцам того же духовного стиха, записанным от известных сказителей Олонецкой губ. И. А. Федосовой и И. А. Касьянова, а также из КД (БРМЭ, с. 579, № 121, 122; КД № 60). В интонационно-ладовом складе усматривается отдаленное сходство с некоторыми напевами Заонежья: длительное (на протяжении целого стиха) скандирование слогов на двух соседних ступенях, при этом выделение верхнего квинтового тона в зачинных мелодических построениях мелодической строфы и остановка на нижнем квинтовом тоне в ее конце (БРМЭ, № 6, 15). Звук «ч» исполнительница произносит с заметным прицокиванием.

76а. Калика читает Голубиную книгу. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в январе 1985 г. от А. Н. Щелкановой в пос. Полярный на нижней Индигирке. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым. (См. примеч. № 76.) Запись включена в пластинку.

77. Илья Муромец и его сын Бориско. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 15. 07 1853 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 106—107об. В алтайском архиве имеется еще беловой список, написанный крупным и четким, возможно женским, почерком, с правкой С. И. Гуляева (Там же, л. 80—82). При сличении рукописей выяснилось, что второй список — текст в редакции С. И. Гуляева. Именно в этой редакции текст и публиковался ранее: ПОНЯС, с. 161—163; Кир., вып. 1, с. 7—10; Гул. 1939, № 29. Сводный, объединяющий оригинал и редакцию С. И. Гуляева текст: Гул. 1952, № 7; Сид., № 7. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе (Алтай). Текст записывался под диктовку и довольно небрежно. Многоточиями отмечены явные пропуски. Концовка отсутствует, вероятно, потому, что собиратель не сумел настоять на ее записи.

Перед списком в редакции С. И. Гуляева его рукой вписано: «со слов старика Епанешникова»[32]. Это указание, по-видимому, ошибочно (см. примеч. к № 78). После своего списка С. И. Гуляев дает пояснения ряда слов (Указ. архив, л. 82об.), вошедшие в издания его списка[33]. В письме Д. П. Соколова эти пояснения отсутствуют, следовательно, они скорее всего принадлежат самому С. И. Гуляеву.

---

[29] Имя.
[30] Кто.
[31] Имеются в виду старики, от которых И. И. Каратаев перенял текст.
[32] См. об этом также: Гул. 1939, с. 174—175.
[33] Они учтены нами ниже в словаре.

Текст содержит версию, известную и по варианту КД (№ 50). Отдельными частями и именем Бориса-королевича текст совпадает с записями былины в разных местах восточной части Русского Севера, прежде всего на Зимнем берегу Белого моря и на Печоре. Там же Борис-королевич, как проходной персонаж, встречается и в былинах на другие сюжеты. Так, он иногда выступает в роли гонца Калина-царя, посланного в Киев.

78. Илья Муромец и его сын. Печатается по беловому тексту из рукописи «Русские народные песни», присланной неизвестным лицом С. И. Гуляеву: ГААК, ф. 163. оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 9об.— 10об. С заметными отличиями текст печатался: Гул. 1952, № 8; Сид., № 8. Текст написан не вполне грамотным человеком, с многочисленными орфографическими ошибками и описками, без знаков препинания, со слитным написанием частиц, союзов и предлогов вместе с существительными. Однако видно, что человек старался: он писал все буквы раздельно и пытался разбить текст четко по стихам. В самой рукописи нет никаких сведений об исполнителях и месте записи. Из 20 представленных в ней песен только одна былина, помещенная в рукописи под № 19. Какие-либо сведения о создателе рукописи «Русские народные песни» в алтайском архиве С. И. Гуляева обнаружить не удалось.

Наряду с этим в письме от 06. 06 1853 г. Д. П. Соколова С. И. Гуляеву (Указ. архив, ед. хр. 214, л. 10об.—11об.), написанном теперь уже совсем выцветшими бурыми чернилами на голубой бумаге, что очень затрудняет прочтение, дан краткий пересказ этой былины. Он обрывается на словах «Ты, базы́га, базыга старая» (ср. ст. 61), хотя сразу после этого в письме оставлено чистое место, которое Д. П. Соколов мог бы без труда заполнить окончанием пересказа. Из письма явствует, что его автор предложил С. И. Гуляеву решать, нужен ли ему этот текст. Но самое интересное — это то, что Д. П. Соколов знание текста связывает со стариком Епанешниковым. Таким образом получается, что Епанешников знал два не вполне совпадающих текста об Илье Муромце и его сыне (ср. № 77). Полагаем, что это маловероятно. Причина казуса заключается, видимо, в том, что С. И. Гуляев, получив однажды от Д. П. Соколова какой-то текст с указанием на Епанешникова, решил что и текст об Илье Муромце и Бориске, об исполнителе которого Д. П. Соколов в своем письме ничего не сообщил (см. примеч. к № 77), также был записан от Епанешникова. Позже С. И. Гуляев, быть может, заметил свою ошибку, но уже не мог ее исправить, так как поспешил отправить текст для публикации в ПОНЯС.

Исходя из содержания упомянутого выше письма Д. П. Соколова, можно уверенно полагать, что рукопись «Русские народные песни» была прислана С. И. Гуляеву из Сузунского завода, по-видимому, при посредничестве Д. П. Соколова, а ее составитель включил в рукопись по меньшей мере одну запись (былину об Илье Муромце и его сыне) от старика Епанешникова.

Этот текст содержит ту же версию былины, что и № 77, отличаясь от него рядом немотивированных деталей и, главное, заметно стяженным характером повествования. У него отсутствует традиционная концовка.

79. Илья Муромец и его сын Удача. Источник и переиздание: Чеканинский 1915, с. 102—103; Сид., № 59. Записал И. А. Чеканинский в 1913 г. от Никандра Михайловича Смолина, 65 лет, в д. Выдрино на среднем течении р. Чуны, левого притока Ангары (ныне Чунский р-н Иркутской обл.).

Текст представляет собой очень стяженную передачу былины, по-видимому, в той же версии, что и варианты из Сузунского завода (№ 77, 78).

80. Илья Муромец и богатырь-чужеземец. Печатается по тексту из личного архива собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в августе 1981 г. от И. И. Куркутского в пос. Марково на среднем Анадыре. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым.

Текст генетически связан с былиной «Илья Муромец и его сын» и, судя по деталям, является эволюционной производной той же версии, что и № 77, 78. Формы этого рода спонтанно возникали в разных местах Русского Севера. Для этого достаточно было случая, когда будущий исполнитель текста слышал недопетую до конца былину. Но могло быть и иначе: какой-то части сказителей претила сама мысль о том, что идеальный герой Илья Муромец пусть даже в нечаянной ситуации, силой стечения обстоятельств стал убийцей своего сына, и они старались снять подробности, характеризующие богатыря-чужеземца как сына Ильи Муромца. Анадырский вариант, похоже, оказался следствием именно такого переосмысления былины.

81. Илья Муромец и турок. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГЛМ, Фольклорное собр., к. п. № 23 — Записи П. Петрова, № 26. Записал П. Петров приблизительно в начале XX в. от казака Григория Евлампиевича Грязно́го, по указанию собирателя, «постоянно живущего в Омске».

Полных текстов этого типа в европейской части страны не записывали. Лишь изредка там обнаруживали тексты с основным сюжетом «Илья Муромец и разбойники», в начале которых герой («стар» или Добрыня) похваляется, что́ он мог бы учинить, если бы ему случилось попасть в Цариград (Кир., вып. 1, с. 15—16, Рязанск. губ.; Тих. — Мил., № 3, Москва). Эти фиксации

позволяют относить происхождение сибирских вариантов к средней полосе России. Вместе с тем очевидно, что именно Сибирь сохранила тексты этого типа в более полном виде.

Былина «Илья Муромец и турок» раньше, по-видимому, шире бытовала среди казаков Сибирского казачьего войска, о чем свидетельствует построенная на эпических мотивах песня, записанная А. Шренком около 1914 г. и изданная под условным названием «Казачий эскадрон». Ее концовка — по существу фрагмент публикуемой былины:

. . .Как казацкие остры сабельки на бедрах несут,
Дальнометными острыми копьями подпираются.
— Что велит-то ли нам Бог-господь в Цареграде быть?
(ФКС, № 8, с. 27)

82. Илья Муромец и турок. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 77. С небольшими отличиями текст неизменно переиздавался: Гул. Очерки, с. 107—108 (в составе проголосных песен); ПОНЯС, с. 153; Кир., вып. 1, с. 93—94; Гул.. 1939, № 11; Гул. 1952, № 4; АИМ, № 28; Сид., № 4. После текста С. И. Гуляев отметил: «Былина эта списана со слов барнаульского мещанина Калистратова». Исходя из даты первой публикации запись была сделана С. И. Гуляевым не позже 1848 г.

Судя по ранней статье собирателя (Гул. 1939, с. 167), с Иваном Максимовичем Калистратовым, знахарем, свадебным дружкой и скрипачом, он встречался еще около 1839 г. По словам С. И. Гуляева, И. М. Калистратов знал несколько эпических песен («Три года Добрынюшка стольничал»[34], «Гость Терентьище», «Как у Спаса к обедне звонят» и др.), однако собиратель не сообщил, записывал ли он эти тексты. В алтайском архиве они не обнаружены.

Сравнивая этот текст с № 81, нельзя избавиться от ощущения, что он подвергся легкой правке. Это в особенности касается его заключительной части.

83. Василий Казимерской. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 36—42об. С учетом привнесенной правки С. И. Гуляева текст печатался: Гул. 1952, № 10; Сид., № 10. Ранее текст издавался в последующей редакции С. И. Гуляева: Тих. — Мил., № 37; Гул. 1939, № 4; Пропп—Путилов I, с. 76—85; ДН и АП, № 14. Записал С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына.

По крайней мере большинство вариантов былины о Василии Казимировиче восходит к одной версии. Текст Л. Г. Тупицына по сравнению с вариантами, записанными в европейской части страны, в эволюционном плане выглядит старше их. Он свободен от алогизмов, подмены персонажей и различных вставок в виде фрагментов, мотивов или целых сюжетов других эпических песен. Наряду с этим он содержит все ходы и детали вполне безупречного повествования, которые в таком же полном наборе не встречаются ни в одном варианте из европейской части страны. Следовательно, он стоит ближе к исходной версии, чем иные варианты. По отношению к нему они выглядят эволюционными производными. Ближайшие эволюционные производные были обнаружены на Мезени, в восточной части Русского Севера (см., например, ДН и АП, № 15).

84. Девушка нашла милого утонувшим. Источник: Богораз, № 99. Записал В. Г. Тан-Богораз, вероятно, в 1895 г. от М. Соковикова на нижней Колыме.

В пределах русской фольклорной традиции текст уникален. Ближайшие параллели к нему имеются у поляков в виде довольно редкой баллады. В отдельных польских вариантах девушка находит молодца на берегу реки, но с мечом в боку — глухой намек на поединок (бой), наверное, забытый поздними певцами. Близость колымского текста к польской балладе подкрепляется полонизмом «братья выборовые», что по-польски значит «отборные, отличные, замечательные» и может быть приравнено к русскому выражению «удалые молодцы». Те, кто калькировал текст на русский язык, очевидно, не смогли справиться с переводом этого слова. Непереведенность или непереводимость хотя бы одного слова — верный признак заимствования. Оно произошло, по-видимому, задолго до времени записи, так как, за исключением названного полонизма, все остальные словосочетания и стихи в целом совершенно выдержаны в духе именно русской, а не польской фольклорной традиции: русификация текста требовала, разумеется, немало времени. Упоминание «батюшки тихого Дона», возможно, указывает на исходный район, откуда текст в конце концов попал на нижнюю Колыму.

85. Садко богатый купец. Источник и переиздания: Мил. Изв. ОРЯС, с. 62—64; БН и НЗ, № 95; Сид., № 97; НБ, № 43. Записал В. Г. Тан-Богораз весной 1895 г. от М. Соковикова на нижней Колыме. Многоточиями отмечены явные пропуски. О тексте: НБ, с. 413.

---

[34] Этим стихом часто начинается былина «Добрыня и Маринка».

Публикуемые № 85—87 частично содержат сюжет «Садко в подводном царстве» и отражают одну и ту же версию былины. К ним наиболее близка версия КД (№ 47; см. также НБ, № 42 и с. 412—413), происхождение которой мы отнесли к Поволжью.

86. Садко. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 30—31. Записал Н. А. Габышев 11. 04 1946 г. от Ф. М. Голыжинского в м. Федеровское на Русской протоке нижней Индигирки. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 230—231; Сид., № 114; НБ, № 44. Многоточиями отмечены пропуски.

Ранее, основываясь на неточном сообщении Т. А. Шуба[35], мы соответственно неверно оценивали отношение индигирцев к былине «Садко» (НБ, с. 413—414). Между тем уже другие участники экспедиции 1946 г. Н. М. Алексеев и Н. А. Габышев получили достаточно определенные сведения о бытовании этой былины среди русскоустьинцев в качестве заговора от дурной погоды. Будучи на Индигирке летом 1982 г., мы настойчиво опрашивали об этом едва ли не всех пожилых жителей. Так стало ясно, что раньше они использовали былину как заговор для того, чтобы прекратилась пурга или перестал дуть очень сильный, пронизывающий ветер[36]. Наряду с этим индигирцы, что и отметил Т. А. Шуб, избегали петь былину в хорошую погоду, чтобы пением не вызвать пургу или ветер. Таким образом, исполнение былины «Садко» на Индигирке ограничивалось и сводилось к случаю, который сами жители могли посчитать удобным. Собиратели, записывавшие былину в 1946 г., к сожалению, не оставили описания обстоятельств, при которых им удалось получить тексты. Нам же в 1982 г. никто из старожилов не пожелал хотя бы пересказать текст, несмотря на то, что все опрошенные слышали пение былины.

Полагаем, что фрагментарность индигирских записей былины «Садко» нельзя объяснить одной забывчивостью исполнителей. При их исполнении, по-видимому, срабатывало то же правило, какое работает при нежелании знахаря передать заговор: достаточно неточно, хотя бы опустив одно-два слова, передавать текст, чтобы он не имел силы у воспринимающего, но сохранял действенность у того, кто был вынужден против своей воли сказать текст.

87. Садко. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 16—16об.; копия с некоторыми отличиями — Там же, ед. хр. 769, л. 37об. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 231—232; Сил., № 115. Записал Н. М. Алексеев 24. 04 1946 г. от П. Н. Черемкиной в м. Якутское Жило на Средней протоке нижней Индигирки. Многоточиями отмечены пропуски.

88. Невольники на море. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, л. 59. Записал Н. А. Габышев 15. 04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки.

В пределах русской фольклорной традиции текст, по-видимому, уникален. Ему несколько близка украинская дума «Плач невольников на турецком судне», которую изредка записывали на Слободской Украине[37], однако генетическая связь между индигирской балладой и украинской думой не просматривается. Мотивом помощи Миколая-чудотворца текст перекликается с былиной «Садко», известной сказителю, но не записанной собирателем.

89. Сдунай и его жена. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву от 15. 07 1853 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 108об. — 109об. С заметными отличиями текст печатался: Гул. 1952, № 23; Сид., № 23. Текст ранее издавался в редакции С. И. Гуляева: ПОНЯС, с. 166—167; Кир., вып. 3, с. 56—58; Гул. 1939, № 32. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе. В старых изданиях текст отнесен к репертуару Епанешникова, но в письме собирателя нет упоминания имени исполнителя. Собиратель озаглавил текст народным названием эпической песни: «Старина». Он не пожелал полностью переписать типическое место и после ст. 56 вместо этого написал «и т. д.». Запись несомненно сделана под диктовку и довольно небрежно.

Большинство северно-русских вариантов былины о Дунае содержит контаминацию двух сюжетов: 1) Дунай добывает жену для князя Владимира; 2) Дунай добывает жену для себя и, повздорив с нею, губит ее, а затем и себя. Эта контаминация сложилась, наверное, еще до поры массовых миграций русских на европейский Север, поскольку схожие контаминированные тексты находили в обеих частях Русского Севера. Наряду с ними там фиксировали и бытование порознь обоих сюжетов: чаще сюжета «Дунай-сват (Женитьба князя Владимира)», значительно реже — сюжета «Дунай и его жена». Если фиксацию сюжета «Дунай-сват» в виде самостоятельного произведения зачастую можно объяснить тем, что тот или иной сказитель по каким-то причинам

---

[35] Не вполне точно и сообщение, относящееся к 1952 г.: Гурвич, с. 37.

[36] Подробнее об этом см.: *Смирнов Ю. И.* Былина «Садко» как заклинание от дурной погоды // Фольклор народов РСФСР. — Уфа, 1987.

[37] *Украинские* народные думы / Изд. подгот. Б. П. Кирдан. — М., 1972. — С. 106—113.

не пропевал до конца весь контаминированный текст, то в отношении обеих форм сюжета «Дунай и его жена» этого сказать нельзя. Бытование последних отмечено в западной части Русского Севера: форма «Непра́ и Дон» на Купецком озере, на западе Пудоги, а форма «Дунай и Марья Микулишна» в д. Першла́хта, у истока Кены из Кенозера, и в д. Вра́никовская [38], на среднем течении Кены, левого притока Онеги в ее среднем течении. Обе эти формы сложились достаточно давно, а по отношению к контаминированным текстам о Дунае вполне соответствуют их заключительной части. Не имея возможности разбирать здесь неисследованный вопрос, предшествуют ли эти формы сложению контаминации или, напротив, являются всего лишь ее эволюционными производными, подчеркнем пока то, что бытование этих форм свидетельствует о возможности бытования в прошлом подобных им форм и в других местах Русского Севера.

Основными моментами повествования и даже отдельными деталями сузунская запись похожа на кенскую форму «Дунай и Марья Микулишна» в такой степени, в какой бывают близки тексты соседних локальных традиций. Вместе с тем сузунская запись немного схожа с заключительной частью контаминированных текстов о Дунае, записывавшихся на Ваге, в Шенкурском у., и в низовье Онеги (Кир., вып. 3, с. 52—56, 58—59). Отчество героини сузунского текста — Бродовишна — сразу же заставляет вспомнить былину «Алеша Попович и сестра Бродовичей», бытование которой на Русском Севере не пересекает к западу р. Онегу (ДН и АП, с. 408 и карта 2). В качестве проходных персонажей братья Бродовичи встречаются только в эпических текстах восточной части Русского Севера. Исходя из сказанного, мы склоняемся к тому, чтобы с известной долей гипотетичности отнести происхождение сузунской записи к пограничью западной и восточной частей Русского Севера.

90. Тихий Днепр и Настасья-королевична. Печатается по архиву: Эпов. Записал А. Г. Эпов в 1909 г. в Восточном Забайкалье. С некоторыми отличиями текст печатался: *Сборник* песен Забайкальского казачьего войска. — Чита, 1916. — С. 138—140; Левашов, № 4. Судя по стилю многих выражений (ст. 5, 9, 24—25 и др.) и по небылинному складу большинства стихов, текст несомненно подвергался литературной обработке. Собиратель, по всей вероятности, слышал прозаический пересказ с вкрапленными в него ритмизованными выражениями и счел допустимым переложить его стихами, которые ему представлялись былинными. Ему же, наверное, принадлежит не свойственное русскому эпосу выражение «тихий Днепр». Здесь А. Г. Эпова подвели книжные знания. Он усмотрел алогизм в том, что возле Киева протек от крови одноименного героя Дунай или Дон, и решительно исправил «ошибку», которую упорно повторяли певцы былины о Дунае. А. Г. Эпов не догадывался, как трудно сказителю во время пения произнести слово «Днепр», и не знал, что в подлинных записях эпических песен форма «Днепр» неизменно подменялась более удобными для произношения формами [39].

Если исходить из того, что А. Г. Эпову принадлежит лишь оформление текста, то по основным моментам повествования и немотивированным деталям текст генетически связан с пудожской формой «Непра и Дон», причем он выглядит эволюционным предшественником этой формы, ибо в нем еще не идет речь об образовании двух рек. Формула «Где пала лебедь белая» (ст. 39 и след.) в пределах вариантов былины о Дунае обычна у сказителей западной части Русского Севера, что также определенно указывает на происхождение забайкальского варианта.

91. Иван Гостиный сын. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И.Гуляеву с письмом от 26. 11 1870 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 148об.—149об. Текст печатался с учетом правки С. И. Гуляева прямо на списке и собственной правки издателей: Гул. 1952, № 26; Сид. № 26. Ранее он издавался в последующей редакции С. И. Гуляева: Тих. — Мил., № 55; Гул. 1939, № 26. Записал А. Лазебников в с. Ординском Барнаульского у. Имя исполнителя не названо.

Текст содержит ту же версию былины, которая известна по варианту КД (№ 8) и по записям из Заонежья [40]. Учитывая тот факт, что в XVIII в. Демидовы посылали работных людей со своих уральских заводов на открываемые рудники и заводы Алтая, нетрудно констатировать в этой связи миграцию текста из западной части Русского Севера через Урал на Северный Алтай. По сравнению с иными вариантами той же версии алтайская запись алогична в своей концовке: герой не проскакал от Киева до Чернигова, но получил от князя заклад. В других вариантах той же

---

[38] Запись Н. Изрядновой и Ю. Смирнова в 1962 г. от Устиньи Антоновны Красковой, 89 лет, неграмотной, уроженки соседней деревни.

[39] См.: *Соколов Б. М.* Непра́-река в русском эпосе // Изв. ОРЯС. — Спб., 1912. — Т. XVII, кн. 3.

[40] Обзор всех вариантов былины и их оценка: *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции. — М., 1974. — С. 162—173.

версии конь героя распугивает княжеских жеребцов, из-за чего князь был вынужден отказаться от скачки и отдать заклад (ср. КД, с. 41—42). Поэтому более чем вероятно, что алтайский сказитель почему-то опустил соответствующие сцены в своем тексте.

92. Иван Кулаков. Источник и переиздания: Мил. Изв. ОРЯС, с. 56—58; БН и НЗ, № 91; Сид., № 96. Записал В. Г. Тан-Богораз весной 1895 г. от М. Соковикова на нижней Колыме.

Начало текста (ст. 1—4) — остаток пародии на эпическое описание нападения (ср. КД, № 27, с. 141), которая некогда служила зачином. Но при этом благодаря совпадению имен пародийный персонаж вытеснил из последующего повествования Ивана Гостиного сына, обычного героя этой былины. В остальном текст схож с северно-русскими вариантами былины. Он особенно близок к печорским вариантам по основным ходам повествования, немотивированным деталям и, главное, по краткому, но определенному утверждению, что герой все-таки проскакал в условленный срок путь от Киева до Чернигова и обратно. Вместе с тем в тексте имеется условие скачки, не встречающееся ни в одном варианте из европейской части страны, — князь Владимир ставит об заклад свою племянницу, — отчего скачка героя приобретает характер трудной предбрачной задачи, подобной тем, что нередки в русских волшебных сказках. Ранее, вслед за В. Ф. Миллером мы считали, что это условие скачки — местный домысел: уникальность факта всегда побуждает видеть в нем прежде всего сугубо индивидуальное или локальное явление. Теперь же, поближе познакомившись с эпической традицией на Колыме и убедившись в ее значительном консерватизме, мы думаем иначе. Очень важно также, что для колымского текста обнаружилось подтверждение в виде записи на Анадыре (№ 93). Кроме того, такое условие скачки не противоречит нормам русской эпической традиции. Достаточно вспомнить, что князя Владимира нередко сопровождают племянники и племянницы и что он в целом ряде былин отдает свою племянницу тому или иному персонажу (Соловью Будимировичу, Добрыне, жене Ставра и др.). Этим условием скачки былина об Иване Гостином сыне определенней соотносится с многочисленными южно-славянскими песнями, где ставкой на скачках обычно оказывается женщина (сестра, дочь или жена). Сказанное позволяет думать, что условие скачки в колымско-анадырских текстах органически присуще былине и, следовательно, оно древнее в такой степени, что оба текста в эволюционном плане отражают самый ранний известный этап истории былины об Иване Гостином сыне.

93. Иван Кулаков. Печатается по списку неизвестного лица: ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 118а, л. 13—15. Текст записан неизвестным лицом в 1901 г. в с. Марково на среднем Анадыре, вероятно, от кого-то из обруселых чуванцев. Запись сделана плохо, с утратой эпического размера стихов и с пропусками.

Здесь о зачине-пародии напоминают фамилия героя и ст. 20. Особенностью текста является то, что герой должен привезти из Чернигова золотое кольцо в качестве подтверждения своего пребывания там (ст. 42, 57). Для сравнения укажем, что в печорских вариантах герой должен доставить «ярлык до скору грамотку», а в конце одного из саратовских вариантов говорится о «письме-грамотке».

94. Теща в плену у зятя. Источник: Вас. ИП, с. 176. Записал Н. Ф. Черноков в 1929 г. от А. А. Толстокулаковой, 49 лет, в с. Красноярское Ульяновского р-на Омской обл.

По этнической принадлежности напавших врагов текст мог бы быть отнесен к так называемой «киргизской» версии баллады, известной по записям среди оренбургских казаков и на Урале (указания на вар.: ИП XIII—XVI, с. 628—629), однако он схож своим началом (ст. 1—3) лишь с одним оренбургским вариантом этой версии, а также с одним екатеринбургским вариантом, представляющим смешанную «татарско-турецкую» версию (ИП XIII—XVI, № 33). В остальных же деталях текст заметно отличается от названных выше записей и совпадает только еще с двумя омскими же вариантами (Доп. к Перечню, № 1—2), с которыми и образует особую «киргизскую» версию. Ее сложение определялось реальными событиями XVII и особенно XVIII в. на юге Западной Сибири [41]. Они нередко подкрепляли содержание баллады и способствовали ее актуализации. Так, например, «в 1763 г. следовал через нынешние Змеиногорский и Бийский округа бухарский торговый караван. В числе женщин, бывших при караване, одна крестьянка опознала свою, плененную в малолетстве дочь, теперь уже взрослую, говорившую по-татарски и одетую в татарское платье» [42].

---

[41] См. об этом: Вас. ИП, с. 177; *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. — Томск, 1898. — С. 69—77.

[42] *Беликов Д. Н.* Указ. соч. — С. 77. См. также «Историю одной казачки»: Герасимов, с. 7—8.

95. Теща в плену у зятя. Источник: Селюкова, с. 62—63. Записала Т. А. Селюкова в 1961 г. от И. Н. Налетовой в пос. Нижнеколымск. Текст заметно стяжен, в нем имеются пропуски.

Он относится к довольно поздней «турецкой» версии баллады (указания на вар.: ИП XIII—XVI, с. 628), но непохож почти на все варианты этой версии. Концовкой (ст. 11—15) он совпадает с одной из «татарских» версий баллады, дважды фиксировавшейся к югу от Москвы (см., например, Кир., вып. 7, Прил., с. 197—199, Тульской губ.) и однажды — на Мезени.

Все нижнеколымские варианты баллады [43] образуют одну «турецкую» версию, несомненно позднюю в эволюционном плане.

96. Теща в плену у зятя. Печатается по расшифровке собирателя. Магнитофонная запись И. А. Бродского-Богданова в 1973 г. от А. И. Протопоповой, 61 года, в пос. Нижнеколымск.

Две записи баллады (№ 96, 97) — близкие мелодические варианты одного напева. Они являются уникальными местными образцами (акцентная ритмика, сопряженная с тоническим стихом, в отличие от силлабики, наиболее типичной для большинства известных записей баллады). Особенность слогоритмического периода — контраст двух ритмических формул: равномерный восьмидольный зачин и завершающий диямб, в котором вдвое увеличена счетная единица. Подобная структура встречается в эпических напевах Индигирки и Колымы (см. № 110а, версия без смены счетной единицы — № 156а; 192, 2-я строка; 237, 2-я строка; А, 1-я строка). Диямбическое завершение строки с двукратным удлинением моры при равномерном произнесении слогов в начале стиха с иным общим временным показателем находим в песнях казаков-некрасовцев (Сотников, с. 7). Мелодическое сходство сближает данный напев с № 145а.

97. Теща в плену у зятя. КМФ, № 15761. Печатается по расшифровке собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской летом 1982 г. от Февралины Алексеевны Санталовой, 53 лет, в пос. Анюйск Билибинского р-на Магаданской обл., близ впадения правого притока Анюя в Колыму, примерно в 40 км от Нижнеколымска. (См. примеч. к № 96). Попытка собирательницы побудить певицу рассказать что-либо в дополнение к песне привела лишь к тому, что певица стала своими словами пересказывать песню. Следовательно, она не слышала созвучных песне преданий и непричастна к созданию местной версии баллады на основе «турецкой» (ср. № 95, 96).

Заимка Погромная находилась на левом берегу Колымы, примерно в 3 км ниже Нижнеколымска. Ее название, как и названия ряда других урочищ и речек (Убиенная, Кровавая, Дуванное и др.), местные жители связывают с порою военных столкновений с чукчами. Как известно, около 1770 г. русские были вынуждены сжечь острог на Анадыре и отойти на Колыму и на побережье Охотского моря. После этого почти полвека Колыма оставалась пограничной рекой, где происходили столкновения. Местные предания о них, кажется, первым услышал (но не записал!) Ф. П. Врангель, побывавший здесь в 1820—1824 гг.[44] И. Шкловский утверждал, что в 1891 г. он даже «видел 95-летнюю старуху, которая помнила еще последнее чукотское нападение» [45] и поместил в своих книгах две разные версии предания, одна из которых привязана к Погромной: «Здесь сто лет тому назад русские потерпели жестокое поражение от чукчей, явившихся внезапно мстить за разгром их лагеря. Молодые русские промышленники были тут заколоты почти все, молодых женщин победители увели в плен» [46]. Почти одновременно с И. Шкловским предания о нападениях чукчей на русских и юкагиров записал В. Г. Богораз, причем в одной из записей тоже названо время — сто лет назад [47]. Подобные же предания слышал на нижней Колыме осенью 1940 г. якутский фольклорист С. И. Боло и изложил их своими словами в полевой тетради [48]. Наконец в год записи публикуемой баллады автору этих строк удалось записать в Походске несколько преданий о нападениях «саягов» (шалагов), которых рассказчики считали чукотским племенем. Все это подтверждает естественный характер сложения «чукотской» версии баллады — редкой на Колыме попытки местной адаптации традиционного эпического произведения.

Запись включена в пластинку.

---

[43] Помимо публикуемых здесь, см. Перечень, № 49.

[44] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. . . — М., 1948. — С. 310.

[45] *Дионео.* Указ. соч. — С. 26. В другой его книге возраст старухи равен 92 годам: *Шкловский И.* Указ. соч. — С. 99—100.

[46] *Дионео.* Указ. соч. — С. 116.

[47] *Богораз В. Г.* О принятии чукоч в русское подданство // ЖС. — 1902. — Вып. 2. — С. 148, 161—164.

[48] АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 444, л. 73—78об.

98. Девушка бежит из плена. Источник и переиздания: Потанин, с. 92—93; Гул. 1939, Прил., с. 148—149; ИП XIII—XVI, № 19. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. от казака Дьякова в ст. Бухтарма на верхнем Иртыше. В примечании к балладе собиратель сообщил: песня «известна по всему Иртышу до Семипалатинска. Конец этой песни, как говорят казаки, забыт, и один певец добавил мне от себя, что перевощичек бросился спасать девицу, вытащил мертвую и тогда только узнал, что это была его родная сестра» (Потанин, с. 93). Это добавление «одного певца» уникально, его нигде не подтвердили последующие записи баллады.

Наиболее близкие варианты к бухтарминскому тексту фиксировали в Поволжье — в Симбирской и Саратовской губ. Немотивированное упоминание «мордовича» (ст. 35), по-видимому, также указывает на происхождение текста из Поволжья. За исключением Бухтармы в иных местах Сибири эту балладу не записывали. Зато там нередко и в разных поселениях вплоть до Анадыря бытовала поздняя лирическая форма «Заблудившаяся девушка выходит на берег и кличет перевозчика» [49]. По всей вероятности, она кое-где подменяла и вытесняла старинную балладу.

99. Полонянин. Печатается по беловой рукописи С. И. Гуляева: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 72. С незначительными изменениями, внесенными С. И. Гуляевым, текст печатался: Гул. 1939, № 18; Гул. 1952, № 49; ИП XIII—XVI; № 21. Паспортных сведений в рукописи нет.

В целом текст уникален. Вместе с тем его ст. 9—18 тождественны эпизоду из былин о татарском нашествии, описывающему, как враги ведут захваченного в плен героя (например, Илью Муромца). Это побуждает предполагать, что у текста имелось продолжение, которое было забыто исполнителем и подменено обещанием Сироточки спеть песню о Соколе-корабле, возможно, заимствованным из редкой песни, бытовавшей, кажется, только среди донских казаков [50]. Сходные стихи о Соколе-корабле, впрочем, имеются также в начале уникальной песни «Солдаты на корабле» из рукописного песенника XVIII в., составленного, по-видимому, в Верхнем Поволжье (ИП XVIII, № 471). Обещание Сироточки спеть стало концовкой, благодаря которой фрагмент (видимо, начало) текста превратился в отдельное произведение.

100. Девушка с дувана досталась молодцу. Печатается по беловой рукописи С. И. Гуляева: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 72об. С незначительными изменениями, сделанными С. И. Гуляевым, текст печатался: Гул. 1939, № 19; Гул. 1952, № 51. Паспортных сведений в рукописи нет.

Сходные баллады записывали среди терских, астраханских и оренбургских казаков. Кроме того, песню фиксировали только на Нижегородчине, где ее в качестве концовки присоединили к тексту «Казаки собираются в круг» (ИП XIII—XVI, № 324). Принадлежность текста к казачьему репертуару подтверждается и упоминанием в нем Дона (ст. 1—2). Ранее в текстах о разделе добычи, наверное, фигурировали не казаки, а эпические противники.

101. Михайло Казарятин. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 32—35. Ранее текст печатался в последующей редакции С. И. Гуляева: Тих. — Мил., № 41; Гул. 1939, № 7. Он также публиковался в собственной редакции издателей: Гул. 1952, № 16; Сид., № 16. Записал С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына. В примечании к беловому списку собиратель написал: «Михайло Казарятин, — говорил старик Тупицын, поясняя былину, — [51] ездил поленичать 20 [52] лет, а без него татары увезли сестру, о чем он не знал. Она осталась 7-и лет. . . Но в былине об. . . [52] не пелось, а только рассказывалось» (Там же, л. 35).

Былину «Казарин» находили только в Поморье, на побережье Белого моря, и в восточной части Русского Севера, и уже поэтому вопрос о происхождении текста Л. Г. Тупицына можно было бы считать совершенно ясным. Однако сам характер текста вынуждает не ограничиваться такой констатацией. Более других к нему близок вариант КД (№ 22), вместе с которым он и образует особую версию, заметно отличающуюся от северно-русских. Сравнение текста Л. Г. Тупицына с вариантом КД, осложненного задачей князя Владимира Казарину, но утратившего некоторые моменты повествования, показывает, что в эволюционном плане он несколько старше варианта КД. Эволюционные произведения версии типа урало-алтайской иногда находили на Пинеге (см., например, БРМЭ, № 19, 23а). Другие северно-русские версии, непомерно развившие мотивировки, призванные раскрыть отношения Казарина с членами его семьи, выглядят совсем поздними:

---

[49] См., например: Плотников 1909, с. 40; Анучин, с. 90; Тунк., № 161; Прибайк., с. 138, 350; Шишков, с. 109.

[50] *Русские* народные песни о крестьянских войнах и восстаниях / Сост. Б. М. Добровольский, А. Д. Соймонов; Общ. ред. и вступ. статья А. Н. Лозановой. — М.; Л., 1958, № 13.

[51] Неразборчиво.

[52] Неразборчиво.

былина стала неотъемлемой частью женского репертуара, а певицы непроизвольно и вполне естественно для себя сместили акцент былины с богатырской темы на семейные отношения.

Считая текст Л. Г. Тупицына самым ранним в эволюционном плане, мы не можем не заметить, что даже он не избежал влияния других эпических песен. В настойчивом упоминании того, что отец героя — «поп церкви соборныя» (ст. 5, 126, 151), встречающемся только у Л. Г. Тупицына, видно перенесение из былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», где в этом звании неизменно выступает отец Алеши. Описание выезда Казарятина (ст. 1—30), очевидно, заимствовано из былины о Дюке Степановиче (ср. выше № 31—33) и, судя по деталям описания, довольно давно, так что выезд стал органической частью текста, о чем напоминает и вариант КД, начинающийся со сходного выезда героя.

102. Девушка сидит среди татар. Источник: Шишков, с. 106—107. Записал В. Я. Шишков в 1911 г. от А. Г. Юрьевой, 70 лет, в верховье Нижней Тунгуски, в д. Оськино Преображенской вол. Киренского у. Иркутской губ. (ныне Ербогачевский р-н Иркутской обл.). Песня названа «проголосной», т. е. протяжно поющейся.

В тексте бросается в глаза своеобразный алогизм: к девушке, окруженной татарами, один за другим приезжают три ее брата и вместо того, чтобы биться с татарами и освободить сестру, произносят речи, подобные тем, что в былине о Казарине произносят именно татары. Такой алогизм встречается в украинских и белорусских песнях о похищениях татарами девушки (жены), где отец или муж разговаривает с похищенной, а татары не слышат их диалога. Эта перекличка текста с песнями украинцев и белорусов, по-видимому, не случайна. Известно, что в 1643 г. несколько «ссыльных черкас», среди которых числился и некий Юрьев, было отправлено в район Киренска [53]. Фамилия Юрьев затем постоянно встречается в деловых бумагах XVII—XVIII вв. В связи с этим уместно предположить, что этот уникальный в русской фольклорной традиции текст не что иное как русская калька украинского по происхождению текста, генетически родственного былине о Казарине.

103. Девушка сидит среди разбойников. Источник: Шишков, с. 112. Записал В. Я. Шишков от той же певицы, что спела предыдущую песню (№ 102). Текст явно состоит из начальных фрагментов двух произведений (ст. 1—6 и 7—15). Первый из них — это, похоже, отрывок из казачьей песни о каком-то событии, случившемся, скажем, на Каспийском море. Второй фрагмент перекликается с № 102, но вполне возможно, что за сходным началом следовало совсем иное продолжение. Неопытный собиратель, по-видимому, даже не пытался узнать последующее содержание. Между тем прямые аналоги обоих фрагментов нам найти не удалось.

104. Алеша Попович освобождает свою сестру. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 15. 07 1853 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 107об. — 108об. С небольшими отличиями текст печатался: Гул. 1952, № 15; Пропп — Путилов, с. 267—269; Сид., № 15. Ранее текст издавался в редакции С. И. Гуляева, сохранившейся в алтайском архиве (Там же, л. 78—79об.): ПОНЯС, с. 167—170; Кир., вып. 2, с. 80—82; Гул. 1939, № 31; ДН и АП, № 55. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе (Алтай). Текст прислан без надлежащих сведений, поэтому отнесение его к репертуару Епанешникова нужно считать условным. Он записан под диктовку, с неизбежными при этом сбоями в стихах. О тексте: ДН и АП, с. 412—413.

Судя по упоминанию степи Саратовской и речки Саратовки, текст бытовал в Поволжье, прежде чем попал на Алтай. В некоторых местах Поволжья (Уфимская губ.) фиксировались и другие попытки певцов подменять Алешей Поповичем менее популярные персонажи (ДН и АП, с. 411—412).

На этот сюжет сузунский текст оказался единственным подлинно фольклорным. С 1870-х гг. он был включен в состав сводных произведений об Алеше Поповиче, помещавшихся в популярные издания былин [54], и благодаря этому получил второе фольклорное рождение: усвоив его через книгу, некоторые сказители Русского Севера исполняли его обычно как обязательную часть сводного же произведения об Алеше Поповиче.

105. Братья-разбойники и сестра. Источник и переиздания: Потанин, с. 94—95; Соб. I, № 181; Гул. 1939, Прил., с. 149—150. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. в ст. Бухтарма на верхнем Иртыше.

Баллада о Моряночке получила распространение в европейской части страны почти повсюду и при этом нередко приобретала определенные локальные признаки. Этого нельзя сказать о сибир-

---

[53] *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. I. — С. 240, 242, 243.

[54] *Астахова А. М.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. — М.; Л., 1962. — С. 52—55, 63—65; ДН и АП, с. 412—413.

ских вариантах баллады, почти не содержащих локальных особенностей, которые роднили бы их с текстами из европейской части страны. Сибирские варианты, возможно, утрачивали их в ходе бытования на новом месте.

Публикуемый бухтарминский вариант баллады, пожалуй, более всего схож с саратовскими записями (Соб. I, № 190, 192), а также с вариантами, записанными от астраханских и оренбургских казаков.

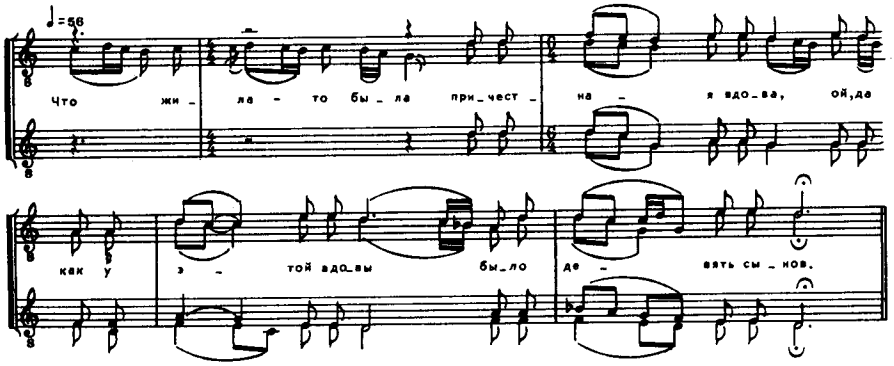
106. Братья-разбойники и сестра. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись М. П. Татаринцевой в 1972 г. от П. Г. Афанасьевой, 62 лет, проживающей в Туве с 1917 г., в с. Бай-Хаак Тандинского р-на ТувАССР. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым.

Только в северно-русских вариантах баллады говорится о путешествии Моряночки с семьей на корабле. Этой деталью (ст. 7, 10) тувинская запись перекликается к ними. Однако в ней отсутствуют другие подробности, которые позволяли бы сблизить тувинскую запись с конкретной версией баллады какого-то определенного района Русского Севера.

Напев типичен для песен-баллад, прежде всего южных и центральных областей России, в частности для многих вариантов баллады «Про татарский полон (Теща в плену у зятя)». Сходные напевы нередко встречаются в бытовых песнях донских казаков, казаков-некрасовцев, а также на Украине (Сотников, с. 30; см. также Шент., с. 121—129).

В юго-западном и южном регионе Сибири напев традиционно был связан с повествовательными песнями (в том числе и того же сюжета), что подтверждается записью № 240 (сокращенный мелодический вариант) и многоголосным вариантом с Алтая (запись и нотация В. М. Щурова, с. Тулота Чарышского р-на, 1966 г. КНМ МГК, ф. 2342, н. 917).

Нотный пример II

Возможно, под влиянием традиции сольных запевов в казачьем ансамблевом пении исполнительница превращает начало каждой строфы (начиная со второй) во взволнованно-декламационный, ритмически свободный зачин.

107. Братья-разбойники и сестра. Источник: Пруссак, с. 40—41. Записала А. В. Пруссак летом 1914 г. на верхней Ангаре, в с. Суховское, примерно в 40 км ниже Иркутска (ныне Иркутский р-н и обл.).

Судя по немотивированному упоминанию Углика (Углича), текст, вероятно, восходит к традиции Верхнего Поволжья, где, насколько нам известно, аналогичные варианты не записывались.

108. Федор Кольщатой и Софья-волшебница. Источник и переиздание: Зензинов, с. 220—221; Сид., № 98. Эту «буль» (быль) записал В. М. Зензинов в 1912 г.. в Русском Устье от Киприана Рожина из м. Осколково на Русской протоке нижней Индигирки. Сбои в стихах неоспоримо свидетельствуют о записи под диктовку.

Бытование этой баллады (№ 108—111) отмечено только на Индигирке. Ближайшую к ней параллель «Иван Дудорович и Софья Волховична», генетически более раннюю и более близкую к южно-славянским формам, изредка находили на Терском берегу Белого моря (ДН и АП, с. 408). С ней также близки среднерусская по происхождению былина «Алеша Попович и сестра Бродовичей» и новгородская былина «Хотен Блудович».

Имя главного героя, наверное, идет от родовитой фамилии Колычевых. Известно, что в XVI в. жило по меньшей мере три Федора Колычева [55]. Самый знаменитый из них, ставший соловецким игуменом Филиппом, а затем даже митрополитом, был задушен Малютой Скуратовым в Твери в 1569 г. Пока что невозможно отгадать, какие ассоциации побудили певцов включить в текст имя и фамилию лиц, в судьбе которых нельзя найти ничего похожего на судьбу героя баллады. Закрепление за героем имени и фамилии исторических лиц — безусловно знак того, что произведение сохранило их по меньшей мере с конца XVI в. Следовательно, к тому времени баллада уже существовала, ибо сюжет любой былины или баллады всегда старше содержащихся в ней имен.

109. Федор Колыческой и Софья Волховнишна. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 11—11об. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 233—234; Сид., № 117. Записал Н. А. Габышев 07. 04 1946 г. от Ивана Николаевича Чикачева, 36 лет, в пос. Полярный на Русской протоке нижней Индигирки. Текст записан под диктовку и с пропусками, отмеченными многоточиями. Ст. 33 и 36—37 исполнитель перенес из баллады о князе Волхонском и ключнике, которую записывали на Индигирке (см. № 145—146).

110. Федор Колыческой и Мельфа-Софья Волховница. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 02. 07 1982 г. от Е. С. Киселева в м. Федеровское на Русской протоке нижней Индигирки. Сказитель перенял текст у отца, от которого в 1946 г. его не записывали. Он не помнит, где и у кого происходил пир. По его мнению, «копья борзуменския — с менной насечкой [56], здоровые, на медведя», т. е. такие, какими еще совсем недавно пользовались русскоустьинцы. Когда же собиратель обратил внимание Е. С. Киселева но то, что в тексте и шляпа тоже «бурзоменская» (ст. 23), сказитель ответил: «Так пели, не ланно, а пели». Он сказывал текст привычными ритмизованными кусочками, как стихи, даже слегка растягивал последнее слово каждого стиха. Прозаические же переходы произносил отрывисто, словно пояснения к тому, о чем стихами не сказано.

110а. Федор Колыческой и Мельфа-Софья Волховница. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в январе 1985 г. от Е. С. Киселева. Об этой и других повторных записях от Е. С. Киселева см. также Перечень, № 52, 53. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым.

Запись баллады с напевом публикуется впервые. Ритмическая структура однострочного сказительного напева типична для эпической традиции Индигирки и Колымы (см. примеч. к № 96 и 97). Особенность данного образца — постоянная задержка на втором слоге стиха к расширению анакрузы, связанное с зачинным возгласом «ой, да».

Восходящее глиссандо в зачине, выделение предельно низким звуком последнего ударного слога усиливают экспрессивность исполнения, что созвучно трагическому содержанию баллады. Индивидуальные исполнительские штрихи придают своеобразие напеву, родственному политекстовому напеву из сборника КД (№ 8, 16—19, 23, 26, 27, 58), а также № 62 наст. изд.

Запись включена в пластинку.

111. Софья Волховна. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 2. ед. хр. 446, л. 25—26. Записал С. И. Боло (Якутск) 04.11 1940 г. от П. Н. Новгородова в пос. Походск на нижней Колыме. За два года до записи исполнитель с семьей переселился в Походск с Колымской протоки Индигирки. Запись сделана под диктовку. Зная о памятливости исполнителя и судя по стяженному характеру текста, полагаем, что он просто не хотел даже диктовать текст.

Наши попытки в 1982 г. подтвердить бытование баллады в Походске не увенчались успехом. Походчане уверяли, что они и не слышали ее. По-видимому, баллада там так и не вышла за пределы семьи Новгородовых. О записи пересказа баллады от дочери исполнителя см. Перечень № 51.

112. Девушка запускает молодца в город. Печатается по полевой записи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 74—76об. Судя по раздельному написанию букв, к которому С. И. Гуляев прибегал при скорописи, по беглому почерку, частому употреблению союза «и» в начале стихов и по сбоям в стихах, рукопись скорее всего представляет собой непосредственную запись под диктовку. Поскольку текст помещен в группе произведений, где начальные и конечные определенно записаны от Л. Г. Тупицына, то вполне вероятно, что и эта запись сделана от него же.

В европейской части страны эту балладу в разных версиях обнаруживали преимущественно в Поволжье, среди донских, терских и оренбургских казаков. Алтайский же текст похож, особенно началом, на стяженный тульский вариант (Кир., вып. 5, с. 172), а привязкой события к Киеву

---

[55] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. — М., 1963. — Кн. III, т. 6. — С. 556—557; Кн. IV, т. 7. — С. 14, 293.

[56] С медным, а точнее, металлическим наконечником.

он совпадает с менее сходным донским вариантом. Эту привязку мог сделать и сам певец, знающий былины.

113. Угрозы девушки молодцу. Источник: Мак. ЖС 1907, вып. 4, с. 89—90. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от Феклы Кокориной на средней Ангаре, в с. Кежма (ныне райцентр Красноярского края). Собиратель отметил, что песня «поется в Кежемской и Пинчугской волостях». Концовка текста отсутствует по причинам, не указанным собирателем.

Эту балладу (№ 113—116) редко записывали в европейской части страны. Ее находили главным образом в Поволжье и в местах к югу от Москвы, причем в версиях, как правило, отличающихся от тех, что бытовали в Сибири. Публикуемый текст № 113 приобрел черты раннего «жестокого» романса. Его бытование в Кежме подтверждается записями, сделанными 80 лет спустя (Перечень, № 54, 55). Сходный вариант был записан на восточном побережье Байкала (Перечень, № 56).

114. Угрозы девушки молодцу. Источник и переиздание: Потанин, с. 91—92; Соб. I, № 160. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. в одном из казачьих поселений на верхнем Иртыше.

Судя по упоминанию Казани и Астрахани (ст. 1, 4) и другим деталям, текст бытовал в Поволжье (ср. Соб. I, № 155, 158), прежде чем попал на Иртыш.

115. Маринка-волшебница. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 1, л. 16об. Записал Н. А. Габышев 17. 04 1946 г. от С. П. Киселева в Русском Устье на Индигирке. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 358.

В тексте соединены фрагменты двух произведений. В первом из них (ст. 1—11) без труда опознается отрывок баллады «Угрозы девушки молодцу», однако здесь, в отличие от всех известных вариантов баллады, угрозы воплощены в действительность. Концовка текста заимствована из соответствующего эпизода былины «Добрыня и Маринка», которую на Индигирке не записывали. Опытный собиратель в таких случаях попытался бы растревожить память исполнителя и его земляков ради того, чтобы получить неконтаминированные записи обоих текстов.

116. Угрозы девушки молодцу. Источник: Богораз, № 103. Записал В. Г. Богораз примерно в 1895 г. от Матрены Кондаковой в Нижнеколымске. Собиратель не объяснил, почему ст. 2 он поместил в квадратные скобки.

Текст выделяется в качестве особой версии по сравнению с другими вариантами баллады. В нем, по существу, прочно слились две песни: 1) мотивы баллады об угрозах девушки; 2) песня, обыгрывающая формулу невозможного. Примечателен параллелизм в превращении невозможного в возможное: молодец связывает с этим превращением свое возвращение к девушке, а та — с его гибелью, если молодец сам не вернется к ней.

117. Муж-разбойник. Источник и переиздания: Потанин, с. 92; Соб. I, № 209; Гул. 1939, Прил., с. 148. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. в одном из казачьих поселений на верхнем Иртыше. Текст стяжен, после ст. 2 и 11 в нем имеются пропуски. По сравнению с другими сибирскими вариантами этой былины его стиховой размер ближе к эпическому, нежели к песенным формам.

Многочисленные и довольно пестрые варианты этой былины, записанные в европейской части, можно свести к двум основным группам версий. В первой из них разбойник убивает своего шурина: эта группа версий, в эволюционном отношении более ранняя и вполне соотносимая с инославянскими формами, была распространена почти повсюду. Во второй, эволюционно более поздней группе версий разбойник убивает всю семью (или мать) своей жены — эти версии встречались только в Поволжье. Публикуемый текст № 117 относится к первой группе версий. Отсутствие в нем немотивированных деталей не позволяет сблизить текст с какой-либо конкретной версией из европейской части страны.

118. Муж-разбойник. Источник: Анучин, с. 91. Записал учитель И. Тыжнов в 1905 г. на нижней Ангаре, в д. Кондратьево Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ. Запись сделана под диктовку.

Текст относится к первой группе версий баллады. Похожие на него варианты иногда записывали в районе Вятки и в Поволжье.

119. Муж-разбойник. Источник: Виноградов, с. 360. Записал Г. Виноградов в начале XX в. от крестьянки Е. А. Виноградовой, 60 лет, в с. Тулун Нижнеудинского у. Иркутской губ. Текст переняла у своего дедушки. Текст записан под диктовку, с пропусками, отмеченными многоточиями, с утратой повторов, которые здесь обозначены квадратными скобками.

Текст представляет собой контаминацию двух баллад: «Муж-разбойник» и «Муж жену губил». Только в нем разбойник губит сестру своей жены, — видимо, это след поволжской версии баллады, в которой разбойник губит отца, мать, сестру и брата своей жены (ср. Соб. I, № 205, 213). Благодаря контаминации получилось, что разбойник затем погубил и свою жену. Таким продол-

жением текст типологически перекликается с западно-украинскими и словацкими версиями баллады «Муж-разбойник», где разбойник убивает свою жену после того, как он подслушал ее осуждение разбоя.

120. Сестра зарезала брата. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 1, л. 16. Записал Н. А. Габышев 17.04 1946 г. от С. П. Киселева из м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки. Текст стяжен, после ст. 1 в нем имеется пропуск.

Эту балладу очень редко записывали в Симбирской губ. и на Дону. По отношению к записям в европейской части страны текст представляет собой особую версию. Своим началом он совпадает только с одной симбирской записью [57]. Далее он имеет продолжение, какое не встречается в иных записях. Ст. 8—15 текст перекликается со второй частью известной песни балладного типа «Жена зарезала мужа и держит ответ перед его братьями». В эволюционном плане индигирский текст несомненно старше записей в европейской части страны. Упоминание Шуры (Суры), правого притока Волги в ее среднем течении, определенно указывает на то, что текст бытовал в Поволжье, прежде чем попал на Индигирку.

121. Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца. Печатается по архиву: Эпов. Зписал А. Г. Эпов в 1909 г. в Восточном Забайкалье. С некоторыми отличиями текст печатался: *Сборник* песен Забайкальского казачьего войска. — Чита, 1916. — С. 138; Левашов, № 3. Мотив поиска названного брата Ильи Муромца спорадически встречается в произведениях„ как правило посвященных Добрыне. Он изображается как повод для отъезда героя в чистое поле. Этому мотиву иногда предшествует былина о Скимене-звере либо за ним следует собственно былина «Добрыня и Алеша» (см., например, Кир., вып. 2, с. 1—4, 17—18; Тих. — Мил., № 23; ДН и АП, № 59). В составе разных произведений этот мотив фиксировался в западной части Русского Севера, в Москве, Симбирске и Саратове (ДН и АП, с. 419), что указывает на зарождение мотива где-то в средней полосе России.

Забайкальский текст заметно отличается от иных произведений, включающих мотив поиска названого брата. Его начало (ст. 1—3) похоже на очень стяженную вариацию начала былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» (см. № 21 и др.). В нем выступает не один Добрыня, а Добрыня с Алешей. Они названы братьями, однако отпрашиваются ехать у «родной матушки» Алеши (ст. 7). В этом алогизме виден след не вполне завершенного переноса акцента с Добрыни на Алешу, к которому исполнитель, быть может знавший что-то из былины об Алеше и Тугарине, испытывал большую симпатию. Текст оформлен как законченное, не связанное контаминацией произведение. Его оформление, вероятнее всего, произошло уже в Забайкалье. Более всего он похож на укороченные хоровые песни, которые казачья среда создавала из былин, и, очевидно, таковым и был.

122. Отъезд Добрыни. Источник и переиздания: Потанин, с. 97; Тих. — Мил., Прил., с. 279; Гул. 1939, Прил., с. 148; Сид., № 31. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. в одном из казачьих поселений на верхнем Иртыше. Собиратель не оставил сведений о том, знал ли кто из казаков продолжение песни.

Текст — фрагмент начала былины «Добрыня и Алеша», и нельзя исключать, что он оформился в самостоятельную песню уже на Иртыше. Немногие сходные случаи превращения начала былины в отдельное произведение отмечались и в европейской части страны — на Орловщине, у казаков Дона и Оренбуржья (БРМЭ, № 73; БН и НЗ, № 35, 37, 38), там, где былины отмирали, но оставались их фрагменты, оформленные в самостоятельные хоровые песни. Однако и в этих случаях тексты без труда опознаются как отрывки начала былины «Добрыня и Алеша». В отличие от них в иртышском тексте снято имя героя и сжат его наказ жене до одного стиха. Этим текст решительнее порывает с былиной и звучит уже как лироэпическая песня.

123. Добрыня и Алеша (Муж на свадьбе своей жены). Печатается по беловой рукописи собирателя: РО ИРАИ, Р. V, кол. 119, п. 17, л. 3об. — 4. С небольшими отличиями текст печатался: Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 27—29; Сид., № 52. Записал П. Т. Воронов в 1905 г. «со слов», т. е. под диктовку, А. А. Смолиновой в с. Богучаны на нижней Ангаре. После ст. 59 в тексте имеется пропуск.

Текст несомненно восходит к группе версий былины восточной части Русского Севера. Отсутствие мотивировки отъезда Добрыни (обычно формулируемой в былинах Русского Севера в виде определенной задачи князя Владимира) и вставок о делах Добрыни в отъезде, показывает, что богучанский текст в эволюционном отношении — более ранний, чем варианты этой былины, кото-

---

[57] *Собрание* народных песен П. В. Киреевского / Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях; Подгот. текстов, статья и примеч. А. Д. Соймонова. — Л., 1977. — Т. I, № 261.

рые записаны в восточной части Русского Севера (см., например, ДН и АП, № 68—70). Подобные богучанскому, без мотивировок и вставок, варианты иногда находили на Мезени, но они не совпадают с ним по ряду деталей. Поэтому есть основание считать, что на Ангару текст попал из тех мест восточной части Русского Севера (Вага, Пинега и др.), где эту былину почти или совсем не записывали.

124. Добрыня и Алеша. Печатается по беловой рукописи собирателей: ЦГАЛИ, ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 3558, л. 2—4об. Записали учителя супруги К. М. и З. Т. Некóшновы в 1908 г. в д. Выдрино на среднем течении Чуны, левого притока Ангары. При сличении текстов (ср. № 125) становится очевидным, что текст записан от Никандра Михайловича Смолина, о котором упоминается в бумагах собирателей (Там же, л. 39об.), в недописанных изустных сведениях о переселении на Чуну деда Смолиных Саввы с Иркинеевой Заимки в Пинчугской вол. на нижней Ангаре. Это подтверждается и признанием самого сказителя, сообщившего в 1913 г. о том, что «года четыре на тому назад учитель Косенькин» (Константин) записывал от него тексты. Н. М. Смолин несомненно твердо знал свой текст, но в первом случае запись от него сдалана хуже и явно под диктовку.

Его текст не имеет традиционной первой части былины — отъезда Добрыни и сватовства Алеши к его жене. Текст начинается с возвращения Добрыни из чистого поля, чего, по-видимому, не заметили собиратели, ибо они не оставили никаких сведений о том, почему сказитель не пропел традиционного начала. Странным кажется то, что свадьба Алеши происходит в шатре (ст. 56, 68—69), — это, наверное, след вставки, от которой отказался Н. М. Смолин, но которая имеется в тексте его племянника (см. № 126). По сравнению с традиционными вариантами здесь же нет эпизодов узнавания необычно одетого (скоморохом, каликой и др.) или внешне сильно изменившегося Добрыни. Здесь его сразу узнают и мать, и князь Владимир. Даже поднесение Настасье чары с перстнем изображается в тексте не как возможность узнать Добрыню, а как предложение героя Настасье сделать окончательный выбор. В эволюционном плане текст, разумеется, более поздний, чем № 123, но он родствен ему, ибо тоже восходит к традиции восточной части Русского Севера.

125. Добрыня и Алеша. Источник и переиздание: Чеканинский 1915, с. 96—102; Сид., № 61. «Старинку» с голоса записал И. А. Чеканинский в 1913 от Н. М. Смолина, 65 лет, в д. Выдрино на Чуне. Собиратель знал, что его предшественниками были супруги Некошновы (Там же, с. 103, примеч.), и тем не менее не отказался от повторных записей от Смолиных. Его повторные записи, насколько известно, — исключительный случай собирательной практики в дореволюционной Сибири, между тем без них, по существу, нельзя судить, как и что изменяет или не изменяет в своем тексте исполнитель. Повторная запись И. А. Чеканинского со всей очевидностью свидетельствует о том, что Н. М. Смолин относился к числу сказителей, канонически придерживающихся своего текста.

Он спел былину после того, как прослушал текст своего племянника (см. № 126). В передаче собирателя обстоятельства записи выглядели следующим образом: «Вихтур кончил, а Микандра заметил ему: «Ты, Вихтур, хошь и говоришь старинку складно, а она у меня поется другим словом!» И Микандра Михалыч чуть слышно, но ясно выговаривая каждое слово, медленно-медленно запел старинку» (Там же, с. 95).

126. Добрыня и Олеша. Источник и переиздание: Чеканинский 1915, с. 91—95; Сид., № 60. Записал И. А. Чеканинский в 1913 г. от Виктора Мелентьевича Смолина, 50 лет, племянника Н. М. Смолина, в д. Выдрино на Чуне. Исполнитель «рассказывал», т. е. сказывал былину. Отец исполнителя, сумрачный и недоверчивый к чужим людям (от него никому не удалось что-либо записать), так сказал об исполнении старин: «Досельны песни до Христова рождества пелись, когда ешшо богатыри воевали. Нонче уж не поются, разве редко-редко поют их старики на Троицу, а преж зався пели. На спеве-то ети песни слезы вынимают» (Там же, с. 90).

Текст В. И. Смолина в своей основе идентичен тексту его дяди (№ 124, 125), но он осложнен вставкой, навеянной былиной «Казарин» (см. ст. 19—21, 52—55), которую на Ангаре или на Чуне на записывали. Вставка сделана алогично: татары увозят жену Добрыни, а она оказывается не у них, а за свадебным столом Алеши. Подобная вставка о похищении жены Добрыни черногрудым королем встретилась однажды на Пинеге (ДН и АП, № 70 и с. 424—425), однако там ее алогизм несколько смягчен мотивировками, чего не наблюдается в чунском тексте. Собиратель, к сожалению, не оставил сведений об отношении сказителя к истории похищения жены Добрыни, не увязанной со второй частью былины. Сомнительно, чтобы именно В. М. Смолин допустил эту вставку. Ее след виден и в тексте его дяди (см. примеч. к № 124). Проявившееся в виде вставки влияние былины «Казарин» также подтверждает мнение, что тексты Смолиных восходят к традиции восточной части Русского Севера (см. примеч. к № 101).

127. Добрыня и Олеша. Источник и переиздание: Савельев, с. 75—79; Сид., № 57. Записал А. А. Савельев 10.11 1914 г. от Аграфены Тихоновны Безруких, 57 лет, на нижней Ангаре, в д. Ярки Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ.

Собиратель подробно рассказал о своих встречах с А. Т. Безруких в 1914 и 1921 гг. (Савельев, с. 68—70). Эпические тексты от нее он записал благодаря своему любопытству. Уже подружившись со старушкой, он спросил как-то, не слыхала ли она «старинки об Илье Муромце». «Спросил самым бесстрастным тоном, а в душе и страх, и радость одновременно. „Как не слыхала, знаю, только не старинкой это прозыватца, а по-нашему, по-хрестьянски бывальшиной зовется". Помолчала и добавила: „Про Илью Муромца призабыла маленькё, не спою, а вот про Добрыню Никитича могу и спеть, тоже бывальшиной словёт". И спела. А потом добродушно спросила: „Поди писать будешь?" — „Писать, Тихоновна, писать!" — немедленно ответил я. Обе былины были записаны в тот же вечер и дважды прочитаны самой Тихоновне, которая после этого сделала соответствующие переправки, установив таким образом верный, по ее мнению, текст.

„Прадедушко" ее был купцом и занимался торговлею в Енисейске. „Был он большегрампотный, — охарактеризовала его Тихоновна, — бывал в Москве и любил читать книги". Дедушка перешел в мещане и переехал на жительство из Енисейска в д. Ярки. Здесь неудачная торговлишка заставила его перейти на крестьянскую работу, но несмотря на тяжелый труд, он не растерял своих, полученных от отца знаний. Он-то и рассказал ей эти „бывальшины" — про Илью Муромца и про Добрыню Никитича. Знал он и другие бывальщины — про Дуная Ивановича, Святогора, Микулу, да не успел внучке передать их, вскорости умер.

Хотя и не часто приходилось Тихоновне перетряхивать свою память, чтобы вспомнить былину про Добрыню, но тем не менее пропела она, нигде не останавливаясь, без запинки, как говорится, и, только пропевши, уже сказала, что „замешалась" в одном месте и после записи исправила его. „Окроме меня никто и не поет бывальшины, теперь народу глянется больше все эти тараторочки (частушки)"» (Там же, с. 69—70).

Текст А. Т. Безруких близок к нижнеангарским же вариантам из коллекции А. А. Савельева (ДН и АП, № 78—79=Перечень, № 67—68) и имеет аналоги, найденные на Русском Севере (ДН и АП, № 80 и с. 427—428). Судя по немотивированным деталям, он также восходит к традиции восточной части Русского Севера, где в его составе органическими частями уже были женитьба Добрыни и дублирующая ее женитьба Алеши, идущие от начала былины об Иване Годиновиче (ср. № 48). Видимо, из этой последней перенесен и мотив «трех гроз женских» (ст. 228—229).

Трудно сказать, что побуждало ангарских певцов называть Микулу Селяниновича «серебрянником» (ст. 43 и др.). Микула неизменно изображался крестьянином, о чем свидетельствует и его прозвище, между тем слово «серебрянник» еще в XVIII в. употреблялось в значении «мастер, изготавливающий серебряные украшения». Очевидно, что за этим эпитетом скрывались какие-то, быть может, поздние, но все же не дошедшие до нас эпизоды из эпической биографии Микулы.

Формула «А земли я турецкой, отчинки Станиславской» (ст. 179), с помощью которой Добрыня представляется на свадьбе Алеши, в текст проникла скорее всего уже в Сибири. Так мог представляться (или так могли представлять) в шутку или всерьез человек с Западной Украины, наверное, ссыльный. В другом ангарском варианте Добрыня говорит, что он «орды переславской» (ДН и АП, № 78).

Способ расправы Добрыни с женой (ст. 282—283) встречается только в ангарских записях А. А. Савельева. Он противоречит образу вежественного Добрыни, постоянному в эпических песнях Русского Севера, и, вероятно, перенесен в текст откуда-то извне.

Примечательно, что во всех ангарских вариантах Добрыня не называет Алешу крестовым или названым братом, как это обычно звучит в северно-русских вариантах. Это, по-видимому, означает, что такое представление о побратимстве былинных героев сложилось на Русском Севере уже после того, как некоторые его жители переселились в Сибирь.

128. Про Добрыню Микитьевича. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 446, л. 21—22. Записал С. И. Боло (Якутск) 03.11 1940 г. от П. Н. Новгородова в пос. Походск на нижней Колыме. Рассказчик явно без всякой охоты кратко пересказал текст, а собиратель не смог побудить его рассказывать, поэтому запись относится к числу регистрационных. Тем не менее текст представляет определенный интерес, поскольку в иных местах Сибири подобную контаминацию сюжетов о Добрыне не записывали.

Текст содержит сюжеты «Добрыня и Настасья», «Добрыня и змея», «Добрыня и Алеша». Первый из них идет от соответствующего эпизода встречи Ильи Муромца со Свято-

гором (ср. № 161 и след.). Судя по деталям второго и третьего сюжетов, текст восходит к традиции восточной части Русского Севера[58].

129. Девушка приходит на свадьбу милого. Печатается по беловой рукописи, написанной неизвестным лицом, выполнявшим у С. И. Гуляева роль переписчика: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 115—115об. С небольшими отличиями текст печатался в составе прголосных песен: Гул. 1952, с. 287. Паспортных сведений нет.

По сюжету эта песня балладного типа представляет собой антитезу эпическому сюжету «Добрыня и Алеша (Муж на свадьбе своей жены)». В европейской части страны ее записывали так редко, что ареал ее распространения остался неизвестным. Собиратели и исследователи не обращали на нее внимания. Между тем сходные тексты, включая эпические формы, бытовали и у других славянских народов.

130. Ставер Годенович. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 43—46. С некоторыми отличиями текст печатался: Гул. 1952, № 24; Сид., № 24. Ранее текст издавался в последующей редакции С. И. Гуляева: Тих. — Мил., № 56; Гул. 1939, № 5. Записал С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына.

Текст содержит очень редкую версию былины. Согласно ей, Ставер еще не хвастает тем, что его жена может обмануть всех в Киеве, а Василиса Микулишна выступает послом от самой себя, а не послом чужого государя (польского, татарского и др.) и еще не сватает племянницу или дочь князя Владимира. Иными словами, эта версия еще не осложнена добавками и даже вставками-перенесениями из других эпических песен. Поэтому ее можно считать более ранней эволюционной формой, чем северно-русские варианты. Бытование этой версии в европейской части страны подтверждается записью в Юрьевском у. Владимирской губ. (БН и НЗ, № 88) и двумя эволюционными производными на Печоре, в восточной части Русского Севера, где, кстати сказать, собиратели почему-то почти на записывали былину о Ставре.

131. Ставер Годинович. Источник и переиздания: Мендельсон, с. 129—131; БН и НЗ, № 87; Сид., № 41; Левашов, № 1. Текст обнаружен в бумагах известного нерчинского купца М. А. Зензинова[59], умершего в 70-х гг. XIX в. Он озаглавлен: «Старина деревни С. . .» Местонахождение этих бумаг, где, по словам Н. Мендельсона, имелась и «масса лирических песен» (только ли их?), неизвестно. Возможно, что архив М. А. Зензинова за ненадобностью был уничтожен наследниками. Поэтому об оригинале текста былины мы можем судить лишь со слов первого издателя.

Текст написан рукой владельца рукописи, но с соблюдением орфографии, для него совсем не характерной. М. А. Зензинов писал статьи на разные темы, и в его грамотности сомневаться не приходится. Между тем список былины своей орфографией свидетельствует о том, что текст писал не вполне грамотный человек. Частицы и предлоги в тексте слиты с соседними глаголами и существительными, многие слова невпопад написаны то со строчной, то с заглавной буквы. Короче, первый издатель, очевидно, прав, утверждая, что список М. А. Зензинова «есть копия с доставленной Зензинову записи». При этом зачин (ст. 1—3) был вписан позже, «по недостатку места мелким и сжатым почерком»; по мнению Н. Мендельсона, зачин был «пропущен» при переписывании. Название деревни первый издатель не сумел прочитать, поскольку чернила выцвели.

Трудно сказать, запись ли это или самозапись неизвестного, не вполне грамотного человека. Однако подчеркнем, что в сравнении с другими дореволюционными записями эпических песен в Сибири нерчинский текст записан на удивление превосходно. Нужно обладать хорошо и с давних пор развитым чувством стиха, чтобы сделать такую естественную запись былины.

По своему характеру текст относится к эволюционным производным той же версии, что и былина Л. Г. Тупицына (№ 130). Самое примечательное эволюционное изменение — это похвальба Ставра умением жены стрелять из лука (ст. 46—47). Этот мотив несомненно перенесен из былины о Дунае и Настасье и подтверждает ее бытование в Забайкалье (ср. № 90). Использовав его, певец должен был в последующем повествовании попытаться обыграть его. И концовка записи (ст. 69—77) как бы развивает следствие включенного мотива, рисуя нетрадиционное появление жены Ставра во дворе князя Владимира и его угрожающую речь. Исчерпались ли этим импровизаторские способности певца или у текста все же имелось продолжение — ответить невозможно.

---

[58] О сходной контаминации, идущей от текстов западной части Русского Севера, см. ДН и АП, с. 394—395.

[59] Судя по косвенным данным, он был дедом В. М. Зензинова, первого и единственного политического ссыльного в Русском Устье на Индигирке, где он, между прочим, записал несколько фольклорных текстов.

132. Князь Михайло. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 08.05 1854 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 8. Текст печатался с учетом правки С. И. Гуляева, внесенной прямо в рукопись: Гул. 1952, № 55. Ранее текст издавался в последующей редакции С. И. Гуляева: Гул. 1939, № 38. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе. В оригинале исполнитель не назван, но в рукописи, отправленной в Петербург, имеется указание на «старика Половникова» (Гул. 1939, с. 180). После ст. 4 и 45 в тексте имеются очевидные пропуски.

Судя по перекличкам отдельных деталей текста с вариантами, записанными на Терском берегу Белого моря, на Ваге и на Пинеге, т. е. в восточной части Русского Севера, текст отражает более раннюю эволюционную форму баллады. Особое внимание привлекает эпизод, описывающий, как поступила свекровь с нерожденным младенцем (ст. 12—18). В других вариантах баллады, которую находили главным образом в Центральной России и в восточной части Русского Севера, этот эпизод в такой форме не встречается.

В рукописи С. И. Гуляева напев представлен записью одной строфы с аккомпанементом гитарного типа (традиция любительского музицирования XVIII—XIX вв.). Подтекстовка, сделанная неизвестным лицом, неудовлетворительна, подписанные слоги нечетко согласованы с мелодией.

В нашей публикации опущен аккомпанемент, реконструирована подтекстовка с возможным в конце строфы словообрывом, изменена тактировка.

Данный образец отражает своеобразное соединение эпического текста с напевом популярной плясовой песни — явление, распространенное в народно-песенной традиции (см., например, № 237, 241, 243; ПФМ, № 16, 253; Сотников, с. 26; а также свидетельство Гуляева, приведенное в наст. изд.).

133. Сон о рождении сына и смерти жены. Печатается по беловой рукописи неизвестного собирателя, присланной С. И. Гуляеву: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 4об. — 5. Текст под № 8 помещен в рукописи «Русские народные песни», написанной не вполне грамотным человеком, без знаков препинания и без каких-либо паспортных сведений. Рукопись была прислана, по-видимому, из Сузунского завода (см. примеч. к № 78). У взятого из нее текста нет концовки, описывающей возвращение королевича домой.

Выдержанная в старинной эпической форме баллада «Сон о рождении сына и смерти жены», сибирские варианты которой представлены № 133—135, в европейской части страны бытовала среди всех восточных славян, но более всего она популярна среди украинцев. Именно Украина, как мы полагаем, послужила тем исходным районом бытования баллады, откуда ее наверное, не ранее петровской эпохи, переносили в разные места России. Балладу нередко находили в Южной и Центральной России, в Поволжье, однако на Русском Севере, знающем сходную, но иную форму типа «Князь Михайло», эта баллада, судя по редким и поздним фиксациям, почти не привилась. В Сибирь же ее приносили, очевидно, поздние переселенцы.

Публикуемый № 133 своей первой частью отличается от известных вариантов из Европейской России. Немотивированные детали этой части не позволяют сблизить его с каким-либо иным вариантом. Ст. 4—6 напоминают соответствующее описание отъезда разбойника из баллады «Муж-разбойник» (ср. № 117—119), но непохожи на прямую цитату.

134. Сон о рождении сына и смерти жены. КФМ, № 15 736. Печатается по расшифровке собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в июле 1982 г. от Анны Иннокентьевны Винокуровой, 69 лет, в пос. Черский Нижнеколымского р-на ЯАССР. Певица забыла текст, поэтому запись от нее воспроизводит лишь фрагменты первой части баллады. По своему характеру текст, по-видимому, относится к той версии, которую чуть полнее содержит № 135.

Две записи баллады (№ 134 и 135а) — варианты одного напева.

Очевидна его связь с напевами этой баллады, встречающимися на Украине, у некрасовских казаков, в записях из других местностей, а также со многими южно-русскими вариантами баллады «Про татарский полон» (см. Квитка, № 228, 585; Сотников, с. 10; Пальчиков, «Поехал же королюшко», а также Шент., с. 122—123).

Четкость структуры, типичной для других записей этой баллады, выдержана в напеве № 135, силлабический стих — 8 (4+4)+5 — реализован в характерном слогоритмическом периоде, тождественном известной песне «Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет». Исполнительница этого варианта, начиная со второй строфы, последующий текст поет лишь со второй мелодической строкой, превращая исходную двустрочную композицию в однострочную.

В варианте № 134 заметна бо́льшая ритмическая свобода, свойственная сольному сказительскому исполнению — изменения количества слогов и временной протяженности при относительно

стабильных зачинных и заключительных конструкциях. Звук «ч» исполнительница произносит с тенденцией к мягкому «ц».

135. Сон о рождении сына и смерти жены. Печатается по расшифровке собирателя. Магнитофонная запись Э. В. Гунченко в 1965 г. от Ксении Андреевны Сазыкиной, старше 60 лет, в пос. Марково на среднем Анадыре. Текст заметно стяжен, в нем имеются пропуски, концовка отсутствует. Он близок к вариантам, которые записывались в Орловской и Курской губ. (Кир., вып. 7, Прил., с. 21—22, 24—25).

135а. Сон о рождении сына и смерти жены. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в 1967 г. от А. П. Никулиной, 60 лет, в пос. Марково на среднем Анадыре. (См. примеч. к № 134.)

136. Муж губит жену по клевете матери. Печатается по тексту, полученному от М. П. Татаринцевой (Кызыл). Магнитофонная запись Н. М. Моллерова в 1983 г. от Анны Яковлевны Кирюшкиной, 70 лет, в г. Туран ТувАССР.

Текст содержит версию баллады, встречающуюся в Южной и Центральной России, в Поволжье. Более ранние формы этой версии отмечены на юге России (ср., например, Кир., вып. 7. Прил., с. 34—36). Почти идентичен тувинской записи один из саратовских вариантов: *Фольклор* Саратовской области / Сост. Т. М. Акимовой. — Саратов, 1946. — Кн. I. — С. 98.

137. Князь Роман жену терял. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 2, л. 48—48об. Записал Н. А. Габышев 16.04 1946 г. от С. П. Киселева из м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки. Текст записан под диктовку, из-за чего в ряде мест оказались пропущенными повторы, которые здесь помещены в квадратные скобки.

Балладу «Муж жену губил» записывали едва ли не повсюду, чаще, пожалуй, там, где эпическая традиция уже не существовала. В частоте ее записей можно видеть отражение ее огромной популярности, постоянно порождавшей многочисленные версии баллады. Далеко не все версии получали твердое локальное закрепление. Многие поздние версии, едва возникнув, начинали мигрировать вместе со своими носителями, отчего их фиксация вместо определенного ареала дает лишь отдельные пункты в самых разных местах европейской части страны.

Публикуемый текст № 137 довольно близок к одной из ранних, еще вполне эпических форм баллады, варианты которой находили в районе Москвы и Тулы (Кир., вып. 5, с. 100—104), но в отличие от них в индигирском тексте опущен мотив орла, несущего руку убитой жены. На его начале сказалось влияние иной, более поздней формы, которую также записывали в Москве и в ряде других мест (Кир., вып. 5, с. 127; Соб. I, № 110, 111, 118), а это значит, что на Индигирке бытовали по крайней мере две формы баллады. В целом же индигирский текст, подобно варианту КД (№ 51), относится к числу эволюционных производных именно указанной выше среднерусской версии баллады. Сходная и вместе с тем заметно отличающаяся версия бытовала на Муромщине и в восточной части Русского Севера.

138. Муж жену губил. Источник: Плотников 1909, с. 48—49. Записал В. Плотников до 1909 г. на верхнем Иртыше, в одном из поселений Сибирского казачьего войска в районе Павлодара. После ст. 25 в тексте имеется пропуск.

Эту версию баллады со сходным началом находили в Тульской и Орловской губ. (Кир., вып. 5, с. 121—122; вып. 7, Прил., с. 30—32), а ее эволюционные производные — на средней Волге, в Вятской и Пермской губ. По сравнению с иными вариантами этой версии иртышский текст еще сохранил эпическую форму и в эволюционном отношении выглядит несколько более ранним.

139. Муж жену губил. Источник: Анучин, с. 86. Записал учитель И. Тыжнов в 1905 г. на нижней Ангаре, в д. Кондратьево Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ.

Текст с таким началом и концовкой не удалось найти среди многочисленных вариантов из европейской части страны. Баллада сохранила эпический размер, но, по-видимому, уже подчинялась позднему, песенному распеву.

140. Молодец и худая жена. Печатается по полевой записи С. И. Гуляева: ГААК, № 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 73—74. Ранее текст печатался с учетом правки С. И. Гуляева: Гул. 1939, № 22; Гул. 1952, № 54. Публикуемый список по всем признакам (характерная скоропись собирателя с раздельным написанием букв, начальный союз «и» во многих стихах и др.), по нашему мнению, является непосредственной записью текста под диктовку. Собиратель, однако, не отметил, от кого она сделана.

Балладу «Молодец и худая жена» обнаруживали исключительно в западной части Русского Севера. Алтайскому тексту наиболее близки варианты, записанные в Заонежье и на Пудоге. Но если в северно-русских формах сюжет «Молодец и худая жена» служит постоянным обрамлением для описания похождений молодца на чужой стороне, включающих, как правило, сюжет «Молодец

и королевна», а также иногда и другие добавления из иных эпических песен, то алтайский текст свободен от контаминаций и уже поэтому является более ранней формой, чем северно-русские варианты. Именно благодаря алтайской записи становится ясно, что баллада бытовала как самостоятельное произведение, прежде чем на Русском Севере ее стали соединять с другими эпическими песнями. Ст. 29—32, вполне органичные для описываемой ситуации, совпадают со словами, которые в обонежских вариантах былины «Добрыня и Алеша» произносит мать, узнавшая Добрыню (ср. и № 124—126); между тем былину «Добрыня и Алеша» на Алтае не записывали.

141. Чурила и Василиса. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 26.11 1870 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 148—148об. Текст печатался с учетом правки С. И. Гуляева, внесенной прямо в рукопись: Гул. 1952, № 28; Сид., № 28. Ранее текст издавался в редакции С. И. Гуляева: Тих. — Мил., № 45; Гул. 1939, № 27. Записал А. Лазебников в с. Ордынском Барнаульского у. Сведения об исполнителе отсутствуют. Текст несомненно записан под диктовку, в нем имеются пропуски.

Публикуемый текст по своим немотивированным деталям оригинален настолько, что его выделение в виде особой версии былины не вызывает сомнений. На северно-русские формы он похож преимущественно зачином (ст. 1—15) и обещанием Чурилы за молчание одарить девушку-черна-вушку (ст. 16—21). В западной части Русского Севера, точнее, в Заонежье, лишь однажды был записан текст, включающий оба эти мотива, но в составе иной версии (БН и НЗ, № 83=БРМЭ, № 106), тогда как в восточной части Русского Севера тоже местные версии былины с включением обоих мотивов находили почти повсюду, где только записывали былину о Чуриле (Зимний берег Белого моря, Кулой, Мезень, Печора). В отдельных вариантах с Печоры и Зимнего берега тоже упоминается, что Чурила поселился «в задней горнице», где и живет «по-домашнему». Наконец в одном из вариантов с Зимнего берега Бермята прощает Чурилу «во первом греху», а своей жене снимает голову. Созвучие барнаульского текста с непохожими в целом версиями из восточной части Русского Севера позволяет констатировать его родство с ними. Прежде чем его унесли на Алтай, он бытовал, по-видимому, где-то по соседству с местами, в которых были сделаны известные записи былины о Чуриле. В эволюционном плане он старше версий из восточной части Русского Севера, осложненных добавлениями и мотивировками.

142. Чурила и Перемитьиха. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 30.01 1854 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 6об. — 7. Текст печатался с учетом правки С. И. Гуляева, внесенной прямо в рукопись: Гул. 1952, № 27; Сид., № 27. Ранее текст издавался в редакции С. И. Гуляева: ПОНЯС, с. 259—262; Кир., вып. 4, с. 87—90; Гул. 1939, № 33. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе. Человек, продиктовавший былину, в рукописи не назван, поэтому следует считать спорным решительное отнесение текста к репертуару Епанешникова (Гул. 1939, с. 178). Д. П. Соколов довольно небрежно записал текст, игнорируя повторы полустихов, а повторы целых пассажей после ст. 65, 76, 87 он обозначил лишь начальным полустихом пассажа и пометой «и проч.».

Этот текст также содержит особую версию былины о Чуриле. Термины «спичка» (ст. 43) и «грядка» (ст. 56), играющие роль в повествовании, свидетельствуют о его северно-русском происхождении. Описанием следов Чурилы (ст. 8—12) и действиями служанки (ст. 25—31) текст слегка напоминает варианты, записанные в бассейне р. Онеги, в особенности на Кенозере (см., например, Тих. — Мил., № 46); можно предположить, что ранее он бытовал где-то на пограничье между восточной и западной частями Русского Севера.

Только в сузунском тексте четко по строфам дана вторая часть былины (ст. 40—89). Если в северно-русских и даже в барнаульском вариантах жена Бермяты обычно и неизменно ссылается лишь на то, что она получила обнаруживаемые мужем вещи от одного лица (своего брата или батюшки), то здесь она ссылается каждый раз на иного родственника. Эти ее отсылки и строфическое построение соответствующей части текста композиционно очень сходны с поздними обрядовыми и хороводными песнями, содержащими мотив «милый лучше всей родни» (ср. «Только милый снял девушку с камня посреди моря», «Девушка из лесу докликалась только милого», «Танцующая идет домой только по зову милого», «Лен рвать только с милым» и т. п.), и несомненно характеризуют сам текст в эволюционном отношении как более поздний, чем № 141.

Примечательно, что в обоих сибирских текстах, при всех их различиях, муж, обнаружив Чурилу, не убивает его, как это происходит во всех северно-русских вариантах, за исключением одного с Зимнего берега, упомянутого в примеч. к № 141. Внимание привлекают и слова, которые при этом произносит муж:

— Пойди, братец, возьми свое добро,
Ты — званый гость! (№ 141, ст. 80—81)

— До тебя-то мне, Чурило, дела нету-ка,
Мы с тобой, Чурило, побратуемся! (№ 142, ст. 93—94)

В одном из кенозерских вариантов Катерина Микулична встречает Чурилу словами:

— Гости к нам на широкий двор,
Тут ко мне, родимый брат.

Произнеся это, «певец сам заметил, что в этом месте выходит неловко» (Тих. — Мил., с. 165).

Полагаем, что такие немотивированные детали — отголоски предшествующей версии былины, когда ее персонажи еще носили, вероятно, другие имена. Это подтверждается также очень редкими южно-славянскими формами на сюжет «Муж застает у жены любовника», в которых любовника не постигает смерть, хотя в подавляющем большинстве и южно-славянских форм его гибель обязательно происходит. В этих немотивированных деталях, как представляется, виден след той поры брачных отношений у древних славян, когда моногамная семья уже существовала, но соплеменнику мужа («брату») или гостю еще разрешалось вступать в половую связь с женщиной того дома, где чужаку случилось оказаться [60]. Откликаясь на конфликт своего времени, славянская эпическая песня утверждала новое право — право мужа. Принимая эту подоплеку, можно раскрыть и приведенную оговорку кенозерского певца: перенимая текст у своего предшественника, он, видимо, не дослышал — Чурила был «братом», т. е. соплеменником и сверстником мужа Катерины, а не ее самой [61].

143. Князь Волконский и ключник. Источник и переиздания: Потанин, с. 95—96; Шейн. РНП, ч. 26—27; Соб. I, № 26; Гул. 1939, Прил., с. 150—151. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. в одном из казачьих поселений на верхнем Иртыше.

Как предполагают, баллада о князе Волконском [62] сложилась не ранее начала XVIII в. Во многих ее вариантах действие приурочено к Москве, с нередким указанием на улицу, что определенно выглядит изначальным местом действия. Собиратели находили балладу чаще всего в средней полосе России и Поволжье. Все это дает основание считать, что баллада создавалась именно где-то в средней полосе России, быть может, даже в самой Москве. Варианты баллады можно разделить на две группы, не имеющие четкого ареала: на тексты, не испытавшие влияния, и тексты, испытавшие влияние более ранней баллады «Молодец и королевична». В Сибири записывали как те, так и другие. Однако сибирские варианты не имеют прямых аналогов в европейской части страны. Очевидно, версии баллады в европейской части страны оформились позже, после того как балладу в предшествовавших формах унесли за Уральский хребет.

Публикуемый текст № 143 принадлежит к числу вариантов, не испытавших влияния баллады «Молодец и королевична». Его былинный склад свидетельствует прежде всего о бытовании былин в той среде, где была записана баллада. Похвальба князя женой (ст. 4—11) иногда встречается и в вариантах баллады, обнаруженных в европейской части страны (Кир., вып. 5, с. 128—130, 149—151), но в каждом из них она дана по-своему, в непохожей на иртышскую форме. Следовательно, все эти случаи включения мотива похвальбы женой происходили независимо друг от друга, под влиянием бытовавшей в данном месте той или иной эпической песни (былина о Ставре, мотив похвальбы женой в былинах о Добрыне [63], Дюке и др.).

144. Князь Волконский и Ваня-ключник. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 70—71. Текст печатается с учетом правки С. И. Гуляева, внесенной прямо в рукопись: Гул. 1952, № 56. Ранее текст издавался в редакции С. И. Гуляева: Гул. 1939, № 10. В рукописи исполнитель не назван. В издании 1939 г. текст отнесен к репертуару Л. Г. Тупицына.

И в этом тексте тоже, но по-своему использованы элементы былинного стиля:

---

[60] Сходные явления, включая так называемую «гостеприимную проституцию», сохранялись у некоторых народов Сибири и Дальнего Востока еще в начале нашего столетия.

[61] О значении «братьев» и «сестер» в славянских эпических песнях см. ДН и АП, с. 407; НБ, с. 427—429.

[62] Ее не следует смешивать с основанным на ней известным стихотворением В. Крестовского, которое в свою очередь подверглось народной обработке и начиная с 60-х гг. XIX в. получило очень широкое распространение в виде действительно народной песни о Ваньке-ключнике, вытеснявшей из бытования свою предшественницу балладу.

[63] См. Перечень, № 75.

имена князя и княгини, формулы и целые типические места. Песня ключника под гусли (ст. 56—64), наверное, была заимствована в свое время из баллады «Молодец и королевична». Похожие, но не идентичные и, пожалуй, более поздние вариации такой песни встречаются в записях баллады «Молодец и королевична» в бассейне р. Онеги (Кенозеро, Кена) и очень редко в других местах западной части Русского Севера.

Только в публикуемых текстах № 143—144 улица названа Устретенской. В вариантах баллады, записанных в европейской части страны, улица чаще называется Дмитровской, иногда — Успенской.

145. Князь и ключник. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 2, л. 46—47. Записал Н. А. Габышев в 1946 г. от С. П. Киселева из м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки.

Индигирские варианты баллады (№ 145—146), сохраняя в определенной степени эпический стиль, утратили начало и ряд подробностей. Они также восходят к версии, испытавшей влияние баллады «Молодец и королевична», к элементам которой относятся просьба ключника вести его мимо княжеской палаты, песня ключника и способ самоубийства княгини (№ 145, ст. 30—40; № 146, ст. 16—25). Эти элементы в совокупности, но не в идентичной форме, имеются в вариантах баллады «Молодец и королевична», записанных в бассейне р. Онеги. Сходство в этом индигирских, среднеколымских (Перечень, № 91, 92) и одного алтайского варианта (№ 144), наряду с совпадением других отдельных деталей, позволяет предполагать, что они были унесены в Сибирь из мест, находившихся где-то вблизи бассейна р. Онеги.

Только в индигирских вариантах звучит своеобразное сожаление князя по поводу случившегося (№ 145, ст. 42—43; № 146, ст. 27—28).

145а. Князь и ключник. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в январе 1985 г. от Е. С. Киселева в пос. Полярный на нижней Индигирке.

Исполнитель с трудом вспоминал фрагменты поэтического текста, но напев запечатлелся в его памяти более твердо. Достоверность напева, несмотря на фрагментарность исполнения подтверждается некоторым сходством его с нижнеколымскими напевами № 96, 97.

146. Князь Волгинский и ключник. Печатается по беловой рукописи собирателя, АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 769, л. 34—34об. Записал Н. А. Габышев 03.04 1946 г. от Иннокентия Федоровича Голыжинского в пос. Полярный на Русской протоке нижней Индигирки. Текст записан под диктовку, после ст. 15 имеется пропуск.

147. Князь Владимир и Гришутка-ключник. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 26.11 1870 г.; ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 147—147об. Текст печатался с учетом правки С. И. Гуляева, внесенной прямо в рукопись: Гул. 1952, № 57. Ранее он издавался в редакции С. И. Гуляева: Гул. 1939, № 28. Записал А. Лазебников в с. Ординском Барнаульского у. Сведений об исполнителе нет. Записанный под диктовку текст заметно стяжен, в нем имеются пропуски.

Текст уникален как версия. Подобно № 143, 144 он также испытал влияние былин и наряду с ними может быть отнесен к числу индивидуальных обработок традиционных вариантов баллады.

148. Добрыня и Маринка. Источник и переиздание: Пруссак, с. 38—39; Сид., № 71. Записала А. В. Пруссак летом 1914 г. в с. Суховское на верхней Ангаре. Сказитель не назван. Текст записан под диктовку. Он в стяженной форме передает первую часть былины. Вторая часть сказителем забыта, поэтому он решил, что превращенного в тура Добрыню съели волки.

В эволюционном плане текст восходит к версии былины, эволюционные производные которой находили во многих основных районах бытования русского эпоса в европейской части страны. В этой версии повествование еще не осложнено путем введения дополнительного персонажа — любовника Маринки в лице змея (Тугарина Змеевича) и соответствующих эпизодов (ср. КД, № 9), оно еще не связано контаминациями с другими эпическими сюжетами. Ангарский текст наиболее близок к редким, довольно полным и еще не контаминированным вариантам Кенозера, Моши и других мест бассейна р. Онеги (см., например, Тих. — Мил., № 26; БН и НЗ, № 23; ДН и АП, № 26; ср. Там же, конт. № 12, 34), поэтому можно думать, что и он происходит из тех же или из соседних мест. Вместе с тем только в нем встречается насмешливая речь голубей (ст. 15—19), послужившая причиной выстрела. Сомнительно, чтобы ее придумали на Ангаре, если учитывать, что голуби принадлежали чародейке Маринке. Эта речь органически вписывается в ситуацию и лучше объясняет гнев Добрыни, нежели простое созерцание им милую-

щихся голубей, приводящее Добрыню в раздражение и побуждающее его стрелять, как это дано во всех остальных вариантах былины.

149. Добрыня и Маринка. Источник и переиздания: Богораз, № 9; Мил. Изв. ОРЯС, с. 65—67; БН и НЗ, № 24; Сид., № 91. Записал В. Г. Тан-Богораз летом 1896 г. от Арины Четвериковой, дочери М. Соковикова, в Нижнеколымске. Собиратель отметил, что на нижней Колыме эта былина «почему-то пользуется несколько большей известностью, чем другие старины, и даже распевается на вечорках, как обыкновенная песня» (Богораз, с. 170).

Текст входит к той же версии, что и № 148. Он несколько полнее, но тоже не имеет концовки, которую собиратель, по-видимому, не просил продиктовать и не спрашивал у лиц, распевавших эту старину на вечорках. Примечательна мотивировка «гуляния» Добрыни (ст. 6—9). Она перекликается с насмешливой речью голубей из ангарского варианта — оба момента повествования таким образом дополняют друг друга, что свидетельствует о их традиционности. Не менее интересна речь Маринки о свате-стреле (ст. 28—30). Достаточно вспомнить известную сказку «Царевна-лягушка» (Указатель, № 402), где стрелы играют роль сватов. Следы пускания стрел, как проявление сватовства к девушке, изредка встречаются и в других фольклорных произведениях восточных славян, а у болгар весенний обряд пускания огненной стрелы во двор девушки, которую стрелок хотел бы взять в жены, бытовал совсем недавно. Этот элемент повествования представляется изначально присущим тексту былины: Маринка, чарами добившись того, что стрела Добрыни попала к ней в дом, требует от Добрыни соответствующего следующего шага.

150. Добрыня и Маринка. Печатается по записи неизвестного лица: ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 118а, л. 4. Записано в 1901 г. от некой Алихи в с. Марково на среднем Анадыре. Неизвестно, почему записан лишь фрагмент былины. Он схож с соответствующей частью нижнеколымской записи (№ 149) и, следовательно, был занесен на Анадырь с Колымы.

151. Товарищи пытались отравить Здуная. Печатается по беловой рукописи собирателя: РО ИРЛИ, Р. V, кол. 119, п. 5, л. 6—6об. С небольшими отличиями текст печатался: Потанин, ЖС; БН и НЗ, № 66; Сид., № 50. Судя по примечанию под текстом, записал А. А. Макаренко в 1887 г. от старика Андрея Титыча Ананьина в с. Ужур Ачинского округа.

В примечании к беловому списку записи варианта этой песни, сделанной от отца А. Т. Ананьина (о нем см. Перечень, № 95), собиратель написал: «Имя Здуная, как богатыря, встречается еще в былине, говорил А. Ананьин про песню, в которой поется о князе Владимире, но . . .» (Указ. архив, л. 31об.). На этом примечание обрывается, а лист, на котором, очевидно, было написано окончание примечания, отсутствует. Публикуя же вариант отца А. Т. Ананьина, собиратель отметил: «По словам Ананьина, имя Здуная упоминается в другой былине про „князя Владимера", которую знал другой крестьянин Петр Алекс. [так!] Ананьин; с последним по некоторым причинам я не был знаком и потому не записал второй вариант (т. е. сюжет! — Ю. С.) о Здунае» (Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 29, примеч.).

Опираясь на устные сведения русских старожилов, А. А. Макаренко несколько раз пытался написать «досельщину» (историю) с. Ужур. В одном из его набросков, в частности, написано: «Относительно рода Ананьиных, весьма многочисленных на селе, достоверно известно, что предками их были два брата — Василий и Михаил Ананьины, которые будто бы переехали в улус (так называемых кизыльских татар, живших в Ужуре. — Ю. С.), где обосновались уже Полковниковы и Юрьевы, из д. Аныши [64] Минусинского округа» (Указ. архив. п. 21, л. 2, примеч.). В другом месте он отметил: «Когда Ананьины пришли в улус Ужур, они нашли две-три избы (Полковниковых и еще кого-то). С того момента старики насчитывали 150 лет, если не больше» (Там же, л. 21).

Кроме Ужура, тексты типа публикуемого с именем Здуная более нигде не записывались. Ближайшая параллель к тексту была найдена, кажется, лишь однажды, — судя по языку, где-то в Южной России (Соб. I, № 151); она в свою очередь генетически связана с одной из форм баллады «Девушка пыталась отравить молодца» (ср. Соб. I, № 150). В Симбирской и Оренбургской губ. иногда находили эволюционные производные текстов типа ужурского: «Молодец убит разбойниками в кабаке» [65], «Молодец убивает в кабаке целовальника» [66]. Еще одна форма — «Убитый молодец лежит у кружала в Москве» — зафиксирована без указания места записи (Кир., вып. 8, с. 29—30).

---

[64] Очевидно, имеется в виду д. Анаша к юго-востоку от Ужура, на левом берегу Енисея, примерно на полпути между Абаканом и Красноярском.

[65] Языковы. Указ. соч., № 308 конт., 309.

[66] *Русская* баллада / Предисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева. — Л., 1936, № 100 (далее — Чернышев).

На основании записей в одном месте невозможно решить вопрос, действительно ли имя Здуная было изначально закреплено за текстом типа публикуемого.

152. Параня. Источник: Богораз, № 93. Записал В. Г. Тан-Богораз около 1895 г. в Среднеколымске. Вторая часть каждого стиха повторяется с начальным припевом «Эй, эй, охохо». Так же обычно поется баллада «Вдова и сыновья-корабельщики», в отличие от «Парани», весьма популярная от Бреста до Приморья и Индигирки. Поэтому в таком способе припева следует видеть влияние баллады «Вдова и сыновья-корабельщики».

Публикуемый текст более всего близок к той форме баллады о Паране, которая зафиксирована без указания местности песенниками XVIII в. (Соб. I, № 166), нежели к версиям, позже отмеченным редкими записями в европейской части страны, от Орловщины до Псковщины и Вологодчины (ср. Соб. I, № 168—170). Судя по ареалу, баллада возникла в средней полосе России.

153. Олеша Попович и Параня. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 15об. С небольшими отличиями текст печатался: РФ I, с. 217; Сид., № 103. Записал Н. А. Габышев 07.04 1946 г. от П. Н. Черемкиной в м. Якутское Жило на средней протоке нижней Индигирки. Текст записан под диктовку, из-за чего собиратель не зафиксировал повторы полустихов, которые поставлены здесь в квадратные скобки.

Насколько известно, эту версию баллады в других местах не находили. Не ясно, чем обусловлено введение в текст Алеши Поповича. Это имя по каким-то причинам могла вставить сама исполнительница, его мог вставить и кто-то из ее предшественников на Индигирке, либо текст уже с этим именем был туда занесен. Это должен был выяснить собиратель тотчас после записи.

154. Девушка выиграла три корабля. Источник: Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 32. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от Ф. В. Сизых в Кежемской Заимке на средней Ангаре. «Вероятно, не окончено», отметил собиратель. Пропуск после ст. 6 не позволяет определить, насколько естественно связаны между собой обе части текста, не являются ли они всего лишь контаминацией. Как бы там ни было, но первая часть (ст. 1—4) известна и как зачин ряда эпических произведений, включая былины о Садке и Соколе-корабле.

Текст представляет собой фрагмент баллады, которую в различающихся версиях иногда записывали на Смоленщине, в Саратовской губ. и в восточной части Русского Севера. Фрагментарность текста не дает возможности сказать о том, какую версию он содержит.

155. Девушка выиграла три корабля. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 15.07 1853 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 104об. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе (Алтай). Слово «Дунай» в ст. 1 вписано С. И. Гуляевым черными чернилами так, что подлинное название реки не удается прочитать.

Текст несколько сходен с первой частью варианта из песенника XVIII в. (Соб. I, № 325), опубликованного без указания места записи. Из всех известных вариантов баллады только в публикуемом тексте есть эпизод, в котором молодец бьет девушку (ст. 24—29). Этот эпизод, очевидно, нельзя считать действительным окончанием текста, которое почему-то записано собирателем.

Помимо помещенных здесь вариантов баллады (№ 154, 155), в разных местах Сибири чаще записывали схожую песню о молодце и девушке, проигравших друг другу[67]. Ее обычно пели на свадьбе, прикрепляя к какому-либо акту действия. В начале песни иногда упоминается Двина-река, что определенно указывает на ее перенесение из восточной части Русского Севера.

156. Разорение гнезда сокола. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 764, л. 34; идентичный список — Там же, ед. хр. 769, л. 50—50об. Записал Н. А. Габышев 12.04 1946 г. от С. П. Киселева из м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки.

В такой, несомненно эпической форме, с заметно выраженным социальным подтекстом песню записывали только на Индигирке и притом лишь от Киселевых, отца и сына (№ 156а; Перечень, № 99). Близкую, но уже лирическую и стяженную форму «Сокол свил гнездо у устья Дона» находили в Симбирской губ. (Языковы, № 318, 319). Иную версию — «Непогода губит гнездо орла и его детей» — однажды записали в Оренбургской губ., вероятно, на р. Урал (Соб. I, № 486). Более ранние в эволюционном плане формы баллады иногда записывали среди украинцев. Баллада скорее всего принадлежала репертуару казаков. Об этом свидетельствует и упоминание «золоченого донышка» Иордан-реки (ст. 5). Такое же «донышко» своей реки воспевали в иных песнях донские, терские и яицкие казаки.

---

[67] См., например: Плотников, 1909, с. 56; Леонова, № 37; Гул. 1952, с. 210—211; Гур. — Эл., № 74; Шишков, с. 95—96.

156а. Разорение гнезда сокола. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в январе 1985 г. от Е. С. Киселева в пос. Полярный на нижней Индигирке.

В однострочном эпическом напеве выделяется распевное, в широком диапазоне завершение каждой строки — характерный штрих выразительного мелодического стиля, свойственного исполнителю. Ритмическая структура типична для традиции данного региона (см. нотный пример А; № 192, 2-я строка; примеч. к № 96, 97). Сбой мелодико-стихового ритма и укорочение 3-й строки связаны с тем, что исполнитель плохо помнил поэтический текст.

157. Сокол улетел из неволи. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214б, л. 79об. С некоторыми отличиями текст печатался: Гул. 1952, № 35. Записал С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына. Текст по крайней мере местами записан под диктовку.

Нам известны всего две записи этой баллады в европейской части страны: одна из них была опубликована без указания места записи (Чернышев, № 283); другую, как «любимую песню» Лукашки, поместил Л. Н. Толстой в самом конце гл. XXVII повести «Казаки». В отличие от сибирских, в обоих этих вариантах местом действия названо подмосковное село Измайлово, что позволяет отнести время сложения баллады к эпохе Алексея Михайловича[68]. Песня, наверное, была создана по вполне конкретному случаю именно под Москвой и, разумеется, оказалась бы однодневкой или узколокальным, интересным разве что для царских сокольничьих произведением, если бы люди не заметили возможность обыграть ее смысл горького происшествия с растяпистым царским слугой совсем в ином социальном плане. Каждый, кто слушал или тем более перенимал балладу, сопоставлял ее содержание с собственными размышлениями о воле и неволе. И неудивительно, что баллада получила распространение от Москвы до Терека и до Колымы. Все ее записи сделаны, конечно же, случайно. Специально эту балладу никто из собирателей, к сожалению, не искал, и она, наверное, уже давно исчезла из бытования.

Текст Л. Г. Тупицына представляет собой особую версию баллады. В ней усилен социальный смысл: для сокола даже сладкая неволя горше самой горькой и тяжкой воли. Здесь метафора становится совсем прозрачной, место сокола по существу уже занял человек, жаждущий воли. Это, разумеется, эволюционный сдвиг по сравнению с традиционной версией, он — показатель раздумий тех людей, кто пел балладу и видел в ней отражение своей судьбы.

158. Сокол улетел из неволи. Печатается по беловой рукописи собирателя: РО ИРЛИ, Р. V, кол. 119, п. 17, л. 118—118об. Текст печатался: Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 32. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от братьев Пудовых в Кежемской Заимке на средней Ангаре.

В тексте несколько подробнее передана та же версия баллады, которая бытовала в европейской части страны. Выражение «Мурские заводи» (ст. 22) явилось переосмыслением устойчивого эпического словосочетания «тихие морские заводи» — на них, независимо от сюжета произведения, оказывается эпический герой в поисках гусей-лебедей или серых пернатых уточек. Переосмысление обусловлено знанием местного топонима — неподалеку от места записи на Ангаре был Мурский порог.

159. Сокол улетел из неволи. Источник: Богораз, № 129. Записал В. Г. Тан-Богораз около 1895 г. от казачки Марии Олесовой в Среднеколымске. В стяженной и своеобразной по мелким деталям форме текст передает традиционную версию баллады.

160. Про кулика-травника. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 75—76. Текст печатался с учетом многочисленных исправлений, внесенных прямо в рукопись и представляющих последующую редакцию С. И. Гуляева: Гул. 1939, № 12. Он также публиковался в компромиссной редакции издателей: Гул. 1952, № 58. В издании 1939 г. текст отнесен к репертуару Л. Г. Тупицына, однако в беловой рукописи указаний на это нет. Текст явно записан под диктовку, к тому же собиратель воздержался от записи не вполне пристойной, по его разумению, концовки.

Песню о травнике, иносказательно описывающую приключения мужика и сложенную, по-видимому, в XVII в., записывали очень редко. Известно по одной записи из Вологодской и Вятской губ. (Чернышев, № 314 и с. 466). Вариант с уральских заводов Демидовых (КД, № 66), судя по упоминанию Канакжи, — тоже по происхождению вологодский. Текст Л. Г. Тупицына, если ориентироваться на упоминание «поля Галичева» (ст. 2), бытовал где-то вблизи Галича Костромского. Иными словами, все тексты своим происхождением обязаны югу или, если так можно выразиться, предполью восточной части Русского Севера. При совпадении имен и отдельных деталей повествования все тексты о травнике настолько различаются между собой, что каждый из

---

[68] В эпоху Ивана Грозного Измайлово принадлежало царскому шурину Никите Романовичу Юрьеву, прототипу популярного персонажа ряда фольклорных произведений.

Вид Невьянского завода

Резцовая гравюра Н. Ф. Челнокова с рисунка И. В. Люрсениуса. Из серии «Собрание Российских и Сибирских городов». 1770

них по существу представляет собой версию песни. Версификативность означает, что в свое время песня пользовалась популярностью, достаточной для того, чтобы текст воспринимался творчески и изменялся непрерывно.

Мнение о том, что текст попал на Алтай из района Галича, подкрепляется скупыми, но определенными фактами о миграции людей. Известно, что Демидовы владели несколькими деревнями в так называемой Галицкой провинции (позже Унженский, затем Ветлужский у.) Архангелогородской губ.[69], откуда «крестьяне посылались работать на уральские заводы» [70]. Уже в 1717 г. только на Невьянском заводе работало шесть выходцев из района Галича [71]. Нетрудно предположить, что они передавали песню о травнике. Сами галичане либо те чужаки, кто усвоил песню, затем оказывались в числе работных людей, которых в 20—40-е гг. XVIII в. Демидовы посылали с Урала на Алтай.

II. СКАЗКИ О БОГАТЫРЯХ

161. Илья Муромец и Святогор. Источник и переиздание: Чеканинский, 1912, с. 110—113; Сид., № 62. Записал И. А. Чеканинский около 1912 г. от крестьянки А. Ф. Синяковой, 63 лет, в с. Вознесенское (Батой) под Красноярском. Публикуя текст, собиратель добавил: «Старушка прежде знала много былин и сказок, которые она слышала в детстве от своего деда, но теперь, как она говорит, стара стала и все из памяти вышло. В настоящее время старушка живет в селе у своей замужней дочери и пользуется со стороны односельчан большим уважением как „знахарка“ и как бабка-повитуха. Многие крестьяне подозревают ее в колдовстве; говорят, она не так давно обратилась в свинью и в таком виде бегала по деревне, наводя страх на крестьян» (Чеканинский, 1912, с. 113).

В основе текста лежит стяженная контаминация сюжетов «Исцеление Ильи», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Святогор». Подобную контаминацию в европейской части страны находили реже, чем в Сибири, и в формах, отличающихся от сибирских. По некоторым деталям к красноярскому тексту близка лишь одна сказка, записанная на Пинеге [72]. Однако и в ней отсутствует заключительная часть красноярского текста — о пребывании Ильи Муромца у бессмертных девиц-красавиц, о поездке героя на родину и его смерти. Эпизоды этой части уникальны.

---

[69] *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. — М.; Л., 1949. — Т. I. — С. 223, 225—226.

[70] Там же. — С. 224.

[71] Там же. — С. 356.

[72] *Рождественская Н. И.* Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. — Архангельск, 1941. — С. 116—119.

162. О старом казаке Илле Муровце. Источник и переиздание: Савельев, с. 79—81; Сид., № 58. Записал А. А. Савельев в августе 1912 г. от А. Т. Безруких в д. Ярки на нижней Ангаре.

Текст представляет собой стяженную, особенно в третьей части, контаминацию сюжетов «Исцеление Ильи», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Калин-царь». Судя по отдельным немотивированным деталям, первая и вторая части текста восходят к так называемой «черниговской» редакции былины, объединявшей, в числе прочих, оба эти сюжета. В европейской части страны «черниговская» редакция не имеет строго очерченного ареала, вероятно, из-за того, что на протяжении XVIII—XIX вв. она распространялась не только устным путем, но и с помощью лубка и других популярных изданий. На Русском Севере ее не знали, кажется, только на Печоре.

Заключительная часть текста, по-видимому, восходит к той версии былины «Илья и Калин-царь», какую нашли на верхнем Иртыше и на Алтае (см. № 68—69 и примеч. к ним).

163. Соловей вор-разбойник. Печатается по самозаписи сказочника: РО БФ, инв. № 2, «Сказки, собственноручно написанные Е. И. Сороковиковым», л. 37—45 а. Дата написания текста не указана. О сказочнике см.: *Азадовский М. К.* Сказочник Тункинской долины (см.: Магай); *Матвеева Р. П.* Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая. — Новосибирск, 1976.

Основу текста составляет та же контаминация сюжетов, что и в № 162, а это означает, что ангарский и тункинский тексты взаимно подтверждают традиционность подобной контаминации и свидетельствуют о существовании в прошлом некоего общего источника в виде сказки с таким набором сюжетов, которую несли с собой русские в ходе своих миграций по Сибири. Собиратели, работавшие с Е. И. Сороковиковым (1868—1946), потомком ясачных, т. е. обруселых бурят, к сожалению, не выяснили, от кого он в действительности перенял сказку, и не попытались искать ее у потомков казаков и крестьян, поселившихся в Тункинской долине не ранее 1709 г. и главным образом с середины XVIII в.[73]

Публикуемый текст почти дословно совпадает с текстом сказки, изданной в качестве записи М. К. Азадовского 1920-х гг. (Магай, № 9=Перечень, № 134). Полагаем, что собиратель, получив самозапись сказочника, скопировал ее с незначительными изменениями. В 1930-е гг. сказочника познакомили с книгами, содержащими былинные сюжеты. Пользуясь ими, Магай, явно не без помощи своих опекунов, сложил более пространный сводный текст об Илье Муромце (Магай, № 9а=Перечень, № 135; Гуревич 1939, № 4=Перечень, № 136), сильно затемняющий истоки местной традиции и потому менее интересный для историков фольклора.

164. Про Илью Муровца. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГБЛ, ф. 542, тетр. 14, л. 48—54. Записал М. К. Азадовский в 1927 г. от Дмитрия Савельевича Асламова (1858—1939) в Тункинском аймаке БурАССР. О сказочнике и его репертуаре: *Матвеева Р. П.* Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая. — С. 45—52. Как и Магай, он тоже потомок ясачных.

В тексте дана своеобразная контаминация «Исцеления Ильи» с сюжетами о Святогоре. «Исцеление Ильи» у Д. С. Асламова непохоже на соответствующую часть сказки Магая (ср. начало № 163), а это означает, что в Тункинской долине бытовали по меньшей мере две версии такого сюжета — явный признак смешанного состава поселившихся здесь русских. Испытание тягой сказочник связал с Ильей, а в последующих сюжетах Святогора у него заменил Бова-королевич. Все это свидетельствует об очень позднем и сугубо локальном сложении такой контаминации. Бытование этих сюжетов в нетрадиционных связях с персонажами подтверждается и другими записями М. К. Азадовского, сделанными тогда же от тункинской сказочницы А. А. Шелеховой (Перечень, № 112, 123, 126; Шастина. РСВС, № 8—10). Поскольку в сказках Д. С. Асламова и А. А. Шелеховой совершенно отсутствуют элементы былинного стиля, более чем вероятно, что эти сюжеты бытовали в Тункинской долине исключительно в сказочной форме.

165. Илья Муромец. Печатается по беловой рукописи собирательницы: РО БФ, инв. № 3274, п. 5, л. 76—81. Записала Р. П.Матвеева (Улан-Удэ) в апреле 1971 г. от Алексея Дмитриевича Кобелева, 76 лет, русского, неграмотного, в с. Кырен Тункинского р-на БурАССР. Ср. первую запись, сделанную шестью годами раньше: Сид., № 119=Перечень, № 137.

В тексте соединены сюжеты «Исцеление Ильи», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Святогор». По словам рассказчика, сказку он перенял у своего родственника и соседа Е. И. Сороковикова. Однако при сличении текстов видно, что А. Д. Кобелев слышал не только текст своего соседа (см. № 163), но и сказки типа тех, что рассказывали Д. С. Асламов и А. А. Шелехова

---

[73] *Ровинский П. А.* Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. — М., 1875, № 7, 11, 12.

(см. № 164 и примеч. к нему), наглядным свидетельством чему служит использованный им дважды в разной форме мотив исцеления Ильи. В отличие от Д. С. Асламова, А. Д. Кобелев вполне логично для подобной контаминации поместил сюжет об испытании Ильи тягой земной в конце сказки. Все же не ясно, что побудило сказочника после того, как он позволил Илье получить еще раз силу от прохожего старика, послать героя на голец, чтобы окаменеть там. Расспросы и контрольные записи от других лиц в таких случаях могли бы помочь прояснить алогизм концовки. Насколько известно, собиратели не прибегли к этим средствам. Подобная контаминация делает из Ильи Муромца действительно сказочного, а не былинного героя, совершавшего подвиги ради простых русских людей.

В одном из документов второй половины XVIII в. упоминается «новокрещеный сойот» Иван Кобелев с семейством, коего следовало поселить в Тунке «для приучения к православной христианской вере» [74]. Иван и Егор Кобелевы, уже как крестьяне Тунки, названы в документе 1773 г.[75] Сто лет спустя у известного путешественника И. Д. Черского проводниками по горам, облегающим Тункинскую долину, были Лука Кобелев и его сын Фрол [76]. «Теперь, — писал П. А. Ровинский, — между ясачными очень распространена фамилия Кобелевых, и некоторые из них совершенно потеряли следы своего инородческого происхождения» [77]. Таким образом родословная рассказчика своими корнями уходит в среду ясачных, обруселых коренных жителей края. Собственно русские поселенцы Тункинской долины так и остались необследованными на знание ими былинных сюжетов, а это, между прочим, чрезвычайно затрудняет определение и индивидуального вклада в тексты сказочников — потомков ясачных, от которых эти тексты записывали.

166. Повесть про Илью Муромца. Печатается по беловой рукописи собирательницы: РО БФ, инв. № 3180, п. 3, л. 128—135. Магнитофонная запись Р. П. Матвеевой в 1968 г. от И. Л. Комарова, 69 лет, в с. Болдыревка Завитинского р-на Амурской обл. После записи рассказчик заметил: «Это уже повесть. Эта более подходящая, как сейчас ее вижу. Это я книги раньше читал». По сообщению собирательницы, И. Л. Комаров, участник гражданской войны, специализировался на рассказывании в солдатской среде, постоянный герой его длинных сказок — ловкий солдат.

Текст содержит необычную по последовательности контаминацию сюжетов «Исцеление Ильи», «Бой русских богатырей с татарином» (ср. «Илья и сын»), «Ссора Ильи с князем Владимиром» и «Илья и Соловей-разбойник». Связующим звеном в тексте служат эпизоды встречи Ильи Муромца с русскими богатырями и их боя с татарином, прямых параллелей к которым в европейской части страны не находили. Вполне вероятно, что И. Л. Комаров действительно читал какие-то тексты, быть может, и сводные, передающие былинные сюжеты об Илье Муромце. Однако, судя по его тексту, если это и произошло, то достаточно давно, так как рассказчик успел переосмыслить эти сюжеты, составить набор из них и дополнить своими привнесениями.

167. Сказка про Илью Муромца. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 17.06 1982 г. от Ф. Е. Седых в д. Бирюк на средней Лене.

Когда Ф. Е. Седых истощился на песни, а расспросы собирателя по песенным сюжетам оказались уже совсем праздными, он вдруг сам, забыв о том, что рассказывал за несколько часов перед этим, вернулся к Илье Муромцу и принялся снова о нем рассказывать, как обычно, медленно, четко разделяя слова. Собиратель не стал его останавливать в надежде сделать повторную запись или услышать продолжение. Надежда оправдалась. На это раз текст Ф. Е. Седых (ср. выше № 7) получил вид контаминации сюжетов «Исцеление Ильи», «Илья и Святогор», «Илья и Соловей-разбойник», в завершение которой рассказчик попытался вспомнить сюжет типа «Илья и Калин-царь», но не смог.

После записи сказочнику было задано несколько вопросов. Прозвище Ильи он объяснил верно, не зная, впрочем, местоположения города: «Это Муром, кажется, был город... Вот как-то ловко тут рассказывали: Из города из Мурома через... как-то...» По его мнению, Соловей-свистун «как будто бы человек был», но он не мог сказать, отчего Соловей сидел у дороги и что он делал с оглушенными его свистом людьми: «А вот этого не рассказывали, не поясняли». Название царского города и имя царя Ф. Е. Седых забыл, однако уверен: «Русский царь был, русский, русский, не чужой». Сказочник считает, что «в другие дороги Илья не ездил», и на вопросы

---

[74] Там же, № 11, с. 254.
[75] Там же, № 12, с. 388.
[76] Там же, № 12, с. 383—384.
[77] Там же, № 11, с. 254.

о сюжетах «Илья и разбойники» и «Илья и королевна» отвечал, что у них такого не рассказывали. Он полагает, что события сказки происходили «около 500 лет тому назад», не сумев, впрочем, объяснить такой счет времени. Покончив с ответами, Ф. Е. Седых нетерпеливо поспешил к рассказу «о якутском богатыре Тыгыне».

По набору сюжетов текст Ф. Е. Седых совпадает с красноярской сказкой (№ 161), отличаясь от нее порядком следования сюжетов и деталями повествования. Некоторыми же деталями и попыткой припомнить сюжет типа «Илья и Калин-царь», он перекликается с ангарским и тункинским текстами (№ 162—163). Такого рода двойная соотносимость позволяет предположить, что в олекминской сказке слились тексты из двух разных локальных традиций.

На все расспросы собирателя по иным былинным сюжетам Ф. Е. Седых неизменно отвечал, что он их не слышал и не знает. Он был прямодушен и открыт во всем, что только ни интересовало собирателя, поэтому можно твердо считать, что Ф. Е. Седых действительно не знал иных былинных сюжетов ко времени встречи с собирателем.

168. Сказка про Илью Муромца. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 155—160. Записал Д. Д. Травин в мае 1928 г. от Николая Григорьевича Шкулева, «человека бывалого, хотя и неграмотного», по замечанию собирателя, в м. Федеровское на Русской протоке нижней Индигирки.

Текст содержит сюжеты «Рождение Ильи Муромца», «Встреча Ильи с двумя богатырями», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Идолище», «Илья и Святогор», «Илья и сын» и в целом представляет собой опыт сказочной биографии героя, не имеющий аналогов в других местах. Судя по стилю, характерному для местной сказочной традиции, и своеобразию контаминации, сказка сложилась, вероятнее всего, уже на Индигирке и довольно давно, о чем свидетельствуют умело сделанные переходы от одного эпизода к другому. Сюжет «Рождение Ильи Муромца» несколько перекликается с мотивом рождения Суровца по индигирским же вариантам (ср. № 61—62а), но дан здесь в сказочной форме. «Встреча Ильи с двумя богатырями» напоминает соответствующие эпизоды из амурской сказки (№ 166) и слегка — былину «Бой Добрыни с Дунаем», по записям известную только в восточной части Русского Севера, поэтому сюжет о встрече можно считать традиционным, хотя и не фиксировавшимся в европейской части страны. Тут он служит прелюдией к необычно переданному сюжету «Илья и Соловей-разбойник». Оригинально изложен сюжет «Илья и Идолище» — в этой версии он встречается лишь на Индигирке. Сюжеты о Святогоре и сыне Ильи рассказаны кратко. Все же заметно, что сюжет о сыне Ильи идет непосредственно от былины, очевидно принесенной сюда и забытой уже на Индигирке.

169. Сказка про Илью. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 5, ед. хр. 779, л. 73—78об. Записал Н. А. Габышев 14.04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки.

Текст содержит сюжеты «Рождение Ильи», «Исцеление Ильи», «Встреча Ильи с двумя богатырями», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Святогор», «Илья и Идолище». Его записью подтверждается традиционность для Индигирки контаминации, представленной в тексте № 168. У С. П. Киселева изложено исцеление Ильи, на которое Н. Г. Шкулев намекнул лишь одной фразой. Тем самым яснее видно, что сюжет «Рождение Ильи» добавлен к сюжету об исцелении, и это сделано, разумеется, местными жителями. Последующие сюжеты С. П. Киселев передал подробнее, чем Н. Г. Шкулев, отчего лучше заметна их оригинальность. Он добавил в рассказ о Святогоре сюжет об испытании Святогора тягой земной. В отличие от текста Н. Г. Шкулева, в его повествовании нет встречи Ильи с сыном. С. П. Киселев предпочел ограничиться сказочной концовкой о возвращении героя с добытой женой на родину.

170. Сказка про Илью Муромца. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 02.07 1982 г. от Е. С. Киселева, сына предшествующего рассказчика (№ 169), в м. Федеровское на Русской протоке нижней Индигирки.

Е. С. Киселев рассказывал уверенно и в обычной своей манере, очень быстро тараторя формулы и типические места и медленно, с паузами проговаривая иные части повествования. Прямая речь у него всегда звучала с интонацией, своеобразной для каждого персонажа.

После записи ему пришлось отвечать на вопросы о значении слов, что неизменно доставляло ему большое неудовольствие. «Шелк шемали́нский» (шемаханский) — это просто, по его мнению, «шелк такой». Он не знает, что такое черкасское седло и «меденная» (медвяная, медовая) вода. «Ше́на» (пшена, пшено, пшеница) в его представлении — это «трава, сено», поэтому сказочник не понимает значение эпитета «белояровая» и не знает, что «пшеном белояровым» в былинах назывался рис. Е. С. Киселев уверен, что «кали́ная

стрела — это калили ее в огне», поскольку на Индигирке это делали еще совсем недавно, и собирателю показали в Полярном сохранившиеся самодельные железные наконечники стрел. Очевидно, по аналогии с «калиной стрелой» и «калинов мост — ну, по-нашему, чугунный мост». Шалыга, которой Илья убил Идола, по мнению рассказчика, — это Илья «так дуб назвал».

Расспросы собирателя по именам персонажей, топонимам и некоторым деталям повествования почти ничего не дали. Относительно странников Е. С. Киселев добавил: «Вроде Бог приходил, рассказывают. Они оба[78] пришли, чтобы его с ногами исцелить, специально. Так говорят». О старичке, просившем Илью поднять переметные сумки, он пояснил: «Это, говорят, Бог, ну так сказать, Николай-чудотворец». Е. С. Киселев отнюдь не набожен, и уже поэтому его пояснения следует считать не личными домыслами, а традиционными элементами повествования, что подтверждается и записями в иных местах (ср. № 161 и др.).

Текст содержит контаминацию сюжетов «Рождение Ильи», «Исцеление Ильи», «Встреча Ильи с двумя богатырями», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Идолище», «Илья и Святогор» и, следовательно, является вариантом традиционного на Индигирке свода об Илье Муромце. По мнению рассказчика, после женитьбы Илья зажил благополучно и спокойно, а это значит, что Е. С. Киселев, по всей вероятности, не слышал других сюжетов об Илье. Сказку он перенял от бабушки Аграфены, матери отца, умершей в 1928 г. примерно в возрасте 70 лет. Отчасти этим и объясняется отличие последовательности сюжетов, деталей повествования и формул в его тексте и тексте отца (№ 169).

171. Три богатыря. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 779, л. 10—19; менее разборчивая копия[79] — Там же, ед. хр. 780, л. 51—54. Записал Н. А. Габышев 19.04 1946 г. от С. П. Киселева. Текст записан под диктовку.

Сказка в целом не имеет аналогов в европейской части страны. Видимо, больше это обстоятельство, чем найденные Е. И. Шастиной две скупые якутские параллели, побудили ее склониться к мысли о том, что сказка заимствована у якутов (Шастина. РСВС, с. 446—447). С этой мыслью трудно согласиться, и вовсе не потому, что якутские тексты записывались весьма далеко от устья Индигирки, на другом конце Якутии. Если бы их записали от якутов, на протяжении XX столетия постепенно приблизившихся своими поселениями к району Русского Устья, сам факт фиксации еще не значил бы, что влияние шло от якутов а не наоборот.

По композиции сказка представляет собой довольно редкую в русской (как, впрочем, и в якутской) традиции и эволюционно позднюю форму рассказа в рассказе. Ее первая часть «Проверка силы с помощью разных луков», призванная подвести слушателя к рассказу искалеченного богатыря, напоминает соответствующий эпизод из былины о Василии Казимировиче (ср. № 85). В былине герой ломает огромный богатырский лук, с трудом принесенный татарами, и легко, не ломая, натягивает тетиву собственного, привычного лука: таким образом четко противопоставляется иноэтническое, вражеское оружие собственному в полном соответствии с законом эпоса, требующим всегда и во всех отношениях противопоставлять свой этнический мир иноэтническому. В сказке же этническое противопоставление не требовалось, поскольку проверка силы иронически обрисованного новоявленного богатыря происходит в своем этническом мире. Мотив натягивания лука поэтому использован традиционным путем трехкратного повтора действия с усилением эффекта при каждом акте: герой ломает собственный лук, ломает даже лук осилка, хранящийся, видимо, как реликвия у царя, но не смог оттянуть тетиву у лучка искалеченного богатыря, который сам, как выясняется из его рассказа, был всего лишь младенцем по силе в сравнении с загадочным купцом, взявшим его к себе на службу.

Вторая часть — история искалеченного богатыря — сама имеет завязку, должную объяснить, как герой попал к загадочному купцу. Завязка внешне обыденна и правдоподобна, но в ней есть интригующе примечательные детали: белый и черный кони купца (такой масти кони символизируют день и ночь в более ранних сказках); тросточка купца, которой он легко «отсекает» головы сразу нескольким разбойникам (былинный герой тоже иногда действует тросточкой или клюхой); необходимость завязать глаза перед скачкой (очень редкий мотив в русской эпической традиции и более частый в эпосе южных славян)[80]. Приниженность Дурака Си-

---

[78] Кто был второй странник, он не знает.

[79] Эта копия, снятая самим собирателем в октябре 1946 г., воспроизводилась в печати: Шастина. РСВС, № 62.

[80] *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции. — М., 1974. — С. 185.

биряка затем подчеркивается его малосильностью — он не в силах ни поймать коней купца, ни поднять узды и седла, но малосильность его относительна, ибо потом он, оказывается, может и колотить многопудовым молотом, и вырывать с корнем дубы. Малосильностью Дурака Сибиряка оттеняется незаметное в иных деталях превращение загадочного купца в «православного богатыря». Поединки последнего занимают центральное место в этой части сказки и по характеру несколько напоминают популярный восточнославянский сюжет «Бой на калиновом мосту» (Указатель, 300 А); мы во всяком случае склонны расценивать эти поединки как параллельную форму (сюжет-дубль) «Боя на калиновом мосту». Однако описание поединков передано необычным для русских сказок способом, от имени стороннего наблюдателя, совмещающего в своем лице и рассказчика. Поэтому описания поединков даны по внешним впечатлениям наблюдателя-рассказчика и по их последствиям: рассказчик замечает приближение «морочка» (тучки), т. е. врага [81]; он слышит гром и видит «росу» (дождь) — сигналы боя [82] и теряет от этого сознание; наконец он видит возвращение «православного богатыря», уставшего настолько, что у него едва хватает сил спуститься с коня. Цель поединков и подлинный статус «православного богатыря», его противников и их отца-царя остаются неизвестными. Это естественно для повествования, так как рассказ ведется от имени непосвященного стороннего наблюдателя. Вместе с тем отсутствие мотивировок и сокрытие (или забвение) подлинного статуса главных деятелей повествования — верные признаки того, что перед нами эволюционно поздняя форма какого-то древнего сюжета, искусно вмонтированного в новую композицию ради мысли об относительности силы у сопоставляемых персонажей.

Этой мыслью, безупречно и последовательно раскрываемой эпизодами и деталями повествования, сказка в целом вполне сопоставима с былиной об Илье Муромце и Святогоре. В былине высшей силой показан бог. Сказка о богатырях — атеистична, она всецело земная при всех мифических атрибутах персонажей. Атеистический параллелизм сказки, логически выдержанный и поданный в хорошо отработанной художественной форме, свидетельствует о незаурядных духовных способностях ее творцов, использовавших традиционные средства для нетрадиционной трактовки и таким образом попытавшихся вырваться за пределы своей эпохи.

Обращаясь теперь к упомянутым якутским параллелям, мы прежде всего не находим в них той цельности повествования, подчиненного пронизывающей его мысли, которая присуща индигирской сказке. В первой из них с трудом опознаются начало и концовка индигирской сказки, в ней нет испытания героя с помощью разных луков [83], в связи с чем правомернее говорить о том, что якутский текст — скорее не источник, а стяженная копия с оригинала, каким является индигирская сказка. Такое же впечатление оставляет другая якутская параллель, найденная в 1918 г. в Вилюйском округе [84]. Она перекликается в основном со второй частью индигирской сказки, не совпадая с ней по большинству немотивированных деталей и по ряду ходов повествования. В ней дана завязка о разбойниках и их гибели, место купца («православного богатыря») в ней занимает «маленький человек в сером зипуне», который воюет лишь с одним богатырем-демоном; в ней не фигурируют сцены с пробуждением богатыря, косвенные описания поединков и эпизоды возвращения богатыря из боя, по-иному передан эпизод с кольцом побежденного богатыря, отсутствует сцена у царя; «маленький человек» ослепляет на левый глаз свою сестру, работника и их сына за то, что они «его оставили». Русскому сказочнику, если бы он слышал такой якутский текст, пришлось бы привлечь слишком много традиционных средств [85] и немало воображения, чтобы преобразовать его в столь цельное произведение, как индигирская сказка. Однако подобная титаническая работа наверняка и не совершалась, коль скоро русские рассказчики, в отличие от якута с Вилюя, располагали значительно большим набором традиционных средств. При сравнении индигирской сказки с якутскими более реальным становится заключение о том, что якуты слышали подобную сказку от неякута, поняли ее лишь в виде отдельных схематических блоков и старались передать, отчасти пользуясь арсеналом собственной фольклорной традиции.

---

[81] Это отождествление мифического или этнического противника с тучей традиционно для славянского фольклора: Там же. — С. 61—63.

[82] Изначально гром и дождь в славянском фольклоре производили змеи (позже змеевичи, ср. и «Рождение Ильи Муромца» у индигирцев — № 168—170) как при своем появлении, так и во время боя между собой: *Песни* южных славян / Вступ. статья, сост. и примеч. Ю. И. Смирнова. — М., 1976. — С. 66—69.

[83] *Якутские* сказки. Т. 2 / Изд. подгот. Г. У. Эргис. — Якутск, 1967. — С. 238.

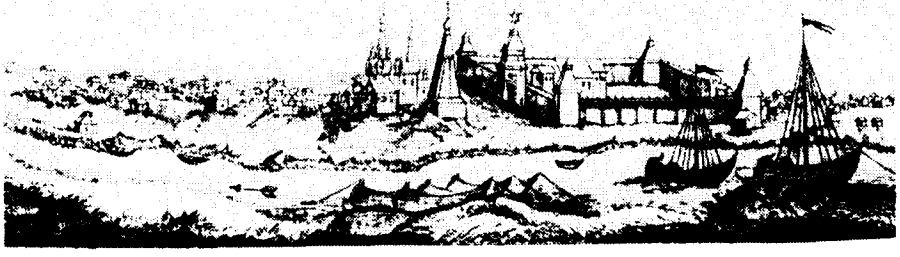
[84] *Якутский* фольклор / Тексты и пер. А. А. Попова; Лит. обработка Е. М. Тагер. — Л., 1936. — С. 181—185.

[85] Они неплохо перечислены и Е. И. Шастиной (РСВС с. 37).

Это заключение подтверждается записью сказки «Богатырь-карлик» в 1905 г. от эвенка-проводника в Туруханском крае (Васильев, с. 24—29=Василевич, с. 257—259). Она соответствует второй части индигирской сказки и в этом совпадает с якутской записью на Вилюе. В ней мы находим подробности, опущенные вилюйским якутом, в отношении «богатыря-карлика». Наряду с этим в ней, несмотря на очевидные различия, обнаруживаются одинаковые с индигирской сказкой немотивированные детали: «богатырь-карлик» завязывает глаза своему спутнику, отвозит его из своего дома к месту будущих поединков; «богатырь-карлик» по очереди сражается с тремя братьями-богатырями; его спутник слышит звуки боя, пытается и не может уехать на хозяйской лошади; спутник будит хозяина ударами молотка [86]; его наказывают, когда в одной лавке он попытался рассказать купцу о гибели трех братьев-богатырей. Сказка типа эвенкийской несомненно послужила источником для вилюйского якута, подвергшись при переводе с одного языка на другой заметному стяжению и некоторой якутизации. Принимая во внимание эвенкийско-якутские контакты на Вилюе, в Туруханском крае и между жителями этих мест, а также якутизацию части эвенков на Вилюе, этот факт надо считать бесспорным. Вместе с тем эвенкийская сказка благодаря большей детализации лучше, чем якутские варианты, обнаруживает признаки эволюционной производной от сказки типа индигирской: она утратила цельность и идею сопоставления силы, ряд эпизодов и, разумеется, русские художественные средства вроде отождествления врага с тучей и др. Подчеркнем, что фиксация этой сказки в Туруханском крае и на Вилюе отмечена на пути из Мангазеи (позже из Туруханского зимовья) на Лену, которым в XVII в. пользовались русские, проходя Нижней Тунгуской до волока на Вилюй. Следовательно, ее записями там обозначен определенный отрезок пути ее перенесения в направлении к Индигирке.

Сюжет о бое героя с врагом, отождествляемым с черной тучей в качестве вставных эпизодов и, конечно, в стяженной форме встречается еще в двух бесспорно русских сказках, записанных в Сибири. Одну из них нашли в Казачинской вол., на Енисее к югу от Красноярска, а другую — в Нижнеилимском р-не Иркутской обл.[87] Обе записи, разумеется, случайны. Тем не менее ими также подтверждается русское происхождение индигирской сказки. Нет сомнения, что в будущем отыщутся и новые подтверждения этому.

172. Сказка про мужика. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 02. 07 1982 г. от Е. С. Киселева, сына рассказчика предшествующего текста, в м. Федо́ровское на Русской протоке нижней Индигирки. Повторная запись сделана Е. И. Шастиной в 1983 г. (Перечень, № 155).

Вид города Мангазеи

Резцовая гравюра И. В. Бугреева с рисунка И. В. Люрсениуса. Из серии «Собрание Российских и Сибирских городов». 1770

[86] В другой эвенкийской сказке с иным сюжетом, тоже записанной в Туруханском крае в 1912 г., имеются эпизоды: девушка будит брата тем, что бьет его молотком по лбу; брат просыпается, каждый раз вырывает дерево и губит пришедших врагов: *Эвенкийские* народные сказки / Сост., вступ. статья и примеч. М. Г. Воскобойникова. — М., 1960. — С. 85.

[87] Записки по этнографии Красноярского подотдела Вост.-Сиб. отдела РГО. — Томск, 1906. — Т. I, вып. 2 / Под ред. Г. Н. Потанина. — С. 48—49, № 13. *Русские* героические сказки Сибири / Сост., предисл. и коммент. Р. П. Матвеевой. — Новосибирск, 1980. — С. 90—91, № 12.

По словам Е. С. Киселева, он перенял текст у отца. Его вариант подробнее отцовского. В этом, очевидно, сказалось преимущество магнитофонной записи естественного и живого рассказа перед мучительным для любого хорошего сказочника процессом диктования текста. Помимо живости стиля и подробностей, в тексте Е. С. Киселева дано иное, чем у отца, начало, немного иначе изложена встреча загадочного купца с разбойниками, перенесена сцена подготовки коней к поездке. Сказочник утверждал, что в тексте не было никаких топонимов, а персонажи не имели имен. Он ничего не мог добавить относительно персонажей второй части сказки. Т. Н. Шенталинская, побывавшая на Индигирке в январе 1985 г., повторила сказочнику все наши вопросы и также не получила ответа по самым важным из них — относительно персонажей и мотивировок. Это означает, что Е. С. Киселев, наверное, не слышал от отца больше того, что имеется в сказке.

На вопрос об «ошúлкиновом луке» сказочник в 1985 г. неожиданно ответил: «Ошúлкин — один мужик был, как история. Сильный был. Русский, наверно, — сказки на русском рассказывают». Иного мнения, близкого к старому значению слова, придерживаются другие пожилые жители Полярного: «Ошúлок — сильный человек, добрый, здоровый». «Ошилком» можно назвать любого человека, обладающего такими качествами. Так считал и сказочник в 1982 г.

Под «хылгычкóй» Е. С. Киселев подразумевает «простой лук, из палки, с веревкой» вместо тетивы и противопоставляет ему промысловый лук, которым здесь еще недавно пользовались, — «с рогами», клееный осетровым клеем, с тетивой из оленьей жилы: у археологов лук этого типа называется «сложным»; пожилые индигирцы хорошо знают технологию его изготовления и охотно об этом рассказывают. Другие жители Полярного полагают, что «хылгычкá» — по-эвенски или по-юкагирски «любой лук».

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, ОТНОСИМЫЕ К СОБЫТИЯМ XVI В.

173. Молодец манит девушку в Казань. Печатается по копии, полученной от В. С. Левашова (Чита). Оригинал хранится в архиве: РО ЧГПИ р. 212, л. 3. Записала В. Я. Середкина в 1975 г. от Анны Матвеевны Стрельниковой, 65 лет, в с. Шарокан Читинской обл.

В эпической форме балладу с этим сюжетом и без первой части «Соловей кукушку уговаривал» находили только на Русском Севере, преимущественно в западной его части. Все сибирские варианты баллады, как публикуемые (№ 173—178), так и названные в Перечне (№ 156—174) и Дополнениях к нему (№ 57—103), восходят к иной, песенной форме, состоящей из двух частей: «Соловей кукушку уговаривал» и «Молодец кукушку уговаривал». Популяризации двухчастной формы в XIX в. во многом содействовали распространители песенников и просто листов с картинкой и отпечатанным текстом. Распев двухчастной формы зачастую одинаков или схож в разных местах, что свидетельствует о заимствовании текста из общего и позднего источника. В европейской части страны двухчастную форму находили повсюду, особенно в Поволжье и средней полосе России, даже там, где не фиксировалось бытование местных форм исторических и других эпических песен. Варианты двухчастной формы близки между собой и не образуют заметно выраженных версий, что также является признаком ее эволюционно позднего характера. Сказанное не позволяет определить происхождение сибирских вариантов из каких-то конкретных мест европейской части страны

174. Молодец манит девушку в Казань. Печатается по тексту, полученному от собирательницы. Записала Л. М. Свиридова (Владивосток) в 1968 г. от Анны Григорьевны Соломенниковой, 53 лет, в с. Муравейка Анучинского р-на Приморского края. Певица в 1937 г. переселилась с Урала в Приморье. В общей сложности от нее записано 55 песен и 240 частушек.

175. Молодец манит девушку в Казань. Печатается по тексту, полученному от собирательницы. Записала Л. Е. Фетисова (Владивосток) в 1963 г. от Василисы Федосеевны Чижиковой, 60 лет. уроженки Пензенской обл., в с. Щербаковка Ольгинского р-на Приморского края.

176. Молодец манит девушку в Казань. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 17. 06 1982 г. от Ф. Е. Седых в д. Бирюк на средней Лене. Распев очень схож с тем, который собиратель затем услышал на Индигирке (см. № 178).

177. Соловей манит девушку в Казань. Печатается по беловой рукописи собирателя. АЯФ. ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 7. Записал Н. А. Габышев 04. 04 1946 г. от Семена Егоровича

Чикачева, 78 лет, в пос. Полярный на Русской протоке нижней Индигирки. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 356; ИП XIII—XVI. № 90.

Текст удивительно близок к самому раннему печатному варианту баллады, впервые опубликованному в начале 70-х гг. XVIII в. (Соб. I, № 226 = ИП XIII—XVI, № 84), но, к сожалению, без указания места записи, что не позволяет определить и происхождение индигирского варианта.

178. Соловей манит кукушку в Казань. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 02. 07 1982 г. от Е. С. Киселева в м. Федоровское на Русской протоке нижней Индигирки. Песню перенял от отца.

Наметившееся путем повтора стиха «Соловей кукушку уговаривал» эволюционное изменение в № 177 (ср. ст. 1 и 6) привело, как можно убедиться на примере № 178, к исчезновению первой части баллады, от которой остался лишь ст. 1. Так получилась эволюционная производная. В ней уже соловей уговаривает кукушку отправиться в Казань. Эту форму чаще, чем № 177, находили на Индигирке (Перечень, № 167—169), откуда она, по-видимому, была занесена на нижнюю Колыму (Перечень, № 170, 171). Подобная форма однажды спонтанно сложилась и в Омской обл. (Доп. к Перечню № 79).

178а. Соловей манит кукушку в Казань. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в январе 1985 г. от А. Н. Щелкановой и в пос. Полярный на нижней Индигирке. Для публикации мы предпочли напев, исполненный А. Н. Щелкановой, ибо исполнение Е. С. Киселева (№ 178) отличается неточным интонированием. Печатается по расшифровке Т. С. Шенталинской.

Среди музыкальных записей этой распространенной песни — образцы лирики позднего стиля: протяжные и без распевов, с чеканной ритмикой, близкие солдатским. Комментируемый напев следует отнести ко второму виду. Записи с Индигирки и Колымы свидетельствуют о распространении здесь одного напева этой песни — варианта известных записей из Поволжья (ИП XIII—XVI, нотн. прил. № 12—16). Характерная ритмическая особенность, аналогичная напеву № 218, — изменение метра на грани мелодических строк — воспринимается как нарушение «маршевой» квадратности и вместе с тем как норма ритмизации силлабического пятисложника.

179. Взятие Казани. Источник: магнитофонная запись, присланная Н. А. Новоселовой (Красноярск). Записали Н. Новоселова, И. Косожихина и Н. Калашников в 1984 г. от Марии Ефимовны Поповой, 84 лет, на средней Ангаре, в с. Кежма одноименного р-на Красноярского края. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым.

Более полная запись этой песни в Кежме была сделана 80 годами раньше (ИП XIII—XVI, № 79; Перечень, № 176). По сравнению с ней публикуемый текст утратил сердцевину — эпизоды с горением свечей в подкопе, с нетерпеливым гневом царя и разъяснениями пушкаря. Судя по ранней и более полной записи в Кежме, текст восходит к версии, зафиксированной первыми печатными песенниками XVIII в. (ИП XIII—XVI, № 53, 54) и бытовавшей в эволюционно более ранних формах в Поволжье и в соседних местах (Там же, № 48—50 и др.). Типично казачий распев подтверждает это ее происхождение и указывает на исходную социальную среду бытования.
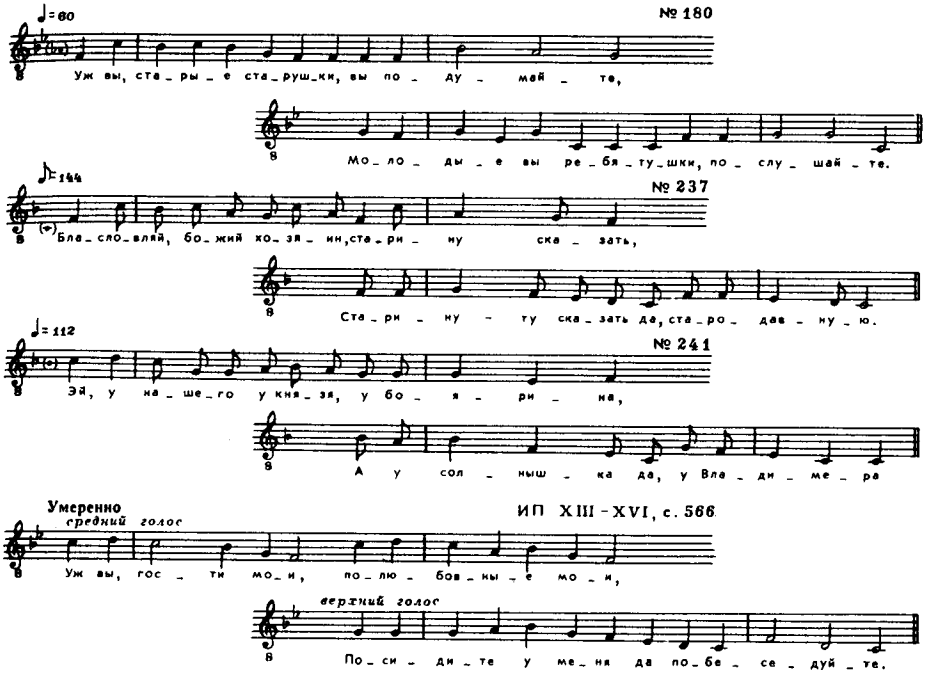
Две записи песни (№ 179, 180) — близкие мелодические варианты. В напевах обнаруживаются свойства казачьей эпической традиции: сочетание речитативности и черт протяжной песни (распевность слогов, колорирование их сменяющимися гласными, рассредоточение стиха, строфичность, наличие цепного запева).

Первый из рассматриваемых образцов более схематичен в сравнении с сольно-импровизированным характером второго. В последнем не упорядочена музыкальная строфика, значительно сокращена вторая строфа, интенсивно варьируется слогоритмическая группировка. Вариативность от строки к строке сочетается в этом образце с «канонической» сохранностью усвоенного напева в целом: повторная запись, сделанная через три года (запись и нотировка Л. Мухомедшиной, КМФ, № 16 094), демонстрирует почти абсолютное совпадение. В первом варианте ритмическое варьирование касается в основном зачина в запевных строках — ускоренное произнесение слогов, характерное для сольных запевов в южно-русской и казачьей традиции.

Акцентный восьмидольник с «торможением» последних трех слогов, составляющий здесь нормативную структуру, встречается и в других образцах песни этого сюжета (КД, № 30; Пальчиков, № 39).

В стиле протяжной песни преломлен тот вид «эпических» напевов, который близок плясовым песням. Это особенно заметно в обобщенных мелодических контурах, приведенных в нотном примере III (слогоритмические модели с сохранением опорных звуков мелодии; запись Пальчикова дана по публикации ИП XIII—XVI, нотн. прил. № 11):

Нотный пример III

180. Взятие Казани. Источник: магнитофонная запись, присланная Н. А. Новоселовой (Красноярск). Записали Н. Новоселова и Н. Шульгин в 1979 г. от Акулины Семеновны Сизых, 77 лет, на средней Ангаре, в пос. Таежном Кежемского р-на Красноярского края. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым. (См. примеч. к № 79.) Повторная запись, сделанная в 1982 г., зафиксировала сокращение текста (Перечень, № 177).

Текст является вариантом той же формы, что и № 179. От сюжета «Взятие Казани» в нем сохранилось лишь несколько стихов, пропетых в заключение. Центральное место занял эпизод сидения на заставе, с упоминанием поповского сына, — видимо, Алеши Поповича. Этот эпизод, по всей вероятности, следует считать реминисценцией былины «Илья Муромец и его сын». Слияние в одном тексте фрагментов из разных эпических песен в данном случае можно объяснить тем, что эти песни здесь имели одинаковые или очень сходные зачины и распевы. Под «банкетом» в тексте, очевидно, подразумевается так называемая «прикладка», каменная или земляная, с внутренней стороны вала или бруствера: на нее становились для ружейной стрельбы по противнику[88].

181. Иван Грозный и сын. Печатается по полевой записи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 62—65. Судя по ряду признаков (скоропись карандашом, союз «и» в начале многих стихов и др.), рукопись представляет собой непосредственную запись С. И. Гуляева под диктовку исполнителя. Не вполне точное воспроизведение текста: Гул. 1952, № 30; ИП XIII—XVI, № 234. В алтайском архиве также сохранилась беловая рукопись текста с многочисленными исправлениями, внесенными С. И. Гуляевым: зачеркивания, перестановки и вписывания слов (Указ. архив, л. 59—61). При сличении она оказалась тождественной изданию: Гул. 1939, № 8. В этом раннем издании текст отнесен к репертуару Л. Г. Тупицына, между тем при непосредственной записи соответствующего указания нет.

Текст содержит версию, известную по КД (№ 45) и в виде эволюционных производных спорадически фиксировавшуюся в разных местах Русского Севера, почти исключительно в западной

[88] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1978. — Т. I. — С. 46.

его части, а также в Саратовской и Симбирской губ. Он наиболее близок к вариантам, записанным в Заонежье и особенно на Пудоге (ИП XIII—XVI, № 239—242, 245, 246), но по сравнению с ними выглядит как более ранняя в эволюционном отношении форма.

182. Иван Грозный и сын. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 15.07 1853 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 105—106. Ранее текст печатался в редакции С. И. Гуляева (Гул. 1939, № 34), которая сохранилась в виде белового списка со многими исправлениями (Указ. архив, ед. хр. 214 б, л. 56—58). Промежуточная между двумя названными выше редакция С. И. Гуляева: Гул. 1939, Прил., с. 155—157; ИП XIII—XVI, № 235. Компромиссная редакция издателей, пытавшихся учесть оригинал и производные от него списки С. И. Гуляева: Гул. 1952, № 31. В ранних изданиях текст отнесен к репертуару Епанешникова, однако Д. П. Соколов, записавший текст в Сузунском заводе, в упомянутом письме не приводит никаких сведений об исполнителях посланных С. И. Гуляеву песен.

Текст содержит ту же версию песни, что и № 181. Он наиболее близок к варианту КД (№ 45) и записям в Симбирской и Саратовской губ. (ИП XIII—XVI, № 237, 243). По отношению к поволжским вариантам сузунский текст более полон.

183. Неудавшееся покушение на Ивана Грозного. Печатается по полевой записи собирателя: ГААК,ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214б, л. 65—66об. Судя по карандашной скорописи и другим признакам, список представляет собой непосредственную запись С. И. Гуляева под диктовку неназванного исполнителя. Ранее текст печатался с учетом правки С. И. Гуляева, внесенной чернилами прямо в рукопись: Гул. 1952, № 32; ИП XIII—XVI, № 262

Текст уникален. Нам не удалось обнаружить в письменных источниках сведений о подобном покушении на Ивана Грозного. Как и многие другие исторические песни, текст, по всей вероятности, основан на народной молве, лучше учитывавшей психологию правителей, нежели реальные факты. Примечательно, что С. И. Гуляев не спешил с публикацией песни. Наверное, запись была сделана после выстрела Каракозова в 1866 г., в пору, когда революционеры стали прибегать к террористическим актам, как к радикальному средству борьбы с царизмом. Зная об этом, собиратель, по-видимому, не хотел публикацией песни вызывать какие-либо толки и ассоциации с современными ему событиями.

184. Иван Грозный хитростью берет город. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5. оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 2, л. 53. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 356; ИП XIII—XVI, № 273. Записал Н. А. Габышев 16. 04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки. В тексте дано лишь начало песни, а собиратель не сопроводил его сведениями о том, пытался ли он узнать продолжение песни хотя бы в виде пересказа.

Текст уникален. Судя по ст. 9—11, он должен был иметь сюжет, подобный тому, какой встречается в песне «Взятие Азова с помощью хитрости», прикрепляемой то ко времени Алексея Михайловича (ИП XVII, № 94—99), то ко времени Петра I (ИП XVIII, № 33, 34). Активной ролью царя, который сам под видом купца хочет проехать в город, индигирский текст перекликается, расходясь с ним в остальном, только с одним нижегородским вариантом песни «Взятие Азова» (ИП XVIII, № 33), где царь Петр привозит мнимые товары в Азов. На Нижегородчине же была записана уникальная песня «Царь Петр под видом купца едет в Швецию» (ИП XVIII, № 207), где в речи Петра перед офицерами и солдатами звучат слова, схожие со стихами концовки индигирской песни:

Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,
А зовите вы меня заморскиим купчиной.

Приведенных фактов достаточно для того, чтобы говорить о генетической связи индигирской песни с нижегородскими, имеющими более позднее приурочение. Однако отсутствие основной части повествования у индигирской песни не позволяет сказать, предшествовала ли она версиям, сложившимся в XVII—XVIII вв., или, напротив, является их эволюционной производной. Если же обращаться к доводам за пределами текстового анализа, то прежде всего подчеркнем, что песня о взятии Азова с участием царя просто не могла возникнуть в эпоху Ивана Грозного, тогда как эпоха Петра I дала реальное основание для сложения фольклорных произведений об Азове. Наряду с этим хорошо известно, что русские старожилы Индигирки не удержали в своей памяти имен царей, помимо имени Ивана Грозного, которое они помнили по унесенным туда фольклорным произведениям, — имя же Петра I им ничего не говорило, ибо петровские преобразования их никоим образом не коснулись. Приведенные доводы склоняют к мысли о том, что индигирцы скорее всего подменили имя царя в усвоенной ими песне о взятии Азова.

185. Молодец и казна монастырская. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 78об. Текст печатался в редакции С. И. Гуляева: Мил. Изв. ОРЯС,

с. 72—73; Гул. 1939, № 17. Компромиссное воспроизведение текста, с предпочтением названной беловой рукописи: Гул. 1952, № 52. Записал С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына.

Текст уникален по месту и обстоятельствам действия. Своей второй частью (ст. 11 и след.) он сходен прежде всего с песней «Правеж» (№ 186) и родственными ей формами.

В рукописи Гуляева — одна мелодическая строфа с аккордовым сопровождением (так же, как и в № 132). Подтекстовка неразборчива, расстановка тактовой черты не соответствует ритмической структуре напева и стиха. Публикуем напев в нашей редакции, которая не совпадает и с редакцией, предложенной в ИП XIII—XVI (нотн. прил. № 66а): исправлен размер в связи с ритмико-синтаксическим членением текста, реконструирована подтекстовка, выставлен знак при ключе в соответствии с ясно слышимой тональностью напева, поставлен знак, указывающий на естественное, как нам кажется, исполнение октавой ниже.

Интонационный склад весьма характерен для многих напевов сборника КД. В ритмике и мотивном членении, вплоть до словообрыва, есть сходство с песней «Ермак взял Сибирь» (№ 189 наст. изд.).

186. Правеж. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 30. 01 1854 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 6, л. 7—7об. С небольшими отличиями текст печатался: Гул. 1952, № 33; ИП XIII—XVI, № 298. О последующей обработке текста С. И. Гуляевым и его соединении с иными текстами см. Перечень, № 184. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе. Имя исполнителя в рукописи не приводится.

Собиратель не сообщил, почему у текста отсутствует продолжение, без которого нельзя определить принадлежность текста к какой-либо версии довольно редкой песни. Это определение затрудняется еще и тем, что в тексте использованы два зачина (ст. 1 и след., ст. 11 и след.), признак того, что текст сложен из фрагментов двух разных произведений.

Более полные варианты песни «Правеж» находили в Симбирской губ. и, кажется, в средней полосе России (ИМ XIII—XVI, № 295, 296). Ее эволюционным развитием явилась поволжская форма «Царь допрашивает молодца, которого ведут на казнь» (Там же, № 299, 300), а на Дону и на Тереке — форма «Иван Грозный встречает в избушке молодца» (Там же, № 303—307). В восточной части Русского Севера иногда записывали предание «Орсенко (Аксенко)» и его более или менее удачные переложения в эпической форме (см., например, БН и НЗ, № 98, 99) — в них рассказывается об ограблении Никольской церкви где-то на Вологодчине, порой с упоминанием Румянцева монастыря. С сюжетом «Орсенко» генетически связана песня «Царь Петр и молодец на правеже», изредка записывавшаяся в разных местах европейской части страны (ИП XVIII, № 224—228), — в ее вариантах также порой упоминается Румянцев монастырь. Следовательно, упоминание «конторушки Румянцевой» в публикуемом тексте (ст. 17) указывает на его связь с эволюционно поздними формами «Орсенко» и «Царь Петр и молодец на правеже»: совпадение хотя бы одной немотивированной детали свидетельствует о генетическом родстве сходных текстов. Однако такого совпадения совершенно недостаточно для определения их эволюционной соотносимости.

187. Не шуми, мать зеленая дубравушка. Источник: Мак. ЖС 1907, вып. 3, с. 57. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от Евграфа Васильевича Сизых в Кежемской Заимке на средней Ангаре. Собиратель не указал, почему у текста отсутствует концовка, в которой царь объявляет о пожаловании разбойника виселицей. Текст явно записан под диктовку.

О бытовании этой песни лучше известно по повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (гл. VIII) и свидетельствам жителей Москвы XVIII—XIX вв. (Чернышев, с. 412), нежели по ее записям в народной среде. Публикуемый текст наиболее близок к самым ранним фиксациям песни в XVIII в. (см., например, Чернышев, № 116, запись 1767 г.), но не настолько, чтобы можно было говорить о его заимствовании из печатных песенников XVIII в. Он принадлежит к небольшой группе вариантов, зафиксированных, к сожалению, без указания местности[89] и в эволюционном отношении более ранних, чем варианты московских песенников начала XIX в. (Чернышев, № 117, 118) и последующие записи форм типа «Царь допрашивает молодца, приведенного в Москву» и «Узник просит дубровушку не шуметь», найденных соответственно в Курской и Оренбургской губ. (ИП XIII—XVI, № 301, 302).

188. О призывании волских атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарыщи с великие реки Волги в Чюсовские городки на помогание противо неверных. Источник и переиздания: СД, с. 55—56; Майков. Отрывок; *Лихачев* Д. С. Русские летописи и их культурно-

---

[89] *Русские* народные песни о крестьянских войнах и восстаниях / Сост. Б. М. Добровольский, А. Д. Соймонов; Общ. ред. и вступ. статья А. Н. Лозановой. — М.; Л., 1958, № 60—61. Ср. более поздние формы, записанные в Москве и среди астраханских казаков: Там же, № 62—63.

историческое значение. — М.; Л., 1947. — С. 401—402; ИП XIII—XVI, с. 679. Печатается по списку Ф. А. Толстого Строгановской летописи, написанной скорописью XVIII в. О тексте, помимо названных работ, см.: *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. — М.; Л., 1960. — С. 243—245, 270.

Публикация этого списка Строгановской летописи не сопровождалась сведениями о месте и более точном времени его написания. В других списках как Строгановской, так и иных сибирских летописей, тождественная или подобная песенная вставка отсутствует, а это значит, что вставка, очевидно, — индивидуальный акт конкретного переписчика. Он переложил в стяженной форме контаминацию из двух сюжетов: «Ермак в казачьем кругу» и «Казаки убивают царского посла». Подобная контаминация в иной версии, но тоже без каких-либо добавлений, была найдена в устном бытовании лишь дважды — на Индигирке (см. № 190) и на Водлозере, севернее Пудожа, в западной части Русского Севера (ИП XIII—XVI, № 357). Судя по упоминанию в речи Ермака убийства царского посла, эта контаминация предшествовала сложению песни «Ермак у Ивана Грозного» в вариантах донских и астраханских казаков (ИП XIII—XVI, № 364, 365). Характерный стих 11 о Доне, где только и можно «казаками слыть», в других вариантах песни «Ермак в казачьем кругу» не встречается. В иной форме упоминание Дона можно найти в песне «Ермак в казачьем кругу» или в ее контаминации с песней «Ермак взял Казань», притом почти исключительно[90] у донских казаков (Там же, № 329, 342, 346, 347, 358, 359). В силу сказанного казачье происхождение песенной вставки в список Строгановской летописи не вызывает сомнения.

189. Ермак взял Сибирь. Источник и переиздание: КД, № 14; ИП XIII—XVI, № 368. Текст помещен в рукописный сборник, составлявшийся приблизительно в 60—80-е гг. XVIII в. Паспортных сведений нет.

Хотя о тексте много раз писали (указания на литературу: КД, с. 437—438; см. также: Кошелев, с. 24—26), тем не менее он остается еще не прочитанным. Трудности прочтения заключаются прежде всего в уникальном для фольклора сводном типе текста и, следовательно, во множественности его подлинных источников. Эти трудности усугубляются тем, что предания о Ермаке плохо собирались, особенно по маршруту следования его отряда и в районе Демидовских заводов на Урале, где составлялся сборник КД, а собранные предания до сих пор остаются не проверенными на фольклорную подлинность и не систематизированными, разумеется, с учетом их эволюционной соотносимости. Композиционно и отчасти стилистически текст построен в подражание летописным рассказам о походе Ермака, что подтверждается и перекличками его отдельных мотивов с соответствующими эпизодами некоторых списков Строгановской летописи. В этом отношении текст КД все еще требует кропотливого анализа с привлечением тех списков сибирских летописей, которые копировались на Урале и в соседних с ним местах.

В эволюционном плане сводный текст, естественно, — более поздний, чем составляющие его элементы. Уникальность текста, сведенного из произведений разных жанров и разного происхождения, несомненно говорит о чьем-то индивидуальном и, очевидно, не традиционно фольклорном участии в его создании. Иными словами, как и в отношении других текстов КД, мы полагаем, что у фольклорных исполнителей, давших для свода свои тексты на запись, был сводчик — составитель и редактор сборника.
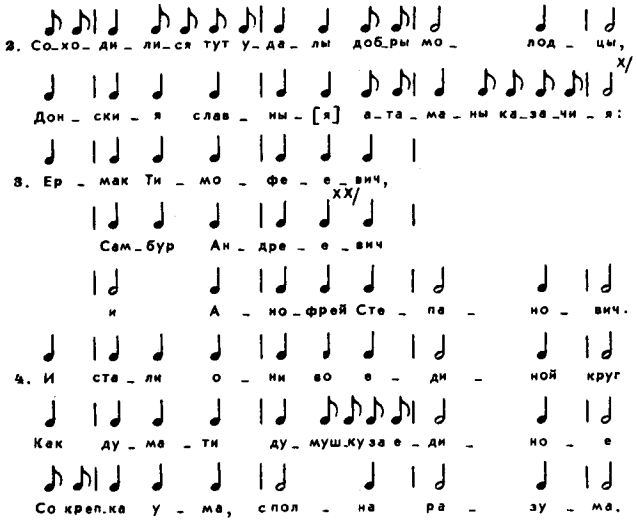
Словесный и музыкальный тексты организованы принципиально различно. Первый не имеет устойчивой строфичности, стих — тонический, с неупорядоченным количеством ударений, резко колеблется число слогов в стихе. Мелодия, напротив, отличается четкой трехдольностью, строфична, складывается из трех предложений. Такое ритмосинтаксическое несоответствие обусловлено раздельной записью напева и слов песни.

Соединение мелодии и словесного текста, различных по структурной организации, вызывает трудности в трактовке этого образца, о чем свидетельствуют неоднократные попытки по-разному реконструировать его (см. БКД, с. 90—95; ИП XIII—XVI, нотн. прил. № 69а).

Напев и поэтический текст оригинала наиболее естественно соединяются в публикуемой первой строфе. Очевидно напев и был записан по началу песни. В дальнейших строфах подобное соединение невозможно. В предлагаемой нами слогоритмической реконструкции применен прием цепной повторности стихов, в некоторых строфах исключено третье мелодическое предложение, что не противоречит, например, народно-песенной традиции Севера (см. строфику песни с аналогичным зачином: ПФМ, № 2); перекомпонованы мелодико-стиховые цезуры в третьей строфе с целью согласования с музыкальными акцентами словесных ударений, типичного при перечислении имен-отчеств в народных эпических песнях. В соответствии с увеличением слогов в стихе допускается дробление отдельных мелодических долей по аналогии со сходными попевками оригинала.

[90] Один вариант был записан среди терских казаков, издавна имевших постоянные связи с казаками Дона.

Нотный пример IV

Определенное мелодическое сходство сближает напев с № 185 наст. изд., а также с песней «Я пойду ли молоденька во всю темну ночь гуляти» из собраний В. Трутовского (№ 66) и Львова — Прача (№ 35), которые отразили репертуар, популярный в городском быту XVIII в.

190. Ермак. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 444, л. 54. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 356—357; ИП XIII—XVI, № 335. Записал Н. А. Габышев 15. 04 1946 г. от С. П. Киселева в м. Косухино на Русской протоке нижней Индигирки.

В тексте стяженно передан сюжет «Ермак в казачьем кругу» с включением в него сюжета «Казаки убивают царского посла». Подобная форма была отмечена еще лишь одной записью — в д. Кугонаволок на Водлозере, в 64 км к северу от Пудожа (ИП XIII—XVI, № 357). В других местах эта контаминация исчезла, сменившись иными формами с включением сюжета о Ермаке в казачьем круге. В индигирской и водлозерских записях обнаруживается и совпадение нескольких немотивированных деталей, что позволяет считать эти записи вариантами одной версии, далеко разошедшимися в ходе бытования. Оба текста несомненно происходят из казачьей среды.

Одна из немотивированных деталей — это имя есаула. В индигирском варианте есаулом со Дунай-реки назван Ласташка Лаврентий сын, в водлозерском — есаул у донских казаков «со Двины Остафей Лаврентьевич». Оба варианта, каждый по-своему, сохранили это имя от исходной казачьей версии. В песне «Ермак в казачьем кругу», свободной от контаминаций или связанной ими, а также в песне «Турки нападают на казачью крепость», по их вариантам, записанным преимущественно среди донских казаков (одна запись — от астраханских казаков), есаулом назван Евстафий (Асташка, Гаврюшка) Лаврентьевич (ИП XIII—XVI, № 342, 358, 364, 365, 372). Большой есаул Стафей Лаврентьевич мельком упомянут и в одном из сводных текстов о Ермаке в КД (№ 13 = ИП XIII—XVI, № 356). Следовательно, можно уверенно считать, это имя есаула имелось уже в исходной версии песни «Ермак в казачьем кругу».

Концовка индигирского текста (ст. 16—20) своеобразна — ср. угрозу вражеского царя в былинах типа «Илья Муромец и Калин-царь». Ничего похожего в других вариантах песни «Ермак в казачьем кругу» не обнаруживается. Больше того, нетрудно заметить, что в каждой местности по-своему излагался призыв Ермака идти в Сибирь (ср. ИП XIII—XVI, № 330—334, 336), а это значит, что оформление концовки в разных местах бытования песни происходило самостоятельно, независимо друг от друга. Этот процесс совершался, очевидно, много позже похода Ермака, на основании устных слухов о нем.

191. Скопин просит помощи у шведского короля. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, л. 58. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 357—358; ИП XVII, № 33. Записал Н. А. Габышев 15. 04 1946 г. от С. П. Киселева на нижней Индигирке. Текст записан под диктовку.

В нем отражена местная версия редкого сюжета, который, помимо Индигирки, в виде самостоятельного произведения фиксировался еще лишь в Пошехонье (ИП XVII, № 31). В других местах сюжет находили в контаминации с иными: в тексте КД (№ 29 = ИП XVII, № 32) он соединен с песней «Отравление Скопина»; в тексте из Осташковского у. Тверской губ. ему предшествовал фрагмент из песни о Гришке Расстрижке (ИП XVII, № 60); сказители из Заонежья Т. Г. и И. Т. Рябинины подавали сюжет как начало былины «Наезд литовцев» (Там же, № 61—63). Хотя в каждом месте отмечено бытование собственной версии сюжета «Скопин просит помощи у шведского короля», все версии, кроме заонежской, близки между собой, что выражается в совпадении отдельных деталей и даже целых стихов, а это означает, что версии Пошехонья, Осташкова, Урала и Индигирки восходят к общей версии, вероятно сложившейся в Верхнем Поволжье, где и вел главным образом военные действия против интервентов реальный М. Скопин-Шуйский совместно с шведским корпусом Якова Делагарди.

В сравнении с другими записями индигирские тексты представляют собой всего лишь фрагмент начала произведения, в котором описывалась предыстория и история похода Скопина от Новгорода через Верхнее Поволжье до Москвы. Забвение большей части песни о походе Скопина и привело к превращению ее начального фрагмента в песню об обращении Скопина за помощью к шведскому королю.

Странное на первый взгляд словосочетание «немцы-каливерцы» (ст. 19), по-видимому, восходит к старинному русскому названию г. Кариберь в Центральной Финляндии, русифицированной форме шведского названия Каянеборг (финск. Каяни). До начала XVIII в. через этот город проходил торговый путь с Карельского берега Белого моря к Ботническому заливу Балтийского моря[91]. Поскольку русские пользовались топонимом Кариберь в XVI—XVII вв., то его переиначенную форму в индигирском тексте можно принимать за один из ранних элементов песни.

Не менее странное выражение «шерапея премудрая» (ст. 26) можно объяснить как подмену слов, если учесть, что в родственном пошехонском варианте Скопин молится в Новгороде в «храме Софии Премудрыя»: змеей-скоропеей, заимствованной из заговоров, на Индигирке заменили почему-то непонятную Софию.

Выражение «юрта съезжая» заменило старинный, существовавший до последней четверти XVII в. термин «съезжая изба», который затем в официальном обиходе был заменен термином «приказная изба», еще позже — «воеводская канцелярия». Для индигирцев замена слова «изба» словом «юрта» вполне естественна, ибо вплоть до последних десятилетий их собственными жилищами и были юрты, небольшие пирамидальные строения из поставленных стоя плах, обмазанных илом или глиной, и с плоской крышей.

Наряду с ранними, не позднее XVII в., элементами в индигирских записях песни имеются и поздние. Гербовая бумага (ст. 9) была введена в начале XVIII в. Тогда же старинный этноним «свей» сменился на этноним «швед». Невозможно сказать, когда произошла «модернизация» песни путем включения в нее этих поздних деталей. Между тем от ответа на такой вопрос зависит и определение времени занесения песни на Индигирку: если эти детали были введены в текст уже на Индигирке, то, следовательно, песня пришла туда раньше, может быть с первыми поселенцами. В любом случае сложение индигирской версии относится по этим деталям ко времени не ранее начала XVIII в.

В записанной от того же С. П. Киселева песне «Осада Смоленска» (см. № 197, ст. 14—16) упоминается воевода Яков Люнопостович. Это несомненно Яков Пунтусов, как русские официально именовали Якова Делагарди, командовавшего шведским корпусом и, судя по известным документам, быстро нашедшего общий язык и состоявшего в дружеских отношениях с М. Скопиным-Шуйским. Стихи о нем в песне «Осада Смоленска» — цитата из песни «Скопин просит помощи у шведского короля», перенесенная сказителем, видимо, по той причине, что он одинаково неважно помнил обе песни и путал их. Цитата определенно свидетельствует о том, что песня о Скопине была недосказана С. П. Киселевым. Он, наверное, мог бы пересказать ее продолжение своими словами, чем не преминул бы воспользоваться опытный собиратель.

---

[91] *Шаскольский И. П.* «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского // ТОДРЛ. — 1958. — Т. XIV. — С. 457, 460.

192. Скопин просит помощи у шведского короля. Печатается по тексту из личного архива собирателя. Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 02. 07 1982 г. от Е. С. Киселева, сына рассказчика предыдущего текста. Певец перенял песню у своей бабушки Аграфены. Первая запись этой песни от Е. С. Киселева была сделана в 1973 г. (Перечень, № 199), третья — 1985 г. (Перечень № 200).

Эта песня была первым эпическим текстом, который собиратель услышал от Е. С. Киселева, почти тотчас после приезда в Федоровское — одинокую избушечку, стоящую на юру у двух проток, среди голой тундры, покрытой бесчисленными озерами и озерцами, с кругами ноздреватого льда на озерах и полосами нерастаявшего снега на склонах холмов. Дул крепкий и плотный северный ветер, перед которым открыто все низовье Индигирки. Подчиняясь ветру, вал за валом накатывались черные, удивительно низкие тучи — они то едва успевали ронять крупные хлопья снега, то низвергали целые снежные заряды. Стылая погода и стылая природа. Коротенькая арктическая весна, перебитая северным ветром, очень напоминала собирателю его собственное положение человека, крайне ограниченного обстоятельствами и временем, какое было отпущено на то, чтобы попытаться разобраться в фольклорной традиции индигирцев. И вот торжеством и радостью, как звуки органа, отозвалась в душе эта песня, снимая напряженность, тревоги и волнения предшествующих дней. И было странно до изумления слышать здесь распев, очень похожий на те, которые собиратель слышал двадцатью годами раньше на Русском Севере.

Певец не смог ответить на вопросы о значениях эпизодов, персонажей и слов песни. Лишь по поводу «ерлачков» (ст. 12) он сказал, что это Скопин писал адреса на письмах.

Исполнение Е. С. Киселева отличается интонационной нечеткостью. Высотная «необязательность» отдельных ступеней, плавающее интонирование звука при его затухании на фермате, тенденция к повышению высотного уровня в процессе пения сочетаются с определенной устойчивостью общей мелодической линии, ритмической и композиционной структуры, что подтвердилось при повторной записи в 1985 г. (зап. Т. С. Шенталинской).

Интересна музыкальная строфика. Запевная строка-зачин далее не повторяется; функции основных мелодических строк разграничены. Первая, интонационно напряженная, с взлетающим (вплоть до децимы) зачином, подобно «буквице» красной строки, открывает музыкально-поэтическую строфу, с началом которой, как правило связаны смысловые опоры. Вторая — соответствует стихам пояснительного или перечислительного содержания. Она интонационно проще первой (набор повторяющихся мелодических ячеек плюс каданс), почти не варьируется при повторении и используется в строфах неодинаково по количеству, от одного до шести раз (в записи 1985 г.). Такая организация строф — характерный признак заонежской эпической традиции. Описанный принцип особенно отчетливо проявляется в записи 1985 г., в приведенной здесь есть отступление: 4-я строка первой строфы по мелодии — начальная, по смыслу — последняя. Слогоритмическая формула 2-й строки распространена на Индигирке и Колыме (см. нотный пример А, № 156а, примеч. к № 96, 97), ритм зачинных строк — типично «мезенская» структура (см. № 51 и примеч. к нему).

193. Отравление Скопина. Источник: Попов, с. 163—164. Записал Е. П. Попов 10. 10 1905 г. в Среднеколымске. Текст записан под диктовку.

Все варианты песни «Отравление Скопина», записанные на Колыме и Анадыре (см. № 193—195; Перечень, № 201—204), образуют одну версию, оформленную в былинном стиле. Во всех случаях, когда там записывали песню с голоса, оказывалось, что она поется как особая величальная песня, которую в народе по припеву называют виноградьем. Если на Русском Севере виноградья имели разное приурочение, то на Колыме их пели только под Рождество, а теперь те, кто помнит, поют под Новый год. Форма виноградья несомненно указывает на происхождение колымско-анадырских вариантов из восточной части Русского Севера. Сам текст песни тоже перенесен оттуда. Более раннюю в эволюционном отношении форму находили на Вычегде (ИП XVII № 34) — именно она является исходной по отношению к ее эволюционным производным, изредка фиксировавшимся на Зимнем и Терском берегах Белого моря, на нижней Печоре (ИП XVII, № 35, 43, 52, 57, 59), а также на Колыме и Анадыре.
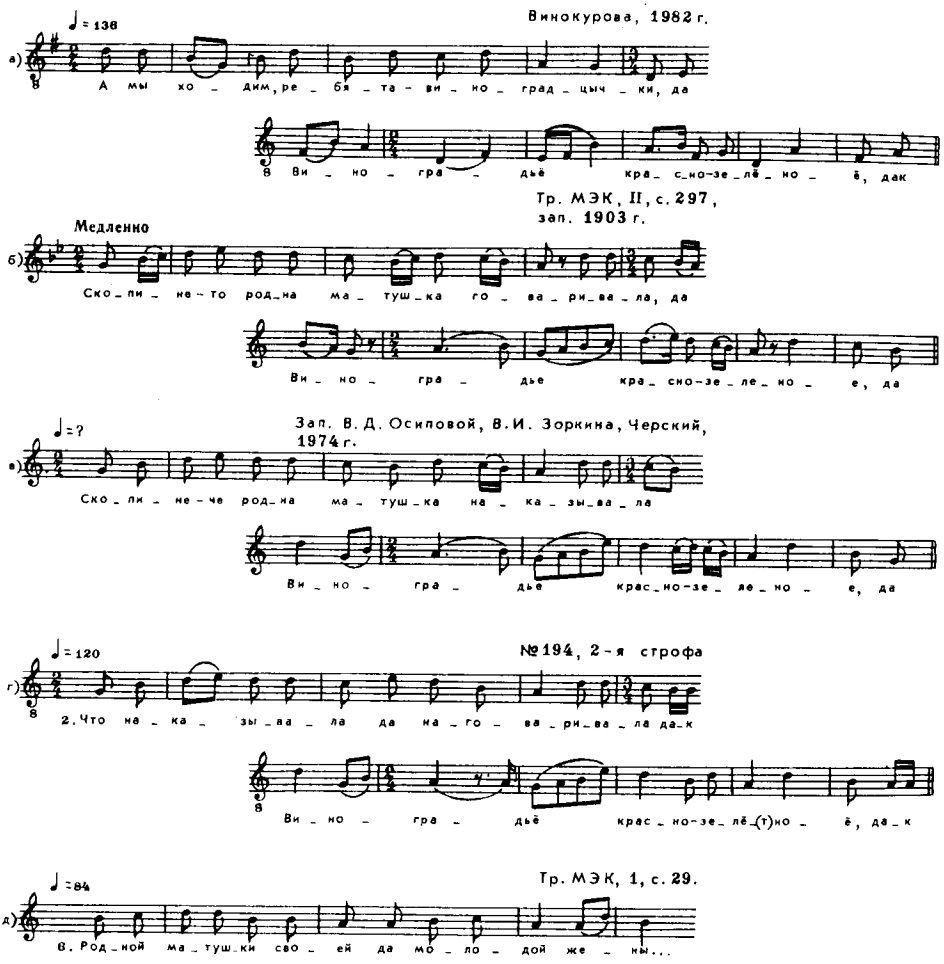
194. Отравление Скопина. КМФ, № 15 762. Печатается по расшифровке собирательницы и Ю. И. Смирнова. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в июле 1982 г. от Анны Иннокентьевны Винокуровой, 69 лет, в пос. Черский на нижней Колыме.

Структура напева традиционна для обрядового виноградья. Песня пелась как «домашнее» виноградье (как тут называют) в отличие от «надворного», которое пелось на улице возле дома. Они составляли двухчастный цикл из однотипных напевов. От той же исполнительницы в тот же день была сделана запись «надворного» виноградья-благопожелания (см. нотный пример Va).

Местный напев песни об отравлении Скопина демонстрирует устойчивую сохранность. Записи, сделанные через 70 и 80 лет, совпадают почти нота в ноту. Колымский напев сходен с напевом

той же песни, исполненной в качестве старины, без припева, беломорской сказительницей А. Крюковой. Особенно это сходство заметно при сравнении с шестой строкой крюковского варианта:

Нотный пример V

Запись включена в пластинку.

195. Отравление Скопина. Печатается по записи неизвестного лица: ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 118а, л. 7—9об. Записано в 1901 г. в с. Марково на среднем Анадыре.

Хотя текст записан со сбоями в стихах, он тем не менее выглядит самым полным и по стилю наиболее эпичным из всех вариантов песни, записанных на северо-востоке Азии.

196. Отравление Скопина. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 68—69. Текст печатался с учетом правки, внесенной С. И. Гуляевым прямо в рукопись: Гул. 1952, № 37; ИП XVII, № 39. Последующая легкая редакция текста: Гул. 1939, № 9. В этом последнем издании текст отнесен к репертуару Л. Г. Тупицына, между тем в беловой рукописи исполнитель не назван.

Оформленный в былинном стиле текст близок к версии песни, бытовавшей в районе Усть-Цильмы на средней Печоре (ИП XVII, № 40, 42, 46, 47), и по ряду деталей выглядит

более ранней формой, чем усть-цилемские варианты. Вместе с тем алтайский текст своей первой частью перекликается с симбирскими вариантами, сохранившими более раннюю форму похвальбы Скопина (Там же, № 36—37).

197. Осада Смоленска. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 1, л. 5об. — 6. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 359; ИП XVII, № 110. Записал Н. А. Габышев 14. 04 1946 г. от С. П. Киселева на нижней Индигирке.

Эту песню находили только на нижней Индигирке. Там ее записывали дважды (см. еще Перечень, № 205; ИП XVII, № 111), причем оба раза в виде фрагментов. Собиратели, к сожалению, не попытались добиться записи недостающих частей песни хотя бы в виде прозаического пересказа. Неполнота вариантов чрезвычайно затрудняет анализ песни.

Попытку А. Н. Лозановой видеть в песне отклик на события русско-польской войны 1632—1634 гг.[92] следует признать далекой от истины уже хотя бы потому, что, как она сама признает, И. Д. Милославский не принимал участия в этой войне. Если же учесть, что во втором индигирском варианте царь назван его зятем, то появление И. Д. Милославского в качестве царского тестя и военачальника под Смоленском было возможно лишь после января 1648 г., когда царь женился на его дочери Марии.

Слабо аргументированные суждения А. Н. Лозановой недавно были отведены Я. Г. Солодкиным, который вполне уместно приурочил песню к русско-польской войне 1654 г.[93], когда сам Алексей Михайлович в мае 1654 г. выступил к Смоленску, имея при себе «дворовыми воеводами» бояр Б. И. Морозова и И. Д. Милославского. Первый неудачный штурм города русские провели в ночь на 16 августа. О нем Алексей Михайлович писал своим сестрам: «Наши ратные люди зело храбро приступали и на башню и на стену взошли, и бой был великий; и по грехом под башню польские люди подкатили пороху — наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило; литовских людей убито больше 200 человек, а наших ратных людей убито с 300 человек да ранено с тысячу»[94]. С этим описанием штурма перекликается заключительный и, к сожалению, недосказанный С. П. Киселевым эпизод песни.

Фиксация песни только на Индигирке оставляет широкое поле для догадок о том, когда и кто мог занести туда песню. Но при этом, разумеется, нет необходимости видеть в ссыльных участниках «Медного бунта» авторов и распространителей этой песни, как предполагает Я. Г. Солодкин. Для того чтобы знать эту песню, достаточно было усвоить ее в кругу самых вероятных ее исполнителей, каким были скорее всего участники осады Смоленска. Среда служилых людей — вот вполне определенный источник распространения песни. Эта среда и дала Индигирке многих первопоселенцев. Что же касается ссыльных, то их во второй половине XVII в. на Индигирку не отправляли, очевидно, потому, что в Сибири было предостаточно мест поближе, под контролем со стороны властей, и понужнее, для использования ссыльных в каких-то работах. Нижняя Индигирка вообще не служила местом ссылки вплоть до последних десятилетий существования царизма.

198. Осада Комарского острога. Источник и переиздание: КД, № 44; ИП XVII, № 108. Текст записан не позже 80-х гг. XVIII в. в районе заводов Демидовых на Урале.

Текст уникален. Еще П. Н. Шеффер, издатель КД в 1901 г., обратил внимание на его перекличку с содержанием датированной апрелем 1655 г. отписки приказного человека Онуфрия Степанова, посланной с Амура якутскому воеводе М. С. Лодыженскому[95]. Вслед за издателем КД это не преминул отметить и В. Ф. Миллер (Очерки III, с. 328—329), заключивший, что в песне «фактическая сторона преобладает над поэтической». Не так давно сходство содержания песни с рассказом О. Степанова об осаде Комарского острога рассматривалось В. С. Левашовым[96]. Он же с помощью

---

[92] *Лозанова А. Н.* Фольклорные и книжные отклики на войну 1632—1634 гг. // ТОДРЛ. — 1958. — Т. XIV. — С. 326—329. Ее мнение было поддержано составителями ИП XVII (с. 349).

[93] *Солодкин Я. Г.* К приурочиванию песни об осаде Смоленска // Рус. лит. — 1982. — № 1. — С. 211—212.

[94] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. — М., 1963. — Кн. V, т. 10. — С. 628. Та же цитата приведена в работе: *Хмыров М. Д.* Царь Алексей Михайлович // Древняя и новая Россия. — 1875. — № 10. — С. 113. По соглашению с осаждающими поляки сдали Смоленск 23 сентября 1654 г. Переговоры с поляками вели И. Б. и Ю. С. Милославские, родственники царского тестя.

[95] *Русско-китайские* отношения в XVII в. / Сост. и обраб. текста Н. Ф. Демидовой, В. С. Мясникова; Коммент. и ист. введение В. С. Мясникова; Археогр. введение Н. Ф. Демидовой; Отв. ред. С. Л. Тихвинский. — М., 1969. — Т. 1: 1608—1683, № 80. (Далее: Рус.-кит. отнош.).

[96] *Левашов В. С.* Военно-исторические песни предков забайкальских казаков // Учен. зап. Читинского пед. ин-та. — 1971. — Вып. 23: Вопр. рус. языка и лит. — С. 17—26.

отдельных примеров показал совпадение типических мест песни и более ранних образцов русских эпических произведений и заметил различие между песенным решением быстрой и легкой победы, какого требовали каноны эпической традиции, и подлинными трудностями защитников острога, описанными О. Степановым.

Проведя свое сравнение между песней и отпиской О. Степанова, мы пришли к выводу о том, что между ними имеется столько совпадений, даже по таким немотивированным деталям, как «чеснок» в значении «частокол, тын», знамена и роты у нападающих, что создание песни на месте события, тотчас, по горячим следам не вызывает никакого сомнения. Перед нами редкий для Сибири случай создания русскими эпического произведения на местную тему. Он безусловно знаменателен. Благодаря ему возникает основание предполагать, что в ходе освоения Сибири русские создавали подобные произведения, посвященные событиям, в которых они принимали участие, но в подавляющем большинстве случаев такие эпические песни по разным причинам оказались не зафиксированными.

Событие, о котором повествуется в песне, произошло в марте—апреле 1655 г. К этому времени русские служилые люди и «охочие казаки» (добровольцы) под руководством О. Степанова, сменившего известного Е. Хабарова, успели построить острог на левом берегу Амура против устья его правого притока р. Комары (Кумары, кит. Хумаэрхэ) [97], в трех неделях ходу водою по Шилке и Амуру от Нерчинского острога [98]. Численность русских не превышала, по нашим подсчетам, 400 человек, среди которых были выходцы из Верхотурья, Тобольска, Тюмени, Сургута и других мест Западной Сибири. 13 марта 1655 г. внезапно появилось «богдойское войско». Его численность О. Степанов оценил в десять тысяч, что, наверное, можно считать преувеличением. «Богдойские люди» несколько раз ходили на приступ и осаждали острог до 4 апреля, когда вдруг, по О. Степанову, «видя к себе те богдойские люди божие посещение, и нападе на них ужас и трепет». Они побросали в воду порох и пушечные заряды, пожгли куяки, оставили пушечные ядра и ушли восвояси.

После этого О. Степанов в мае 1655 г. отправляет в Москву группу людей «с ясашной соболиной казной» и выделяет для их сопровождения — на часть пути до Тугирского волока на Олекму, правый приток Лены [99] — 50 служилых людей с наказом для последних возвратиться в Комарский острог «не мешкав». Из провожатых 10 человек не вернулись назад «и, своровав, побежали самовольством». Перечисляя беглецов, О. Степанов иногда называет место, откуда человек прибыл на Амур. Все это места Западной Сибири: Тобольск, Сургут, Туринск, Верхотурье [100]. Кроме Сургута, они находятся по соседству с приблизительным районом собирания песен, включая и текст об осаде Комарского острога, которые вошли в состав КД. Отсюда нетрудно предположить, что кто-то из беглецов унес песню с Амура на свою родину, где она сохранялась в передаче от поколения к поколению на протяжении более двух веков вплоть до момента записи. Фамилии беглецов известны. По ним, вероятно, можно было бы отыскать их потомков среди жителей Урала и Зауралья, что в свою очередь позволило бы узнать в точности хотя бы одно из мест записи песен КД.

Роль беглецов с Амура в перенесении песни в Приуралье подчеркивается оптимистическим тоном и облегченным, эпическим решением песни. После 1655 г. такую песню русским людям, оставшимся на Амуре не требовалось удерживать в памяти. С каждым месяцем обстановка там складывалась все горше и горше для русских. О. Степанов уже не посылал победных отписок, а вскоре его отряд попал в засаду на Амуре чуть ниже устья Сунгари и был разбит. Среди погибших оказался и Онуфрий Степанов. Уцелевшим служилым людям, долго, с неимоверными трудностями, по одиночке и мелкими группами выбиравшимися в верховья реки [101], песня об осаде Комарского острога не могла бы служить и слабым утешением. Им уже незачем было помнить ее.

Отметим также, что концовка песни (ст. 90—94) явно придумана позже лицом, не знавшим о последующих событиях на Амуре. Он исходил из того, что видел своими глазами в других местах Сибири, в том числе по соседству с Уралом, и полагал, что так происходило везде после побед русских.

Напев встречается в сборнике КД еще с тремя поэтическим текстами (№ 32, 33, 53): дважды он изложен в мажорном, дважды — в минорном наклонении. Такое явление встречается, например, на Мезени (Григ. III, с. 654), в напевах колымских виноградий (нотный пример V).

---

[97] Там неподалеку ныне находится пос. Кумара Шиманóвского р-на Амурской обл.

[98] «Описание Сибири» по списку Ф. А. Толстого конца XVII—начала XVIII в. — СА, с. 389.

[99] Этим путем с Лены на Амур русские пользовались, видимо, не позже 60-х гг. XVII в.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. — М., 1955. — Т. III, ч. 1. — С. 130—131.

[100] Рус.-кит. отнош., № 81, с. 210.

[101] Рус.-кит. отнош., № 99, 102—104.

Примечательно, что в КД минорные напевы соответствуют текстам трагического содержания; возможно, это связано с влиянием эстетики профессиональной музыки XVIII в.

Трехтактовое членение музыкальных фраз характерно для традиционных русских народных песен, тогда как мелодический стиль и композиция строфы типичны для городской музыки. Общий мелодический стиль, вплоть до сходства отдельных оборотов, близок песне «Ермак взял Сибирь» (№ 189).

Подтекстовка реконструирована нами на основе согласования словесных ударений с ритмическим выделением первых долей в трехдольной мелодии; мелодико-стиховая строфика реконструирована по принципу, описанному в примеч. к № 189.

199. Разин уплывает из острога. Печатается по беловой рукописи собирателя: ГАМ, инв. № 302а, л. 11. Записал И. С. Купалов-Коровин в 1955 г. от Ивана Ивановича Земцова, 62 лет, в Омской обл. Поется на мотив «Ах вы, сени, мои сени». Исполнитель перенял песню у своей бабушки Евдокии Григорьевны Павловой. Бабушка жила в семье Земцовых в Казани в 1905—1907 гг., а умерла в 1920 г. 65 лет от роду.

Текст песни уникален, однако мотив нарисованной лодки хорошо известен по преданиям о Разине, спорадически фиксировавшимся главным образом в Поволжье, от Нижегородчины до низовья Волги, а также среди яицких казаков и на средней Ангаре [102]. Этот мотив включался в предание для того, чтобы показать Разина колдуном. Чаще, как в публикуемой песне, Разин угольком рисует лодку. Иногда для этого ему достаточно отрезать щепку, которая тотчас превращается в корабль с вооруженными казаками [103]. На средней Волге, в районе Казани и Самары, несколько раз записывали песню «Сынок Разина», куда исполнители включали мотив «Разин сделал лодку из песку» (ИП XVII, № 235—239). В районе Жигулей находили даже и частушку, в которой говорится, что Разин «сделал лодку из песку и отправился в Москву» [104]. У ангарского рассказчика В. И. Сизых (см. о нем примеч. к № 20) исходным материалом названы нитки: «Возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснет ложку воды, и поплывут из острога по городу, и песни поют. Он, по-нашему, как бы как дьявол был» (Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 40). Таким образом, по преданиям, Разин, как подобает профессиональному колдуну, в случае надобности прибегал к подручному материалу. Версия с угольком, однако, оказалась более популярной. Она прикреплялась и к преданиям о других, сугубо местных разбойниках [105]. В этом случае ареал бытования версии с угольком охватывал и среднюю полосу России.

Русские предания о разбойниках плохо собирались, а те из них, которые оказались записанными, до сих пор не систематизированы. Это, естественно, исключает изучение генезиса мотивов и сюжетов преданий в сравнении с фольклорными аналогами народов Поволжья, тоже еще недостаточно собранными и не систематизированными.

Толчком к возникновению народных представлений о Разине как о колдуне, наверное, послужило предание его церковной анафеме. Внушения церковников о Разине как о исчадии ада не могли не проникнуть в сознание религиозных социальных низов, и они стали приспосабливать официальные внушения к собственным нормам бытового православия. Этот процесс, очевидно, происходил после подавления восстания Разина. И чем больше проходило времени, тем охотнее воспринимались и развивались представления о чародействе Разина.

200. Сынок Сеньки Разина. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 30.01 1854 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 6. Ранее текст печатался в редакции С. И. Гуляева: Мил. Изв. ОРЯС; Гул. 1939, № 13; Гул. 1952, № 58; ИП XVII, № 290. Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе (Алтай) несомненно под диктовку. Имя исполнителя не названо.

Текст сложен из фрагментов трех песен. Его начало (ст. 1—4) идет от довольно редкой баллады «Сокол подпалил крылья», в которую публикаторы вставляли имя Разина [106]. Центральная часть (ст. 5—13) и концовка (ст. 22—23) песни перекликаются с поздней, анахроничной формой «Разин перед Петром и князьми-боярами», однажды зафиксированный на Тереке (ИП XVII, № 351), и вместе с ней указывает на бытование в прошлом песни о Разине, держащем ответ перед царем. Наконец последняя часть текста (ст. 14—21) является фрагментом песни «Сынок Разина».

---

[102] *Песни* и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. статья, ред. и примеч. А. Н. Лозановой. — Л., 1935. — С. 78, 81, 82, 104, 111, 163.

[103] Там же. — С. 82.

[104] *Соколова В. К.* Русские исторические предания. — М., 1970. — С. 237, примеч. 25.

[105] Там же. — С. 165—166.

[106] См. об этом ИП XVII, с. 375; ср. тексты без имени Разина: Соб. I, № 487—490.

Д. П. Соколов, механически записывавший тексты в Сузунском заводе, очевидно, и не пытался помочь исполнителю расчленить фрагменты и вспомнить как следует каждую песню.

Вторая и третья части текста, вместе взятые, сюжетной схемой, но не текстуально, похожи на анахроничную же песню «Сынок Разина перед князем Волконским», бытовавшую среди оренбургских казаков[107], что, вероятно, свидетельствует о некоей связи алтайской записи с этой казачьей песней. Связь эту трудно распознать из-за отсутствия достаточного числа удовлетворительных записей обоих произведений. Нельзя исключать и того, что сходство алтайской записи с оренбургской песней обусловлено субъективными причинами, например тем, что исполнители соединяли в один текст фрагменты разных песен, случайно совпавшие по сюжетной схеме.

201. Сынок Стеньки Разина. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ. ф. 5, оп. 3, ед. хр. 769, л. 52—52об. Записал Н. А. Габышев 12. 04 1946 г. от С. П. Киселева на нижней Индигирке.

Песня о сынке Разина несомненно возникла в Поволжье и, очевидно, по свежим следам события, привязанного к Астрахани. Она приобрела значительную популярность. Ее находили почти повсюду в европейской части страны, даже на Украине и на пограничье с Белоруссией. Эволюционная соотносимость версий песни еще не выявлена. Тем не менее можно со всей определенностью сказать, что версия, отразившаяся в индигирских вариантах (см. еще Перечень, № 216, 217), относится к числу довольно поздних. В ней сынок и сам Разин связаны с Камень-рекой, т. е. с Камой. Это название вытеснило название Камышенки, притока Волги в ее нижнем течении (ср. тексты с упоминанием Камышенки: ИП XVII, № 163, 165 и др.). Замена, наверное, была сделана людьми, которые жили в Прикамье или по соседству с ним и, естественно, заменяли неясный для них гидроним на хорошо известный. «Камская» версия песни, судя по редким фиксациям в каждом районе, бытовала на Водлозере и Кенозере в западной части Русского Севера (Там же, № 166, 192), на Пинеге, Мезени и Печоре в восточной части Русского Севера (Там же, № 168, 185, 193, 194, 200, 204), на Вологодчине и Владимирщине (Там же, № 178, 182, 251), в Симбирской и Саратовской губ. (Там же, № 164, 167, 190, 259—260), даже в Москве (Там же, № 174), не считая трех записей, сделанных без указания местности (Там же, № 183, 186, 219). Отсутствие четкого ареала у версии наглядно показывает, что ее бытование обусловлено поздними миграциями мелких групп людей или одиночек.

В индигирском тексте внимание привлекают слова «сталерам офицерам» (ст. 8). Возможно, что первое из них не расслышал и неверно записал собиратель. Как бы там ни было, но при сличении с другими вариантами песни оно оказывается искаженной передачей слова «штаб». В народе оно было непонятно и потому передавалось с искажениями. Так, в кенозерском варианте встречаем «штафам-офицерам», в водлозерском и владимирском вариантах — «штапам-офицерушкам», в одном из вологодских вариантов — «щапам-офицерам» и т. д. Термин «штаб-офицер» появился в XVIII в. Следовательно, песенная версия с этой реалией возникла лишь после того, как реалия стала обыкновением в русской армии. Вполне очевидно, что версия с этим термином получила распространение благодаря лицам, служившим в армии не ранее XVIII в.

Описанный в конце текста эффект от крика Разина (ст. 25—28) является вариацией-перенесением из былин. Подобный эффект, например, производит крик Ильи Муромца, просящего милостыню, в былине «Илья и Идолище». В записи, сделанной на Индигирке в 1912 г., дана иная концовка. Там губернатор умирает тотчас после того, как сынок Разина сообщает о скором приезде батюшки (ИП XVII, № 277; Перечень, № 216).

202. Про незнамого человека. Источник и переиздание: Чеканинский 1915, с. 107; ИП XVII, № 265. Записал И. А. Чеканинский в 1913 г. от Н. М. Смолина в д. Выдрино на Чуне, левом притоке Ангары.

Эта версия песни о сынке Разина уникальна, поэтому нельзя сказать о времени и месте ее сложения. Она несомненно поздняя, ибо в ней социальный конфликт переведен в план матримониальных желаний «незнамого человека». Ст. 12 напоминает соответствующую фразу, которую произносит Дунай, сватая Апраксию-королевичну за князя Владимира, между тем былину «Женитьба князя Владимира» как на Ангаре, так и в других местах Сибири не записывали.

203. Сын Разина и два елынчата. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 769, л. 32. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 362; ИП XVII, № 356. Записал Н. А. Габышев 16. 04 1946 г. от С. П. Киселева на нижней Индигирке.

Публикуемые № 203, 204 не имеют аналогов в европейской части страны. Они взаимно дополняют и объясняют друг друга. Местом действия в одном из них назван Азов, подмененный в другом Тазом-городом, очевидно, по созвучию с названием реки в Западной Сибири, впадающей

---

[107] *Фольклор* Чкаловской обл. / Сост. А. В. Бардин. — Чкалов, 1940. — С. 107—108.

в океан к западу от Енисея. Приурочение к Азову и участие в повествовании Петра I позволяют отнести возникновение песни ко времени азовских походов Петра, т. е. не ранее конца XVII в. Сюжет песен, как и его временна́я привязка, условен. Он идет от старых эпических схем о поединке русского героя с иноэтническим противником, но не является механическим повторением какого-либо из них (ср. выше № 81, 82 «Илья Муромец и турок», а также «Кострюк» и др.). Он понадобился создателям песни исключительно ради главной мысли, высказанной героем в конце песни: он требует в награду за подвиг освободить Разина от церковной анафемы. Стремление подчеркнуть эту мысль и показать преемственность дела Разина, видимо, побудило создателей назвать героя сыном или племянником Разина.

Предание Разина анафеме, провозглашенной во всех церквях России, очевидно, сильно волновало какие-то группы из социальных низов. Ведь анафема исключала тогда человека из родного этнического мира и отождествляла его со всем, что считалось этнически и духовно нечистым. Эти люди, безусловно, сознавали себя православными христианами и по меньшей мере формально были едины в верованиях с другими социальными группами, включая и господствующие классы. Вместе с тем они, именно как представители социальных низов, не могли не сочувствовать борьбе Разина с барами и прочими господами и не разделять стихийно и инстинктивно враждебного отношения к ним. Так в сознании какой-то части социальных низов возникло гнетущее противоречие между сочувствием Разину и представлением о его нехристианской сущности, настойчиво навязываемым церковью и социальной верхушкой. Люди не знали, как по-настоящему снять это противоречие, но они хотели его устранить и искали решение. Одно из решений и пытались предложить создатели песни типа № 203, 204. Им казалось достаточным, если Разин будет освобожден от анафемы. Первый текст кончается этим требованием, и, видимо, собиратель виноват в том, что по поводу требования «вывести Разина из заклятия» отсутствуют хотя бы краткие пояснения исполнителя. Во втором тексте ответ на это требование дается от имени Петра I, и он не двусмыслен. У разных людей ответ от имени царя, наверное, вызывал различную реакцию. Возможно, что среди них были и такие, кто полагал, что иного ответа от власть имущих не следует и ожидать и что предание Разина анафеме и есть прежде всего показатель отношения к нему социальной верхушки, лишь задрапированного официальным православием.

204. Племянник Разина и татары-поединщики. Источник: Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 38—39. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от В. И. Сизых в Кежемской Заимке на средней Ангаре. Собиратель не смог побудить исполнителя сказать стихами весь текст.

Построенный из типических мест старших эпических произведений текст содержит примечательный мотив подношения турьего рога меда сладкого. Этот старинный мотив встречается только в эпической традиции восточной части Русского Севера. Следовательно, в эту песню он введен из какой-то эпической песни, занесенной оттуда.

205. Осада Соловецкого монастыря. Источник и переиздание: Ровинский. Материалы, с. 105—106; Селищев, с. 39.

По поводу текста П. А. Ровинский писал: «Сами семейские не сознают своего родства с крайним севером России; они помнят только свой выход из Польши, откуда вынесли и особенный говор; но как залог бывшей когда-то тесной связи с старообрядчеством северного Поморья и с соловецкими монастырями, стоявшими когда-то во главе раскола, у них сохранился «Стих соловецких чудотворцев». Этот стих ‹...› доставлен мне в рукописи новейшего почерка тарбагатайским крестьянином Ефремом Медведевым [108]. Складом своим он напоминает былины, но заметно уже влияние вирш, с которыми складыватели могли познакомиться в западном крае; многое в нем испорчено, есть и пропуски, но он интересен как исторический документ и как единственное произведение подобного рода у семейских...» (Ровинский. Материалы, с. 105).

Предположения П. А. Ровинского о происхождении текста далеко не во всем подтверждаются имеющимися сведениями. На Ветке (ныне Гомельская обл. в Белоруссии), откуда примерно в 60-е гг. XVIII в. вышли предки забайкальских староверов, в списках распространялась иная версия «стиха» об осаде Соловецкого монастыря, которую можно назвать исторической и, следовательно, более ранней, так как в ней сохранилось несколько подлинных реалий времен осады [109]. Версия же, представляемая сибирскими вариантами (№ 205—206), к тому же имеющими пропуски, может быть названа легендарной, почти полностью лишенной реалий. В европейской части страны эту версию находили исключительно в списках не ранее начала XIX в. в Коломне под Москвой, в восточ-

---

[108] В другом месте П. А. Ровинский писал о нем: «Это весьма умный, трезвенной жизни и крайне любознательный человек, он грамотен и многое знает».

[109] *Абрамов И. С.* Старообрядцы на Ветке // ЖС. — 1907. — Вып. 3. — С. 147—148, список 1875 г.

ной части Русского Севера — на нижней Печоре, на Зимнем берегу Белого моря, в Пермской губ. (ИП XVII, № 122, 124, 127, 129, 130). К этим опубликованным вариантам легендарной версии добавим еще тождественный список, найденный собирателями МГУ в 1962 г. в д. Колпаково Поздышевского сельсовета Каргопольского р-на Архангельской обл. Судя по местам и способу фиксации, бытование легендарной версии связано только с северно-русскими старообрядцами, распространявшими текст в списках, причем ни в одном случае фиксации в европейской части страны нет сведений о том, что текст, везде осознаваемый как «стих», пелся и притом как эпическая песня. В Забайкалье текст попал явно в виде списка и скорее всего непосредственно с Русского Севера.

205а. Осада Соловецкого монастыря. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись С. Е. Никитиной летом 1988 г. от Капитолины Филипповны Долговой, 70 лет, в д. Ужеп Каа-Хемского р-на ТувАССР. В Восточной Туве, как и в Забайкалье и на Алтае, эта песня бытовала исключительно в старообрядческой среде и только в виде духовного стиха. Тувинский вариант содержит ту же рукописную «архангельскую» версию, что и варианты из Забайкалья и с Алтая. Поэтому и его происхождение нужно отнести к рукописной старообрядческой традиции б. Архангельской губ.

Напев можно отнести к эпическим. Своеобразие придает ему целотонный тетрахорд первого мелодического построения; все же в одной из строф исполнительница низко интонирует четвертую ступень, превращая звукоряд в обычный, диатонический.

Первое мелодическое построение типично для речитации (секундовые сопряжения звуков, расположение ударных слогов на одной высоте). Во втором, при сходном начале, каденция подчинена гармонической логике, возможно, под влиянием позднего стиля городской музыки (кантов, псальм?). Особенностью исполнения является метрическая свобода.

206. Осада Соловецкого монастыря. Печатается по беловой рукописи, написанной неизвестным лицом, возможно, женщиной, по заказу С. И. Гуляева: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214 б, л. 81—81об. С незначительными изменениями текст печатался: Гул. 1939, № 14; Гул. 1952, № 40; ИП XVII, № 132. В тексте есть пропуски, отмеченные многоточием. После текста в рукописи имеется примечание: «Записана в Барнауле со слов крестьянки Фетиньи Тырышкиной, предки которой вышли из Архангельской губ., и относится к соловецкому сидению» (Там же, л. 82).

Указание собирателя на происхождение исполнительницы и текста подтверждается сведениями о распространении в прошлом списков легендарной версии, к которой относится алтайский вариант, преимущественно в Архангельской губ. (см. примеч. к № 205). Однако в отличие от всех других вариантов этой версии, известных только по спискам, алтайская запись свидетельствует о том, что версия распространялась также и устным путем. Оригинальная концовка алтайского варианта (ст. 35—39), вероятно, и явилась следствием устного бытования текста.

207. Мать приводит сына на казнь. Печатается по беловой рукописи собирателей: ЦГАЛИ, ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 3558, л. 2. Записали К. М. и З. Т. Некошновы в 1908 г. в д. Выдрино на Чуне, левом притоке Ангары.

Насколько известно, в иных местах эту песню (№ 207, 208) не записывали. Просьба об отсрочке в ней — перепев типического места из старших эпических произведений. Так же просит отсрочки Илья Муромец у Калина-царя в соответствующей былине, начало которой почти одновременно было записано где-то недалеко от д. Выдрино (см. № 236).

208. Мать приводит сына на казнь. Источник: Чеканинский 1915, с. 104—105. Записал И. А. Чеканинский в 1913 г. от Н. М. Смолина в д. Выдрино на Чуне. Сличение с № 207 позволяет утверждать, что К. М. и З. Т. Некошновы записали песню также от Н. М. Смолина.

В своих пояснениях певец дал бытовую мотивировку описанного в песне случая и таким образом сблизил ее с балладами типа тоже редкой, поморской формы «Мать продает непослушного сына».

209. Князь Голицын возвращается в Москву. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 26. 11 1870 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 142. Записал А. Лазебников в с. Ординском Барнаульского у. В конце текста имеются пропуски. На основе этого текста С. И. Гуляев создал свой (Перечень, № 231).

В европейской части страны насмешливую песню о возвращении князя Голицына после неудачного крымского похода обнаруживали преимущественно в средней полосе России, а также в Нижнем Поволжье и лишь однажды в Заонежье, в западной части Русского Севера. Более ранняя в эволюционном отношении форма была найдена в районе Воронежа (ИП XVIII, № 1). Сходные с публикуемым текстом варианты записывались во всех указанных местах, что не позволяет в точности определить ареал, откуда текст был перенесен на Алтай. Более вероятным исходным районом, впрочем, можно считать среднюю полосу России. Только в алтайском варианте упоминается князь Иван. Если под ним подразумевать брата Петра и Софьи, то, очевидно, в тексте опущено

упоминание о двух последних. Концовка о возвращении Голицына с полками в чистое поле (ст. 16—17), судя по иным записям песни, домыслена вместо забытой, иногда хорошо развитой части, описывающей встречу Голицына с Софьей, как в воронежском варианте, или с безымянным царем, как в других, сходных с публикуемым текстах. Алтайская запись в этом отношении занимает промежуточное положение между воронежским вариантом, где Голицына встречает одна царевна Софья, и всеми другими вариантами, в которых безымянный царь иногда величается императором, что, конечно, является анахронизмом.

210. Генерал запродал Москву. Источники и переиздания: Потанин, с. 104; Гул. 1939, Прил., с. 151—152; ИП XIX, № 48. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. в одной из казачьих станиц на верхнем Иртыше. Собиратель заметил: «Эта песня, кажется, относится к князю Голицыну и к известному его походу в Крым при царевне Софье. Современники подозревали Голицына в измене и в приеме подарков от крымского хана. Записки Желябужского, изд. Языкова, 1840, с. 40: „Взял он с татар у Перекопа две бочки золотых, которые явились на Москве в продаже медными, только слегка позолоченными". Ист. Петра Вел., Устрялова, т. I, с. 235: „Иван Толстин, русский пленный в Крыму, показывал, что он видел, как в Крыму наливали бочки смолой и только сверху и снизу насыпали червонцы"» (Потанин, с. 104—105).

Текст, равно как и его два варианта из восточной части Русского Севера [110], недостаточно полон и насыщен реалиями для того, чтобы можно было бы всецело принять предположение Г. Н. Потанина. Возможно, что мотив бочек с мнимым золотом действительно восходит к некоей песне о крымском походе князя Голицына. Допуская это, мы и поместили текст здесь. Однако контекст, куда включен этот мотив, более напоминает ситуацию войны 1812 г., когда в народе могли приписывать сдачу Москвы злой воле какого-либо генерала, продавшегося французам.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, ОТНОСИМЫЕ К СОБЫТИЯМ XVIII В.

211. Князь Шереметев и турецкий Влас-мурза. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 26. 11 1870 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 146об.—147. В алтайском архиве С. И. Гуляева сохранился также список, написанный его рукой и представляющий собой последующую редакцию текста (Там же, л. 174—174об.), которая воспроизводилась в печати: Мил. Изв. ОРЯС; Гул. 1939, № 16; Гул. 1952, № 43; ИП XVIII, № 35. Записал А. Лазебников в с. Ординском Барнаульского у. Текст записан под диктовку. Имя исполнителя не названо.

Текст уникален. По содержанию он, по-видимому, отражает один из эпизодов войны с турками в 1695 г., когда Б. П. Шереметев повел дворянскую конницу в низовья Днепра и с помощью казаков вытеснил оттуда турок [111]. Мотив битвы-пахоты, впоследствии редко фиксировавшийся в составе казачьих песен, тогда, наверное, был расхожей метафорой. Его знал даже Петр, писавший из-под Азова в 1695 г дьяку Виниусу: «Здесь, слава богу, все здорово и в городе Марсовом плугом все испахано и насеяно» [112]. Сюжетная схема песни и мотив битвы-пахоты вскоре были использованы при создании близкой формы «Шереметев и пленный шведский майор», отдельные варианты которой прямо связаны со своей предшественницей (ИП XVIII, № 70, 74, 76). Длительность и бо́льшая значимость русско-шведской войны, реальная повторяемость во время войны эпизодов вроде описанного в песне — все это содействовало тому, что песня о пленном шведском майоре вытесняла из бытования свою менее актуальную предшественницу.

212. Шереметев и пленный шведский майор. Печатается по беловой рукописи собирателей: ЦГАЛИ, ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 3558, л. 6об. Записали К. М. и З. Т. Некошновы в 1908 г. в д. Выдрино на Чуне, левом притоке Ангары.

Варианты, записанные на Чуне (№ 212, 213), утратили многие элементы повествования и настолько стяжены, что их отнесение к какой-то из версий песни, фиксировавшихся в европейской части страны (ИП XVIII, № 70—80), не представляется возможным. Дата события, названная в начале песни, условна, как это характерно для исторических песен. Если же ориентироваться на указанный песней летний месяц, в котором происходило событие, то его надо было бы относить

---

[110] *Исторические* песни XIX века / Изд. подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. — Л., 1973, № 49, 50.

[111] *Соловьев* С. М. История России с древнейших времен. — М., 1962. — Кн. VII, т. 14. — С. 528.

[112] Там же. — С. 530.

к 1702 или к 1703 г., когда войска под командованием Б. П. Шереметева вступали в Ливонию и наносили серьезные поражения шведам во главе с генералом Шлиппенбахом [113].

213. Шереметьев и пленный шведский майор. Источник: Чеканинский 1915, с. 106—107. Записал И. А. Чеканинский в 1913 г. от Н. М. Смолина в д. Выдрино на Чуне. Сравнение этой записи с вариантом, записанным супругами Некошновыми (№ 212), показывает, что исполнителем у последних тоже был Н. М. Смолин. Мелкие различия между текстами обусловлены главным образом тем, что Некошновы записывали текст под диктовку, а И. А. Чеканинский — с голоса.

214. Голь кабацкая и солдаты. Источник: Мак. ЖС 1907, вып. 2, с. 42—43. Записал А. А. Макаренко в 1904 г. от Е. В. Сизых в Кежемской Заимке на средней Ангаре.

Как собиратели, так и исследователи не уделяли внимания песне этого рода. Прямых аналогов к ангарской песне нам найти не удалось. Между тем в ней почти все знакомо. Образ голи кабацкой появляется в разных былинах, а в былине о Василии Пьянице (ср. № 67) прочно сливается с главным героем, отражающим очередное вражеское нашествие. Традиционный образ и стиль его поведения в данном случае использованы для создания новой, очевидно, солдатской песни. Описание дороженьки (ст. 1—10) в ней дано по-былинному, — подобные описания нередки в эпических песнях Южной России, особенно у казаков. Упоминание г. Воронина (Воронежа) заставляет вспомнить о начале петровской эпохи, когда первые организованные по-новому солдатские полки неоднократно направлялись мимо этого города на юг, к низовьям Дона и Днепра. Если ожидать, что посещение царева кабака должно было вызвать какое-то событие, то песню надо считать оборванной на середине.

Эволюционные производные песни изредка находили в средней полосе России и в Сибири (ИП XVIII, № 218, 319; Перечень, № 238). В них уже курьер (почтарь), опередивший силу государеву, забегает в кабак и требует у целовальников водки на всю армию. Наряду с ними возникла иная эволюционная форма — «Царь и солдаты в кружале», известная по рукописному песеннику XVIII в. и двум поздним записям среди донских казаков (ИП XVIII, № 215—217). В ней голь кабацкую вытеснил образ Петра I. Преемственность этого рода не удивительна, если учитывать и известный демократизм Петра, и «ассамблеи», в которых он принимал активное участие на виду у многих людей.

215. Незнамушка. Источник и переиздание: Богораз, № 7; ИП XVII, № 219. Записал В. Г. Тан-Богораз около 1895 г. от Ф. Даурова в Среднеколымске. Стихи, помещенные собирателем в квадратные скобки, принадлежат М. Соковикову, от которого собиратель не сделал полнокровную запись. Многоточиями отмечены пропуски.

Текст представляет собой уникальное переплетение песен о сынке Разина (ст. 1—9, 36—38) и о Петре I в кружале (см. примеч. к № 214). Такая контаминация была сделана явно уже на Колыме, однако отсутствие контрольных записей от других колымских исполнителей не позволяет определить, кто же соединил разные песни — сам ли Ф. Дауров или кто-то из его предшественников.

Судя по фрагментам в этом тексте, песня о сынке Разина на Колыме была вариантом той же «камской» версии, которая бытовала на соседней Индигирке (ср. № 201). Песня о Петре в кружале по сравнению с вариантами из европейской части страны выглядит более ранней формой: в ней еще сохранился образ голи кабацкой, но рядом уже появляется Незнамушка, который оказывается самим царем. Величание царя «родовым казаком», возможно, связано с какими-то представлениями колымских казаков, к числу которых относился и исполнитель. Вместе с тем, оно имеет историческое основание. Известно, что Петр I нередко, особенно в конце XVII в., выступал в чужой личине и именовался то капитаном, то бомбардиром, то корабельным плотником. Во время «Великого посольства» в Европу (1697—1698 гг.) Петр, в частности, официально назывался урядником Петром Михайловым. Эту причуду царя выступать под видом какого-нибудь мелкого служилого человека, наверное, замечали в народе, что и послужило одним из поводов к созданию соответствующих фольклорных произведений, в том числе и песни о Незнамушке.

Забытую концовку песни о Петре в кружале Ф. Дауров подменил стихами (ст. 50—52), заимствованными из былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич».

216. Солдаты жалуются на Долгорукова. Печатается по беловой рукописи собирателя: ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 76. Записал Д. Д. Травин 04. 09 1928 г. от Н. Г. Чикачева в Русском Устье на нижней Индигирке. Собиратель не оставил сведений о том, почему текст очень сильно стяжен.

Текст представляет собой фрагмент довольно редкой песни «Солдаты судят Долгорукова» (ИП XVIII, № 164—170), которую в европейской части страны записывали только в восточной части Русского Севера — на Пинеге и Печоре. Индигирский текст ближе к вариантам с Пинеги.

---

[113] Там же. — С. 640—641; Кн. VIII, т. 15. — С. 8.

217. Атаман Рыжков на корабле. Источник: Максимов, с. 404. Записал С. В. Максимов до 1871 г. среди каторжников в Сибири. Песня названа «солдатской», что, вероятно, указывает на среду ее бытования.

Более ранние формы этой малоизвестной, не замечаемой исследователями песни — «Генерал Рычков на море Верейском» и «Атаман Рычков на море Верейском» — записывали в Новгороде и в Симбирской губ. (Кир., вып. 8, с. 151, 148—150). Форма «Атаман Рыжков на море Хвалынском» записана Н. А. Полевым в первой половине XIX в. (Там же, с. 152), к сожалению, без указания местности. Учитывая, что Н. А. Полевой, сибиряк по происхождению, поддерживал связи с Сибирью, нельзя исключать, что его запись, сходная с публикуемой, тоже восходит к сибирской фольклорной традиции. Если в очень редких ранних формах герой песни выступает против иноэтнических врагов («западной силушки»), то в эволюционных производных, к которым относится и запись С. В. Максимова, атаман Рыжков пытается спастись бегством явно от царских войск, среди которых обязательно называются казаки, чаще донские. Иными словами, атаман Рыжков осознается исполнителями как предводитель какой-то группы бунтующих против царской власти людей. Нам не удалось найти исторических сведений, подтверждающих версию о мятежном атамане Рыжкове.

218. Атаман Гришков на корабле. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 2, л. 41—41об. Записал Н. А. Габышев 16. 04 1946 г. от С. П. Киселева на нижней Индигирке.

По сравнению с № 217 в тексте отразился последующий эволюционный сдвиг. Фрагмент аналогичного варианта был записан также среди ожогинцев, небольшой группы русских старожилов, живших примерно в 300 км к югу от дельты Индигирки (№ 218а).

218а. Гришка-атаман. Источник: личный архив собирательницы. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в январе 1985 г. от Анастасии Михайловны Струковой, 71 года, в пос. Чокурдах Аллаиховского р-на ЯАССР. Певица — родом из ожогинцев (см. о них примеч. к № 36 и 218). Ее фрагмент служит подтверждением бытования там этой песни.

Интонационный склад, четкое ладово-функциональное членение характерны для позднего гомофонно-гармонического стиля. Энергичное исполнение ассоциируется с походной песней. Ритм аналогичен № 178а.

219. Граф Чернышев в темнице у прусского короля. Печатается по беловой рукописи собирателя; ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 173—173об. С небольшими отличиями текст печатался: Гул. 1952, № 44; ИП XVIII, № 341. Текст помещен в конце рукописи «Исторические и былевые песни», большую часть которых С. И. Гуляев выписал из различных изданий XVIII—XIX вв. Лишь в конце, после соответствующего краткого предисловия он переписал пять исторических песен из числа записанных на Алтае. Из них четыре песни несомненно даны в его большей или меньшей редакции, что подтверждается их сличением с сохранившимися предшествующими списками. Поэтому надо думать, что и публикуемая песня о Чернышеве, предшествующий список которой обнаружить не удалось, также была в какой-то степени правлена С. И. Гуляевым. После текста от отметил: «Записана в Барнауле». Имя исполнителя не названо. В издании 1952 г. (с. 323) текст ошибочно отнесен к записям И. Стрижкова (см. № 220).

В европейской части страны эта довольно популярная песня не имеет строго определенного ареала, что указывает на ее позднее сложение и на распространение из одного общего источника, каким в данном случае была армия, где эта песня и видоизменялась от одного поколения солдат к другому, а затем разносилась ими в разные места. По сравнению с вариантами из европейской части страны (ИП XVIII, № 325 и след.) алтайский текст представляет собой особую форму, более раннюю в эволюционном отношении.

220. Граф Чернышев в темнице у прусского короля. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 10. 02 1868 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 121—121об; его не датированная копия — Там же, ед. хр. 214а, л. 44—44об. Записал мастер-камнерез Иван Стрижков на Колыванской фабрике в Барнауле. Он не оставил сведений о том, почему текст оборван на середине. Его записью подтверждается вариант, сохранившийся в беловом списке С. И. Гуляева (№ 219).

221. Чернышев в темнице. Печатается по тексту из личного архива собирательницы. Магнитофонная запись М. П. Татаринцевой в 1977 г. от Александры Логиновны Кузнецовой, 63 лет, в с. Сарыг-Сеп Каа-Хемского р-на ТувАССР.

Снятые в этом тексте «прусские» реалии превращают его в песню о человеке, заключенном в царский острог. Текст восходит к версии, которая бытовала в южной части Красноярского края (Перечень, № 244—246; ИП XVIII, № 346, 357, 360) и скорее всего была занесена в Туву именно оттуда. Красноярские же варианты, судя по текстуальным совпадениям первой части песни, в свою очередь восходят к формам, бытовавшим преимущественно в Поволжье (ИП XVIII, № 333—335,

359, 362, 363, 365). Эволюционную предшественницу этих форм находили у донских казаков (Там же, № 329).

Образец представляет собой довольно устойчивое в народной традиции сочетание мелодики свадебной лирики и тематики исторической песни. Девятисложный стих, двухстрочная строфа, интонационный склад сближают данный напев с многочисленными вариантами широко распространенной прощальной свадебной песни (см. подборку вариантов: Цуккерман, с. 30—60). Слогоритмическая форма рассматриваемой песни особенно близка варианту из б. Вологодского уезда (см. Там же). Аналогичная слогоритмическая форма встречается в свадебном цикле на Вологодчине и в величальных припевках (РС, № 60).

Варианты этой ритмической структуры являются характерной чертой песен о пленении Чернышова, записанных в разных местностях, в разные годы, но имеющих и определенное мелодическое сходство между собой. К тому же мелодическому типу относятся и варианты песни об атамане Краснощекове. Такое сходство естественно при распространении песни в солдатской (казачьей) среде (см. ИП XVIII, нотн. прил. № 19—23; Вес. — Альб., № 16).

222. Граф Черношлев в темнице у прусского короля. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 1, л. 21об.—22. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 364; ИП XVIII, № 348. Записал Н. А. Габышев 17. 04 1946 г. от С. П. Киселева на нижней Индигирке.

В стяженной форме текст передает ту же версию, бытование которой отмечено на Алтае (ср. № 219, 220). Это означает, что ее носители попали в разные края Сибири едва ли не одновременно из какого-то одного места, может быть из воинской части, в европейской части страны.

223. Черницов в светлице. Печатается по копии из личного архива собирательницы: РО БФ, инв. № 3315, п. 1, тетр. 4, л. 71. Повторная запись С. А. Федосеевой в июне 1959 г. от М. Г. Решетникова в Нижнеколымске. Многоточиями отмечены пропуски. При первом сказывании исполнитель неудачно соединил эту песню с былиной «Данила Игнатьевич и его сын» (Перечень, № 30).

Более раннюю форму этой песни на Колыме зафиксировал в конце XIX в. В. Г. Богораз (Перечень, № 248; ИП XVIII, № 338), судя по которой, исходная версия песни на Колыме была та же, что и на соседней Индигирке. Но если там текст подвергся лишь стяжению, то на Колыме его стали переосмысливать и дополнять новыми деталями. М. Г. Решетников явно подразумевает под королем некоего предводителя татар-басурман, к которым попадает в плен Черницов. Это произошло, наверное, под влиянием старших эпических произведений, может быть, и типа былины «Илья Муромец и Калин-царь», где Калин в аналогичной форме предлагает плененному Илье послужить ему и получает тот же ответ. Между тем былину этого рода на Колыме не записывали.

224. Чернецов в светлице у татар. Источник: Селюкова, с. 62. Записала Т. А. Селюкова в 1961 г. от М. Г. Решетникова в Нижнеколымске. Многоточиями отмечены пропуски. Этот текст — третья по счету запись песни от М. Г. Решетникова. Как видно, исполнитель при каждом сказывании вспоминал не вполне идентичные части текста, а ему не помогли собраться и продиктовать текст без пропусков.

225. Чернышев в светлице. Печатается по беловой рукописи неизвестного лица: ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 118а, л. 6—7об. Записано в 1901 г. в с. Марково на среднем Анадыре, видимо, от кого-то из обруселых чуванцев.

В своей основе текст восходит к поздней колымской версии песни (ср. № 223, 224). При этом он, в отличие от колымских вариантов, сохранил «прусские» реалии: название города, эпитет короля. Наряду с этим к нему в начале (ст. 1—4) добавлены стихи о пленении донского казака турецкими полками. Источник этого добавления неясен. Путаница с именованием врагов свидетельствует о том, что те, кто ее допустил, совсем не различал их.

226. Прусский король просит слуг снести ему голову. Источник: Розенбаум — Арефьев, с. 95—96. Записали С. П. Розенбаум и В. С. Арефьев в самом конце XIX в. в одной из деревень на нижней Ангаре. Текст включен исполнителями в состав свадьбы и пелся как «сиротская песня», т. е. как песня, исполняемая от имени невесты-сироты.

Текст уникален. Его несомненно вымышленный сюжет тематически соотносится с песней «Взятие Берлина» (ИП XVIII, № 297—320), в которой прусский король бежит из своей столицы и оплакивает ее захват русскими войсками.

227. Шведский король требует возвращения городов. Печатается по беловой рукописи собирателей: ЦГАЛИ, ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 3558, л. 1. Записали К. М. и З. Т. Некошновы в 1908 г. в д. Выдрино на Чуне, левом притоке Ангары. Запись сделана от Н. М. Смолина, как показывает сличение с № 228. Текст несомненно записан под диктовку.

Построенная по старым эпическим канонам (ср. начало былины «Илья Муромец и Калин-царь» и т. п.), песня получила большое распространение в европейской части страны, но, как и

многие другие поздние исторические песни, возникшие в солдатской среде, она не имеет определенного ареала бытования. В силу повторявшихся на протяжении XVIII в. сходных обстоятельств, при которых шведский король мог угрожать той или иной русской царице, песня постоянно обновлялась путем изменения деталей, названий и имен. В ней, в частности, помимо безымянных лиц, ободряющих царицу, упоминаются известные военачальники XVIII в. Версии с упоминанием Шереметева, по-видимому, следует считать более ранними, чем версии с упоминанием Чернышева, Потемкина, Румянцева, Суворова и др. Именно упоминание Шереметева позволяет предположить, что песня возникла еще в годы правления Екатерины I, после чего она непрерывно обновлялась на протяжении всего столетия (ср. еще форму «Прусский король угрожает захватить Русскую землю», где царицу также утешает Шереметев, — ИП XVIII, № 284). Сибирские варианты знают только Шереметева, хотя версия, зафиксированная на Чуне, несколько отличается от индигирско-колымской. Следовательно, они были занесены в Сибирь раньше, чем в европейской части страны, оформились версии с упоминанием военачальников времен правления Екатерины II.

228. Шведский король требует возвращения городов. Источник и переиздание: Чеканинский 1915, с. 105—106; ИП XVIII, № 417. Записал И. А. Чеканинский в 1913 г. от Н. М. Смолина в д. Выдрино на Чуне.

229. Шведский король требует возвращения городов. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 777, тетр. 1, л. 23—23об. Записал Н. А. Габышев 18. 04 1946 г. от С. П. Киселева на нижней Индигирке.

Записанные на Индигирке (№ 229, 230) и Колыме (ИП XVIII, № 414; Перечень, № 255) варианты этой песни образуют единую версию, что свидетельствует об общем источнике их происхождения. По первой части и упоминанию Шереметева они схожи с записями, сделанными в Казанской губ. и на Водлозере, в западной части Русского Севера (ИП XVIII, № 418, 423).

230. Шведский король требует возвращения городов. Печатается по беловой рукописи собирателя: АЯФ, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 778, л. 18об—19. Записал Н. А. Габышев от П. Н. Черемкиной в м. Якутское Жило на Средней протоке нижней Индигирки. С небольшими отличиями текст печатался: РФ III, с. 363; ИП XVIII, № 419.

231. Смерть генерала. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 26. 11 1870 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 142об—143. Записал А. Лазебников в с. Ординском Барнаульского у.

Прямые параллели к этой песне неизвестны. Сюжетной схемой текст напоминает редкую песню «Гибель Пожарского» по вариантам КД (№ 31) и из Симбирской губ. (ИП XVII, № 117) и, по-видимому, является их модификацией. Отсутствие точных исторических реалий не позволяет прикрепить песню к какому-либо историческому времени. Многочисленные русско-турецкие войны могли оживлять бытование песни на протяжении разных эпох.

232. Генерал хмелен от ран. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 26.11 1870 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 144—145. Записал А. Лазебников в с. Ординском Барнаульского у. С некоторыми отличиями и с неверной паспортизацией текст печатался: Гул. 1952, № 45; ИП XVIII, № 497.

В европейской части страны находили только редкие параллельные формы: «Полковник хмелен от ран» (ИП XVIII, № 492, Симбирская губ.), «Возвращение раненого Краснощекова» (Там же. № 403—405, записи среди терских и оренбургских казаков и в Симбирской губ.). По сравнению с ними барнаульский текст представляет собой более раннюю форму, сохранившую хорошо выраженный эпический стиль и старые реалии (шведское платье, немецкое стекло, каленая стрела). Судя по зачину (ст. 1—7) и упоминанию Саратовской степи, он, наверное, попал на Алтай из Поволжья. Форма «Генерал хмелен от ран» стала исходной для песни о Суворове (№ 233).

233. Суворов хмелен от ран (Смерть Суворова). Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с Сузунского завода: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214а, л. 8об. Текст помещен в состав рукописи «Русские народные песни», написан не вполне грамотным человеком, без знаков препинания и без паспортных сведений.

Текст довольно близок к записи Г. Н. Потанина, сделанной на верхнем Иртыше (Перечень, № 256; ИП XVIII, № 498), и потому можно полагать, что он перенесен на Алтай кем-то из казаков Сибирского войска.

Песню «Суворов хмелен от ран» записывали только в Сибири, среди казаков Сибирского казачьего войска и на Алтае, в Барнауле и вблизи него (Перечень, № 256—259; ИП XVIII, № 496—499). Она — несомненно эволюционная производная формы типа № 232. Имя Суворова было вставлено в нее под влиянием народной молвы о полководце, судя по записи Г. Н. Потанина, уже в первой половине XIX в. Лица, вставившие имя Суворова, разумеется, не знали ничего реального о ранениях и смерти полководца, иначе они не стали бы использовать традиционный

текст. Казаки Сибирского казачьего войска — наиболее вероятная среда, где поначалу эту песню с именем Суворова стали распевать.

234. Казаки и нерусский салтан. Печатается по беловой рукописи собирателя, присланной С. И. Гуляеву с письмом от 26. 11 1870 г.: ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, ед. хр. 214, л. 142—142об.; копия С. И. Гуляева — Там же, ед. хр. 214а, л. 46—46об. Записал А. Лазебников в с. Ординском Барнаульского у.

Текст (вариант — Перечень, № 260) относится к числу локальных произведений, созданных казаками, служившими на Иртышской военной линии. Он примечателен использованием традиционных художественных средств русского эпоса применительно к изображению той событийной обстановки, которая там складывалась на протяжении многих десятилетий XVIII в.

235. Нападение киргизов на спящих казаков. Источник: Потанин, с. 107. Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х годов XIX в. среди казаков Иртышской военной линии около Семипалатинска. Публикацию текста собиратель сопроводил примечанием: «Эта песня напоминает летописный рассказ о погибели Ермакова отряда» и в доказательство привел цитату из рукописного «Новолетописца» (Там же, с. 107—108).

Мотивом нападения на спящих казаков песня действительно перекликается с летописным рассказом о гибели отряда Ермака. Однако этого недостаточно, чтобы говорить о генетической связи песни с фольклором о Ермаке, хотя бы потому, что нападение на спящих [114] было частым приемом обеих сторон на южном и восточном порубежьях Московского государства (России) в XVI—начале XIX в. Песня (вариант — Перечень, № 261) также относится к числу локальных произведений казаков Сибирского войска. У нее есть эволюционные предшественники, правда, не в виде летописного рассказа, а в виде казачьих песен. Наиболее ранняя форма была отмечена, по-видимому, лишь в качестве второй части донской песни о взятии Азова казаками с помощью хитрости (ИП XVII, № 96). Более поздние формы находили у астраханских (ИП XVIII, № 524) и оренбургских казаков (ИП XVII, № 106). Эти формы составители упомянутых корпусов русских исторических песен смешивали с иными эволюционными производными, сюжеты которых они называли «Оплошность казаков под Азовом» (ИП XVII, № 100—104) и «Оплошность казаков Агуреева» (ИП XVIII, № 521—523, 525). Старый казачий сюжет, усвоенный в виде какой-то из перечисленных форм, был переработан казаками Иртышской военной линии в соответствии с обстановкой, в которой они находились. Концовка в обоих иртышских вариантах отсутствует и, быть может, не случайно, если учесть, что казакам не доставляло удовольствия петь о поражении своих отцов или дедов.

ДОПОЛНЕНИЯ

236. Калин-царь. Источник: *Силин П.* Чунско-Ангарский край. Составлено на основании отчета экспедиции г. Шера // Красноярец. — 1907. — № 201. — С. 2. Печатается по копии, присланной Н. А. Новоселовой (Красноярск). В контексте паспортных сведений не приводится. С небольшими отличиями и без точных выходных данных текст печатался: Сид., № 56. В начале своей статьи П. Силин писал: «2 мая нынешнего года переселенческим управлением Енисейско-Иркутского района была отправлена под начальством г. Шера научная экспедиция для исследования Чунско-Ангарского края». Следовательно, начальный фрагмент былины о Калине-царе был записан в 1907 г.

Былину со сходным началом иногда записывали в Центральной Пудоге, в западной части Русского Севера (см., например, БН и НЗ, № 5), причем пудожское начало выглядит более поздней эволюционной формой той же версии.

237. Илья и татарин. Источник: магнитная лента, присланная В. П. Федоровой (Курган). Магнитофонная запись М. Г. Екимова 05. 07 1982 г. от Ксении Кузьминичны Речкиной, 82 лет, в с. Романовском Ново-Доставаловского сельсовета Белозерского р-на Курганской обл. Расшифровка Ю. И. Смирнова. Публикуемая запись — третья по счету. Первые две были сделаны под диктовку К. К. Речкиной. Судя по одной из них, присланной составителю, различия между записями касаются главным образом перестановок слов, повторов и ударений. В ответ на наш запрос собиратель признал, что певица слышала и вторую часть былины, но ее запись хотя бы в виде прозаического пересказа осуществить не удалось по неназванным причинам. К. К. Речкина запомнила первую часть былины лучше, ибо часто пела ее своим детям. Отсутствие второй части, естественно, препятствует более

[114] Ср. этику былин: «а не честь-хвала богатырская: сонного убить, что мертвого».

точному определению исходного района Русского Севера, откуда ее унесли в Притоболье. Записанный при случайных обстоятельствах текст является единственной настоящей былиной, найденной в Притоболье. Сам факт записи, свидетельствуя о крайнем равнодушии в прошлом собирателей к поискам эпоса в Притоболье, вместе с тем вселяет надежду на то, что есть еще шансы отыскать там другие былины.

Текст представляет собой заметно стяженный вариант (впрочем, уверенно спетый) первой части былины «Илья Муромец и его сын». Он восходит к одной из версий, записанных в восточной части Русского Севера, по меньшей мере родственной, если не идентичной той, что была зафиксирована и на Алтае (№ 77). Сходные по отдельным деталям варианты иногда находили на Пинеге и на Печоре.

Напев — еще один пример претворения в сказительской практике мелодии близкой плясовой песне (см. нотный пример III). Вместе с тем моторность плясовой ритмики преодолевается здесь возникновением хемиольных пар, что придает особую прихотливость напеву. Интонационный склад первой строки при ином ритме оказывается близким типовому мезенскому эпическому напеву, особенно вариантам с восходящим квинтовым началом мелодико-стиховых построений (ПФМ, № 204, 205, 207, 208, 211).

238. Теща в плену у зятя. Источник: магнитная лента, присланная собирательницей. Магнитофонная запись Н. И. Казаковой (Южно-Сахалинск) 15.,09 1984 г. от Е. Г. Садохиной, 72 лет, в Южно-Сахалинске. Расшифровано Ю. И. Смирновым. Певица с 1937 г. живет на Сахалине, а песню переняла у себя на родине, в д. Суслово Макушинского р-на Курганской обл. Эта запись — повторная и чуть более уверенно спетая, нежели первая, сделанная в тот же день (№ 238а).
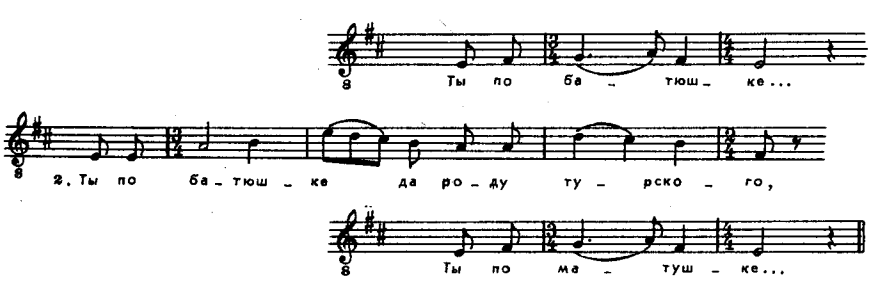
В тексте весьма стяженно передана вторая часть баллады, что затрудняет ее соотнесение с вариантами из европейской части страны. Текст относится к так называемой «турецкой» версии баллады. Немотивированными деталями строф 2—3 текст совпадает с вариантом из района Шенкурска в восточной части Русского Севера (Кир., вып. 7, Прил., с. 190—191). Наряду с этим последним стихом о бегстве матери и дочери текст неожиданно перекликается только с сомнительным вариантом Сахарова, который кончается обращением дочери к матери: выбирай коня лучшего, мы бежим с тобой на святую Русь, на нашу родину (Там же, с. 206—207). Сделав две записи, собирательница не смогла добиться по меньшей мере уточнения или раскрытия концовки. О влиянии варианта Сахарова все же не может быть и речи. Полагаем, что перекличка с ним — сугубо типологическое совпадение.

238а. Теща в плену у зятя. Первая запись баллады от Е. Г. Садохиной.

Мелодия песни — вариант одного из самых распространенных напевов данной баллады, известного еще по публикациям XIX в. (Стахович, № 31; Р.-Корсаков, № 8—10; примеч. к № 106, 134, 135 наст. изд.).

Фонограмма содержит две записи баллады, одна за другой, с комментарием собирательницы: «Второй вариант правильный» (текст № 238). Для публикации напева выбрана, однако, первая запись, так как при повторном исполнении певица выстраивала трехсегментную строфу — «abc», что не типично для множества известных образцов этого напева:

Нотный пример VI
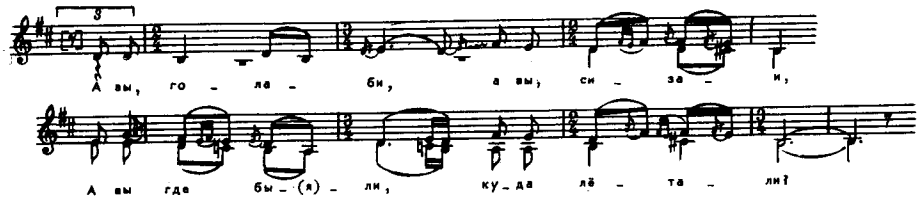

239. Братья-разбойники и сестра. Источник: нотированная расшифровка, сделанная и присланная Н. С. Индан (Новосибирск). Магнитофонная запись участников ансамбля Новосибирского ОНМЦ в 1983 г. от Евдокии Даниловны Старковой (запевала), Клавдии Макаровны и Вассы Макаровны Савостеевых, Ульяны Романовны Лопаевой и других женщин в с. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Женщины назвали песню «постовой», т. е. исполняющейся во время поста. Они не пожелали пропеть вторую часть песни, где в виде ответа Моряночки повторяется первая часть, а затем, что очень важно, описывается отношение разбойников к тому, что они сами и совершили.

Текст принадлежит к числу поздних эволюционных вариантов баллады о Моряночке. Судя по языку, отсутствию инцеста и «сухопутным» деталям, он принесен откуда-то из средней полосы России. Эпизодом встречи с разбойниками (строфы 11—15) текст близок только к более раннему в эволюционном отношении варианту, записанному в Печорском районе Псковской обл. (*Котикова Н. Л.* Народные песни Псковской обл. — М., 1966, № 18). В подавляющем большинстве вариантов из европейской части страны не Моряночка с мужем нечаянно наезжают на разбойников, а разбойники нападают на нее и ее семью.

Напев характерен для повествовательной песни и по мелодическому стилю близок балладе № 106. С тем же напевом в с. Бургуль поется стих «Душа с телом расставались» (записан от той же группы певиц, нотация Н. С. Индан):

Нотный пример VII

По интонационному складу напев сходен с типом мелодии, который, по наблюдениям З. В. Эвальд, свойствен традиционным балладам Полесья (Эвальд, с. 37—38). Особенность ритма — постоянное продление последнего слога в первом полустишии, нарушающее двухдольную метрику, соответствующую равномерной акцентности стиха.
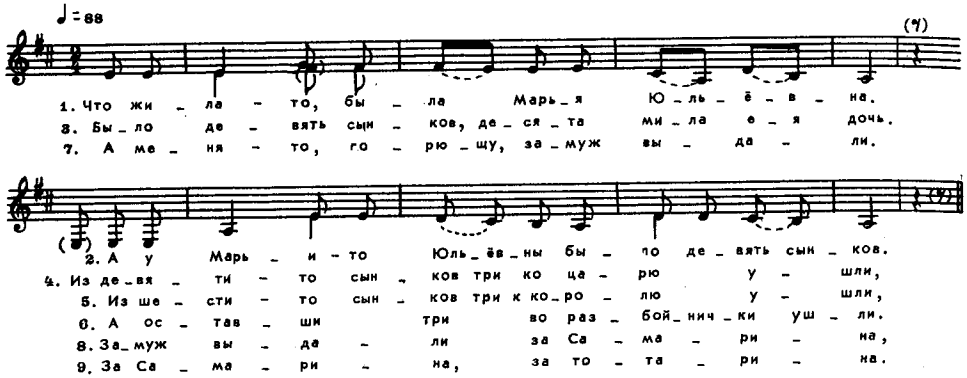
240. Братья-разбойники и сестра. Источник: копия магнитофонной записи М. Г. Екимова (Курган), сделанной в 1983 г. от Авдотьи Логиновны Чечеловой, 71 года, в д. Дружинино Ильинского сельсовета Шатровского р-на Курганской обл., что на р. Ирюм, левом притоке Исети. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым.

В основе текста лежит заметно стяженная вариация одной из поздних северно-русских версий баллады. Текст, однако, примечателен не этим, а деталями (имена, упоминание татар), заимствованными из былины «Князь Роман и Марья Юрьевна», которую, помимо побережий Белого моря и восточной части Русского Севера, находили однажды еще лишь неподалеку от месте записи публикуемого текста — в Полевском заводе на Урале (БН и НЗ, № 79). Этими деталями также подтверждается северно-русское происхождение текста. Осложнение его деталями из былины «Князь Роман и Марья Юрьевна», было сделано, по-видимому, кем-то из предшественников певицы, о чем свидетельствует сходный вариант баллады, найденный в ином районе Курганской обл. и бытовавший в старообрядческой среде (Доп. к Перечню, № 5).

Сочетание лаконичного одностихового напева с балладным текстом свойственно тем традициям, где повествовательные песни исполняются в качестве постовых или колыбельных. Исполнительница назвала песню «стихом» — типичное бытование баллады в данном регионе (см. примеч. к № 239). В сибирском материале к подобным относится напев № 242.

Мелодия складывается из многократного повторения краткой ячейки, аналогичной первому мелодическому сегменту напева № 106. Преобладают построения из двух полустиший, объединенных как бы в «мини-строфу» продлением последнего слога в стихе. Однако есть периоды из трех, одного, четырех полустиший, а эпизод о плавании в лодке исполнительница поет без ритмической остановки, объединяя таким образом шесть мелодико-стиховых сегментов (начиная со слов: «Вот они год плывут» и до «К огню приплыли»). Следовательно, исполнительница руководствуется не только структурной заданностью, но и ощущением границ смысловых периодов-тирад. Подобный принцип формирования строф-тирад встретился нам в записи баллады того же сюжета из пос. Юргамыш Курганской обл. (Курганский ОНМЦ, фольк. фонд № 2379, к. 48—I):

Нотный пример VIII

Исполнительница приведенной записи (нотный пример VIII) сообщила, что песню обычно пели мать и бабушка на печи и назвала ее детской. Она пояснила, что слова песни могут много раз повторяться, пока ребенок не заснет. Этому способствует и повторение всей первой части песни в рассказе сестры.

Запись включена в пластинку.

241. Добрыня и Алеша. Источник: магнитная лента, присланная Н. А. Новоселовой (Красноярск). Магнитофонная запись Н. Новоселовой, П. Калиниченко и Л. Шпак в 1983 г. от Павла Кондратьевича Соседова, 69 лет, на нижней Ангаре, в д. Манзя Богучанского р-на Красноярского края. Расшифровано Ю. И. Смирновым.

Певец очень уверенно, на одном дыхании пропел былину, что свидетельствует о твердом знании текста и нередкой практике исполнения. Однако вторую часть былины он немного забыл и отчасти перепутал: не жена Добрыне должна была подать чару с перстнем, а он ей. Текст — эволюционная производная версии, представленной выше (№ 123) более ранней богучанской же записью. Его фиксация очень важна, поскольку благодаря ей подтверждается традиционное бытование версии, еще не осложненной вставками и дополнениями и, следовательно, более ранней в эволюционном плане, чем контаминированные тексты былины о Добрыне и Алеше.

Пример сочетания былины с напевом плясовой песни (см. нотный пример III и примеч. к № 132, 179—180). Заметно интонационно-ладовое сходство при ином ритме с напевом былины казаков-некрасовцев «Выезд Дюка Степановича» (Сотников, с. 26).

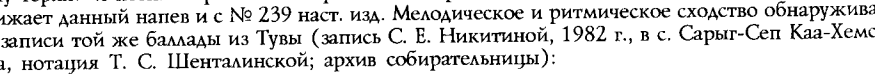
Запись включена в пластинку.
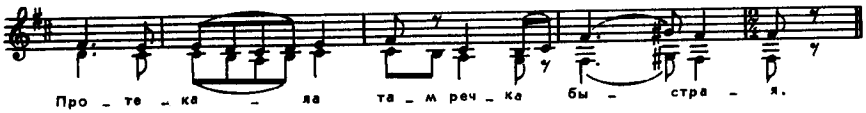
242. Муж жену губил. Источник: магнитная лента, предоставленная собирательницей. Магнитофонная запись С. Е. Никитиной (Москва) в августе 1982 г. от Анны Ивановны Гагариной, 79 лет, в пос. Тоора-Хем Тоджинского р-на ТувАССР. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым. Многоточиями отмечены пропуски. Семья певицы в начале XX в. переселилась из Пензенской губ. в Хакасию, а затем в Туву.

Текст относится к числу эволюционных производных одной из версий баллады, бытовавших на юге России и в Поволжье (ср. Кир., вып. 5, с. 121—122; вып. 7, Прил., с. 30—31).

Напев того же типа, что и № 240. Примечательно сходство с напевом баллады «Князь Роман жену терял» и песни «Гришка Расстрига» из сборника КД (№ 51, 12). Интонационное сходство сближает данный напев и с № 239 наст. изд. Мелодическое и ритмическое сходство обнаруживается и в записи той же баллады из Тувы (запись С. Е. Никитиной, 1982 г., в с. Сарыг-Сеп Каа-Хемского р-на, нотация Т. С. Шенталинской; архив собирательницы):

Нотный пример IX

243. Муж жену губил. Источник: магнитная лента, предоставленная собирательницей. Магнитофонная запись С. Е. Никитиной в августе 1982 г. от Ирины Кирияковны Мусихиной, 76 лет, в пос. Ильинка Тандинского р-на ТувАССР. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым. Семья певицы в 1914 г. переселилась с Алтая в Туву.

В тексте дана лишь первая часть баллады в одной из поздних версий средней полосы России.

В мелодическом отношении данный образец сходен с напевом плясовой «Во пиру я была» и перекликается с мезенскими записями той же баллады (ПФМ, № 16, 253), а также с записью Ф. Н. Лаговского (Лаговский, № 155). См. также примеч. к № 132 наст. изд.

244. Насильственное пострижение. Печатается по копии, снятой С. Е. Никитиной летом 1982 г. со списка из старообрядческого стихарника, принадлежащего А. А. Рукавицыной, 46 лет, из д. Ужеп Каа-Хемского р-на ТувАССР. Оригинал написан «по-старицки» — с регулярным юсом малым вместо «я», с начальным «оу» вместо «у» и с омегой вместо «о», с нерегулярными титлами и другими особенностями письма допетровского времени. Вместе с тем в нем отложились черты местного произношения («тятинька», «пошол», «протъти» и др.), которые мы по большей части сняли, ибо они совпадают с нормами литературного произношения. Иные случаи распространения этой баллады с помощью списков нам неизвестны.

Отдельными деталями текст перекликается с вариантами, записанными в Тверской губ. и на Урале (Соб. I, № 294, 296), а также среди русских-липован, живущих в Румынии (Зялёныя моя вишенка / Сост. М. Маринеску. — Бухарест, 1978, № 145).

244а. Насильственное пострижение. Усвоено на слух С. Е. Никитиной летом 1988 г. от Домны Кирилловны Радостевой, 82 лет, в скиту Верховье, близ д. Ужеп Каа-Хемского р-на ТувАССР. Старообрядческие порядки скитского общежития исключали использование магнитофона. Певица, похоже, знала лучше распев, нежели сам текст.
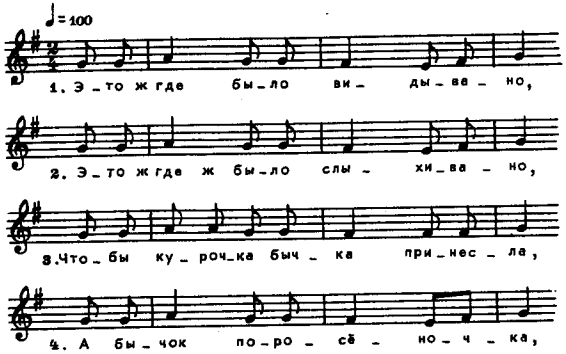
Мелодия проста. Нисходящий тетрахорд (звуки сильных долей), единообразие двухдольного ритмического рисунка делают напев похожим на детские песенки, прибаутки, шуточные и плясовые припевки. Однако тихое, задумчивое, по словам собирательницы, исполнение придает ему характер монотонно-заунывный.

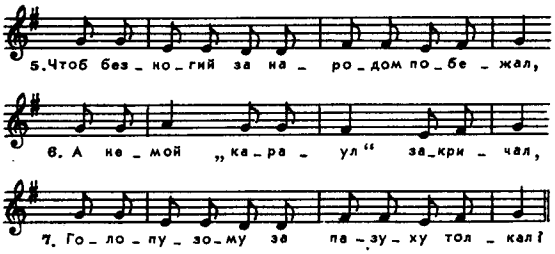
245. Небылица. Источник: АРГО, р. 57, ед. хр. 67. Записала и нотировала К. Ижицкая в 1912 г. в с. Балахта Енисейской губ. (ныне райцентр Красноярского края).

Ритм типа «Комаринской», в котором поется небылица, соответствует свидетельству собирательницы, что под эту небылицу плясали. Она сообщает также, что такие песни поются под аккомпанемент гармони и называются скороговорками.

Аналогичная небылица была записана в наши дни в с. Верх-Тарка Кыштовского р-на Новосибирской обл. (коллективная запись, сделанная участниками ансамбля народной песни Новосибирского ОМНЦ в 1983 г., нотация Т. Мартыновой). Исполнительница К. Г. Балашова пела частушки под балалайку, а затем, не меняя напева, перешла на небылицу:

Нотный пример X

5. Чтоб без_ко_гий за на_ ро_дом по_бе_жал,
6. А не_мой „ка_ра_ул“ за_кри_чал,
7. Го_ло_пу_зо_му за па_зу_ху тол_кал!

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив АН СССР (Ленинград)
Абрамов	— *Абрамов Н. А.* Ермак, покоритель Сибири // ЧОИДР. — М., 1867. — Кн. 4, отд. V. — С. 3, примеч. 3.
АБС, 1951	*Астахова А. М.* Былины Севера. — М.; Л., 1951. — Т. 2.
Адриановы. Песни	— Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии. — Красноярск, 1902. — Т. I, вып. I / Под ред. А. В. Адрианова.
Азад. Отчет	— *Отчет* о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1914 г. Сост. Н. А. Котляревский. — Пг., 1914. — Прил. II. — С. 41—43 (Отчет о поездке по Амуру М. К. Азадовского).
АИМ	— *Илья* Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1958. — 557 с.
Александров	— *Александров А.* Былина и песни Енисейского округа // ЖС. — 1897. — Вып. I. — С. 101—105.
Анучин	— *Анучин В. И.* Дедовщина в Сибири // ЖС. — 1908. — Вып. I. — С. 84—91.
Анучин—Строжецкий	— *Анучин Д. Н.* О применении фонографа к этнографии и в частности о записи шаманского камлания в Среднеколымске Якутской обл. С 11 илл. в тексте и напевами // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. — М., 1911. — Т. CXIV. — С. 269—297. (Тр. Этногр. отдела: Т. XVI. Материалы и исследования по изучению народной песни и музыки. Труды Музыкально-этнографической комиссии: Т. II.)
АРГО	— Архив Русского Географического общества (Ленинград).
АЯФ	— Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР (Якутск).
Балакирев	— *Балакирев М. А.* Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / Под ред. Е. В. Гиппиуса. — М., 1957.
Бал.—Крас.	— *Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. — Л., 1969.
Берн.—Лап.	— *Бернштам Т. А., Лапин В. А.* Виноградье — песня и обряд // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора / Отв. ред. К. В. Чистов, Т. А. Бернштам. — Л., 1981.
БКД	— *Беляев В. М.* Сборник Кирши Данилова: Опыт реставрации песен. — М., 1969.
БН и НЗ	— *Былины* новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. Б. Ф. Миллера при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. — М., 1908. — V+312 с.
Богораз	— *Областной* словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз // Сб. ОРЯС. — Спб., 1901. — Т. 68, № 4. — 346 с.
Богораз, 1899	— *Богораз В. Г.* Русские на реке Колыме // Жизнь. — Спб., 1899, июнь.
Богораз. Три сказки	— *Богораз В. Г.* Три сказки, записанные в Колымском крае // ЖС. — 1899. Вып. 3. — С. 371—376.
Бол.—Мельн.	— *Календарно-обрядовая* поэзия сибиряков / Сост. вступ. ст. и примеч. Ф. Ф. Болонева, М. Н. Мельникова. — Новосибирск, 1981. — 351 с.

БРМЭ — *Былины*: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. — М., 1981.

Бурят. нар. ск. — *Бурятские* народные сказки: Волшебно-фантастические / Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. — Улан-Удэ, 1973.

Василевич — *Материалы* по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич. — Л., 1936. — Вып. I. — 290 с.

Василенко — *Сказки*, пословицы, загадки: Сб. устного народного творчества Омской обл. / Ред., подгот., сост. В. А. Василенко. — Омск, 1955. — 179 с.

Вас. ИП — *Василенко В. А.* Традиционная русская народная песня в современном песенном репертуаре Омской обл. (исторические песни) // Учен. зап. Омского пед. ин-та. Сер. ист.-филол. — Омск, 1958. — Вып. 11. — С. 169—187.

Васильев — *Образцы* тунгусской народной литературы. Пересказал В. Н. Васильев: Сб. в честь 70-летия Г. Н. Патанина // Зап. РГО по отд-нию этнографии. — Спб., 1909. — Т. XXXIV. — С. 19—40.

Вес.—Альб. — *Сборник* солдатских, казачьих и матросских песен / Сост. Н. Х. Вессель, Е. К. Альбрехт. — Спб., 1894.

Виноградов — *Виноградов Г.* Песни отживающего поколения // Сиб. архив. — 1914. — № 7—8. — С. 356—367.

Воскобойников — *Фольклор* эвенков Прибайкалья / Зап. и обраб. М. Г. Воскобойников. — Улан-Удэ, 1967. — 183 с.

ГААК — Государственный архив Алтайского края (Барнаул).

ГАКК — Государственный архив Красноярского края (Красноярск).

Гартевельд — *Гартевельд В. Н.* Песни каторги. — М., 1912.

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (Москва).

Георгиевский — *Георгиевский А. П.* Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно-диалектологический очерк. — Владивосток, 1929. — Вып. IV: Фольклор Приморья. — 114 с. — (Тр. Дальневост. ун-та. Сер. III; № 9).

Герасимов — *Герасимов Б.* Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая // Зап. Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. РГО. — 1913. — Вып. VII. — С. 1—87.

ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва), Фольклорное собрание.

Григ. I, III — *Архангельские* былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. — М., 1904, 1909. — Т. I, III.

Гул. 1839 — *Гуляев С. И.* О сибирских круговых песнях // Отечественные зап. — 1839. — Т. III.

Гул. Очерки — *Гуляев С. И.* Этнографические очерки Южной Сибири // Б-ка для чтения. — 1848. — Т. 90, вып. X. — С. 50—142.

Гул. 1939 — *Былины* и исторические песни из Южной Сибири / Зап. С. И. Гуляева; Ред., вступ. ст. и коммент. М. К. Азадовского. — Новосибирск, 1939. — 195 с.

Гул. 1952 — *Былины* и песни южной Сибири / Собр. С. И. Гуляева; Под ред. В. И. Чичерова. — Новосибирск, 1952. — 336 с.

Гурвич — *Гурвич И. С.* Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки: Предвар. отчет // Краткие сообщ. Ин-та этнографии. — 1953. — Т. XIX. — С. 28—42.

Гуревич. ФВС — *Гуревич А. В.* Фольклор Восточной Сибири. — Иркутск, 1938. — 180 с.

Гуревич 1939 — *Русские* сказки Восточной Сибири: Сб. А. Гуревича. — Иркутск, 1939. — 347 с.

Гур.—Эл. — *Гуревич А. В., Элшасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья / Вступ. ст. и примеч. А. В. Гуревича. — Улан-Удэ, 1939. — 472 с.

ДН и АП — *Добрыня* Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий; Под ред. Э. В. Померанцевой. — М., 1974. — 447 с.

Доп. к Перечню — *Смирнов Ю. И.* Материалы к изучению русской эпической поэзии Сибири и Дальнего Востока // Рус. фольклор. — Л. — Т. XXVI (в печати).

ЖС — Живая Старина (журнал).

Зеленин. Пермск. — *Великорусские* сказки. Пермской губ.: Сб. Д. К. Зеленина // Зап. РГО по отд-нию этнографии. — Пг., 1914. — Т. XLI.—LIII+655 с.

Зензинов — *Зензинов В. М.* Русское Устье Якутской обл. Верхоянского у. // Этногр.

обозр. — 1913. — № 1-2. — С. 110—235. Отд. изд.: *Зензинов В. М.* Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской обл. Верхоянского окр. / Предисл. В. В. Богданова. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1914. — 133 с. (фольклорная часть работы публиковалась во второй раз без каких-либо изменений).

Зиновьев — *Русские* сказки Забайкалья / Подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В. П. Зиновьева. — Иркутск, 1983. — 351 с.

ИП XIII—XVI — *Исторические* песни XIII—XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. — М.; Л., 1960. — 696 с.

ИП XVII — *Исторические* песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. Н. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. — М.; Л., 1966. — 385 с.

ИП XVIII — *Исторические* песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. — Л., 1971.

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

Ист.—Ляп. — *Истомин Ф. М., Ляпунов С. М.* Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. — Спб., 1899.

Каллаш — *Каллаш В.* Одна из ранних записей былин // Этногр. обозр. — 1900. — № 1. — С. 155—159.

Карташев — *Карташев Б.* По стране оленных людей: Путешествия В. Г. Тана-Богораза. — М., 1959.

Кашин — *Русские* народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашиным / Под ред. В. Беляева. — М., 1959.

Квитка — *Климент Квітка.* Українські народні мелодії // Етногр. зб. — Львів, 1922. — Т. 2.

Квятковский — *Квятковский А.* Поэтический словарь. — М., 1966.

КД — *Древние* российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — 2-е изд., доп. // Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. — М., 1977. — 487 с.

Кир. — *Песни*, собранные П. В. Киреевским. — М., 1860—1874. — Вып. 1—10.

КМФ — Комиссия музыковедения и фольклора Союза композиторов РСФСР.

КНМ МГК — Кабинет народной музыки Московской государственной консерватории.

Кожемякина — *Сказки* Омской обл. / Зап. И. И. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. — Новосибирск, 1968.

Коперж. — *Копержинский К. А.* Былины Восточной Сибири // Рус. фольклор. — 1957. — Т. 11. — С. 231—250.

Костров — *Кн. Костров* [*Н. А.*] Онские селения и песня про Ставра-боярина // Москвитянин. — 1851. — № 24, кн. 2, отд. «Внутренние известия». — С. 245—270.

Кошелев — *Кошелев Я. Р.* Вопросы русского фольклора Сибири. — Томск, 1963.

Кош. Из истории — *Кошелев Я. Р.* Из истории культуры Сибири. — Томск, 1966.

Красноштанов — *Красноштанов С. И.* Амурская экспедиция М. К. Азадовского // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы. — Хабаровск, 1972. — С. 88—102.

Красн. РГО I/I — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии. — Красноярск, 1902. — Т. I, вып. I (имеется в виду первая часть издания, где помещены сказки).

Кривошапкин — *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. — М., 1865.

Кузьм.—Мир. — *Кузьмина Л. П., Миронова З. А.* Современный русский фольклор на Крайнем Севере // Современный русский фольклор Сибири / Отв. ред. Л. Е. Элиасов. — Новосибирск, 1979. — С. 177—204.

Лаговский — *Лаговский Ф. Н.* Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской и Ярославской губерний. — Кострома, 1923. — Вып. 2.

Лазарев — *Лазарев А. И.* Эпическая народная поэзия в Барабе // Учен. зап. Бийск. пед. ин-та. — Бийск, 1957. — Вып. 1. — С. 55—80.

Левашов — *Левашов В. С.* Былина в Забайкалье. — Иркутск, 1980. — 97 с.

Леонова — *Народные* песни Прииртышья / Сост. Т. Г. Леонова. — Новосибирск, 1969.

Леонова. Свидетельство — *Леонова Т. Г.* Свидетельство Э. Андреоли о бытовании сказок и преданий в Сибири в середине XIX в. // Фольклор и литература Сибири. — Омск, 1980. — С. 12—24.

Леонова. ФЗС — *Фольклор* Западной Сибири: Сказки / Под ред. Т. Г. Леоновой. — Омск, 1982. — 127 с.

Листопадов — *Листопадов А. М.* Песни донских казаков. — М., 1949. — Т. I, ч. 1.

Логиновский — *Логиновский К. Д.* О быте казаков Восточного Забайкалья // ЖС. — 1902. — Вып. 2. — С. 182—200.

Львов—Прач — *Собрание* народных русских песен с их голосами / Под ред. В. М. Беляева. — М., 1955.

Лядов — *Лядов А. К.* Песни русского народа в обработке для одного голоса и ф-п / Под ред. Н. М. Владыкиной-Бачинской. — М., 1959.

Магай — *Сказки* Магая [Е. И. Сороковикова] / Зап. Л. Элиасова и М. Азадовского; Под общ. ред. М. Азадовского. — Л., 1940. — 337 с.

Майков. Отрывок — *Майков Л. Н.* Отрывок былины в Сибирской летописи // ЖС. — 1891. — Вып. 3. — С. 129—132.

Мак. ЖС 1907 — *Макаренко А. А.* Сибирские песенные старины // ЖС. — 1907. — Вып. 1, отд. I. — С. 1—20; Вып. 2, отд. II. — С. 25—44; Вып. 3, отд. II. — С. 55—68; Вып. 4, отд. II. — С. 88—95.

Максимов — *Максимов С. В.* Сибирь и каторга: В 3 ч. — Спб., 1871. — Ч. I: Несчастные.

Мак. СНК — *Макаренко А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губ. // Зап. РГО по отд-нию этнографии. — Спб., 1913. — Т. XXXVI.

Малышев — *Малышев В. И.* Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII в. — М.; Л., 1956. — 224 с.

Марковские вечорки — *Шенталинская Т. С.* Марковские вечорки. — Магадан, 1983.

Матвеева — *Матвеева Р. П.* Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая. — Новосибирск, 1976. — 189 с.

Мей — *Сочинения* и переводы Льва Мея: Былины и песни. — Спб., 1861.

Мендельсон — *Мендельсон Н.* К истории собирания русских былин // Этногр. обозр. — 1897. — № 4. — С. 128—131.

Мельников — *Сказки* Васюганья: Методические рекомендации для студентов пединститута / Сост. М. Н. Мельников. — Новосибирск, 1984. — 61 с.

Мил. ЭО 1896 — *Миллер В. Ф.* Новые записи былин в Якутской обл. // Этногр. обозр. — 1896. — № 2—3. — С. 72—106. (Переиздано в составе кн.: Мил. Очерки I.)

Мил. Очерки — *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. — М., 1897. — Т. I. — 351 с.; 1910. — Т. II. — 416 с.; М.; Л., 1924. — Т. III. — 464 с.

Мил. Изв. ОРЯС — *Миллер В. Ф.* Новые записи былин в Якутской обл. [II] // Изв. ОРЯС. — 1990. — Т. V, кн. 1. — С. 36—78.

Мил. ЖС 1911 — *Миллер В. Ф.* Две сибирские былины из записей С. И. Гуляева // ЖС. — 1911. — Вып. 3-4. — С. 445—452.

ММБ — *Материалы*, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским // Тр. Музыкально-этногр. комис. — М., 1906. — Т. I.

Можейко — *Можейко З. Я.* Песенная культура Белорусского Полесья. — Минск, 1971.

НБ — *Новгородские* былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий; Под ред. Э. В. Померанцевой. — М., 1978. — 456 с.

Нестеров — *Нестеров А. А.* Народные песни Горьковской области. — М., 1972.

Новоселова. Итоги — *Новоселова Л. В.* Итоги фольклорной экспедиции в Тарский и Седельниковский районы Омской обл.: Обзор и публикация материалов // Фольклор и литература Сибири. — Омск, 1975. — Вып. 2. — С. 45—63.

НП Пск. обл. — *Котикова Н. Л.* Народные песни Псковской области. — М., 1966.

Обручев — *Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин: Жизнь и деятельность. — М.; Л., 1947. — 288 с.

ОНМЦ — Областной научно-методический центр по народному творчеству и культурно-просветительной работе.

Онч. 1928 — *Ончуков Н. Е.* Три варианта песни о Кострюке: Сб. статей в честь А. И. Соболевского, изданный ко дню 70-летия его рождения / Под ред. В. Н. Перетца // Сб. ОРЯС. — Л., 1928. — Т. CI, № 3. — С. 423—429.

Пальчиков — *Посмертные* записи русских песен, выбранные из черновых тетрадей

Николая Евграфовича Пальчикова. — С.-Петербург, 1889 г. — Архив Гос. Лит. музея (Москва), инв. № 22.

Парилов — *Парилов И. Г.* Русский фольклор Нарыма. — Новосибирск, 1948.

Пейзен — *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейкой губ.: Из путевого журнала за 1857 г. // ЖС. — 1903. — Вып. 3. — С. 297—357.

Перечень — *Смирнов Ю. И.* Русские эпические сюжеты в Сибири и на Дальнем Востоке // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 244—299.

Плотников — *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска. I: Песни военные или походные // Зап. Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. РГО. — Семипалатинск, 1905. — Вып. II. — С. 1—19.

Плотников 1909 — *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска // Зап. Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. РГО. — Семипалатинск, 1909. — Вып. IV. — С. 1—58.

Полевой — *Полевой Н.* Песня об Илье Муромце // Моск. телеграф. — 1827. — № 23. — С. 108—109.

ПОНЯС — Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян, тетр. I—IV: Прибавления к «Известиям Академии наук». Изд. 2-го отд-ния АН / Ред. И. И. Срезневский. — Спб., 1852—1856. (Тексты, присланные из Барнаула С. И. Гуляевым, помещены на с. 152—153, 161—163, 166—170, 173—174, 257—262, 279—280, 305—310.)

Попов, ЭО — *Попов Е. П.* Некоторые данные по изучению быта русских на Колыме // Этногр. обозр. — 1907. — № 1-2. — С. 159—181.

Потанин — *Потанин Г. Н.* Юго-западная часть Томской губ. в этнографическом отношении // Этнограф. сборник, издаваемый РГО. — Спб., 1864. — Вып. VI. — С. 1—154.

Потанин. ЖС — *Потанин Г.* Здунай-то, Здунай сын Иванович // ЖС. — 1901. — Вып. 1, отд. IV. — С. 126—128.

ПП — *Песни* Печоры. — М.; Л., 1963.

Прибайк. — *Русский* фольклор Прибайкалья / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Р. П. Арефьева; Общ. ред. и втсуп. ст. Л. Е. Элиасова. — Улан-Удэ, 1968. — 423 с.

Пропп—Путилов — *Былины*: В 2 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. — М., 1958. — 564+521 с.

Пруссак. Отчет — *Отчет* о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1914 г. / Сост. Н. А. Котляревским. — Пг., 1914. — Прилож. II. — С. 97—99. (Отчет о поездке в Иркутский у. Иркутской губ. А. В. Пруссак.)

Пруссак — *Пруссак А.* Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском у. Иркутской губ. // ЖС. — 1915. — Вып. 3. — Прил. № 3. — С. 38—41.

ПСК — *Песни* сибирских казаков / Изд. Сиб. казачьего войска. — Пг., 1916. — Вып. I. — 88 с.

Пуш.—Григ. — *Пушкина С. И., Григоренко В. П.* Приокские народные песни. — М., 1970.

ПФМ — *Песенный* фольклор Мезени. — Л., 1967.

РГО — Русское Географическое общество.

Р.-Корсаков — *Римский-Корсаков Н. А.* Полн. собр. соч. — М., 1952. — Т. 47. [Сборник русских народных песен. Соч. 24 (1876).]

РНП Кал. обл. — *Русские* народные песни Калужской области / Зап. В. Харькова; Под ред. Н. Бачинской. — М., 1954.

РНП Кар. Пом. — *Русские* народные песни Карельского Поморья. — Л., 1971.

РНП Красн. — *Русские* народные песни Красноярского края. — М., 1962. — Вып. 2.

РО БФ — Рукописный отдел Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР (Улан-Удэ).

Ровинский. Материалы — *Ровинский П. А.* Материалы для этнографии Забайкалья // Изв. Сиб. отд. РГО. — Иркутск, 1873. — Т. IV, № 2. — С. 98—107.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Ленинград).

РО ЧГПИ — Рукописный отдел Читинского государственного педагогического института.

Розенбаум—Арефьев — *Розенбаум С. П., Арефьев В. С.* Свадьба в ангарской деревне // Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО. — Иркутск, 1901. — Т. XXXI, № 1-2 за 1900 г. — С. 79—117.

РС	— *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба. — М., 1985.
Рубцов	— *Рубцов Ф. А.* Ольшанские песни. — Л.; М., 1971.
РФ I	— *Шуб Т. А.* Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки // Рус. фольклор. — 1956. — Т. I. — С. 207—236.
РФ III	— *Шуб Т. А.* Исторические песни из Русского Устья // Рус. фольклор. — 1958. — Т. III. — С. 351—365.
Савельев	— *Савельев А. А.* Былинный эпос в Приангарском крае // Изв. Среднесиб. отд. РГО. — Красноярск, 1928. — Т. III, вып. 3. — С. 66—81.
Селищев	— *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские. — Иркутск, 1920.
Селюкова	— *Селюкова Т. А.* Новые записи произведений устного народного творчества русского нижнеколымского населения (по следам В. Г. Богораза) // Зап. Чукот. краевед. музея. — Магадан, 1967. — Вып. 4. — С. 58—68.
Сиб. летописи	— *Сибирские летописи* / Археогр. комис. — Спб., 1907.
Сид.	— *Сидельников В.* Былины Сибири. — Томск, 1968. — 420 с.
СНС	— *Сказки* народов Севера / Сост., ред., предисл. и примеч. М. Г. Воскобойникова, Г. А. Меновщикова. — М.; Л., 1959. — 627 с.
Соб. I	— *Великорусские* народные песни / Изд. А. И. Соболевским. — Спб., 1895. — Т. I. — 628 с.
Сок. РИП	— *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI в. (эпохи Ивана Грозного) // Славянский фольклор. — М., 1951. — С. 89—91.
Сотников	— *Русские* народные песни казаков-некрасовцев / Записаны Т. И. Сотниковым. — М.; Л., 1950.
Стахович	— *Стахович М.* Русские народные песни / Под ред. Н. Владыкиной-Бачинской. — М., 1964.
ТГУ	— Фольклорный архив кафедры советской литераутры Томского государственного университета.
Тих.—Мил.	— *Русские* былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. — М., 1894. — 296 с.
Трутовский	— *Трутовский В.* Собрание народных русских песен с их голосами / Под ред. В. М. Беляева. — М., 1955.
Тунк.	— *Русский* фольклор Тункинской долины / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Л. А. Соловьева; Общ. ред. и вступ. ст. Л. Е. Элиасова. — Улан-Удэ, 1966. — 391 с.
ТФ Новг. обл.	— *Традиционный* фольклор Новгородской области. — Л., 1979.
Указатель	— *Сравнительный* указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; Отв. ред. К. В. Чистов. — Л., 1979. — 437 с.
ФА ОГПИ	— Фольклорный архив Омского государственного педагогического института.
ФА ХГПИ	— Фольклорный архив Хабаровского государственного педагогического института.
Федорова	— *Федорова В. П.* Собирание фольклора в Зауралье // Рус. фольклор. — 1984. — Т. XXII. — С. 87—91.
ФКС	— *Фольклор* казаков Сибири /Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; Под общ. ред. Л. Е. Элиасова. — Улан-Удэ, 1969. — 364 с.
Худяков. ВРС	— *Великорусские* сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов, О. Б. Алексеева. — М.; Л., 1964. — 301 с.
Худяков. ВС	— *Верхоянский* сборник: Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым // Зап. Вост.-Сиб. отд. РГО по этнографии. — Иркутск, 1890. — Т. I, вып. 3. — 315 с.
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
Цуккерман	— *Цуккерман В. А.* «Комаринская» Глинки и ее традиции в русской музыке. — М., 1957.
Чеканинский 1912	— *Чеканинский И. А.* Об Илье Муромце (Сказка Енисейской губ) // Этногр. обзор. — 1912. — № 3-4. — С. 110—113.
Чеканинский 1915	— *Чеканинский И. А.* Енисейские старины и исторические песни: Этнографические материалы и наблюдения по реке Чуне // Этногр. обозр. — 1915. — № 1-2. — С. 81—112.

ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских.
Шастина — *Шастина Е. И.* Сказки и сказочники Лены-реки. — Иркутск, 1975. — 175 с.
Шастина, РСВС — *Русские* сказки Восточной Сибири / Сост., подгот. текста, коммент. и предисл. Е. И. Шастиной. — Иркутск, 1985. — 464 с.
Шейн. РНП — *Русские* народные песни, собранные П. В. Шейном: Песни былевые // Чтения в О-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. — М., 1877. — Кн. 3. — 132 с.
Шент. — *Шенталинская Т. С.* О мелодических параллелях напева баллады про татарский полон // Памяти К. Квитки. — М., 1983.
Шишков — *Шишков В.* Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волостей Киренского у. Иркутской губ., расположенных по течению р. Нижней Тунгуски // Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО. — Иркутск, 1914. — Т. XLIII. — С. 65—120.
Шишков. Письма — *Неопубликованные* письма В. Я. Шишкова / Публ., предисл. и коммент. Н. Бабушкина, Я. Кошелева // Сиб. огни. — 1959. — № 2. — С. 174—180.
Эвальд — *Эвальд З. В.* Песни Белорусского Полесья. — М., 1979.
Эл.—Яр. — *Фольклор* семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; Под общ. ред. Л. Е. Элиасова. — Улан-Удэ, 1967. — 672 с.
Эпов — *Материалы* по народному творчеству в Забайкалье, собранные А. Г. Эповым в 1909 г. // Рукописный фонд Читинского областного музея, ф. 9, оп. 1, д. 10.
Языковы — *Собрание* народных песен П. В. Киреевского / Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях; Подгот. текстов, статья и коммент. А. Д. Соймонова. — Л., 1977.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ И НЕКОТОРЫХ МОТИВОВ-ПЕРЕНЕСЕНИЙ В ПУБЛИКУЕМЫХ И НЕПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТАХ

I. БЫЛИНЫ, СКАЗКИ НА БЫЛИННЫЕ СЮЖЕТЫ, БАЛЛАДЫ И ПЕРЕКЛИКАЮЩИЕСЯ С НИМИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

РОЖДЕНИЕ ЗМЕЕВИЧА

1. Рождение змеевича — № 1.
1.1. Фрагмент начала текста «Рождение змеевича» в составе былины «Добрыня и змей» — конт. № 9, ст. 213—218, 235—241.

РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

2. Скимен-зверь — № 2, 4; Перечень, № 2.
1.1. Скимен-зверь заслышал рождение богатыря — № 3.
3. Рождение Суровца — № 61, ст. 12—15, 24—30, 40—42; № 62, ст. 1—13, 54—60, 65—68; № 62а, начало.
4. Рождение Алеши Поповича (Алеша Попович собирается погулять по белу свету) — Перечень, № 1.
5. Рождение Ильи Муромца — № 168—170 конт.

МОЛОДОСТЬ БОГАТЫРЯ

6. Молодость Василия Буслаева — № 5.
7. Молодость Добрыни Никитича — № 9, 10.

ГЕРОЙ ПОЛУЧАЕТ ИЛИ УТРАЧИВАЕТ СИЛУ

8. Исцеление Ильи Муромца — № 6, 7, конт. 161—164, 165 (дважды), 166, 167, 169, 170; Перечень, № 115, 117—119 и конт. 122, 123, 125, 127—130, 132, 134, 137, 139.
8.1. Илья Муромец запрудил Иртыш — Перечень, № 116.
9. Исцеление Ивана-калеки — № 8.
10. Мертвый богатырь наделяет силой отставного солдата — Перечень, № 120 конт.
11. Чудесные слуги наделяют силой Ивана-царевича — Перечень, № 121 конт.
12. Небесный бурхан наделяет силой младенца — Перечень, № 124 конт.
13. Илья Муромец и Святогор:
    а) Илья и слепой отец (мать) Святогора — конт. № 161, 164; Перечень, № 108 и конт. (110), (127);
    б) Илья попадает в карман Святогора — конт. № 164, 165, 168—170; Перечень, конт. № 127—130, 132, 137, 139. Ср. здесь 57.1;
    в) Илья и Святогор примеряют гроб — конт. № 161, 164, 165, 167—170; Перечень, № 111, 113 и конт. (112), 122, 123, 125, 127—130, 132, 137, 139;
    г) Илья получает силу от Святогора:
    1) Илья пьет силу, соком (пеной) исходящую от Святогора, закрытого гробовой крышкой, — конт. № 161, 164, 165, 168—170; Перечень, № 113 и конт. 127, 128, 132, 139;
    2) Илья пьет кровь, которая пошла из его же уха, и получает силу — Перечень, № 125 конт.;

3) Товарищи лижут пену, исходящую от Найдена-поповича — Перечень, № 112;
4) Богатырь обмакивает пальцы в озеро с красной водой, облизывает их и получает силу — Перечень, № 110 конт.

14. Святогор и тяга земная.
14.1. Святогор пытается поднять «перметы» старичка — конт. № 169; Перечень, № 125 конт.
14.2. Святогор поднимает сумочку старичка — Перечень, № 128 конт.
14.3. Илья пытается поднять «перметы» (сумку) старичка — конт. № 170; Перечень, № 137 конт.
14.4. Илья пытается поднять младенца, который оказывается его смертью, — конт. № 161.
14.5. Илья с трудом поднимает сумочку старичка — конт. № 164, 165; Перечень, конт. № 132, 139.
14.6. Илья поднимает мешок Святогора — конт. № 167.
14.7. Мальчик тщетно пытается поднять посох загадочного богатыря — Перечень, № 109.
14.8. Силач не может сдвинуть мешочек Христа — Перечень, № 114.
14.9. Старик тщетно пытается поднять сумки с людской силой — Перечень, № 110 конт.
14.10 Молодец поднимает яйцо, «которое тяжелее земли», — Перечень, № 124 конт.
15. Дурак Сибиряк — № 171, 172; Перечень, № 155.

ВЫЕЗД БОГАТЫРЯ ИЗ РОДНОГО ДОМА И ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

16. Столб (камень) с надписью о трех дорогах — дан по-сказочному только в контаминированных сказках об Илье Муромце: № 163, 165—167; Перечень, № (110), 137.
17. Добрыня и змей:
а) один бой со змеем — № 10—16, 19 и конт. 128; Перечень, № 8—13 и конт. 69—72;
б) два боя со змеем — № 9 конт.
17.1 Михайлушко и змей — № 17, 18; Перечень, № 14.
18. Бой Добрыни с бабой Горынищем — № 20.
19. Алеша Попович и Тугарин Змеевич:
а) один бой с Тугарином — № 23—26; Перечень, № 15—17;
б) два боя с Тугарином — № 21;
в) только начало былины — № 22;
г) Алеша Попович подхватывает стрелу, пущенную в Илью Муромца, и подает ему — № 48 «Иван Годенович».
19.1. Попович и Смерть Тамарович — Перечень, № 139 конт.
20. Илья Муромец и Соловей-разбойник — № 27, 28 и конт. 30, 161—163, 165—170; Перечень, конт. № 127—130, 132, 134, 137—139.
20.1. Бова-королевич и Соловей-свистун — Перечень, № 126 конт.
21. Илья Муромец и Идолище:
а) Илья и Идолище в Новгороде — № 29;
б) Илья и Идолище в Киеве — № 30 конт.;
в) Илья и Идолище в неназванном месте — № 44 конт.; Перечень, № 131;
г) Илья и Идол у безымянного царя — № 168—170 конт.; Перечень, № 132 конт.;
д) Илья и татарин — Перечень, № 138 конт.;
е) Илья ударил татарина шляпой и вышиб его вместе со стеной — № 69 «Илья Муромец и Калин-царь»;
ж) Богатырь кулаком вышибает каменную стену — № 172 конт.
22. Дюк Степанович — № 31—34; Перечень, № (146) конт. Мотивы былины о Дюке в других текстах:
а) Писари описывают имущество героя — Перечень, конт. № 143—145, в составе волшебной сказки;
б) Описание необычных стрел — № 101 «Михайло Казарятин».

ГЕРОЙ НАЕЗЖАЕТ НА ШАТЕР, ГДЕ СПИТ БОГАТЫРЬ

23. Дюк Степанович наезжает на шатер, где спит Илья Муромец — № 34.
24. Илья Муромец наезжает на шатер, где спят два богатыря, — № 168—170 конт.

ВСТРЕЧА ГЕРОЯ С РАЗБОЙНИКАМИ

25. Илья Муромец и разбойники — № 35.
26. Богатырь тросточкой побивает разбойников — № 171—172 конт.; Перечень, № 155 конт.

27. Молодец и казна монастырская — № 185.
28. Правеж — № 186.
29. Не шуми, мати зеленая дубровушка, — № 187; Перечень, № 129 конт.

БОГАТЫРИ НА КОРАБЛЕ

30. Илья Муромец на Соколе-корабле — № 38—43, 44 конт., 45, 46; Перечень, № 24, 25.
30.1. Корабли бегут по морю (как общий зачин в разных текстах):
   а) «Садко» — № 85;
   б) «Девушка выиграла три корабля» — № 154;
   в) «Атаман Рыжков (Гришков) на корабле» — № 217—218а; Перечень, № 240—242.

УВОЗ ДЕВУШКИ (ЖЕНЩИНЫ)

31. Королевские племянники и царь Елизар (Наезд литовцев) — № 36, 37; Перечень, № 21.
32. Калинин-царь увозит девушку — № 47 конт.; Перечень, № 27.
33. Иван Годенович — № 48. Ср. здесь 57.2.
33.1 Потоп Михайлович — № 49.
34. Михайло Потык — Перечень, № 148.
35. Царь Соломан едет за похищенной женой.
35.1. Царевич-кузнец — Перечень, № 153.
35.2. Войско освобождает приведенного к виселице героя — Перечень, № 149—152.
36. Молодец манит девушку в Казань — № 173—176; Перечень, № 156—165; Доп., № 57—78.
36.1. Молодец манит девушку в Нарым — Перечень, № 166.
36.2. Соловей манит кукушку в Казань — № 177—178а; Перечень, № 167—171; Доп., № 79.
36.3. Соловей кукушку уговаривал — Перечень, № 172—174; Доп., № 80—103.

ОТРАЖЕНИЕ ВРАЖЕСКОГО НАШЕСТВИЯ

37. Данила Игнатьевич и его сын Михайло — № 50—59; Перечень, № 29, 30 конт., 31—33, (146) конт. Ср. здесь 39.2.
37.1. Отец Добрыни и князь Владимир — № 9 «Добрыня и змей», начало.
38. Суровец — № 60—62а; Перечень, № 40.
39. Суханьша Замантьев — № 63.
39.1. Суханко сын Туманович — № 64.
39.2. Сухан сообщает князю Владимиру о нашествии — № 65. Ср. 37.
39.3. Сухман (?) — Перечень, № 34.
40. Туры — № 66 и конт. 67.
41. Василий голь кабацкая — 67 конт.
42. Илья Муромец и Калин-царь № 68, 69, 236 (начало) и конт. 70, 162, 163.
42.1. Илья Муромец и Соловей-разбойник вместе побеждают войско царя Калина — № 163 конт.; Перечень, № 134 конт.
42.2. Илья и татары — Перечень, № 138 конт.
42.3. Герою предлагают послужить королю, как русскому царю, — № 219, 222—225 «Граф Чернышев в темнице у прусского короля».
43. Илья Муромец ссорится с князем Владимиром и попадает в темницу:
   а) Илья волочит подаренную князем татарскую шубу, бояре оговаривают его — конт. № 70, 162;
   б) Князь Владимир гневается на Илью за то, что тот допустил гибель более молодого богатыря и ругал Алешу Поповича, — № 166 конт.;
   в) Илья и голи — Перечень, № 138 конт.
44. Илья и Попович бьются с железным, затем с огненным войском — Перечень, № 139 конт.
45. Калика-богатырь (начало) — конт. № 71—76а; Перечень, № 36—38.
46. Калика читает Голубинную книгу — конт. № 71—76а; Перечень, № 36—38.
46.1 Илья Муромец поднимает Голубиную книгу и едет воевать — Перечень, № 39.
47. Герой просит отсрочки:
   а) Добрыня просит у змея отсрочки боя — № 9;
   б) Илья Муромец просит у царя Калина отсрочки его требования — № 68;

в) Иван Гостиный сын просит у князя Владимира отсрочки скачки — № 91;
г) Сын просит у матери отсрочки его казни — № 207, 208.

ПОЕДИНОК

48. Илья Муромец и его сын — № 77—79, конт. 168; Перечень, № 138 конт.
48.1. Илья и татарин — № 237.
48.2. Илья и богатырь-чужеземец — № 80.
49. Илья Муромец и турок — № 81, 82.
50. Сын Разина и два елынчата — № 203.
51. Племянник Разина и татары-поединщики — № 204.

БОГАТЫРИ ТРЕБУЮТ ДАНИ У ВРАЖЕСКОГО ПРАВИТЕЛЯ

52. Василий Казимерской — № 83.
52.1. Богатырь натягивает и ломает лук царя — конт. № 171—172; Перечень, № 155 конт.
52.2. Богатырь не может натянуть лучок старика (искалеченного богатыря) — конт. № 171—172; Перечень, № 155 конт.

53. Девушка нашла милого утонувшим — № 84.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНА (ЖЕНЩИНА)

54. Садко — № 85—87; Перечень, № 42 (начало).
55. Невольники на море — № 88.
56. Дунай и его жена.
56.1. Сдунай и его жена — № 89.
56.2. Тихий Днепр и Настасья-королевична — № 90.
56.3. Добрыня вспарывает чрево бабы Горыницы и находит там двух детенышей — № 20.
57. Женитьба Добрыни.
57.1. Добрыня встречает богатыршу Настасью и женится на ней — № 128 конт. Отчасти копирует былину «Илья Муромец и Святогор» (см. 13).
57.2. Добрыня (затем Алеша) женится на Настасье, дочери Микулы Селянина — № 127 конт.; Перечень, № 68—69 конт. Несколько напоминает начало былины «Иван Годинович» (ср. 33).
58. Молодец на спор скачет от Киева до Чернигова.
58.1. Иван Кулаков проскакал от Киева до Чернигова и получил в жены племянницу князя Владимира — № 92, 93.
58.2. Иван Гостиный сын спорит с князем Владимиром, его конь распугивает княжеских коней — № 91.
59. Иван-царевич угадывает подложную кровать — Перечень, № 154 конт. Ср. вторую часть былины «Три поездки Ильи Муромца».
60. Илья Муромец живет в тереме у двенадцати бессмертных девиц-красавиц — № 161 конт.
61. Илюшка Матросов помог жениться киевскому князю Владимиру — Перечень, № 147.
62. Попович женится на царь-девице — Перечень, № 139 конт.

ПЛЕННИКИ

63. Теща в плену у зятя — № 94—97, 238—238а; Перечень, № 45—49; Доп., № 1—3.
64. Девушка бежит из плена — № 98.
64.1. Сын Разина просит перевоза — Перечень, № 221 конт.
65. Полонянин — № 99.
66. Девушка с дувана досталась молодцу — № 100.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ БРАТОМ (БРАТЬЯМИ) И СЕСТРОЙ

67. Михайло Казарятин (Брат освобождает из плена девушку, которая оказывается его сестрой) — № 101.
67.1. Три татарина увезли Настасью, жену Добрыни; он наезжает в поле на похитителей и губит их — конт. № 126, ст. 19—21, 52—55, в составе былины «Добрыня и Алеша».

68.1. Девушка сидит среди татар — № 102.
68.2. Девушка сидит среди разбойников — № 103.
69. Алеша Попович освобождает свою сестру — № 104.
70. Братья-разбойники и сестра — № 105—107, 239, 240; Перечень, № 49; Доп., № 4—6.
71. Алеша Попович хвастает на пиру — Перечень, № 50.
72. Федор Колыщатой и Софья-волшебница — № 108—111; Перечень, № 51—53.
73. Девушка запускает молодца в город — № 112.
74. Угрозы девушки молодцу — № 113—116; Перечень, № 54—56.
75. Муж-разбойник — № 117, 118 и конт. 119; Перечень, № 57—63, 66 и конт. 64—65; Доп., № 7, 8.
76. Сестра зарезала брата (Сура-река) — № 120.
77. Сестры ищут брата и находят его убитым — № 47 конт.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ

78. Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать «родного братца» Илью Муромца — № 121.
78.1. Добрыня хочет поискать названого брата Илью Муромца — № 15, ст. 16—17, в составе былины «Добрыня и змей».

МУЖ НА СВАДЬБЕ СВОЕЙ ЖЕНЫ

79. Добрыня и Алеша — № 123—125, 241 и конт. 126—128; Перечень, № 67 и конт. 68—72.
79.1. Отъезд Добрыни — № 122.
80. Девушка приходит на свадьбу милого — № 129.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МУЖЕМ И ЖЕНОЙ

81. Ставер Годинович (Жена освобождает мужа из темницы) — № 130—131.
81.1. Князь Волконский похвалился своей женой — № 143.
82. На пиру Добрыня хвалится своей женой — Перечень, № 75.
83. Князь Михайло (Мать губит невестку в отсутствие сына) — № 132; Перечень, № 76 (начало).
84. Сон о рождении сына и смерти жены — № 133—135а; Перечень, № 77.
85. Муж губит жену по клевете матери — № 136; Доп., № 9—13.
86. Муж губит жену по клевете змеи — Перечень, № 78.
87.1. Князь Роман жену терял — № 137.
87.2. Муж жену губил — № 138, 139, 242, 243, конт. 119; Перечень, № 79—88 и конт. 89; Доп., № 14—52.
88. Молодец и худая жена — № 140; Перечень, № 90 (начало).
89. Муж застает у жены любовника.
89.1. Чурила и Василиса — № 141.
89.2. Чурила и Перемитьиха — № 142.
90. Князь Волконский и ключник — № 143—147; Перечень, № 91—93.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МОЛОДЦЕМ И ДЕВУШКОЙ

91. Добрыня и Маринка — № 148—150; Перечень, № 87.
91.1 Угроза обернуть Маринку-волшебницу сукой бесхвостой — № 115, в составе баллады «Угрозы девушки молодцу».
92. Товарищи пытались отравить Здуная — № 151; Перечень, № 95.
93. Отравление Скопина — № 193—196; Перечень, № 201—204.
94. Милый просит у девушки разрешения жениться на другой — Перечень, № 89 конт.
95. Молодец губит девушку ради того, чтобы она досталась только сырой земле.
95.1. Параня — № 152.
95.2. Олеша Попович и Параня — № 153.
96. Девушка выиграла три корабля — № 154, 155.
96.1. Девушка ходила на корабль играть в карты — Перечень, № 96.
97. Насильственное пострижение — № 244—244а.

ПРЕДСМЕРТНЫЙ НАКАЗ МОЛОДЦА

98. Сын Разина просит перевезти его за реку и похоронить на перекрестке — Перечень, № 221 конт.
99. Предсмертные наказы Суворова матери (солдатам) — Перечень, № 256—259.
100. Молодец лежит у огня и наказывает товарищам — Перечень, № 64—65 конт.

ПТИЦЫ

101. Сокол подпалил крылья — Перечень, № 97.
101.1. У сокола обгорели крылья — № 200, начало песни «Сынок Разина».
102. Разорение гнезда сокола — № 156, 156а; Перечень, № 99.
103. Сокол попал в клетку — Перечень, № 100.
104. Сокол улетел из неволи — № 157—159; Перечень, № 101, 102.
105. Про кулика-травника — № 160.
106. Небылица — № 245; Перечень, № 103—105; Доп., № 53—56.

II. ПРОЧИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

107. Взятие Казани (Иван Грозный и пушкарь) — № 179, 180; Перечень, № 175—178.
108. Кострюк — Перечень, № 179—183.
109. Иван Грозный и сын — № 181, 182.
110. Неудавшееся покушение на Ивана Грозного — № 183.
111. Иван Грозный хитростью берет город — № 184.
112. Ермак (чаще конт.):
    а) Ермак в казачьем кругу — № 188—190; Перечень, № 185, 188, 190;
    б) Убийство царского посла — № 188—190;
    в) Зимовка в пещерах у реки Чусовой — № 189;
    г) Поход в Сибирь — № 189, 190;
    д) Ермак в Москве — № 189; Перечень, № 197;
    е) Гибель Ермака — № 189.
113. Скопин просит помощи у шведского короля — № 191, 192; Перечень, № 199, 200.
114. Усы — Перечень, № 207, 208.
115. Осада Смоленска — № 197; Перечень, № 205.
116. Осада Комарского острога — № 198.
117. Разин уплывает из острога — № 199.
118. Сынок Стеньки Разина — № 200, 201 конт., 202, (215); Перечень, № 209—216.
119. Разин в лодке — № 201 конт.; Перечень, № 217. конт.
120. Сын Разина едет вслед за табуном государевых коней — Перечень, № 219 конт.
120.1. Впереди трех табунов коней идет чубарый конь, который заслышал большую невзгодушку — Перечень, № 220.
121. Засада на Разина.
121.1. Солдаты просят ночлега у Змеевых гор — Перечень, № 222.
121.2. Солдаты просят ночлега у гор + Разин на Волге у гор — Перечень, № 223.
121.3. Солдаты просят ночлега у гор + На Волге забелели паруса — Перечень, № 224.
121.4. Солдаты просят ночлега у гор + На Волге заалели знамена — Перечень, № 225.
122. Разин остается один — Перечень, № 226.
123. Помутился Дон — не стало в полку Разина — Перечень, № 228.
124. Осада Соловецкого монастыря — № 205—206.
125. Поход селенгинских казаков — Перечень, № 206.
126. Казнь стрелецкого атамана — Перечень, № 230.
127. Мать приводит сына на казнь — № 207, 208.
128. Князь Голицын возвращается в Москву — № 209.
128.1. Сизый голубочек по лужкам гуляет — Перечень, № 232—235.
128.2. Девушка думает, как ей пробраться в каменну Москву, чтобы повидаться с милым — Перечень, № 236.
129. Генерал запродал Москву — № 210.
130.1. Князь Шереметев и турецкий Влас-мурза — № 211.
130.2. Князь Шереметьев и пленный шведский майор — № 212, 213.
131. Вещий сон шведского короля — Перечень, № 237.

132. Голь кабацкая и солдаты — № 214.
133. Курьер и целовальники — Перечень, № 238.
134. Незнамушка — 215 конт. Ср. здесь 118.
135.1. Солдаты жалуются на Долгорукова — № 216.
135.2. Солдаты жалуются царю на Долгорукого — Перечень, № 239.
136. Атаман Рыжков на корабле — № 217—218а; Перечень, № 240.
136.1. Гришка-атаман — Перечень, № 241.
136.2. Корабли на море — Перечень, № 242.
137. Часовой у гроба царя — Доп., № 104.
137.1. Три полка солдат у могилы царя — Доп., № 105.
138. Граф Чернышев в темнице у прусского короля — № 219—225; Перечень, № 30 конт., 248.
138.1. Чернышев в темнице (первая часть песни) — Перечень, № 243—246.
139. Смерть Лопухина — Перечень, № 249—252.
140. Прусский король просит слуг снести ему голову — № 226.
141. Перебежчик немчинушка сообщает русскому царю о подкопе — Перечень, № 253.
141.1. Ямщинушка приезжает к русскому царю — Перечень, № 254.
142. Шведский король требует возвращения городов — № 227—230; Перечень, № 225. Ср. ультиматум Калина-царя (42).
142.1. Шведский царь пишет Петру Великому — Доп., № 106.
143. Казак находит на поле битвы убитого генерала — № 231.
144.1. Генерал хмелен от ран — № 232.
144.2. Суворов хмелен от ран (Смерть Суворова) — № 233; Перечень, № 256—259.
145. Казаки и нерусский салтан — № 234; Перечень, № 260.
146. Нападение киргизов на спящих казаков — № 235; Перечень, № 261. Ср. с гибелью Ермака (86е).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В УКАЗАТЕЛЕ СЮЖЕТОВ

№ — порядковый номер текста, публикуемого в этом сборнике.
Доп. — Дополнения к Перечню непубликуемых текстов (см. Список сокращений).
Перечень — Перечень непубликуемых текстов (см. Список сокращений).
Конт. — текст содержит контаминацию двух или более сюжетов.
Начало — текст представляет собой лишь начало соответствующего произведения.

УКАЗАТЕЛЬ ГИДРОНИМОВ

Амура-река № 198
Ахтуба, протока № 189
Баранча, р. № 189
Волга, р. № 176, 188, 189, 199
Дарья-река № 98
Днепр-река, в текстах из собраний С. И. Гуляева и А. Г. Эпова эта трудно произносимая для пения форма принадлежит собирателям № 4, 9, 48, 63, 77, 90
Днепра-река № 2, 78
Непр-река № 27
Непра-река, обычная для русского эпоса форма названия № 3
Дон, р. № 84, 100, 138, 188, 200, 202
Дунай, р. № (84), 89, 118, 139, 155, 190
Енисея-река № 189
Епанча-река № 189
Ефрат-река № 101
Жаравля, р. № 189
Иордан-река, в контексте название некоей дальней реки, где случаются чудесные события № 156
Ердань-река № 72
Иртыш, р. № 234
Казанка-речка № 174, 175
Казанская речка № 177, 178
Камень-река, нередкое в песнях название Камы № 201
Комара-река № 198
Нева-река, эта форма заменила собой Непру-реку № 60, 69
Опочай-река, одна из эпических форм названия р. Почайны, протекавшей в Киеве № 11, 13
Почай-река № 14, 15
Почан-река № 18
Самара-река № 188
Саратовка, р. № 104
Серебренная, р. № 189
Сибирка-река № 189
Смородина-река № 61, 62
Соуксанская лука, место Саускан находилось в трех поприщах от г. Сибирь, ставки Кучума (СЛ, с. 35) № 189
Тагиль-река № 189
Тоболь-река № 189
Тура-река № 189
Украйна-река № 23
Хвалынское море, эпическая форма названия Каспийского моря № 38, 39, 43, 45, 88, 217, 218
Холбинское море № 87
Чусовая, р. № 189
Шура-река, местное произношение названия р. Суры № 120
Яик-река № 188, 189

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ

Азов-город № 203
Алатыр, камешек № 19, 32
Алтай-гора № 68
Арахов, переиначенное название Ляхова № 67 *см. также* Ляхов
Астрахань, г. № 114, 188, 189, (201), 202, 215
Ахте-город, переиначенное название Шахова № 67 *см. также* Шахов
Баранченская переволока № 189
Бернец-город, переиначенное название Брянска № 37
Волынец, «крепкий город», в былинах чаще как обозначение Волыни, обширной области на северо-западе современной Украины № 101
Воронин, г., переиначенная форма названия Воронежа № 214
Галичево поле, судя по контексту, местность близ г. Галича в современной Костромской обл. № 160
Граждан-город, неясно, какое подлинное название скрывается за этой и двумя последующими формами № 36
Греждань-город № 229
Грездань-город № 230
Греческая земля № 191, 192
Епанчин юрт, позже там возник г. Туринск № 189
Золотая гора, место пребывания Святогора № 168—170 *см. также* Святые горы
Иерусалим, г. № 47
Иерусалимское царство № 50
Ерусалимский город № 52
Русалимский монастырь № 54
Казань, г. № 10, 114, 173—180, 189
Камарский (Комарский) острог № 198
Кидош, г., вероятно, переиначенное название старинного г. Кидекши на Владимирщине № 27
Киев, г., обычно с эпитетом «стольный», реже «славный» или «великий» № 9, 21, 25—27, 32, 34, 45, 47, 49, 56, 63, 65—70, 83, 90—93, 112, 130, 131, 147, 148, 162, 163, 166, 168, 237
Кистрин-город, имеется в виду г. Кюстрин в нижнем течении Одера № 219, 220
Кестрень-город № 26, 225
Иструм-город № 222
Корела богатая № 101
Красная площадь (в Москве) № 189
Кучум-город, столица государства Кучума названа по имени правителя № 190
Литва № 104
Литва хоробрая № 91
Ляхов, эпическое название дальней местности, обычно в словосочетании «...во Шахове... и во Ляхове» № 181 *см. также* Шахов
Магницкова гора, гора Магнитная на Урале № 189
Медведь-камень № 189

Москва, г., часто с эпитетом «каменна» или «матушка» № 31, 40, 144, 160, 181, 182, 185, 188, 189, 193—195, 200, 202, 209, 210, 212, 213, 226, 229
Московское государство (царство) № 205, 206, 211
Муром, г. № 6, 161, 163
Мяденски юрты № 189
Новгород № 181, 182
Нов-град (Новый город) № 29
Новотор-земля, судя по контексту, переиначенное название Новгородской земли № 13, 15, 16
Опской, г., эпическое название Пскова № 182
Петербург № 227
Петянбурх № 228
Погромная, урочище № 97
Покровская гора (под Смоленском) № 197
Поленецкая земля № 83
Польская земля № 66
Путерема, г., переиначенное название Путивля № 21
Пучин-город № 26
Ревень, г., переиначенное название Ревеля (ныне Таллинн), № 230
Реген, г., форма, образовавшаяся от слияния названий Ревеля и Риги № 227
Рига, г. № 228, 230
Россея № 166, 227, 228
Русь № 61, 62, 215
Святая Русь № 32, 88, 94, 95, 98, 137, 144, 185, 191
Рязань, г. № 9, 16
Саратовская степь № 104, 232
Саротинские (Сиротинские) горы, переиначенная форма эпического топонима «сорочинские горы», от «сорочин» (сарацин, араб) № 34
Святые горы, географически не определяемое и потому загадочное место, где только и мог находиться Святогор № 161
Сибирь № 186
Сибирская сторона № 189
Сибирская украина № 198
Смолин-город (Смолинской город), встречающаяся и в иных песнях форма названия Смоленска № 197
Соловецкий монастырь № (205)
Станиславская отчинка № 127
Стол-город, он же затем назван Черниговом № 130
Таз-город, подмена названия Азова № 204
Тобольская гора, по-видимому, имеется в виду возвышенность, на которой уже после описанных в тексте событий возник г. Тобольск № 189
Трапетово (Трипетово) раздолье, обычно этот эпитет сопровождает имя Кощея, см. Указатель имен № 182
Тряская улица, переиначенное название Тверской улицы в Москве № 209
Турецкая земля № 127, 192, 233
Туретчина № 81
Углик, г., несколько измененное название Углича № 107
Улутавские луга № 235
Усолье, имеется в виду Усолье Камское, вотчина Строгановых, расположенная вверх по течению Камы примерно в 550 км от устья № 189
Устретенская улица, улица Сретенка в Москве № 143, 144
Хвалынский город, вымышленное название, эпитет перенесен с названия моря № 31
Цареград № 81, 82
Черкесская улица № 231
Чернигов, г. № 21, 29, 45, 48, 91—93, 130, 181
Шахов, эпическое название дальней местности, обычно употреблявшееся в соединении с упоминанием Ляхова. Шахов и Ляхов считаются названиями, производными от этнонимов «чех» и «лях» № 66, 181
Шингальский хребет, название дано по р. Шингал, как русские в XVII в. называли Сунгари, правый приток Амура № 198

АЛФАВИТНО-ГНЕЗДОВОЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И НЕКОТОРЫХ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Авдотья Ягубьевна № 160
Алексей Московский, царь № 207, 208
Алексей Михайлович, царь № 205
Алеша № 68, 124, 125
Алеша Попов № 38, 45, 46
Алеша Попович № 21, 22, 25, 26, 30, 32, 40, 43, 48, 49, 77, 89, 104, 121, 130, 166, 241
Олеша № 126, 237
Олеша Попов № 41, 80
Олеша Попович № 23, 24, 59, 123, 127, 128, 153
Олеша Поповской сын № 78
Сын попёнышев № 180
Амельфа (Амелфа) Тимофеевна, мать Добрыни № 9, 15, 128
Омельфа Тимофеевна, мать Добрыни № 14, 16
Омельфа Тимофеевна, мать Михайлушки № 17
Мельха Тимофеевна, мать Добрыни № 13
Амельфа Александровна (Лёксандровна), мать Добрыни № 124—126
Амирфа Александровна, неявно мать Добрыни № 122
Омельфа Александровна, мать Добрыни № 12
Анна Романовна, княжна № 137
Анофрей Степанович, казачий атаман № 189
Апраксия, княгиня, жена Владимира № 9, 25, 130
Душенька Апраксия № 65
Душенька Апраксена № 26
Душечка княгиня Апракшия, тетка Алеши Поповича № 23
Душечка Апраксия в свите Тита Хорохонтьевича № 57
Дусечка Апраксевна, жена Владимира № 59
Дусечка Апраксевна, жена Тита Хорохонтьевича № 58
Душечка княгиня № 27, 64
Душечка княгиня королевишна № 32, 127
Евпраксия, княгиня (эта книжная форма в текстах принадлежит В. Г. Богоразу) № 25, 65
Батур Батвесов, царь земли Поленецкой № 83
Бел змей № 9
Белозмеище-лиходеище № 13
Беломарья Изыславна, пленница змея № 13 *см.* Мария Изеславна
Боба-королевич (в роли Святогора) № 164

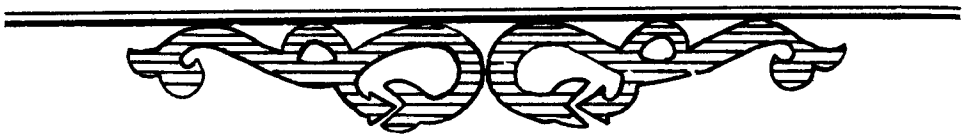
Богатырь-татарин № 166
Богатырь-чужеземец № 80
Боидоской князец № 198
Бориско, сын Ильи Муромца № 77
Борис-королевич, так назвал себя Илья Муромец № 27
Ваня, злодей № 152
Ваня-ключник № 144
Ключник № 143, 145, 146
Василий, крестьянин, отец Ильи Муромца № 163
Василий Буслаевич № 5
Василий голь кабацкая № 67
Василий сын Васильевич, так назвала себя жена Ставра № 130
Василий сын Казимерской № 48, 83
Василиса Васильевна, жена Ставра № 131
Василиса Микулишна (Никулишна), жена Ставра № 130
Василиса Николаевна, жена Велеметя № 141
Васька Скурлатов, палач № 181
Велеметь Васильевич, измененное имя Верьмяты (Бермяты) № 141
Великан (Великант), сын царя № 168, 169
Владимир, князь № 48, 67, 68, 70, 89, 91, 130, 131, 196
Владимир, князь, дядя Алеши Поповича № 23
Владимир, князь киевский № 34
Владимир красно солнышко № 57, 58, 90
Великий князь Владимир № 163
Великий князь Владимир красно солнышко № 30
Красно солнышко Володымер-князь № 125, 126
Славный князь Волёдимер (Владимир) № 148, 237
Солнышко Владимир № 59, 241
Солнышко Владымир-князь № 124
Солнушко Владимир (Врадимир)-князь № 25, 26, 32, 49, 56, 65, 92, 93, 108
Сонышко Владимир-князь № 123
Владимир-князь солнышко Сеславьев (Сеславич, Сеславьевич, Сеславьич, Сославич) № 9, 27, 69, 83, 147
Владимир-князь Сословье красно солнышко № 21, 63
Царь Владимер красно солнышко № 127, 166
Влас-мурза, турок № 211
Волконский, князь № 143
Волконский, князь Владимир № 144
Волгинский, князь № 146
Надеждушка военный князь № 145
Волотоман царь Волотоманович № 74
Волотомко царь Волотомович № 75
Болотоман царь Болотомонович № 73
Болотонко царь Болотонович № 71
Олотомин царь Олотомонович № 72
Волховичи, братья № 108
Волховники № 109
Волховнички № 111
Волковичи № 110
Вороновы, господа № 189
Голицын, князь № 209
Горынище, баба № 20
Горынище, мать Добрыни № 10
Григорий Григорьевич № 189
Гришка (Гришутка), ключник № 147
Данила Игнатьевич, уменьшительные формы имени: Данилишка, Данилушка, Данилушко, Данилышко, Данильюшка № 50—59
Дарья Бродовишна, жена Сдуная № 89
Днепр свет Иванович № 90
Добрыня № 16, 150, 241

Добрыня, добрый молодец № 126
Добрыня Игнатьевич № 59
Добрыня Микитич № 11, 13, 14, 125, 127
Добрыня Микитов № 15
Добрыня Микитович № 19
Добрыня Микитьевич № 32, 49, 128, 149
Добрыня Никитич № 9, 12, 20, 48, 68, 77, 80, 83, 89, 123, 130
Добрыня Никитович № 46, 121
Добрынушка Микитич № 10
Добрынюшка № 38, 40
Добрынюшка, молодой казак № 148
Долгоруков № 126
Дурак Сибиряк № 171, 172
Дюк Степанович, сын боярский № 31—34
Еким Иванович, товарищ Алеши Поповича № 21, 26
Яким (Аким), «слуга-паробок» Алеши Поповича № 25
Якимша-порубок № 22
Ефимча, дяденька Алеши Поповича № 24
Ефимша, слуга Алеши Поповича № 23
Елизар, царь № 37
царь без имени № 36
Ермак Тимофеев (Тимофеевич) № 188—190
Захар Макарьевич № 49
Захарьевна, душечка лебедушка № 49
Змей Гариныч № 163
Змей Горынич № 1
Змей лютой и палючей № 10
Змей огненный № 14
Змей Тугарин № 21, 26
Змееницы огненные № 128
Змеиница Горыница № 19
Змеинище-лиходеище № 18
Змеишше-лиходеишше № 13
Змеишшо Горынишшо № 9
Змеишшо Тугаретин № 21
Змеище-лихорадище № 22
Змеище Тугарышше № 11
Змеюнишше-лиходеюшше № 15
Змеядищо-лихорадищо № 17
Иван, князь № 209
Иван Васильевич, царь № 181, 182, 184, 186, 188, 189
Иван Грозный № 180
Грозный царь № 179
Иван Годенович № 48
Иван Гостиный сын № 91
Иван Кулаков № 92, 93
Иван-калека № 8
Иван Колцов, казачий атаман № 189
Иван русской № 78
Игорий Храбрый № 161
Идол № 168
Идол Поганый № 169, 170
Идолище № 29, 66
Идолище Поганое № 29, 44
Идолище Поганое, отождествленное В. Г. Богоразом с Тугарином № 25
Илья сын Мирославской № 197
Илья № 28
Ильюша № 237
Ильюшка (Ильюшенька) № 169
Илюшенька Иванович № 29

Илья (Илля) Муровец № 15, 20, 44, 78—80, 127, 162, 170
Илья Мурович № 46, 164
Илья Муромец № 6, 7, 27, 30, 34, 38—43, 45, 48, 68—70, 77, 81, 82, 91, 104, 161, 163, 165—168
Илья-пророк № 161, 163
Исус Христос № 73, 161, 163
Казара, поп церкви соборныя, отец Михайлы Казарятина № 101
Калин-царь № 68, 236
Калин-царь Тугарин № 68
Калин сын Смородьевич № 69
Царь Калин (Калина) № 70
Царь Калин Калинович № 163
Калинёночек, сын царя Калина № 69
Сын царя Калина № 68
Калинин-царь № 47
Калинкин (Калинкевич) сын, подмена имени № 111 *см.* Федор сын Колыщатой
Колыван сын Иванович, богатырь, № 77
Коромышев Семен Костянтинович, русский посол в Персии № 189
Кошель Трепетой (переиначенная форма имени Кощей) № 49
Кошшеишшо Бессмертный № 48
Кудреванко царь Кудреванович № 71—76
Курган-царь (князь) № 60
Кучинуха-старуха, жена Кучума № 190
Кучум, царь татарский № 189, 190
Ласташка Лаврентий сын, казачий есаул № 190
Малюта вор Скурлатович № 182
Сын Скурлатов (Скурлатович) № 193—195
Малюты дочь (дочь Малюты, дочь Малютова) № 193—195
Мамай безбожный № 63
Маринка, чародейка № 148—150
Маринка-волшебница № 115
Мария Изеславна (Изославна), пленница змея № 15
Марфа Изеславна № 18
Марья Елизастовна, тетка Добрыни № 14
Мартын, поп № 160
Марусенька, жена королевича № 134, 135
Марьюшка, сестра братьев-разбойников № 239
Марья Юрьевна да Елизарьевна, сестра разбойников № 240
Марья Елизаровна, пленница королевских племянников № 36, 37
Марья Степановна № 160
Марфа Сеславьевна, племянница князя Владимира № 92
Племянница князя без имени № 93
Марфа Сеславьевна, сестра Добрыни № 149
Матвей да Лука, дети боярские № 127
Матрена Тимофеевна № 107
Матфей Мещеряков, казачий атаман № 188
Мать пресвятая богородица № 66, 67
Миколай-угодник № 161
Микула Селенин, серебренник, отец Настасьи, жены Добрыни № 127
Митрей Митреевич, черниговский купец № 48
Михайло, князь № 132
Михайло Казарятин № 101
Михайлушко, змееборец № 17, 18
Михайлушко (Михайлышко), сын Данилы Игнатьевича № 50—54
Миша (Мишенька) № 58
Мишенька Данильевич № 56, 57, 59
Михайлушко, чадо Марьи Елизаровны № 36, 37
Многолед-богатырь № 43
Морской царь № 85, 86

Настасья Казаришна, сестра Михайлы Казарятина № 101
Настатья-королевична, жена тихого Днепра № 90
Настасья Микитишна, жена Добрыни № 126
Настасья Митреевишна, дочь купца № 48
Настасья Микулишна, жена Добрыни № 124, 125, 127
Настасья Никулишна (Никулинишна, Микулишна) № 123, 241
Насташисна дочь Микулина № 128
Настасьюшка, дочь губернатора № 202
Наталья, мать Ильи Муромца № 163
Незнамушка, он же и царь Петр Алексеевич № 215
Никита Пан, казачий атаман № 188
Никита (Микита) Романович, брат царицы, шурин Ивана Грозного № 181, 182
Никита Романович, Большой боярин № 189
Никита Романович, отец Добрыни № 9
Никита № 12
Микита № 11, 13—16, 19
Микитушка № 10
Микита, отец Михайлушки № 17
Никола, русский богатырь № 166
Обжора хлебоядная № 30 *см. также* Идолище
Палагиюшка № 240
Параня (Поросковья, Пороскювюшна) № 152, 153
Перемитьев, переиначенная форма имени Пермята (Бермята) № 142
Перемитьиха № 143
Петр Алексеевич, царь (царь и родовой казак) № 215, 204
Петрушка, царь № 204
Подольский царь № 67
Полкан-богатырь № 38, 40, 41, 45
Потаня № 160
Потоп Михайлович, племянник князя Владимира № 49
Прусский (прутский, пруцкий, прудский) король № 219, 220, 222, (223), 225, 226, 233
Пу́рга-царь № 61, 62
Разин Сенька № 200. 203, 204
Разин Стенька № 201
Разин Степан № 199
Роман сын Иванович, князь № 137
Романушко № 240
Романьёноцек № 240
Ростовский поп, отец Алеши Поповича № 21, 104
Леонтий, поп № 23
Поп Семен Ростовский № 25
Рыжков, атаман № 217
Гришков, атаман № 218
Сабанак, татарин № 189
Садко, купец № 85—87
Садко Иван Васильевич № 86
Садок № 87
Самбур Андреевич, казачий атаман № 189
Самсон сын Васильевич, богатырь № 77
Салтан Салтанович, турецкий хан № 38
Турецкий хан № 40, 231
Хан-царь № 42
Царь-султан № 39
Салтан нерусский № 234
Султан азиатский № 235
Салтыков Петр Алексеевич, воевода № 205, 206
Святогор (Шветогор) № 167—169
Егор Святогор № 165
Игорь Святогор № 161

Сдунай сын Иванович № 89, 151
Семен Ягубьевич № 160
Сироточка, вдовий сын, полонянин № 99
Скимен-зверь № 3
Скимон-зверь № 2, 4
Скопин № 191—195
Михайло Скопин сын Васильевич № 196
Соловей-разбойник (вор-разбойник) № 27, 28, 30, 161—163, 165, 166, 168, 169
Соловей-свистун № 167
Софья Волховна № 111
Софья Волховнишна № 109
Софья-волшебница № 108
Мельфа-Софья Волховница № 110
Ставер Годенович (Годинович) № 130, 131
Строгановы Семен, Максим и Никита № 188
Суворов-князь № 233
Суровец-богатырь сын Иванович № 60
Суровец Иванович по прозванью Олег Ярославцевич № 61
Суровец Иванович, Ярославной воль (!) Ярославсович № 62
Сухан Домантьевич № 49
Суханко сын Туманович № 64
Суханьша Замантьев № 63
Сухман (Сухан) сын Дамантьевич № 65
Тимофей, князь или царь № 50, 52, 54, 56
Тит, царь № 50—52, 54
Тит Фарафонтьевич № 56, 65
Тит Хорохонтьевич № 57—59
Чит № 53
Тугарин Змеевич № 23—25 *см. также* Змей Тугарин
Тугарин Змеевик (Змеевин) № 91
Удача-богатырь, сын Ильи Муромца № 79
Федор Иванович, сын Ивана Грозного № 181, 182
Федор-царевич № 182
Федор сын Кольщатой № 108
Хвэдор сын Колыческой № 109
Фэдор сын Колыченьской № 110
Федосеев царь Федосеевич № 73
Федосейко царь Федосеевич № 71, 72, 74, 76
Ходошейко царь Ходошеевич № 75
Черниговский владыка № 32
Чернышев Захар Григорьевич, российский граф № 219, 220
Чернышев З. Г., злой невольничек № 221
Черношлев № 222
Черницов (Чернецов) З. Г., российский граф № 223, 224
Чернышев З. Г., донской казак № 225
Чурило Пленкович № 141, 142
Чурило № 32
Шамшамурин Константинович, наместник в Нове-городе № 29
Шведский король № 191, 192, 227—230
Шереметев, князь Борис боярин № 211
Большой боярин, граф Петрович Шереметьев (Серементьёв) № 212, 213
Шереметьев (Серементьев) сударь-граф № 227, 228
Шеремечьев (Шилимечнов) восподин № 229
Юриш-Мариш-Шашмаретин, так назвал себя Илья Муромец № 27
Яков Люнопостович, шурин царя, переиначенное имя Якова Пунтусова Делагарди, военачальника шведов № 197
Яков Михайлов, казачий атаман № 188
Ячман Ячмонайлович, король, переиначенная форма имени Этмануил Этмануилович № 37

СЛОВАРЬ

Аннéзду — однажды.
Арави́ньское (аравицкое) красное золото — аравийское, из Аравии.
Ардабаза́рцы — купцы, торговые люди, от тюрк. «орт-базар» (рынок).
Багрецóвые (сукна) — червленые, багряные, пурпурные, от слова «багрец».
Базы́га — хрыч.
Баре́товые (перчаточки) — вероятно, кожаные.
Бели́ленька (трава) — вероятно, переиначенное слово «былиночка».
Белоéловка (шляпка) — белоеломка, высокая шляпа из белого войлока.
Беломéнный (каблук) — беломедный.
Белоя́ровая пшеница — светлая и отборная, от выражения «белоярово пшено» (рис).
Белоя́рово шéно (трава) — последующее переосмысление «белояровой пшеницы».
Берли́н — карета, рыдван.
Берча́т (рукав, занавеса) — вытканный с узорами, узорчатый, браный.
Бéрчини злачи́нные — перстни золоченые.
Блад — млад; бладые лета — молодые лета
Борзуме́нсковой (кушачок) — восточный, тюркского или татарского происхождения.
Бра́ные (скатерти) — изготовленные из «брани», домашнего холста с яркими узорами.
Буёвая (палица) — боевая.
Була́вая (лавочка) или лавицы-була́вицы — вероятно, от «белавый»: беловатый, белый.
Булды́л — первоначально этой искаженной форме в тексте предшествовало слово «глуздырь» со значениями: а) птенец, только начинающий летать; б) молокосос. Затем слово «глуздырь» стали подменять, видимо, в восточной части Русского Севера словом «булды́рь» со значениями: а) горка, холмик, кочка; б) прыщ, волдырь, шишка.
Буржеме́цкое, бурзоме́нское или бурзуме́нское (копье) см. Мурзамецкое.
Бурна́стая (лисица) — сиводушка с густым пышным мехом.
В палисте́нку — подле стенки, по объяснению рассказчика.
Валья́жные (пуговки) — литые, чеканные, точеные.
Валья́нское (стремечко) см. Валящато.
Валя́щато (стремя) — вальящатое: а) литое, чеканное, точеное; б) крепкое, прочное, массивное; в) обобщенно — удобное и красивое.
Вере́дички — уменьш. от слова «вереи»: столбы, на которые навешиваются ворота.
Вере́шки (стрел), ед. ч. веро́шка — древки.
Вершить головой — положить голову, окончить жизнь.
Ветки (с товарами) — у русских старожилов Индигирки и Колымы веткой называли лодку, сшитую из трех досок (две на борта, одну на днище) и предназначенную для одного человека, с двухлопастным веслом; раньше так называли долбленки. Ветка была обычным средством передвижения в низовьях Индигирки и Колымы до 60-х гг. XX столетия. Сам термин «ветка» принесен с Русского Севера.

Ви́шеринка — крошечка.
Волоки́тное (ковришко) — взятое в дорогу; будничное, затасканное.
Волоча́жница, волоча́йка — потаскушка.
Волхо́вник, волхо́вница — ведун, ведунья; колдун, колдунья.
Вы́жлык — гончая собака.
Выть — количество еды, достаточное или нужное для насыщения; порция; время от еды до еды.
Гармази́н (гармажи́н, гормажи́н) — кармазин, сукно алого цвета.
Говорливой (жеребец) см. Кологрив.
Голе́ц — сиб. каменистая гора без растительности.
Голча́ночка — от старинного слова «голк» (звук, шум, гул), известного до сих пор на Индигирке. «Голчить» — громко говорить,кричать. Следовательно, для татарина «голчаночка» — женщина, которая говорит громко, но, видимо, что-то непонятное (ср. первоначальное значение слова «немец»).
Гольяшное (стременышко) см. Валящато.
Го́рнак (го́рничек, го́рнок), горносталько — горностай.
Гостиный — купеческий.
Гри́дня (гри́дница, гри́нюшка, гри́ня) — палата для приема гостей и послов, в былинах обычно княжеская. По сообщению С. И. Гуляева, на Алтае гридней называли комнату, в которой играли свадьбу.
Гря́дка — деревянная вешалка; полка, лежащая вдоль печи, от стены до печного столба.
Дака́меж — покамест.
Де (джэ) — якут. ну.
Дел делили (дил делят) — делят добычу.
Домови́ще — гроб, который в старину выдалбливали из одной колоды.
Дру́жко (дру́женька) — свадебный чин; самый активный участник свадьбы со стороны жениха, главный распорядитель и оберегатель молодых.
Е́дома — продолговатая возвышенность или гряда низких холмов, выделяющаяся на фоне равнинной тундры.
Елба́ны роскатисты — крутые округлые холмы. По сообщению С. И. Гуляева, на Алтае это — высокий гладкий мыс на берегу реки.
Ели́нчата — уменьш., видимо, от слова «улан», как назывались сановники, составлявшие свиту татарского правителя.
Ерлы́к см. Ярлык.
Ермак (ермаки) — здесь в значении «казачий предводитель».
Е́свы (ествы) — яства.
Же́лобы окатисты — переиначенное слово «шеломы» (холмы).
Жемля — земля.
Живот — имущество, состояние.
Житье-бытье — нажитое имущество, добро.
Жмур (кафтан) — смурый, темно-серый, сделанный из сукна домашней выделки, на которое шла некрашеная шерсть темных тонов.
За беду стало — показалось обидно, оскорбительно.
Завеча́ть (на участь) — загадывать, положить обет.
Зово́женька (новая) — конюшня, сарай.
Запоручить — отдать что-то по условию; просватать девушку.
Засельщина — деревенщина.
Зуй — кулик.
Изарба́цкая (опояска) — парчовая, восточной выделки, от слова «изарбат (зарбав, зербоф)».
И́ндрик (и́ндрок) — единорог.
И́скопыть — следы копыт; выбросы земли или грязи из-под копыт.
И́чим-чем — этим-тем.
Иши́н (сокол) — ясен.
Кали́га (кали́ка) — паломник, странник, нищий.
Кали́на (стрела) — каленая, с наконечником из каленого железа.
Кали́новый мост — вероятно, железный, из каленого железа.
Камахи́нский (шелк) см. Шемахинский.
Камка́ — шелковая цветная ткань с узорами (разводами).
Камча́тый (кафтан) — пошитый из камки.
Киби́рчата (стрела) — эпитет, вероятно, образован от слова «кибирь»: стрела с острым железным наконечником.

Киска (шелковая) — кисточка; шелковый шнурок.

Ки́чига (полуночная) — в диалектах имеет несколько значений, в том числе: а) созвездие Ориона или пять его звезд, образующих пояс и меч Ориона; б) созвездие Большой Медведицы; в) Полярная звезда. (Собиратель обязан был спросить конкретное значение слова у исполнителя).

Клеть, клету́шка — го́рница, иногда — чулан.

Кокро́вище (дубище) см. Кряковистый. Переосмыслено, вероятно, в связи с известным певцу словом «кокора» (толстый ствол).

Кологри́в (жеребец) — с длинной гривой, космы которой опускаются по обе стороны шеи коня и как бы кругом («ко́лом») охватывают ее.

Кома́ринской — здесь, очевидно, подмена эпитета типа «скоморовский» (скоморошеский).

Коси́ца, мн. ч. коси́цы — висок, виски.

Кося́щато (кося́дчето) — окно с косяками.

Котобра́с (зверь) — переиначенное слово «китоврас» (кентавр).

Краки́товый (дуб) см. Кряковистый.

Кра́сно (крыльцо) — красивое; парадное.

Крено́вой (дуб) — от слова «крень» (кремль). Кренью называли мелкослоистое дерево, чаще сосну или ель. Из-за прочности крень использовали для изготовления предметов, должных выдерживать большие нагрузки. Так, старожилы Индигирки до недавнего времени изготовляли из крени луки, кили карбасов, полозья нарт.

Крепо́к — нагрудник, по объяснению С. И. Гуляева

Кружа́лое — питейный дом, кабак.

Кружо́к — здесь волосяная петля для ловли птиц.

Кры́льчаты — переосмысленное слово «кречеты». Кречетами на Руси называли самых крупных соколов, нередко имевших светлую и даже белую окраску туловища, очевидно поэтому в фольклоре упоминание сокола сопровождается эпитетом «ясный».

Кры́лья — лопатки. «Широк в кры́льцах» — широк в плечах.

Кры́пчаты — переиначенное слово «кречеты»; возможно, образовалось от стяжения в одно слово выражения «крапчатые кречеты».

Кряко́вистый (крекóвистый) — кряжистый, могучий.

Кули́ково (поле, болотичко) — место, где водятся кулики. В русском эпосе куликово поле обычно фигурирует как место казни. Примечательно, что и название Куликова поля, где произошла известная битва русских с войском Мамая, местные жители произносят с таким же ударением, что и в эпосе.

Куть — угол в жилом помещении; кухня, место против печи, отделенное от остальной части избы грядкой (см.), перегородкой или занавеской. Из ку́ти выводят невесту.

Ла́сно — как будто, кажется.

Ла́тар (камешек) — от названия «Ала́тырь», таинственного камня в русских былинах, заговорах и других фольклорных произведениях. Здесь (№ 31) подразумевается яхонт.

Лендáва — ендова.

Леши́на — лесина, дерево.

Ли́ственъ — лиственница.

Лу́га седе́льная — лука седельная, выступающая вверх передняя или задняя часть седла.

Ма́ковицы (щеки) — подобные распустившимся цветкам алого мака.

Ма́тица — балка, на которой лежит потолок. Матица вражеского войска — ядро, центр, основная часть.

Меде́нная (меди́нная) вода см. Сыта.

Меже́нные (меже́нские, мезе́нские) солнцепеки — в разгар или в середине лета.

Мо́льча (шумит) — очень, много, просто.

Мо́рок, мн. ч. мо́роки — здесь туча. У старожилов Индигирки и Колымы в обыденной речи употребляется также в значениях: туман; мрак.

Моря́нин (море́вич, морящечка) — житель приморья, местности, расположенной у моря.

Мост (в помещении) — пол.

Му́мряна (шляпа) — муромка, изготовленная в Муроме. Механическое перенесение эпитета на дерн: «заклали дерном черным, мумреным» (№ 130, ст. 57).

Мура́вленая ставочка — камень-самоцвет в перстне.

Мурзаме́цкое (мурзале́цкое) копье — татарское, восточного образца, от слова «мурза» (татарин). Постоянный эпитет, сопровождающий упоминание копья в былинах.

Му́рзый (конь) — здесь (№ 47), вероятно, переосмысление эпитета «борзый» и сближение с эпитетом «мурзамецкий».

Мяжо́нные (дни) см. Меженные.

На носок востер — по объяснению С. И. Гуляева: «Ловкий, хитрый, себе на уме. Поговорка эта происходит от борьбы с носка, в которой поединщики берут друг друга правою рукою за ворот зипуна или армяка, а носком левой ноги стараются подхватить выставляемую вперед правую ногу противника или, наоборот, носком правой ноги — левую. Нам случалось видеть, что при этом вострый на носок борец перекидывает через себя поединщика» (ГААК, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 214а, л. 80).

Надмесячники и надсолнечники — балдахины или зонтики, укрывающие от лучей солнца или месяца, которые, по верованиям, имели силу, опасную для женщин и особенно для девушек.

Накора́чь — на карачки, на колени, на четвереньки.

Нак ёт (немецкий) — шитье.

Наса́дка (у палицы) — верхняя часть. Здесь (№ 9) певец, по-видимому, подменил копье палицей.

Нахтарма́ — мездра, изнанка меха.

Небы́лья — небылица, врака, вымысел.

Ни́ту — нету. Здесь, как и в обыденной речи старожилов Индигирки, в значении: никак, ничего.

Облеле́яла — окружила, обступила со всех сторон.

Обру́чница — суженая; невеста.

Обря́щилися — обрушились, упали с высокого места вниз.

Обста́ть — обступить, окружить.

Однозоло́тные (кресты, оправа) — из одного, т. е. из чистого золота.

Одыбре́лся — выздоровел и почувствовал силу, по объяснению рассказчика.

Окном припал — припал к окну.

Око́ленка (стекольчата) — окно.

Око́ненка — форма, которой С. И. Гуляев заменял слово «околенка», судя по правке текстов.

Окроколист («с окроколистом дуб») см. Кряковистый.

Оку́ркать — обкаркать.

Опочив держать — опочивать, спать, отдыхать.

Особо́ровали — совершили над умирающим елеосвящение.

Открывает двери на пяту — открывает двери на распашку.

Охто́ — кто.

Па́робок (па́рик, по́рубок) — слуга, оруженосец.

Парсу́ндрово (дерево) — палисандр.

Перме́ты (перме́тнишки) — переметные сумы.

Пе́рчень — перстень.

Пешно́й (столб) — печной.

По-писа́ному — по-предписанному, по заведенному обычаю.

Пова́ренная (избушка) — здесь отдельное строение, предназначенное для кухни.

Подла́вечье — место под лавкой.

Подмо́лчивые (бояре) — подхватывающие и распространяющие слухи и сплетни; льстивые сплетники.

Подмо́лвить — оговорить, наговорить.

Подру́жье — помощник дружки.

Подзамо́шники, подтюре́мщики — заключенные в тюрьму, узники.

Пологривый (полугривый) см. Кологрив.

Поле́ничать — ездить в чистое поле для свершения воинских подвигов. Термин встречается только в былинах.

Поля́ница (удалая), а также паленица, поленица, полонница — в зависимости от контекста и понимания самого сказителя имеет значения: а) богатырша; б) группа конных воинов-богатырей.

Полтретья́ ведра — полтора ведра.

Помутись — помыться.

Поно́с понесла́ — забеременела.

Попу́рхивать — попархивать, вспархивать.

По́тник — войлок, подкладываемый под седло, на спину лошади.

Похи́тить — здесь погубить.

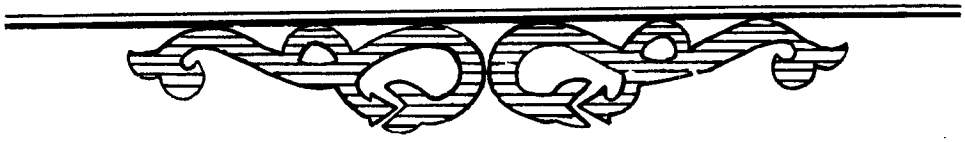
По́ченый (потник) — пропитанный потом.

Призуме́нты — позуме́нты.

Прикла́ды прикла́дывает — здесь, по объяснению рассказчика: стоя на коленях, отбивает поклоны перед иконой.

Пу́рга, мн. ч. пу́рги — буря, сильное ненастье. В холодное время старожилы Индигирки «пу́ргой» называют также сильный ветер.
Пчица — птица.
Пята́ (у дверей) — шип в гнезде, на котором вращается дверь.
Пятисотная верста — верста в пятьсот саженей. Впервые о такой версте упоминается в письменных источниках около середины XVI в.
Ра́енка — рея на мачте корабля.
Разры́вчатой (лук) — тугой, очень упругий.
Рако́вистый (реко́вистый) см. Кряковистый.
Реме́нчат (стул) — складной на ремнях.
Ря́дина — от слова «ря́да» (уговор, договор, порядок).
Сар — царь.
Сарачи́нские (ковры) — сарацинские, арабские.
Саро́вич — царевич.
Сбо́йчивая (птица) — надменная, горделивая, заносчивая.
Сбруя (богатырская) — доспехи и оружие богатыря, воина. Термин польского происхождения, заимствованный не ранее XVI в.
Све́тно (платье) — цветное, из крашеной ткани.
Семисотная верста — верста в семьсот саженей. Этот термин заменил собой старинное «поприще». В качестве меры длины семисотная верста применялась в некоторых местах Сибири еще в начале XX в.
Се́реда — пол в срединной части помещения.
Се́рка (сэ́рка) — церковь.
Серо́утица (серо́учица) — серая утка.
Сине́вицы — синяки.
Сипо́вки — дудки.
Скат, ска́тский (жемчуг) — скатный, т. е. круглый, ровный и крупный речной жемчуг.
Скок (коня) — здесь след от скачков коня.
Скомаро́в (скамаро́в) — скоморох. Как и в некоторых местах Русского Севера, в Сибири так называли профессиональных музыкантов.
Скурла́ты (немилостливые) — палачи. Слово образовано от обычной в фольклоре формы произношения фамилии Малюты Скуратова, приближенного Ивана Грозного.
Скурля́т (сукно) — скарлат, алое сукно венецианского происхождения.
Спи́чка — деревянный колышек в стене, на него вешали одежду.
Стоя́тель — защитник.
Страннишничек — форма, образованная исполнителем (№ 35) путем слияния, по-видимому, непонятного ему слова «станишничек» и несомненно известного слова «странник».
Струби́ть — срубить.
Струг (стружок) — легкое речное судно.
Стру́ку величина — с руку величиной.
Ступи́счат (конь) — идущий бодрой, уверенной поступью.
Сы́та (медвя́ная) — а) подслащенная медом вода; б) медовый взвар.
Тава́лженая (перекладина) — здесь (№ 144) сделанная из таволожника, как называли степную березу в Южной Сибири.
Тарно́вые (кустички) — терновые.
Тма — тьма, численностью 10 тысяч. Здесь употреблено в значении «одна тысяча».
Тожно́ (тозно́) — тогда.
Торжить (усы) — закручивать усы круто вверх.
Тороки — переметные сумки, два кожаных мешка, перекинутых на широком ремне через седло верховой лошади.
Третра-перо — опахало, по предположению С. И. Гуляева. Вместе с тем он признается: «Собственное же значение „третра“ мне неизвестно» (ГААК, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 214а, л. 80).
Троетра́вочка (конь) — трехлетний.
Тул (ту́лица) — колчан для стрел. Как реалия тул существовал у старожилов Индигирки еще в послевоенные годы.
Тур, ж. р. тури́ца — вымерший вид копытного животного, родственного зубру и домашней корове. Тур обитал примерно до XV—XVI вв. в степной и лесостепной полосе европейской части страны.
Ту́тыка — тут.
Ту́шные (бедра) — тучные.

Ты́сяцкий — старший свадебный чин; посаженый отец. Самое важное лицо со стороны жениха, тем не менее не играющее на свадьбе активной роли.
У́разная (пена) — вероятно, от слова «у́раз» (момент какого-то действия).
Уру́н — якут, орон. Широкая низкая лавка, сплошь идущая вдоль стен юрты, по ночам на ороне спали.
Уско́к — скачок лошади.
Хобо́т (у змея) — хвост.
Хото́н — якут, хлев, коровник.
Хруща́тая (камка) — хрустящая, шуршащая.
Хрящ (хрущ) — крупный песок или галька.
Цве́тное платье — одежда из крашеной ткани.
Цинба́лище — кинжалище.
Ча́ска (палица) — тяжкая, тяжелая.
Ча́чинька — тятенька.
Че́боты — сапоги; башмаки.
Че́ло — тело.
Челяди́нная (избушка) — дом, где живет челядь (прислуга, дворня).
Ченбу́р (чунбу́р, чумбу́р) — повод, уздечка.
Черкасское (черкацкое, черкатское, черканское) седло — казачье. «Черкасами» еще в начале XVII в. называли казаков Поднепровья, будущих запорожцев.
Чепочка — здесь (№ 204) употреблено вместо слова «сиповочки» (см.).
Черля́нов (башмачок) — червленый, красный.
Черна́вушка (черна́ушка) — служанка, выполняющая черную работу.
Черному́ровка (шляпа) — изготовленная в Муроме шляпа из черного войлока.
Чеснок колотили — здесь (№ 198) в значении: ставили частокол (тын).
Чеш — честь.
Чинга́лище — кинжалище.
Чи́точка — титечка.
Шанцы — рвы, глубокие ямы-ловушки.
Шве́тно (платье) см. Цветное платье.
Шелепу́га — плеть или кнут.
Шело́мы (окатистые) — холмы, невысокие округлые горы.
Шелы́га (подорожная) — плеть или кнут.
Шемахи́нский (шемелинский) шелк — из Шемахи в районе Дербента на Каспийском море.
Ше́ра (утица) — сера.
Шеро́учица — серая утица.
Шермова́ть см. Шурмовать.
Ше́рце — сердце.
Ши́льный (лес) — сильный, густой.
Ши́не мо́ре — сине море.
Шурмова́ть (копьем) — действовать, владеть, орудовать.
Шыра́ (земля) — сыра.
Э́чих-чех — этих-тех.
Я́годицы — щеки. Ягодицы ровно маковицы — щеки словно цветки алого мака.
Ярлык — письмо, грамота.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ

1. БАССЕЙН ОБИ И ИРТЫША

Курганская обл. № 240
Омская обл. № 81, 94, 199
Верхний Иртыш № 2, 68, 98, 105, 114, 117, 122, 138, 143, 210, 235
Новосибирская обл. № 239

2. АЛТАЙ

Ординское Барнаульского у. (ныне Ордынск, райцентр на юге Новосибирской обл.) № 3, 67, 91, 141, 209, 211, 231, 232, 234
Сузунский завод (ныне Сузун, райцентр на крайнем юге Новосибирской обл.) № 1, 21, 63, 70, 77, 78, 89, 104, 132, 133, 142, 155, 182, 186, 200, 233
Ересная под Барнаулом № 9, 27, 48, 69, 83, 101, 112, 130, 157, 185 и предположительно № 144, 160, 181, 196
Барнаул № 82, 183, 206, 219, 220
Локтевский завод № 43
Алтай, без точного указания места записи — № 99, 100, 129, 140, 183
Тува № 106, 136, 205а, 221, 242—244а

3. БАССЕЙН ЕНИСЕЯ (БЕЗ АНГАРЫ)

№ 39, 40, 42, 42а, 60, 151, 161, 245 и предположительно № 38

4. БАССЕЙН АНГАРЫ

Нижняя Ангара № 30, 35, 41, 47, 118, 123, 127, 139, 162, 226, 241
Средняя Ангара № 10, 20, 64, 113, 154, 158, 179, 180, 187, 204, 214
Верхняя Ангара № 28, 107, 119, 148
Чуна № 79, 124—126, 202, 207, 208, 212, 213, 227, 228 и предположительно № 236
Илим № 11

5. ЛЕНА И НИЖНЯЯ ТУНГУСКА

Верхняя Лена № 12, 22
Верховье Нижней Тунгуски № 5, 102, 103
Средняя Лена № 7, 167, 176

6. ИНДИГИРКА

Русская протока № 13—15, 17, 18, 23, 24, 37, 44, 50—55, 61, 62, 62а, 71—75, 76а, 86—88, 108—110а, 115, 120, 137, 145—146, 156—156а, 168—172, 177, 178—178а, 184, 190—192, 197, 201, 203, 216, 218, 222, 229
Средняя протока № 16, 31, 153, 230
Ожогинцы № 36, 218а

7. КОЛЫМА

Нижняя Колыма № 19, 25, 29, 32, 45, 49, 56—59, 66, 76, 84, 85, 92, 95—97, 111, 116, 128, 134, 149, 194, 223, 224
Средняя Колыма № 65, 152, 159, 193, 215

8. АНАДЫРЬ

№ 26, 33, 34, 46, 80, 93, 135, 135а, 150, 195, 225

9. ЗАБАЙКАЛЬЕ

Западное Забайкалье (БурАССР) № 8, 163—165, 205
Восточное Забайкалье (Читинская обл.) № 4, 6, 90, 121, 131, 173

10. ПРОЧИЕ МЕСТА

Амурская обл. № 166
Приморский край № 174, 175
Сахалин № 238, 238а
Сибирь № 217

11. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

№ 188, 189, 198, 205, 244

УКАЗАТЕЛЬ ПЕВЦОВ И РАССКАЗЧИКОВ

Алиха № 150
Ананьин Андрей Титыч № 151
Асламов Дмитрий Савельевич № 164
Афанасьева П. Г. № 106
Безруких Аграфена Тихоновна № 127, 162
Виноградова Е. А. № 119
Винокурова Анна Иннокентьевна № 134, 194
Гагарина Анна Ивановна № 242
Гаськов Иван Иванович № 8
Голыжинский Иннокентий Федорович № 146
Голыжинский Федор Митрофанович № 14, 24, 62, 86
Грязной Григорий Евлампиевич № 81
Гуляев Иннокентий Гаврилович № 59
Дауров Федор № 65, 215
Долгова Капитолина Филипповна № 205а
Дьяков № 68, 98
Егорова Мария № 66
Епанешников № 78 и условно № 1, 89, 104, 142, 182
Земцов Иван Иванович № 199
Иванова М. П. № 42а
Инешин Василий Иванович № 5
Калистратов Иван Максимович № 82
Каратаев Иннокентий Иванович № 75
Кирюшкина Анна Яковлевна № 136
Киселев Егор Семенович № 18, 55, 110, 110а, 145а, 156а, 170, 172, 178, 192
Киселев Семен Петрович № 15, 23, 37, 44, 54, 72, 73, 88, 115, 120, 137, 145, 156, 169, 171, 184, 190, 191, 197, 201, 203, 218, 222, 229
Кобелев Алексей Дмитриевич № 165
Козырев Дмитрий Алексеевич № 30
Кокорина Фекла № 113
Колосова К. П. № 42а
Комаров И. Л. № 166
Кондакова Матрена № 116
Кривогорницын Митрофан № 45 и вставки в №19
Кузнецова Александра Логиновна № 221
Лопаева Ульяна Романовна № 239
Моисеева Акулина Ивановна № 11
Мусихина Ирина Кирияковна № 243
Налетова И. Н. № 95
Никулина Анастасия Петровна № 135а
Новгородов Петр Николаевич № 76, 111, 128
Олесова Мария № 159

Поздеева Н. Ф. № 42а
Половников № 70 и предположительно № 132
Попов Евграф Антонович № 64
Попова Мария Ефимовна № 179
Портнягина Ф. Ф. № 42
Протопопова А. И. № 96
Пудовы, братья № 158
Радостева Домна Кирилловна № 244а
Речкина Ксения Кузьминична № 237
Решетников Михаил Гаврилович № 57, 58, 223, 224
Рожин Киприан № 50, 108
Рожин Николай Куприянович № 51
Рукосуев Николай Семенович № 35, 47
Савостаевы Клавдия Михайловна и Васса Макаровна № 239
Садохина Е. Г. № 238, 238а
Сазыкина Ксения Андреевна № 135
Санталова Февралина Алексеевна № 97
Седых Филимон Егорович № 7, 167, 176
Сизых Акулина Семеновна № 180
Сизых Василий Иванович № 20, 204
Сизых Евграф Васильевич № 187, 214
Сизых Ф. В. № 154
Синякова А. Ф. № 161
Смолин Виктор Мелентьевич № 126
Смолин Никандр Михайлович № 79, 124—125, 202, 207—208, 212—213, 227—228
Смолинова Александра Андреяновна № 41, 123
Соковиков Михайло № 19, 25, 29, 32, 49, 56, 84, 85, 92 и вставки в № 65, 215
Соломенникова Анна Григорьевна № 174
Сороковиков Егор Иванович № 163
Соседов Павел Кондратьевич № 241
Старкова Евдокия Даниловна № 239
Стрельникова Анна Матвеевна № 173
Струков Николай № 36
Струкова Анастасия Михайловна № 218а
Сычева Устинья Федоровна № 6
Толстокулакова А. А. № 94
Тупицын Леонтий Гаврилович № 9, 27, 48, 69, 83, 101, 130, 157, 185 и предположительно № 112, 144, 160, 181, 196
Тырышкина Фетинья № 206
Хохлушин Прокопий № 12, 22
Худяшов Василий № 43
Черемкина Пелагея Николаевна № 16, 31, 87, 153, 230
Черемных В. П. № 42а
Четверикова Арина № 149
Чечелова Авдотья Логиновна № 240
Чижикова Василиса Федоровна № 175
Чикачев Иван Николаевич № 53, 109
Чикачев Семен Егорович № 17, 177
Чихачев Николай Гаврилович № 13, 61, 52, 71, 216
Шкулев Николай Григорьевич № 168
Шкулева Анна Николаевна № 74
Щелканова Аграфена Николаевна № 62а, 76а, 178а
Юрьева А. Г. № 102, 103

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ ТЕКСТОВ

Азадовский М. К. № 164
Александров А. № 30
Алексеев Н. М. № 16, 87
Арефьев В. С. № 226
Боло С. И. № 111, 128
Бродский-Богданов И. А. № 96
Веселов № 39
Виноградов Г. В. № 119
Воронов П. Т. № 41, 123
Габышев Н. А. № 14, 15, 17, 23, 24, 31, 37, 44, 53, 54, 62, 73, 74, 86, 88, 109 115, 120, 137, 145, 146, 153, 156, 169, 171, 177, 184, 190, 191, 197, 201, 203, 218, 222, 229, 230
Гуляев В. И. № 43
Гуляев С. И. № 9,27, 48, 69, 82, 83, 101, 112, 130, 140, 157, 181, 183, 185 и предположительно № 99, 10, 129, 144, 160, 196, 206, 219
Гунченко Э. В. № 135
Екимов М. Г. № 237, 240
Зензинов В. М. № 50, 108
Зиновьев В. П. № 6
Зотов Г. В. № 76
Ижицкая К. № 245
Казакова Н. И. № 238, 238а
Калашников Н. № 179
Калиниченко П. № 241
Копержинский К. А. № 11
Косожихина И. № 179
Костров Н. А. предположительно № 60
Кривошапкин М. Ф. № 38
Кротов М. А. № 36
Купалов-Коровин И. С. № 199
Лазебников А. № 3, 67, 91, 141, 147, 209, 211, 231, 232, 234
Макаренко А. А. № 10, 20, 64, 113, 151, 154, 158, 187, 204, 214
Максимов С. В. № 217
Матвеева Р. П. № 8, 165, 166
Мехнецов А. М. 42, 42а
Моллеров Н. М. № 136
Некошновы К. М. и З. Т. № 124, 207, 212, 227
Никитина С. Е. № 205а, 242—244а
Новоселова Н. А. № 179, 180, 241
Петров П. № 81
Плотников В. № 138
Попов Е. П. № 193
Потанин Г. Н. № 2, 68, 98, 105, 114, 117, 122, 143, 210, 235

Пруссак А. В. № 28, 107, 148
Розенбаум С. П. № 226
Савельев А. А. № 35, 47, 127, 162
Свиридова Л. М. № 174
Селюкова Т. А. № 58, 59, 95, 224
Середкина В. Я. № 173
Смирнов Ю. И. № 7, 18, 51, 55, 75, 110, 167, 170, 172, 176, 178, 192
Соколов Д. П. № 1, 21, 63, 70, 77, 89, 104, 132, 142, 155, 182, 186, 200
Сороковиков Е. И. № 163
Стрижков И. № 220
Тан-Богораз В. Г. № 19, 25, 29, 32, 45, 49, 56, 65, 66, 84, 85, 92, 116, 149, 152, 159, 215
Татаринцева М. П. № 106, 221
Толкачева В. С. № 40
Травин Д. Д. № 13, 52, 61, 71, 72, 168, 216
Тыжнов И. № 118, 139
Федосеева С. А. № 57, 223
Фетисова Л. Е. № 175
Чеканинский И. А. № 79, 125, 126, 161, 202, 208, 213, 228
Черноков Н. Ф. № 94
Шенталинская Т. С. № 34, 62а, 76а, 80, 97, 110а, 134, 135а, 145а, 156а, 178а, 194, 218а
Шишков В. Я. № 5, 12, 22, 102, 103
Шпак Л. № 241
Шульгин Н. № 180
Эпов А. Г. № 4, 90, 121
Неизвестное лицо из с. Марково на среднем Анадыре № 26, 33, 46, 93, 150, 195, 225

SUMMARY

Long preparatery work preceded the publication of the volume «Russian Epic Poetry of Siberia and the Far East». From various editions, numerous state archives, the materials of fieldwork and private collections the author managed to obtain about 800 records of 146 plots of bylinas, ballads, skomoroshinas (skomorokh jokes), tales on bylina plots and historic songs of the 16—18th centuries. Among them were discovered several dozens of Russian epic works that have been preserved only in Siberia. The comparison of texts from the European part of the country with those from Siberia enabled us to reveal among the latter a great number of Russian epic songs that are much older than their analogues to the east of the Urals. Along with the preservation of some original European forms they often introduced some innovations in Siberia. Quite remarkable are also the texts of Russian epic works. More often tales, that were collected among the representatives of other peoples — the Evenks, the Buryats, the Yukagirs, etc. Thus gradually this regional collection of Russian epic texts was compiled, the first within this country's folklore.

All the Siberian records known to the author are presented in this volume's «List of plots and motive-transferences». Some of these texts are included into the volume. The systematic arrangement of the texts reproduces that of the list. A somewhat narrower idea of this system is given by the list of the Texts' plots and Motives that was compiled specially for the Summary and is given below.

The preservation of the Russian epic tradition to the east of the Urals is correlated with the settlement of the Russian population in certain areas.

The most interesting versions of epics were preserved among those who had once migrated from the European part of Russia. By selecting and studying the closest forms of analogues from Siberia and the European part of Russia it became possible to find out where the epics were brought from. Judging by the texts most migrants came to Siberia from the north-western part of Russia, that is the region between the Onega and the Pechora rives.

Published for the first time are the melodies of epic songs collected in Siberia and the Far East among the old residents who had once come from Russia. In the previous publications we find but 4 notations of the epic texts; the present volume contains 41 samples (see tables 1 and 2 in the musicological article that gives a systematic presentation of the genre composition, musical stylistics and the geography of the records).

THE LIST OF PLOTS AND MOTIVE-TRANSFERENCES INCLUDED INTO THE VOLUME

I. BYLINAS, TALES ON BYLINA PLOTS, BALLADS, SKOMOROSHINAS AND HISTORICAL SONGS OF SIMILAR PLOTS

The Birth of Zmeyevich [1]
The birth of an epic hero.
Skimen the beast.
The birth of Surovets.
The birth of Ilya Muromets.
The youth of an epic hero.
The youth of Vassily Buslayev.
The youth of Dobrynya Nikitich.
A hero receives or loses power.
The cure of Ilya Muromets.
The cure of Ivan the cripple.
Ilya Muromets and Svyatogor.
Svyatogor and the attraction of the Earth.
Sibiryak [2] the fool.
A hero leaves his home. His first encounter.
A pillar (stone) with the inscription pointing to the three roads.
Dobrynya and Zmey [3].
Dobrynya's battle with the woman-Gorynishche.
Alyosha Popovich [4] and Tugarin Zmeyevich.
Ilya Muromets and Idolishche [5].
Duke Stepanovich.
A hero comes upon a marquee where another hero is sleeping.
Duke Stepanovich comes upon a marquee where Ilya Muromets is sleeping.
Ilya Muromets comes upon a marquee where two bogatyri [6] are sleeping.
A hero meets robbers.
Ilya Muromets and the robbers.
A hero defeats robbers with a stick.
A young fellow and monastery treasury.
Tsar's court.
Don't you rustle, oh Mother the green grove.
Epic heroes on a ship.
Ilya Muromets on the «Falcon» ship.
Abduction of a girl (a woman).

---

[1] Zmeyevich — the son of Zmey (see 3) and a woman. According to the beliefs he is endowed with fabulous power.

[2] Sibiryak — a Siberian.

[3] Zmey — a serpent or a dragon of immense size with paws, wings and one or several heads and tails.

[4] Popovich — a son of a priest.

[5] Idolishche — (from «idol») a common name for an ethnic adversary who permanently attacks Rus.

[6] Bogatyr — (pl. bogatyri) — an epic hero, a man of immense physical power, the defender of faith, Rus' and the offended.

King's nephews and tsar Yelizar (the Lithuanians' raid).
Tsar Kalinin abducts a girl.
Ivan Godenovich.
A young fellow entices a girl to go with him to Kazan'.

Warding off the enemy's invasion.

Danila Ignatievich and his son Mikhailo.
Surovets (The hero encounters the enemy forces and fights with them).
Sukhan'sha Zamantiev (Sukhanko Tumanovich).
Turs [7] (The Holy Virgin forsees the enemy's invasion).
Vassily gol' kabatskaya [8].
Ilya Muromets quarrels with Prince Vladimir and is put into a dungeon.
Kalika [9] the hero.
Kalika reads the Golubinaya [10] book.

A duel.

Ilya Muromets and his son.
Ilya Muromets and a Turk.
Razin's son and two Turks.
Razin's nephew and Tatar-duellists.

Bogatyri demand a tribute from an enemy ruler.

Vassily Kazimerskoy.
A girl found her sweet-heart drowned.

A marvellous wife (woman).

Sadko (Sadko marries a daughter of the sea king).
Dunay and his wife (Dunay marries a woman-hero).
Dobrynya's marriage.
Ivan Kulakov (A young fellow gallops from Kiev to Chernigov to win a bet and marry Prince Vladimir's niece).
Ilya Muromets lives in the palace of twelve immortal beauties.

Prisoners.

Mother-in-law captured by her son-in-law.
A girl runs away from captivity.
A prisoner.
A young fellow gets a girl after the division of the loot.

Relations between a brother (brothers) and a sister.

Mikhailo Kazariatin (A brother frees a girl who turns out to be his sister).
Alyosha Popovich frees his sister.
Brothers-robbers and their sister.
Fyodor Kolyshchatoi and Sofia the Enchantress (brothers kill their sister's lover).
A girl lets a young fellow into the town.
A girl threatens a young fellow.
A robber-husband.

---

[7] Tur — a Russian name for an extinct wild bull (Bos primigenius)

[8] Gol' kabatskaya — a collective noun for the poorest of the poor who have squandered all they had on drink.

[9] Kalika — a pilgrim.

[10] Golubinaya book — a mythical book containing the main comepts of the universe, the creation of the Earth, its flora and fauna, and the destination of the man.

The Sura river (A sister slaughters her brother).
Sisters look for their brother and fund him murdeered.
Relations between brothers.
Dobrynya and Alyosha ask their mother to let them go in search of their brother Ilya Muromets.
A husband at his wife's wedding.
Dobrynya and Alyosha.
A girl comes to her sweet-heart's wedding.
Relations between a husband and a wife.
Staver Godinovich (A wife frees her husband from a dungeon).
Prince Mikhailo (In the absence of her son Mother ruins her daughter-in-law).
A dream about the birth of a son and the death of the wife.
A husband ruins his wife because of his mother's slander.
A husband is tormenting his wife.
A young fellow and a bad wife.
Churila and Vassilisa (A husband finds his wife with a lover).
Relations between a young fellow and a girl.
Dobrynya and Marinka.
Comrades try to poison Zdunay.
Poisoning of Skopin.
Alyosha Popovich and Paranya (A young fellow kills a girl that nobody should have her).
A girl wins three ships.
A girl is shut up in a convent by force.
Birds.
A falcon gets his wings singed.
A falcon's nest is ruined.
A falcon flies away from captivity.
About a snipe.
An unbelievable story.

II. OTHER HISTORICAL SONGS

The seizure of Kazan' (Ivan the Terrible and a gunner).
Ivan the Terrible and his son.
An unsuccessful attempt upon Ivan the Terrible's life.
Ivan the Terrible occupies a town by deception.
Yermak.
Skopin asks the Swedish king for help.
The siege of Smolensk.
The siege of the Komarsk fortress.
Razin flees from the goal (He draws a boat which turns into a real one and helps him to escape).
Sten'ka Razin's son.
Razin in a boat.
The siege of the Solovetsky monastery.
Mother brings her son to the execution.
Prince Golitsyn returns to Moscow.

A general sells Moscow.
Prince Sheremetiev and a prisoner (A Turk or a Swede).
Gol' kabatskaya and the soldiers.
Neznamushka (An unknown man).
Soldiers lodge a complaint against Dolgorukov.
Attaman [11] Ryzhkov aboard a ship.
Count Chernyshov in a Prussian King's gaol.
The Prussian king asks his servants to behead him.
The Swedish king demands his towns to be returned.
General (Suvorov) gets intoxicated with the wounds.
Cossaks and a non-Russian sultan.
The Kirghiz attack the sleeping Cossaks.

[11] Attaman — the chief of Cossaks, rebels or robbers.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии 7
Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. *Смирнов Ю. И.* 9
Напевы русских эпических песен Сибири и Дальнего Востока. *Шенталинская Т. С.* 48

ТЕКСТЫ

I. БЫЛИНЫ И БАЛЛАДЫ

1. Рождение змеевича 58
2. Песня о Скимоне-звере 58
3. Скимен-зверь заслышал рождение богатыря 59
4. Скимон-зверь 60
5. Молодость Василия Буслаевича 60
6. Исцеление Ильи Муромца 60
7. Исцеление Ильи Муромца 61
8. Про Ивана-калеку 62
9. Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича 62
10. Добрыня и змей 71
11. Добрыня Микитич и Змеище Тугарище 72
12. Добрыня Никитич 74
13. Добрыня и змеище-лиходеище 74
14. Добрыня и огненный змей 75
15. Добрыня и змеюнище-лиходеище 77
16. Добрыня и змей 79
17. Михайлушко и змеядищо 79
18. Михайлушко и змеинище-лиходеище 80
19. Добрыня и Змеинище Горынище 81
20. Бой Добрыни с бабой Горынищем 83
21. Алеша Попович и Змей Тугаретин 83
22. Алеша Попович и змеище-лихорадище 87
23. Олеша и Тугарин 88
24. Олеша Попович и Тугарин 90
25. Алеша Попович и Тугарин Змеевич 92
26. Алеша Попович и Змей Тугарин 94
27. Илья Муромец и Соловей-разбойник 97
28. Илья и Соловей-разбойник 102
29. Илюша и Идолище 103
30. Старина про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного 104
31. Дюк Степанович 106
32. Дюк Степанович 106
33. Дюк Степанович 109
34. Дюк Степанович 109
35. Илья Муромец и разбойники 110

36. Королевские племянники и царь . . . 111
37. Племянники короля Ячмана и царь Елизар . . . 112
38. Илья Муромец на Соколе-корабле и турецкий хан . . . 114
39. Илья Муромец на Соколе-корабле . . . 115
40. Илья Муромец на Соколе-корабле . . . 116
41. Илья Муромец на легком корабле . . . 118
42. Илья Муромец на Соколе-корабле . . . 118
42а. Илья Муромец на Соколе-корабле . . . 119
43. Илья-Муромец на Соколе-корабле . . . 119
44. Илля Муровец на корабле . . . 120
45. Илья Муромец на Соколе-корабле . . . 121
46. Илья Мурович на Соколе-корабле . . . 121
47. Калинин-царь увозит девушку . . . 122
48. Иван Годенович . . . 123
49. Потоп Михайлович . . . 128
50. Данила Игнатьевич и его сын Михайло . . . 130
51. Старинна песня про Данилушку . . . 133
52. Старина про Тита . . . 136
53. Данилышко Игнатьич и Тит . . . 138
54. Данилушко Игнатьевич и Тит . . . 140
55. Про Данилушку . . . 142
56. О Мишеньке Данильевиче . . . 142
57. Данила Игнатьевич и его сын . . . 145
58. Данила Игнатьевич и его сын . . . 146
59. Данила Игнатьевич и его сын . . . 148
60. Суровец . . . 149
61. Суровец . . . 151
62. Суровец Иванович и Пурга-царь . . . 152
62а. Суровец . . . 153
63. Суханьша Замантьев . . . 154
64. Суханко сын Туманович . . . 156
65. Сухан сообщает князю Владимиру о нашествии . . . 157
66. Туры . . . 159
67. Василий Пьяница . . . 160
68. Илья Муромец и Калин-царь . . . 162
69. Про Калина-царя . . . 166
70. Илья Муромец и Калин-царь . . . 169
71. Калика читает Голубиную книгу . . . 172
72. Калика читает Голубиную книгу . . . 173
73. Калика читает Голубиную книгу . . . 173
74. Калика читает Голубиную книгу . . . 174
75. Калика читает Голубиную книгу . . . 175
76. Калика читает Голубиную книгу . . . 175
76а. Калика читает Голубиную книгу . . . 177
77. Илья Муромец и его сын Бориско . . . 179
78. Илья Муромец и его сын . . . 181
79. Илья Муровец и его сын Удача . . . 183
80. Илья Муромец и богатырь-чужеземец . . . 183
81. Илья Муромец и турок . . . 184
82. Илья Муромец и турок . . . 185
83. Василий Казимерской . . . 185
84. Девушка нашла милого утонувшим . . . 193
85. Садко богатый купец . . . 193
86. Садко . . . 195
87. Садко . . . 196
88. Невольники на море . . . 197
89. Сдунай и его жена . . . 198
90. Тихий Днепр и Настасья-королевична . . . 199
91. Иван Гостиный сын . . . 200
92. Иван Кулаков . . . 203

93. Иван Кулаков . . . 204
94. Теща в плену у зятя . . . 205
95. Теща в плену у зятя . . . 206
96. Теща в плену у зятя . . . 206
97. Теща в плену у зятя . . . 207
98. Девушка бежит из плена . . . 208
99. Полонянин . . . 209
100. Девушка с дувана досталась молодцу . . . 209
101. Михайло Казарятин . . . 210
102. Девушка сидит среди татар . . . 213
103. Девушка сидит среди разбойников . . . 214
104. Алеша Попович освобождает свою сестру . . . 214
105. Братья-разбойники и сестра . . . 216
106. Братья-разбойники и сестра . . . 217
107. Братья-разбойники и сестра . . . 218
108. Федор Колыцатой и Софья-волшебница . . . 219
109. Федор Колыческой и Софья Волховнишна . . . 220
110. Федор Колыческой и Мельфа-Софья Волховница . . . 221
110а. Федор Колыческой и Мельфа-Софья Волховница . . . 222
111. Софья Волховна . . . 223
112. Девушка запускает молодца в город . . . 224
113. Угрозы девушки молодцу . . . 224
114. Угрозы девушки молодцу . . . 225
115. Маринка-волшебница . . . 225
116. Угрозы девушки молодцу . . . 226
117. Муж-разбойник . . . 226
118. Муж-разбойник . . . 227
119. Муж-разбойник . . . 227
120. Сестра зарезала брата . . . 228
121. Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца . . . 228
122. Отъезд Добрыни . . . 229
123. Добрыня и Олеша (Муж на свадьбе своей жены) . . . 229
124. Добрыня и Алеша . . . 230
125. Добрыня и Алеша . . . 233
126. Добрыня и Олеша . . . 235
127. Добрыня и Олеша . . . 237
128. Про Добрыню Микитьевича . . . 242
129. Девушка приходит на свадьбу милого . . . 243
130. Ставер Годенович . . . 243
131. Ставер Годинович . . . 247
132. Князь Михайло . . . 249
133. Сон о рождении сына и смерти жены . . . 250
134. Сон о рождении сына и смерти жены . . . 251
135. Сон о рождении сына и смерти жены . . . 252
135а. Сон о рождении сына и смерти жены . . . 252
136. Муж губит жену по клевете матери . . . 252
137. Князь Роман жену терял . . . 253
138. Муж жену губил . . . 254
139. Муж жену губил . . . 254
140. Молодец и худая жена . . . 255
141. Чурила и Василиса . . . 256
142. Чурила и Перемитьиха . . . 258
143. Князь Волконский и ключник . . . 260
144. Князь Волконский и Ваня-ключник . . . 261
145. Князь и ключник . . . 263
145а. Князь и ключник . . . 264
146. Князь Волгинский и ключник . . . 264
147. Князь Владимир и Гришутка-ключник . . . 265
148. Добрыня и Маринка . . . 265
149. Добрыня и Маринка . . . 266

150. Добрыня и Маринка . . . 268
151. Товарищи пытались отравить Здуная . . . 268
152. Параня . . . 269
153. Олеша Попович и Параня . . . 269
154. Девушка выиграла три корабля . . . 269
155. Девушка выиграла три корабля . . . 270
156. Разорение гнезда сокола . . . 270
156а. Разорение гнезда сокола . . . 271
157. Сокол улетел из неволи . . . 271
158. Сокол улетел из неволи . . . 272
159. Сокол улетел из неволи . . . 272
160. Про кулика-травника . . . 273

II. СКАЗКИ О БОГАТЫРЯХ

161. Илья Муромец и Святогор . . . 274
162. О старом казаке Илле Муровце . . . 276
163. Соловей вор-разбойник . . . 277
164. Про Илью Муровца . . . 280
165. Илья Муромец . . . 283
166. Повесть про Илью Муромца . . . 285
167. Сказка про Илью Муромца . . . 288
168. Сказка про Илью Муромца . . . 289
169. Сказка про Илью . . . 292
170. Сказка про Илью Муровца . . . 296
171. Три богатыря . . . 299
172. Сказка про мужика . . . 302

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Исторические песни, относимые к событиям XVI в.

173. Молодец манит девушку в Казань . . . 307
174. Молодец манит девушку в Казань . . . 307
175. Молодец манит девушку в Казань . . . 308
176. Молодец манит девушку в Казань . . . 308
177. Молодец манит девушку в Казань . . . 308
178. Молодец манит девушку в Казань . . . 309
178а. Соловей манит кукушку в Казань . . . 309
179. Взятие Казани . . . 310
180. Взятие Казани . . . 312
181. Иван Грозный и сын . . . 313
182. Иван Грозный и сын . . . 316
183. Неудавшееся покушение на Ивана Грозного . . . 319
184. Иван Грозный хитростью берет город . . . 320
185. Молодец и казна монастырская . . . 321
186. Правеж . . . 321
187. Не шуми, мать зеленая дубровушка . . . 322
188. О призывании волских атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарыщи с великие реки Волги в Чюсовские городки на помогание противо неверных . . . 322
189. Ермак взял Сибирь . . . 324
190. Ермак . . . 327

Исторические песни, относимые к событиям XVII в.

191. Скопин просит помощи у шведского короля . . . 328
192. Скопин просит помощи у шведского короля . . . 329
193. Отравление Скопина . . . 330
194. Отравление Скопина . . . 332
195. Отравление Скопина . . . 332
196. Отравление Скопина . . . 333
197. Осада Смоленска . . . 335
198. Осада Комарского острога . . . 336
199. Разин уплывает из острога . . . 338

200. Сынок Сеньки Разина . . . 338
201. Сынок Стеньки Разина . . . 339
202. Про незнамого человека . . . 340
203. Сын Разина и два елынчата . . . 340
204. Племянник Разина и татары-поединщики . . . 340
205. Осада Соловецкого монастыря . . . 341
205а. Осада Соловецкого монастыря . . . 342
206. Осада Соловецкого монастыря . . . 344
207. Мать приводит сына на казнь . . . 345
208. Мать приводит сына на казнь . . . 345
209. Князь Голицын возвращается в Москву . . . 346
210. Генерал запродал Москву . . . 346

Исторические песни, относимые к событиям XVIII в.

211. Князь Шереметев и турецкий Влас-мурза . . . 347
212. Шереметьев и пленный шведский майор . . . 347
213. Шереметьев и пленный шведский майор . . . 348
214. Голь кабацкая и солдаты . . . 348
215. Незнамушка . . . 349
216. Солдаты жалуются на Долгорукова . . . 350
217. Атаман Рыжков на корабле . . . 350
218. Атаман Гришков на корабле . . . 350
218а. Гришка-атаман . . . 351
219. Граф Чернышев в темнице у прусского короля . . . 351
220. Граф Чернышев в темнице у прусского короля . . . 352
221. Чернышев в темнице . . . 353
222. Граф Черношлев в темнице у прусского короля . . . 354
223. Черницов в светлице . . . 354
224. Чернецов в светлице у татар . . . 355
225. Чернышев в светлице . . . 355
226. Прусский король просит слуг снести ему голову . . . 356
227. Шведский король требует возвращения городов . . . 356
228. Шведский король требует возвращения городов . . . 357
229. Шведский король требует возвращения городов . . . 357
230. Шведский король требует возвращения городов . . . 358
231. Смерть генерала . . . 358
232. Генерал хмелен от ран . . . 358
233. Суворов хмелен от ран (Смерть Суворова) . . . 359
234. Казаки и нерусский салтан . . . 360
235. Нападение киргизов на спящих казаков . . . 361

Дополнения

236. Калин-царь . . . 361
237. Илья и татарин . . . 362
238. Теща в плену у зятя . . . 363
238а. Теща в плену у зятя . . . 363
239. Братья-разбойники и сестра . . . 364
240. Братья-разбойники и сестра . . . 365
241. Добрыня и Алеша . . . 366
242. Муж жену губил . . . 368
243. Муж жену губил . . . 368
244. Насильственное пострижение . . . 369
244а. Насильственное пострижение . . . 369
245. Небылица . . . 370

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примечания . . . 372
Список принятых сокращений . . . 453

Указатель сюжетов и некоторых мотивов-перенесений в публикуемых и непубликуемых текстах 460
Указатель гидронимов 467
Указатель топонимов 468
Алфавитно-гнездовой указатель собственных имен и некоторых нарицательных персонажей 470
Словарь 476
Указатель мест записи текстов 482
Указатель певцов и рассказчиков 484
Указатель собирателей текстов 486
Summary 488

Научное издание

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Редактор издательства *М. А. Лапшина*

Художественный редактор *В. И. Шумаков*
Технический редактор *Л. П. Минеева*
Корректор *И. А. Абрамова*

ИБ № 42572

Сдано в набор 17.12.90. Подписано в печать 28.11.91. Формат $75\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского. Фотонабор. Усл. печ. л. 39,4. Усл. кр.-отт. 40,6. Уч.-изд. л. 36. Тираж Заказ № 1012.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034 Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовит к выпуску в 1992 г. следующие книги серии

«Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»:

Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос

Олонхо «Кыыс Дэбилийэ» (4969 стихов), записанное от певца-сказителя Н. П. Бурнашева (1846—1950), принадлежит к лучшим образцам якутского эпоса и относится к типу сказаний о женщинах-богатырках. Его текст и перевод публикуются впервые. Олонхо повествует о борьбе родоначальника-первопредка якутов с темными силами Нижнего мира. Призванная на помощь Кыыс Дэбилийэ выступает защитницей своих сопплеменников и устроительницей их мирной созидательной жизни. Ценность изданию придают комментарии, словари, грампластинка.

Книгу можно заказать в магазинах «Академкнига».
Заказы направляйте по адресу:
630090 Новосибирск-90, Морской проспект, 22.

Бурятские волшебные сказки.

В книгу включены волшебные сказки, наиболее известные в разных регионах проживания бурят. Отобраны образцы на собственно бурятские сюжеты, сказки, близкие международным типам, а также тексты, представляющие собой народные устно-поэтические версии таких произведений средневековой монгольской письменной литературы, как «Панчатантра», «Волшебный мертвец», «Море притч» и др. Популярные во все времена сказки влекут к себе занимательностью сюжета, прекрасным образным языком. Ценность изданию придают комментарии, словари, грампластинка.

Книгу можно заказать в магазинах «Академкнига».
Заказы направляйте по адресу:
630090 Новосибирск-90, Морской проспект, 22.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Легендарные. Новеллистические. Бытовые.

В книгу включены записанные в разные годы русские бытовые сказки, широко распространенные по всему сибирскому региону. Во вступительной статье прослеживаются история бытования сказок, влияние специфических сибирских условий на формирование русской сказочной традиции края, раскрывается взаимосвязь с фольклором аборигенов, исследуются художественные особенности жанра.

Книгу можно заказать в магазинах «Академкнига».
Заказы направляйте по адресу:
630090 Новосибирск-90, Морской проспект, 22.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ!

Книги можно предварительно заказать в магазинах Всесоюзной фирмы «Академкнига», в местных магазинах книготорговили потребительской кооперации.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Всесоюзной фирмы «Академкнига»; 252208 Киев, проспект Правды, 80а, магазин «Книга — почтой»; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»)
370001 **Баку,** ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»
720001 **Бишкек,** бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»)
232600 **Вильнюс,** ул. Университето, 4 («Книга — почтой»)
690088 **Владивосток,** Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»)
320093 **Днепропетровск,** проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»)
734001 **Душанбе,** проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»)
620151 **Екатеринбург,** ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
375002 **Ереван,** ул. Туманяна, 31
664033 **Иркутск,** ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)
420043 **Казань,** ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»)
252030 **Киев,** ул. Ленина, 42
252142 **Киев,** проспект Вернадского, 79
252025 **Киев,** ул. Осипенко, 17
277012 **Кишинев,** проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»)
343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»)
660049 **Красноярск,** проспект Мира, 84
220012 **Минск,** Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»)
103009 **Москва,** ул. Тверская, 19а
117312 **Москва,** ул. Вавилова, 55/7

630076 **Новосибирск,** Красный проспект, 51
630090 **Новосибирск,** Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
142284 **Протвино** Московской обл., ул. Победы, 8
142292 **Пущино** Московской обл., МР, «В», 1 («Книга — почтой»)
443002 **Самара,** проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»)
191104 **Санкт-Петербург,** Литейный проспект, 57
190164 **Санкт-Петербург,** Таможенный пер., 2
194064 **Санкт-Петербург,** Тихорецкий проспект, 4
700000 **Ташкент,** ул. Ю. Фучика, 1
700029 **Ташкент,** ул. Ленина, 73
700070 **Ташкент,** ул. Шота Руставели, 43
700185 **Ташкент,** ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»)
634050 **Томск,** наб. реки Ушайки, 18
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
450025 **Уфа,** ул. Коммунистическая, 49
310078 **Харьков,** ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»)